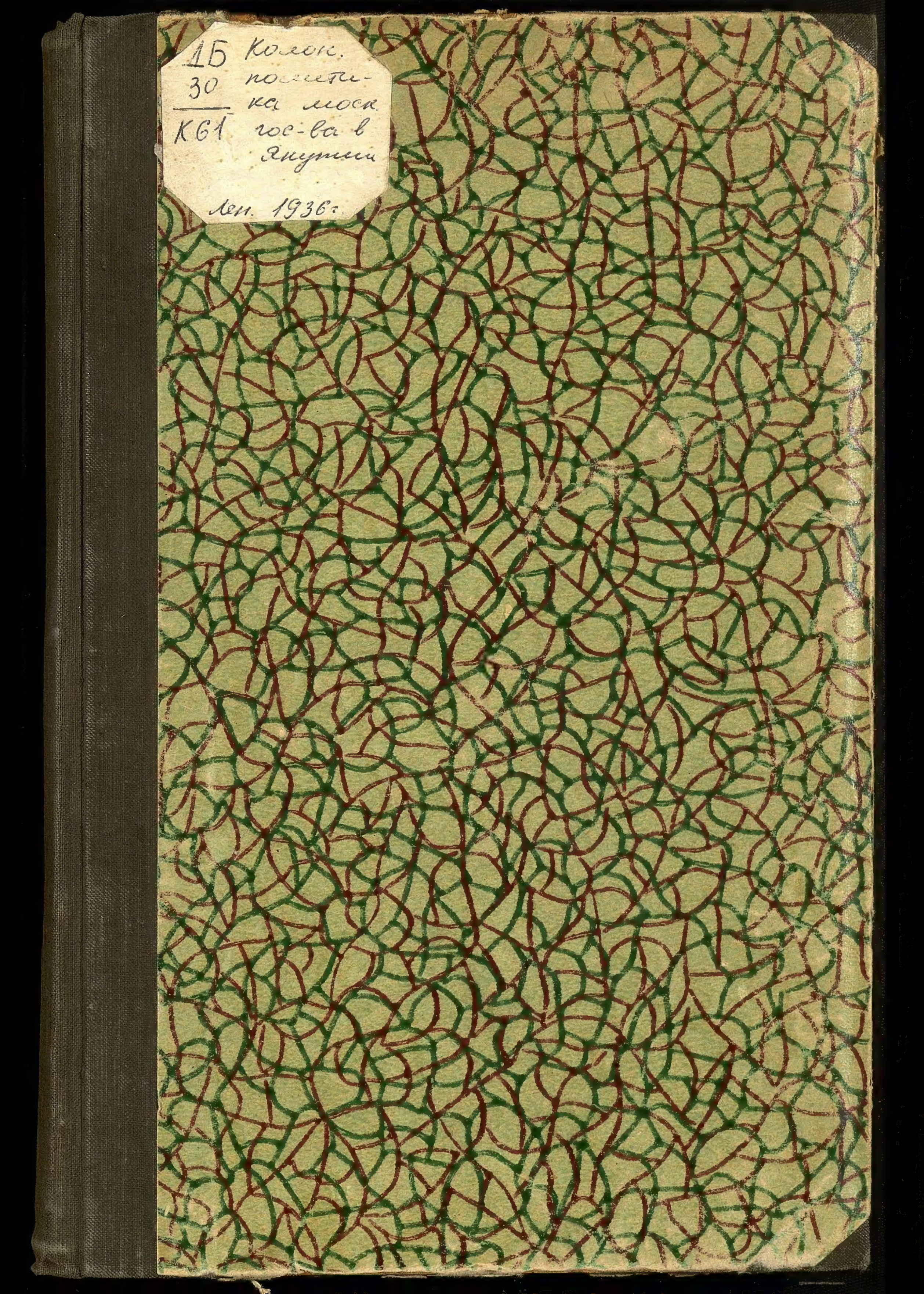
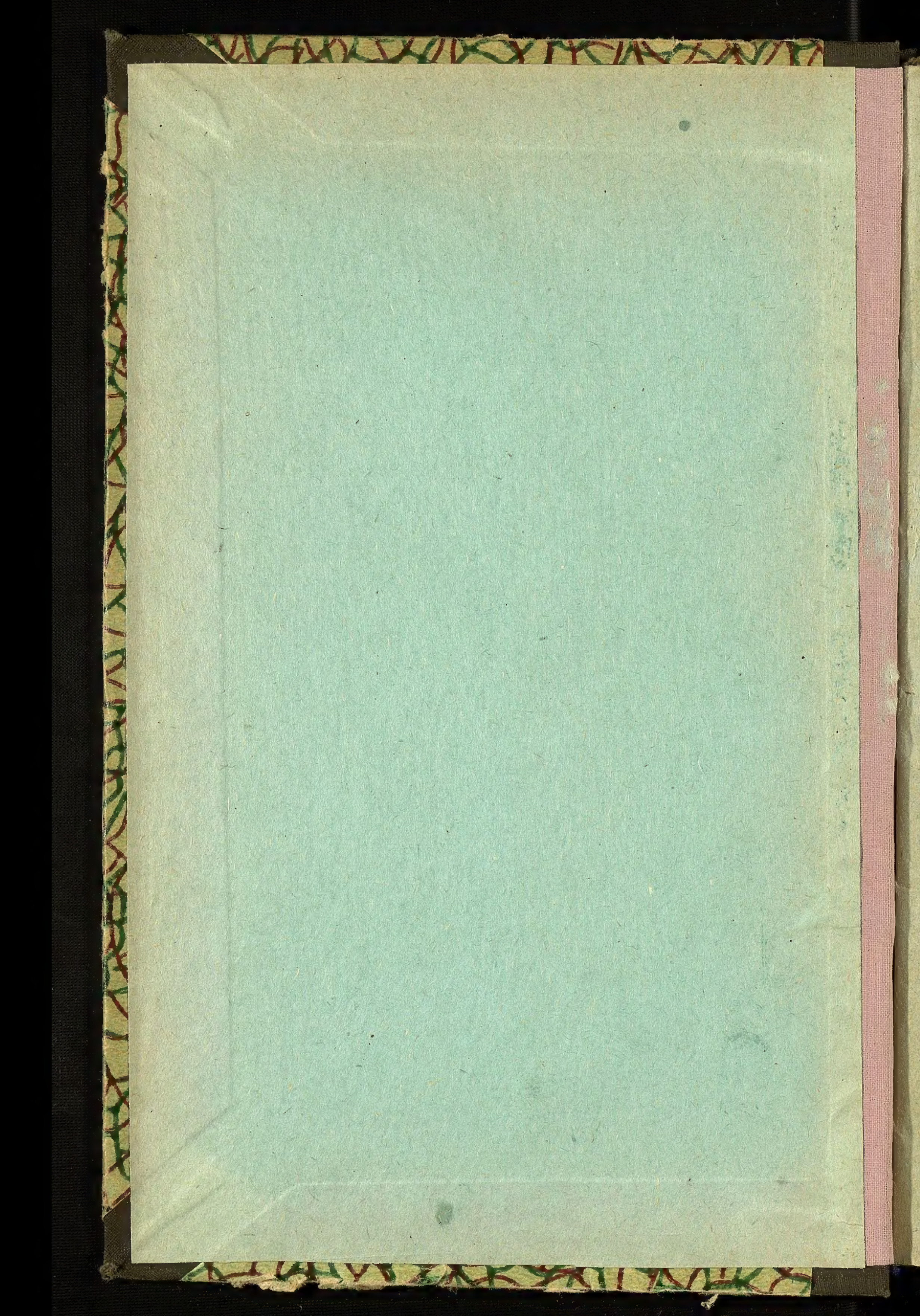
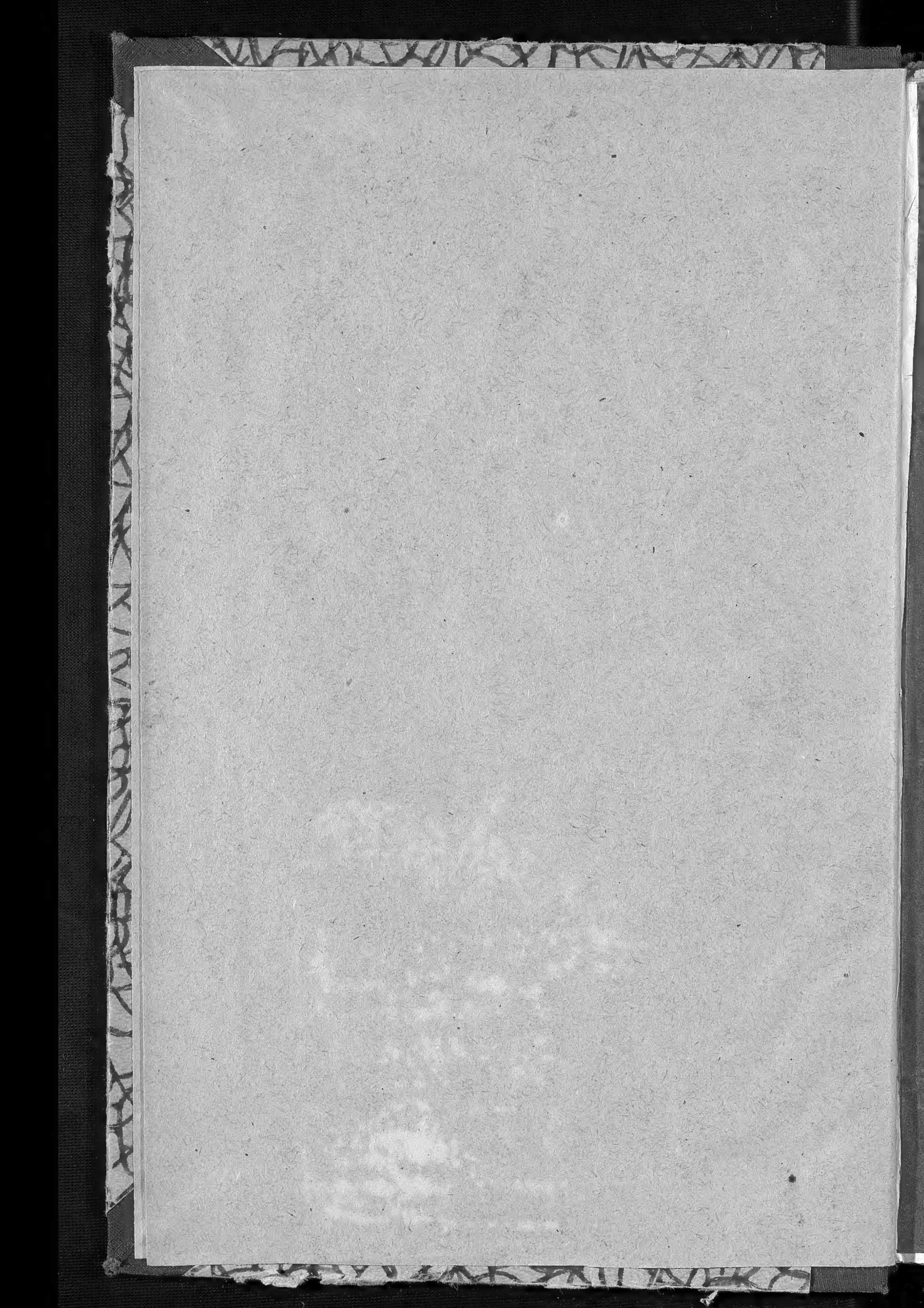

1Б
30
К61
Колон.
полити-
ка моск.
гос-ва в
Якутии
Лен. 1936 г.





Колониальная политика московского государства в Якутии XVII в.

Сборник архивных документов

Издательство Института народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича

Ленинград 1936

о и тем меньше, стало быть, должен быт
наоборот. Для проверки мы взяли средние
численных возрастных групп для ряда ко
ками оказались группы животных по 2-м
х с вычисленным для каждого

Коровы 3 телят, живой вес в кг

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
АССОЦИАЦИЯ ИНСТИТУТА
НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР
им. П. Г. СМИДОВИЧА

ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ ТОМ I

ТРУДЫ ИСТОРИКО-АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА АКАДЕМИИ НАУК СССР
Т. XIV
МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР
ВЫП. 5

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В ЯКУТИИ XVII В.

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
Я. П. АЛЬКОРА и Б. Д. ГРЕКОВА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И. М. ТРОЦКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР
ЛЕНИНГРАД ИМ. П. Г. СМИДОВИЧА 1936

The Scientific Research Association of the Smidowitch Institute of the Peoples of the North under the Central Executive Committee of USSR
TRANSACTIONS TO HISTORY — VOL. I

The Historico-Archaeografical Institute of the Academy of Sciences of USSR—VOL. XIV.
MATERIALS TO HISTORY OF THE PEOPLES OF USSR — ISSUE 5

THE COLONIAL POLICY OF THE MOSCOW STATE AT THE YAKUTIA IN THE XVII CENTURY

Archive materials

Compiled and prefaced by I. M. Trotzky
Editors I. P. Alcor and B. D. Grekov

Leningrad 1935

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непременный секретарь акад. В. П. Волгин

Июнь 1935 г.

Ответств. редактор Я. Алькор — Технич. редактор Д. Кологради

Сдана в производство 12. II. 1935. Подписана к печати 10/II. 1936. Кол. тип. зн в 1 б. л. 15400. Стат.-ф. 72×110. Авт. л. $21^1/_4$. Бум. л. 7. Тираж 15000 экз. Ленгорлит № 12572. Зак. № 1568.

Типография „Коминтерн“ и школа ФЗУ им КИМ'а. Ленинград, Красная ул. 1.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЯКУТИИ XVII ВЕКА

Документов по истории Сибири XVII в. в старых изданиях было напечатано больше, чем по истории любой другой колонии Московского государства этого времени. А среди сибирских источников, опубликованных преимущественно в изданиях Археографической комиссии («Акты исторические» и «Дополнения к Актам историческим»), [1] пожалуй, наибольшее в количественном отношении место занимают материалы по истории народов Якутии.

И тем не менее, не только эта история до сих пор не написана, но целый ряд существенных ее проблем даже еще не поставлен, хотя для последней цели материала в опубликованных документах было достаточно. Правда, основной архивный фонд по истории Сибири XVII в. и Якутии в частности — архив Сибирского приказа — при огромном количестве хранящихся в нем документов все же отражает в основном деятельность центрального учреждения и поэтому сравнительно слабо иллюстрирует внутреннюю жизнь колонии; [2] но публикации ДАИ строились в основном на материалах Якутской воеводской избы, правда, не по подлинникам, а на основании подчас довольно неисправных копий, снятых Г. Ф. Миллером во время его знаменитой сибирской экспедиции. Впрочем, Миллер заказывал свои копии без особой системы, а у издателей ДАИ если и была какая-нибудь система, то меньше всего построенная с расчетом на выявление социального строя сибирских народов. Поэтому материал Якутской воеводской избы оказывается до настоящего времени неиспользованным, и документы настоящего тома показывают, какие еще ценные данные в нем хранятся.

Дело однако, повторяем, не в недостатке источников, а в тех отправных точках зрения, из которых исходили немногочисленные дворянские и буржуазные историки, писавшие по вопросам истории Сибири. Соответственно общим для них великодержавным установкам сибирские туземцы рассматривались как дикари, а военно-феодальный грабеж сибирских колоний — как осуществление исторической колонизационно-культурной миссии России. Эта точка зрения, с ...ительными вариантами, господствовала до революции и проникла и в пореволюционную ...туру. Так, в сравнительно недавней работе известного специалиста по истории Сибири ... Бахрушина мы находим донесенную до наших дней в нетленном состоянии колониза...ю установку Соловьева — Ключевского: «Русское продвижение на восток, через «Камень», ...рную Азию, завершившееся захватом всего пространства земли от Урала до Тихого океана, ...ся продолжением того длительного процесса освоения русским племенем путем колониза...осточно-Европейской равнины, значение которого в русской истории так блестяще выяснил ... Ключевский». [3] Соответственно схеме последнего С. В. Бахрушин видит в завоевательных ...дициях Строгановых не экспансию московских феодалов, а защиту их от встречной агрес... зауральских «окрестных инородцев». [4] Он остается последовательным и в оценке культурного ...ия сибирских народностей. О некоторых сибирских племенах он говорит как о «дикарях, ...евавших в северных тундрах и в лесах по берегам Енисея и Лены, лишенных намека на ...ую-либо самую примитивную форму общежития» (?!). [5] И самый хищнический метод колони...ного грабежа — ясак — под его пером приобретает довольно безобидный вид: «... русский ...к органически вырос из тех туземных ясаков и алманов, которые русские нашли на местах ...ибири, и лишь постепенно разновидности местных форм обложения подводились московским ...вительством под известную общую форму». [6]

---

[1] Ниже всюду сокращенно: АИ и ДАИ.

[2] Автор монументального «Обозрения столбцов и книг Сибирского приказа» Н. Оглоблин замечает, что «... по таким обширным уездам, как ... Якутский, уцелело чрезвычайно мало челобитных дел» ясачных людей (ор. cit., ч. III, стр. 156—157).

[3] Проф. С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., стр. 143.

[4] Ibid., стр. 95.

[5] Ясак в Сибири в XVII в., «Сибирские огни» 1927, май—июнь, стр. 107.

[6] Ibid., стр. 103.

IV

С. В. Бахрушин является наиболее крупным представителем предреволюционной сибирской историографии. Не трудно показать, что и его предшественники исходили из той же точки зрения. Мы найдем ее и у Буцинского, открывшего свою работу [1] эпиграфом из «Книги глаголемой космография» о «земле Сибири нарицаемой зверообразных людей»; и у Головачева, считавшего, что история даже Западной Сибири начинается лишь с появления Ермака, а до того «...представляет главным образом лишь династические споры между ханами»; [2] и у нынешнего «евразийца», уже тогда обосновывавшего начала своей теории, Вернадского, заявлявшего, что «Сибирь — колония особого рода, не отделенная океаном от метрополии, вполне доступная стихийному движению русской народности, представляет прямое продолжение русской жизни по сю сторону Камня». [3] В последней формулировке мы, впрочем, замечаем некоторый прогресс, именно признание наличия между Москвой и Сибирью в XVI и след. веках отношений метрополии и колонии; но в основном автор остается на тех же позициях.

Следует отметить, что буржуазная историография, особенно связанная с кругами позднего сибирского областничества, проводила еще одну дополнительную идею — о «народной» (в противоположность правительственной в других местах) колонизации Сибири. Особенно ярко эта идея выражена в цитированной выше статье Головачева: «Не только лица, занимавшие официальное положение, играли на самом деле незначительную и невлиятельную роль, но даже землеискатели, вожди казачьих дружин, как Хабаров, Поярков, Атласов, были лишь представительными главами своих дружин, исполнителями их коллективной воли, общих планов. В случае столкновения воли коллективной и воли личной побеждала обыкновенно первая. Не отдельные личности, а сами народные массы были двигателями сибирской исторической жизни, деятелями местной истории. Так продолжалось в течение всего XVII и даже части XVIII в., пока, наконец, петербургское правительство в интересах централизации, единообразия, внешнего благополучия не стало подрезывать буйные всходы самобытной народной жизни в Сибири... Сибирь XVII в. представляла собой благодарную арену, на которой свободно могли проявиться и развиться все основные черты духа северных великоруссов». [4]

Эта идея, не всегда в такой выпуклой форме, выступает в писаниях большинства буржуазных историков, работавших в Сибири, и находит свое отражение и у Бахрушина. [5]

В противовес этой тенденции Вернадский справедливо замечал, что «нельзя провести строгого разграничения между представителями государства, «служилыми людьми» и носителями частных интересов, людьми торговыми и промышленными». Однако, соответственно своей точке зрения на государство как некоего демиурга истории, он тут же прибавлял: «Те и другие одинаково «государевы люди», потому, что делают одно и то же государево дело, ищут «великого государя прибыли». [6]

Ошибочность обеих точек зрения происходит от общей причины. Выделяя государство в некоторую надклассовую организацию, буржуазные историки изучали не различные социальные потоки колонизаторов, между которыми, как увидим ниже, шла напряженная классовая борьба, а противопоставление «государственной» и «вольной» колонизации, причем предпочтение отдавалось сообразно политическим взглядам того или другого автора. Понять, что и Грозный и Строгановы являются представителями общих интересов, независимо от того, в чью непосредственно казну шли доходы от новых «землиц», было не под силу буржуазным историкам. Соответственно указанным их позициям строилась и проблематика.

Так, изученной оказалась внешняя история завоевания Сибири; много внимания было уделено воеводской администрации и вообще организации власти, ряд этюдов посвящен положению служилых, торговых и промышленных людей и отдельным экспедициям. Но уже проблемы отношения к туземцам, хотя бы в плане «обложения», изучены гораздо хуже, а внутренний строй сибирских народов академической наукой не изучался вовсе. Этими вопросами занялись крае-

---

[1] П. Н. Буцинский. Заселение Сибири и быт первых ее насельников, Харьков, 1889.

[2] П. М. Головачев. Ближайшие задачи исторического изучения Сибири, «Журн. Мин Нар. Просв.», 1902, IX, стр. 53.

[3] Г. В. Вернадский. Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII в., «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1915, IV, стр. 392.

[4] Op. cit., стр. 57.

[5] См., напр., В. И. Огородников. Очерк истории Сибири до начала XIX ст., ч. I, Иркутск 1920, стр. 4. С. В. Бахрушин пишет в «Очерках»: «...дело открытия и завоевания Сибири с начала XVII в. идет в значительной мере помимо Москвы. Москва вступает в дело лишь тогда, когда нужно завершить начатое завоевание и организовать управление вновь присоединенными областями» (стр. 160).

[6] Op. cit., стр. 353.

веды-этнографы, среди которых было не мало политических ссыльных. Так якутская этнография возникла в значительной степени трудами ссыльных представителей различных оттенков народничества — И. А. Худякова, Э. К. Пекарского, Н. А. Виташевского, Л. Г. Левенталя, В. Серошевского и др. Но и общеметодологические их установки, эклектические и генетически восходившие к первым этапам буржуазной этнологии, и отсутствие специальной подготовки делают их выводы с точки зрения современной исторической науки весьма сомнительными. А между тем построения этих этнографов цитируются безоговорочно и в нашей марксистской литературе.[1]

В настоящей статье мы не предполагаем дать сколько-нибудь исчерпывающую картину колониальной политики Московского государства и состояния якутского общества в XVII в. Наша цель гораздо скромнее: подчеркнуть те проблемы (плохо изученные или вовсе не изученные), которые стоят перед историками Якутии и отчасти выдвигаются материалами настоящего сборника.

* * *

Мы только что отметили, что история завоевания Сибири и организация сибирской администрации привлекали преимущественное внимание старой историографии.

Было бы грубым упрощением сказать, что буржуазные историки замалчивали злоупотребления сибирских сатрапов. Наоборот, они всемерно подчеркивали безудержную жестокость, грабежи и самодурство местных сибирских владык и их прислужников. Вот как изображает, например, Буцинский передвижения по Сибири «государевых служилых людей»: «Но как «приборные» служилые люди, так и «переведенцы» свое путешествие в Сибирь сопровождали страшными разбоями и грабежами... Едва только делалось известным приближение казаков и стрельцов к городу или селу, как жители запирали дома, прятали жен и дочерей, угоняли в леса скот и с ужасом ожидали этой орды».

Не скрывает он и страшного вымирания местных народностей под влиянием колонизаторской политики. Так, по его словам, по окончании «периода завоевания» изученных им уездов Западной Сибири, «в них инородцев осталось не более 4000 человек взрослого мужского пола, хотя несомненно, что до похода Ермака их было по крайней мере в десять раз больше».[2]

Дело оказывается не в фактах, а в их интерпретации. «Инородцы» вымирали, но по собственной вине, так как оказывали бесполезное сопротивление русским «цивилизаторам». А воеводский грабеж лишний раз подчеркивает заботливость о местном населении центрального правительства, смещавшего воевод и наказывавшего их.[3] Позднее Н. Фирсов, говоря о том же вымирании сибирских народов, в частности камчадалов, подводил под политику царизма новое оправдание: «... подобная судьба постигла и некоторых других народцев Сибири и, разумеется, постигла бы всех, если бы не громадный культурный прогресс метрополии, если бы не проникновение верховной власти принципом разумной государственной экономии, совпадающей и с великими началами гуманности и с настоящими, непреходящими политическими и общественными интересами России в Сибири».[4] Таким образом в XX в. можно было признать наличие колониального грабежа в XVII—XVIII в., но в отношении царизма позднейшего времени делались почтительные реверансы.

По отношению к Якутску сводка воеводских злоупотреблений была произведена уже давно, в одном из первых краеведческих изданий.[5] Наиболее отдаленная от центра сибирская колония, Якутия представляла особо удачное поле для административного разгула и обогащения воевод. Недаром Оглоблин замечает по этому поводу: «из всех сибирских городов наиболее не-

---

[1] См., напр., Л. Мамет. Колониальная политика царизма в Якутии в XVII—XIX вв. в сборнике «100 лет якутской ссылки», М. 1934.

[2] Op. cit., стр. 191—192, 297. (Самая статистика Буцинского основана на неточных расчетах, но нас интересует его тенденция).

[3] Эта точка зрения оказалась чрезвычайно живучей — см. В. Огородников, Русская государственная власть и сибирские инородцы, «Сборник Иркутского Государственного Университета», вып. 1, 1921 г. Огородникову вторит и автор единственной сводной работы по истории Якутии, с серьезным видом уверяющий: «Правительство пытается снискать авторитет у туземцев Сибири, когда предписывает воеводам всячески оберегать инородцев, не делать им обид, держать «ласку и привет». Даже больше. Некоторые мероприятия правительства прямо проявляют больше заботливости к инородцам, чем к русским...» (Г. А. Попов. Очерки по истории Якутии. Якутск 1924, стр. 57).

[4] Чтения по истории Сибири, в. I, М. 1920, стр. 45.

[5] И. С. Москвин. Воеводы и начальники г. Якутска и их действия, «Памятная книжка Якутской области» за 1863 г.

счастным был на воевод отдаленный Якутск: почти все последовательно сменявшиеся здесь воеводы обязательно заканчивали свою воеводскую службу сыском о ней».[1]

Действительно, каждый якутский воевода мог быть заранее уверен, что в наказе его преемнику будет по его адресу сказано много обидных слов: что при прежнем воеводе «было ясачным людям великое небреженье», а служилым и торговым и промышленным людям творились великие обиды. Впрочем, он знал наперед, что и его преемник будет таким же манером насильничать, подобно воеводе Францбекову, «животы» которого к моменту сыска о нем оценивались в колоссальную по тому времени сумму — 12742 р. 21 алт., 4 деньги.[2] По части всяких поборов и с туземцев и с самих же колонизаторов якутские воеводы перещеголяли даже таких деятелей сибирской администрации, как енисейский воевода Голохвостов, о котором соответствующая грамота говорила, что он «... прибирает в нашу государеву службу гулящих и промышленых людей и от того емлет наше государево денежное и хлебное и соляное жалованье, годовые оклады ... да он же Василий, для своих пожитков, отдает на откуп помесячно зернь и корчму, и безмужных жен на блуд, и от того емлет себе откуп рублев по сту и больши, и тем блудным жонкам велит наговаривать на проезжих торговых и промышленных людей напрасно, и тех ... людей, по их оговору, без сыску и без роспросу, сажает в тюрьму ... и от того емлет ... по сороку и по два сорока соболей, а с иных емлет деньгами рублев по тридцати и больши».[3] Приводимый в настоящем сборнике документ о злоупотреблениях якутского воеводы Лодыженского дает еще более красочную картину «воеводского кормления».[4]

Но если вопрос о воеводских злоупотреблениях представляется в основном ясным и речь может итти только о дополнительных иллюстрациях, то все же деятельность воевод нельзя признать достаточно изученной. Даже самые злоупотребления трактуются в общем по некоторому трафарету, без анализа дополнительных моментов. В частности мы имеем в виду подвиги известного Петра Головина, первого якутского воеводы, которому в настоящем томе уделено довольно много места.

О деятельности Головина мы знаем больше по показаниям его врагов, но черты его из ряду вон выходящей жестокости по отношению и к якутам, и к своим недругам в самом Якутске несомненны. В исторической литературе акцент ставится именно на этих качествах Головина. «Подозревая в измене своих товарищей, Головин для добычи улик безвинно мучил и русских и якутов. Так, напр., не добившись ложных показаний, велел повесить из лучших якутов и аманатов 23 чел., других подверг кнуту и мертвых повесил. Жестокость Головина не знала границ: у якутов резали носы и уши, выкалывали глаза, вешали за ребра и закапывали живых в землю. С целью наживы Головин прибавил якутам налоги, вчетверо взыскивал ясак и поминки. С бедных вместо ясака отбирал скот».[5]

Все это совершенно верно, но, если отбросить жестокость самих казней, продиктованную, повидимому, индивидуальными особенностями Головина, не представляет ничего оригинального. Тот же Попов вслед за цитированным текстом добавляет: «Точно таким же был и следующий воевода В. Н. Пушкин». Действительно, если Головин суровой рукой приводил в покорность восставших якутов, то не надо забывать, что он был первым якутским воеводой, и именно ему предстояло сломать сопротивление «ясачных людей» и их «князцов», не желавших браться в ясак. Таким образом, большие восстания якутов при Головине были естественным ответом на московскую колонизацию; и, посылая карательные экспедиции против восставших, Головин выполнял лишь обычную заповедь московской колониальной политики: «будет в тех новых земли-

---

[1] Op. cit., ч. II, стр. 874. Ср. Г. А. Попов. Op. cit., стр. 34—37, где приведен список сысков и даны краткие характеристики воевод.

[2] Оглоблин. Op. cit., ч. III, стр. 182. Так как воеводское накопление шло в значительной степени в ущерб государственным доходам, правительство пыталось лимитировать его, установив осмотр и оценку воеводского имущества при возвращении воевод из Сибири: «А по нашему указу всем сибирским воеводам из сибирских городов велено везть для своих проездов к Руси денег: тобольским и омским, ленским большим воеводам по пятисот рублев, а товарищам их и дьякам, и иных городов воеводам, и письменным головам с братьями и детьми, и с племянниками, и с людьми по триста рублев воеводе и дьяку, и голове; а сколько за тем числом ... в обыску денег объявится, и те лишние деньги потому ж имати на нас» (грамота томскому таможенному и заставному голове Петру Митрофанову от 8/III 1648 г. — Ин. Кузнецов. Исторические акты XVII ст., Томск 1890, стр. 13). На практике эти ограничительные меры ни к чему не приводили.

[3] Грамота енисейскому таможенному голове Ф. Звягину от 2/II 1665 г. АИ, IV, стр. 346—347.

[4] Настоящий сборник, стр. 56 след.

[5] Г. А. Попов. Op. cit., стр. 35—36.

цах . . . князцы и всякие ясачные люди не похотят быть под государевою . . . рукою и учинятца государю не послушны, и ясаку с себя и с своих улусных людей не учнут давать, и . . . прося у бога милости, поиск над ними чинити и промышляти и битца с ними, сколько милосердый бог помощи подаст, чтоб они впредь были под государевою царскою высокою рукою послушны и стоятельны и в вечном холопстве не отступны».[1]

Точно так же и сбор дополнительного ясака, наложенный Головиным на якутов, применялся и впоследствии — один из его преемников, воевода Лодыженский собрал (и повидимому обратил в значительной степени в свою пользу) дополнительный ясак за 17 лет.[2] Особенности управления Головина мы видим не столько в угнетении туземцев (здесь он только открыл эту кровавую страницу истории Якутии), сколько в его обращении с подвластными ему русскими.

Можно предположить, что в показаниях врагов Головина имеется значительная доля преувеличения. И все же даже для XVII в. его методы обращения со своими подчиненными представляются необычайными: «А пытал он Петр нас холопей и сирот твоих и жон наших позорил многими розными пытками в пойма по 2 и по 3 и по 4, а намучивал на товарищов своих, и давал ударов кнутних на одной пытке ста по полутора и больши, и на костре огнем жог и встряски многие давал и воду на голову лил со льдом, и щуп и жилы клещами горячими железными тянул, и у рук мышки огнем жог, и голову клячем воротил, и по естеству по тайным удом прутьем стегал, и ребра ломал, и свечами спину жог, и уголье и пепел горячий на спину сыпал, и за ногти спицы колотил. Да сверх, государь, тех пыток приговаривал и велел ушник его Давыдко Матвеев на горячую сковороду ставить, и на волосяную веревку посадя нагово по веревке волочить».[3]

Наши сведения о причинах действия Головина довольно скудны. Но размах они приняли большой, и все население Якутска, очевидно, разделилось на две партии — Головина и его противников, Глебова и Филатова. Сторонники тех и другого, надо думать, имелись в различных слоях русского населения Якутска, но любопытно, что ряд моментов свидетельствует об использовании Головиным социальных низов Якутска, что несомненно должно было вести к обострению классовой борьбы. Во всяком случае, большинство служилых людей, повидимому, выступали против Головина; в частности они жаловались, что «торговые и промышленые люди ходят де на двор к Петру Головину человека по два и по три ночью и бывают долгое время и сходят де от него Петра с двора пьяны, и их де служилых людей лают и грозят, и бьют их по щекам, и меж де их воевод они торговые и промышленые люди ссорят; и они де, государь, чают меж служилых и торговых и промышленых людей ссоры большие».[4] Точно так же и наш документ, подписанный, правда, и частью обиженных Головиным торговых и промышленных людей, свидетельствует, что среди «потаковников» жестокого воеводы видную роль играли «русских городов торговых людей приказщики».[5] Кроме того Головин прибирал «вновь в службу ис промышленых и из гулящих людей»[6] в таком количестве, что «старые служилые» люди растворялись среди этих ставленников Головина. Не следует упрощенно понимать и политику Головина в отношении якутов. Он, действительно, разговаривал с непокорными ему якутами языком огня и меча: «Да Петр же Головин посылал писмяного голову Василья Пояркова с служилыми людьми к якуцкому князцу Камыку в улус: у того князца был сделан городок, и в том улусе того князца Камыка с его улусными людьми, с женами, с детьми сжег человек с триста, и скот их отогнал, и животы их поимал».[7] Вместе с тем Головин проводил по отношению к якутам довольно сложную политику. Именно, он использовал якутов в качестве свидетелей против своих русских недругов, обещая им за это всякие милости, «и на то они прельстилися, учали говорить на нас, холопей и сирот твоих».[8] Самый факт вовлечения местных жителей во внутренние споры колонизаторов не очень обычен и свидетельствует о попытке Головина опереться и на какую-то часть князцов; и если все обвинения этого рода не измышлены врагами Головина, то нет ничего удивительного в неудачах ясачных сборщиков 1643 г.: «И за тем, государь, его Петровым нерадением многих зимовьях на Вилюе и в Жиганех . . . учинился недобор; и мы, холопи твои, твоего государева ясаку прашали с них, и твоим царским величеством им грозили,

---

[1] ДАИ, II, стр. 162.
[2] Настоящий сборник, стр. 58.
[3] Настоящий сборник, стр. 28.
[4] ДАИ, III, стр. 35.
[5] Настоящий сборник, стр. 29.
[6] Настоящий сборник, стр. 46.
[7] ДАИ, III, стр. 36.
[8] Настоящий сборник, стр. 27.

и оне, государь, нас холопей твоих бьют и позорят и твоих государевых подарков бросают и собакам на шею вяжут и в огонь мечут, а твоего государеву ясаку дают невежливо и нотами пинают и по земле бросают, а называют нас холопей твоих худыми людьми: в а с д е П е т р П е т р о в и ч к н у т о м п е р е д н а м и б ь е т, а м ы д е в о з л е н е в о с е д и м...»[1]

Обращает на себя внимание и отношение Головина к «людям» его противников. Используя их в качестве свидетелей против господ, он, повидимому, обещал им не более не менее, как свободу: «А говорил им он Петр в съезжей избе... говорите де на бояр своих и на всяких людей без боязни, а вам де у бояр своих не бывати... И Матвеевы и дьячьи люди то слыша... чаяли бояром своим от нево Петра замореным быти, а нам холопем и сиротом твоим замученым, и на ево... Петрову ласку прельстилися,... кого он Петр чем поклепал, а оне по нем притакивали».[2]

События принимали большой разворот. Таких воевод, которые мобилизовали бы против своих недругов боярских холопов и «ясашных людей», мы более в Якутске не встречаем, несмотря на все разнообразие и самодурство якутских помпадуров XVII в. Можно думать, что, попав в новую и очень далекую колонию, Головин почувствовал себя полновластным царьком и перестал считаться с метрополией и ее социальной иерархией. Любопытно выражение поданной на Головина челобитной: «Самую, государь, о п р и ш н и н у заводил бесстрашно, а мы, холопи твои подобострастны, самовластною дуростию в такой ево неправде никакова дурна не заводили...»[3]

Что в далекой Якутии отношение к центральной власти менялось даже у представителей господствующих классов, показывают и другие примеры. Так, по «сыску» жильца Приказа тайных дел Ф. Охлопкова оказался извет на сына боярского Якова Шульгина, который «в день ангела великого государя говорил, вышед в чорном платье: та де радость ему не в радость, кому де радость, тот и празднует, а у него и на уме ево нет».[4] Но на примере Головина мы видим борьбу, охватившую, повидимому, весь руский Якутск и втянувшую даже якутских князцов. Если борьба внутри колонизаторов, как мы увидим ниже, не только не прекращалась, но принимала самые разнообразные формы, то воевода в качестве активного поджигателя этой борьбы нам, повторяем, более не встретится. Поэтому нельзя Головинское дело ставить в один ряд с «злоупотреблениями» его преемников. К сожалению, опубликованный материал не дает пока возможности разглядеть в действиях Головина наличие какой-нибудь системы социальной политики. Но поискать ее в неопубликованных материалах нашего фонда историкам Якутии следовало бы.

* * *

Мы указали, что внешний ход завоевания относительно изучен. Но изучена скорее хронология казачьих экспедиций и построения острожков, чем действительный ход освоения Якутии. Историческая карта Якутии — ближайшая задача ее историков. Здесь нужно будет установить территориальные рамки отдельных народностей — якутов, тунгусов (эвенков), ламутов (эвенов)[5], юкагиров, коряков, чукоч. Нужно будет и определить передвижения, хотя бы в результате русского завоевания — а память об этих передвижениях сохранилась и в фольклоре,[6] и в письменных памятниках. При этом нужно будет обратить внимание и на изменение отношений между отдельными группами туземцев в связи с передвижкой кочевий. Так, одна из цитированных выше челобитных на Головина сообщала: «и от того устрашась многие якуты и князец Бойдой с родники своими человек двести бегал в Вилюйские вершины в горы и собрався там был с иными якуты и с тунгусы человек с четыреста, жил в Вилюйских вершинах и ясаку до 153 году болши дву лет не давал».[7]

---

1 Настоящий сборник, стр. 25. Разрядка моя — **И. Т.**

2 Настоящий сборник, стр. 27.

3 Настоящий сборник, стр. 40. Разрядка моя — **И. Т.**

4 О г л о б л и н. Бытовые черты XVII в., «Русская Старина», 1894 г., кн. 3, стр. 226.

5 Мы вынуждены сохранить устаревший термин «тунгусы», так как в источниках тунгусами называются как эвенки, так и эвены (ламуты). В частности там, где речь идет об охотских тунгусах, почти всегда подразумеваются эвены. Между эвенками и эвенами, однако, уже в ту пору имелись различия как в степени общественного развития, так и в языке. Неточность терминологии русских памятников здесь, как и в ряде других вопросов, затрудняет исследование.

6 «Здесь (в Верхоянском улусе — **И. Т.**) тогда ни одного человека нет. Услыхавши это, бежали сюда и, пришедши, сделалися здесь оседлыми» — И. А. Худяков, Верхоянский сборник, стр. 52.

7 ДАИ, III, стр. 37. Вопрос этот частично, и то в отношении якутов только, поставлен в статье Г. А. Попова «Расселение якутов в XVII и XVIII ст.» Известия якутского отдела Гос. рус. геогр. об-ва, т. III, Якутск 1928.

При составлении этой карты нужно будет учесть и степень освоения различных территорий. Этот момент выясняется как хронологией и топографическим размещением туземных восстаний, так и бытом ясачных зимовий, довольно хорошо отраженным в многочисленных «сказках» и отписках служилых людей. В то время, как в непосредственной близости от Якутска ясак уже не собирался на месте, а доставлялся самими князцами в центр, по далеким северным рекам картина складывалась другая. Туземцы восставали и нападали на зимовья, а то и просто откочевывали, и служилым людям не всегда удавалось быстро подчинить непокорных. Наряду с острожками колонизаторов следует изучить и географическое распределение туземных острожков, упоминания о которых встречаются в наших памятниках.[1]

В изучении колониальной истории значительное место должна занять и игра колонизаторов на межплеменных и внутриплеменных спорах. Здесь сказался накопившийся уже у московских политиков опыт управления колониальной державой. При появлении в Якутии русские уже застали сложный переплет борьбы в первую очередь между тунгусами и наступавшими на них якутами. Борьба эта отразилась в преданиях, бытовавших еще в XVIII в. и рассказывавших о кровавых схватках якутов и тунгусов незадолго до русского завоевания и о победе якутов недалеко от впадения Патомы в Лену. В свою очередь тунгусы наступали на соседние племена. Это обстоятельство отметили и этнографы, пользовавшиеся преимущественно материалом преданий. Так, Серошевский указывал, что «... тунгусы значительно энергичнее и дольше сопротивлялись казацкому нашествию, чем кто-либо из инородцев Вост. Сибири. Якуты покорились почти сразу и без сопротивления... В борьбе русских с тунгусами они всегда принимали сторону первых, подобно тому, как на дальнем северо-востоке, в борьбе русских с чукчами, пришельцы тунгусы помогали пришельцам же русским».[2]

Факты межплеменной борьбы засвидетельствованы и ранее опубликованными документами и материалами настоящего тома. Особенно долго продолжалась, повидимому, эта борьба в местах, наименее крепко освоенных русским владычеством. Так, в 1666 г., по данным отписки К. Лошакова, «...прибежал в острожек от ламутских мужиков юкагир именем Тогурямко с тремя ребятами, сказывал... ламутские мужики юкагирей Ганжу с родом всех побили...»[3] Этому сообщению вторит и челобитная зашиверских ламутов, помещенная в настоящем томе и повествующая, что «в прошлом во 186-м году убили у нас... на соболином промыслу на Ковыме реке ковымские ясачные юкагири и неясачные Ченога с товарыщи вместе родников наших до смерти, а жен и детей их они Ченога с товарыщи взяли себе в полон, а достальных у нас... олени и всякой живот пограбили...»[4] Красочную картину борьбы между юкагирскими и чукотскими князцами[5] дает отписка боярского сына И. Ерастова из Ковымского зимовья 1659 г., при чем русская власть удачно использует эту вражду, посылая «служилых и охочих людей 19 человек, да иноземцов ясашных юкагирей полтораста человек... на тех неясачных убойцов и воровских иноземцев на чюхочь в поход с огненным и лучным боем».[6]

Все эти факты требуют, однако, дальнейшего учета и систематизации, ибо без них нельзя будет до конца понять процесс захвата Якутии и превращения ее в колонию. Не меньший интерес представляет и изучение внутриплеменных конфликтов, значительно облегчавших завоевателям осуществление их целей. Большинство таких споров мы встречаем у тунгусов, что может быть легко объяснено большим количеством тунгусских «родов», кочевавших по огромной территории и часто имевших друг с другом очень мало общего. С этими родовыми счетами москов-

---

1 Выше мы видели острожок у якутского князца Камыка. Приведем еще пример: Ф. Чукичев в отписке 1648 г. сообщает: «.... взял я Федька у коряк два острожка, Антуев острожек да Чепчюгин, а драки было под острожки двои сутки, а людей у нас ранили многих на приступе, и с острожков их выбили всех на реку, и на реке на съемной драке Антуя убили, не ведаючи, а Чипчюга ушел во многих людех» (ДАИ, IV, стр. 147). Очевидно, коряцкие острожки представляли укрепления не хуже русских зимовий. Вот как описывает последние Г. А. Попов: «Зимовье это просто курная изба с печью, вот и все укрепление. Недалеко ставился крест, в отличие от окружающего инородческого населения. Острожки же обводились небольшим частоколом, верхи которого заострялись. Острожки в более отдаленных и важных пунктах имели также и башни. До недавнего времени в Средне-Колымске сохранилась одна полуразвалившаяся башня, как остаток Колымского острога» (Очерки по истории Якутии, стр. 26).

2 В. Серошевский. Якуты, стр. 229. См. также «Памятную книжку Якутской области на 1896 г.», стр. 131.

3 ДАИ, V, стр. 377.

4 Настоящий сборник, стр. 223.

5 Надо иметь в виду, что термин «князец» применялся колонизаторами чрезвычайно широко, объемля различные категории туземных верхов, представлявших разные ступени общественного развития.

6 Настоящий сборник, стр. 64.

ские воеводы сталкиваются с первых же лет завоевания. Так, один из первых документов нашего сборника содержит жалобу тунгусского «шамана» Нириулка на князца Налятцкой волости Звероула, который «с своими родниками и с верхленскими тунгусами пришед на усть Куты реки к ним Нириулку с товарыщи войною, и убили у них брата его Нириулкова князца Чалкича да другого лутчего тунгуса ясачного человека, и чтоб ево Нириулка от того князца Звероула и от его родников и от верхленских тунгусов оборонить и послать с ними на того Звероула служилых людей войною 50 человек и будет тот Звероул и уйдет, и он шеман с теми служилыми людьми возьмет ево Звероулову жену и детей».[1] Впрочем, спустя две недели после первой челобитной Нириулко «бил челом словом» и сообщил, что помирился с Звероулом, «взял головщины две жонки» (последнее обстоятельство наглядно демонстрирует нам процесс изживания кровной мести).

Функцию, аналогичную Нириуловой, выполнял тогда же и князец Можеул, предлагавший ясачным сборщикам вести их на своих неясачных соседей — бурят.[2] В обоих случаях любопытно отметить, что вражда, повидимому, усиливается благодаря приходу завоевателей: объясаченные туземцы помогают русским обложить своих соседей, а противящиеся ясаку выбирают жертвой своего нападения тех, кто уже покорился колонизаторам.

Столкновения между тунгусами встречаются и позже, и в других местах: так, в одном случае мы наблюдаем, как «пешие» годниканы посылаются за «оленными» годниканами.[3]

Несколько другой характер имеют конфликты среди якутов. Начиная с установления якутского воеводства мы встречаем жалобы одних якутов на других, довольно хорошо представленные в настоящем сборнике.[4] Здесь мы встречаем и случаи нападения одних князцов на других, и исковые заявления по поводу краж, угона скота, возвращения калыма и т. п. Дела эти представляют большой интерес для характеристики социального строя якутов, и мы к ним еще вернемся ниже. Во всяком случае они свидетельствуют о значительно дальше зашедшей у якутов общественной дифференциации, хотя и здесь мы встречаемся по преимуществу с столкновениями якутов различных «волостей» (только в одном случае среди исков первых лет, приведенных в настоящем томе, мы находим челобитную якута Батуруской волости на угнавших у него лошадей якутов той же волости).

В этой связи любопытно отметить развитие судебной организации в якутском воеводстве. Первоначально русская власть берет судебные функции на себя. Это, с одной стороны, способствовало снижению прав местной знати, с другой — служило целям «государева прибытка», да, впрочем, и не только государева. Головин, например, не только судил у себя в избе, но и посылал служилых людей по волостям «для росправы по якутцким челобитным»;[5] одним из методов личного обогащения у воеводы Лодыженского было взяточничество при суде. «Да он же Михайло Семеновичь судит якутов о кражах и о убийствах; и оне якуты лутчие князцы тяжутся промеж себя и ищут скотин по 10-ти и по 40-ку и больше друг на друге ищут; и от тех якутов наживает Михайло Семеновичь на год скотин по 200 быков и коров; и он Михайло Семеновичь тот скот на зиму бьет скотин по 100-у и по полтора; и тот скот велит дворецким своим ... по полтине пуд в долг продавать служивым в кабалы до жалованья ... да он же Михайло Семеновичь отдает служивым быки добрые ... и за те быки ему Михайлу Семеновичю приезжают службы и платят ему собольми и деньгами».[6]

Это чудесное превращение быков в соболей может быть, и устраивало изобретательного воеводу, но вряд ли приходилось по вкусу прежним владельцам этих быков. В дальнейшем судебная политика меняется Москвой, повидимому, после челобитья группы якутских феодалов в Москве в 1677 г. Суд переносится на места, причем в суде принимает участие местная знать: «И будет которые якуты учнут бить челом великим государем друг на друга в исках своих, ценою в пять рублев, и тебе в таких исках им якутам суд давать и с суда указ чинить вправду ... вместе с их иноземскими князцы и с лутчими людьми, а без них тебе Евдокиму не судити ...»[7] Эта реформа знаменовала укрепление союза Москвы с туземной знатью, а также стремление центрального правительства несколько урезать права местных властей, слишком интенсивно обогащавшихся в ущерб интересам казны.

---

[1] Настоящий сборник, стр. 2—3.
[2] ДАИ, II, стр. 255.
[3] ДАИ, VII, стр. 294.
[4] Ср. стр. 201 след.
[5] Настоящий сборник, стр. 21.
[6] Настоящий сборник, стр. 61.
[7] Наказ Е. Курдюкову 1685 г. АИ, V, стр. 194. Ср. также настоящий сборник, стр. 131—132.

В дальнейшем по мере укрепления колониального режима и слияния якутских феодалов с правительственным аппаратом судебные функции были возложены целиком на князцов: «...сентября от 19 дня 1732 г.... велено объявить всем ясашным иноземцам, чтоб малые ссоры, яко то: в калыму, в воровстве скота, в побоях и все протчее, кроме кременальных дел и смертного убивства судить и разводить такие ссоры посредственно каждому старшине в своем роду, дабы к тяжбе и волоките не допустить... И когда также малое дело, то судить одному, а когда побольше, то выбрать ис трех родов по два начальника, всего шесть человек...»[1]

Возвращаясь к проблеме завоевания, следует отметить еще один мало изученный момент, препятствовавший успеху московской колониальной политики в южных районах Якутии — это соседство с Китаем и конкуренция последнего. О продвижении в Бурятию, не всегда удачном для русского оружия, говорят и некоторые документы нашего тома. О сношениях южных тунгусов с бурятами сообщил якутским властям упомянутый выше Можеул: «...а по Киренге живут многие тунгусы, а ясак государю платят не все, а соболи продают в Браты на животину и на просо...»[2] Перехватить этот торг в свои руки стало заветным стремлением колонизаторов. Наказная память Осипу Боярщине 1642 г. гласит: «... и им ясачным тунгусам говорить, чтобы они... с тою рухлядью приезжали к государевым к торговым и промышленным людем и с ними тою своею рухлядью на всякие товары меняли и торговали, а в иные ж немирные землицы, в Браты и в Мангалы, с тою мяткою рухлядью не отъезжали и с ними тою рухлядью не торговали...»[3] Активизация русских в Приамурьи, выражавшаяся в экспедициях Пояркова и Хабарова и укреплении Албазина, имела своим результатом встречное наступление со стороны «богдойских людей», не только оказывающих сопротивление казакам и военную помощь бурятским феодалам, но заглядывающих и на Охотское побережье, население которого частично оказалось обложенным двойным ясаком; «живут де они на Уде реке с родниками своими и твой, великого государя, ясак платят в Верхомайском зимовье, а Богдойского де царя люди приезжают и их всякими теснотами теснят и ясак с них емлют», отписывал в 1671 г. в Москву воевода Борятинский. Как видно из той же отписки, китайская агитация захватила и якутов: «...Богдойские люди с твоими великого государя ясачными людьми торгуют и дают им в подарках за соболя кольца серебренные и луки, и азямы, и камки, и иные товары, и призывают к себе в Дауры на Зийские сторонние речки и на Зию реку, и якуты мест проведывают, где бы им откочевать».[4]

Что китайские разведчики приходили не зря, видно из поведения тех самых «майских тунгусов», о которых мы только что упомянули. Не желая, повидимому, платить двойной ясак, они «великому государю изменили и служилых людей Ивашку Карася с товарищи 17 человек побили, — и те тунгусы, коряки торгуют с даурскими людьми и с гиляками... а аманатов преж сего было в том зимовье 13 человек, и те аманаты во 183 г. за малолюдством великому государю изменили и служилых людей побили и ясачную зборную казну и казачьи пожитки унесли с собою».[5] Случаи ухода ясачных якутов в Даурию и к «богдойским людям» в документах встречаются довольно часто.

Как видим, даже проблема колониальной политики в Якутии, с внешней стороны наиболее изученная, требует еще значительного исследования. При этом мы не остановились на целом ряде частностей. А между тем в истории колониальной администрации имеется ряд весьма любопытных деталей. Чего стоит, например, одна история столкновений различных групп колонизаторов в процессе освоения Якутии, на которую с разных сторон двинулись ватаги грабителей — мангазейских, енисейских и томских казаков. Здесь имели место и многократные взимания ясака с одних и тех же туземцев, и вооруженные столкновения конквистадоров между собою. Надо думать, что эта изначальная рознь различных колонизаторских потоков сыграла свою роль и в дальнейшей истории Якутии. Следует отметить также, что враждующие казачьи орды быстро сумели использовать и внутреннюю борьбу колониальных народов. Полагаем, что те, например, якуты, которые вместе с енисейским сыном боярским Парфеном Ходыревым «побили государевых ясачных людей якутов нахарцов» и служилых людей томского атамана Д. Копылова, действовали в союзе с Ходыревым не по одному только принуждению.[6] Наказы

---

[1] Е. Д. Стрелов. Акты архивов Якутской области, т. I, Якутск 1916, стр. 177. Ср. стр. 195—196.
[2] ДАИ, II, стр. 247.
[3] ДАИ, II, стр. 177.
[4] ДАИ, II. стр. 255.
[5] ДАИ, VII, стр. 294.
[6] ДАИ, II, стр. 231.

якутским воеводам неизменно напоминают о подвигах казачьих шаек и их вождей,[1] преследуя в этом случае, конечно, отнюдь не интересы туземцев, а доходы царской казны. О проделках Галкина и Ходырева в Москве не забывали до самого конца XVII в., и они так и вошли в формуляр наказной памяти якутским воеводам.[2]

Наш сборник дает хороший материал и для изучения еще одной черты колониальной политики — обращения туземцев в православие. Оказывается, местные власти отнюдь не горели желанием купить себе царствие небесное путем распространения среди язычников христовой веры. В одном из наших документов приведен любопытный факт: новокрещенка — жена служилого человека обманным образом окрестила другую якутку, за что и была «бита батоги».[3] Вообще к вопросу крещения проявлялась сугубая осторожность, и каждый конкретный случай взвешивался администрацией без учета пожеланий духовенства. Причины такого подхода ясны: новокрещены выходили из-под ясачного ярма, а прогрессирующее скудение ясака доставляло воеводам и без того достаточно забот.

Если христианизация Якутии шла медленно, то зато чрезвычайно быстро шел другой процесс: шаманизация пришельцев. К услугам шаманов прибегали и воеводы, и простые служилые люди.[4] Это обстоятельство дает известное представление о культурном уровне колонизаторов соответственно с туземцами.[5]

* * *

Основной формой колониальной эксплоатации было взимание ясака. Выше мы отметили, что и этот вопрос представлен в опубликованных документах и в литературе. Однако и здесь имеется целый ряд неясностей, на которые должно быть обращено внимание историков.

Прежде всего следует отметить чрезвычайную неопределенность системы обложения. Не говоря уже о том, что она менялась на ходу, никаких устойчивых правил до конца XVII в. не было выработано. Первоначально ясачным сборщикам предоставлялось действовать по собственному усмотрению, но и в дальнейшем, после проведения ясачных переписей, мы сталкиваемся в этом вопросе с довольно большим разнообразием. Проследить по ясачным книгам методы обложения — дело большой исторической важности, плодотворное еще и потому, что попутно выяснится ряд черт внутреннего строя туземного населения.

Первоначальной формой взимания ясака было, повидимому, обложение одних только князцов. Так, по сообщению Оглоблина, «в ясачной книге «новых землиц с Лены реки» 140 г. приведены имена только якутских князцов, с коих енисейский стрелецкий сотник Петр Бекетов с товарищи собрал первый ясак — с Накаруя, Батуя, Мангуна и др.».[6] Аналогичную картину встречаем и в отношении впервые объясаченных тунгусов. Из помещенной в настоящем томе сказки толмача К. Мясина 1641 г. видно, что при объясачении киренгских тунгусов «государев

4

[1] Наказ П. Головину, см. Рус. Ист. Б-ка, т. II. Ср. также наказ В. Пушкину и К. Супоневу: «... не так бы делали, что напред сего воровали енисейские служилые люди атаман Иван Галкин с товарищи, ходячи из Енисейского острогу на Лену реку для государева ясачного сбору, имали с собою товары свои многие, и на те свои товары и на деньги, будучи в ясачных волостях и в улусах, и в землицах у ясачных людей покупали и выменивали многую мягкую рухлядь, лутчие соболи и лисицы и бобры, и привозили собою с Лены в Енисейской острог, а воеводы в Енисейском остроге дружа им и для безделыюй корысти те у них собо́линые мягкие рухляди на государя не имали ...» (ДАИ, II, стр. 270).

[2] Ср. настоящий сборник, стр. 78. О столкновениях служилых людей см. также настоящий сборник, стр. 2 и др.

[3] Настоящий сборник, стр. 164.

[4] Красочное описание шаманства перед воеводою Пашковым дает в своем «житии» протопоп Аввакум: «Отпускал он сына своего Еремея в Мунгальское царство воевать, — казаков с ним 72 человека, да тунгусов 20 человек. И заставил иноземца шаманить, сиречь гадать, удастся ли им поход и з добычею ли будут домой. Волхв же тот мужик, близ моего зимовья, привел живого барана в вечер и учал над им волхвовать, отвертя голову прочь. И начал скакать и плясать и бесов призывать, крича много. О землю ударился и пена изо рта пошла. Беси его давили, а он спрашивал их: удастся ли поход? И беси сказали: с победою великою и з богатством большим будешь назад» (цит. по А. К. Бороздину, Протопоп Аввакум. СПб 1900, прил., стр. 91). Любопытно отметить, что когда представители якутской знати Мазары Бозеков и др. отправились в Москву с жалобой на притеснения воеводы Барнешлева, последний «призывал якутских шаманов и велел шаманам шаманить о смерти их, челобитчиков ...» (ДАИ, VIII, стр. 244, ср. также ДАИ, XI, стр. 30).

[5] Следует отметить, что С. В. Бахрушин, отзыв которого о населении берегов Лены мы приводили выше, в позднейшей работе признал рассматриваемое обстоятельство и указал, что «в момент завоевания культурный уровень колонистов был немногим выше уровня якутов» (статья «Исторические судьбы Якутии» в сб. «Якутия», изд. Академии Наук СССР, стр. 306).

[6] Обозрение столбцов и книг ... ч. 1, стр. 95—96.

ясак давали не все, только де старики».[1] Однако в эти же годы проводится ясачная перепись, причем ясачным сборщикам предлагается не ограничиваться одними князцами и лучшими и улусными людьми, но «и подростков их детей и братью и племянников проведывать и сыскивать накрепко, и сыскав на государя ясак имать по тому ж, как и с их братьи».[2]

В дальнейшем, однако, брать ясак «с захребетников с их братьи и племянников» предписывалось уже и при первом «приискe» «неясачных иноземцев». Практика ясака (мы имеем здесь в виду, так сказать, «нормальный» ясак, а не те дополнительные поборы, которые шли в личный доход сборщиков, грабивших, действительно, «смотря по тамошному делу»), однако, не изучена, и только дальнейшие наблюдения смогут дать сколько-нибудь ясную картину. Может оказаться небесполезным и рассмотрение того, где платили ясак туземцы — везли ли они его сами в местный административный центр или ждали прихода к себе сборщиков.

Очень существенным представляется и изучение ясачной политики по отношению к боканам. Характеристику боканата мы попытаемся наметить ниже, сейчас только укажем, что первоначально боканы ясаком, повидимому, не облагались, что явствует из показаний якутки Бакаяны 1647 г.: «отец де ее Бюк жил в Атамайской волости, а ясаку с себя государю не давал, жил в боконах меж якутов».[3] В дальнейшем, однако, мы видим уже попытку обложения боканов, хотя количественно относительно скромного, но тем не менее вызвавшего неудовольствие их господ.[4] Вопрос этот, как и все явление боканата в целом, требует тщательного изучения и накопления новых фактов.

Обычным методом гарантирования сбора ясака было взятие заложников, «аманатов», содержавшихся в острогах и отвечавших за исправность своих сородичей. Аманатами обычно бывали или сами князцы, или их ближайшие родственники. «Хороший» аманат высоко ценился: «... а государским счастьем дал бог аманатом доброго мужика шамана, и роду, сказывают, у него много», доносил с Индигирки в 1656 г. К. Ванюков.[5] Поэтому центральное правительство всячески наказывало «аманатов у них иноземцов имать лутших людей» и беречь их.[6] Однако практика использования аманатов оказывается также довольно разнородной. Чем прочнее чувствовала себя власть, тем меньше она видела надобности прибегать к этому способу. Хотя окончательная отмена аманатов последовала только в 1769 г., тем не менее по отношению к якутам политика эта изменилась гораздо раньше. Уже наказная память якутскому воеводе Волконскому 1670 г. предписывала ему в этом отношении дифференцированный подход: «... и лутчим из них князцом или волостным людем велеть быти у себя в острожке в аманатех, из волости по человеку или по два, по переменам, по году или по полугоду или помесячно, или как пригоже, смотря по тамошнему делу...»[7] А из описания Якутского уезда 1675—1676 г. мы узнаем, что в зимовьях Верхневилюйском, Средневилюйском, Жиганском и Верхоянском якуты уже «платят ясак без аманатов».[8]

Стремиться к ликвидации института аманатов колониальная администрация должна была еще и потому, что аманат далеко не всегда был безопасной фигурой. Несмотря на запрещение «аманатов держати просто и не в большой крепости»,[9] далеко не всегда колонизаторы обладали достаточными условиями для удержания аманатов. Отписки служилых людей из зимовий и острожков пестрят сообщениями о побегах аманатов или выручке их единоплеменниками, причем такие столкновения часто сопровождаются погромом служилых людей, «пойманием» «казачьих борошнишек» и отпадением от ясака. Мы не говорим уже о таких случаях, когда администрация по собственным соображениям отказывалась от содержания аманатов.[10]

---

[1] Настоящий сборник, стр. 9.
[2] ДАИ, II, стр. 176.
[3] Настоящий сборник, стр. 163.
[4] Настоящий сборник, стр. 58.
[5] ДАИ, IV, стр. 57.
[6] Как берегли аманатов даже в самом Якутске, показывает «Книга приходная государеву скоту» Ленского острога 148 г. «какова скотина у ково куплена аманатом на корм и ясачным людям к приезду с государевым ясаком». Даже не очень симпатизирующий якутам Огдоблин вынужден был признать, что это «документ крайне возмутительного содержания, хладнокровно рассказывающий о том, как откармливали аманатов мертвечиной... «А те мертвечины с того числа до июля до 1-го числа изошли аманатом и якутцким князцом и их улусским людем на корм...» (Op. cit. ч. 1, стр. 250).
[7] АИ, IV, стр. 443.
[8] ДАИ, VI, стр. 405—406.
[9] ДАИ, IV, стр. 80.
[10] Напр.: «... а ясак де твой государев собирал на Янге без аманатов, а аманатов держать на Янге, государь, не уметь, для того что кормить нечем, река безрыбна» (ДАИ, II, стр. 241).

Особый интерес с нашей точки зрения представляют те случаи, когда наличие аманатов оказывалось недостаточной гарантией уплаты ясака. Этот обычный прием московской колониальной политики применялся, повидимому, не всегда с полным учетом общественных связей местного населения и давал иногда неожиданные результаты. Так, среди обвинений против Головина мы читаем, что он «нерядеючи государевою службою», «... с приезду своего велел добрых вилюйских ясачных зимовий аманатов переменять, которые до нево Петра взяты в аманаты, а в их место велел имать детей их малых робят в аманаты, и под тех, государь, малых ребят те тунгусы многие твоего государева ясака не платили, а иные сошли на дальние реки...» [1]

В 1655 г. жаловался Ю. Селиверстов: «Да в нынешнем же во 163 г.... яз Юшко с товарыщи... поимали в аманаты у мужика сына, а ясаку с него на нынешней 163 г. не взято ничего, а в иные годы не ведаю будет и неведаю не будет, а мужик роду Ходынского». [2] Число таких примеров можно бы и умножить, но мы ограничимся еще одним, чрезвычайно на наш взгляд интересным: в цитированном уже описании якутского воеводства мы читаем: «... да по той же Анадыре реке и у моря живут многие неясачные чухчи и коряки, и с тех чухочь и коряк емлют в аманаты отцов и братей и детей, и те коряки и чухчи тех аманатов покидают и ясака под них не платят...» [3]

Мы задержались на указанных примерах, потому что в этой связи может быть небесполезно поставить вопрос, не имеем ли мы здесь дело с некоторым дополнительным материалом для характеристики общественного строя туземцев и нельзя ли, исходя из этих и аналогичных данных, уточнить (в разных случаях, конечно, по-разному) наши представления о социальных связях, приводивших к такому небрежному отношению к собственным сородичам.

Известно, к каким результатам привело колониальное хозяйничанье в Якутии. Нищание и вымирание туземцев, оскудение естественных богатств колонии вследствие хищнической их эксплоатации — таковы были довольно быстрые итоги русского владычества. Колониальные власти сами не без испуга смотрели на дело своих рук, не потому, конечно, что чувствовали какую-нибудь ответственность за подвластное им население, а вследствие катастрофического падения пушных промыслов и сбора ясака, на которых строились и доходы казны, и личное обогащение самих колонизаторов. Хищнически истребляемый пушной зверь стал редеть. В XIX в. этнографы находили легенды о соболях в таких местах, где уже давным давно перестали их промышлять. «Здесь когда-то соболя было столько, что во двор к людям забегали» — говорили Серошевскому колымские якуты. [4]

Драгоценный зверь истреблялся и туземцами, изнемогавшими под тяжестью многочисленных поборов, и русскими промышленными людьми, энергично выкачивавшими из Якутии ее пушные богатства.

Характер военно-феодальной эксплоатации (то, что буржуазные историки называли «злоупотреблениями» местных властей) Восточной Сибири достаточно известен. Здесь практически имели место те самые «идиллические процессы» которые Маркс с такой остротой вскрыл в американских и индийских колониях европейских стран, [5] с той разницей, что в условиях феодально-крепостной России процессы эти значительно меньше могли служить делу первоначального накопления, чем в передовых капитализующихся странах Европы. Мы не будем подробно останавливаться на этой теме, укажем только, что материалы настоящего сборника подробно иллюстрируют процесс оскудения и вымирания туземного населения. Особенно густо начинают эти материалы итти с конца 60-х гг. XVII в. Так даже в наиболее богатом районе прилежавших к Якутску волостей князцы и лучшие якуты оказались в 1670 г. не в состоянии дать за себя полный ясак. Показательна их мотивировка: «...и ныне де им сказали, дать нечова, на соболиные де промыслы в нынешнем во 178 г. многие не ездили за конною скудостью, и многие у себя коней и инова скота не сказали, сказались многие бедны. А которые де из них якуты и ездили на соболиные промыслы... и те де якуты соболей не добыли, а сказали, что де соболи и всякой зверь в их якутцких угодьях выловили в прошлых годех русские промышленные люди». [6]

---

[1] Настоящий сборник, стр. 25.
[2] ДАИ, IV, стр. 12.
[3] ДАИ, VI, стр. 40.
[4] Op. cit., стр. 138.
[5] Капитал, т. I, изд. 1931 г., стр. 603.
[6] Настоящий сборник, стр. 113. Ср. А. А. Ионин. Новые данные к истории Восточной Сибири XVII в., Иркутск, 1895, стр. 196.

Аналогичные факты мы находим в эти годы и для юкагир,[1] отказывающихся платить за своих умерших «родников», и для тунгусов[2] и др. туземцев. Соболь стал исчезать даже в северных районах Якутии: «А ясак збираетца с великою нужею, потому что, сказовают иноземцы, что стала наша земля пуста, на Яне и по стороным рекам и до Индигирки, а по другую сторону и до Лены соболей нет, стало промышлять ясаку соболей негде и нековo; а добываем де ясак соболи извозом у русских людей . . .»[3]

Истребление пушнины, при интенсификации колониального грабежа, неизбежно влекло за собой вымирание и обнищание туземцев. К этим причинам надо еще прибавить стихийные бедствия — эпидемические болезни людей и основного их богатства — скота. При таких условиях неизбежно должно было активизироваться и сопротивление «иноземцев» захватнической политике колонизаторов.

Мы видим попытки туземцев защититься от «потока и разграбления» и мирными способами. Тому свидетельство многочисленные жалобы их на притеснения ясачных сборщиков и непосильность обложения. Однако на этом пути ожидать облегчения было трудно. Отношения между местными властями и Якутском складывались по тому же типу, что и отношения между воеводами и московским правительством. Каждый ясачный сборщик знал, что ему запрещается прижимать туземцев и вести с ними меновой торг в свою пользу, так же как знал, что в конечном счете за «воровство» свое будет отозван, а преемник его будет поступать по тому же рецепту. В худшем случае не в меру ретивого боярского сына или казачьего пятидесятника в Якутске ожидали батоги, но ограбленному им населению от этого легче не становилось. Был и другой мирный путь, о котором мы уже упоминали выше — бегство от колониального гнета, откочевка в другие места. Этот метод особенно широко практиковался в начале завоевания, когда мест для ухода было еще сравнительно много и радиус действия ясачных сборщиков был еще невелик. Так, например, мангазейские казаки, первые побывавшие на Вилюе, якутов не застали, между тем как в начале 40-х гг. боярский сын Воин Шахов констатирует наличие на Вилюе около 3000 якутов и тунгусов.[4] Впрочем, побеги и откочевки мы наблюдаем в течение всего XVII в. — так, напр., в 1683 г. отряд Гаврила Фролова был отправлен на реку Быструю «для беглых якутского острогу ясашных тунгусов».[5] Очень любопытен документ, 1681 г., печатаемый в настоящем сборнике и рисующий положение на Оленеке, где «большой голод . . . прошлой весны и осени единого зверя не промыслили якуты ни убили, и с тех пор и наги и голодны якуты», «платят ясак . . . с великою нужею, иные якуты с Оленка реки сошли в Середнее в Вилюйское зимовье, а иные на Анабору реку, а иные в Жиганы на Красное пришли, а иные безвестно сошли»; что придает этому документу особый колорит, это сообщение, что вместе с якутами и «казачьи дети и посадцкие люди сошли на Анабору реку».[6]

Однако чем дальше, тем труднее было уходить от длинных рук московских людей; и чем шире становился круг действия последних, тем чаще мы встречаем в источниках факты вооруженного сопротивления туземцев.

Этот вопрос представляет для истории якутов, тунгусов, ламутов, юкагир и всех вообще народов тогдашней Якутии первостепенный интерес. Однако до настоящего времени мы даже не имеем простой фактической сводки всех известных в печати случаев восстаний. Не говоря уже о повседневной борьбе туземцев с завоевателями, выражавшейся в многочисленных нападениях на острожки и зимовья или на отдельные отряды служилых и промышленных людей (и все эти факты необходимо учесть и изучить), мы по сути дела не имеем даже полной регистрации крупных движений, длительно продолжавшихся, охватывавших целые районы и подчас объединявших различные народности. В лучшем положении история восстаний якутов, но и здесь имеющиеся в литературе данные сведены и изучены совершенно неудовлетворительным образом.

---

[1] Настоящий сборник, стр. 114.

[2] «. . . В нынешнем во 184 г. им тунгусам . . . лешие соболиные их промыслы не удавались, а на лошади де и на олени был падеж, а иные иноземцы с ясаком в зимовье не бывали . . .» (Отписка десятника Н. Савина, ДАИ, VII, стр. 7). Ср. настоящий сборник, стр. 129—130.

[3] Настоящий сборник, стр. 116.

[4] М. А. Красовский полагал, что якутская эмиграция на Вилюй была следствием восстания Мымака. Хронология Красовского, однако, не вполне убедительна, да и вообще нет нужды связывать массовую откочевку якутов с юга с каким-нибудь определенным моментом. (Ср. М. А. Красовский. Русские в Якутской области в XVIII в. — «Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XII, в. 2, Казань, 1894, стр. 148—149).

[5] ДАИ, X, стр. 231.

[6] Настоящий сборник, стр. 120—121.

В своей сводке восстаний в Якутии Попов указывает следующие движения: 1) восстание Мымака 1634 г.; 2) спустя два года — восстание кангаласских якутов; 3) восстание Балтуги Тимиреева 1675—1676 гг. и 4) восстание под предводительством Дженика 1681 г., которое он расценивает как «последнюю попытку вооруженного массового сопротивления якутов».[1] Л. Мамет в своей упоминавшейся уже выше статье также дает перечень, а отчасти и характеристику якутских восстаний.[2] При этом он, повторяя данные Попова, вводит еще два восстания — Мымака в 1646 г. и Орюкана Секуева 1684 г.

Здесь прежде всего следует разобраться в фактической стороне дела. Далеко не все из указанных восстаний документированы, и сведения о них вызывают известные сомнения. Так, например, факт восстания Мымака в 1634 г. подкрепляется ссылкой на неопубликованную рукопись некоего Явловского «Летопись якутского края», причем нигде не сообщается, какие же использовал автор материалы и не является ли это восстание его домыслом, основанным на фольклорных данных. Из публикуемых в настоящем сборнике материалов видно, что восстание Мымака произошло в воеводство Головина, в 1642 г., и это восстание и следует признать историческим, причем, как мы сейчас увидим, оно отнюдь не было изолированным».[3]

Не очень точно документировано и восстание кангаласских якутов, о котором упоминают Попов и Мамет. То же следует сказать о восстании под предводительством Дженика в 1681 г., имеющем своим источником ту же рукопись Явловского и подозрительное предание о поставленном русскими на месте победы кресте, а также упомянутую выше статью Москвина о якутских воеводах. В доступных нам источниках мы не нашли указаний на восстание Дженика, хотя самый факт восстания вполне вероятен. Конец 70-х — начало 80-х гг. дают резкий взлет жалоб на обнищание якутов и ряд упоминаний о волнениях. В том числе мы находим и сообщение о каком-то недовольстве кангаласских якутов, почему-то оказавшихся неясачными и оказавших сопротивление агентам боярского сына Козыревского. Дело это как раз имело место в конце 1681— начале 1682 г.[4]

Дело, однако, не только в установлении проверенного списка движений, но и в определении их размаха, характера и движущих сил. По этому вопросу мы имеем только беглые замечания Мамета, согласно которым «организаторами и вождями протестов и вооруженных восстаний были тойоны, ведшие за собою массу во имя защиты всех якутов от грабителей и насильников. Если для всей якутской массы русская колонизация несла экономическое закабаление, нищету, разорение и политическое рабство, то и для родоначальников, тойонов, князцов, для всей вообще якутской знати эта колонизация несла с собою угрозу потери значительной части их привилегий».[5]

Это определение в такой общей форме неверно. Автор не учел того обстоятельства, что восстания эти вовсе друг на друга не похожи. Ему самому пришлось признать по поводу движения Орюкана Секуева, что «характерной чертой этого восстания было то, что оно было направлено не только против самих завоевателей непосредственно, но и против тех тойонов, которые примирились с завоевателями, превратившись в прямую агентуру и опору последних»[6] (содержания термина «тойон» Мамет не раскрывает, ограничиваясь характеристикой тойоната из работы Лилиенталя).

Думается, что мы имеем дело не с единой линией колониального движения, а с двумя последовательными его этапами. Первый (у различных народов Якутии и в различных районах он приходится в разное время) представляет первоначальный отпор завоевателям, объединяющий довольно большие туземные группы. Восстание Мымака вовсе не было единичным случаем. Рядом с ним упоминаются другие восставшие князцы — Сергуй, Камык (тот самый, который в 1632 г. принимал Петра Бекетова), и вообще, по словам челобитной на Головина, в 1642 г. «вся якутцкая земля тебе, государю, изменила».[7] На эти года падают и «измены» тунгусских князцов — Звероула, Киринея и др. О той напряженности, в которой утверждались колониаль-

---

[1] Op. cit., стр. 50—51.

[2] Op. cit., стр. 30—32.

[3] Настоящий сборник, стр. 22—23. Ошибку Л. Мамета, использовавшего материалы настоящего тома в рукописи и датировавшего восстание Мымака 1646 г., объяснить довольно легко. Челобитная на Головина, в которой говорится о восстании, датирована 7154 г.; т. Мамет, повидимому, не учел того обстоятельства, что челобитная эта говорит о многих предшествующих событиях, а восстание Мымака довольно определенно относит к марту-апрелю 7150, т. 1642 г.

[4] Настоящий сборник, стр. 123.

[5] Op. cit., стр. 32.

[6] Ibid.

[7] Настоящий сборник, стр. 22.

ные порядки в конце 30-х — начале 40-х гг., свидетельствует хотя бы следующее показание Никифора Галкина: «...а на промыслах де от иноземцов их братье промышленным людем стало утеснение великое, ясачные тунгусы и якуты, а иные неясачные, по рекам, в зимовьях и на переходах во 152 году побивали много, на Вилюе убили тридцать человек, на Яне убили 11 человек, на Витиме на двух Мамах реках убили 12 человек, и по иным рекам во многих местах промышленных людей побивают же, а они де промышленные люди от тех воров, без государева указу, собою оборониться не смеют...» [1]

Следующее известное нам движение якутов — восстание Балтуги Тимиреева — отделено от первого этапа промежутком больше тридцати лет. За это время многое изменилось. Колониальный режим не только окреп, но успел уже в значительной степени истощить пушные богатства страны и довести туземцев до вымирания. И новую полосу восстаний следует, нам кажется, сопоставить с приведенными выше данными об оскудении населения и расценить как ответ на интенсификацию колониального грабежа.

Дело началось, повидимому, с того, что дети и братья Балтуги, будучи на соболиных промыслах, убили казака и промышленных людей. Тем не менее Балтуга сначала восставать не решался, предполагая только откочевать, и даже прислал за себя ясак. При этом он, правда, нарушил с точки зрения колонизаторов порядок, не приславши ясака «за тех якутов... кои убиты на Лене от промышленных людей» (таким образом мы попутно узнаем, что и Балтуга был в этом деле страдательной, а не только наступающей стороной). Только насилия и угрозы со стороны служилых людей побудили Балтугу к известной активности, и он стал подбирать себе союзников, которых и нашел в лице небольшой группы соседей, якутов и тунгусов. Впрочем, в момент столкновения его с служилыми людьми все его «войско» состояло из пятидесяти человек. [2]

Восстание Балтуги, таким образом, отнюдь не имело массового характера. С другой стороны, нет никаких оснований считать Балтугу тойоном. Он нигде не назван ни «князцом», ни «лучшим человеком». Имущество его оказалось довольно скромным: «шесть жеребцов табунных, шестьдесят кобыл больших и малых, рогатого скота тридцать скотин коров и быков»; у его брата Мавры: «один жеребец табунный, девять кобыл больших и малых, три коровы»; у его союзника Болунчи Трекина: «две кобылы, да две лошади, да три коровы». Если даже учесть, что часть скота Балтуга, как показывают на него, побил для прокорма своего «войска», а другую часть у него украли разгромившие его отряд служилые люди (брат Балтуги Мавра Тимиреев дал значительно большие цифры их имущества: так, у него, Мавры, было «пятнадцать лошадей, да жеребец, да пятнадцать кобыл, да пятнадцать жеребчиков, да тридцать коров, а где тот скот ныне, того де он Мавра не ведает...»), то все же имущество его не представляется особенно значительным. Так, во время сыска у злостного недоимщика Демеги Быгоева в 1671 г. последний показал: «...а се мне нонеча платить нечем, потому что нужен и беден, скота у меня немного... 13 коров и з быком, да кобыл тринадцать, да жеребец, да 5 коней, а более тово скота и живота у меня нет ничево...» [3] Действительно, как видно из одного документа, печатаемого в настоящем сборнике, людей с таким количеством скота сильные якуты обращали в своих холопов. [4] Если у Балтуги было и значительно больше, чем у Демеги Быгоева, то все же он представляется нам зажиточным якутом средней руки, а не тойоном, и восстание его и его товарищей было лишь довольно слабой попыткой протеста против разорения и насилий со стороны колонизаторов. Насколько озлоблены были якуты, видно из жестокости их расправы с казаком Лаврентьевым, у которого они «трудь спороли и сердце выняли и глаза выкололи и у рук персты обсекли», и по той стойкости, с которой они перенесли жесточайшую пытку, уготованную им якутским воеводой.

Следует отметить, что как раз «лучшие якуты» Ярконской волости, к которой принадлежал Балтуга, выступали в качестве агентов власти и уговаривали Балтугу явиться в зимовье на милость служилых людей. Среди участвующих в карательном отряде якутов находим также шамана.

Дело Балтуги, повидимому, получило резонанс больший, чем можно бы предполагать по его скромным размерам. Можно думать, что настроение якутской массы было довольно грозным и что у Балтуги могли оказаться последователи. Иначе трудно объяснить, почему крупнейшие якутские князцы из группы покорных правительству настолько переполошились, что подали царю специальное челобитие о Балтуге с просьбой помиловать его. Балтуга действительно был

1 ДАИ, II, стр. 279.
2 Документы о деле Балтуги Тимиреева, см. ДАИ, VII, стр. 4—45.
3 Ионин, Op. cit., стр. 197.
4 Настоящий сборник, стр. 211.

помилован: «И великий государь его Балтугу в вине простил... и велено бить Балтугу на козле нещадно и дать на поруки... и написать на них Балтуге и на Мавре великого государя ясак за мертвых». Впрочем, беспокойного духа Балтуги не укротили ни пытка, ни тюремное заключение, ни заключительное наказание. Спустя два года поручители Балтуги подали на него жалобу, что он откочевал с своих «породных мест» на Вилюй, где, повидимому, вступил в конфликт с местными богатыми якутами: «и ныне, государь, они Балтуга и Мавра и Оекан, живучи на Вилюе, свою братию якутов бьют и грабят и насильства им чинят всякие... ясаку за брата своего Байгу и за сыновей своих не платит...» Поскольку, однако, дело шло о внутриякутской борьбе, администрация ограничилась переводом Балтуги на старое место.

К сожалению, о восстании Орюкана и Дачиги Секуевых у нас данных сравнительно немного. Но из того, что есть, можно заключить, что борьба началась среди самих якутов и что братья Секуевы первоначально выступили против якутской знати, «розвоевав Якуцкий уезд, лутчих людей побив». «Лучшие люди» обратились за помощью к русской власти, и тогда Секуевы решили заключить союз с восставшими на Омоконе тунгусами. Таким образом, в восстании Секуева мы видим соединение классового якутского движения с колониальным протестом, что говорит о значительно большей его зрелости. Можно догадываться, что и по масштабу это восстание превосходило движение Балтуги и наказание восставших было гораздо более суровое: Орюкан был четвертован, а его товарищи повешены.

Думается, даже из нашего беглого изложения видно, какой важный материал дает история восстаний для понимания хода колонизационного процесса и социального строя якутов. То же самое можно сказать и о восстаниях других туземцев. Мы не будем подробно на них останавливаться, укажем только на чрезвычайно интересное для истории охотских тунгусов движение, связанное с именем Зелемея Ковырина. Освоение охотского побережья вообще проходило с большим трудом. Особенно усложнилось оно с конца 40-х гг., когда в ответ на убийство Ковыри, «лутчего князца Майского зимовья», дети его подняли «многих родов тунгусов» и «учинили меж собою шатость и на соболиных промыслах на Маи реке наших русских промышленых одинадцать человек побили до смерти и вперед убийством на русских людей хваляца».[1] Волнение приняло очень серьезный оборот, причем Ковырины дети требовали выдачи им убийцы их отца. Воевода Францбеков предложил мировую, ссылаясь на взаимность обид, так как «родники их тунгусы учинили неправду, не дождався нашего указу, за отца его Ковырина убийство около своих улусов многих наших промышленых людей побили... и им за то Ковырино убийство и обороны просить не доведетца...»[2] Тем не менее Юлманей и Зелемей Ковырины с властью не примирились и в позднейших документах все время фигурируют как изменники.[3]

Наконец в 1666 г. Зелемей Ковырин поднял большое восстание, охватившее все северное побережье Охотского моря и частично захватившее район Индигирки. Любопытны речи Зелемея к его союзникам, свидетельствующие о его незаурядном дипломатическом таланте и широких политических проектах: «...а сказывает де нам иноземцом так: что де вы глупые люди не разумеете и русских переводов не знаете, вы бы де також жили, как я Зелемей живу, самим де вам сведомо, сколько я русских людей побил, а как де над собою увижу какую немеру, и я де к русским людем преклонюся и до меня де в вашем очью русские люди лутче прежнего; да руские же люди нас обманывают, сказывают нам и ждут себе в Охотцкой острог на перемену по вся годы больших людей, и больших де людей в Охотцкой острог не бывало и покамест в Охотцкой острог большие люди не пришли, и мы де и достальных людей выкореним и аманатов своих выручим, а потом де о ту же пору, как руские люди на Охоту приходят, на дорогах заляжем и больших людей не пропустим; а как де на Охоте руских людей изведем, и мы де на Мае и по иным рекам всех руских людей переведем, а впредь для береженья и опасу своего призовем к себе богдойских людей, потому что де оне от нас недалеко, а се де им ясак станем платить небольшой...»[4] Этот широкий план Зелемей отстаивал всю жизнь. Покорившись в 1666 г., он снова подымает огромное восстание в 1677 г., продолжавшееся до 1684 г. — на союз с этими повстанцами и рассчитывал Орюкан Секуев.

Деятельность Зелемея является одним из наиболее ярких моментов движения ламутов и тунгусов, но изучить их нужно все, так же как и движения юкагир и чукоч. Особое внимание следует обратить на совместные действия ламутов и юкагир, юкагир и чукоч.

---

1 ДАИ, III, стр. 175.
2 ДАИ, III, стр. 176.
3 См. ДАИ, III, стр. 336, IV, стр. 213.
4 ДАИ, V, стр. 69.

XIX

Мы видели, как различно реагировала в разное время якутская администрация на восстания Зелемея, Балтуги и Орюкана. В арсенале московских колонизаторов было не мало приемов в деле колониального управления. В связи с этим встает вопрос, как же реагировали власти на падение сбора ясака и рост сопротивления туземцев.

В 1652 г. выяснилось, что в результате эпидемии оспы в ряде волостей «ясачные князцы и лутчие и улусные якуты... многие померли, а иные и ныне помирают и с государевым ясаком... сами не бывали и улусных своих якутов не присылают...». В ответ на это последовало следующее характерное распоряжение: «А которые будет якутцкие князцы и лутчие и улусные якуты в нынешнем во 161 г. и в прошлых во 160 и 159 гг. померли, и жены и дети у них кто имяны остались, и что у тех жен и у детей тех умерших якутов живота и скота, коней и кобыл и коров и быков и жеребенков и теленков, и кто после тех людей животы и скот взял, дети ли или братья и родники или жены, и с тех людей потомуж за тех умерших якутов государев ясак... взяти ж... а якутцким князцом и лутчим и улусным людем про то, что после умерших скот описывать для государеву ясаку и поминков, не сказывать, а говорить им... что... велели у вас... умерших якутов скот описывать, чтоб тех умерших якутов тот скот неясачные якуты и якутцкие боканы не роскрали...»[1]

Ясак берется, таким образом, с живого и с мертвого, но администрация несколько еще стесняется своего грабежа и боится вызвать недовольство якутов. В дальнейшем по мере обнищания населения и падения ясачного сбора всякие стеснения отбрасываются. «Книга окладная мертвым ясачным якутам» 1678 г. регистрирует только тех покойников, у которых «животов не осталось и ясаку за них платить некому», почему их и приходилось «выложить из окладу».[2] Одновременно в том же году предписывалось ясачным сборщикам: «...а будет который иноземец живет у кого в холопех или хром или слеп... и за тех якутов у хозяев их за холопей и за хромых и за слепых... и у старых, и у больных, у которых скота нет, на нынешний на 186 год по окладу... имать».[3] Следовательно, чтобы освободиться от ясака, нужно было и разориться в конец, и умереть. Одного из этих условий оказывалось недостаточно.

На фоне этих распоряжений местной власти очень теряют правительственные указы о необходимости проявлять заботу об «иноземцах», так пленившие некоторых историков и являвшиеся по существу лишь предостережением воеводам, чтобы они не истребили в конец источник колониального накопления. Воеводы, однако, продолжали завинчивать пресс, чему свидетельством может служить хотя бы наказная память Е. Курдюкову 1685 г., где, между прочим, говорится: «...да в прошлых же годех ясачные ж сборщики, будучи в тех волостях, с ясачных якутов... ясак сбирали не против выписки из ясачных книг... а в доездных своих памятях тех якутов очищали, что будто те якуты скудны и бедны, и скота и никаких животов у них нет, и то знатно, что они ясачные сборщики воровали, имали от ясачной понаровки себе посулы великие...»[4] Воеводы, вероятно, имели основания предполагать, что их агенты нечисты на руку, но действительность тем не менее давала себя знать. Наглядным примером может служить помещенная в настоящем томе роспись 1687 г. о недоимщиках и «сошлых и несыскных якутах».[5] В результате приходилось менять курс, итти на облегчение ясачного гнета, кое с кого недоимки списывать,[6] и тем не менее недоимки все росли и росли.

В 1688 г. воевода Петр Зиновьев распорядился собирать ясак уже и за «предбудущие годы», но положения это не спасло. В связи с этим любопытно, что некоторые доходные статьи, ранее игравшие второстепенную роль, начинают привлекать большее внимание администрации, как, например, сбор «моржового зуба».

На этом фоне намечается и падение значения Якутии в общей системе колониальных владений России и явная деградация самого воеводства. Вымирание пушнины лишало Якутию интереса в глазах представителей торгового капитала, все реже присылающих в Якутск своих приказчиков. В 1675 г. воевода Барнешлев доносил в Москву, что «с дальных заморских рек промышленые люди все вышли в Якуцкой острог, потому что на тех реках соболиных промыслов не стало».[7] В Якутске эти «промышленные люди», однако, не задержались, и в следующем году Барнешлев огорчил свое начальство новой неприятностью: «а в Якутцком, госу-

---

[1] ДАИ, III, стр. 376, 377—378.
[2] Оглоблин, op. cit., ч. I, стр. 107.
[3] ДАИ, VII, стр. 148.
[4] АИ, V, стр. 196.
[5] Настоящий сборник, стр. 126 след.
[6] Настоящий сборник, стр. 129.
[7] ДАИ, VI, стр. 402.

дарь, остроге сбираетца твоя великого государя денежная казна ныне в таможне и на кабаках перед прошлыми годами малая, потому что в Якутцком остроге в приезде торговых и промышленых людей бывает мало...»[1] Даже ремесленники разбежались из Якутска.[2] Наконец, оспа, свирепствовавшая, как мы видели, по якутским волостям, не щадила и центра. После эпидемии 1691 г. в Якутске «многие домы запустели».[3] Доходило до того, что в 1697 г. воевода Арсеньев слезно просил прислать ему хотя бы писчей бумаги, так как ему не на чем было вести даже делопроизводство по сбору ясака...

Так в течение нескольких десятков лет военно-феодальная эксплоатация Якутии крепостниками и торговым капиталом расхитила и разорила богатейший край. К XVIII в. Якутия из недавнего пушного Эльдорадо превратилась в далекое захолустье Московского государства.

* * *

Важнейшей и первоочередной задачей историков Якутии является изучение общественного строя туземного населения. Хотя по этому вопросу имеется довольно большое количество работ, но, как мы указали выше, по преимуществу они принадлежат этнографам XIX в., строившим свои схемы без ясного представления об основных этапах истории человеческого общества и на материале преимущественно фольклора, взятом без строгой исторической критики.

Якутский фольклор, действительно, очень богат, а состав его чрезвычайно сложен. Наряду с переживаниями очень древнего порядка, восходящими к матриархату, мы находим в нем ряд несомненно поздних наслоений, возникших уже в период русского владычества. Поэтому пользоваться им нужно с чрезвычайной осторожностью. Между тем, представление об общественном строе якутов к моменту русского завоевания строилось на фольклорном материале в довольно механической интерпретации. Так возникло представление о якутском роде.

Исходя из существования в XIX в. родовой организации, носившей по существу чисто фискальный характер и созданной в XVIII в. комиссией Черкашенникова, этнографы проецировали единую линию развития рода в предшествующие столетия. Наиболее выпукло сформулировал эту точку зрения Э. К. Пекарский в своей работе «Якутский род до и после прихода русских».[4] Согласно взгляду Пекарского, род, существовавший к моменту завоевания, в дальнейшем начал разлагаться, вследствие борьбы якутских родоначальников за власть. «Во главе его стоят по прежнему «лучшие», «почетные люди», но интересы их начинают обособляться от интересов рода, не поняв действительных намерений правительства, — водворить в крае гражданский порядок в духе русских законов, — и приняв их за слабость и уступчивость, они делали попытки освободиться из-под контроля по крайней мере ближайшей власти и захватить власть в свои руки».[5] На этой почве и стал разлагаться род, причем, по мнению Пекарского, «процесс этот продолжается».[6]

Точно так же признавал наличие родовых отношений у якутов и Серошевский, хотя он, повидимому, чувствовал, что наблюдаемые им «роды» сходны с этапом доклассового общества только по названию. Фикция родового строя тем не менее продолжала тяготеть почти над всеми якутскими этнографами, приводя фактически к типичному для народников смазыванию классовой дифференциации и классовой борьбы в якутском обществе.

Выработанные этнографами представления оказали большое воздействие на историков Якутии, строящих предисторию якутов обычно на некритически воспринятых этнографических конструкциях, в особенности Пекарского. Можно без труда проследить, как созданное последним на основании фольклорных данных определение состава якутской семьи к моменту завоевания безоговорочно повторяется историками, часто даже без указания на источник. Идеи этнографов XIX в. оказали влияние и на советских этнографов. Так, например, М. Косвен, хотя и считает, что «в ту эпоху, когда русские познакомились с якутами, древний родовой строй уже разлагался»,[7] вместе с тем утверждает, что выделение тойоната в самостоятельную группу происходит только в результате завоевания: «это право (раскладки и сбора ясака — **И. Т.**) дало им, конечно, неограниченную власть над своими сородичами и выдвинуло их на положение особо привилегированного, имеющего огромные возможности класса. В результате поощряе-

1 ДАИ, VII, стр. 52.
2 Настоящий сборник, стр. 71.
3 Оглоблин. Op. cit., ч. III, стр. 33.
4 Памятная книжка Якутской области на 1890 г.
5 Op. cit., стр. 47.
6 Ibid., стр. 46.
7 М. Косвен, Якутская республика, М.—Л., 1925, стр. 105.

мые и покровительствуемые русской властью, тойоны стали злейшими угнетателями и эксплоататорами своего народа». [1]

Предоставляя решение этих вопросов специалистам-этнографам, мы выскажем только ряд попутных соображений, основанных на изучении письменных памятников. [2] На основании последних можно думать, что картина родового строя, вырисовывающаяся из фольклорных материалов, отражает отношения, намного предшествовавшие русскому завоеванию. Та пора родовой демократии, которую вспоминает записанное Серошевским в Намском улусе предание о народных собраниях, где «в первом кругу садились «господа» и сехены (повидимому, соответствует индейским «сахемам» — **И. Т.**), во втором — простые люди, дальше — молодежь и последние люди», к интересующему нас моменту, повидимому, уже отошла именно в область преданий. То, что мы застаем в актовом материале, говорит уже о высшей стадии варварства у якутов, о разложении родовых отношений и становлении феодализма.

Прежде всего мы замечаем, что самый «род» обычно невелик, редко доходя до нескольких десятков человек. Средняя величина «рода» — 20—25 человек, причем в состав его входят лица, и не связанные кровным родством. Таким образом, «род скорее приближается по типу к «большой семье». Однако «родники» находятся от родоначальника в зависимом положении и, кроме того, отнюдь не обязательно ведут с ним общее хозяйство. Выдел имущества детям происходит при жизни отца.

Рабство у якутов имело очень широкое распространение. Документы, особенно печатаемые в нашем сборнике, пестрят упоминаниями о «холопах». Явление это у якутов, повидимому, значительно старше русского завоевания, по крайней мере его знают все циклы якутских преданий. Знают его и худяковский сборник, и циклы, записанные Приклонским, причем характерно, что воспоминания о рабстве относятся легендами еще к тем временам, когда якуты жили в стране, где «никогда не было зимы, стояло вечное лето, деревья не меняли своих листьев или хвойных иголок, а птицы не улетали в другие края». [3] К интересующему нас моменту рабство, очевидно, уже пережило серьезную эволюцию.

Наряду с русским термином «холоп» в документах встречается и местный термин «бокан», причем употребление их однозначно. В цитированном уже нами документе о воеводе Лодыженском, обложившем боканов ясаком, так и говорится: «Да на Михайла ж Семеновича судачат те ж якуты, что де он на наших холопах ясаку по лисице берет, а мы де государю даем ясак большей, соболей с улуса по 100 и по другому платим, а тоПереЧе мы и досталь погибли, потому что было нашим боканам на нас государев ясак добывать, а оне де топере за себя лисицы добывают». [4]

Таким образом, между русским термином «холоп» в применении к якутским отношениям и якутским «бокан» можно поставить знак равенства. Но русский юридический язык в XVII в. вкладывал в термин «холоп» уже различные понятия, помимо исконного значения — раб. То же, повидимому, следует сказать и о бокане. Последний термин встречается не только у якутов, но и у тунгусов. [5] Но общее первоначальное значение термина не раскрывает еще нам конкретного содержания боканата в данное время и в данном месте. В частности у якутов он, повидимому,

---

[1] Ibid., стр. 23.

[2] Здесь следует оговорить специфическую трудность интерпретации русских памятников, заключающуюся в полной неопределенности их терминологии. Первоначально завоеватели подходили к Якутии с терминологией, усвоенной в других колониях — например, в наказе Головину речь идет о «лутчих тайшах» (Р. Ист. Б-ка, т. II, стр. 965). Но и позже мы встречаем сбивчивость в определениях, особенно в употреблении терминов «род» и «волость», например «Меицкий род» (ДАИ, VIII, стр. 4) и «Меицкая волость» (ДАИ, VIII, стр. 5). Чрезвычайные трудности встречаются в расшифровке туземных имен. Не говоря уже о совершенно произвольном начертании русскими писцами одних и тех же имен, мы видим из документов, что туземцев вообще записывали различными именами. «А у тех, государь, иноземцов у многих якутов есть имени по 2 и по 3 и по 4, собе и отцу, и в книгах те иноземские имена многие не сходятца, потому что не однем имянем сказываютца» (н. сб., стр. 36). Конкретные примеры этого различия имен в документах находятся довольно часто. При таком условии очень трудно следить биографию и социальный облик отдельных лиц.

[3] Записи В. Л. Приклонского, «Живая старина», 1891 г., в IV, стр. 146.

[4] Настоящий сборник, стр. 58.

[5] Ср. ДАИ, III, стр. 338, VII, стр. 279. Как сообщил нам Н. Н. Степанов, исследующий историю тунгусов (эвенков), термин «бокан» для обозначения раба встречается и у юкагиров и у ламутов (эвенов). При истолковании термина следует сопоставить его с монгольским bogol, в различных употреблениях означавшим и раба и вассала (Ср. акад. Б. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Изд. Академии Наук СССР, Л. 1934, стр. 64—70).

покрывал разные степени зависимости, от домашнего рабства до феодальной. Только что приведенный текст говорит об обложении боканов ясаком, что само по себе предполагает наличие некоторой хозяйственной самостоятельности. Показательна и реакция боканов на обложение: «И они, наши боканы, — жалуются далее «лучшие якуты», — нам стали непослушны, а говорят де они нам, что де мы сами тоены, потому что сами де мы государю ясак даем, и они де нас не слушают, и мы де теперь лутчие люди в Якутцком погибли; не знаем де, как впредь государю ясак добывать». [1] Эта жалоба говорит скорее о наличии феодальной зависимости боканов, в число обязанностей которых входит добывание ясака для своих господ, чем о рабстве. В том же смысле следует интерпретировать и цитированный выше текст 1652 г., предписывающий производить перепись имущества умерших якутов и предлагающий мотивировать эту меру населению как предосторожность, «чтоб тех умерших якутов тот скот неясачные якуты и якутцкие боканы не роскрали...» Возможность для бокана украсть скот предполагает опять-таки наличие у него собственного. И действительно, в документах мы встречаем прямые указания на наличие у боканов собственного имущества. Так, в 1682 г. якут Ясальской волости Деючко Тюсюков жаловался на «изгони и обиды» верхоянского сборщика Л. Амосова, забравшего скот у него, Деючка, у таких-то его «родников», «да у холопа их у Скуниянка Тимиреева лошадь». [2] Наконец, совершенно недвусмысленно звучит показание якутов Чириптейской волости по сыску о недоимках 1687 г.: «Дубчинские волости якут Коптюк Изчик, он же Кустеков, Тоноков холоп, в прошлых годех умер, а после ево жены и детей и скота и живота не осталось, и ясаку за него платить некому». [3]

У нас, к сожалению, мало сведений об отношениях боканов к своим господам и о размере их повинностей. Мы видели, что они для своих господ охотились; можно думать, что в их обязанности входил и выпас господского скота вместе с собственным и уборка сена. В этом смысле можно толковать жалобу Нокочи Чермокова 1654 г., что холопы его соседа Девуни Онкудеева избили и изгнали его холопов и выгнали их с его сенных покосов. В ответ на эту жалобу последовала встречная со стороны Девуни Онкудеева. Кто из них был виноват, кто прав, нам сейчас не важно, существенен момент столкновения боканов из-за сенных покосов и наличия у них вооружения — пальм. [4] Эти отношения, повидимому, удержались довольно долго. «Богатые якуты, — сообщает Серошевский, — охтно отдают лишних быков и коней надежным родовичам в пользование на это (летнее — **И. Т.**) время даже «задаром», как здесь говорят, «без уговора»... Они ловко пользуются подобными отношениями и взимают с своих оригинальных вассалов массу незначительных, но многочисленных соседских услуг, без которых здесь не обходится никакое более крупное хозяйство». [5] Эта картина, думается, уходит своими корнями в далекие времена (то обстоятельство, что Серошевский говорит о «родовичах», не должно нас смущать, так как в XIX в. мы имеем лишь созданную русским правительством фикцию рода, куда попали и бывшие вассалы).

Боканет не был, повидимому, наследственным. Так, упомянутая уже выше Бокаяна говорит об отце только, что он «жил в боконах меж якутов», сама же она после его смерти попала в рабство (а может быть, в жены) к Отконке Чимгину, который затем ее и продал якутскому казачьему пятидесятнику. [6] Мы даже наблюдаем попытки господ закрепить за собою потомство боканов, разбивающиеся о русскую ясачную политику. Так, в 1653 г. Чучурко Апикиев просил вернуть ему сбежавшего холопа; «по суду истцу отказано, потому что истец сказал, бывал де того ответчика отец дядя его холоп, и велено ответчику быть в ясаке, и вновь на нем лисица взята». [7]

Хозяйственную и правовую самостоятельность якутских боканов хорошо рисует документ, в котором выступает знакомый нам Орюкан Секуев в несколько неожиданной для него

---

[1] Настоящий сборник, стр. 58.

[2] Настоящий сборниик, стр. 125. Выражене «у холопа их», если только оно не является результатом какой-нибудь путаницы, очень любопытно. Оно, во-первых, свидетельствует о наличии «холопов» у простых якутов-родовичей, что вполне естественно и подтверждается другими документами; но, кроме того, его можно толковать и в смысле наличия коллективных прав на труд холопа, что могло являться пережитком родовых отношений.

[3] Настоящий сборник, стр. 127. См. также А. В. Пруссак. Заметка о несвободном населении Восточной Сибири во второй половине XVII в., «Изв. Вост.-сиб. отд. Рус. геогр. об-ва», 1916 г., т. XIV, стр. 212 сл.

[4] Настоящий сборник, стр. 210.

[5] Op. cit., стр. 421.

[6] Настоящий сборник, стр. 163.

[7] Настоящий сборник, стр. 206.

роли доброхотного агента якутских властей (правда, задолго до восстания и к тому же против одного из колонизаторов). Именно, в 1663 г. он донес, что служилый человек Майского зимовья «изменил государю», сбежал и укрылся у своего тестя, Орюканова холопа Кырдыги, и предложил свои услуги для поимки беглеца. Любопытно положение Кырдыги: живет он, повидимому, довольно далеко от Орюканова юрта, потому что последний вызывается итти к нему «вожем». Кырдыга окружен, повидимому, собственными «родниками» и представляет известную военную силу: казачьему десятнику И. Кармалину предлагается итти на поимку с большим отрядом, «а буде за того Кондрашку учнут родники ево битца, и тебе Ивашку по тому ж с ними битца огненным боем».[1] Здесь, конечно, «холоп» — не раб, а вассал Орюкана, и притом довольно сильный.

Отметим также, что при даче показаний о «животах» умерших якутов холопы выступают в одинаковых правах со свободными.

Если в первоначальной стадии источником боканата, вероятно, была война, то в интересующее нас время способы попадания в зависимость имеются довольно разнообразные, как, вероятно, и формы зависимости, заслоненные от нас единообразием терминологии. Так мы видим прямую экспроприацию обедневших свободных людей, имеющих к тому же собственных холопов: об этом говорит жалоба вдовы Бытыкыйки Тавакуевой на Тюсеня Ончокова и сына его Даку, ограбивших ее после смерти мужа. Забрав у нее скот и мягкую рухлядь, «он же Даку и меня сироту твою хотел убить на смерть, да и сына моего Дачину себе похолопил, а жену того сына моего, а мою невеску Мичайка он Даку взял себе в жены место и холопа моего Сылтыса взял к себе ж в холопство».[2]

Как выясняется из дальнейшего, вдова Бытыкыйка со своими обидчиками находилась «в свойстве». Это показание позволяет видеть в рассказанном эпизоде иллюстрацию процесса превращения родовых старшин в феодалов путем экспроприации свободных «родников» (единственный холоп вдовы Сылгыс, вероятно, домашний раб).

Особенно легко обращались в холопство оскудевшие, обезродевшие люди, встречающиеся нам с первых же лет завоевания. Примером может служить якут Батуруского рода Тюкпос, показавший в 1641 г., что «отца де у меня и матери и братьи и родников нет никово», и предпочитавший остаться холопом торгового человека, не желая вернуться «в улус», где его, вероятно, ждала еще горшая участь.[3] Превращение Тюкпоса в русского холопа произошло, вероятно, аналогично судьбе якутки Мойлоки, которая уехала от мужа погостить к брату и, схоронив последнего, была продана другим якутом русскому служилому человеку.[4]

С другой стороны мы наблюдаем и своеобразную «коммендацию», вызванную общим скудением и нищанием якутов в условиях колониального режима. Так, в 1664 г. князцы и улусные люди различных волостей били челом воеводе Голенищеву-Кутузову на невозможность платить ясак, указывая: «И многие из нас сирот ваших, збывая с себя за прошлые годы вашево государева ясаку и поминков доимку, обнищали и обедняли и по дворам в холопство иззапродалися и вконец погибли и раззорилися...»[5] Аналогичные примеры для периода ясачного истощения приводит и А. В. Пруссак: «В ясачных росписях зачастую при имени недоимщика находим пометку «нужен и беден», сам или дети его живут в холопах: напр., Истигей «упромышлять ясаку не мог, стар и беден», дети живут в холопах, а «скота нет ничево»; Селбук Икдегесеев «ясаку достать не мог, нужен и увечен, один сын мал, а другой живет в холопах».[6] Здесь мы, может быть, имеем некоторую новую вспышку домашнего рабства, хотя точно определить понятие «жить в холопах» очень трудно.

Отметим еще, что и сами воеводы, начиная с Головина, практиковали экспроприацию имущества у недоимщиков и отдачу их «князцом до выкупу».[7]

Отмеченное нами общее нищание якутов должно было приводить к росту эксплоатации боканов со стороны господствующего класса. Результатом этого явились массовые побеги, пример которых дает помещенное в настоящем томе дело о бегстве в Жиганы холопов якута Мегинской волости Иденгички Дексиева.[8]

---

1 Настоящий сборник, стр. 187.
2 Настоящий сборник, стр. 211.
3 Настоящий сборник, стр. 152.
4 Настоящий сборник, стр. 207—208.
5 Настоящий сборник, стр. 212.
6 Op. cit., стр. 212—213.
7 ДАИ, III, стр. 37.
8 Настоящий сборник, стр. 215.

XXIV

Приведенный нами материал лучше всякого другого рисует степень разложения родовых отношений и процесс развития феодализма у якутов. Можно, однако, привести и другие факты, свидетельствующие о том же с другой стороны. Так, в сфере обмена мы застаем у якутов, начиная с первых документов, широко развитую торговлю, причем денежной единицей, как это и отмечал Энгельс для других народов, являлся скот. Торговля идет скотом, пушниной, сукном и железом и продуктами скотоводческого хозяйства, в частности молоком.[1] Наряду с существованием внутреннего торга, можно констатировать и наличие внешних торговых связей, не только с русскими колонизаторами, но и с китайцами, бурятами и т. д. С другой стороны, мы наблюдаем процесс установления все большей оседлости. Так, в 1658 г. мальягарские якуты жаловались на меицких, что они отбирают у них покосы, на которых те «наперед сего кашивали».[2] Когда прощенные Балтуга, Лавра и Оенек ушли на Вилюй и начали там грабить, поручители их жаловались, что они сошли «с породных своих мест».[3] Примеры вооруженных стычек из-за сенных покосов мы уже приводили. Поэтому лишь недостатком материала можно объяснить замечание Серошевского, что «в жалобах XVII в. и начала завоевания нет еще указаний на замельную неурядицу; там всего больше жалуются на неправильный сбор ясаку, на угрозы, побои и всякие злые умыслы своих соплеменников; только с половины XVIII столетия жалобы на захват земли выступают на первый план».[4]

На самом деле освоение земли и споры из-за нее мы наблюдаем как раз в XVII в. В XVIII в. уже в самом начале идет довольно интенсивная мобилизация земельных владений, причем продавцы очень часто указывают, что продают «старинные», «природные», «отца и деда» угодья — сенные покосы и рыболовные места.[5] Закрепление земли за родами, вызванное, вероятно, именно оживлением земельной мобилизации, произошло уже позже, в 1765 г., когда «состоялся указ, воспрещающий продажи земель между отдельными лицами с допущением таковой только между наслегами. Отдача земель в заклад была тоже запрещена; разрешалось только отдавать в кортом, но не более как на два или три года, с записью по канцелярским порядкам и с ведома князцов. Земля была признана достоянием рода».[6]

В связи с обрисованным нами упадком промыслов и нищанием скотоводческого хозяйства вырос, повидимому, и интерес к земледелию, занятие которым мы встречаем и раньше. К концу XVII в. принимают систематический характер указания из Сибирского приказа, вызванные известиями, что «в сибирских городах, где промышляют соболи и всякого зверя, и в тех соболиных угодьях леса секут и жгут под пашни, и от того соболь и всякой зверь бежит вдаль».[7] Что лес палили не только русские пашенные крестьяне, видно из отписки якутского воеводы П. Зиновьева: «... велено смотреть, чтоб в ясачных местах лесов не секли и не жгли, и от того бы зверь вдаль не бежал ... а нынче вам великим государем ведомо учинилось, что в Якутском уезде почали леса сечь и жечь ясачные иноземцы ...»[8]

К сожалению, у нас очень мало данных для определения иерархии внутри господствующего класса, да она, вероятно, только и развивалась. В основном для определения туземной знати мы встречаем термины «князец» и «лучшие люди». В одном документе 1684 г. попадается категория «князцов сын», как будто свидетельствующая об известной дифференциации местной верхушки (так по контексту, хотя, конечно, здесь может иметься в виду и просто сын князца). Сравнительно редко употребляется, хотя, как мы видели, все же в актах имеется налицо, туземный термин «тойон». Зато довольно часто встречается выражение «лучший князец», причем внимательный анализ покажет, что эти «лучшие князцы» на протяжении десятилетий образуют феодальные династии. Ниже мы отметим династии намских и кангаласских князцов. Таких «лучших князцов» мы встречаем обычно в качестве представителей целых волостей,[9] а иногда в союзе, представляющих «всю якутскую землю». Эти «лучшие

---

1 Настоящий сборник, стр. 42.
2 Настоящий сборник, стр. 171.
3 ДАИ, VII, стр. 43.
4 Op. cit., стр. 482—483.
5 См. Е. Д. Стрелов, op. cit., док. №№ 14, 15, 17, 44.
6 Э. К. Пекарский, op. cit., стр. 41.
7 Настоящий сборник, стр. 194.
8 АИ, V, стр. 346.
9 Не следует думать, что термин «волость», помимо территориальных связей, обязательно указывает и на родственные. Переход из волости в волость — самое распространенное явление. В челобитной на Головина между прочим, читаем: «Да те ж, государь, иноземцы переходят жить из волости в волость по часту. И в которой волости живет, и оне как приедут с твоим государевым ясаком, и они тое волости и сказываютца, а как в иную волость переедут, и они иной волости и сказываютца» (Н. сб., стр. 36).

князцы» постепенно вырастают в крупнейших местных феодалов, приобретавших власть над более мелкими и опирающихся на колониальную администрацию. В этом отношении очень любопытен кангаласский «лучший князец» Мазары Бозеков, ездивший с князцом Мегинской волости Чюгуном Бодоевым в 70-х гг. в Москву подавать челобитную «во всех якутов место» на притеснения воеводы Барнешлева и нежелание якутской администрации считаться с непосильностью ясачного обложения. Челобитная Мазары Бозекова имела известный успех, и Сибирский приказ еще долго с нею считался. Те же Мазары и Чюгун вместе с намским и борогойским «лучшими князцами» выхлопотали себе в 1685 г. право суда над своими единоплеменниками, причем в виду большого количества споров о делах с давностью в 10—20 лет и больше, им было разрешено прекращать такие дела собственной властью.[1]

Наряду с «лучшими князцами», сосредоточивающими в своих руках все большую власть и богатство, мы наблюдаем и скудение в феодальной среде. Так, среди недоимщиков 1670 г. мы встречаем и князцов.[2] Таким, повидимому, приходилось переходить на положение вассалов крупных феодалов.

Чтобы закончить обозрение материалов, относящихся к общественному строю якутов, укажем еще на развитие у них ремесла, особенно кузнечного, и на появление наемного труда, представлявшего на данной стадии одну из форм феодального закабаления. Если легенда о Тытыне рисует эти отношения еще в весьма патриархальном духе,[3] то в наших документах мы встречаем совершенно обычных «работников», живущх у хозяев и пользующихся, повидимому, правом свободного ухода.[4]

Резюмируя все сказанное, мы должны отметить у якутов наличие всех тех моментов, которые характерны, по Энгельсу, для «предгосударственного строя»: «... отцовское право с наследованием имущества детьми, что благоприятствовало накоплению богатств в семье и усиливало семью в ее отношении к роду; влияние имущественных различий на общественное устройство посредством образования первых начатков наследственного дворянства и монархия; рабство, сперва одних только военнопленных, но уже открывающее возможность обращения в рабство собственных соплеменников и даже сородичей; совершающееся уже вырождение былой войны племени против племени в систематическое разбойничество ... в целях захвата скота, рабов и сокровищ ... одним словом, восхваление и почитание богатства как высшего блага и злоупотребление древними родовыми учреждениями для оправдания насильственного грабежа богатств».[5] Встает вопрос, не было ли у якутов к моменту прихода русских и государственной организации, замененной колониальной администрацией, как это случилось, по мнению С. В. Киселева, в Минусинском крае.[6] К постановке этого вопроса нас вынуждает существующий сейчас у местных этнографов взгляд, согласно которому до прихода русских существовала могущественная якутская империя Тытыгина разрушенная завоевателями.

Эта националистическая иллюзия строится в основном на материале легенд. Сказания о Тытыне действительно сообщают о нем как о якутском царе: «А на месте, называемом Сайсары (нынешний Якутск), жил человек по имени Тыгыл — господин, считая себя якутским царем; всех ближних людей и убивает и не убивает; берет себе, что увидит, и имущество и скот, а если живые останутся, и сам не знает счета своего скота. А если сказать примерно по нынешнему, то людей у него было с половину здешнего улуса и богатства столько же».[7] Этот Тыгын и встретил русских, хитростью втершихся к нему, а затем изменнически победивших его и уничтоживших якутскую самостоятельность: «Живет, славясь, этот Тыгын-господин. Кто бы ни пришел, никого нет такого, кто бы мог одолеть. Считает себя вольным царем. Тогдашние якуты называют его тоеном. Вот, когда он жил, плывет раз с верху Лены одна какая-то штука, похожая на домишко; пристало к берегу, вышли три человека... «Откуда вы пришли, люди?» Отвечали они: «Ходим мы люди, оторвавшись с холмов, оторвавшись от народа. На славу, известность твоего богатства пришли мы к тебе работать, в работу поступить, людьми сделаться!» ... Говорит на то Тытын-тоен: «... За какую плату в год будете

---

[1] Настоящий сборник, стр. 136.
[2] Настоящий сборник, стр. 113.
[3] Согласно преданию, Тыгын, узнавши, что русские пришельцы хотят работать у него бесплатно, сказал: «если так, значит вы пришли ко мне быть сыновьями».
[4] Настоящий сборник, стр. 209.
[5] Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1934, стр. 98.
[6] С. В. Киселев. Разложение рода и феодализма на Енисее. Известия ГАИМК, вып. 65, 1933.
[7] Верхоянский сборник, стр. 47—48.

жить? Скажите мне это!» — Мы люди не просящие платы. — Если так, то значит, вы пришли ко мне быть сыновьями».[1]

Зная предания о борьбе Тыгына с Галкиным и не находя их подтверждения в печатных источниках, исследователи Якутии уже давно пытались идентифицировать Тыгына с Мымаком.[2] Этому вопросу посвящено даже специальное исследование якутского лингвиста Новгородова, о котором мы узнаем из книги Попова. В результате Новгородов пришел к выводу, что «Мымак» — испорченное «Мамык», что «у якутов имело значение — староста, князец, должностное лицо». «Тыгын», оказывается, «имеет нарицательное значение — «князя престолонаследника». В результате Новгородов приходит к выводу, что «князец Мымак есть не что иное, как перевод выражения «тыгын Мымак»[3] (хотя непонятно, почему не «Тыгын мамык»?),

Прежде чем разобраться в этой гипотезе, укажем, что те якутские предания, которые хранят отпечаток древности, никаких царей не знают, а говорят только о выборных племенных старейшинах. Их мы находим и в мире зверей и птиц[4] и в мире людей; так, в одной из легенд мы находим следующее обращение: «Почтенный старичек, человек господин! Видимый божий сын, господин девяти улусов, отец восьми улусов, народной родовой князь...».[5] Такие выборные первоначально, а потом наследственные князья и могли быть у якутов, соответственно степени их общественного развития. Такими и были Тыгын и Мымак, являющиеся, несмотря на все хитросплетения, вполне историческими фигурами, засвидетельствованными как настоящим томом, так и давно опубликованными документами.

Действительно упоминание якутского «тайши» Тынина, отложившегося в 1631 г. из-за грабежа атамана Ивана Галкина, мы встречаем уже в наказе Головину.[6] Далее мы встречаемся с сыновьями его «Тынынелками», «Бозекою з братьями», у которых в 1641 г. служилые люди покупают скот.[7] И, наконец, на протяжении многих лет действует сын последнего, знакомый уже нам Мазары Бозеков, крупнейший якутский князец, фактически руководивший не только своей Кангаласской волостью, но и соседними князцами. Кстати, никто из искавших исторические следы Тыгына, не обратил внимания на то, что в одном документе Мазары Бозеков назван по имени не отца, а деда «Мазары Тыгинин».[8]

Наряду с династией Тыгыновичей можно проследить и династию Мымака, бывшего, как явствует из материалов настоящего тома, намским князцом. Так, в числе показавших под пыткой на Глебова и Филатова фигурирует намский князец Ника Мымыкович.[9] Позднее мы встречаемся с князцом Намской же волости Букеем Никиным, сподвижником Мазары Бозекова в деле отстаивания феодальных прав «лучших князцов».[10] Кроме того, на Вилюе мы находим еще князца Нокто Никина.[11]

Таким образом, наши наблюдения аннулируют представление об «империи» Тыгына и подтверждают наличие у якутов племенных вождей, превращающихся уже на наших глазах в наследственных феодальных владетелей (характерно, что ни Тыгын, ни Мымак отчеств еще не имеют).

Последний вопрос, который нам хотелось бы в этой связи отметить, отнюдь его не разрешая, это влияние московской колониальной политики на внутренний строй туземного населения. Представляется несомненным, что в результате колониального грабежа на первых порах общественная дифференциация должна была углубляться, проявление чего мы и наблюдаем, рассматривая процесс обнищания и охолопливания свободных якутов. Однако в дальнейшем колониальный режим стал, повидимому, тормозить развитие, усиливая в фискальных целях значение изживавшихся родовых связей и искусственно закрепляя родовую организацию за местными феодалами. Дальнейшее развитие якутского общества протекало в извне закрепленной

---

1 Верхоянский сборник, стр. 50.
2 См. Серошевский, op. cit., стр. 467.
3 Попов, op. cit., стр. 20.
4 «На южном месте птицы обществом сделали большое собрание ... И собравшись, выбрали себе господином Беркута» (И. А. Худяков, «Верхоянский сборник», стр. 69). «Летающие крылатые (расплодились) на Ледовитом океане... Стали выбирать хорошего господина» (Ibid., стр. 73).
5 Ibid., стр. 145.
6 Р. Ист. б-ка, т. II, стр. 965.
7 Настоящий сборник, стр. 10.
8 ДАИ, VIII, стр. 268. В некоторых документах Мазары называется еще «Майзяком» — ДАИ, VII, 241.
9 ДАИ, III, стр. 37.
10 Настоящий сборник, стр. 135. Ср. Также ДАИ, стр. 291.
11 ДАИ, VII, стр. 42.

наслежно-родовой организации, что, не притупляя классовых противоречий и не мешая эксплоататорам угнетать своих «родовичей», замедляло развитие производительных сил Якутии.

Мы не будем останавливаться на характеристике общественного строя других народов Якутии — тема это совсем неразработанная и лишь в последнее время занявшая внимание ряда исследователей, подготовляющих соответственные работы. К тому же, материал настоящего тома сравнительно мало дает для изучения этих вопросов. Отметим только, что, изучая строй тунгусов (эвенков), нужно учитывать отдельные районы. Так, у южных тунгусов, по нашим наблюдениям, разложение родового строя к моменту завоевания зашло гораздо дальше, чем у северных.[1]

* * *

В заключение мы хотим подчеркнуть еще одну важную проблему истории Якутии XVII в. — это наличие несомненной и острой классовой борьбы среди самих колонизаторов.

Состав последних был чрезвычайно пестрый; вместе с тем между отдельными категориями не было резких границ. Так, «служилые люди» все время пополнялись за счет охотников из промышленных и гулящих людей, пашенных крестьян, ссыльных, новокрещеных и т. п. Центральное правительство, правда, боролось с этим явлением, с одной стороны, сокращавшим число тяглецов с другой — делавшим служилый кадр весьма ненадежным. Однако по отношению к Якутску допускалось исключение даже в то время, когда в Западной Сибири «прибор» служилых людей уже ограничивался. Так, в наказе якутскому воеводе Волконскому читаем: «А будет ссыльных опальных людей на выбылые места в службу верстати некого, а учнут бити челом... в службу промышленые или сибирских городов отставленные какие служилые люди — и тех... на выбылые места верстати...».[2] Тем не менее в 1675 г. воевода Барнешлев сообщал, что он верстает и гулящих людей: «А будет, государь, из гулящих людей в выбылые оклады на службу не верстать, и на твои великого государя службы посылать будет некого...».[3]

Точно так же не находим мы строгого разделения между торговыми, промышленными и пашенными людьми. Помимо частых случаев перехода из одной категории в другую, мы сплошь да рядом находим совмещение их. В этом отношении любопытен один из первых земельных колонизаторов Якутии Ивашка Никонов Сверчков, рекомендующийся одновременно «крестьянином» и «торговым человеком вологодцкого и великопермского архиепископа Варлама» и принимающий на себя обязательство «пахать пашню» «людьми своими и наемщики».[4] В его лице мы находим, таким образом сложное сочетание социальных качеств. Таков же был и его поручитель, знаменитый Ерофей Хабаров, тоже «пашенный крестьянин», одновременно являвшийся и руководителем крупных военных походов, и организатором промышленных ватаг, и спекулянтом, и ростовщиком. Ерофей Хабаров был, конечно, не простым «пашенным крестьянином», а крупным земельным собственником, ведшим большое феодальное хозяйство. В челобитной на Головина говорится: «Да в ту ж тюрьму посадил он Петр... Хабарова, а у того Ерофейка на Киренге пашенной завод большой, и прибыли б тобе, государю, хлебные было по вся годы пудов по 1000 и больши на год. Да к той же, государь, пашне он Ерофейко из-за пристава и ис тюрьмы бивал челом тобе, государю, а ему, Петру, подавал челобитную устроить в пашню 10 человек пашенных крестьян со всеми пашенными заводы и с коньми и с семяны».[5]

Как видим, были пашенные крестьяне и пашенные крестьяне. Одни являлись крупнейшими предпринимателями, попутно использовавшими хлебную нужду Якутска и бравшими у воевод крупные хлебные подряды, другие шли на пашню, желая бросить службу или потерявшие смысл промыслы, и попадали во всяческую кабалу к крупным хищникам. Так поверстались в число пашенных крестьян промышленные люди Пиминов и Карпов в 1658 г.,[6] так оказались в Енисейске в 1648 г. среди «половников» и «захребетников» пашенных

---

[1] Может оказаться небесполезным и следующее наблюдение. Говоря о якутах, наши документы только на первых порах приводят имена без отчеств или по форме «такой-то такого-то сын». Очень скоро все якуты, в том числе и «холопы», начинают именоваться по имени-отчеству. Гораздо сложнее в этом смысле практика наименования тунгусов. Последние именуются почти исключительно по имени, отчества приобретают в памятниках довольно поздно, да и то не все, а скорее «князцы». Для юкагиров употребление имени-отчества с 60-х гг. становится довольно распространенным.

[2] АИ, IV, стр. 450.

[3] ДАИ, VI, стр. 402.

[4] Настоящий сборник, стр. 151—152.

[5] Настоящий сборник, стр. 33.

[6] Настоящий сборник, стр. 172—173.

крестьян сбежавшие от тягла енисейские посадские люди. Именно таких пашенных крестьян имеет в виду челобитная на торговых людей, поданная якутскими служилыми людьми, согласно которой первые «по заимкам около усть-Куты и Чичюйского волоку задалживают всех пашенных крестьян, и у тех пашенных они торговые люди емлют всякие хлебные запасы за долг дешевою ценою, а у иных выкупают тоже дешевою ценою».[1] Практический пример деятельности ростовщического капитала дает Андрей Хабаров, систематически объезжающий пашенных крестьян «для кабального долгу».[2]

Таким образом так называемая «вольная колонизация» оказывается совершенно опутанной феодальной и ростовщической кабалой. Особую роль в этом деле играло духовенство. Перебравшись в Сибирь, русская церковь энергично воспроизводила в колониальных условиях крепостническую схему метрополии. Своих крепостных, половников и т. п. имели и боярские люди и даже, как мы видели, пашенные крестьяне, но митрополичья кафедра в этом деле перещеголяла всех остальных. Особенно рьяным стяжателем в середине XVII в. был тобольский митрополит Корнилий, активно экспроприировавший чужие земли и угодья и усердно принимавший «вклады» и «заклады». Противником воспроизводства в Сибири крепостнических отношений выступило, как это на первый взгляд ни странно, государство, для которого создание в Сибири множества «захребетников» представляло явную невыгоду. А так как захребетники эти оказывались не помещичьими, а монастырскими, то в эпоху после падения Никона нажать на монастыри не представлялось особенно зазорным.

Монастыри, тем не менее, под разными соусами продолжали свои кабально-ростовщические и спекулятивные операции. Впрочем, до Якутска монастырская колонизация докатилась очень поздно. Монастырь в Якутске был основан только в 1664 г., и еще в 1679 г. воевода Бибиков сообщал, что монастырь скуден и никаких «земель и угодий и крестьян и бобылей, и пашенных и непашенных земель, и сенных покосов, и скотских выпусков, и рыбных ловель, и звериных промыслов» за ним нет. Тем не менее уже с 1680 г. у монастыря стали заводиться и соляные варницы, и сенные покосы, и пашенная земля, а в XVIII в. монастырь уже эксплоатировал окрестное население, как русское, так и якутское, вовсю.

Итак, социальное деление нам придется искать отнюдь не в разрезе сословных групп, лишенных четких граней и создающих сложное переплетение. Военно-феодальная эксплоатация колонии фактически создавала благоприятные условия для выделения небольшой привилегированной группы феодалов и представителей торгового капитала, которая в тесном союзе эксплоатировала не только туземцев, но и низы колонизаторов. В каждой из основных русских групп — среди служилых людей, торговых людей и пашенных крестьян мы можем обнаружить верхушку и эксплоатируемые ею низы. Стихийно вырастает и холопство, ряды которого пополняются как из туземцев, так и из русской среды.

Поэтому не случайно широкое недовольство, следы которого постоянно проявляются в источниках. Мелкие служилые люди все время жалуются, что они «обнищали и одолжали великими долги, наги и босы». Трудная колониальная служба не всегда оправдывалась грабежом туземцев, так как львиную долю добычи тем или иным способом присваивала верхушка. А иногда походы оказывались и неудачны. Так, после даурской экспедиции Василия Пояркова служилые люди жаловались на него, что он их «бил и мучил напрасно и, пограбя у них хлебные запасы, из острожку их вон выбил, а велел им итить есть убитых иноземцев, и те служилые люди, не хотя напрасною смертию померети, съели многих мертвых иноземцев и служилых людей, которые с голоду примерли, приели человек с пятьдесят». Характерно, что и сам Поярков не отрицал этого факта, утверждая лишь, что «ели де они мертвых людей» ... по собственной охоте.[3]

Вечно задолженные боярским детям и крупным торговым людям, служилые находились в состоянии перманентного недовольства. Недаром в наказе Волконскому якутским служилым людям, «иным сибирским городом и служилым людем не в пример и не в образец», разрешалось во время ясачного сбора «что небольшое» «выменять» в свою пользу.[4] «Выменять» — это, конечно, эвфемизм, молчаливо санкционировавший грабеж «иноземцев» ясачными сборщиками.

С своей стороны имели достаточно оснований для недовольства и мелкие торговые и промышленные люди, те, кто сами ходили на промысла и в дальние экспедиции, подвергаясь всяческому риску. Прежде всего казна зорко следила за их деятельностью, регламенти-

1 Настоящий сборник, стр. 165.
2 ДАИ, XI, стр. 29.
3 ДАИ, III, стр. 58—59.
4 АИ, IV, стр. 444—445.

руя и ограничивая ее в свою пользу. Так, промысел моржовой кости был поставлен в следующие «благоприятные» условия: «...и вы б велели у служилых и у всяких охочих людей, которые учнут на Лене и на иных реках на взморье промышлять кость рыбий зуб, с того промыслу имать на нас великого государя половину, а другую половину отделять им, да из той же половины имать на нас же десятую; а что за десятою останетца, и вы б велели у них кость имать на нас же в казну...».[1]

Теснимые казенными монополиями и многочисленными повинностями, мелкие торговые люди и промышленники, вдобавок, подвергались двойной эксплоатации со стороны крупного торгового капитала и колониальной администрации. Так, например, в 1665 г. торговые и промышленные люди Никита Ворыпаев с 24 товарищами прислали с Индигирки жалобу на боярского сына Андрея Булыгина, который их «изгоняет и всякими обидами обидит и своими бездельными приметами к ним приметываетца и своими руками бьет их на смерть и батогами бьет нещадно для своей бездельной корысти и кабалы намучивает и вино курит и пиво варит и продает то вино в чарки, а пиво в ведра...».[2] Аналогичными жалобами полны и другие документы этого времени.

Как видим, горючего материала в Якутии было довольно среди всех групп. Следует еще вспомнить значительное число ссыльных, а также непрекращавшийся приток в Сибирь гулящих людей, преимущественно из скудевших во второй половине XVII в. северных городов, приток, который никак не могли приостановить центральные власти, несмотря на все поставленные на сибирских дорогах рогатки.

Формы протеста у колонизаторов складывались в основном те же, что и у туземцев: челобитья, побеги и, наконец, открытые восстания. Примеры челобитных мы уже приводили, их читатель найдет и еще в нашем сборнике — см., напр., челобитную якутских служилых людей 1649 г. на торговых.[3] Любопытное челобитье подали якутские казаки от своего имени и «ото всего города» на боярских детей в 1668 г.[4] Но не этот вид протеста представляет для нас наибольший интерес.

Что касается побегов, то сведения о них довольно многочисленны. Бегали служилые люди, бегали промышленные, бегали пашенные крестьяне, в одиночку и группами. Мы уже наблюдали выше служилого человека, который сбежал к своему тестю-якуту. В 1688 г. в Москве был пойман беглый якутский стрелец, который, бросив военное дело, «работал у фартенных изб — катал бочки».[5] В воеводство М. Лодыженского от насилий его агентов «многие пашенные крестьяне и промышленные люди на розно розбрелися».[6] В 1686 г. дворовые люди казака Мухоплева, подговоренные якутами, ушли вместе с ними «в Жиганы»[7] и т. п.

Основным местом побегов были, однако, не Жиганы и не Москва, а Приамурье — сказочная Даурия, неизменно манившая к себе в XVII в. любителей вольной жизни и наживы. «Когда в 1653 г. Хабаров ехал с Амура в Москву вместе с стольником Дмитрием Зиновьевым, то Илимский уезд он проезжал „в камчатном платье нарядяся“ и „всяких чинов людям хвалил Даурскую землю и подговаривал, чтоб шли в ту богатую землю всякие люди“, что там „житье богатое“ и пр. И „всяких чинов люди“ — служилые, посадские, промышленные, крестьяне, „гулящие люди“ и др. жадно бросились на Амур, то в одиночку, то группами, гибли массами еще не доходя до заветной цели, и только редкие достигали ее, присоединяясь к находившимся там русским отрядам или образуя вольные — „воровские полки“».[8]

Цитируемая статья Оглоблина посвящена бунту «воровского полка» М. Сорокина, любопытнейшему эпизоду классовой борьбы в Сибири XVII в., непосредственно Якутии не касавшемуся, но территориально очень к ней близкому, так как восстание М. Сорокина произошло в соседнем Илимском воеводстве и кончилось уходом в Дауры «полка» в несколько сот человек, составившегося в основном из илимских и якутских казаков, пашенных крестьян, промышленных и гулящих людей. Тяга в Даурию была так велика, что илимский воевода выражал даже опасение, как бы от этих побегов «твоя государева Сибирская земля пуста не

---

[1] ДАИ, IV, стр. 99.

[2] Настоящий сборник, стр. 67.

[3] Настоящий сборник, стр. 164 след.

[4] Н. Оглоблин. Якутский розыск о розни боярских детей и казаков, «Русская Старина», 1897 г. кн. 8.

[5] Н. Оглоблин. Обозрение книг и столбцов..., ч. IV, стр. 10.

[6] Настоящий сборник, стр. 60.

[7] Настоящий сборник, стр. 195.

[8] Н. Оглоблин. Бунт и побег на Амур «воровского полка» М. Сорокина, «Русская Старина», 1896 г., кн. I, стр. 205.

была».[1] Один из приводимых в настоящем сборнике документов повествует, повидимому, об участнике Сорокинского полка, так как дата побега пашенного крестьянина Никиты Емельянова «в Дауры» совпадает с годом восстания Сорокина.[2]

Что касается вооруженных столкновений, то стычки служилых и промышленных людей на местах встречаются довольно часто в разное время. Полоса же «бунтов» начинается как раз в годы упадка якутского воеводства, т. е. в те же годы, на которые приходится целый ряд выступлений туземцев. Так, в 1683 г. «завели бунт казаки, кои наряжены были... на службу на Удь, Федька Мартынов с товарищами, хотели якутских градских жителей многих лутчих людей домы грабить и их самих побивать до смерти, и у торговых людей плоты с хлебными запасы отбивать».[3] В следующем году аналогичный бунт хотел поднять «казачий наемщик, гулящий человек» Кузьма Михайлов.[4] Но особый интерес представляют для нас сведения о волнениях бирюльских пашенных крестьян в 1691—1692 гг., приведенные в сборнике Ионина.

Само по себе дело не представляло ничего из ряда вон выходящего. Бирюльские пашенные крестьяне тяготились поборами казенного приказчика П. Халецкого, и когда он прислал к одному из крестьян своего дворового человека «по рогатую скотину», во дворе у крестьянина собрались все бирюльские пашенные крестьяне, заявившие, что «они де пашенные крестьяне ныне хлеба и скота и никакова живота Павлу Халецкому давать не будут». После этого все собрание отправилось к приказчичьей избе «с дубьем» и осадили ее, забрали коней и рогатый скот Халецкого и разделили между собой. Крестьянский бунт продолжался несколько месяцев, но не выходил за пределы округи. Вооруженные крестьянские отряды в несколько приемов пограбили весьма значительные «животы» Халецкого, ограбили церковь, пономаря и церковного старосту, а также ряд зажиточных крестьян. На место Халецкого крестьяне посадили приказного человека по собственному выбору, но дальше их борьба не пошла.

Факт сам по себе любопытный, но чисто локального значения, если бы не одна деталь: во главе движения стояли «Васька Седой з детьми и с товарищы, з Стенькою, что называется Разиным». Один из предводителей бирюльских крестьян принял на себя, таким образом, имя Разина, подчеркнув тем самым идейную связь движения с крестьянской войной 1670-х гг. Такая детонация разинского восстания в далекой Якутии чрезвычайно показательна, свидетельствуя о более или менее однородных крестьянских настроениях в самых различных колониях Московского государства.[5]

Как видим, классовая борьба среди якутских колонизаторов, несмотря на частые вспышки, не принимала острого характера и интересна не столько по результатам, сколько по тенденциям. Для того, чтобы стать массовым, движение русских низов Якутии должно было объединиться с туземным. Но этого не произошло. Их объединяли только царские тюрьмы и указы. Так, в 1678 г. в якутской тюрьме сидело 11 русских, из них 5 казаков за бунт и Костька Конюховской «по государевой грамоте в изменном деле», 5 якутов и 2 тунгуса.[6] А в воеводском наказе 1697 г. говорится: «чтоб русские служилые люди и иноземцы всякие были под их великого государя высокою рукою страшны и великому государю послушны и неповадны ни на какое дурно».[7]

Мы попытались в беглом изложении наметить ряд проблем истории XVII в. в Якутии, отчасти иллюстрируя их документальными примерами. Как видим, поле для деятельности историков Якутии велико и богато неразработанными залежами документального сырья. Очистить историю якутов от наслоений великодержавного и местного национализма, создать фактически заново историю тунгусов, ламутов, юкагиров, чукоч и коряков — такова неотложная задача нашей науки на данном участке. Мы надеемся, что материалы, помещенные в настоящем томе, облегчат выполнение этой задачи.

И. Троцкий

---

[1] Ibid., стр. 205.
[2] Настоящий сборник, стр. 173.
[3] ДАИ, XI, стр. 125.
[4] Ibid., стр. 123—125.
[5] Материалы бирюльского восстания см. у Ионина, op. cit., стр. 118, 199 след. Традиция разинского движения легко могла перейти в Якутию через ссыльных. Недаром народная песня отправляет похоронивших своего вождя сподвижников Разина в ту же Даурию.

На Амур пошли думу думати,
У Амур-реки крута гора,
Крута гора высокая,
На той горе распрощалися,
Друг другу поклонилися.

[6] Райский. Заметки из дел Якутского архива. «Записки Спб. отд. ИРГО». т. VI, 1898, стр. 38—39.
[7] Е. Д. Стрелов, op. cit., стр. 16.

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

Издаваемые в настоящем томе документы извлечены из обширного собрания «якутских актов», хранящегося в архивохранилище Историко-археографического института Академии Наук СССР (ИАИ). Фонд этот явился результатом деятельности Якутской воеводской приказной избы и Якутской таможни за время с 1639 по 1707 г. Означенный фонд был перевезен из Якутска в Петербург еще в 40-х годах прошлого века, но далеко не полностью; значительная часть его хранится ныне в Москве, в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи. Эта часть якутского фонда в настоящем издании не использована.

Якутская воеводская приказная изба являлась в XVII веке центром управления всем местным краем, охватывавшим огромные пространства Восточной Сибири. В течение всего века не прекращалась дальнейшая экспансия Московского государства на восток и к XVIII веку в сферу «управления» якутского воеводы частично вошла уже и Камчатка.

Якутский воевода, отрезанный от Москвы расстоянием около 10 000 километров пути, требовавшего, по тому времени, для своего преодоления свыше года езды в один конец, естественно, не мог обращаться в Москву за разрешением тех или иных вопросов текущего управления (ответ из центра мог бы быть получен лишь на третий год), но должен был разрешать все возникающие вопросы на месте. Отсюда особое богатство и разнообразие содержания фонда якутских актов. Нужно, однако, помнить, что фонд этот содержит лишь официальную переписку: всевозможные указы, наказы, отписки, памяти, челобитные, доезды и т. п. Так называемых «частных» актов мы в нем почти не встретим. Некоторым исключением являются лишь многочисленные судебные «дела», в которых отражаются иногда весьма любопытные частные взаимоотношения тех или иных лиц (в том числе и туземного населения), обращавшихся за разрешением возникающих столкновений все к тому же воеводе, в его приказную избу.

Разнообразие содержания актов рассматриваемого фонда дало возможность наметить следующую схему расположения всего издаваемого в настоящем томе материала.

I. Военная колонизация Якутии. Система острогов. Администрация.

II. Формы и методы колониальной эксплоатации: а) сбор ясака, б) эксплоатация естественных богатств, в) земельная колонизация Якутии. Торговые и промышленные люди. Ссыльные. Отношение к туземному населению.

III. Туземное население: а) внутренний строй туземного населения, б) формы сопротивления туземного населения колониальной политике.

В пределах каждого из названных отделов и подотделов материал в настоящем томе располагается в хронологическом порядке. Следует при этом иметь в виду, что многие отдельные документы одновременно затрагивают целый ряд вопросов, относящихся по своей тематике к нескольким из указанных выше разделов. Поэтому, естественно, полной точности в систематике документов по разделам ожидать нельзя.

Внешнее состояние документов фонда Якутской приказной избы в значительной своей части мало удовлетворительно. В свое время (до перевозки этого фонда в Ленинград) документы эти были сложены в Якутске в помещении с протекавшей крышей, в результате чего целый ряд документов полуистлел и текст на осыпавшихся краях их может быть восстанавливаем лишь путем догадок. Такие восстановленные редакцией части текста взяты в предлагаемом издании в прямые скобки, с общей оговоркой в легенде о ветхости данного документа. В прямые же скобки, но без редакционных оговорок взяты также отдельные буквы и слова, явно пропущенные в подлиннике, когда пропуски эти затрудняют понимание данного контекста. Утраченные и немогущие быть восстановленными по смыслу, а также оставшиеся неразобранными части текста выделялись многоточием с соответствующей оговоркой в примечании. Многоточием же отмечались часто встречающиеся в подлиннике пропуски числа в дате документа; в последних случаях, отметив это в настоящем «введении», особых оговорок в примечаниях к отдельным документам уже не делалось.

Все делопроизводство Якутской приказной избы по формальному признаку, естественно, разделяется на «исходящие» и «входящие» документы. Все так называемые «исходящие» документы приказной избы, т. е. отправляемые ею разным лицам и учреждениям, сохранились в ней в виде черновых отпусков, часто перечеркнутых и перемаранных, с вставленными между строк по зачеркнутому тексту новыми фразами, представляющими иногда большие трудности для прочтения; все «входящие» в нее документы сохранились в чисто написанных подлинниках. В виду ясности отмеченного подразделения документов, соответствующих указаний в легендах к каждому отдельному документу уже не делалось.

Всякого рода челобитные трафаретно обращались, согласно обычаю того времени, на имя царя, фактически же подавались на разрешение воеводы. Поэтому в заголовках подобных документов царское имя редакцией настоящего издания опускалось, а указывались имя и фамилия воеводы, к которому данная челобитная фактически поступала.

В наименованиях разновидностей печатаемых документов (в заголовках к ним) редакция по возможности, придерживалась подлинной их терминологии. Однако совокупность различных

документов по одному и тому же вопросу, в частности носящих характер продолжающегося расследования по данному вопросу, объединялась под общим, даваемым самой реакцией термином «дела» с выделением входящих в него отдельных документов и самостоятельных моментов делопроизводства римскими цифрами, но уже без соответствующих подзаголовков к отдельным документам. При этом следует отметить, что иногда подобные дела свертывались в приказном делопроизводстве Якутска до минимума. Мы имеем ряд случаев, когда все «дело» занимают собой лишь один небольшой лоскут бумаги. Например, «дела», напечатанные в настоящем томе под №№ 153, 157, 159 и др., представляют собою лишь поступившие от тех или иных лиц челобитные с пометами на них приказной избы. Однако несомненно, что и в данных случаях мы все же имеем перед собою настоящие судебные «дела». Более развернутые пометы на челобитных (см. те же №№) прямо говорят: такого-то числа «суд был», «ответчик сказал» то-то, «истец сказал» то-то и затем следует краткое изложение последовавшего судебного решения. Здесь перед нами в кратких, но ясных чертах вскрывается вся картина судопроизводства по данному делу. Примитивность внешнего оформления этих «дел» объясняется, с одной стороны, крайней дефицитностью бумаги в Якутии и стремлением всемерной ее экономии, с другой стороны пренебрежительным отношением местных «судей» (того же воеводы, дьяка и прочих приказных людей) к туземному населению (подобного рода примитивное делопроизводство в значительной своей части встречается именно по разбирательству жалоб туземцев). Вместо того чтобы допросы сторон и решение по делу записать на отдельных листах бумаги, придав им силу самостоятельных юридических документов (как это обычно практиковалось), ограничивались устным делопроизводством с краткой записью результатов его в соответствующей помете на самой челобитной.

Отмеченная выше отдаленность Якутска и крайняя медленность сношения с центром своеобразно отражались иногда и на содержании местных документов, кажущимися несоответствиями в тексте. Мы имеем, например, ряд документов от 1646 года, обращающихся на имя царя Михаила Федоровича в то время, когда он давно уже умер. В подобных случаях нет никакой ошибки в датировке документов, объясняются они просто неполучением еще в Якутске известия о смерти царя. С другой стороны, вновь назначаемые в Якутск воеводы ехали туда свыше года, нося с самого момента своего назначения официальное звание якутских воевод; в то же время продолжали носить то же звание и старые воеводы, сидевшие в Якутске. В некоторых случаях получается поэтому кажущаяся путаница, когда в одно и то же время документы упоминают под именем якутских воевод разных лиц.

Датировка документов, напечатанных под №№ 116 и 151, представляется несколько условной. Текст их дает нам точное указание лишь на «прошлый» год, который не может, конечно, во всех случаях быть приравниваемым к понятию «предыдущего» года. Однако, по аналогии с целым рядом издаваемых в настоящем томе документов того же типа, можно быть уверенным, что и в указанных документах (№№ 116 и 151) упоминаются события, имевшие место именно в предыдущем году. Поэтому, в целях избежания излишнего осложнения датировки этих документов, редакция датировала их годом, следующим за упоминаемыми в тексте событиями.

Приемы передачи текста в данном томе остались те же, что и во всех предыдущих томах, изданных ИАИ по материалам XVII века: в основном сохранялась орфография подлинника, со следующими отступлениями: «ъ» опускался; буквы «і» десят., фита, ять, омега, кси, ижица заменялись на «е», «и», «ф», «о», «кс», «и». При введении в строку надстрочных букв, произносимых в настоящее время мягко, вставлялся мягкий знак. Прописные буквы проставлялись редакцией применительно к современному правописанию. Цифры, написанные словами, а также выраженные славянскими буквами, передавались арабскими цифрами.

Особую трудность представляла в данном издании транскрипция туземных имен. Имена эти встречаются в тексте в явно исковерканных русскими писцами обозначениях. При этом одно и то же лицо часто упоминается под двумя и более разными именами; напр., Некан, он же Анекон, или Немячко, Немьяк, Немняк и т. п. Следует также иметь в виду, что имена туземцев иногда совершенно сознательно записывались писцами в различных непохожих один на другой вариантах, что давало местным приказным людям возможность прикрывать разные злоупотребления при сборе ясака. В общем необходимо отметить, что труднопроизносимые для русских туземные имена, написанные к тому же с вынесенными над строкою согласными буквами, почти не поддаются правильной транскрипции.

Из принятых в тексте сокращений следует особо оговорить лишь сокращение часто повторяющегося при царском имени титула: «Всеа Великия и Малыя и Белыя Русии самодержца», заменяемого в издании буквой «т» (титул), взятой в прямые скобки [т.]. Остальные немногочисленные сокращения достаточно понятны: фунт-ф.; сажень-саж.; рубль-руб.; алтын-алт.; деньга-д.

В виду того обстоятельства, что все печатаемые в настоящем томе документы извлечены из одного указанного выше архивного фонда, упрощается цитация их в легендах. Фонд хранящихся в ИАИ якутских актов занимает 48 картонов с № 184 по № 231 (по валовой нумерации всех картонов архива ИАИ). В легендах к документам принадлежность их к названному фонду уже не оговаривается: отмечается лишь № картона (сокращенно «К.») и № столбца в этом картоне (причем отмечается общее число ставов данного столбца) и, наконец, указываются порядковые №№ ставов данного столбца, на которых написан издаваемый документ.

Составление тома первоначально поручено было бригаде сотрудников ИАИ в составе Н. Г. Павловой (бригадир), Н. Е. Боровковой и Н. В. Тимофеева. Однако в дальнейшем тяжелое заболевание Н. Г. Павловой привело к изменению состава работников. Общая редакция тома принадлежит В. Г. Гейману и И. М. Троцкому при участии Р. Б. Мюллер, А. В. Пруссак и К. Н. Сербиной. Указатели личных имен и географический составлены В. М. Неклюдовым; указатель племен и родов — Н. Н. Степановым.

I. ВОЕННАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ЯКУТИИ. СИСТЕМА ОСТРОГОВ. АДМИНИСТРАЦИЯ.

1. *1639—40 гг. — Челобитная енисейских служилых людей Ерофея Киселева и Кирилла Ванюкова об отпуске их «на службу» на реки Тату и Амгу.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом холопи твои государевы, енисейские служилые людишка Ерофейко Кисел[ев], Кирилко Ванюков. В нынешнем, государь, во 148-м году били мы челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, а в Ленском острожке в съезжей избе сыну боярскому Парфену Ходыреву подали челобитную в твоем в государеве в ясаке, в прибыли в 10-ти в сороках в соболях, в новую землицу, [с] служилыми и с промышленными людьми. А которой, государь, с нами был в заводе якольскому языку язычной человек, и того язычного человека Парфен не дал нам не ведомо для чего. И мы холопи тво[и] на тою твою госуд[ареву] службу походили, и на Тате и на А[мге] реки ездили 3 недели для вож[ей], и без якольского язычного человека вожа [не мо]гли наспрашать для того, что разговор якутцких людей в вожи некому, и без вож[ей], государь, в тое землицы попасть не мог[ли], ради вожа и толмача в Ленской острог... [1] воротилися. И ныне, государь, мы холопи тв[ои] якольскому языку умеющего человека в толмачи спрошали и вож, кому нас холопей твоих [ве]сти, есть в тое землицу. Милосердый госу[дарь] и великий князь Михайло Федорович, пожалуй нас холопей своих, вели, государь, нас из Ленского острожку на ту ж св[ою] службу по прежней нашей челобитной [и нака]зной памяти сына боярского Парфена Хо[дырева], какую наказную память дал нам [Пар]фен за своею печатью по нашему че[лобитью] [отпустить] до приезду атамана Осипа Галкина, и в[ели] дать нам тех же толмачей и служилых и про[мышленных] людей, которые в прежней челобитной напи[саны] [чтобы], государь, не упустить время ходу и те б служи[лые] врознь не разбрелися, а мы холопи твои с нынешнего го[ду] поспеем в тое землицу и тое прибыли 10 сороков соболей на 149-й год зберем. Царь государь, смилуйся по[жалуй].

На обороте: К сей челобитной вместо Кирила Ванюкова Ленского острогу десятник казачей Вахромейко Максимов по его велению руку приложил.

К. 187, столб. 7 на 35 ставах; ст. 25; ветхий.

2. *1640 г. не ранее марта 1. — Отписка якутского таможенного целовальника Юрия Селиверстова якутскому таможенному голове Дружине Трубникову об отказе енисейского сына боярского Парфена Ходырева дать переписать и запечатать имеющуюся у него мягкую рухлядь и о подговоре на то же служилых людей.*

Господину Дружине Фокичю Юшко Селиверстов челом бьет. В нынешном, господине, во 148-м году марта в 1 день ведамо мне в Ленском острошке у енисейсково сына боярсково у Парфенья Ходырева есть сороков с 80 соболей, да черных добрых лисиц об ясачном зборе объявилось. И я тово Парфенья в то число призывал в таможню, и енисейских и красноярских служилых торговых и промышленых людей, и прошал у него Парфенья тех соболей на записку и на печать. И Парфеней мне соболей и лисиц своих добрых черных не дал записать и запечатать, и запечатав взять в государеву казну и послать в Олекменской по времени к тобе

[1] *Конец строки оборван.*

в государеву казну з десятинною соболиною казною. Да тот же Парфеней отказал во всем таможенном деле, и не ходи де ты целовальник ко мне и к моему анбару соболей и лисиц печатать и на государя имать, а только де пойдешь ко мне, //отшибу де тобе голову от соболей и от лисиц своих, полно де тово, что де и на Ленском волоку у меня соболи с таможенным головою з Дружиною взяли в государеву казну, не утеряйте де и тех соболей из государевы казны. Да и служилым людем Парфеней говорил в таможни, не ходите де в таможню к таможенному целовальнику к Юрью Селиверстову с собольми и со всякою мяхкою рухлядью, а только де пойдет тот целовальник по вашим анбарам или по юртам соболи ваши печатать и на государя имать, и вы ево бейте на смерть, то де ему и указ, потому что де в наказной у него целовальника нет тово, что у нас соболи и лисицы на государя имать. А при которых людех Парфеней отказал, тем людем имянная роспись под сею отпискою.

К. 187, столб. 10 на 18 ставах; ст. 8-9. Приложенная роспись в настоящем издании опущена.

3. *1640 г. после апреля 3. — Челобитная тунгусского толмача Федора Михайлова об освобождении его из под караула в Ленском острожке.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом холоп твой государев Ленсково острожку тунгуской толмачь Федька Михайлов. В нынешнем, государь, во 148-м году априля в 3 день сказал я холоп твой в Ленском острожке в съезжей избе твое государево дело на енисейсково сына боярсково на Парфена на Ходырева для того, что он Парфен посылает на твою государеву службу с енисейскими служивыми людьми с Кирилкою Ванюковым с товарыщи в тынгуские толмачи по их служивых людей челобитью в новую землицу. И я, государь, холоп твой убоялся тое дальные службы, потому что землица дальная, неведомая и вожей к ней нет, а се скуден всем, поднятца было нечем на тое твою государеву дальную службу. Сказал твое государево дело на того сына боярсково на Парфена Ходырева, не ведаючи. И в том я холоп твой перед тобою великим государем виноват. И ныне, государь, я холоп твой сижу за приставом в том твоем государеве деле. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня холопа своего, вели, государь, из за пристава свободить, а в вине моей что ты, государь, укажешь. И на твою государеву службу в новую землицу с енисейскими служивыми людьми с Кирилком Ванюковым с товарыщи иду, только дадут на подъем, чем поднятца на твою государеву дальную службу. Царь государь, смилуйся пожалуй.

На обороте: К сей челобитной десятник казачей Мишка Кожевников вместо тунгусково толмача Федьки Михайлова по его веления руку приложил.

К. 187, столб. 7 на 35 ставах; ст. 2.

4. *1640 г. октября 18—1641 г. января 24. — Дело якутской съезжей избы о тунгусском князце Звероуле, взятом в аманаты, бежавшем затем из якутской караульной избы, и вновь захваченном после погони.*

I. — 149-го октября в 18 день в съезжей избе перед стольники и воеводы перед Петром Петровичем Головиным да перед Матвеем Богдановичем Глебовым да перед дьяком перед Еуфимием Филатовым енисейские служилые люди десятник Илейка Ермолин, Безсонко Сидоров с товарыщи сказали в роспросе, что побил на Лене тунгус Звероул енисейских служилых людей Казаринка Кондратьева, Ивашка Григорьева, Ивашка Власьева, Гаврилка Оносова, Охряпка Устьянца, а в котором году того оне не упомнят.//

II. — И ноября в 20 день на Ленском волоку в съезжей избе перед стольники и воеводы перед Петром Петровичем Головиным с товарыщи бил челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, пришед с верх Куты реки, ясачных тунгусов молодой шиман Нириулко от брата своего от князца Белкоча и ото всех своих родников и улусных людей: в прошлом де во 148-м году Налятцкие волости тунгусы князец Звероул с своими родниками и с верхленскими тунгусами, пришед на усть Куты реки к ним Нириулку с товарыщи войною, и убили у них брата ево Нириулкова князца Чалкича да другова лутчего тунгуса ясачного

человека, и чтоб ево Нириулка от того князца Звероула и от его родников и от верхленских тунгусов оборонить и послать с ними на того Звероула служилых людей войною 50 человек, и будет тот Звероул и уйдет, и он шеман с теми служилыми людьми возьмет ево Звероулову жену и детей.

III. — И ноября в 23 день писал к стольником и воеводам к Петру Петровичю Головину да к Матвею Богдановичю Глебову да к дьяку къ Еуфимию Филатову служилой человек Ивашко Завьялов с служилыми людьми з Гришкою Федоровым с товарыщи и прислал с ними на Ленской волок тунгуского князца Звероула, а в отписке ево Ивашковой пишет.//

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии стольником и воеводам Петру Петровичю, Матвею Богдановичю, диаку Еуфимью Варфоломеевичю десятник Ивашко Завьялов с товарыщи челом бьют. В нынешнем во 149-м году ноября в 21 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по вашей наказной памяти послан яз Ивашко [с] служывыми людьми 11 человек на государеву службу на великую Лену реку на Туруку для государева ясашного соболиного збору, и мы Ивашко с товарыщи государева ясаку взяли на Туруке Налятцкие и Ладаинские волостей с тынгусов 3 сорока 28 соболей, да государевых поминков 8 соболей, да нам же велено взять Налятцкой волости тынгуса Зверовуля, и мы по государеву указу ево взяли, и послал государеву казну и тово тынгуса Зверовуля с усть Куты с служывыми людьми с Григорьем Федоровым да с Безсоном Сидоровым, с Семеном Черкашанином, с Макаром Микитиным, с Панфилом Павловым, с Васильем Трофимовым; а я Ивашко 5-ью человеки пошел для государева ясашного збору вверх по Куте. А ясашных книг писать не на чем, бумаги нет.

На обороте: Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии стольником и воеводам Петру Петровичю, Матвею Богдановичю, диаку Еуфимью Варфоломеевичю.

Помета: 149-го ноября в 23 день, отписку в столп, а соболи записать в приход, а служивых людей роспросные речи записать.//

И стольники и воеводы Петр Петровичь Головин да Матвей Богдановичь Глебов да дьяк Еуфимей Филатов, слушев отписки, велели у тех служилых людей у Гришки Федорова с товарыщи того тунгусково князца Звероула взять, и велели отдать беречь на караул и держать в железах; а надзирать велено над караульщики, осматривать и ключ держать целовальнику Стеньке Борисову.

Да те ж служилые люди Гришка Федоров с товарыщи в сьезжей избе сказали, как оне того Звероула взяли и в те де поры тунгусов, которых им велено взять с ним Звероулом вместе, Чюмалды не было, а Петелка де было шол с ними на Ленский волок и з дороги воротился, а поимать было им того Петелку нелзе, потому что их было служилых людей с тем Зевероулом послано мало.

IV. — И декабря в 4 день на Ленской волок в сьезжую избу к стольником и воеводам к Петру Петровичю Головину да к Матвею Богдановичю Глебову да к дьяку к Еуфимию Филатову пришел в сьезжую избу шеман Нириулко да Звероулова жена с сыном Минчаком, и шеман Нириулко бил челом словом, а сказал, что он бил челом на Звероула о обороні, что убил у него брата князца Чалкича, и он с тем Звероулом помирился, взяли головщины две жонки. //

V. — 149-го декабря в 4 день в сьезжей избе перед стольники и воеводы перед Петром Петровичем Головиным да перед Матвеем Богдановичем Глебовым да перед дьяком перед Еуфимием Филатовым ясачные зборщики Ивашко Завьялов с товарыщи извещали словом, а сказали: как де оне взяли Наляцкие волости тунгускова князца Звероула, и ево де Звероулова жена с родниками собрали с себя на подарки стольникам и воеводам Петру Петровичю Головину да Матвею Богдановичю Глебову да дьяку Еуфимию Филатову 90 соболей, и он де Ивашка те соболи у тех тунгусов запечатал своею печатью, и как де служилые люди повезли Звероула с собою на Ленский волок и те де соболи жена ево Звероулова с сыном повезли было за ним же Звероулом на Ленской же волок, и с теми де собольми з дороги воротилися назад; и как де он Ивашко с товарыщи з достольным ясачным збором пошли на Ленской волок, и та де Звероулова жена с сыном сошли их с теми собольми на Куте реке, и те де у них соболи розпечатаны, а сказали им

Ивашке с товарыщи, что у них с тех соболей печать сорвали служилой человек Устинко Панков и с тех соболей взяли у них за хоженое, что он Устинко ходил проведывать от них за Ленской волок на Илим про Звероула, 15 соболей, а сказал запечатал де зырян. Да им же де Ивашке с товарыщи говорил кутцкой тунгус Онка, что// сказывал им Устинко Панков у себя пансыри, а хотел с ними торговать на соболи, и тот де тунгус Онка говорил те жь Устинковы речи у Соли служилому человеку Савке Истомину, и потому те тунгусы с ним Ивашком с товарыщи на государевы товары соболями не торговали.

И стольники и воеводы Петр Петровичь Головин да Матвей Богданович Глебов да дьяк Еуфимей Филатов, слушев Ивашки Завьялова с товарыщи изветных речей, велели про те соболи, что взял Устинко Панков, допросить Звероулова сына. // И Звероулов сын тунгус Минчачко сказал, что Устинко у них с соболей печать сорвал, а сказал, что печать зырянская, зыряне де обманывают, называютца казаками, и 15 соболей у них ис тех соболей взял собою.

Да он же Ивашко Завьялов с товарыщи сказали, что кутцкие тунгусы збиралися войною и хотели де итить на Звероуловых родников, и те де тунгусы меж собою помири[ли]ся и разошлися все по себе.//

На обороте: К сей скаске Иван Завьялов и в товарищев сво[их] место по их вел[е]нию руку приложил. К сей скаске Ивашко Овчинников и вместо толмача Грязки по его веленью руку приложил.

VI. — 149-го декабря в 20 день в съезжей избе служилой человек Якунька Нужа сказал: как он Якунька был посылан с паметью к Соли к целовальнику к Семейке Шелковнику, и от Соли пошел он Якунька на Ленской волок, и пришел де он Якунька в юрты потредца к тунгусам к Звероулову сыну да к жене, и в той де юрте лежат 8 бобров, и те де тунгусы учали ему говорить, что оне с теми бобрами и с оленьми хотели итить к стольником и воеводам к Петру Петровичю Головину да к Матвею Богдановичю Глебову да к дьяку к Еуфимию Филатову, и им де сказал промышленого человека Сазонка валогженина малой, что Звероула повесили и казаки розстреляли ис пищалей, и те де тунгусы с чюмами [1] воротилися, пошли к себе, а на Ленской волок не пошли.//

VII. — 149-го декабря в 28 день в ночи в 10-м ч[а]су с караула из караульной избы у короульщиков у служилых людей Тобольского города у Гришки Сабанки да у Офоньки Винокурова да у енисейского у Пашка Иванова Мотафьи ушол аманат тунгуской Звероул, и стольники и воеводы Петр Петровичь Головин да Матвей Богдановичь Глебов да дьяк Еуфимей Филатов тех караульщиков роспрашивали порознь. Офенька Винокуров сказал, что с вечера к ноче замыкал на том аманате железа енисейской Пашко Мотафья, либо он тех желез на том аманате не домкнул, а на двор де за тем аманатом выходил Гришк Сабанка. И караульщик Пашко Мотафья сказал, что он на том Звероуле замыкал железа сам друг с Офонькою Винокуровым: он Пашко железа накладывал, а Офонька сныч догнетал, а караулил он Пашко за Олешку Самсыгина без найму. И те караульщики отданы за приставы: Офонька Винокур отдан десятнику Вторышке Волкову, Пашка Мотафья отдан десятнику Олешке Читальнице.

Целовальник Стенька Борисов в роспросе сказал, что он Стенька ввечеру на том аманате желез, замкнуты ль или нет, не осматривал, а ключ де оставил в караульне.

Гришка Сабанка сказал: как аманат Звероул пошел на дворь и он Гришка за ним на двор выходил и ждал де ево на дворе многое время и пошел погретца в избу на час, и как вышел из избы вдругоряд и он де Звероул ударил ево шубою и железы в груди и побежал за реку.

Отдан за пристава Сабанка Левке Федорову, а целовальник Стенька отдан пятидесятнику Проньке Важенину.//

VIII. — И того ж часу стольники и воеводы Петр Петровичь Головин да Матвей Богдановичь Глебов да дьяк Еуфимей Филатов велели выслать всех служилых людей за Илим реку с огнями того аманата искать, а сказали им служилым людем: хто тово тунгуса изымает, и тем служилым людем будет государево денежное

---

[1] С чюмами *в рукописи зачеркнуто.*

жалованье для того, что тунгуские люди блиско от волока, а он тунгус Звероул у них у всех лутчей человек. И служилые люди с огнем за Илимом нашли того аманата след, и по тому следу послан за тем аманатом в погоню к тем служилым людем в прибавку пятидесятник Семейка Родюков, государева ему жалованья 4 руб.// Да того ж дни посланы за тем же аманатом в погоню с хлебом к служилым людем к пятидесятнику к Семейке Родюкову и к служилым людем, которые за тем аманатом в погоне, десятник Федька Боранников, а с ним служилых людей 5 человек.

IX. — И декабря в 30 день на волок Федька Боранников пришол и в сьезжей избе роспрашиван, а в роспросе сказал, что он Федька дошел пятидесятника Семейку Родюкова с товарыщи 5-ти человек ночью на верх Зырянки реки, и которой хлеб послан с ним Федькою к служилым людем и оне тот хлеб им отдали, а в прибавку служилых людей пошли за тем аманатом в погоню от него Федьки 3 человека: Тобольского города Мишка Иванов, Ярко Лукьянов, Ивашка Микитин, а от Семейки Родюкова воротился с ним Федькою на волок служилой человек Васька Трофимов.

X. — И генваря в 2 день пятидесятник Семейка Родюков с служилыми людьми з Добрынькою Игнатьевым, с Савкою Ондреевым,[1] да з березовским с Федькою Краснояром, Тобольского города с Мишкою Ивановым, с Ывашкою Микитиным, с Ярком Лукьяновым того аманата Звероула привели на Ленской волок.

И того ж дни в сьезжей избе перед стольники и воеводы перед Петром Петровичем Головиным да перед Матвеем Богдановичем Глебовым да перед дьяком перед Еуфимием Филатовым пятидесятник Семейка Родюков роспрашиван, а в роспросе сказал, что он Семейка сшол за тем аманатом в погоне за Зырянскою рекою служилых людей Добрыньку Игнатьева,[2] да Савку Ондреева, да березовского Федьку Краснояра,[3] да тобольского Ваську Трофимова, и с теми служилыми людьми он Семейка шол за тем аманатом сутки, и как де к нему Семейке пришол с хлебом десятник Федька Боранников с товарыщи и тот Федька, отдав ему Семейке хлеб, воротился назад на Ленской волок, да с ним же де Федькою воротился прежней погонщик служилой человек Васька Трофимов, да от него ж Федьки пошли с ним Семейкою в погоню служилых людей в прибавку 3 человека: Мишка Иванов,[4] Ярко Лукьянов,[5] Ивашко Микитин.[6] И он де Семейка с товарыщи шли за тем аманатом 2 дни да 2 ночи и дошли на верх Муки реки огонь, где тот беглый тунгус ночевал, и от того де огня он Семейка послал наперед себя лехких людей Добрыньку Игнатьева да Федьку // Краснояра да Мишку Иванова, и те де служилые люди Добрынька Игнатьев с товарыщи того Звероула сугнали на лесу, а он идет с откасом тунгуским железным, и ево де Звероула изымали; а как ево изымав осматривали, и у того тунгуса нашли в ноговицах зашито труд и огнива, а платья на нем Звероуле шуба тунгуская сабанья с рукавицами, на ногах пимы; а сказал им тот Звероул, как он вышел ис караульни на двор и на нем де железа караульщики не домкнули и он де потому и побежал.//

XI. — И того ж числа стольники и воеводы Петр Петрович Головин да Матвей Богдановичь Глебов да диак Еуфимей Филатов тунгуса Звероула роспрашивали, по чьему наученью побежал и как железа чем отомкнул. И Звероул в роспросе сказал: наученья де ничьево к нему не было, а железа не домкнули на нем того вечера кораульщики и целовальник не досматривал. И против ево речей он же Звероул допрашиван, что кораульщики не домкнули на нем желез и целовальники тех желез ввечеру не досматривали дружа ль ему Звероулю, и посылки к нему от друзей ево от шемана и от родников не было ль, и не ведали ль ево побегу. И Звероул сказал, что подсылки от родников ево и от шемана не было, и побегу // ево кораульщики и целовальник не ведали, а осмотрел де он, что на нем железа не домкнуты, и он де вышел на двор побежл, а шубу де и пимы взял ночью,

[1] *Над строкой:* выдать государева жалованья 2 руб.
[2] *Над строкой:* выдать государева жалованья 4 руб.
[3] *Над строкой:* выдать 4 руб.
[4] *Над строкой:* выдать полтора руб.
[5] *Над строкой:* выдать 2 руб.
[6] *Над строкой:* выдать рубль.

а отказ де ему дала жена ево, как приходила к нему на волок с мясом, и он де у ней взял отказ для того, что де служивые люди ножа ему хлеба резать не давали, а огниво де и труд и кремень взял у сына своего малово. И того Звероула велели посадить на чепь и над караульщиками велели, и его Звероула, пятидесятнику Сеньке Родюкову назирать и железа и чепи осматривать по вся дни год.

Помета: Написать приговор. //

XII. — И 149-то генваря в 3 день стольники и воеводы Петр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов да диак Еуфимей Филатов, слушев сее записки и роспросных речей служилых людей пятидесятника Семейки Родюкова с товарыщи, приговорили им служилым людем дать государево жалованье за то, что оне того тунгуса Звероулка поймали: петядесятнику Семейке Родюкову 4 руб. за то, что он Семейка государевым делом радел, шол за тем аманатом по следу днем и ночью без хлеба неоплошно и назад не воротился, а которые с ним Семейкою были служилые люди и те все назад воротилися, а как он Семейка того тунгуса дошел, где он тунгус начевал, и от того огня он Семейка послал наперед за тем тунгусом облегча служилых людей 3-х человек: Добрыньку Игнатьева, Федьку Краснояра. Ивашка Михайлова, и те служилые люди дошед того тунгуса изымали. А тем служилым людем: Добрыньке Игнатьеву да Федьке Краснояру приговорили дать государево денежное жалованье по 4 руб. человеку за то, что оне за тем тунгусом безпервые по следу погонщики и шли за тем // тунгусом служа государю наспех безодежны и изымали ево оне Добрынька да Федька; а Савке Ондрееву дати 2 руб. потому, что он Савка в погоне был вместе с пятидесятником с Семейкою без хлеба, а на имке того тунгуса не был; а Мишке Иванову дать полтора руб. за то, что он Мишка Мотора послан в погоню в прибавку одежен и с хлебом; а Ярку Лукьянову да Ивашку Микитину дать по рублю человеку за то, что оне присланы за тем тунгусом в погоню одежны и с хлебом. А то им государево денежное жалованье приговорили дать из неокладных денег, и дав им велели записать в росходные // книги.

XIII. — И генваря в 9 день стольники и воеводы Петр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов да дияк Еуфимей Филатов подьячево Семена Абрамова допрашивали: как Звероул побежал велено ему Семену у пятидесятников имать кораульщиком имена, и тем караульщиком ему Семену велено приказывать осматривать на Звероуле желез и его Звероула беречь, и у которых кораульщиков Звероул ушел, и он Семен тем караульщикам приказывал ли его Звероула беречь и желез на нем осматривать. И подьячей Семен Абрамов в роспросе сказал: кораульщикам де я Звераула беречь и осматривать не приказывал, только де я допрашивал здорова ль Звероул. //

XIV. — И 149-го генваря в . . . день стольники и воеводы Петр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов да диак Еуфимей Филатов приговорили целовальника и сторожей служивых людей в Звероулове побеге пытать, потому что целовальнику приказано Звероула осматривать по вся дни и железа замыкать при себе, а ключи ему велено держать у себя, и он того вечера Звероуля не осматривал и ключ покинул в кораульне; а кораульщиков пытать потому, что оне упустили Звероуля в платье во всем в шубе и в пимах и в шапке, а велено им того Звероуля на двор выводить без платья, да он же Звероуль сказал, что желез на нем того веч[ер]а не домкнули оне кораульщики; а подьячево Семена Абрамова приговорили бить батаги нещадно за то, что тем кораульщиком того дни Звераула осматривать не приказывал. //

XV. — 149-го генваря в 9 день стольники и воеводы Петр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов да диак Еуфимей Филатов посылали пятидесятника Семейку Родюкова допрашивать тунгуса Звероула, хто ему дал постелю войлок. И того ж числа пятидесятник Семейка Родюков сказал: допрашивал де он Звераула про постелю, и Звероул де ему про постелю сказал, дал де ему Звероулу постелю войлок кузнец Онтипко Фролов, как де приходила к нему Звероулу жена ево Звороулова.

XVI. — И генваря ж в 9 день в съезжей избе стольником и воеводам Петру Петровичю Головину да Матвею Богдановичю Глебову да диаку Еуфимью Фила-

тову енисейской казак Якушко Нужа извещал, а сказал: вчера де генваря ж в 8 день в короульни говорил де он Нужа тунгусу Звероулу, для чево ты бегал, по государеву де указу стольники и воеводы Петр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов да диак Еуфимей Филатов // тебя кормили и вино де давали и от себя де к тебе корм присылали и ты де все то забыл побежал, и он де Звероул ево Нужу ударл в щеку кулоком. И стольники и воеводы Петр Петрович Головин с товарыщи велели поставить перед собою короульщиков при которых ево Нужу Звероул ударил.

И того ж числа тобольские служилые люди Куземка Иванов, Ярофейко Лукьянов в допросе сказали: говорил де Нужа тунгусу Звероулу, много де тебе было государева жалованья корму и вина, и стольник де и воеводы к тебе и свое посылали, и ты де забыв все побежал, и он де Звероул ево Нужу ударил в щеку кулоком. И стольники и воеводы Петр Петрович Головин с товарыщи речи их велели записать. //

XVII. — 149-го декабря в 5 день в съезжей избе стольником и воеводам Петру Петровичю Головину да Матвею Богдановичю Глебову да дияку Еуфимью Филатову енисейской казак Устинка Павлов скзаывал, что де он Устинка сидят на промыслу на Лене реке на усть Туруки с Олешкою Оленем с товарыщи, и их де служивых людей тунгусы Звероуловы родники в зимовьях хотят побить всех, и он де Устинка пришел для того, сметь ли им там жить. А ясачные зборщики десятник Ивашко Завьялов с товарыщи, пришед на Илимской волок, стольником и воеводам Петру Петровичю Головину с товарыщи сказывали: понесли де было на Илим тунгусы да Звероулова жена 90 соболей, и он де Ивашко у них те соболи запечатал, и как де шел с Ылима за волок Устинка Павлов и у тех де тунгусов с соболей печать сорвал, а их де служивых людей называл он Устинко зырянами, и взял де у тех тунгусов ис тех соболей найму 15 соболей, что де ему Устинку про Звероуля проведать, жив ли Звероул или нет.//

149-го генваря в 18 день писали к стольником и воеводам к Петру Петровичю Головину да к Матвею Богдановичю Глебову да к дияку к Еуфимию Филатову с устья Куты реки от Соли сын боярской Иван Пильников да пятидесятник Олешка Левонтьев Коркун и прислали с Олешкою Оленем енисейского служиваго человека Устинка Павлова да с ним же прислали 15 соболей, что он Устинка взял на Ленском волоку у тунгусов да у Звероулевой жене. //

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии стольником и воеводам Петру Петровичю, Матвею Богдановичю, диаку Еуфиму Варфоломиевичю сын [бо]ярской Ивашко Пильников, Олешка Коркун челом бьют. В нынешнем во 149-м году генваря в 1 день прислана от вас наказная память ко мне Ивашку с товарыщем, а по наказной памяти велено нам ити на Туруку в зимовье служивым людем, а пришед выслать Устинка Панфилова да Лучьку Дружынина, и досмотрить у них у всех служивых людей соболей тынгусково промыслу и бобров и шуб собольих и лисиц и всякой мяхкой рухляди, и написать на роспись; а 15 соболей, что взял Устинко у тынгусов, и те соболи прислать к вам на Илим. И мы Ивашко с товарыщи ходили на Туруку к служывым генваря в 11 день, и пришед в зимовье служывых людей Устинка да Лучьку выслали к вам того ж числа, а соболей у них у всех служывых тынгусково промыслу досматривали, и соболей тынгусково промыслу у них нет, и их промыслу соболей 62 соболи, а 2 соболи спаских, и мы те соболи у них запечатали и велели беречь до государева указу, а больши того у них соболей нет, а 15 соболей, что взял Устинко у тынгусов, и мы те взяв соболи, запечатав послали к вам [с] служывым с Олексеем Оленем, а печать у соболей птица неясыть. Да нам же велено допросить тынгусов, что оне продавали служывым какую мяхкую рухлядь и на кокие товары, и нам про то спрашивать не у ково, тынгусов нет.

На обороте: Государя царя [и] великого [князя Михаила Федоровича всеа Русии стольником и воеводам Петру Петровичю, Матвею Богдановичю, диаку Еуфиму Варфоломиевичю.

Помета: 149-го генваря в 18 день, отписку в столп вклеить, а 15 соболей взять в государеву казну, а 62 соболя отдать служивым людем, потому что их промысел, а не тунгуской. //

XVIII. — И стольники и воеводы Петр Петровичь Головин с товарыщи, выслушав отписку, енисейского служиваго человека Устинка Павлова роспрашивали, для чево он декабря в 5-м числе на Илимской волок приходил, и как он пошел с Ылима за Ленской волок и на волоку у тунгусов с соболей печать сорвал ли, которые соболи запечатал был Ивашка Завьялов, и ис тех соболей он Устинка себе 15 соболей взял ли, и про пансыри он тунгусом сказывал ли, что у служивых людей продажные пансыри есть.

И Устинко Павлов в роспросе сказал: как де он шел с Ылима за волок, и встретились де с ним на Ленском волоку Звераулева жена и тунгусы, и он де у них взял 15 соболей, а сказал де им, что Звероул жив, а печати де я с соболей не срывывал и служивых людей Ивашка Завьялова с товарыщи зырянами не называл, то де на меня наносное; // а про пансыри де меня тунгусы спрашивали, есть ли де у служивых людей пансыри продажные, и он де Устинка сказывал тунгусом, что де есть пансыри у служивых людей.

И того ж дни стольники и воеводы Петр Петровичь Головин да Матвей Богдановичь Глебов да диак Еуфимей Филатов сего дела слушали, и приговорили Устинка Павлова за воровство бить кнутом на козле нещадно за то, что он Устинко взял у Звероуловых родников у тунгусов найму 15 соболей, а те было соболи Звероулова жена с сыном понесли на Ленский волок к стольником и воеводам к Петру Петровичю Головину с товарыщи в поминки, а запечатаны были те соболи ясачных зборщиков Ивашка Завьялова печатью, и тот Устинко, роспечатав соболи, взял себе те 15 соболей и ясачных зборщиков называл зырянами, а как он Устинко взял 15 соболей, ходил на Ленский волок проведывать про Звероуля, жив ли или повешен, а пришед он Устинко на Ленский волок // про то стольником и воеводам Петру Петровичю Головину да Матвею Богдановичю Глебову да диаку Еуфимью Филатову не сказал, а сказал, что пришел он на Ленской волок для того, что де им Звороуловы родники угрожают убойством, и оне де служивые люди на соболиных своих промыслех от тунгусов жить не смеют; да он же Устинко тунгусом говорил, есть де у него Устинка пансыри продажные, и тунгусы про те пансыри ево слово сказывали служивым людем ясачным зборщиком, и для того оне тунгусы на соболи и на бобры на государевы царевы и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии товары сь ясачными зборщики не торговали; потому того Устинка приговорили за то ево воровство бить кнутом, а ударов велели дать 10.

Бит кнутом. //

XIX. — 149-го генваря в 24 день в сьезжей избе стольники и воеводы Петр Петровичь Головин да Матвей Богдановичь Глебов да диак Еуфимей Филатов роспрашивали служивого человека Климка Офонасьева: в нынешнем во 149-м году в декабре месяце, как был пошли на Илимский волок к Звероулю жена ево да 2 сына да брат ево Звероулев да Петелка да Гушко, и те тунгусы для чево воротились. И Климка Офонасьев в роспросе сказал: пошли де было на Илимской волок к Звероулю жена да 2 сына да брат ево Звероулев да иные тунгусы Петелко да Гушко и оне де воротились назад в юрты свои с усть Куты, а сказал де им Самсонко, племянник вологженина Карпунька, что де Звероуля повесили и казаки ростреляли, и он де Климко тех тунгусов уговаривал и ворочел их, а сказал им что де Звероул жив, и кормил де он их тунгусов своим запасом, и оне де ему не поверили, воротились в свои юрты, а сказали ему Климку, что де он Климка им лжет; и как де те тунгусы воротились назад в юрты свои и он де Климко приказывал к стольником и воеводам к Петру Петровичю Головину с товарыщи сь енисейским служивым человеком сь Якушком Нужею, что тунгусы воротились назад к себе в юрты, а на Илимской волок не пошли.

На обороте: Диак Еуфимей Филатов.

К. 188, столб. 1 на 71 ставе; ст. 39, 42—71.

5. *1641 г. марта 30. — Сказка толмача Кондратия Мясина о сборе ясака с вновь прысканных «иноземцов», живущих между верховьями рек Ламы и Киренги.*

149-то марта в 30 день на Ленской волок в сьезжую избу к стольником и воеводам к Петру Петровичю Головину да к Матвею Богдановичю Глебову да к дьяку

Еуфимию Филатову пришел енисейской служилой человек толмач Кондрашка Мясин, которой послан был вверх Киренги з десятником с Оксенком Аникеевым, а с собою принес государева ясаку 54 соболи. А сказал: ходил де он Кондрашка с верх Киренги от своих товарищей из ясачного зимовья вверх Лены меж Ламы и Киренги вершины на Ламской хребет к тунгуским людем х кан[цы]гирцам с князцом с Кулпою, которые живут возле братцких людей, для государева ясачного збору... [1] а им государев ясак вновь. А имян [те]м тунгусам не принес, потому что он Кондрашка не умеет, писать было некому, а сам имян их не упомнил, а тех кинцыгирцов человек с пятьдесят. А государев ясак давали не все, только де старики, а давали с человека по соболю и по 2 и по 3. А впредь для государева ясачного збору посылать человека по 2, потому что больши 2-х человек тунгусы на оленях не повезут.

К. 188, столб. 2 на 67 ставах; сст. 38.

6. *1641 г. мая 14. — Запись подтвердительных речей «братцкого» князца Куршуна Бурлаева на усть Куты реки о шерти его царю Михаилу Федоровичу в вечное холопство.*

149-го маия в 14 день на устье Куты реки был перед стольники и воеводы перед Петром Петровичем Головиным да перед Матвеем Богдановичем Глебовым да перед диаком перед Еуфимьем Филатовым братцкой князец Куршун Бурлаев, а говорили ему Куршуну: шертовал он государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, что ему быть Куршуну со всем своим родом и с улусными своими людьми в вечном холопстве у государя неотступно, и ясак с себя государю давать и с своих улусных людей по вся годы безпереводно, и он бы Куршун государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии служил и иных бы братцких людей под государеву царьскою высокою руку приводил, и за то ему Куршуну будет государево жалованья и от недругов ево будет ему оборонь.

И князец Коршун Бурлаев стольником и воеводам Петру Петровичю Головину с товарыщи сказал, что де он по своей вере государю шертовал, что ему под государевою царьскою высокою рукою с своими улусными людьми быть в холопстве вовеки неотступно, и ясак государю с себя и с роду своего и с улусных // своих людей полной давать учнет по вся годы беспереводно, и иных братцких людей учнет под государеву царьскою высокою руку приводить, а которые братцкие люди непослушны будут, и ясаку с себя государю не учнут давать, и он Куршун на непослушных братцких людей учнет государевых людей водить войною.

На обороте: Диак Еуфимей Филатов.

Помета: Куршуну давать до отпуску по 2 чарки вина на день, а тунгусу и бабе давать до отпуску ж по 2 чарки вина на день человеку.

К. 189, столб. 1 на 59 ставах; сст. 31—32.

7. *1641 г. мая 22. — Распросные речи тунгусского князца Мужуя о намерении «братцких людей» платить ясак.*

149 году маия в 22 день на устье Куты реки стольником и воеводам Петру Петровичю Головину да Матвею Богдановичю Глебову да дияку Еуфимию Филатову с Туруки реки тунгуской князец Мужуй в роспросе сказал: в нынешнем же де во 149 году зимою отходил он Мужуй вверх Лены и зимовал на Тутуре реке. И ныне де он Мужуй с Тутуры десятой день. И он де слышал от тунгус, что де о[дин] тунгус пришел от братцких людей, а говорил де тот тунгус: говорят де братцкие люди, будет де Куржуй жив, и они ясак государю учнут давать. А ламских де чилкагирских мужиков он Мужуй видел, и оне де чилкагирцы говорят, будет де государевы люди до них дойдут, и оне де государю ясак дадут все, а их де чилкагирских тунгусов человек с 300.

Дияк Еуфимей Филатов.

К. 189, столб. 1 на 59 ставах; сст. 28.

---

[1] *В рукописи оборвано.*

8. *1641 г. сентября 28. — Доездная память ленских служилых людей Семена Чуфариста с товарищами о поездке их к богдонским князцам Бойдону и Треке и к шаману Оргуну Чегунаеву сыну.*

150 году сентября в 28 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по наказу стольников и воевод Петра Петровича Головина да Матвея Богдановича Глебова да дьяка Еуфимья Филатова ленские служивые люди Семейка Чюфарист, Гришка Летиев, Савастьянко Коулин, Тимошко Михайлов посыланы были мы из Ленсково острогу князцом к Еюку и к Тынынелкам к Бозекою з братьею и к богдонскому князцу к Бойдону и к елханскому князцу к Треке, и велено нам служивым людем в тех улусах скота купити на государев товар. И мы служивые люди, я Семейка Чюфарист с товарыщи, купили на государев товар в тех улусах 4 скотины. Да нам же велено богдонскому князцу Бойдону и Треке говорить, что их братья многие якутские князцы со всеми своими улусными людьми приезжали в Якутцкой острог к государеву милостивому слову, а они Бойдон и Трека и по ся мест не бывали в Якутцкой острог. И мы служивые люди приехали к тем князцом Бойдону и Треке и почали их призывать в Якутцкой острог, и князец Трека нам говорил: тепере де мне ехать в Якуцкой нечем, соболей де у меня нет, как де яз соболей напромышляю, и яз де приеду // в Якуцкой с ясаком. А богдонской князец Бойдон нам сказал: яз де поеду в Якутцкой острог. И поехал от нас в Якутцкой острог. А я Семейка Чюфарист с товарыщи с тем Бойдоном отпустил якутцково толмача Гришку Летиева в Якутцкой острог. Да он же Бойдон нам говорил: яз де за тем не бывал в Якутцкой острог, что де у меня соболей нет, а без соболей ехать не смел, начался попрежнему, как де мы сжжива[ли] к тоену прежнему Парфену мног[о], и мы соболей важивали. Да он же Бойдон говорил мне Семейке Чюфаристу: скажи де Семен правду мне, не послушает ли де Петр Петрович Парфена, не посадит ли де меня в казенку, не станет ли де меня бить для ради Парфена и по ево наученью. И яз, Семейка, почал говорить тому Бойдону: не бойся де ты Бойдон, не послушает де Петр Петрович Парфена, не посадит де тебя в казенку, не станет де тебя бить. Да он же Бойдон нам говорил: приезжал де яз в Якутцкой острог во 148 году к тому к Парфену Ходыреву и привез де яз в Якутцкой острог 300 соболей, и он Парфен у меня ис тех соболей из 300-т 10 соболей лутчих взял себе, а ис тех же 300-т соболей дал ему Парфену // 200 соболей государева ясаку; да ис тех же соболей сын мой Бойдонов дал тому же Парфену государева ясаку 5 соболей, да сын же мой другой дал тому же Парфену 5 же соболей государева ясаку, да он же Парфен взял у меня 40 соболей дал кобылу; да он же Парфен прошал у меня и достальных соболей, и яз де ему не дал, и он де Парфен меня с лисницы спехнул и ребро де у меня изломил и в казенку де меня посадил; и яз де ему Парфену и достальные соболи отдал, чтобы де меня выпустил ис казенки. Да приехали мы ж в Кангаласкую волость к Оргуну к шаману и розпрашивали у него, где он знает лисиц черных и чернобурых и бурых купить на государев товар. И он шаман Оргуней Чегунаев сын нам сказал: дал де яз в прошлом во 148 году Парфену Ходыреву 2 лисицы черных, а теперь де у меня лисиц черных и чернобурых и бурых нет, и у них де якутов не знаю; как де будут и вперед яз де сам привезу в Якутской острог.

Сию доезную память писал Ленского острогу служылой человек Тимошко Михайлов Булдаков.

На обороте: К сей доездной памяти вместо служилого пятидесятника казачья Семена Чюфариста десятник казачей Ондрюшка Иванов по его веленью руку приложил. К сей доездной памяти вместо якутцкого толмача Григорья Иванова Лятиева да березовского казака Севастьяна Гаврилова Кокоулина по их веленью Якушко Микифоров Коновалов руку приложил.

К. 188, столб. 14 на 64 сставах; сст. 32—34.

9. *1642—45 гг. — Образец шертной записи «братцких» князцов.*

Яз братцкой мужик, имя рек, даю прямую свою шерть государю своему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии самодержцу и ево государеву благоверному царевичю и великому князю Олексею Михайловичю на том:

по своей вере под солнцем и под землею и под огнем и под рускою саблею и под пищалью быти мне Булую и брату моему Буре и иным нашим братьям и племянником и всем улусным моим людем под ево государевою царьскою высокою рукою в вечном холопстве без измены навеки неотступным, и ему государю своему во всем служить и прямить и радеть, и под ним государем и под ево государевыми служилыми и всякими рускими людьми изменою подыску и никакова дурна не подыскивать, и на ево государевых людей изменою ж под Верхоленской острожек, и на пашенных, и на иные места, [где] государевы служилые и руские люди на промыслех будут, войною и тайным обычаем не приходить, и смертного убийства и никокова дурна не чинить, и ни в чем не изменить; и иных немирных братцких людей самому мне, имя рек, и брату [мо]ему и всем моим улусным людем, подговоря изменою ж, на государевых людей не научать, и подводом их не приводить, и смертных убойств не чинить. Также мне, имя рек, иных братцких лутчих мужиков и их улусных людей под ево государеву царьскою высокою рукою в вечное холопство призывать, и с себя и з братей своих и со всех улусных своих людей государю ясак, и поминки, самой большой, полной по вся годы без недобору платить, и во всем з государевыми людьми быть заодин. И в улусе у себя государевых людей, как для ясачного збору приходят, и их оберегать, и до смерти побивать не давать. А которые братцкие лутчие мужики с своими улусными людьми государю учинятца непослушны, и про тех непослушников мне, имя рек, сказывать в Верхоленском остроге ево государевым приказным людем, и з государевыми людьми заодин на тех непослушников войною ходить, и войною их смирять и под твою государеву царьскую высокую руку приводить, и с них на государя ясак имать. А буде я, имя рек, государю своему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и ево государеву благоверному царевичю и великому князю Олексею Михайловичю не учну так во всем, как в сей записи писано, в прямом вечном холопстве служить и прямить и радеть, или что какое своею изменою над государевыми служилыми и всякими рускими людьми войною под Верхоленской острожек и на пашенные и на иные места, где государевы люди будут, приходить и смертное убийства чинить, и ясаку с себя и со всех своих улусных людей полного не платить, или какое иное всякое дурно изменою чинить, и меня, имя рек, по моей вере солнце не освяти, и земля не понеси, и хлеб подави, и руская сабля ссеки, и пищаль убей, и огонь на нашей земли все наши улусы пожги; в последнее за ту нашу измену буди на нас государева гнева смертная казнь без милости и без пощады.

К. 190, столб. 20 на 3 ставах; ст. 3. Датирован на основании упоминания царя Михаила Федоровича и Верхоленского острожка, построенного в 1642 году.

10. *1645 г. января 30—31. — Распросные речи казачьего атамана Никифора Галкина и торгового человека Ивана Тарасова Норкина с товарищами о нежелании якутского воеводы Петра Головина отправить в Москву государеву соболиную казну с едущими туда торговыми и промышленными людьми, о заключении Головиным в тюрьму своих товарищей и многих торговых, промышленных и служилых людей, обвиняемых им в «государеве изменном деле», и об убийствах «иноземцами» русских промышленных людей на промыслах по рекам Яне и Витиму.*

I.—153-го генваря в 30 день в Енисейском остроге на съезжем дворе перед ленскими воеводы перед Васильем Никитичем Пушкиным да перед Кирилом Осиповичем Супоневым да перед дьяком перед Петром Стеншиным Енисейского острогу атаман, которой в прошлом во 152-м году посылан на Ленской волок з государевыми хлебными запасы и с Ленского волоку ныне пришел в Енисейской острог, Микифор Галкин в роспросе сказал, что в нынешнем де во 153-м году о Филиповых заговейнах вышли на Ленской волок из Якуцкого острогу торговых и промышленных людей человек с полчетвертаста, да с Лены ж де из Якуцкого острогу присланы на Ленской же волок для хлебных запасов и судового дела 20 человек казаков, Олень Яковлев с товарыщи, и у него де те государевы хлебные запасы, которые с ним присланы были, на Ленском волоку принял приказной Якуцкого острогу сын боярской Алексей Бедарев. Да ему ж де Микифору на Ленском

волоку сказывали, которые пришли из Якуцкого острогу торговые люди гостиной сотни Иван Еремеев Босиков да Андрей Осколков, что де их торговых и промышленных людей из Якуцкого острогу Петр Головин отпустил на Ленской волок в нынешнем во 153-м году после Семеня дни спустя 10 ден, а в те поры де снег пал, и шли де они Леною до замороз 4 недели и, не дошод до волоку, замерзли меж Киренги и Чичюя реки выше заимки пашенного крестьянина Ивашка Сверчкова днища. А по их де отпуске в Якуцком остроге государева соболиная казна и всякая мяхкая рухлядь и острог и воевода Петр Головин дал бог здорово. А поставлен де тот новой острог от старого острогу, где было поставил Иван Галкин, вверх выше 2-мя днищи в урочищах в Табуге. А государевы де соболиной казны и иной всякой рухляди ныне в Якуцком остроге много, 2 анбара, а сколько числом сороков соболей, того ему не сказали, // а соболи де не деланы, в козках. И под ту де государеву соболиную казну к их отпуску Петр Головин и суды было изготовил 2 дощеника. И как суды изготовя, велел Петр Головин их торговых и промышленных людей призвать к себе и учел им говорить, что мочно ль де им та государева соболиная казна неделаная к государю к Москве доправавадити, и будет мочно, и они б к нему Петру о том принесли челобитную, что им та государева соболиная казна довесть вся до государя к Москве здорова. И они де торговые и промышленые люди ему Петру сказали: хотя та государева соболиная казна и не зделана, и они с тою государевою соболиною казною к государю итить рады, и будет де их на Лене реке хотя и замороз возьмет, и они де ту государеву соболиную казну иззаморозу все своими головами на себе вынесут и до Ленского волоку перепроводят и государю к Москве отвезут здорово, и челобитные де о том к нему Петру принесут. И как де мы о том к нему Петру челобитную принесли, и Петр де Головин, приняв у них челобитную, прочет покинул и сказал, что ему с ними той государевы соболиной казны и иной рухляди не посылывать, все де воры, и послать де ему Петру той государевы соболиной казны с ними, и верить им в том не в чем, и с ними де той государевы соболиной казны не послал. А товарыщи де ево Петровы Матфей Глебов и дьяк Еуфимей Филатов и письмяной голова Еналей Бахтеяров и ныне в Якутцком остроге сидят в тюрьмах, а посажены де они от Петра Головина еще в старом Якутцком остроге в тюрьму. А как де новой Якутцкой острог он Петр поставил, и тех товарыщев своих Матфея и дьяка Еуфима и письмяново // голову ис старого острогу перевез в судах и, до коих мест в остроге тюрьмы поставил, держал их в судах на реке за сторожи, а у судов были поделаны решетки железные, и поставя тюрьмы, ис тех судов перевел их в те тюрьмы и посадил их вместе ж, тому ныне 2 года, а сказывает де на них государево изменное дело. А поставлено де в том новом в Якутцком остроге 7 тюрем, и в тех де тюрьмах служилых и торговых и промышленных людей посажено много, человек со 100 и больши насажены, те все тюрьмы полны. А в государевом де в хлебном жалованье служилым людем, сказывали, скудость велика, потому что из Енисейского острогу прошлых годов хлебные запасы многие не довезены.

II.—Да генваря в 31 день перед ленскими ж воеводы перед Васильем Никитичем Пушкиным с товарыщи Нижегородцкого уезду Павлова перевозу торговой человек Ивашко Тарасов Норкин, да Важенского уезду Подвинской чети Топецкие волости Трофимко Микифоров, да Вологотцкого уезду Троецкой трети стольника князя Алексея Лыкова хрестьянин Неустройко Осипов, да с Мезени Кузнецовы слободки Савка да Осипко Ивановы дети Шершавины в роспросе сказали: пришли де они ныне с Ленского волоку, а с Лены отпущены в нынешном во 153-м году после Семеня дни спустя 10 ден, а по их де поезд Якутцкой острог и государева соболиная казна и стольник Петр Головин дал бог здорова. А поставлен новой Ленской острог в Якутцкой же земли от старово // выше 2 дни. А товарыщев де Петровых Матфея Глебова да дьяка Еуфима Филатова они не ведали, а сказывали де им про ево Петровых товарыщев про Матфея Глебова и про дьяка про Ефима Филатова и про письмяново голову про Еналея Бахтеярова, что они сидят в тюрьме, а за что посажены и с которого числа, того они не ведают, что жыли на промыслех, а с промыслов де приходя в Якутцкой острог жили немного. И торговых и служилых людей в тюрьмах есть много, а сколько человек и за какие вины посажены, и того не ведают же. А государева де хлеб-

ного запасу в Якутцком есть анбар ржи ленские пахоты, пятинного и десятинного хлеба с Ленсково волоку и в присылки государевы запасы есть же. А государевы соболиной казны Петр Головин ко государю по их отпуск не послал, а сказывают де, что государева соболиная казна не делана лежит, соболи в козках. И про ту государеву соболиную казну об высылке к государю к Москве Петр Головин у торговых и у промышленных людей челобитную имал. А почему той государевы соболиной казны не послал, и того они не ведают. А вышло де их на Ленской волок из Якутцкого острогу торговых и промышленных людей человек с полчетвертаста, да служилых людей для судового дела и проваженья хлебных запасов с ними ж высланы 20 человек. А шли де они Леною рекою до заморозу 4 недели, и, не дошед они того волоку, замерзли меж Киренги и Чичюя у пашенных у торговых 3 дощаника, да 4-й дощаник служилых людей. А по их де отъезде в Якуцком остроге хлеб купили пуд муки в 20 в 6 алт. в 4 д., а бумаги писчей лист по алтыну и в 2 гроша, а в прошлом де во 152-м году ценою купили пуд муки в 5 руб. // А на промыслех де от иноземцев их братье промышленным людем стало утеснение великое, ясачные тунгусы и якуты и иные неясачные по рекам в зимовьях и на переходах во 152-м году побивали много, на Вилюе убили 30 человек, на Яне убили 11 человек, на Витиме на двух Мамах реках убили 12 человек, и по иным рекам во многих местех промышленных людей побивают же, а они де промышленные люди от тех воров без государева указу собою оборонится не смеют. А про письмяново де голову про Василья Пояркова, при них вести не было. А послал де при них проведывать про него Петр Головин 30 человек и велел им, проведав подлинно, сей зимы и к себе в Якутцкой острог отписати.

На обороте: К сему к роспросу вместо атамана Микифора Галкина по ево велению енисейской казак Никифорко Качин руку приложил. К сему роспросу вместо нижегородца Ивана Норки Ивашко Елизарьев устюжанин торговой человек по его велению руку приложил. К сему роспросу вместо важенина Трофимька Микифорова да князя Алексъсия Федоровича Лыкова крестьянина Неустройка Осипова по их велению Лаврушка Дмитриев Рязанов важенин гулящей человек руку приложил. К сему розпросу вместо Савки да Осипка Шаршавиных по их велению Илейка Евдокимов пинежанин руку приложил.

К. 191, столб. 2 на 43 ставах; ст. 18—22.

11. *1645 г. февраля 5. — Память якутского воеводы Василия Пушкина с товарищами ленским таможенным целовальникам Ивану Сумкину и Григорью Худербину о назначении подьячего Семена Ермолина в таможню Ленского волока и о правилах сбора и хранения таможенной казны.*

Лета 7153-го февраля в 5 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по приказу ленских воевод Василья Никитича Пушкина да Кирила Осиповича Супонева да дьяка Петра Стеншина память Ленского волоку таможенным целовальником Ивашке Сумкину да Гришке Худербину, велено на Ленском волоку в таможне у государевых дел быти в подьячих лалетина на Сенькино место Плехана подьячему Семену Ермолину. И как к вам ся память и подьячей Семен на волок придет, и вам бы по государеву указу с ним Семеном государеву десятинную сборную соболиную казну и всякую мяхкую рухлядь запечатать своими печатьми и держать с великим береженьем в государеве казне на Ленском волоку до приезду воевод Василья Никитича Пушкина с товарыщи, а в Ленской в Якутцкой острог никакой казны ни по какому указу отнюдь не посылать. И вперед вам, по государеву указу и по наказной памяти, какова дана за приписью дьяка Петра Стенщина подьячему Семену Ермолину, с ним Семеном государева таможенная всякая казна збирать с великим раденпем, как и наперед того было, и государевым таможенным збором радеть и розни с ним ни в чем не чинить. А Сеньку Плехана ис таможни отставить и до приезду воевод Василья Никитича Пушкина с товарыщи дать ево на поруки з записью. И судовым делом, которые суды велены делать тобольским служилым людем, вам тож порадеть всем вместе заодин, чтоб тем судом поспеть к приезду ж воевод Василья Никитича Пушкина ж с товарыщи.

К. 184, столб. 1 на 304 ставах; ст. 73.

12. *1645 г. февраля 5. — Наказная память якутского воеводы Василия Пушкина с товарищами пятидесятнику Томиле Ильину и казаку Григорию Тотарину о посылке их на Ленский волок для ведания «всякими государевыми делами» и о постройке судов для перевозки Василия Пушкина с товарищами, служилыми людьми и хлебными запасами в Якутский острог.*

Лета 7153-го февраля в 5 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по приказу воевод Василья Никитича Пушкина да Кирила Осиповича Супонева да дьяка Петра Стеншина память тобольских пеших казаков пятидесятнику Томилке Ильину да рядовому казаку Гришке Тотарину. Итти им из Енисейского острогу нынешние зимы на государеву службу на Ленской волок, не мешкая нигде ни часу. Да с ними ж посланы для судового дела тобольские ж казаки Якунька Максимов, да Олешка Арапов, да Панфилка Федоров, да Тренька Костянтинов, да Васька Шубин. А пришед им на Ленской волок, приказного, которой прислан с Лены из Якутского острогу от стольника и воеводы от Петра Головина, сына боярского Алексея Бедарева, или хто будет в ево место прислан иной хто, и у него государеву ясачную соболиною казну и всякую рухледь и государевых всяких доходов денежную казну и судные и всякие дела переписать. А переписав государеву денежную и соболиную казну и всякую мяхкую рухлядь велеть ему Олексею и им Томилку и Гришке запечатать своими печатьми и та вся государева казна з береженьем держать. И Олексею Бедареву велеть на Ленском волоку быть до приезду воевод Василья Никитича Пушкина с товарыщи, а в Якутцкой острог ево Олексея до тех мест не отпущать. И ведать государевы всякие дела ему Олексею и им Томилку и Гришке ж заодин; в ясачные волости, в которые наперед сего с Ленского волоку посылованы, посылать, и торговых и промышленных людей // на их соболиные и на всякие звериные промыслы отпущать, и государев ясак збирать по прежнему государеву указу, как наперед сего на ком ясак збиран, и на соболиные и на всякие звериные промыслы торговых и промышленных людей отпущевали; и всякие дела и росправу меж служилых и торговых и промышленных людей чинить, и на государя денежные всякие доходы и судных дел пошлинные деньги збирать, и всякие государевы дела делать, и государеву соль варить с великим раденьем, также как и наперед того было; и того над служилыми, над торговыми и над промышленными людьми смотрить и беречи накрепко, чтоб нихто никаких государевых пошлин не таили и в ызбыли не были и никакова дурна не чинили, зернью и карты и всякими пройгрышными играми не играли; и самим им и служилым и торговым и промышленным людем никому никакова продажного питья и никакой корчмы и блядни не держати. А как он Томилка и Гришка придут на волок, и им с приходу своего велеть тобольским казаком Якуньке Максимову с товарыщи да к ним, взяв ис промышленных людей плотников, которые плотничью и судовому делу умеют, сколько человек пригож, и велеть им зделать 10 паусков и на плоты приготовить лесу к приезду воевод Василья Никитича Пушкина с товарыщи, роспрося тамошних торговых и промышленных людей, на каких можно с Ленского волоку на Лену// реку перевезца. А за волоком, на другой стороне на Лене реке, будет готовые суды есть, и им те суды велеть поделать и изготовить и приказать беречь с кем пригоже, чтоб в полую воду льдом не розломало и водою не унесло. А будет готовых судов нет, и им велеть вновь суды зделать 6 дощеников, каковы по Лене реке до Якуцкого острогу в ход годятся, чтоб на чом можно воеводам Василью Никитичю Пушкину и Кирилу Осиповичю Супоневу и диаку Петру Стеншину и им служилым людем с Ленского волоку до Якуцкого острогу дойтить. А те суды велеть делать наспех, чтоб им поспешить и изготовить с весны к приезду воевод Василья Никитича Пушкина с товарыщи к Петрову дни, или кончае после Петрова дни спустя неделю или ден 10, чтобы за судами на волоку никоими мерами никакие мешкоты не было, и за волок перейтить и Леною рекою в Якуцкой острог поспеть тем же летом до замороз. А прибылым плотником, которые будут к тобольским служилым людем в прибавку взяты, наймец дать из государевы казны и зборных денежных доходов, которые ныне на Ленском волоку в зборе у них или у таможенного целовальника есть, что будет доведется. А на те суды скобы и конопат и гвоздье имать в цену у торговых и у промышленных людей, у которых сыщется, а им за то

за все заплатят деньги в те поры, как воеводы Василей Никитичь Пушкин с товарыщи на волок на Ленской приедут. А что у кого возьмут, и то // бы все записывали в книги, а им торговым людем выдавать в том отписи. А будет к весне на Ленском волоку у торговых и у промышленных людей, или с Верхоленского острогу, или у тутошних у служилых людей будут готовые суды сделаны на продажу, и те у них суды отписав оценя взять на государя. А им служилым и торговым и промышленным людем сказать: как будут на Ленском волоку воеводы Василей Никитич Пушкин с товарыщи, по той цене деньги заплатят из государевы казны, и их в том перед торговою ценою не оскорбят. А однноконечно им тем судовым делом порадеть, и к приезду воевод Василья Никитича Пушкина с товарыщи суды делать и изготовить, чтоб за тем государевой ленской службе порухи и мотчанья не было. Да им ж отписать в Братцкой острог // к служилым людем к пятидесятнику Курбатку Иванову вычегженину с товарыщи, чтоб они з государевым ясачным и десятинным збором, будет до них на Лену не послан он Курбатка с товарыщи, с кем пригож приехали на Ленский волок к приезду воевод Василья Никитича Пушкина с товарыщи, или и с служилыми людьми прислал с кем пригож. А достальным товарыщем велеть быть в том Братцком остроге, и жили б от непослушных землиц с великим береженьем, и с ясачных людей государев ясак велеть им збирать по прежнему, как наперед того с ясачных людей збиран; // и на усть Куты реки на соленой варницы на государя соль велеть варить с большим раденьем, чтоб соли наварить перед прежним с лишком. А ленским служилым людем, которые из Якутцкого острогу от воевод от Петра Головина присланы на Ленской волок для судового дела, и тем служилым людем под государевы хлебные запасы суды велеть делать с большим поспешеньем, и в те суды государевы хлебные запасы велеть делать на усть Муки реки, где впала в Куту реку, и в те суды нагрузить, и теми реками на весне, как лед вскроетца, на Лену реку на большую воду велеть перепровадить тем же служилым людем, не испоздав времени и не упустя большой воды, и на Лене реке те запасы приказать беречь, чтоб они тех запасов не подмочили и течи смотрели и в ольялах по вся дни воды выливали, и сверху дождевою водою то ж бы не намокло. А до приезду воевод Василья Никитича Пушкина с товарыщи тех хлебных запасов и государевой соли и иной никакой казны и служилых людей, которым на Ленском волоку приказано, и которые с Лены по хлебные запасы присланы для провожанья государевы казны и воевод Василья Никитича Пушкина с товарыщи и тех хлебных запасов отпуску и провожанья ж, не отпускать никово, чтоб, сождався всем вместе с Ленсково волоку Леною рекою до Якутского острогу. . .[1] для береженья итти было всем большим караваном безстрашно. А им, Томилку Ильину с товарыщи, 7-и человеком, себе на корм ис тех ленских запасов у ленских служилых людей имати не по многу, только б им чем мочно сытым быть; а сколько возьмут, и в том давати отписи, а у себя что возьмут, то ж записывать по числам, которого числа колько возьмут. А как аже даст бог на весну на Илиме реке лед скроется и служилые или торговые и промышленые люди с Ленского волоку в судах поплывут в Енисейской острог, и им Томилке Ильину и Гришке Тотарину о том // обо всем, что в сей наказной памяти им указано делать, и что на Лене делается, а им будет про то ведомо, подлинно отписать в Енисейской острог к воеводам к Василью Никитичу Пушкину да к Кирилу Осиповичю Супоневу да к дьяку Петру Стеншину подлинно ж про все. А будет тот ленской сын боярской Алексей Бедарев по сей наказной памяти и по памяти ж, какова к нему о том послана, государева указа не послушает, похочет ехать на Лену и государеву какую казну с собою свесть, или будет по хлебные запасы в казну ж из Якутского острогу и Петр Головин нарочно пришлет же, и им Томилке и Гришке с тобольскими и с ленскими людьми того Олексея Бедарова не отпускать же, и Петровой посылки не послушать же, и дать ево Алексея на поруки з записью; а будет по нем поруки не будет, и ево держать за приставом до приезда воевод Василья Никитича Пушкина с товарыщи. А ленским служилым людем им Томилке и Гришке от воевод от Василья Никитича Пушкина с товарыщи сказать, чтоб они Петра Головина ни в чем не боялись и не опасались, а дожидались бы

[1] *Несколько слов, вписанных между строк по перечеркну тому тексту, не разобраны.*

воевод Василья Никитича Пушкина с товарыщи безо всякого опасенья, не боясь ничево.

К. 184, столб. 1 на 304 ставах; ст. 65—70.

13. *1645 г. февраля 5. — Наказная память якутского воеводы Василия Пушкина с товарищами подьячему Семену Ермолину о посылке его на Ленский волок для хранения мягкой рухляди и сбора таможенных пошлин совместно с ленскими таможенными целовальниками.*

Лета 7153-го февраля в 5 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по приказу воевод Василья Никитича Пушкина да Кирила Осиповича Супонева да дьяка Петра Стеншина память подьячему Семену Ермолину. Итить ему из Енисейского острогу нынешние зимы на Ленской волок, не мешкая нигде ни часу, с ленскими служилыми людьми пеших казаков с пятидесятником с Томилком Ильиным с товарыщи вместе. И пришод ему на Ленской волок да что на Ленском волоку в таможне у таможенных целовальников, которые присланы из Якуцкого острогу от стольника и воеводы от Петра Головина, государевы зборной десятинной и всякой мяхкой рухляди и таможенных всяких зборных денег заедет, и с теми таможенными целовальники ему Семену тое государеву десятинную зборную соболиную и всякую мяхкую рухлядь и всякие таможенные денежные доходы запечатать своими печатьми // и держать с великим береженьем на Ленском волоку в государеве казне до приезду ленских воевод Василья Никитича Пушкина с товарыщи. И вперед с того числа, как он Семен на Ленской волок приедет с таможенными целовальники, которые ныне у государева таможенного збору, государеву десятинную всякую мяхкую рухлядь и всякие денежные доходы збирать, и государевым таможенным делом радеть и промышлять, и во всем государю прибыли искать с великим раденьем неоплошно, у служилых и у торговых и у промышленных людей руские товары и хлебные запасы и соболиную и всякую мяхкую рухлядь и всякие товары ценити в правду по государеву крестному целованью, что чего стоит, чтоб нихто в ызбыли не был и без пошлин не проезжал. А которой до ево Семенова приходу тем целовальником у таможенного дела в подьячих был, лалетина Сеньку Плехана, ис таможни отставить. И будет до него до Сеньки какое дойдет государево таможенное дело в споре с целовальником, или хотя и без спору, и ево Сеньку дать на поруку с записью до приезду ж Василья Никитича Пушкина с товарыщи. А торговых и промышленных людей из таможни отпущати безо всякого задержанья, // чтоб торговым и промышленным людем в задержаньи в промыслех и в отпуске мотчанья и государеве казне в том порухи не было. А налоги и обиды торговым и промышленным людем никакой им не чинити. А розни ему Семену с целовальником и хитрости над государевою казною никакой не чинить, чтоб на него ни в чем ко государю никакова челобитья ни от кого не было. А что по государеву указу велено тобольским казаком Якуньке Максимову с товарыщи на Ленском волоку ис промышленных людей плотников, взяв к ним же в прибавку сколько человек пригож, с ними делать суды, и ему по тому с сыном боярским и с пятидесятником Томилком и с Гришкою и с таможенными целовальники тем судовым делом порадеть, и к приезду воевод Василия Никитича Пушкина те суды, которые указаны, учнут по наказной памяти делати и готовить, а что коль каких судов сделано будет, и десятинные и всякие мяхкие рухляди и таможенных сборных денег заедет, и ему о том о всем подлинно отписать к воеводам к Василию Никитичю Пушкину да к Кирилу Осиповичу Супоневу да к дьяку Петру Стеншину.

К. 184, столб. 1 на 304 ставах; ст. 74—76.

14. *1645 г. мая 7—13. — Распросные речи сотника стрелецкого Максима Перфирьева и промышленного человека Леонтия Пенечкина об убийстве тобольского казака Семена Скорохода «с товарыщи» на Байкале байкальскими тунгусами.*

I. — 153-го маия в 7 день на сьезжем дворе ленским воеводам Василию Никитичю Пушкину да Кирилу Осиповичю Супоневу да ди[а]ку Петру Стеншину Енисейского острогу сотник стрелецкой Максим Перфирьев в роспросе сказал: в прошлом де во 151-м году посылан был он Максим [с] служилыми людьми на го-

сударев службу в Брацкой острог, и при нем де в Брацком остроге во 152-м году пришли з Байкала озера 2 человека промышленных людей, Максимко вычегжанин да Левка вятчанин, и принесли государева ясака 3 сорока 6 соболей да 4 лисицы красных да лисицу чернобурую, а в роспросе сказали: посыланы де были с Лены от воевод от Петра Головина на Байкал озеро для приводу государева ясашного збору служилые люди 27 человек, тобольской казак Семейка Скороход с товарыщи, и как де они шли зимним путем на Баргазину реку Байкалом озером, и тех де служилых людей байкальские тунгусы, тунгуской князец Хортица Баатур с товарыщи, побили, а оне де промышленные люди с достальными служилыми ж людьми пятеры человек оставались в зимовье, и из них де тех достальных служилых 3-х человек те ж тунгусы, как к ним к зимовью приступали, побили ж, а те де промышленные люди в том зимовье // отсиделись в осаде, и весною у тех тунгусов ушли, и пришли к ним в Брацкой острог. И те де он соболи и лисицы, взяв у них, как приехав из Брацкого острогу в Енисейской острог, отдали в государеву казну воеводе Осипу Оничкову, и ныне те соболи и лисицы в государеве казне в Енисейском остроге. А тех де промышленых один человек Левка вятчанин ныне в Енисейском остроге, а Максимко вычегжанин з дороги воротился, пошол опять на Бойкал озеро с атаманом с Васильем Колесниковым с товарыщи.

На обороте: К сем речем я Максимко Перфирьев руку приложил.

II. — И маия в 13 день вятченин промышленной человек Левка Васильев на Ленском съезжем дворе ставлен и против Максимовы скаски Перфирьева допрашиван, а в роспросе сказал: в прошлом де во 151-м году посланы де были для государева ясаку с Лены из Якуцкого острогу в браты на Байкал озеро служилые люди, пятидесятник Курбатко Афанасьев с товарыщи 20 человек, да с ними ж де было их промышленных людей 54 человека. И пришли де они в Верхоленской острог. А из Верхоленского острогу вышли они степью на остров Ольхон на Байкалове озере. И брацких де они людей погромили, а которой улус, того он не упомнит. И взяли де у них ясырю. И с ним де Курбатком розделились: служилых людей Сенька Скороход с товарыщи 6 человек да их промышленных людей 31 человек пришли на Верхную Антару реку ниже Витима, а Курбатко де с товарыщи воротился в Верхоленской острог. И как де они на Антару пришли и, поставя зимовье, взяли ясаку с тунгусов 3 сорока 6 соболей, 5 лисиц. И от них де промышленных людей Сенька Скороход с товарыщи 18 человек пошли для государева ясаку на реку Баргузин, и их де, не доходя Баргузина, князец Архича Баатур побил. А с ними де Левкою в том зимовье осталось 3 человека служилых людей да 4 человека промышленных. И пришед де к ним обманом ясачной тунгуской князец Яконкачин Чагинского роду, убили из них 4-х человек, а их де осталось промышленых 3 человека, и сидели де они в осаде с рождества христова до 4-й недели после велика дни. И ис того де они зимовья ушод пришли в Брацкой острог, а с собою принесли ясаку 3 сорока 6 соболей, 5 лисиц. А хотели де они с тем ясаком итить в Ленской острог, и Максим де Перфильев тот ясак взял у них сильно и с тем их ясаком в Якуцкой острог не отпустил.

На обороте: К сему допросу вместо промышленого человека Леонтия Васильева Пенечкина по его велению енисейской казак Оська Васильев руку приложил.

К. 184, столб. 1 на 304 ставах; ст. 164—166.

15. *1645 г. июня 25. — Отписка пятидесятника Курбата Иванова якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами о сдаче на Илимском волоке ясачной соболиной казны Томиле Ильину и Григорию Иванову, о необходимости увеличения гарнизона Верхоленского острога для покорения «братцких людей», часть которых хочет платить ясак и о высокой урожайности верхоленских пашенных земель.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василью Никитичю, Кирилу Осиповичю да дияку Петру Григорьевичю ленсково розряду пятидесятничишко Курбатко Иванов челом бьет. В нынешном во 153-м году по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по вашей наказной памяти писали ко мне в Верхоленской в Братцкой

острог с Ылимского волоку пятидесятник Томило Ильин да служивой человек Григорей Иванов, чтоб мне быть на Илимской волок з государевою ясашною соболиною казною и з десятиным збором и с прежним целовальником. И я пришел на Илимской волок з государевою соболиною ясашною казною и з десетиным збором и с ясашными книгами и с прежним целовальником с Артемьем Япанчинцом. А государева ясашново збору с тынгусов с розных родов 20 сороков 17 соболей, 6 сороков 1 соболь, братцково же ясашново збору и поминошных соболей 8, вожерелей собольих пластиных 5, пластин собольих да десятинново збору 66 соболей. И ту государеву казну пятидесятник Томило Ильин да Григорей Иванов положили в государев анбар за моею и за целовальниковою печатью. А служилых людей со мною пришло з государевою казною и для ради государева хлебново и денежново жалованья и соляных окладов 12 человек. И служилые люди государю о хлебном и о денежном жалованье государю били челом, а челобитную подавали на Илимском волоку сыну боярскому Алексию Бедареву да пятидесятнику Томилу Ильину да служилому человеку Григорию Иванову. И государева хлебново и денежново жалованья не дают, дожидайтесь де воевод Василья Никитича, Кирила Осиповича да дияка Петра Григорьевича Стеньшина. А [в] Верхоленском остроге остались небольшие люди, всего 15 человек, с великою нужею. И велел им жить с крепкими сторожами днем и ночью. А надобеть в Верхоленском в Братцком остроге большие люди коные, чтоб братцкая землица смирить и привесть под государеву царьскую высокую руку, хотя бы на первое человек 100, и государю будет большая прибыль, мочно та землица распространить, а места прилегли около Братцково остроту пашеные многие бесчисленно и сеными покосы угожи, а хлеб вверх по Лене реке на Тутуре // и на Орленге ржи бесчисленно добры растут, только бог скрасит верхом. А тунгусами ж доноситца, что у братцких людей промеж собою драки, половина хочет государю ясак давать, а иные хотят с государевыми людьми дратца, как де наша сила не возьмет и тогда де мы станем ясак давать, а сказывают де больших людей в острог, а люди де живут в остроге небольшие, приходят де на пору да и спловут де опять на низ. И буде в братцкой острог прибавки людей не будет, и от братцких людей в Верхоленском остроге житье будет тесно, да ясаку государева собрать будет некем, всех служилых людей и с толмачами 27 человек. А в Кутцкой острог к стольнику и воеводе к Петру Петровичю писал многажды о людех о прибавошных, и Петр Петровичь людей не присылывал. А нынечи тою государевою службою промышляти и радети вам, государевым воеводам, Василий Никитичь с товарыщи. Яз по государеву указу и по наказной памяти стольников и воевод Петра Петровича Головина с товарыщи в Верхоленском Братцком острожке не великими людьми государю послужил, и божиею милостию и поспешением и государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии счастьем, и благоверного царевича князя Алексея Михайловича счастьем, на врагов бог помощь подавал. И Николы чюдотворца молитвами и службою и раденьем стольников и воевод Петра Петровича Головина, Матфия Богдановича Глебова, дияка Еуфимья Филатова, и нашею ко государю службишкою, государева земля пространится и пашенные крестьяна и всякие люди коньми и скотом обзавезились нашею службишкою. А с отписками отпущен служилой человек Братцково острогу Трошка Сидоров толмачь июня 25 день. А у сей отписки печать карабль.

На обороте: Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василью Никитичю, Кирилу Осиповичю да диаку Петру Григорьевичю.

153-го июля в 4 день подал служилой человек Трошко Сидоров.

К. 184, столб. 1 на 304 сставах; сст. 190—191.

16. *1645 г. сентября 22. — Наказная память якутского воеводы Василия Пушкина на Оленек служилым людям Максиму Телицыну и Ивану Реброву по разным вопросам управления местным краем и о воспрепятствовании мангазейским служилым людям собирать вторичный ясак и брать аманатов с оленских тунгусов.*

Лета 7154-го году сентября в 22 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу память на Оленек служивым людем Максимку Телицыну да Ивашку Реброву. В прошлом во 153-м году писали вы в своей

отписке и послали в Якутцкой острог государевы ясашной казны, с служивым человеком с Потапком Кондратьевым, Галаниева роду 53 соболя да 2 соболя государевых поминошных, Немнина да Гасиева роду 25 соболей да 3 соболя государевых поминошных, да Андризина роду 3 соболя, да [с] целовальником с Васькой Курочкиным 10 соболей; и обоего 2 сорока 16 соболей. Да вы ж писали, что тунгусы к вам пришли, а ясаку государева не принесли, а сказали вам тунгусы, переимали де их на Анабаре в аманаты служивые люди Тазовского города, у Какуя поимали 2 сына Инку да Езенку, у Голанийка поимали брата Мендуту да Газейкова племянника Ендегу; а имали де те служивые люди // с тех янских тунгусов по 3 соболя с человека. А преж де сего те тунгусы платили ясак на Оленке, Какуевы дети и родники ево и Газейковы родники давали по 5-ти соболей с человека; и которые тунгусы у вас ясак платили, и вы де им давали в том ясаке отписи; и как де тех тунгусов поимали на Анабаре служивые люди Тазовского города и отписи де у тех тунгусов имали и драли, и тунгусы де почали им служивым людем говорить: платим де мы ясак на Оленке и отцы де наши седят в аманатех на Оленке, и служивые де люди на Анабаре имали с них ясак сильно; а сами де оне служивые люди тунгусом говорили: на Оленке де реке збирают ясак не по государеву указу воровски, емлют де с вас по 5-ти соболей и по 6-ти и по 4 своею дуростью, а нам де велено имать по 3 соболя; а другую де по 3 соболя служивые люди имали собе; а давали де тем тунгусом государевы подарки против государеву ясаку железом; а переимали // те служивые люди тех тунгусов на Анабаре, которые были на соболином промыслу и что де те тунгусы упромышляли соболей, и Тазовского де города служивые люди те соболи все у тунгусов взяли в ясак, а иное собе, и потому де к вашему аманату Какую дети и родники не приходили и потому де у вас ясак в недоборе. И как к вам ся память приидет, и вам бы Максимку и Ивашку на Анабару к служивым людем о том отписать и нарошно послать служивого человека, чтобы те служивые люди оленских тунгусов ясашных из аманатов выпустили, и впредь бы с тех оленских ясашных людей ясаку не имали, и соболей у них собе не покупали, и государеву б ясаку и збору никакой порухи не чинили, потому что посланы те служивые ис Монгазеи и велено им ясак на государя имать с новых людей, а не [с] старых, и в аманаты имать новых же людей, которые преж сего ясаку государева нигде не плачивали. Да вы ж писали, что толмача у вас нет, и которые де тунгусы приходили, и розговорить тех тунгусов некому и про иных тунгусов неясашных роспросить некем же, и подьячево де у вас нет, писать некому. И вам бы взять для толмачества промышленого человека Онтонка Матвеева и привесть ево Онтонка ко кресту при всех, собрав служилых людей и торговых и промышленых людей, а по которой записи привесть его ко кресту, и та запись послана под сею памятью. И ясак велеть записывать тому же Онтонку, а писать велеть промышленному же человеку, который грамоте умеет. // И Газейко шаман в розпросе сказал: сидят де в аманатех Шаньянского роду Галанейко да Широта Рымакин сын, а роду у них 40 человек, да Каратунского роду Игиля, а роду у него 25 человек; у Газейка сидят сын его да брат да сам он Газейко третей и роду его 20 человек; и с тех со все[х] взят на государя ясак по 5-ти соболей с человека, а по 6-му поминошному. Да вы ж писали, что послать на перемену служивых людей, и на перемену к вам ныне послать некого, потому что служивых людей мало, а хлебных запасов енисейской присылки, и Ленского волоку пахоты, в Якутцкой острог не пришло ничего, а на весну к вам перемена будет. А ныне к вам государево денежное жалованье послано полное на 2 годы, на прошлой на 152-й год и на 153-й год, по окладом вашим давали опричь красноярских служивых людей, а красноярских служивых людей выслать всех в Якутцкой острог. Да вы ж писали, что ныне божиею милостию, а государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии счастием, взяли мы 6 аманатов новых добрых. И вам бы, как начали, так бы и совершить, служба своя и раденье ко государю показать, под тех аманатов государев ясак собрать сполна на нынешной на 154-й год по 5-ти соболей с человека. Да в нынешном во 154-м году которого вы послали тунгуса в Якутцкой острог, и тому тунгусу приказано, велено ему ясак платить со всех оленских тунгусов по 5-ти соболей с человека, а подросков и захребетников

в старых ясашных волостех выискивать и ясак с них имать на государя по розсмотрению, смотря по человеку, по 2 соболя и по 3, а год от году на подросков в ясак прибавливать по соболю, покаместа с большими сверстаютца по наказу и как мошно, смотря по людем, чтоб их наперво ясаком не ожесточить и от царские высокие руки не отгонить. И аманатов у тех новоприисканых людей имати с роду по доброму человеку, чтоб под тех новых аманатов ясак впредь был безпереводно, чтоб им своею службою и радением учинить в государеве ясашном зборе прибыль, которая б впредь была прочна и стоятельна, и собя б вам видеть за ту службу в государеве жалованье и перед своею братьею быть похвальным. И всякие государевы дела делать и ясак збирать вам Максимко и Ивашко вместе. И аманатов держать в казенке в большой крепости в железах, и в день и в ночь надсма//тривать, ис казенки вон аманатов не выпущать, и топоров и ножей и поленных дров блиско аманатов не класти, чтоб аманаты над собою и над вами служивыми людьми какова дурна не учи[ни]ли, и жить в зимовьи с великим бережением, без караулу б не было, чтоб собрався аманацкие родники какова над вами служивыми людьми дурна не учинили и аманатов б не отбили; и многих тунгусов в ызбу не пущать, а коли доведетца пустить, и пускать их по одному человеку. А на весну, аже даст бог, собрав государева казна, быть в Якутцкой острог с казною тебе Максимку с красноярским 2-м человеком. А Газейко аманат, которой приезжал с целовальником Васькой Курочкиным, и тот Газейко из Якутцкого острогу отпущен в Жиганы [с] служивыми людьми, а велено его из Жиган отпустить на Оленек без задержания с промышленными людьми. Да вы ж писали, что взяли вы у Дружинки Чистякова по челобитью аманатов 2 куяка, а те де он Дружинка куяки взял погромом, как он Дружинка аманатов имал, и вам бы Максимку и Ивашку держать те куяки для ратных вестей у собя. И сетей де у вас нет, ловить на аманатов рыбы нечем, а купить де не у ково, а бумаги де у вас писчей нет же. И бумаги вам послано десть, а сетей послано 20 сажен для аманатцких кормов. А жалованье вам послано и бумага и сети служивым человеком с Амоском Михайловым. Да с ним же Амоском послана наказная память промышленому человеку Олешке Никитину Шелонику, а велено ему збирать на Оленке с торговых и с промышленых людей государева десятая пошлина. И вам бы та память отдать Олешке, а его Олешку привести ко кресту при всех торговых и промышленых людех. А по которой записи его Олешку привести ко кресту, и та запись послана к вам под сею памятью. И вам бы у него тое жалованье и сети и бумага принять и с ним розписатца. А на аманатов бы вам взять юколы и рыбы у всех торговых и промышленых людей сопча, чем бы мошно тех аманатов прокормить. А которые промышленые люди ныне с вами на Оленке // Ивашко Тимофеев, Сергушка Степанов, Васька Саранчин, Гришка Констентинов, Стенька Козлов, и тем промышленым людем велеть с собою вместе государеву службу служить до перемены, покамест к вам на Оленек всем перемена будет.

К. 190, столб. 29 на 7 ставах; ст. 1—7.

17. *1645 г. не ранее ноября 21. — Мирская челобитная царю Михаилу Федоровичу торговых и промышленных людей о насилиях якутского воеводы Петра Головина.*

[1] . . .отпущал на соболиные промысла. . . поздно о самом о заморозе и торговые и про[мышленые] люди до промыслов не дошли и стали они без промыслов, а иных торговых людей к Русе и на соболиные промыслы из Якутцково острогу не отпустил для тово, хто товарыщев ево для твоего царьсково величества почитал, и тем торговым и промышленым людем с гордости приметывался бездельем и в тюрьму всажал и разорил до основания, и многие торговые и промышленные люди обнищали, а в твоем государеве в десятинном зборе чинитца недобор великой. Да в прошлом же, государь, во 150-м году посылал он Петр нас холопей твоих во многие якутцкие волости для твоих государевых // дел и по якутцким челобитным для росправы. И того ж, государь, году посыланы были для твоего

---

[1] *Начало оборвано.*

государева ясаку князцу к Сахею, и для росправы по якутцким челобитным, служилые люди Олешка Ус, Постничко Иванов, Ларька Шумилов, Ивашко Тельной с товарыщи, и не допустя их Олешку с товарыщи якуты до волости на озере якутцкие люди, собрався, в копьи и в пальмы кололи, и платье на них искололи, и коней под ними исподкололи, и из луков стреляли и убить хотели. И они Олешка и Постничко с товарыщи одва от них от убойства отговорилися, и их Олешку с товарыщи били и позорили. И от них Олешки в город воротилися Ивашко Баранов с товарыщи, а Олешка Ус сам третей поехали для твоего государева ясаку вперед. И приехав в острог, Ивашко Боранов в съезжей избе ему Петру извещал, что якуты дурны и непослушны и их убить хотели, и они от них одва от убойства отговорилися и били их и платье на них искололи. И тому он Петр не поверил, и ево Ивашка матерны лаял. И после, государь, ево Ивашка товарыщи ево Ивашковы Олешка Ус, Постничко Иванов, Ларька Шумилов приехали и в съезжей избе ему Петру сказывали, что якуты дурны, твоему царьскому величеству непослушны и их били и убить хотели, а вперед де хотят они руских людей побивать и ясак де государев дают невежливо, бросают на землю, а подарков де твоих государевых, наругаючися, на шею собакам вяжут и в огонь мечют. И тому он Петр их скаскам не поверил, и того Ларьку за то бил батогами на смерть и изувечил. И после, государь, посыланы были в розные якутцкие волости по якутцким же челобитным для росправы межу их в краже служилые люди Юшко Петров томской, Матюшка Кишнев, Тренька Кокшар енисейские. И приезжая, государь, из тех волостей Юшко Петров в съезжей избе извещал ему Петру, что якуты дурны и непослушны, а прежде сего таковы не бывали. А Матюшка Кишнев и Тренька Кокшар в съезжей же избе ему Петру извещали, что якуты дурны и безстрашны, ево Матюшку били и в спину пальмою // кололи и раны на себе казал, а у Треньки Кокшара коня у нево в шею пальмою кололи ж, и вожу ево якуту, которой с ним с Тренькою посылан был, пальмою руку перерубили, и самово ево Треньку били. И тому, государь, их извету он Петр не поверил, и их Юшка и Матюшку и Треньку он Петр матерны лаял и кнутом бить хотел. И после, государь, того посыланы были на Ситу служилые люди Микифорко Иванов, Шаламко Иванов с товарыщи и Олешка Фролов // по убойцу по якута по Девеню Батасова сына для сыску, что убили оне в прошлом во 149-м году служилого человека Ивашка Метляка. И в тех в Сидцких волостех тех служилых Микифорка и Шаламка били и увечили и всячески наругались и убить хотели и платье на них скололи и коней под ними исподкололи, и от убойства их розговорил вож их якут Селбук, и того убойцу Девыню отбили, а говорили оне якуты Микифорку и Шаламку: только де вперед приедете, и мы де серца ваша из вас выемем, и они от них с великою с нужею втай ночью уехали. И приехав оне Микифорко и Шаламко в съезжей избе ему Петру того извещали, и их де Микифорка и Шаламка с товарыщи якуты били и позорили и убить хотели и платье де на нас искололи и коней де под нами исподкололи и, впредь де только будете, серца из нас вымать хотят. И чают оне Микифорко и Шаламко с товарыщи в земле шатость и дума изменная, что хотят они руских людей побивать. И тому он Петр не поверил, и их Микифорка и Шаламка с товарыщи матерны лаял и хотел бить кнутом: с нашево де приезду якуты страшны, я де ведаю, что руских людей не будут побивать. Да он же Петр посылал в Намскую и в Одейскую волость атамана Осипа Галкина да с ним же Осипом посылал 3-х человек служилых людей описывать в тех волостех якутов и детей и людей их. И тот Осип описывал в Намской и в Одейской волостех у князцов у Мымока и у Сергуя и у их улусных людей их якутов и детей их и малых робят лет по 8-ми и по 7-ми и по 5-ти, и скот у них описывал: коней и коров и кобыл и быки и телят и жеребят однолетних; и описав скот их, коней и коров и кобыл, межу собою якутом на соболи продавать для ясаку, и на ежу себе бить, не велел без докладу ево Петра Головина. И от того, государь, письма и от рогулек те якуты устраши//лися и, приехав в острог в съезжую избу, Борогонской волости князец Логуй ему Петру говорил, не велел посылати описывати якутов, потому что де у якутов ум худ и от письма де боятца, а велел он Логуй преж описати себя. Да Намской, государь, волости, князец Ника ему Петру на дому то ж говорил, не велел посылать описывать якутов, от письма де якуты

боятца, а толмачил, государь, толмач Ивашко Михайлов у нево Петра на дому. И того он Петр не послушал. И того ж, государь, 150-го стал он Петр посылать по всем якутцким улусом описывать их // якутов. И говорил ему Петру о письме товарыщ ево стольник и воевода Матвей Глебов, что де якуты еще не утвердилися, а люди де они не постоятельны, что // бы де дурна какова не было. И стольник и воевода Петр Головин товарыща своего Матвея Глебова не послушал. Того ж, государь, числа в съезжей избе бил челом ему Петру тобольской служивой человек десятник казачей Родька Григорьев, как бы де погодить письмом, еще де земля не утвердилася, а якуты де руского обычаю не ведают, нет ли де в них шатости, потому что де служилые люди, приходя из волостей, сказывали, что якуты дурны и непослушны и их бьют, а хотя де и описывать, ино взять де у них взять к ладе лутчих людей. И воевода Петр Головин того Родьку хотел бить кнутом и матерны лаял, бунты де мужик заводишь; и того всего он Петр не послушал. И того ж 150-го году, рнясь на товарыщов своих, без приговору товарыщей своих, съезжие избы подьячево Юрья Юрьева отдал за пристав без вины, и жену и детей ево к нему не велел припущать, и всякою теснотою теснил. И после, государь, того послал на Ситу и на Ковью сына боярсково Воина Шахова, а с ним служивых людей Постничка Иванова с товарыщи, а в целовальниках торгового человека Семейку Стрекаловского. И Семейка Стрекаловской // в съезжей избе бил челом тебе, государю, словесно, а ему Петру говорил: посылаешь де меня Петр Петровичь на смерть, избываючи меня, потому что преж сего в те в Ситцкие волости посыланы были служилые люди и они от них одва от смерти отошли. И он Петр того не послушал. А на Амгу, государь, и на Тату послал сына боярсково Остафья Михалевского с служилыми людьми, а в Кангаласы послал атамана Осипа Галкина [с] служилыми людьми. И того ж, государь, 150-го году марта в 2 день ведомо в Якутцком остроге учинилось, что якутцкие люди тебе, государю, изменили, детей боярских и атамана и служилых и торговых людей, которых он Петр послал для описки, по всем волостям побили, и вся Якутцкая земля тебе, государю, изменила. И того ж, государь, месяца, вскоре после того, ночью на смотре он Петр товарыщев своих и нас холопей твоих называл изменниками: от вас де убойство сталось. А тех, государь, изменников якутов, которые твоих государевых людей побили, еще в город не привозили и про убойство не розспрашиваны, от чево измена сталась. А он Петр, злохитрством своим покрываючи вину свою, что служилых людей скаскам не поверил, и хотя сам он Петр от того прав быти, а ту измену якутцкую хотя свести на руских людей, и в том рнясь на товарыщев своих, бил своими руками без вины чоканом до полусмерти сына боярсково казанца Григорья Демьянова и голову ему во многих местех испроломал, и бив чеканом велел ево бить на смерть батоги, и отбив батоги велел сволочь в тюрьму, и держал ево в тюрьме многое время. Да тое ж, государь, ночи бил чеканом своими ж руками и батоги на смерть казенново кузнеца Онтипку Фролова. А только, государь, он Петр якутцких людей с приезду поить и кормить по прежнему велел, и с рускими людьми говорить, и та б, государь, у них изменная дума пронеслася, потому, государь, и в прежних годех якуты многижда тебе, государю, изменить хачивали, и их думы то друзьям своим и ясырям казачьим высказывали. И после, государь, того убойства в остроге было нас холопей и сирот твоих в остатке не великие люди, человек с 40, да промышленых людей человек с 30. И послал он Петр нас холопей и сирот твоих в Одейскую волость князцу // Сергую, и велел ево Сергуя поимав привесть в острог, а нас холопей твоих человек с 30, и того князца Сергуя в улусе не зашли, розбежалися, и захватили в улусе жену ево Сергуеву да мачеху и привезли их в Якутцкой острог. И после, государь, того на другой день послал нас холопей твоих в улус князцу к Мымоку с промышлеными людьми 40 человек, а велел ево Мымока по тому ж взяв привесть в острог. И мы холопи твои по тому ж ходили, и до улусу нас холопей твоих не допустили; встретили нас на дороге с многими людьми с сот с 7 и больши, и учали нас холопей твоих стреляти, и билися мы холопи твои с ними из утра до половина дни, и на том, государь, бою нас холопей твоих испереранили, и от тех твоих государевых изменников мы холопи твои с великою с нужею отошли. И после, государь, того послал он Петр нас холопей твоих на Амгу и на Тату в поход на твоих государе-

вых изменников с советником своим с письмяным головою с Васильем Пояркобым 40 человек, и у тех твоих государевых изменников поставлены 3 острожка, и к тем острожком мы холопи твои приступили и с ними билися, и на том, государь, бою нас холопей твоих многих испереранили; и божиею милостью и твоим царьским счастьем те 3 острожка взяли и многих изменников побили, а иные розбежалися, и взяли живьем дву человек лутчих людей. И взяв осторжка пошли назад, и собрався оне за нами на дороге бой был большой, и божиею милостью и твоим государьским счастьем от тех изменников отошли и приехали в Якутцкой острог, а тех дву изменников привезли с собою в Якутцкой острог. Да он же Петр послал нас холопей твоих к Сергую в улус, в тои волости велел взять Борлонской волости князца Тренькина сына его. И мы холопи твои ходили и на имке нас холопей твоих многих испереранили да убили до смерти служилого человека Микитку Лобана, и того Тренькина сына взяли и привезли в острог. И как, государь, учали привозить многих якутов в острог, и дияка Еуфимия Филатова отставил от твоего государева дела и ко двору ево приставил караул крепкой служилых людей. И марта, государь, в 30 день хотели бить челом тебе государю торговые и промышленые люди о повальном карауле, чтоб караулов всяких караулили вряд своею братиею с торговыми людьми, // о том ему Петру ушники ево сказали, и то их челобитье он Петр поставил им в одиначество и пытал он Петр торговых Ивашка Коровина, Вторка Едемсково, Исачка Пантелеева, Ивашка Ванюкова, Семейку Карабельщика многими розными пытками и на костре огнем жег. И после, государь, того посылал в Бетунскую волость князцу Камыку того ж письменово голову Василья Пояркова, а с ним нас холопей твоих человек с 50. И пришли мы холопи твои в Бетунскую волость князцу Камыку, и оне седят в острожке, а острожек рублен в 3 стены, а меж стены сыпан хрящь. И к тому острожку мы холопи твои приступили, и на том, государь, приступе нас холопей твоих многих испереранили, убили до смерти промышленово человека Семейку. И твоим государьским счастьем тот острожек взяли и многих твоих государевых изменников побили, человек с 300 и больши, и того князца Камыка и братью и детей ево взяли живьем и лутчих улусных людей, а иные на пролом пошли. И того князца Камыка и братью и детей ево и улусных людей привезли в Якутцкой острог. А что мы холопи твои в тех походех имали за кровью головами своими скот, лошадей и коров и кобыл, и тот скот он Петр у нас холопей твоих поимал на тебя государя, а нам холопем твоим всего давал на 2 человека по одной скотинишке, а раненым давал по скотине человеку. И после, государь, того походу посылал нас холопей твоих на Ситу на твоих же государевых изменников с сыном боярским с Олексеем Бедаревым с 50 человеки, и приехали мы холопи твои на Ситу и те изменники седят в дву острожках. И мы холопи твои, прося у бога милости, к тем острожкам приступали, и за тебя государя кровь свою проливали; и на том, государь, приступе нас холопей твоих испереранили, и божиею милостию и твоим государьским счастьем те острожки взяли и в тех осторжках многих побили, а иных якутов лутчих людей живьем взяли, а иные розбежалися, и тех взятых якутов привезли в острог; а что у них скоту взяли за кровью, и того, государь, погромнового скота нам холопем твоим не дал. И то, государь, услыша в дальных волостех многие якутские люди устрашилися, слыша на себя такую победу, что взяты многие якутцкие острожки и многие якутцкие люди побиты, а иные // лутчие люди переиманы; и те дальные якуты, того устрашася, приезжали в Якутцкой острог с виною, приносили тебе, государю, вину свою, а привозили оне с собою соболей по 10-ти и по 20-ти и по 40-ку глухою статьею. И он Петр допрашивал какие соболи в ясак или в поминок, и оне, государь, люди неведущие, сказывать не умели какие соболи; и он Петр, выбрав лутчих соболей по 5-ти и по 10-ти и по 6-ти, и те соболи в свой поминок поворотил, а хвостовых отборных соболей в ясак и в купленые поворотил, и те соболи писал на них в ясак в прибыль. И в ыные, государь, годы с них ясак и поминков своих имал с правежу и с побоями. Да того ж, государь, году летом, после того погрому, приехав Ситы реки тагуской мужик Адырчей и привез он с собою 3 сорока 15 соболей глухою статьею, а того, государь, году тот Адырчей твоего государева ясаку с себя и з детей своих не платил, и тех соболей всех он Петр поворотил в свой в поминок. И как, государь, по при-

зову нас холопей твоих учали якуты приезжать в острог, и с тех, государь, якутов, выбирая лутчих людей, с роду человека по 5-ти и по 6-ти посадил их в крепости, а по иных якутов во многие волости посылал призывать нас холопей твоих. И мы холопи твои многих якутцких людей призывав привозили в Якутцкой острог. И собрав, государь, со всех родов и со всей земли лутчих людей, и засадя их в крепости, учал он Петр якутцких людей роспрашивать один, отставя товарыща своего воеводу Матвея Глебова от того якутцково сыску для того, чтоб ему Петру ту измену звести на нас холопей и сирот твоих, а самому б ему Петру тем от того очиститца, что служилых людей скаскам не поверил. И того ж, государь, 150-го году маия в 6 день до того сыску посадил он Петр отца своего духовнаго черново попа Семиона в тюрьму к якутом и якутцким бабам, и держал его в тюрьме с якутами многое время. И выняв ис тюрьмы отдал ево за приставы, за торгового человека Надеи Светешникова человека ево, к Елизарку Тимофееву и держал ево за приставом у того Елизарка в железах прикован[а] х колодке 16 недель, и с того со 150 году да по // 151-й год держал ево за многими приставы и всякою теснотою теснил и отдав за пристав из тюрьмы отца своего духовного чорново попа Семиона. И после того, государь, пытал он Петр напрасно толмача Ивашка Михайлова многими пытками накрепко. Да с ним же с Ывашком пытал Парфенова человека Ивашка Осипова, да на завтрее пытал Матюшку Терентьева, Осипова человека Галкина, и отпытав их напрасно, учал якутов роспрашивать. И в роспросе ему Петру якуты сказывали: побили де они детей боярских и служилых и торговых людей для тово, описывал де Осип Галкин в Одейской и в Намской волостех якутских людей и детей малых робят лет по 5-ти и по 6-ти и по 7-ми, а скота описывал коней и коров и кобыл и телят и жеребят однолетных, а описав де скота Осип, без докладу ево Петра, меж собою продавать и себе на ежу бить не велел, а для чево де скота их описывал, того им не сказывал, чаяли де они то письмо дурно, а преж де сего скота у нас не описывали, и от тово де письма мы, и от рогулек железных, убоялись и руских людей побили. И он Петр, придираючися к нам холопем и сиротам твоим, на руских людей спрашивал. И оне на руских людей не говорили, убили де они собою, а думу де нашу и жены и дети и холопи наши не знали. И он Петр пытал тех якутов многих многими пытками, и с пытки они то ж говорили: от руских де людей никакова дурна не слыхали, от письма де и от рогулек боясь, чаяли де то письмо дурно, и для того де побили. И он Петр велел у пытки толмачю Куземке Габышеву говорить якутом впрям на Матвея Глебова, велел де убить руских людей Матвей. И Куземка спрашивал якутов: велел ли или нет Матвей государевых людей побивать? И услыша он Петр что помянул Куземка, велел или не велел Матвей государевых людей побивать, и за то ево Куземку бил ослопом в голову при торговых людех, которые с ним с Петром у того сыску стояли. И от того его напрасново составу якут Калатай сам удавился, не мога пытки претерпеть, что намучивал ево на руских людей. Да он же Петр пытал князца Откурая сына ево Моторку // 6-ти лет, и на пытке ему велел говорить впрямь на руских людей, и мошню свою шелковую з деньгами давал ему Моторке, только де скажешь на руских людей и из аманатов де отпущу, и он Моторка не ведомо что соврал на Кузьку Туркина. И по тем, государь, ево Моторкиным ложным сказкам пытал ево Кузьку многими розными пытками накрепко. И многих он Петр якутов пытал многими пытками, и оне все говорили меж себя друг на друга, отводили о убойстве, а убойство де сталося от письма. И по сыску, хто чево довелся, указ учинил, 23 человека самых лутчих людей перевешал, а иных многих якутов бил кнутом, а повесил на 3 рели, а водил их вешать мимо повешеных якутов, которых преже вешал, чтоб оне якуты, видя перевешаных, устрашилися и на руских людей соврали. И с 3-ие, государь, виселицы соврал ситцкой мужик именем Бокуй на сына боярсково на Парфена Ходырева да на Кузьку Сидорова, и того, государь, якута, именем Букуя, он Петр велел спустить с виселицы. А весся он Бокуй с час времени, а до виселицы он Бокуй пытан многими пытками накрепко, а на пытке он не говорил ни на какова на руских людей. Да он же Петр за милостию бил кнутом служивого человека Констентинка Стефанова. Да он же Петр бил батоги изувечил торгового человека Микитку Агапитова ярославца безвинно, рнясь на товарыщев

своих. Да того ж, государь, году, рняся на товарыщей своих, бил батоги на смерть и изувечил сьезжей избы подьячего Юрья Юрьева, да торгового человека Самсонка вологжанина, да служивого человека Вторка Катаева по 2 дни бил батоги безвинно и изувечил на смерть. Да он же Петр в прошлом во 151-м году сентября в 3 день сказал нам холопем твоим по твоим государевым службам по всем ясачным зимовьям на Янгу и на Собачью для твоего государева ясачново збору не во время, поздно, о заморозе, а сказывал нам холопем твоим на те службы до походу всего за 2 дни, а твоего государева хлебново жалованья давал нам холопем твоим неполные оклады, а иным ни по одному пуду не давал. И мы холопи твои запасу и//мали в долг дорогою ценою, по 2 руб. пуд муки. А на корм аманатом хлебново запасу не давал, и мы холопи твои кормили своими запасы. А свинцу и пороху нам холопем твоим в наши оклады и во всех годех не давал, и для того, государь, в тех годех порох и свинец издорожал, фунт пороху купили по полутора рубли, а свинцу фунт купили по полполтине, в том мы холопи твои иззадолжали великими долги. А которые, государь, к нему Петру ушничали и тем он давал полные оклады, и посылаючи нас холопей твоих, бил кнутом перед аманатами, безвинно позорил и на суды за приставы водил. Да он же Петр, нерадеючи твоею государевою службою, а на нас холопей твоих составливаючи ложную измену, хотя от твоей государьской милости и жалованья теми своими составы отставить, и с приезду своего велел добрых вилюйских в ясачных зимовий тунгуских аманатов переменять, которые до нево Петра взяты в аманаты, а в их место велел имать детей их малых робят в аманаты. И под тех, государь, малых робят те тунгусы многие твоего государева ясаку не платили, а иные сошли на иные дальные реки для звериных промыслов своих, и тех дойти зимою на нартех за мотчанием отпуску на службы не могли, а которых, государь, и доходили зимою на нартех, и оне сказывали: дать де им в ясак нечево, мы де не чаяли вам для ясаку быть, потому в прежних де годех приходили к нам для ясаку во время, а ныне де снег велик и собачьею ногою промышлять соболей нельзе. И за тем, государь, ево Петровым нерадением многих зимовьях на Вилюе и в Жиганех в твоем государеве в ясаке в том году учинился недобор; и мы холопи твои твоего государева ясаку прашали с них, и твоим царьским величеством им грозили, и оне, государь, нас холопей твоих бьют и позорят и твоих государевых подарков бросают и собакам на шею вяжут и в огонь мечут, а твоего государеву ясаку дают невежливо и ногами пинают и по земле бросают, а называют нас холопей твоих худыми людьми: вас де Петр Петрович кнутом перед нами бьет, а мы де возле нево седим; и торговых и промышленых людей на промыслех и на рыбных ловлях бьют и грабят. И того ж, государь, году на Вилюе ясашным зборщиком Фомке Визгунову, Овдокимку Кирилову с товарыщи торговые люди били челом на тунгусов в убойстве и в грабежу. И ясашные зборщики Фомка Визгунов, Овдокимко Кирилов инозе//мцом говорили, чтоб оне руских людей не побивали и не грабили. И тунгусы Фомке с товарищи сказывали: имать де им тунгусом хлебных запасов и юколы у торговых и у промышленых людей велел Петр Петрович. И он, Фомка и Оводокимко и толмач Ивашко Широкой, приехав в Якутцкой острог, в сьезжей избе ему Петру тех тунгуских речей сказывали, и за то он Петр тех служилых Фомку с товарыщи пересажал в тюрьму, и ево Фомку в тюрьме заморил голодною смертью, а толмача Ивашка Широково отставил от твоей государьской милости, ис толмачества выкинул, а твое государево жалованье доправил на нем и многижда ево батоги бивал и изувечил на смерть и в тюрьме держал многое время. И мы холопи и сироты твои тебе, государю, би//вали челом, а в Якутцком остроге ему Петру сказывали, что иноземцы дурны и непослушны, и он Петр того не послушал, и на тех иноземцов тунгусов на службу нас холопей твоих не посылал. И для того, государь, многие тунгусы, видя себе такую поволку во многих в ясачных зборех, нас холопей твоих били и грабили, а промышленых людей на соболиных промыслех побивали и грабили и промышлять не давали, и многие убойства от того становилися. А которые, государь, в том же году посыланы были служилые люди на Янгу и на Собачью для твоего государева ясачного збору, да с ними ж служилыми людьми отпущены были торговые и промышленные люди для соболиных своих промыслов, и они через

Камень для снегу за мотчанием отпуску попасти не могли, и твоих государевых коней и своих лошадей поморили, и сами они тое мертвечину з голоду ели. И тех промышленых людей з голоду примерло на Камени и побито от юкагирей человек з 20. А только б, государь, их отпустил он Петр во время, и те б твои государевы люди все были живы. А которых, государь, торговых людей и промышленых для соболиных промыслов того же 151-го году отпущал из Якутцкого по Лене и по сторонним рекам для соболиных промыслов, и те торговые и про//мышленные люди к соболиным промыслом до угожых мест не дошли же от ево Петрова задержания и насильства и стали они без промыслу, и в том твоем государеве десятинном зборе чинитца недобор великой; а иных торговых и промышленых людей, рнясь на товарыщов своих, из Якуцково острогу к Русе и на соболиные промыслы не отпущал, задержал в Якутцком остроге безвинно годы по 3 и по 4, и кнутом и батоги бил, и на пытках пытал, и в тюрьмах и за приставы держал, и хлебных их запасов имал в твою государеву казну. А которых, государь, ис торговых людей и ис промышленых выбирали своя братия торговые люди в съезжую избу в целовальники и по ясачным зимовьям к ясачному приему и к десятинному збору в целовальники, и к тем торговым людем целовальником приметывался без [с]чоту и без сыску, и на пытках пытал и в тюрьмах и за приставы держал годы по 3 и по 4 и разорил до основания, и обнищали и одолжали великими долги. И то слыша в Енисейском торговые и промышленые люди усумнилися, на Лену итить не посмели, и хлебные свои запасы менять стало на соболи не с кем. И для того, государь, на Лене твоему государеву десятинному збору чинился в тех годех недобор великой, а торговые люди на Лене в бесторжице и в безпромыслице обнищали и иззадолжали великими долги. А что, государь, у нас холопей твоих для твоих государевых служеб имано в долг в большую цену хлебного запасу у торговых людей, пудов десятка по 2 и по 3, и тех хлебных запасов он Петр у нас холопей твоих пограбил в твою государеву казну, и в том мы холопи твои иззадолжали великими долги. Да он же Петр, хотя нас холопей твоих вконец погубить и от твоего царьского жалованья и службы отставить, заводным умышлением учал заводить измену на товарыщов своих и на нас холопей и сирот твоих, а тем своим умышлением он Петр, хотя себе видети в твоей государьской в милости и в жалованье безвинною нашею кровию. И прошлого ж, государь, 150-го году посадил он Петр в тюрьму новокрещена Ивашка остяка безвинно, чем бы ему Петру к товарищем своим и нам холопем и сиротам твоим приметатца, видя ево Ивашково малоумие, и морил ево Ивашка в тюрьме голодом лето целое, и многижда ево // Ивашка ис тюрьмы к роспросу имывал, и тот Ивашко не говорил ни на ково ничего. И в тюрьме тот Ивашко остяк говаривал, хотя де мне и голодною смертью умереть, сказать де мне нечево, ведаю де и сам, намучивает говорить на товарыщов своих и на служилых людей. И в прошлом, государь, во 151-м году осенью, взяв ево Ивашка остяка ис тюрьмы, и роспрося ево про убойство на нас холопей и сирот твоих, и в роспросе он Ивашко по тому ж ни на ково не говорил ничево. И после роспросу отдал ево Ивашка за пристав за ушника своего и потаковника за Богдашка Астороханца, и тот Ивашко остяк сидел у нево Богдашка за приставом недель с 5 и больши, а кормил ево Ивашка он Петр, будучи у нево Богдашка за приставом, присылая из двора своего вина и корму. И по ево Богдашкину наученью, и по зговору, того Ивашка взял он Петр из за пристава к пытке, и роспрашивал ево Ивашка с потаковником своим и с советником с письмяным головою с Васильем Поярковым сам-друг, и были оне в застенку больши часа, и уговорясь с ним с Ывашком остяком и укрепя ево и составя на кровопролитие православных крестьян, и взял [в] пытошную избу к записке того составу их таможеново подьячево Ваську Скоблевского и записав их составных речей. И после, государь, того на 3-й день взял ево Ивашка вдругие [в] пытошную избу, и для людей того Ивашка ставил на очную ставку с Матвеевыми людьми при торговых людей, которые с ним Петром к тому составному сыску к пыткам ходили, Левка Толстоухов, Онкудинко Шубин, Якунька Осипов устюжене, Стенька Гогунин усолец. И при тех торговых людей тот Ивашко остяк, по их Петра Головина и Богдашки Астороханца составу, на воеводу на Матвея Глебова и на диака Еуфимия

Филатова и на служилых людей и на промышленых говорил, как оне с ним утакалися, и ставя на очную ставку того Ивашка, и того Ивашка отдал за пристав к нему ж Богдашку. И после, государь, того нашли ево Ивашка, // недошед до юрт, на лесу удавлен. И того ж, государь, 151-го ноября в 20 день по той ложной остяковой наученой скаске Петр Головин товарыща своего Матвея Глебова в сьезжую из двора к твоему государеву делу пущать и к святилищу божию и на улицу не велел, засадил ево у себя на дворе, а посадил к нему на дом приставов торговых людей, а окола двора ево поставил караул крепкой сына боярского Ивана Пильникова служилыми людьми, а людей воеводы Матвея Глебова и дияка Еуфима Филатова посадил в тюрьму. И держал он Петр ево Матвея за приставом с того числа по априль по 20-е число и всякою, государь, теснотою теснил. И априля, государь, в 20-м числе пришол к нему Матвею потаковник ево Петров письмяной голова Василей Поярков с ево Петровыми ушники с сыном боярским Олешкой Бедаревым, с Оксенком Писаловым, с Ывашкою Тельным, с Ондрюшкою Почекуниным, з Давыдком Матвеевым с товарыщи и говорил ему Матвею он Василей, зовет де тебя Петр Петрович для государева дела в сьезжую избу. И Матвей Глебов пошел в острог. И как, государь, он Матвей пришол в острог, и он Василей с товарыщи посадил ево Матвея в тюрьму. И с того, государь, числа держал ево Матвея в тюрьме июня по... числю. И в июне, государь, в... числе перевел ево Матвея и дияка ис тюрьмы на реку в судно, и посадил их в казенку порознь, и у казенок, государь, щели наглухо иззаделаны и окон не было. И седячи, государь, оне Матвей и дияк в казенках воду пили тою дирою, в которую в отход на сторону ходили. И всякою, государь, теснотою, смрадом и жаром теснил и голодом морил, и держал их в казенках с июня... числа по июль по 25-е число. А сына боярского Ивана Пильникова, // рняся на него в том, будучи де в приставех к Матвею Глебову вести переносил, и за то ево Ивана на одной поре бил батоги двою, напрасно изувечил и в тюрьму всажал. А людей воеводы Матвея Глебова и дияка Еуфима Филатова посадил в тюрьму, а сына боярского Григорья Демьянова отдал за пристав и морил ево за приставом полчетверта годы. И Матвея Глебова и дияка Еуфима Филатова люди поклепали бояр своих. Да они ж, государь, Матвеевы и диячьи люди по ево Петровым заводным умышлением, боясь ево Петра смертных пыток, поклепали нас холопей и сирот твоих и многих якутцких людей и сьезжыя избы целовальников. А к тому, государь, их поклепу он Петр сыску не учинил и впредь учал их на то приводити без сыску, хотя нас холопей и сирот твоих напрасно погубити. А говорил им он Петр в сьезжей избе при подьячих и при целовальниках, говорите де на бояр своих и на всяких людей без боязни, а вам де у бояр своих не бывати. А Богдашко Асторохантц сказывал им Матвеевым и диячьим людем, бояр их казнити, а нас холопей и сирот твоих перевешати. И Матвеевы и диячьи люди то слыша, и видя над бояры своими от нево Петра такую тесноту и гонение, а нас холопей и сирот твоих напрасно[е] кроволитие, а себе льготу, чаяли бояром своим от нево Петра заморенным быти, а нам холопем и сиротам твоим замученым, и на ево, государь, Петрову ласку прельстилися, стали они на нас холопей и сирот твоих ложно воровство и измены зводить по ево Петровым затеям, ково он Петр чем поклепал, а оне по нем притакивали. И по тем, государь, их заводным скаскам многих якутцких людей из улусов привозили ушники ево и потаковники Богдашко Асторохан, Давыдко Матвеев, Ондрюшко Почекунин, Ивашко Тельной, и в тюрьму и за пристав их передавал, и морил их голодом ден по 5-ти и по 6-ти, и для славы их якутов на очную ставку ставил с Матвеевыми и диячьими людьми, а сам он Петр преж свидетельствовал, что на них якутов говорить. А они, государь, Матвеевы и диячьи люди по нем Петре, что у зерни притакивали, боясь ево Петра, и те якуты, видя такую неправду ево, что преж того их якутов пытал многих накрепко, и оне правду свою всю объявили, от чово измена сталась, и тому он Петр их во//ровству за ту их измену учиня указ и того же дела стал вновь переискивати и зводить измену на нас холопей и сирот твоих, и учал им якутом страпцать кнутом и огнем и тюрьмою и голодом морить, а говорил им, хто скажет на нас холопей и сирот твоих по ево Петровым затеям, и тем обещался отпущать на волю к себе, и коров и кобыл им якутом от того сулил, чтоб оне говорили на нас холо-

пей и сирот твоих. А которые, государь, якуты в правде постояли, и тех он пытал многими розными пытками накрепко и сверх пыток морил их голодом ден по 5-ти и по 6-ти. И те якуты и иные многие, видя к себе такое гонение и кровопролитие, а ево Петрову неправду, а которые, государь, якуты нас холопей и сирот твоих неправдою по ево Петровым затеям поклепали, и тем ослабу и на волю их отпущал. И на то оне прельстилися, учали говорить на нас холопей и сирот твоих. Да и сам он Петр в сьезжей избе говаривал, нрав де у них таков, кому де ден 5 или 6 не дам ести, и они де учнут говорить на руских людей. А которое, государь, дело коим якутом на ково заводил, и тех он многих заморил в тюрьмах голодною смертию, чтоб тот свой составной завод утаити. А посылал он Петр по якутов в улусы ушников своих Ивашка Тельново, Ондрюшку Почекунина, Давыдка Матвеева, Ивашка Табакова, Богдашка Астороханца, и оне ездя их якутов на все дурно на нас холопей и сирот твоих приводили. А толмачил, государь, у тех составных пытошных дел служилой человек Коземка Габушев, а слушали на вере ушники ево Ивашко Тельной, Богдашко Асфороханец. И у роспросу, не дав ему Коземке до пряма роспрошать, Ивашко Тельной с собою умысля, чово якуты не говаривали, то он сказывал. И Коземко о том ему Петру бивал челом, не то де якуты говорят, что Ивашко Тельной сказывал. И за то ево Коземку он Петр многижда бивал и за приставом з женою и з детьми держал 2 годы. И того ж, государь, 151-го году посадил он Петр за пристав князца Нику Мымыкова сына в таможню за потаковника своево за Оксенка Писалова, и морил его Нику в таможне и в сьезжей избе голодом 7 ден. И тот Ника в сьезжей избе, не мога голоду перетерпеть, учал плакать. И сьезжыя избы целовальники Иевко Елисеев, Ивашко Семенов спрошали у Богдашки Астороханца, для чово он Ника плачет. И Богдашко Асторохан им сказывал, говорит де Ника, каково де мне будет, только де солгу на Матвея Глебова, не поставит де меня с ним на очную ставку, а правды де мне сказать нечево, только де не солгать. И Богдашко ему Нике говорил: скажи де, что Петр Петрович // спрашивает, для де чово не скажешь на Матвея Глебова, брат ли де тебе он или родник. И тот Ника по тем Богдашковым речам учал говорить на воеводу на Матвея Глебова. И по тем, государь, Матвеевым и диячьих людей и якутов, и затеяв с собою без наговоров, пытал он Петр без сыску и неправдою сына боярского Парфена Ходырева, толмачей Ивашка Михайлова, Коземку Сидорова Туркина, Осипа Галкина человека Матюшку Терентьева, да Парфенова человека Ивашка Осипова, да жонку Парфенову ж Васюху, да служилых людей пятидесятника Шаламка Иванова, Гришку Титова, Офоньку Михайлова, Ерофейка Киселева, Семейку Тимофеева Чюфариста з женою ево Марфуткою, казенного кузнеца Онтипку Фролова з женою ево с Наташкою, Вторка Федорова Катаева, да служилых же людей сьезжыя избы целовальников Ермачка Олексеева, Стеньку Борисова, сьезжыя избы подьячево Юрья Юрьева, да сьезжыя ж избы целовальников торговых людей Бориска Иванова важенина, Пятунку Иванова колмогорца, да торгового человека устюженина Ивашка Семенова Коровина, да промышленого человека Мишку Леонтьева, да промышленого ж человека Карпка Зелева жену его Анютку, да служилых людей жонок, Оськи Семенова жонку...[1] да Кирилка Ванюкова жонку Параху, Ивашка Рябова жонку Чигею, а сулил он Петр той Чигее от того корову, чтоб она поклепала твоих государевых людей. А пытал он Петр нас холопей и сирот твоих и жон наших позорил многими розными пытками в пойма по 2 и по 3 и по 4, а намучивал на товарищов своих, а давал ударов кнутних на одной пытке ста по полутора и большы, и на костре огнем жог, и стряски многие давал, и воду на голову лил со льдом, и пуп и жилы клещами горячими тянул, и у рук мышки огнем жог, и голову клячем воротил, и по естеству по тайным удом прутьем стегал, и ребра ломал, и свечами спину жог, и уголье и пепел горячей на спину сыпал, и за нокти спицы вколотил. Да сверх, государь, тех пыток приговаривал и велел ушник ево Давыдко Матвеев на горячую сковороду ставить, и на волосяную веревку посадя нагово по веревке волочить. А их, государь, ложных наговорщиков Матвеевых и диячьих и якутцких людей со многими и на очную ставку не ставил, а которых, государь, и ставил

[1] *В рукописи оставлен пробел для имени.*

на очную ставку для людей, и тем // он давал ударов по 5-ти и по 6-ти. Да в прошлом же, государь, во 149-м году на усть Муки реки сьезжыя избы целовальником служилым людем Степанку Борисову, Ермачку Олексееву велел он Петр принести к себе на дом ис твоей государевы казны твоих государевых денег 300 руб. без товарыщов своих. И целовальники, государь, Степанко и Ермачко, боячя ево Петра, твоих государевых 300 руб. денег отнесли к нему Петру, а он Петр им целовальником Степанку и Ермачку в тех твоих государевых деньгах им отписи и памяти не дал. И в прошлом же, государь, во 151-м году в Якутцком остроге велел он Петр на тех целовальников говорить диячью человеку Ивашку Макарову, будто они целовальники Степанко и Ермачко твоих государевых денег полтораста руб. отнесли к дияку Еуфимию Филатову. И по ево, государь, Петрову веленью диячей человек Ивашко Макаров будто говорил на них Степанка и Ермачка, а ево Ивашка с ним на очную ставку не ставил, а сказывал сам он Петр, будто говорил он Ивашко на них, и в том он Петр тех целовальников пытал накрепко, а велел им говорить на диака на Еуфимия Филатова. И оне ему Петру на пытке говорили, ты де государевых денег 300 руб. взял, а к дияку де мы никаких государевых денег не отнашивали. А в кою, государь, пору он Петр пытал нас холопей и сирот твоих в пытошной избе, а в ту пору у той пытошной избы на дворе стояли неведомо для какова умыслу и заводу, покаместа и пытка минетца, енисейские служилые люди, Олешка Яковлев Олень, Кузька Лошаков, человек по 5-ти и по 6-ти и больши. А как, государь, он Петр пытал нас холопей и сирот твоих, весячи в дыбах, и приходя он Петр своими руками в нос бил, и до крови разбивал, и ту кровь себе на ладонь точил, и ко устом себе подносил, и носом нюхал, и с ладони своей о платье свое вытирал. А которые, государь, ушников ево и ево Петрова заводу не послушали, а нас // холопей и сирот твоих напрасно не поклепали, и тех якутов он Петр пытал на смерть, и многих якутцких лутчих людей на пытках запытал, и в темнице голодною смертию заморил человек с 50. И от того, государь, вся Якутцкая земля устрашилася, и стали оне лгать в одну сторону безповоротно: что он Петр затеяв собою спрашивал, то оне и сказывали. А к тому, государь, заводному своему сыску имал собою к пыткам потаковников, руских городов торговых людей прикащиков их Левку Толстоухова, Онкудинка Шубина, Якуньку Осипова устюжен, Стеньку Гогунина усольца, и те торговые люди с ево Петровыми советники и ушники служилыми людьми з Давыдком Матвеевым, с Ывашком Тельным, с Ондрюшкою Почекуниным, з Богдашком Астороханцом, с Оксенком Писаловым, с Ывашком Табаковым кровь нашу проливали. И того же, государь, 151-го году в великой в мясоед учал он Петр замышлять и составливать заводным обычаем, хотя нас холопей и сирот твоих вконец погубить, не помня твое государево крестное целованье, будто по всем ясачным зимовьям нам холопем и сиротам твоим воевода Матвей Глебов и дияк Еvфим Филатов заказывали имать в ясак с ыноземцев, и в 10-ую с торговых людей и с промышленых, соболи драные и без хвостов, и то при иных годех вполы, а добрые б соболи переменяли на худые свои соболи. И то он Петр помысл свой и заводной состав в дело поставил, учал Матвеевых и диячьих людей, выводя ис тюрьмы, на то приводить, а говорил им так: Матвей и дияк служилым людем, ясачным сборщиком и торговым людем целовальником, заказывали иноземцом руских людей побивать и ясачные б и десятинные соболи на худые б свои соболи переменяли. И Матвея Глебова и дияка Еуфима Филатова люди говорили, того де мы заказу у бояр своих не слыхали. И он Петр: только де не учнете говорить, сожгу де в уголь. И Матвеев человек Матюшко в тюрьме прикинулся в болезнь, чтоб ему от тово напрасново составу пролежать и кровопролития напрасново не навести; и приходя, государь, в тюрьму ушник ево сын боярской Олешка Бедарев велел им, Матвеевым и диячьим людем, говорить на нас холопей и сирот твоих: чово де боитеся, вам де у бояр своих не бывать, а не учнете де говорить, и вас де Петр Петрович замучит. И того ж, государь, числа Матвеева человека Матюшку взял в пытошную избу, и велел им на нас холопей и сирот твоих говорити в зимовьях с выбором: на ково гнев свой нес напрасно и ково он велел клепать тех оне и поклепали; // а ушника своего и советника Курбатка Иванова сам он Петр от их поклепу выговаривал, а на нас холопей и сирот твоих сам нагаваривал.

И Матвеев человек Матюшка и дячей человек Ивашко по ево Петрову наговору, как он сам преж говорил, а сына боярского Олешки Бедарева веленью, говорили на нас холопей и сирот твоих, будто нам холопем и сиротам твоим воевода Матвей Глебов и дияк Еуфим Филатов заказывали имать в ясак с ыноземцов и в десятиной збор соболи худые и драные и без хвостов, а добрых бы соболей привозили к ним к Матвею и к диаку, и будто руских людей иноземцов побивать велели. А мы холопи твои и никакова дурна ни от Матвея ни от дияка не слыхали, ни сами твоею государевою соболиною и ни какою казною не корыстовались. Да он же Петр пытал князца Сергуя на многих пытках накрепко, и сверх пыток морил ево голодом и, не мога пытку и голоду перетерпеть, солгал на служилых людей на караульщиков на Девятку Дмитриева, будто он Девятко не велел ему Сергую на руских людей говорить. И того Девятку он Петр огнем на костре сжог до смерти, да с ним же Девятком зжог до смерти на костре служилых людей Тимошку Титова Тропу да Нефетка Филатова без сыску напрасно, а себя они и никово не поклепали. Да он же Петр бил батоги за челобитье о карауле служилых людей 12 человек, десятника Богдашку Олексеева, Оську Федорова, Тимошку Ярославца, Дорошку Еуфимиева и держал их в тюрьме многое время. Да он же Петр бил батоги напрасно, изувечил на смерть, служилого человека Олешку Леонтиева Коркуна по ложному наносу ушника своего Ивашка Тельново. Да того ж, государь, году у сына боярского у Ивана Пильникова служилыми людьми сидел за приставом князец Мымок, и к нему Мымоку приходили пота[ко]вники ево и ушники, сын боярской Олексей Бедарев да Богдашко Астороханец, и говорили оне Мымоку, скажи де на Матвея Глебова и на нас холопей и сирот твоих, и тебя де Петр Петрович выпустит. И тот де Мымок говорил им, сказать де мне правды нечево, только де лише солгать. И сын боярской Олешка Бедарев и Богдашко Астороханец на двор ево Мымока из избы выводили, и тот де Мымок с ними и с сыном своим с Никою на дворе пошепталися. И после, государь, того тот Мымок учал говорить // на твоих государевых людей, а то слышел торговой человек Ивашко Коровин устюженин. И того, государь, Мымока он Петр заморил в темнице, чтоб то их учение тайно было. Да он же Петр пытал напрасно безвинно служилого человека Ондрюшку Парфенова, да с ним же с Ондрюшкою пытал Ивашка Стефанова. И того же, // государь, 151 году априля в 25 день били челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии о твоем государеве хлебном и денежном жалованье чорной поп Перфирей да диякон Спиридон. И он Петр того попа Перфирия и диякона Спиридона посадил за приставы напрасно без вины и всякою, государь, их теснотою теснил, а к твоему государеву богомолью водил их за приставы, а во святилище божии были у них приставы, а с причастием, государь, больным ко многим не велел ходить, а к которым, государь, и отпущал с причастием, и у исповеди приставы ж стояли, под окном слушали. И мучил ево Перфирия с того числа за многими приставы, скована [в] колодке нашейною большою чепью. И прошлого же, государь, 152-го году маия в 14 день того Перфирия взял он Петр в застенок, и монатью с нево и свитку сняли до-нага, и парамон с нево велел снять, и он Перфирей за иноческое обещание, за парамон де умру, а жыв де с себя снять парамон не дам, разве де с мертвово велишь снять. И велел ево Перфирия он Петр поднять в парамоне в дыбы, а бить ево кнутом для парамону, стыдясь людей, не велел. И весся он Перфирей в дыбах с час времени, и руки ево испортил, и чернеческой и священической чин обесчестил без вины. И после, государь, того ево Перфирия посадил опять за пристава и морил ево всякою нужею и стужею знобил, приковал колодке и на свет ево не выпущал, и никово к нему не припущал, и держал ево в железех за приставы до твоей, государь, грамоты и до выпуску. А диякона, государь, Спиридона со 151-го году держал за многими приставы и в тюрьмах мучил всячески. И в прошлом же, государь, во 152-м году, по ложному наговору Ивашка Петрова, дияконицу ево Анну после родин на завтрее больную взял ее в застенок, и велел ей говорить на мужа ея на диякона Спиридона, и разболок ея нагую и велел ее поднять в дыбы, и веслася она больная с час времени. И з болезни, государь, она, вне ума, по ево Петрову затею, как ей велел говорить, поклепала себя. И отмуча ее, посадил к ней на дом приставов холостых людей для наругания и позор-

ства. И того же, государь, числа он Петр пытал попа Стефана попадью Акилину многими пытками накрепко, без вины опозорена. А себя, государь, она и никово не поклепала. И, отпытав ее, посадил в тюрьму одну на двор письмяному голове Василью Пояркову, и мучил ее в тюрьме всячески, а ис тюрьмы отдал ее за пристав промышленому человеку Ивашку, где ушник ево Давыдко Матвеев жыл. И они, государь, ее всячески бесчестили, и поклепать себя велели, и на постелю он Давыдко ее звал для позорства. И того же, государь, 152-го сентября в 2 день на Семен день // дьякона Спиридона к молебному пению и к обедне ис тюрьмы выводил. И он, Спиридон, ведаючи свою совесть, прошался к себе на дом для очищения. И ево, государь, Спиридона ушник ево Петров Ондрюшко Почекунин велел быть в паперте у живоначальныя Троицы за приставом, а сам принес ему в ведре воды и велел ему в паперте обмыватца. И он Спиридон, не хотя святилища божия осквернить, прошался во двор для очищения. И он Петр велел ево посадить опять в тюрьму, когда де в паперте не обмоешся. А то говорил ему диякону Ондрюшка Почекунин. И прошлаго же, государь, 151-го году, как вода скрылася, и учали мы холопи и сироты твои с твоею государевою соболиною казною, ясачным и десятинным збором, в Якутцкой острог приезжать // . . . [1] и по тем, государь, ложным наученым Матвеевых и диячьих людей наговором ставил он Петр с ними на очную ставку, и Матвеевы и диячьи люди на очной ставке на нас холопей и сирот твоих не ведают что сказать, потому, государь, что вины нашей перед тобою государем ничево не ведали. И он Петр сам их наставливал, преж их сам научал говорить. А оне, государь, по ево Петровым речам только лише поддакивали. И мы холопи твои прошали их на пытку, и он Петр не дал их на пытку. А что, государь, крошишка нашы, деньги и кабалы и у ково соболишков было по 5-ти и по 6-ти и по десятку своего промыслу, и то у нас холопей и сирот твоих, недопустя до городу, ушник ево Петров Юшко Селиверстов на встрече коробьишка н[аш]ы и всякую рухлядь запечатал, а кабалы // и оружье пограбил и отнес их к нему Петру. А съезжыя, государь, избы целовальником торговым людем Ивашку Семенову, Иевку Елисееву, любя ево Юшка за ушничество, велел примать за их печатью те письма и кабалы и оружье из за побев, и велел давать отписи в тех письмах, не осмотря налицо чьи кабалы и на сколько рублев и на ково имянем. А оружья, государь, пищали нашы отдавал он Петр новоприборным служилым, которых он Петр вновь прибирал, и отпустил их в Пегую. А достального, государь, борошнишку нашево, что осталися в судех, и забратца не дал, чтоб нам холопем и сиротам твоим вдосталь разоритца. И посадил нас холопей и сирот твоих в тюрьму и за приставы, а борошнишку, государь, нашего рознесли и розволокли неведомо. // И как, государь, из Жыган пришол в Якутцкой острог в судне жыганской таможенной целовальник торговой человек Ивашко Мокеев Пеунов устюженин с твоим государевым десятинным соболинным збором, и судно ево, Ивашков дощаник, велел он Петр розломать, а ево Ивашка дал он Петр за пристав ушнику своему Ивашку Табакову, а жывот ево Ивашков соболи взял в твою государеву казну, а иной ево Ивашков жывот и всякой промышленой завод остался в судне и на берегу, из за пристава ему Ивашку забратца з жывотом не дал, и тот ево Ивашков достальной жывот и всякой промышленой завод рознесли и розволокли неведомо хто. Да он же Петр взял сильно к твоему государеву делу [в] подьячие служилого человека Ондрюшка Иванова пермяка и, рнясь он Петр на товарыщев своих, бил ево Ондрюшку батоги и своими руками изувечил на смерть, и отдал ево за пристав безвинно, и мучил ево за приставом до твоей государевы жалованной грамоты. И того ж, государь, 151-го году пытал он Петр служилово человека Ивашка Кирилова напрасно без сыску и на костре огнем жег. И того ж, государь, числа бил батоги и изувечил на смерть торгового человека Микитку Агапитова ярославца, будучи де в приставех у Парфена Ходырева будто де вести к нему переносил. И того ж, государь, 151-го году ис тюрьмы перевел нас холопей и сирот твоих на реку в судно, а в том судне зделана казенка в длину 2 саж., а поперег сажень, и у казенки щели наглухо изаделаны. И мы холопи и сироты твои в той казенке сидели 30 человек, на воде стояли середи

[1] *В рукописи одна строка заклеена.*

Лены на якоре с июня с 3 числа да по июль по 8 число, и воду мы холопи и сироты твои пили тою дирою, в которую в отход ходили, и души свои сквернили, и морил нас холопей и сирот твоих в той казенке смрадом и жаром. А только б, государь, сын боярской Иван Пильников, будучи в приставстве, не отворял дверей казеношных, и мы б холопи и сироты твои з духу и з жару задушилися. И он Иван, помня твое государево кресное целованье и видя над нами такое напрасное гонение, отворял втайне дверей казеношных. И уведав он Петр за то ево Ивана бил батоги и изувечил на смерть. И того ж, государь, 151-го году стольник и воевода Петр Головин перешел ис старого Якутцково острогу 2 днища выше того острогу на Еюков луг. И на том, государь, лугу мы холопи твои поставили новой острог да 5 башен, и на всякую острожную поделку лесу добывали, и круг острогу чеснок поделали, и церковь в остроге воздвигнули во имя живоначальныя Троицы, да воевоцкой двор и съезжую избу с комнатою и онбары под твою государеву казну, да 12 тюрем, а около тех тюрем 15 тынов, а на тынах чеснок троезубной, да пытошную избу в длину 5 саж. печатных. И мы холопи твои такую большую работу подняли невеликими людьми и бедность и нужу терпели, а кнутом и батоги бил нас холопей твоих у такой большой работы безпрестанно, напрасно, без вины по наносу ушников своих Ондрюшки Почекунина с товарыщи и изувечил на век. И укрепя // те тюрьмы со всякою крепостию, товарыщев своих воеводу Матвея Глебова и дияка Еуфима Филатова и письмяново голову Еналея Бахтеярова посадил порознь в тюрьмы, а отца своево духовново, чорново попа Семиона, посадил в особую тюрьму з дияконом Спиридоном, а диякону наложил в тюрьме на обе ноги колодки весом по 40-ку фунтов. А к попу Стефану посадил к нему на дом приставов, а из двора ево вон не выпущал. А служащую ево девку, имянем Дуньку, пытал накрепко, а велел ей говорить, что Ивашко Петров говорил и, отпытав, // посадил ее за пристав з дияконицею. А ево, государь, попа Стефана к твоему царскому богомолью во храм водил за приставы, а у тайны божия во олтаре был с ним Стефаном в приставах Васька Луза, а с кадилом ходя в церкве и в трапезе приставы же за ним ходили и говорить ни с кем не давали. А просвиры, государь, он Петр пек у себя на дворе повором своим Федькою и дорничал он же Фетька; где про ево Петра есть приспевали, тут и просвиры пекли и дорничали. А в великой, государь, пост он Петр православным крестьяном поститца и к причастию ходити заповедывал, святым тайнам и к болям, государь, которые и на просте были, с причастием ходить к ним не велел и исповедыватца не давал. И многие, государь, православные крестьяне и младенцы без причастия и без отцов духовных помирали. А которым государь, к болям, и велел водить его Стефана за приставом с причастием, и того попа Стефана приставы ево, не дошод до двора, где боли лежали, на дороге роздевали до нага и осматривали, а причастие в тое поры клали на землю, где привелося. А как, государь, он Стефан тех болей поновлял, а приставы у окна слушали. А к роженицам, государь, и крестить младенцов, з докладу же ево Петрова, водили спустя дни 3 и 4, а ко иным, государь, и ко многим младенцом молитвы не давал и крестить не велел. И многие, государь, младенцы без молитв и некрещены помирали. А отпевать, государь, и погребать мертвых и могилы копать он Петр з докладу ж своего велел водить за приставом. А которые, государь, служилые люди походя на твои государевы дальные // службы, и те, государь, служилые люди бивали челом ему Петру со слезами, чтоб он Петр причаститца к божиим тайнам и исповедыватца у отца духовного велел, и он Петр им к причастию и ко исповеди ходить не велел. И многие, государь, служилые люди, будучи на тех твоих государевых службах, помирали и побиты от иноземцев без отцов духовных. А как, государь, священницы в молебном пении во святилищы божии и во святей божии литоргии за тебя, государя, бога молили, а он Петр приводил в паперть многих якутцких людей, а дверей церковных велел отворять, а им, государь, якутом велел в церковь смотреть и кланятца не крестяся, а священником велел облачатца в те поры, как оне якуты смотрели, в цветные ризы, чово, государь, апостольская соборная церковь не прияла, а в православной крестиянской вере святые отцы заповедали и прокляли некрещенных и поганых в церковь водити, а невесту божию церковь тем обесчестити. И то, государь, он Петр делал по латынски, а не по правилом святых отец 7-ми соборов, что поганых

к церкве припущати, а священиков водити в церковь и у тайны божиий во олтаре в тое поры быть с ним приставу, а православных крестьян от святыни лишати, а младенцом молитвы давать и крестить по году и по другому не велеть, а священника, водя с причастием больным, до нага роздевать, а причастие класти где привелося, а просвиры у себя на дому своим поваром печь и дорничать, где есть приспевают, а то православной крестьянской вере не в чин, а многим соблазн. А которых он Петр замучил в тюрьмах и заморил голодною смертью, и тех он велел за городом погребать, от города за версту. А // которые, государь, своею смертию помирали и на которых он Петр, как оне живы были, гнева не имел, и тех он Петр велел в городе погребать у храмов. А которые, государь, с Янги и с ыных служеб того ж 151-го году приезжали на конях с твоею государевою соболиною казною, и у них по тому же соболишка и лошадишка имал в твою государеву казну. А на служилого человека на Данилка Козицу те ж одне наговоры, что и на нас холопей и сирот твоих, и того Данилка, любя за ушничество, по твоим государевым службам по вся годы посылал и твое государево жалованье давал по вся годы, а у того Данилка пришло с твоей государевы службы с Оленка после того наговору 5 сороков соболей, и тех соболей у него Данилка в твою государеву казну не взял для того, что тот Данилко // воровал, на свою братию шишиморством всякие ложные заводы затевал и безделием оглашал. Да на торогового человека на Епишку Волынкина тот же наговор, что и на нас холопей и сирот твоих, и тот Епишка у нево Петра был на большей вере, и соболь ево и кабалы ис твоей государевы казны ему Епишке выдал, потому любя ево Епишку за ушничество, и от того Епишки от ушничества кровь наша проливалась. А у нас холопей и сирот твоих до тово и после тово, которые тебе государю лет по 5-ти и по 6-ти служили с травы и с воды, без твоево государева жалованья, на Лене и на Собачье и на Янге и на Оленке и на иных многих реках, и кровь свою проливали, и прибыли тобе государю чинили, и новых землиц приискивали, и у тех имал соболей на тобя государя: И пришед с тех служеб, мы холопи твои в Якутцком остроге волочимся меж дворы христовым именем годы по 3 и по 4 без твоего государева жалованья. А называл нас холопей и сирот твоих ворами старыми и изменниками, а мы холопи твои воровства и измены за собою не ведаем, опришно службы и радения и кровавых своих ран. И за нашу, государь, службу и радение, пограбя нас холопей и сирот твоих, посадил нас в одну тюрьму 70 человек, а те, государь, тюрьмы зделаны в сыром лесу, а окон на тюрьмах и полков в тюрьме не было, и на тынах щели иззаделаны наглухо. И положил в тюрьме на нас холопей и сирот твоих на ноги колоды весом по 50 фунтов, а иных в железах в ножных, и мучил нас холопей и сирот твоих в тюрьмах в колодах и в железех годы по 3 и по 4 и по 5-ти. Да к нам же холопем твоим посадил в тюрьму торгового человека Ваську Антонова вологженина, бив батоги напрасно по наносу ушника ево Юшка Селиверстова, и держал ево в тюрьме полтретья годы. Да в ту ж тюрьму посадил он Петр из за пристава торгового человека киренского жильца Ерофейка Павлова Хабарова, а у того Ерофейка на Киренге пашенной завод большой, и прибыли б тобе государю хлебные было по вся годы пудов по 1000 и больши на год. Да к той же, // государь, пашне он Ерофейко из за пристава и ис тюрьмы бивал челом тобе государю, а ему Петру подавал челобитную устроить в пашню 10 человек пашенных крестьян со всеми пашенными заводы и с коньми и с семяны. И только б, государь, поволил устроити в пашню тех 10 человек, и тобе б, государю, была большая прибыль в хлебе. И за то он Петр ево Ярофейка, прислав в тюрьму ушника своево Давытка Матвеева, и тот Давытко розоболок ево нагово и бил батоги на смерть и изувечил, и держал ево Ярофейка в тюрьме и за приставом полтретья годы, и разорил до основания и твою государеву пашню запустил, рнясь на ево Ерофейка в том, прошал у того Ерофейка в Енесейском человек ево Тимошка Якшин ево Петровым словом 1500 руб. Да он же Петр за челобитье ис тюрьмы бил кнутом дву человек служилых людей, пятидесятника Шаламка Иванова, Омелку Костентинова. И того ж, государь, 151-го году говорил служилой человек Семейка Шелковник служилым // людем Олешке Леонтиеву Коркуну с товарыщи о твоей государеве соболиной казне, что та твоя государева соболиная казна стоит в Якутцком остроге много годов в новых в сырых онбарах, а от сырово духу соболи пор-

тятца и заплеснеет, а от плесни загневаетца и чернь отцветает, а тебе государю по многие годы не высылает, неведомо для какова умыслу. И о той твоей государеве казне, о высылке, мы холопи твои хотели бить челом тебе, государю, и то ему Петру ушники ево сказали, и то он Петр поставил нам холопем твоим в воровство и в бунты, и тех служилых людей Олешку Коркуна, Федьку Матвеева, Тимошку Онисимова ярославца, Ивашка Федорова болховитина, наругаючися посадил в тюрьму под аманатцкой отход, и якуты и жонки якутцкие сверху на голову нам холопем твоим и на ядь нашу мочилися и калилися. А иных многих, Семейку Шолковника, Парфенка Пантелеева, Савку Денисова за челобитье о той же твоей государеве казне, человек з 20, посадил в другую тюрьму. И ис тюрьмы, государь, Семейку Шолковника, Ивашка Макарова, Федьку Матвеева, Тимошку ярославца, Савку Денисова, Парфенка Пантелеева пытал многими // пытками и изувечил на смерть, и отпытав их, в тюрьму и за приставы пересажал, и за то, государь, в тюрьме морил полтретья годы, а твою государеву соболиную казну к тобе государю не послал, держал в Якутцком полпята годы до твоей государевы грамоты, и до выпуску ис тюрем нас холопей и сирот твоих, неведомо для какова заводу, и ту твою государеву соболиную казну на месте изгноил и чернь отцветил, и о той твоей государеве казне, и о наших службах, и о всяких твоих государевых великих делах, и на нас холопей и сирот твоих составя и умысля собою и зведши ложно воровства и измены, к тебе государю ни о чем не писал, самовластием хотел нас холопей и сирот твоих воровски в темницах и за приставы заморить, а иных перевешать без твоево государева указу и без вины. А говорил он Петр так: поверит де государь моему сыску, над моим де сыском не велит де государь вновь переискивать. А на владычны празники и на твои государевы царьские и на царицы государыни и на царевича государя ангелов нас холопей и сирот твоих в тюрьмах на весь день в дым и в чад запирал, стыдился твоим государьским имянем, чтоб мы холопи твои тобе государю не били челом. И по простым, государь, днем мы холопи твои ис тюрьмы о своих нужах тебе государю бивали челом, и он Петр нас холопей и сирот твоих за челобитье кнутом и батоги бивал и изувечил на смерть, чтоб мы холопи твои тебе государю не били челом. А говорил он Петр так: до неба де высоко, а до государя далеко. А на Ленском, государь, волоку и в Якутцком остроге заставы были крепкие, чтоб к Москве к тебе государю челобитных не провозили и грамотки бы к родитялям своим в сибирские городы и к Русе никакие люди о составе ево не писали, и грамотки и кабалы переимал на дорогах. А на Ленском, государь, волоку переимал сын боярской Олексей Бедарев, потаковник ево, грамотки и кабалы переимал. // А в Якутцком, государь, остроге высылал навстречу ушников своих для писем, и оне по тому ж письма всякие и грамотки и кабалы побирали и к нему Петру относили. Да в прошлом же, государь, во 152-м году зимою выняли малые робята из лядунки 3 заправа пороху и тем, государь, оне порохом на дворе играли и то, государь, ево Петровы ушники увидели и ему Петру сказывали. И тех робят он Петр, Кипрушку Мелекова, Максимка Фокина, Гришку Иванова, Любимка Воинова, 4-х годов и по 5-ти лет, и в съезжей избе пытал их накрепко, а намучивал на отцов их и на иных людей, чтоб оне з глупа поклепали отцов своих и иных людей. Да того же, государь, году в великое говейно пришол в Якутцкой острог с верху промышленой Митька на лыжах одва жыв з голоду, а был тот Митька идучи у ясашных зборщиков у Васьки Юрьева с товарыщи в зимовье. И того Митьку он Петр взял в съезжую избу и роспрашивал ево накрепко, есть ли с тобою грамотки к Матвею Глебову и к служилым людем от Васьки Юрьева с товарыщи. И он Митька в роспросе у себя ни про какие грамотки не сказывал. И он Петр ево Митьку пытал двою накрепко, кнутом стегал и огнем на костре жог и стряску давал и ребра ломал, а спрашывал про те же грамотки. А которых, государь, торговых и всяких чинов людей из Якутцково отпущал к Русе, и за ними посылал обыскивать челобитных и грамоток, // чтоб ево Петровы затейные составы тебе государю не известилися, а нам холопем и сиротам твоим всяких чинов людем в тех грамотках и в кабальных и в недоходе чинятца убытки великие. И для тово, государь, из Енисейсково на Лену не пошли многие торговые люди и промышленые, бояся ево Петра пустых приметов и задержания и напрасново кровопролития. Да в прошлом же, государь, во 152-м

году сентября в... день послал нас холопей твоих по твоим государевым службам по ясачным и десятинным збором для твоего государева ясачново и десятинного збору не во время поздно, о самом о заморозе для того, чтоб нам холопем и сиротам твоим до ясачных людей не дойти и твоего б государева ясаку не собрать, хотя нас холопей и сирот твоих вконец погубить и хулы большие возложить и от тебя, государя, в опале и в казне учинити и от твоего царьского величества и жалованья отставить. А которых на Янгу посылал сына боярсково Ивана Пильникова с служилыми людьми, а на Собачью посылал служилых людей Кирилка Внифатьева с товарыщи да с ним же Кирилком послал в целовальниках дву человек торговых людей Семейку Васильева колмогорца, Трофимка Табурина усольца, а твое государево хлебное жалованье давал неполные оклады, и мы холопи твои запасу займывали пуд муки по 4 руб., а сыну боярскому Ивану Пильникову на тот год и на прошлые на 2 года не давал твоево государева хлебново жалованья. А та, государь, Янская и Собачьи реки службы дальные, и подъемы конные нам холопем твоим становились рублев по 100-у, и мы холопи твои подымалися по всем твоим государевым службам, должася великими долги. И у тех, государь, служивых людей, едучи на Янгу и на Собачью, на Каменю лошади с голоду перемерли для того, что корм снегом закинуло, и сами мы холопи твои голоду и нужи терпели и души свои сквернили, а твой государев ясак збирали. И сын боярской Иван Пильников взял в оманаты юкагирских людей дву человек лутчих князцев, и из за тех аманатов тебе государю вновь прибыль учинили; а Кирилко Внифатьев с товарыщи до Собачьи реки не дошли и на Каменю // заголодовали, и голодных юкагири побили. А только бы, государь, оне отпущены были во время, и оне б до корму доехали и были б оне живы, и твой бы государев ясак собрался весь без недобору. И ево Петровым задержанием отпуску и замотчанием многие з голоду, у ясачных зборов будучи, померли, а иные многие от юкагирей и от тунгусов и от якутцких людей побиты. А которые, государь, достальные и живы, и те, государь, изувечены во ложных ево составех и по наносу ушников своих. А торговые, государь, и промышленые люди от ево задержания стали без промыслов, а в твоем государстве в десятинном зборе учинил убыль великую. И того ж, государь, 152-го послал он Петр из Якутцкого острогу ушника своего и потаковника сына боярского казанца Алексия Бедарева с служилыми людьми на Ленской волок для твоево государева ясачново збору. И идучи дорогою тот Олексий служилых и промышленых людей, которые с ним посланы, к торговым и промышленым людем в зимовья не пущал и знобил на морозе для того, чтоб его Петровых затейных составов торговым и промышленым людем не розсказывали и челобитные бы на нево Петра тебе государю не писали и с торговыми людьми тебе государю к Москве не высылали. И придержав своего запасу, те служилые люди на дороге у торговых и у промышленых людей в зимовьях ценою купя имать хлебных запасов не велел, чтоб нас холопей и сирот твоих поморить голодною смертию, а про себя у торговых и у промышленых людей хлебных запасов имал вдоволь безденежно. И те служилые и промышленые люди от тово заголодовали и голодных розметал на дороге живых, чтоб их поморить. И з голоду, государь, и с морозу примерло на дороге 8 человек от нево Олексия, а иных находили промышленые люди одва жывых и оне их откармливали. И втай меж собою, говорить, государь, под ухо и зырянским языком не велел, а хто меж собою втай поговорит, или по зырянски, и за то их бил батоги на смерть и изувечил, и в том по них имал поручные записи, чтоб впредь не говорили. // Да он же Олексей, грубя нам холопем твоим, на усть Муки реки весною упустил 3 воды большые, а твоих государевых хлебных запасов в суды не нагрузил, и теми водами на Лену не выплыл, изжывал советника своего торгового человека Лучку Гундырева для того, что у того Лучки суды не поспели. И после, государь, прибылою водою потопил тех твоих государевых хлебных запасов на берегу, и что, государь, тех запасов из воды выняли, и тое гнилую муку он Петр давал нам холопем твоим в жало//ванье в наши оклады, и в том нам холопем твоим учинил убытки великие. Да он же Олексий на Ленском волоку забил батоги до смерти торгового человека Петрушку Обухова колмогорца. И того ж, государь, 152-го году в Якутцком остроге пытал он Петр служилых людей Ивашка Семенова, Пер-

вушку Яковлева Балаша, и того он Первушку запытал розными пытками и огнем на костре, связав руки и ноги, жег и зажег ево до смерти по ложному наносу ушников ево Фильки Черевковца, Мартынка Кривово. А которых, государь, нас холопей и сирот твоих он Петр имал в съезжую избу для письма, и ис торговых людей, которые с ним были у твоево государева дела в целовальниках и в подьячих, и тех он Петр, поклепав и приметався, не делом говорил, бутто оне твои государевы дела и книги переделали, а иных поклепал, что де руку ево подделали, а иные де за твою государеву печать и за ево Петровы печати лазили, и твою государеву казну перекрали, а иные будто твою государеву печать искусали, а иные будто сны на нево Петра напущали, а иных поклепал, к Матвею де Глебову и дияку к Еуфимью Филатову через тын в тюрьмы ходили с книгами, а иных поклепал, что де ис книг ясачных с ыноземцов ясаку убавливали, а с ыных де и не записывали. А как, государь, те иноземцы якуты приезжают с твоим государевым ясаком в Якутцкой учнут тот твой государев ясак платить по соболю и по 2 и по 3 и по 5-ти и по 10-ти и больши, и он Петр к тем иноземцам учнет приметыватца, что де вы платили не по стольку соболей, я де сам помню, и учнет тех иноземцов // бить своими руками батогом в голову, а велит толмачами им говорить, скажите де вы, не бойтеся, я де стану бить подьячих, которые у вас записывают соболи, а вас де не стану бить, а как де скажете, и я де перед вами и стану бить подьячево. И те иноземцы, не мога его побои претерпети, врали не великие люди, а ушники ево толмач Ивашко Тельной ему Петру приговаривались, что де и я тех иноземцев платеж помню. И он Петр по ево Ивашкову наговору, нарочно наругаючись, тех подьячих бил напрасно и увечил на смерть. А которые иноземцы на подьячих врали из за смертных ево Петровых побой, не мога претерпети, и тех он иноземцев поил твоим государевым вином, а сверх тово имал тех иноземцев к собе на двор, а те, государь, иноземцы люди не постоятельные, в чем видят себе льготу и ослабу от нево Петра, и оне, государь, по ево составу и говорили толмачами Ивашком Тельным с товарыщи. А у тех, государь, иноземцов у многих якутов есть имени по 2 и по 3 и по 4, собе и отцу, и в книгах те иноземские имяна многие не сходятца, потому что не однем имянем сказываютца сами и отцем своим имена. Да те ж, государь, иноземцы переходят жить из волости в волость по часту. И в которой волости живет, и оне как приедут с твоим государевым ясаком, и они тое волости и сказываютца, а как в ыную волость переедут, и они иной волости и сказываютца. А те, государь, иноземцы в книгах писаны по волостям всякая волость особь, а в ка поры те иноземцы тобе государю ясак платят, и в та поры он Петр при тех иноземцах имянами и волостями справливатца не давал. И которых, государь, имян после справить не мошно, и он Петр те имена велит записывать, что де в книгах имян их не нашли, а сказывают ясак платили, а записывано то не по их иноземскому наговору, по его Петрову веленью. А в том, государь, поклепе в своем в сьезжей избе // ссылался на советника своего на сына боярсково на Олексея Бедарева, бутто так делали, и тот Олексей по нем притакивал неправдою для стыду своего он Петр приметывались к нам холопем и сиротам твоим и поклепал, затеяв собою напрасно, будучи с ним Петром у твоево государева дела и видя неправду ево всяку и напрасное кровопролитие, чтоб оне в правде не говорили ему Петру. И тех он Петр служилых и торговых людей и целовальников многих пытал, и отпытав за пристав и в тюрьму пересажал и в колоде и в железах, связав ременем сухим, мучил годы по 3 и по 4 и по 5-ти, а намучивал на товарыщев своих. И того ж, государь, 152-го году бил челом тебе государю, ис тюрьмы прошался в мир прошать, служилой человек Ивашко Павлов Южак, и за то ево Ивашка бил кнутом и прошать из тюрьмы в мир не выпустил и в тыну кликать не велел, присылая ушника своево Андрюшку Почекунина, и батоги бить велел в тюрьме. И он Ондрюшка многих нас холопей и сирот твоих батоги бил и повинные прошал, повинитца велел, а не повинитесь де, и вы де ежте кал свой; и з голоду, государь, многие в тюрьме кал свой ели. А хто милостыню и ядь в тюрьму присылал, или подаяньем побольше милостыню хто давал, тем которые за приставом седели, и за то кнутом и батоги бил; а у ково взял крошишка нашi, деньги и платье и оружье и муку, и тем он ис казны не выдавал. И над своими, государь, животы он Петр поморил в тюрьме и за приставом томною голодною смертию, без

отцов духовных, служилых людей Ермачка Олексеева, Олешку Федосиева Читальницу, а отца духовного поновлятца и причаститца не давал. Да нам же холопем и сиротам твоим ис тюрьмы, высылая деньги из за приставов, покупали муки пуд по 5-ти руб., а в розвес, хто не может пуда окупити, и им покупали фунтом, фунт муки по 6-ти алт., а костья рыбья сухово и гнилой порсы, корму собачья, собе на ежу фунт по алтыну, а сухой коры сосновой фунт по 2 гроши. А которые, государь, и на просте были и караулов всяких караулили и всяких твоих государевых // служеб служили, а твое государево хлебное жалованье давал муки пуд на 5 недель и на 6, а иным, государь, и на весь год ни по одному пуду не давал. И мы холопи твои обнищали и обдолжали великими долги и заимали пуд муки по 6-ти руб. и голод и нужу большую терпели. А которые, государь, в тюрьме сидели, и им помогал дворской енисейской служилой человек Нехорошко Павлов своим запасом, должася в большую цену у служилых и торговых людей, ходя по дворам муки и хлеба прошал и в тюрьму приносил, и услыша то он Петр приставил в тюрьму ходить с ним с Нехорошком ушника своево Ивашка Тельново. И ему Ивашку бивали челом о докладе в крошишках своих и он Ивашка прошал повинные, а не повинитеся де и вы де ежте кал свой, хотя де и все исстынете, и вы де не дороги. И многих он Ивашко батоги бивал в тюрьме и изувечил на смерть. И того, государь, Нехорошка от тюрьмы оставил по наносу ушников своих Ивашка Тельнова, Андрюшки Почекунина и в том на того Нехорошка понес гнев свой напрасно, для того, что не поморил в тюрьме голодом нас холопей и сирот твоих, и учал на того Нехорошка дела составливать, чем бы ево напрасно погубить. И после, государь, того Нехорошка приставил в тюрьму ходить ушника своево Андрюшку Почекунина. И как он Ондрюшка учал в тюрьму ходить, и служилые и торговые люди, бояся ево Андрюшки проносу к нему Петру, милостыню присылать не учали в тюрьму для того, что он Ондрюшка, хто пришлет милостыню в тюрьму, и ему Петру сказывал, а он Петр для милостыни на них беды большие напрасные и увечья // наводил. Да он же Петр присылал сына своего в тюрьму Ивана, и сын ево Иван с торговыми и с служилыми людьми, с ево Петровыми советники, у нас холопей и сирот твоих ис тюрьмы вынесли всякие письмянные крепости и кабалы, и тех, государь, писем и кабал нам холопем и сиротам твоим не отдавывал, не ведомо для чево. А у ково, государь, на сколько рублев кабал и всяких письмяных крепостей вынес, и о том, государь, тобе государю поднесем имянно челобитные. Да он же Петр после того вскоре пытал торгового человека Ваську Онтонова волотженина в своих затейках. И будучи у тюрьмы он Ондрюшка многих нас холопей и сирот твоих батоги бил и повинные прошал, а не повинитесь де, и вы ежте кал свой, хотя де и все истынете, только де Петр Петрович вас не выпустит, нихто де вам не поможет. А мы холопи и сироты твои, опришно бога да тебя государя, помощи ни от кого не чаем, в правде своей надеемся на бога да на тобя государя, а от нево Петра опрично смерти и напрасново кровопролития и увечья добра ничево собе не чаяли: он воевода, да он же на нас и истец и составщик, а состав свой сам сыскивал. Да он же Петр заморил з голоду в тюрьме, а отца духовного поновлятца и причастица не давал, и батоги забил служилых людей Фомку Визгунова, Ивашка Макарова, Ваську Кирилова Богородицково. А только б, государь, не твоя государева грамота поспела, и он бы Ондрюшка по ево Петрову веленью до новых воевод нас холопей и сирот твоих всех приморил, на то было он Ондрюшка приставлен. Да того ж, государь, прошлово 152-го году послал он Петр на Собачью тобольсково жильца в целовальники Петрушку Новоселова Кривово, а на Янгу служилово человека Богдашка Ленивцова, а давал им наказные памети, велел сына боярсково казанца Василья Власьева с товарыщи побить иноземцами и всякими людьми. И то слыша иноземцы побили твоих государевых людей // на соболинных промыслех дву человек промышленых людей, а ко иным ко многим зимовьям приступали и промыслы поставили. Да в нынешнем, государь, во 154-м году пришли в Якутцкой острог с новой реки с Ковыми, с твоим государевым ясаком, Мишка Стадухин с товарыщи. И того, государь, Мишку он Петр посадил за приставы и морил голодною смертию, а что у них, государь, мяхкой рухляди объявилося, и то он поимал в твою государеву казну. Да он же Петр здымал в дыбы на пытку и рук испортил напрасно казанца сына бояр-

ского Воина Богданова, а жену ево Воинову Офимьицу пытал напрасно и позорил многими пытками накрепко. Да он же Петр взял ис таможни в сьезжую избу для письма промышленово человека Калинку Иванова, и к тому Калинке, приметався по наносу ушников своих Фильки Мартынова, пытал ево напрасно многими пытками. Да того ж числа пытал накрепко служилово человека Фомку Омельянова напрасно без вины. Да прошлого ж, государь, 153-го году, как извещал на нево Петра ис тюрьмы отец ево духовной черной поп Семион твое государево царьственное слово, а о той поре ходил к нему Семиону в тюрьму пятидесятник Ивашко Реткин, и в том на него Ивашка рняся, одново дни бил батоги трою и мучил день весь напрасно и изувечил на смерть. // И прошлаго же, государь, 153-го бил челом тебе государю ис тюрьмы Матвеевых и диячьих людей пристав Гришка Васильев о перемене. И он Петр велел ево Гришку в тюрьме сыну своему Ивану да ушнику своему Ондрюшке Почекунину бить батоги, а он Гришка з голоду и с нужы одва жыв. И сын ево Иван, видя ево Гришку нужна, не хотел бить батоги, и тот Андрюшка того Гришку разболок его нагово и бил батоги по спине и по бокам и по пупу, изувечил на смерть. А по тому, государь, своему серцу он Петр на отца своего духовново на чорново попа Семиона, что извещал на нево Петра твое государево царственое слово и дело, и для того, государь, посылал в тюрьму к нему Симеону ушника своего Ондрюшку Почекунина, и тот Ондрюшко ево Семиона в тюрьме мучил и бивал многижа на смерть, и за волосы в дым вешал, а вымучивал, чтоб с нево Петра твое государево слово и дело он отговорил, и всякою теснотою теснил и голодом морил и стужею знобил, и с марта, государь, со 18-го числа ему Симеону и диякону Спиридону в тюрьму огню не учал давать, и топить не велел, и в студеной в тюрьме их знобил и в тын не выпущал. И того ж, государь, 153-го по первой своей кручине посадил он Петр за пристав в сьезжую избу служилого человека Нехорошка Павлова, а он Нехорошко якутцкого языку не ведает, и держал ево безвинно за приставом 8 недель. // А преж, государь, того, в кою пору он Нехорошко сидел за приставо[м], водил к нему Петру на двор ушник ево Петров Богдашко Асторохан, и для составу на того Нехорошка он Петр призывал на двор к собе хлеба есть лутчих якутов Еюка и Оттуя и Откурая и Очея и Откура и Еноковых родников и иных многих якутов, а водил тех якутов на двор к нему Петру ушник ево и потаковник Богдашко Асторохан, а у себя на дворе толмачил Фетькою Михалевским. И многим якутом он Петр при торговых людех и при целовальниках и при нем Нехорошке в сьезжей избе говорил: для де чего на нево [Не]хорошка не говорите, боязнивы де, что зайцы, скажите де без боязни. И для того составошного своего заводу велел он Петр привести князца Нику Мымокова сына, и посадил ево за пристава под приказ, и не давал ему Нике 2 дни есть, и на 3-й, государь, день с половина дни стал ево Нику мучить в сьезжей избе и бил ево своими руками ослопом и многие ослопья приломал, а толмачи ево ушники и дворовой толмач ево Фетька Михалевской, Ивашко Тельной, Богдашко Астрохан, Андрюшка Почекунин, толмачили, как ему Петру годно, и мучил ево Нику ночь всю. И не мога тот Ника побой ево и голоду перетерпети, по их веленью говорил на нево Нехорошка. И солгав на того Нехорошка, велел ево Нику посадить в тюрьму, чтоб он Ника с ыными якутами в тюрьме свестилися и утакались в одно слово. А ево Нехорошка с ним Никою тое ночи на очную ставку не ставил, потому что не со всеми якутами утакався и уговоряся с ними якутами. И на 4-й, государь, день ево Нехорошка при якутцких людех, при нем Еюке с товарыщи, в сьезжей избе бил и топтунами топтал и бороду и волосы выдрал для тово, чтоб им якутом, на то смотря, повадние было говорить, видя над ним Нехорошком такую победу. // И того, государь, дни якута именем Докуя пытал в краже в кобылье, а до пытки ему Докую он Петр говорил, повешу де тебя за кражу. И как, государь, ево Нехорошка в застенок привели, а того Докуя в та поры пытал, и князец Ника ему Петру говорил, для чево де нас пытаешь, не хотел де нас бить, только скажем, и хотел де меня и родников моих ис тюрьмы выпустить, и ныне де мы на того Нехорошка сказали. И он Петр ему Нике говорил, не в том де ево пытаю, роспрашиваю де в краже, а ныне де, когда сказал, не повешу, отпущу де домой. И ево Нехорошка пытал многими пытками и на костре огнем жег и уголье и пепел горячей на спину сыпал и стряски многие давал и ребра ломал. А как, государь, составочной свой

сыск составливал, и про ту Докуеву пытку вместил, бутто в том Нехорошкове в сыску пытал, а пытал ево Докуя в краже в кобылье, а не в том деле. А которые, государь, якуты на нево Нехорошка говорили по наученью их, и тех наговорщиков в том деле не пытал ни одново человека, и тех наговорщиков отпущал по домом. И на то смотря, после многие якуты на нево Нехорошка лгали по их веленью, что он Петр велел сказывать, то они и говорили. Да с ним же с Нехорошком пытал служивого ж человека Добрынку Игнатьева многими розными пытками безвинно. Да с ними ж пытал служивово ж человека Спирку Федорова да жену ево Овдюшку напрасно без сыску, а велел говорить на него Нехорошка, а тот Нехорошко ей Овдюшке отец кресной, и для того ее намучивал на него Нехорошка. И как, государь, якутов привезут из улусов в съезжую избу, и он Петр станет тем якутам росказывать, как им говорить на нас холопей и сирот твоих, будто мы холопи и сироты твои якутов на всякие дурна их приводим. И которые, государь, якуты, не хотя напрасную кровь християнскую пролить, и оне отпиралися, мы де от руских людей никакова дурна не слыхали, и тех он Петр якутов бьет на смерть ослопом в голову и на пытках пытает и многих замучил до смерти и в темницах голодною смертию заморил. И того якуты устрашася, как им // он Петр росказывал, и те якуты по ево Петрову росказу и говорили, на ково что роспрашивал. И по тем, государь, их наученым сказкам многие якуты засажены в темницы, седят годы по 3 и по 4, а намучивал на нас холопей и сирот твоих, // и у тех, государь, якутов скот промежду собою роскрали и розгоняли. Да в прошлом же, государь, во 151-м и во 152-м и во 153-м году он же Петр брал на себя поминку с великою жесточью и с побоями, соболи добрые на верх шерстию, а вместил он Петр так, будто приносили ему Петру якуты поминку соболей из воли без страстей для твоего царского величества. А те, государь, якуты з боязни, бояся кнута и огню и темницы, приносили поминки ему Петру соболи самые добрые вывороченных соболей по 20-ти и по 40-ку и большы. А твой государев ясак збирал с них в тех годех на 3 статьи: первая, государь, статья на 5 соболей и на 10 соболей прибавливал по стольку же; а второю статьею збирал он Петр сверх того прибавку, приметывался к ним якутом, приносите де вы в ясак худые соболи, и по тому, государь, своему затею он Петр тех якутов в тюрьму всажал и наметывал он на них соболей по 10, и помуча, государь, их якутов в тюрьме, для тех наметных соболей коней и коров имал у них в закладе, и оне, государь, якуты выкупали свой скот, приносили те наметные соболи, а он Петр писал на них те соболи в повольной ясак; а третьею, государь, статьею имал на тех иноземцах якутах на тебя государя сверх ясаку поминку з большою жесточью и с побоями. И оне, государь, якуты, бояся кнута и огню и тюрьмы, давали ему Петру поминку и тебе государю ясаку и поминков. И для той, государь, непрочной и непостоятельной прибыли якутцкие люди оскудели и твоя государева землица пустеет: от напрасных ево затейчивых составов // и пустых приметов и насильства и изгони твои государевы ясашные люди вконец оскудели и твой государев ясак збирать будет впредь не с ково. А роспрашивал якутов и вымышлял с прошлого со 153-го году, х кому чем приметатца к нам холопем и сиротам твоим, в съезжей избе с советники своими и ушники с торговыми людьми с Матюшкою Ворыпаевым, с Лучкою Гундыревым, с Максимком и с Якунькою Кокориными да с дворовым своим толмачем с Фетькою Михалевским да с служалыми людьми с Ондрюшкою Почекуниным, с Ывашком Тельным, Богдашком Астроханом, з Давытком Матвеевым. И тот Матюшка Варапаев у сыску с ним Петром нас холопей и сирот твоих ко многим ложным заводом ево притакивал, и кровь нашу напрасную проливали, и твоею государевою соболиною казною и книжными переделками и иными твоими государевыми большими делами напрасно поклепали, хотя наших голов доступити без вины. А он Петр // твою государеву печать у собя на дворе держал, и твою государеву соболиную и порох[о]вую и свинцовую и всякую казну печатал своими розными многими печатьми, и дети ево Иван и Михайло с Матюшкою Ворыпаевым в твою государеву казну и без целовальников, что в свои в домашние анбары, днем и ночью ходили, как похотят, и твоих государевых всяких дел у себя ж на дому держал. А приходил в съезжую избу торговой человек Офонька Записин с ево Петровою печатью и, роспечатав конлату, и твоих государевых дел ис казенки и ис конлаты выдавал

он Офонька торговым людем Матюшке Ворыпаеву, Лучке Гундыреву, Якуньке Кокорину да целовальнику Ивашку Омельянову. И они Афонька с товарыщи те твои государевы дела снесли на двор к нему Петру, а на дому справливал и писал он Петр с торговым человеком с Ывашком Осколковым, и мошно ему Петру тою твоею государевою соболиною и всякою казною корыстоватца, и книги и всякие твои государевы дела переделать, как ему Петру годно. А в ыных твоих государевых городех нигде тово не повелось, что твоя государева печать воеводам у собя в домех и твоих государевых дел держать и твою государеву всякую казну сверх твоей государевы печати своими многими печатьми печатать. А в старом, государь, в Якутцком остроге, до походу тежеской службы, ходил в твою государеву казну советник ево Петров письмяной голова Василей Поярков, а нас холопей и сирот твоих мучил и изгонял неправдою составными своими умыслы. А уподобляся он Петр правдою своею твари божии солнцу, говорит он так: правда де моя в Сибире, что солнце на небесех сияет. А только, государь и правды в нем, ково напрасно чем погубить составными своими затеи и от твоего царьского жалованья отставить неправдою и как б чем у кого безвинно крови пролити. И хотя, государь, товарыщев своих, неправдою своею в гордости и в несоветстве своем, голов их доступити, и хотя вину свою покрыти и неповинною нашею кровию, и составя такую неправду на товарыщев своих и на нас холопей и сирот твоих // и тою своею неправдою хотя сам он Петр оправдитца, нас холопей и сирот твоих напрасно погубить, и ту свою неправду он Петр своротил с себя на нас холопей и сирот твоих. А мы холопи и сироты твои измены за собою и воровства никакова не ведаем, отцы, государь, наши вам государем блаженные памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии и блаженные памети государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии, да и мы холопи твои служим тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии лет по 30-ти и по 40-ку и больши, а ни в какой, государь, измене не бывали. Как, государь, и Сибирь настала, в нашей братьи и в безгосударьное время шатости и смуты не бывало, а промежу, государь, их з гордости в сибирских городех вражды частые бывают, а мы холопи и сироты твои промежу ими з гордости их погибаем, без голов и без животов ставаем и з большим // с вековым с увечьем. А он Петр, заехав в твою государеву заочную дальную вотчину, бродит // выше разуму своего, твоему царьскому величеству позор учинил, без твоего государева указу товарыщев своих и твоих государевых богомольцев в темницу засадил и всякою теснотою теснил, а нас холопей и сирот твоих и женишка наши опазорил и изувечил, и многих на пытках до смерти замучил, а иных в темницах голодною смертию заморил безвинно и мучил и позорил, а детишек наших и младенцев, как мы холопи твои в тюрьмах и за приставы седели, рнясь на нас холопей твоих, заморил голодною смертию, а иных в воду притопил для того, государь, нихто их к себе имать не смел, боясь ево Петра кнута и огню и темницы и тешился нами холопями и сиротами твоими. А посылаемся мы холопи твои для твоей государевы службы, а не для увечья и позорства, а он Петр нас холопей и сирот твоих и жен наших мучил и изгонял и позорил безделъем и изувечил на смерть и с увечьем доспел с вековым безвинно, // а тебя государя не боялся в такой своей неправде и делал не по твоему государеву указу, а говорил он Петр так: что де ужгу да убью и изувечю, то де мое и есть, хотя де на старость помянете. Да он же Петр на пытке говорил подьячему Юрью Юрьеву: повинися де, и я де тебя пожалую опять к делу. Самую, государь, опришнину заводил безстрашно, а мы холопи твои подобострастны // самовластною дуростию в такой ево неправде никакова дурна не заводили, видя такую ево неправду ждали твоей царьской милости и обороньи к собе, видя над собою такую погибель, брат брата отпиралися и друг // другу не помогли, в темницах голодною смертию помирали, а помощи не могли. И которых замучил он Петр, и голодною смертию заморил, и мы холопи и сироты твои к мертвому прикоснутца отпевать и погребать не смели, боясь ево Петра смертных пыток и кнута и огню и темницы для того, что он Петр, приметався пустошью, кнутом бил и на пытках пытал и за приставом и в тюрьмах годы по 2 и по 3 держал, а нихто не противлялся и никакова дурна не заводили, хотя он Петр и неправдою нас холопей и сирот твоих и жен наших позорил и мучил и

изувечил на смерть, а мы холопи твои по твоему государеву указу ему Петру страшны и покорны и послушны были, а он Петр неправдою своею весь мир погубил, ни бога не устрашился, ни греха себе в том не ставит, ни тобя государя боялся в таком в великом в напрасном в составошном кровопролитии. А говорил он Петр так: хотя де надо мною грех взышетца и царев де гнев придет, и много де мне будет, что очей государевых не увижу год другой, также де мне велят быть на котором городе воеводою, а больши де того мне ничто не будет. И как, государь, мы холопи твои ис Тобольска с ним Петром пошли, к мертвым причлися, свету не видали, морил голодом и мучил безвинно, веря ушником своим без сыску. А токой, государь, немерной и неокладной изгони и насильства во всех сибирских и в руских городех ни от которых воевод нигде не бывало, со многими твоими государевыми воеводами твои государевы службы служивали, и Томской и Сургутцкой городы и Нарямской и Кетцкой и Енисейской и Красноярской остроги с начала ставили, а ни от которых, государь, воевод такой тесноты и насильства и кровопролития и увечья не видали, что от нево Петра; и всякие твои государевы службы служили с великим раденьем, и острог со всею осторожною крепостию поделали, и храм воздвигнули, и сьезжую избу и онбары и тюрьмы ставили, и по твоим государевым службам дальным ходили и твой государев ясак збирали и раны примали и душ своих сквернили. А как, государь, в Якутцком остроге якутцкие люди тебе государю изменяли, и мы холопи твои с невеликими людьми тех твоих государевых изменников под твою царьскую высокую руку приводили и отдавали ему Петру в беремя, а он Петр на нас //холопей твоих звел измену, и многие мы холопи твои о приводе тех иноземцов испереранены, а иные и голов своих испоклали за тебя государя и кровь свою проливали. И за нашу, государь, службу нас холопей и сирот твоих с гордости ожесточил, и кровь нашу напрасно безвинно пролил, и голодом без твоево государева жалованья морил и безвременной смерти предавал, и животишками разорил и пограбил, и долгу большего доставил, даючи твоего государева хлебново жалованья неполные оклады по пудно и по полупуда и по четверте пуда, и то гнилой грудной муки; а иным нашей братье и не давал ни по одной четверте, а детям боярским казанцом Григорью Демьянову, Ивану Пильникову и Воину Богданову твоево государева жалованья денежново и хлебново и соляново не давал он Петр, а нашей братье служилым людем не давал на прошлые годы на 2 и на 3. А которые, государь, в тюрьмах и за приставы седели по ево Петровым напрасным затеям, и тем не давал твоего государева хлебново и денежново жалованья годы по 2 и по 3 и по 4 и по 5-ти. А которые, государь, в прямых твоих государевых в великих делах ушники ево Петровы Богдашко Астрохан, Андрюшка Почекунин, Ивашко Тельной, Давыдко Матвеев, и тем он Петр давал по вся годы полные оклады. Да они ж у твоих государевых дел на вере в сьезжей избе и в таможне в досмотре над головами и над целовальники, да они ж и в толмачах. А от них, государь, и вся смута в земле стала, а якутцким людем изгоня и насильство. А те, государь, ушники ево Ондрюшка и Давытко нажили воровством своим, а мы холопи твои иззадолжали великими долги и обнищали и разорены до основания и скитаемся межу дворы христовым именем и помираем голодною смертию. А те, государь, недоданочные и полные наши оклады, выбирая лутчей запас и погромного скота, что мы холопи твои за кровью имали своими головами у твоих государевых изменников, роскормил якутцким людем, которые на православных христиан по их научению врали, а держит их в тюрьме по четвертому году, а кормит их твоим государевым кормом. А которые, государь, наша братья приезжали с твоею государевою соболиною казною в Якутцкой острог с новых землиц с Ындигирской реки и с Янги и с Оленки и с ыных новых землиц, и он Петр у них твою государеву соболиную казну приимал, а самих их с приезду ожесточал и за их службу и радение тебе государю без вины напрасно, приехав того ж часу, служивых людей Ивашка Родионова, Лаврушку Григорьева, промышленово человека // Голятку Мартемьянова пытал, кнутом бил и огнем жег и стряски давал, а называл их старыми ворами, а соболишка их в твою государеву казну взял, а самех их голодом морит без твоево государева хлебново жалованья и денежного года по 2 и по 3 и по 4. И по тому ж, государь, скитаемся меж дворы нати и босы, холодни и голодни, и одолжали великими долги. Изгоняючи нас

холопей твоих и моря голодною смертию, и из острогу для звериново промыслу на лес и для рыбной ловли на реки и на озера не выпущал, что в осадное время, и мы холопи и сироты твои оцынжали и обезножили, и молочишку и харчь у иноземцов купить не велел. А ушники ево Петровы Ондрюшка Почекунин, Давытко Матвеев, Богдашко Астрохан, Ивашко Тельной, Ивашко Табаков безпрестани с ыноземцы торговали и коров покупали, а мы холопи твои и молочишку про себя купить не смели, а хто купил и ушники ево ему Петру сказывали, а он Петр за то их бил кнутом и батоги на смерть и изувечил. И от тех ушников ево Ондрюшки с товарыщи многие обиды и насильства терпели и кровь нашу проливали напрасно, и вода, государь, от них нам доставалась в большую цену в куплю, а на лес по дрова и по сено выпущал за приставом, а из лесу з дровами и с сеном приезжали, и тех он розболокал до нога за городом, на морозе знобил осматривал, по вся дни мучил, как хто не приедет; а жен наших и детей по воду водили за приставом, и ходя на сторону смотрить приставы не велели; и на тюрьмы, в которых в тюрьмах воевода Матвей Глебов с товарыщи и в которых мы холопи и сироты твои сидели, и на те тюрьмы всяких чинов людем и малым робятам смотреть не велели, а хто зглянет, или на сторону своротили, или под окном у ково с кем говорили, или сам друг вместе по улицам ходили, или межу собою втай говорили, и за то он Петр кнутом и батоги бивал на смерть. А по твоим государевым службам нас холопей твоих отпущал за поруками и не во время поздно о заморозе, и замороз имал не у места и суды твои государевы замерзали не у места. И тех, государь, судов вешною большею водою льдом розбивало, и за те суды он Петр на нас холопей твоих правил рублев по 10-ти и больши, а те суды делаем мы холопи твои. А на ком, государь, править нечево, и им в жалованье заверстывал. И в том мы // холопи твои иззадолжали. А кои, государь, ис торговых людей выбираны были к твоему государеву делу в целовальники в съезжую избу, и по ясашным зимовьям и в таможни, и ко всяким твоим государевым збором к десятинным и к ясашным приемом, а как он Петр приехал в Якутцкой острог, и которые были при нем в целовальниках торговых людей человек с 40, и тех он всех приметався безделием многих пытал и кнутом и батоги бил на смерть, и в тюрьмах и за приставы и в железех и в колодах держал и мучил годы по 3 и по 4 без сыску собою затеяв, а животы их и соболи имал в твою государеву казну без дела и без вины, а сами, государь, в тюрьмах и за приставы помирали голодною смертию, а соболи их в твоей государеве казне чернь отцвела. И те, государь, торговые люди обнищали и обдолжали великими долги, и торжишку и промыслишку своево отбыли. А которые, государь, приезжали торговые люди с руских и из сибирских городов и из соболиных промыслов в Якутцкой острог для торжишку своево, и тем он соболей продавать и торговать не давал, а самих их многих без вины держал в тюрьмах и за приставы годы по 3 и по 4, а соболи их и руские товары печатал в онбарех, а хлебные запасы, а у иных и руские товары, имал в твою государеву казну, и многих из них пытал и увечил и кнутом и батоги бил. И торговые люди от ево Петрова насильства и налоги обнищали и обдолжали великими долгами и тор//жишку и промыслишку своево отбыли, а в твоей государеве казне учинил убыль великую. Да в прошлом, государь, во 152-м году взял к твоему государеву делу в приказ для письма служивых людей Парфенка Григорьева, Ваську Вилюя, и те служилые люди были в приказе у твоево государева дела в подьячих по 153-й год февраля по 18 число. И тех служилых людей Парфенка и Ваську он Петр, в кою пору они были у твоево государева дела, бил своими руками в голову и по роже и батоги бил на смерть и изувечил их на век, и приметався к ним не делом, рпясь на нево Парфенка и Ваську, бил батоги на смерть и от твоего государева дела отставил и дал их за пристав и велел сковать в железа, и сковав велел их к ноче вязать и мучил их всячески, и по ево Петрову веленью вязали ж их ременьем сухим. Да он же Петр Головин в прошлом же во 150-м году сентября в 4 день отставил подьячево московского Семена Обрамова, а в его место посадил в подьячие служивых дву человек Пантелейка Мокрошубова да Вторка Катаева в неволю. И будучи твоего государева дела в съезжей избе в подьячих, по вся времена ругался, бил своею рукою по многие времена в голову и по роже и бороды драл и батоги бил многижда и изувечил на смерть. Да он же Петр,

приметався не делом, во 151-м году марта в 6 день отставил Вторка Катаева, и пытал всякими розными пытками и огнем жег и за пристава дал, а после посадил в тюрьму. А Панка Мокрошубова на новом острожном месте того ж 151-го году августа в 5 день посадил в тюрьму без дела, не сыскав вины, а в тюрьме велел положить на ноги колоду весом 43 фунта, а все, государь, намучивал на товарищев своих на Матвея Глебова да на дияка Еуфима Филатова. // А с прошлого, государь, со 151-го году с ним Петром был у сыску у пыточных и роспросных у всяких дел по 153-й год гостиной сотни торговой человек Ивашко Еремиев Босых устюженин, а тот Ивашко у нево Петра был на большой вере, а во 151-м году служивого человека Семейки Шелковника с товарыщи к пыточному делу он Ивашко Еремиев да торговый же человек Мишка Записин с товарыщи руки прикладывали и к ыным к пыточным делам он Ивашко и Мишка руки свои прикладывали. А тем Семейкиным пыточным делом он Петр поклепал переделкою сьезжие избы целовальника торгового человека Матюшку Анофриева да подьячево Мишку Синицына. И поклепав он Петр призвал в приказ тово Ивашка Еремиева да Мишку Записина с товарыщи и сверх тех пыточных речей, чем их поклепал, записку учинил. И к той ево составочной и поклепной записке он Ивашко да Мишка с товарыщи и в друготоряд руки свои приложили. А тово целовальника Матюшку и подьячево Мишку, поклепав и составя то дело заводом и руки прилсжа теми торговыми людьми Ивашком Еремиевым с товарыщи, за пристав дал и велел их сковать в железа и мучил их всячески, а от твоево государева дела о[т]ставил. Да в прошлом же, государь, во 152-м году умысля он Петр велел писать тебе государю челобитную о твоей государеве соболиной казне, о высылке, потаковнику своему гостиной сотни торговому человеку Ивашку Еремиеву, Мишке Записину. И тот Ивашко и Мишка по ево Петрову веленью с торговыми людьми, с его Петровыми советники, писав тебе государю челобитную о той твоей государеве соболиной казне, подали ему Петру за своими руками, // чтоб та твоя государева соболиная казна послать к [те]бе государю, не делав и не ценя за поздом их т[орговых] и промышленных людей приплаву с Ленского вол[оку]...[1] государь, торговые и промышленные люди прип[лыли] с Ленского волоку в пору, а не испоздав, мошно б та твоя государева соболиная казна тово 152-го года, делав и оценя, к тебе государю послати, и та б твоя государева соболиная казна тово 152-го году поспела под Ленской волок. А к той челобитной не хотел руки приложить гостиной сотни Михайла Ярофиева приказчик торговой человек Ивашка Иванов Кузнецов, и он Петр, рнясь на нево Ивашка и приметався к нему, разорил ево до основания, и живота у нево взял на тобя государя больши 1000 руб., и держал ево за приставом многое время и бил ево батоги на смерть. // Да в нынешнем же, государь, во 153-ем году июня в 20 день прислана твоя государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамота к нам холопем твоим, а по той твоей государеве грамоте велено нам холопем твоим в Якутцком остроге с енисейским сыном боярским ис тюрем свободить стольника и воеводу Матвея Глебова и дияка Еуфима Филатова и письмянова головуЕналия Бахтеярова и попов и подьячих к нас холопей и сирот твоих, и того, государь, числа енесейской сын боярской Иван Галкин приплыл в Якутцкой острог на первом часу дни. А с приезду, государь, сын боярской Иван Галкин с твоими государевыми грамотами ходил к нему Петру на двор, а нам холопем твоим про твое царьское многолетнее здоровье не поздоровал и про ту твою государеву грамоту не сказал и был у нево Петра на дворе часов с 5. // И того же, государь, числа вымысля он Петр и не хотя твоево государева указу слушать, а товарыщев своих и нас холопей и сирот твоих ис тюрем и из за приставов не выпустить, а про твою государеву грамоту не объявя, воеводы Матвея Глебова и дияка Еуфима Филатова людей ис тюрьмы в сьезжую избу ставил и при Иване Галкине их роспрашивал. И воеводы Матвея Глебова и дияка Еуфима Филатова люди, не ведаючи той твоей государевы грамоты и боясь ево Петра, по первому ж говорили, а он Иван по совету с ним Петром к тому составному роспросу руку приложил. И того ж, государь, числа на втором часу нощи объявил твою государеву грамоту нам холопем твоим, а объявя твою государеву

[1] *Конец строки оборван.*

грамоту мы холопи твои с ним Ываном воеводу-Матвея Глебова и дияка [Е]уфима Филатова и письмянова голову Еналея Бахтеярова ис тюрем выпустили. А которые, государь, наша братья в тюрьмах и за приставы седели, и на завтрие в 3-ем часу дня выпустил, и то не всех, по его Петрову веленью. А которых ему не велел выпустить, и тех он Иван ис тюрем и из за приставов не выпустил, дружа ему Петру, чтоб ему Ивану он Петр по кабалам на должниках ево правил и брата ево [О]сипа статков сыскал. И после выпуску был он Иван в Якутцком остроге 10 недель. А из Якутцково, государь, острогу тот Иван по слову с ним с Петром втайне ночью уехал, а нас холопей и сирот твоих достальных в тюрьме и за приставом оставил, и тех он Петр учал в темнице и за приставом морить голодною смертию. И мы холопи твои по твоей государеве грамоте на свои поруки их ис тюрьмы и из за приставов свободили. И как, государь, по твоей государеве грамоте воеводу Матвея Глебова с товарыщи ис тюрьмы свободили и на завтрие воевода Петр Головин велел нам холопем твоим диака Еуфима Филатова опять в тюрьму посадить, и мы холопи твои по твоей государеве грамоте отказали ему. А ушник ево Петров и советник торговой человек Матюшка Ворыпаев воеводу Матвея Глебова в сьезжую избу не пустил, а нас холопей и сирот твоих учал опять сажать в тюрьму, и посадил в тюрьму 3 человека, а ту твою государеву грамоту называл он Петр воровскою: та де грамота написана воровски. Да он же Петр до той твоей // государевы грамоты, усоветовав с советники и ушники своими с Ондрюшкою Почекуниным, з Богдашком Астроханцом, с Ывашком Тельным, з Давыдком Матвеевым, с Митькою Вяткою да с торговыми людьми с Матюшкою Ворыпаевым, с Ывашком Осколковым, с Якунькою Кокориным, с Демкою Кораблевым, с Офонькою з Записиным, без твоего государева указу и без вины нас холопей и сирот твоих воровски хотел перевешать тайным обычаем, а релей велел изготовить плотником Левке Федорову да Ондрюшке Амосову ево Петровым словом, ево ж Петрова совету ушник ево Митька Вятка и Ондрюшка и Левка столбы изготовили и он Петр не успел перевешать, и по смотрению божию, судом праведным божиим, дни нам не исполнилися, поспела твоя государева грамота. А как, государь, та твоя государева грамота пришла, и тех столбов он Петр на двор к себе сволочи велел и изрубил на дрова и зжег. И того ж, государь, 154-го году октября в 5 день у сьезжие избы на площаде похвалялся он Петр и говорил вслух во весь мир сыну боярскому Парфену Ходыреву: не за великим де помешали государевы грамоты, не успел де вас перевешать, подлинно де вас перевешать было. А которые, государь, по твоему государеву указу посланы с ним с Петром с товарыщи из сибирских и из многих городов на твою государеву службу на великую реку Лену, и которые, государь, приходили в прежних годех остальцы енисейские и красноярские служилые люди с новых землиц с твоею государевою соболиною казною в Якутцкой острог, и мы холопи твои, будучи с ним с Петром на твоей государеве службе на великой реке Лене, от ево пустова заводу и примету и в бездельных затеях многие иззапытаны и в темницах и за приставы голодною смертию иззаморены, а иные навек изувечены, а иные на твоих государевых службах от ево высокоумной гордости и непослушания, и за мотчанием отпуску на твои государевы службы, выбиты от иноземцов, и з голоду и с морозу примерло больши 200 человек, а достальные, государь, изувечены з большим с вековым увечьем, и разорены до основания и одолжали великими долги. А в те, государь, в замученых и в заморených и в побитых места прибрал он Петр вновь в службу из гулящих и из ярыжек и изо всяких людей и, не служа твоих // государевых служб, послал их к тебе государю к Москве за твоею государевою соболиною казною, отставливаючи нас холопей твоих от твоего царского жалованья и милости, чтоб наша служба перед тобою государем забвенна была, а свои б ему Петру заводы и напрасное кровопролитие утаить. А с приезду ево Петрова в Якутцкой острог на иноземцов торговые и промышленые люди, приходя с промыслов своих, тобе государю бивали челом, а ему Петру подавали челобитные, что иноземцы тунгусы их на соболиных промыслех побивают и грабят самовольством. И он Петр на тех иноземцов для острастки смирить их нас холопей своих не посылал, а дал им поволку. И в тех годех при нем Петре побили руских людей на соболиных промыслех на Лене и в сторонних реках больши 200 человек. А только б, государь,

давал острастки сперва он Петр тем иноземцам, и того б, государь, убойства не было. А по твоей государеве жаловальной грамоте мы холопи твои воеводу Матвея Глебова с товарыщи и всяких людей из тюрем свобождали, и которые ему Петру в правде с вежством в напрасном ево кровопролитие говорили, и тех он Петр ворами и изменниками называл. А нашей, государь, службы перед тобою государем несчетно, только к ево Петрову составу вкратце воспомянем, а имянно, государь, о своих службах поднесем тебе государю обще повальную челобитную. И будучи мы холопи твои у твоих государевых ясашных зборов и в новых землицах и во всех ясашных зимовьях аманатов имали, которых он Петр ворами и изменниками называл, на Вилюе и на Лене и в сторонних реках на Янге и на Собачьи и на Ковыме реке при нем Петре из за тех аманатов тебе государю прибыли чинили большие и тех аманатов привозили в Якутцкой осторг. А он Петр нас холопей твоих называл ворами и изменниками, а мы, государь, воровства и измены за собою не ведаем. И тех аманатов он Петр в темницах многих заморил голодною смертию. И для, государь, тех аманатов тунгусы нас холопей твоих в ясачных зборех, а торговых и промышленых людей на соболиных промыслех, побивают и от того, государь, убойства большие становились. Да в прошлом же, государь, во 153-м году извещал нам холопем и сиротам твоим // во весь мир Якутцкого острогу наплешной мастер Федька Баранников, в сьезжей де избе и на пытке мучил он Петр ясашново якута имянем Якоулка, а намучивал де на руских людей, а тот Якоулко в старом в Якутцком остроге жил у нево Петра на дворе в большой вере, и в юрте у скота у ево Петрова, а по русқи говорить умел. А говорил де тот Якоулко в сьезжей избе и на пытке: мучишь де меня безвинно, а намучиваешь де на руских людей, а я де от руских людей никакова де дурна не слыхал, только де у сына твоево у Ивана слышал, как жыл у тебя в старом остроге, от батюшковы де высокоумной гордости земля смутилася и убойство сталося, а ныне де он руских людей и якутов мучит безвинно, стыд свой покрываючи. Да и служащая де женка Семенова жена то же ему Якоулку говорила. И тех де ево Якоулковых речей толмачи, ушники ево Петровы, Фетька Михалевской, Богдашко Астрохан, Ондрюшка Почекунин, Давыдко Матвеев хотели затаить, и он Петр чаял, на руских людей тот Якоулко говорит, и учал ево доспрашиватца и приседать толмачем Ивашком Тельным. И Ивашко де Тельной сказал ему Петру вслух, что де на сына ево и на служащую говорит. И того Якоулка он Петр посадил в тюрьму и заморил ево голодною смертию. Да он же Фетька Боранников сказывал нам: призывал де меня он Петр к собе на двор и говорил де мне Фетьке, не говорят де с пытки руские люди на Матвея Глебова и на дияка; ты де человек волокитной, мощно ли де тебе омрачить вражиим руских людей, чтоб де они не доходя до застенку товарыщев ево и себя поклепали, а давал де мне Фетьке от тово 10 руб. своих денег, да сверх де тово устрою тебя в большее государево жалованье. И будучи он Петр в Якутцком остроге давал нам холопем и сиротам твоим наказные памети к твоим государевым к ясашным и десятинным збором. А как приезжали назад с тех служеб, и те наказные памети он Петр поимал к собе, нам не ведомо для чево. Да он же Петр нас холопей и сирот твоих в твою государеву сьезжую избу не пущал о своих нужах тебе государю бить челом, и из сьезжей избы нас выбивал, и скамьями и ослопьем бил, и челобитья не принимал и бить челом тебе государю не велел. А которые, государь, наша братья // по твоей государеве грамоте освобожены из за приставов, а сидели, государь, они за приставом по году и по другому по ево Петровым затеям в тех же сплетнях, что и мы холопи и сироты твои, и тех он Петр опять придобрил за их сишиморство на свою братью, учал он им давать твое государево хлебное и денежное жалованье, а нас, государь, холопей твоих в сьезжую избу не пущает, суда и управы не дает. А как, государь, он Петр приехал на Ленской волок и в Якутской острог, суды судил не по твоему государеву указу, кабалы и отписи и зоустные винил, а ушникам своим и без кабальных поклепех суд давал. А торговых, государь, людей целовальников потаковников своих, отслужа они твои государевы службы, и без щету к Русе и на соболиные промыслы отпущал. А которые, государь, целовальники торговые люди тебе государю правдою служили, а свою братью и никаких людей бездельем не оглашали, и тех он Петр в Якутском годы по 3 и по 4 держал напрасно и разорил до

основания. И те, государь, торговые люди от его насильства иззадолжали великими долги и торгов и промыслов своих отбыли. Тою, государь, неправдою своею он Петр весь мир всяких людей погубил и з домами разлучил и долгу большево доставил и твою государеву украину запустошил. Да в прошлом же, государь, во 151-м году, посадя нас холопей твоих в тюрьму и за пристав, прибрал он Петр вновь в службу ис промышленых и из гулящих людей 96 человек, которым, государь, твоя государева служба и ратное дело не за обычай, да к тем же новоприборным 16 человек старых служилых. И тех, государь, новоприборных он Петр послал с советником своим с Васильем Поярковым в Пе//гую орду. И будучи он Василей на той твоей государеве службе, как он Петр в Якутском остроге з гордости ко всяким людем без вины приметывался и зажегл и мучил и животы разорял, а он Василей, // будучи на твоей государеве службе, по тому же служилых людей бил и мучил напрасно, и пограбя у них хлебные запасы из острогу вон выбил, а велел им итить весть убитых иноземцов. И те, государь, служилые люди, не хотя напрасною смертию умереть, сьели многих иноземцов, да оне же сьели мертвых служилых людей, которые с голоду примерли, приели 10 человек. И как, государь, снех с лугов сшел и трава, государь, оттаяла и те, государь, достальные служивые люди учали коренье травное копать и тем кормитца. И он Василей, уведав, государь, что служивые люди кормятца травным кореньем, и велел он Василей человеку своему Дениску луги выжечи, чтоб, государь, и те достальные служивые люди голодною смертью поморить для своего запасу, чтобы здорожить свой запас. И с той землицы з достальними людьми пошел на море. И пловучи, государь, по Зие реке того Василья з достальными служилыми людьми иноземцы к берегу не припущали и называли их Василья погаными людоеды. А тамо, государь, орды многие большые и земли пространнее Сибири. И та, государь, слава прошла по всем ордам и землям, что руские люди мертвых людей едят, и тем он Василей твоему царскому величеству позор учинил. И в нынешном, государь, во 154-м году в Якутцком остроге ясашные якуты с твоим государевым ясаком приезжали, а платят они твой государев ясак не сполна, а он Петр выбирает преж твоего государева ясаку себе поминку, а емлет соболи самые добрые. А того твоего государева недоборного ясаку он Петр пишет на тех якутах не в выборе, а на нас холопей и сирот твоих зводит, бутто мы холопи и сироты твои якутом не велим ясаку довозить, хотя нас напрасно вконец погубить. И в прошлом, государь, во 153-м году июня в 21 день, после твоей государвы жаловальной грамоты, кричали ис тюрьмы воеводы Матвея Глебова люди и дьяка Еуфимья Филатова человек и после, государь, того по многие времена они же ис тюрьмы в мир извещали они за собою твои государевы дела, а прошалися они в сьезжую избу перед стольников и воевод перед Петра Головина с товарищи, чтоб их Матвеева человека Матюшку и дьячья человека Ивашка с товарищи взять в сьезжую избу и роспрошать им воеводам Петру Головину с товарыщи про те твои государевы дела. И воеводы Петр Головин с товарищи того Матюшку Овдеева и дьячья // человека Ивашка Макарова на роспросе в сьезжую избу ис тюрьмы не ставили, а говорил он Петр так; хотя де они и пропадут, и то де не дорогое дело. А стольник и воевода Матвей Глебов и диак Еуфимей Филатов говорили, нам де людей своих роспрашивать не уметь, потому что оне говорили на нас. И в нынешнем, государь, во 154-м году ноября в 21 день они же, государь, Матвеевы люди и диячей человек во весь день без престани кричали, а прошалися же в сьезжую избу, а сказывали за собою по тому ж твоих государевых дел. И стольник и воевода Петр Головин в том отказал, хотя де они и пропадут, и оне де не дороги. И того ж, государь, числа дети боярские Иван Прыков, Василей Власьев, таможеной голова Петр Усачов и пятидесятники и десятники и торговые люди руских розных городов Матвеевых людей Матюшку Овдеева с товарыщи и диячья человека Ивашка // Макарова с тюремными целовальцики с торговыми ж людьми с Ваською Курочкиным, с Лучкою Корзинковым, с Петрушкою Васильевым выводили их ис тюрьмы к Троице жывоначальной в трапезу. И пришод, государь, в трапезу он Матюшка с товарыщи, Ивашко Макаров во всем мире били челом тебе государю [царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии[1]] словесно

[1] *В рукописи стоит буква п в кружке, т. е. сокращение слова «полное», обозначающая.*

таможенному голове и детем боярским и торговым и служилым и всяким людем извещали, а в ызвете своем они сказали на нево Петра великие твои государевы заводные дела, что де он Петр заводил на бояр их и на служилых людей и на ясачных зборщиков и на выборных ясашных целовальниках и на торговых людей, велел де им зводить и говорить он Петр великие государевы дела, будто де бояре их и служилые и торговые люди твоею государевою всякою казною корыстовались, и соболи государевы переменяли; и они де Матвеевы люди и диячей человек, блюдеся ево Петра, на бояр своих и на служилых людей, на ясачных зборщиков и на целовальников, не мога ево Петровых пыток и мук терпеть, нагаварили. А мы де на бояр своих и на служилых людей и на ясашных зборщиков и на целовальников и на торговых людей никаких государевых дел не ведаем, и заводил де и Матвеевых людей и диячья человека научал нагаваривать он Петр боярских и служилых и целовальников и торговых людей своим де умышлением воровски, стакався своими ушники и потаковщики с письмяным головою с Васильем Поярковым да с сыном боярским с Олешкою Бедаревым да служилыми людьми с Ывашком Тельным, з Давыдком Матвеевым, с Ондрюшкою Почекуниным, с Богдашком Астороханцом да с торговыми людьми с Левкою Толстоуховым, Стенькою Гогуниным. А сперва де, государь, завел он Петр те твои государевы заводные дела Ивашком остяком, а Ивашку де, государь, остяку сказывал он Петр твое государево великое жалованье, и княжеством // де тебя государь пожалует, а для того де ему Ивашку он Петр сулил твое государево жалованье и княжество, чтоб он Ивашко заводил твои государевы дела, и после де того он Петр ево Ивашка потерял. А они де, государь, Матвеевы люди и диячей человек на бояр своих и на служилых людей и на целовальников и на торговых людей, боясь ево Петра, наговаривали по ево Петрову наученью, а сами де никаких твоих государевых дел ни на ково не ведают. // Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй нас богомольцев и холопей и сирот своих, вели, государь, ево Петра с нами богомольцы и холопи и сироты твоими с очей на очи поставити, ково в каком деле пытал и в тюрьмах и за приставы держал и жыботов в твою государеву казну поимал, и делам нашым и людем у нево Петра за ево Петровою рукою роспись взяти, и вели, государь, стольника и воеводы Матвея Глебова и дияка Еуфима Филатова людей и якутов с нами, ково с кем доведетца, с очей на очи поставити, каким оне умышлением и чиим наученьем нас холопей и сирот твоих оговаривали ложно и кровь нашу проливали, и про то, государь, вели свой государев праведный взыск учинити, и по сыску свой царской указ учинити, чтоб нам богомольцем и холопем и сиротам твоим от таких заводных затеев вконец не погинути и твоей государевы службы, а нам сиротам твоим торжишков и промыслишков своих не отбыти. А которых, государь, на пытках без сыску замучил, и ково напрасно без вины пытал и увечил, и которых в тюрьмах голодною смертию заморил, и тому что ты, государь, укажешь.

На обороте сохранившейся части челобитной 53 рукоприкладства челобитчиков, причем большинство из них «прикладывает руку» не только за себя лично, но и за целую группу других лиц.

К. 194, столб. 49 на 81 сставах; сст. 1—81. Начало, повидимому несколько сставов, утрачено; сставы 76—81 — черновой вариант.

18. *1646 г. после июля 3. — Отписка пятидесятника Курбата Иванова и Данилы Скробыкина якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами о постройке нового острога на устье реки Куленги, о необходимости увеличить гарнизон Верхоленского острожка, об устройстве в пашню ссыльных черкесов и о состоянии хлебных посевов по реке Тутуре.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василью Никитичю, Кирилу Осиповичю да диаку Петру Григорьевичю пятидесятничишко Курбатко Иванов да Данилко Скробыкин челом бьют. В нынешнем во

что при переписке белового экземпляра челобитной, отправляемой в Москву, надлежит вписать полное имя государя в обычной форме.

154 году маия в 12 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по наказной памяте воевод Василья Никитича Пушкина, Кирила Осиповича Супонева да диака Петра Стенщина велено нам быть у государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии дела в Верхоленском в Братцком острошке. И будучи нам у государева дела, всякие государевы дела делать по наказу, каков нам дан наказ за печатьми воевод Василья Никитича Пушкина, Кирила Осиповича Супонева и за рукою диака Петра Григорьевича Стеншина. Да нам же велено по государеву указу и по вашей наказной памяте, как сходя в поход с Кузьмою Семеновичем да сыном боярским с Олексеем Бедаревым божиею милостию государским счастием поиск учинитца над брацкими людьми, которые государю непослушны и государю ясаку с себя не платят, и пришед ис походу стать на новом месте с великим бережением, где быть новому Братцкому острогу на речке Куленге, в стрелке, и велеть служилым и охочим новоприборным людем, сметя по острожному месту, каков мочно поставить, бревна ронить и ис тех бревен поставить новой острог, что на малую статью в длину в одну сторону был мерою 20 саж. печатных, а в 3 стороны по тому ж, а на углах поставить избы по 4 саж. и с нагороднями и с нижним и с верхним боем по всем по 4-м углам, а среде острогу поставить аманатцкая изба с острогом, и въезжую башню с вороты поставить, чтобы была // высока и караулиста, и однолишно б нам тем государевым делом и новым острогом порадеть и вновь поставить со всякими крепостьми, чтоб в том острошке жить от приходу немирных братцких людей жить было безстрашно и надежно. И божиею милостию и государьским счастьем в поход сходили и братцкие улусы погромили, скота и живота, коней и коров взяли. И как пришед ис походу перешли за Лену реку на острожную сторону, где было быть новому острогу, не дошед перестрела с два, и мы стали говорить Кузьме и Алексею, что у нас з Данилом в наказной памяти написано, велено по государеву указу и по наказной памяте воевод Василья Никитича Пушкина с товарыщи, как милости бог подасть и государьским счастьем поиск учинитца над непослушными братцкими людьми, которые государю ясаку не дают, ис походу пришед, стать на новом месте на усть Куленги реке, в стрелке, где быть ныне новому острогу, со всеми служилыми и с новоприборными охочими людьми всеми поставить острог и с проезжую башнею и по углам 4 избы и аманатцкую избу с острогом середи острогу, все сказали противо наказной памяте. И Кузьма и Алексей стали говорить служилым и охочим промышленым людем, и служилые люди [говорили], мы де ево государевы холопи, что де по государеву указу делать ни заставят, делать де мы готовы, государев острог ставить. А охочие промышленые и гулящие люди закрычали в тоя поры с отказом, не великие люди, Васька Бугров, Мишка Шадра, Васька Бурлак, Стенька Вострой, Семейка Верхотур, Ивашко Ларионов Липа, Ивашко Черной, Оверка Никитин, Мишка Шабаков, Епифанко Шалин, Вторко Теленок почали крычать, отнюдь де нам острогу не ставить, то де завод Курбатков, // он де заводит и бьет челом, он де и ставь острог. И выступился из них Федька Львов, Тренька Бердонов и иные промышленые, выслушаем де государева наказу и побьем челом об сроке и подумаем, за што де за то стоять, что де не ставить острогу. И мы им про острожное дело в наказе вычесть велели. И оне промышленые прошали на 3 дни сроку. И Кузьма почал говорить, у меня де в наказе не написано и словом де мне не приказано от воевод от Василья Никитича с товарыщи ставить и вы де ставьте, и поехал в старой острог. И промышленые и гулящие почали говорить, посланы де мы на службу с Кузьмою Семеновичем не острог ставить, и поехали за ним все в острог. И Олексей, — что де нам делать и мы де поедем в острог. И как пришед в острог скот и живот, кони и коровы розделили и куяки почали имать на государя, и те ж промышленые люди у креста Васька Бугров, Ивашко Липа, Епифанко Шалин с товарыщи почали крычать, все де заводы Курбатковы, он де у нас куяки отимает и привез де наказную память ставить острог, ему де будет выслуга. И после того на другой день, собрав всех промышленых людей, и сказали про острожное дело, чтобы делать готовились острог. И оне все отказали, отнюдь де нам острогу не делать. Июля в 3 день велели собрать служилых людей всех и охочих промышленых гулящих людей, на конях поехали на новое место острожное на усть-Куленги. И приехав в острожное место розмеря, а те промышленые люди стали собе

в кругу, и по них послали служилых людей и оне промышленые люди приехали все и сказали, чтоб оне к утру готовились на острожное место лес волочить, по 6 бревен острожных на человека, да на избы и на башню по 6 ж бревен, и в тех бревнах ставить острог и избы и проезжую башню. И Васька Бугров, Васька Бурлак, Мишка Шадра с товарыщи почали крычать // с отказом невежливо, отнюдь де нам острогу не ставить, и тово де мы не слушаем, что у нево Курбатка да у Данилка написано в наказе. И велели мы на тех завотчиков и бунтовщиков принесть служилым людем батогов и хотели им дать поученье человеком 5-ти, 6-ти, от которых ставятца бунты, и велено взять Ваську Бурлака, Мишку Шадру, Ваську Бугрова, и он Васька Бурлак, Мишка Шадра даватца не почали. И Васька Бугров, за што де бить даватца, чево де терпеть. И за ними все промышленые люди кинулись и почали служилых людей стегать плетьми и бить пищальными дулами и многих служилых людей перебили, на Олексея и на меня Курбата металисъ и мы от них прочь отъехали. И почали грозить, хотя де мы тобя Курбатка и убьем, за то де нас государь повесить не велит, а в службу де ты с нами отнюдь не ходи, посланы де мы с Кузьмою да с Олексеем, а тобя де мы отнюдь не слушаем, и бранят всякою неподобною бранью. Мочно было тем делом острожным порадеть и Кузьме Семеновичю, а за такое ослушанье и дурость тех бунтовщиков мочно было человека, другово сослать к вам в Якутцкой острог, или было тех завотчиков дать на поруки. И кому приказано больше, и тот не тянет, а нам с миром ничево не пособить, позабыли мы все, что вы нам велели жить в совете. А служилых людей послано с нами в Верхоленской острог 50 человек, и с Олексеем на низ поедет в Якутцкой острог человек 7, на усть Куты послать по семенной хлеб и по хлебные запасы служилых людей 20 человек, на Тутуру в страдную пору 10 человек, потому что больше тово послать некого, а в остроге останетца 13 человек. А промышленые охочие люди все хотят итти до одново человека на низ. И опять будет в остроге безлюдство; жить будет в остроге не кем, только от вас из Якутцково острогу служилых людей в прибавку не будет, ино будет от братцких людей жить тесно. Нынечи и большие// люди в острошке, и братцкие люди приходили под острог человек со 100 и больше, и у скота, у коней и у коров на карауле стоят днем и ночью по 30-ти человек, и оне братцкие люди объявитця не смели. Да прошлого 152-го году в Верхоленском в Братцком острошке государевых денег было умерших и побитых служилых людей, что побиты на Ламе Семейка Скороходов с товарыщи, их окладов 49 руб. 22 алт. 4 д. И ис тех денег в росход вышло 2 руб., в нынешнем во 154-м году куплен котел на аманатов есть варить, а достальные те деньги были 47 руб. 22 алт. 4 д. у целовальника у Максима Григорьева, и он Максим те деньги из Верхоленсково Братцково острошку с собою свез, и яз тово не ведаю, отдал ли он Максим те государевы деньги в государеву казну на усть Куты или в Якутцком остроге. Аманатов в Верхоленском в Братцком острошке мужиков и робят и з бабою 8 душ, а кормить будет нечем, государева запасу всего со мною послано 30 пуд муки ржаной, и с усть Куты на аманатов той муки на корм по июня по 5 число вышло 7 пуд, а из войсковово скота на аманатов не дали, а преж сего ис походов скотин по 5-ти и по 6-ти имали, всего жеребенков с 5 дали и селетков и лонсщаков. 8 человек надобет, что ести, и яз многих выговаривал и Кузьма, нам де не указано имать. И впредь корму всего 23 пуда, помереть будет голодною смертию, а указу об них нет. И с такова скота мошно было взять скотин 10 и больше. Да мною ж Курбатком по государеву указу и по вашей наказной памяте посланы с усть Куты реки вверх по Лене реке в Верхоленской в Братцкой острожек ссыльных черкас по росписи 10 человек з женами и з детьми. Да на тех сылных черкас для государевой их крестьянской пашни на 50 десятин яровых семян 60 четей овса, 40 четвертей ячмени, а овса // по 2 чети на десятину, ячменя по 2 ж чети на десятину да 10 лошадей, да на те 6 лошади 10 хомутов, 20 сошники с отрезы, 30 кос корбуш, 50 серпов, да тем же черкасом сентября с 1-го числа да до маия по 6 число 155-го году 484 пуда 30 гривенок ржи. А велено мне Курбатку тех черкас 10 человек з женами и з детьми, пришод вверх Лены реки, прошед Верхоленсково Братцково острошку, что поставил пятидесятник Мартын Васильев по речке Куленге, где быть новому Братцкому острошку, на яланных местех устроить в пашню, и во всем

их от братцких воинских людей оберегать и ведать. А будет ныне изпоздают и на Куленге не успеют пахать заложной земли, и посадить их на усть Тутуры, что пахал преж сего пашенной Оверка Елизарьев, сколько тут есть, а достальная пашня розделя и дать им по жеребьям. А как они станут пахать, и в те поры велеть у них быть с оружьем служилым людем 20-ти человеком безпрестанно, и на караулех их оберегать от воинских людей с великим раденьем и опасеньем, чтоб от братцких людей уберечь. Июня в 2 день и пришед на усть Тутуры с великою нужею, вода запала, суды замелели, а до Куленги итить изпоздать, а в том грузу и не дойти было, потому что приказали вы служилым людем их окладов оставить рожь на усть Куты, и служилые люди на усть Куты ржи не оставили и пошли в большом грузу, и бог милости своей подал, что вода была велика. И на усть Тутуры ссыльным черкасам всем велели выгрузитца и семенную рожь и кормовой хлеб велели сыпать в закрам, что осталось за роздачею гулящих людей. И Оверкиной пахоты вымерял 10 десятин на государя, сверх государевых десятин той мякотной земли осталось 5 десятин, и то им черкасом розделил по полудесятине человеку, да по полуторе десятине велел им припахать заложной земли под зимовую рожь, а лошади для государевой пашни даны на усть Куты, // и дал им по сошникам, и оставили для береженья 5 человек служилых людей, Поспелка Иванова Нагибу с товарыщи, и велели караулить безпрестани день и ночь, беречь накрепко от воинских людей. И ему Поспелку дана наказная память и в памяте написано, велено ему Поспелку ссыльных черкас нарежать и велеть им спахать на государя 10 десятин Оверкиной пахоты, [да] на собя, что осталось мяхкой земли по полудесятине, да заложной земли спахать по полуторе десятине человеку. А мы пошли в Верхоленской в Братцкой острог, из острогу пошли в поход. И оне ссыльные черкасы государевых 10 десятин на мякотной земли спахали, да по полудесятине на себя, что мякотной земли было, спахали, а заложной земли не пахали ни колько, земля де уросла, орать не мочно, лошади худы дорогою выбились, а иные лошади и в сохе не пошли. И которые лошади в сохе не пошли, меняли на сошные лошаденка, да и те не корысны, оклад их немал надобет, на чем и впредь пахать на государя и на собя. Да оне ж сыльные черкасы избенка ставят, сена косят на усть Тутуры, рожь жжать и измолотить Оверкиной пахоты, и за тем хлебом будет залетовать и для сенишек и зимовать, и яровой хлеб сееть будет овес на мякотную землю, на залог овса не сеют, ячмень на ниских местех и на залог сеют. А они ссыльные черкасы бьют челом государю, чтоб их государь пожаловал, велел свою государеву пашню пахать на себя на усть Тутуры, покаместь Верхоленской острог укрепится служилыми людьми и от братцких людей жить будет безстрашно. Да мне ж по государеву указу и по вашей наказной памяте указано велеть тем ссыльным черкасам во 155-м году весною посеять на государя ярового хлеба по 2 десятины овса, по десятине ячмени человеку спахать, да им же на собя посеять по десятине овса, по десятине ячмени человеку, итого будет по 5-ти десятин на человека, да во 155-м году ко 156-му году спахать под рожь заложной земли озимовой по десятине на государя, на собя по 2 десятины, итого бу // дет под яровой хлеб и под озимовую рожь по 8-ми десятин на человека. А дано им по одной лошаде, а лошади в сохе не все пошли, у Ивашка Рудово лошадь в сохе ни в бороне не пошла, у Игнашки лошад в сохе не пошла. И яз им те лошади велел променять, чтоб государева пашна не стала. И оне бьют челом государю, что де нам государева пашня не в силу, вконец де нам будет погинуть и государева пашня отстать, чтоб де нас государь пожаловал, велел пахать противо сибирской пахоты, противо ржаных десятин и яровая десятина. А в сибирских городех государевы пашни пашут крестьяна, будет на ком положено 2 десятины ржи, 2 десятины и ярового хлеба сеют, на ком десятина — десятину, на ком полдесятины — полдесятине ярового. И вы об тех пашнях что впредь укажете. А Оверкинской ржи севу к нынешнему 154-му году на усть Тутуры на 13-ти десятинах, на 11-ти рожь добра и отцвела, только бог верхом свершит, а на 2-х десятинах не родилось. И как хлеб соспеет, рожь велю зжать и измолотить. И на тот хлеб велел анбар поставить и в анбар хлеб сыпать на усть Тутуры, потому что осенью вода суха. А се безлютство, в Верхоленской острог не добыть, а без служилых людей на

Тутуре нельзя быть. А будет и впредь пашенные крестьяна на Лену будут, и на усть Тутуры на Березовом Яру вниз по Лене пловучи на правой руке мочно поставить в одном месте семей 50, место стройно, пашеному месту и сенными покосы и под скот поскотина и дворами поставиться слободою, место крепко и караулисто. А что я перво государевым делом радею, и везде ему праведному государю вечной прибыли ищу, и за то меня служилые и промышленые гулящие люди в завидосщах не могут навидеть, складывают всякие небылые дела и челобитные ложно завод[ят]. И мне впредь у таково дела великого государева быть невыжможно много и от служилых людей подбою, от Офоньки Медветчика, от Онтипки Сорокина, от Макарка Никитина, а иные вам вестимы.

На обороте: Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василью Никитичю, Кирилу Осиповичю да диаку Петру Григорьевичю.

154-го августа в 12 день подал отписку Енисейского острогу казак Олешка Овдокимов Олень.

К. 191, столб. 15 на 103 ставах; сст. 96—103.

19. *1648 г. октября 12. — Наказная память якутского воеводы Дмитрия Францбекова Василию Нефедьеву и пятидесятнику Курбату Иванову о посылке их в Верхоленский острог на смену пятидесятнику Мартыну Васильеву, об укреплении «всякими крепостьми» Верхоленского острога и о приведении в «ясачное холопство» непокорных «братцких людей».*

Лета 7157-го году октября в 12 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу и по приказу воеводы Дмитрея Андреевича Францбекова да диака Осипа Степанова Василью Ермолаевичю Нефедьеву да пятидесятнику Курбату Иванову. Итти им в Верхоленской Братцкой острожек для государева царева и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии дела, ясачного збору, и для приску вновь неясачных людей. И дорогою итти бережно и сторожливо, и на станех ставитца с караулом, чтоб пришед иноземцы братцкие люди над вами какова дурна не учинили. И как пришед в Верхоленской острожек, и приняти у пятидесятника Мартына Васильева Верхоленской острог и острожные ключи, и на остроге наряд, и в государеве казне деньги, и зелье, и свинец, и ядра пушечные всякие, и хлебные и всякие запасы, и государеву соболиную казну, и аманатов, и государевы товары иноземцом на подарки, все налицо. И велеть те хлебные запасы и зелье и свинец перевесить, а деньги счесть при себе. Да вам же Василью и Курбату взять у нево Мартына деньгам и хлебу прошлых годов приходные и росходные книги, и государеве ясачной и поминочной мяхкой рухляди //ясачные подлинные книги, что по их Васильев и Курбатов приход какие мяхкие рухляди и на которой год взять, и что на ком донять, и что с которово тунгуского и братцкого родов ясаку збираетца, и служилых людей по имяном, и имянную роспись з денежными и с хлебными и з соляными оклады, какова к нему из Якутцкого острогу за диячьею приписью прислана И прежную наказную память, какова ему Мартыну дана, и иные наказные памяти, и о всех делех указные памяти, и всякие государевы дела и аманатов, хто имяны и которого роду князцов и лутчих людей ныне в аманатех в Верхоленском остроге, за ево Мартыновою рукою роспись же взять. А как они Василей и Курбат острог, и острожные ключи и наряд, и всякие дела, и денежную соболиную казну, и хлебные и всякие запасы, и приходные и росходные и ясачные приправочные имянные книги, и служилых людей по имяном, и имянную з денежными и с хлебными и з соляными оклады роспись, и аманатов и им имянную роспись же, и государевы товары возьмете, и вам в том во всем против сево наказу с ним Мартыном росписатца. А как роспишутца, и того Мартына выслать в Ылимской острожек ныне осенью тотчас, а вам Василью и Курба//ту быть в Верхоленском острошке до перемены и укрепить велеть тот острожек накрепко всякими крепостьми, чтоб в том острошке будучи для государева ясачного збору от приходу немирных неясачных братцких людей безстрашно и без боязни [быть] и в том острошке оставить ково пригож, и велеть в том острошке жить бережно и караул был бы безпрестанно днем и ночью крепкой. А самим вам Василью и Курбату

с служилыми и с промышлеными людьми ходит из Верхоленского острогу в походе на братцких неясашных людей, которые ко государьскому величеству непослушны, непокорны и говорити им, чтоб они были под государевою царевою и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии высокою рукою в вечном ясачном холопстве на веки неотступны, и ясак бы они братцкие люди с собя и с улусных своих людей давали. А для тех братцких непослушников неясашных людей имати вожей, выбирая из тунгуских ясачных иноземцев знающих людей добрых, сколько человек пригоже, чтоб хто знал, где в братцкой земли провожати и указывати руским ратным людем не на ясачные места, где хто живет по кочевьям. А будет оне иноземцы братцкие //люди под государевою царевою и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии высокою рукою будут послушно и покорны, и ясак с себя и с улусных своих людей по вся годы платить учнут, и им братцким людем жить на прежных своих кочевьях без боязни, и велит государь их оберегать своим государевым ратным людем. И как они братцкие люди учнут государев ясак и поминки давати, и им давать государево жалованье подарки по невелику против прежнево, как напеpед сево давано государева жалованья подарки, и что кому дадут, писать в книги имянно, и тех новых людей поить и кормить государевым жалованьем довольно, и роспрошати у тех братцких людей про лутчих людей, а про кого скажут, и тех братцких людей по их вере привести к шерти на том, что им быть со всем своим родом и с улусными людьми под государевою царевою и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии высокою рукою на веки неотступно в прямом ясачном холопстве, и ясак государев с себя и со всех родов давати по их мочи по вся годы безпереводно. А которого роду тех новых братцких людей и ково именем к шерти приведут, и тех лутчих братцких людей имяна// у себя записывати ж. А приветчи их к шерти, и взять ис тех родов в аманаты лутчих людей по человеку, чтоб впредь с тех родов государев ясак и поминки было за кем имати по вся годы. А братцким князцом и их улусным всем братцким людем заказывать накрепко, устращивая государевою грозою и смертною казнью, чтоб оне торговых и промышленых людей грабить и побивать и ничем их теснить и изобижать им не велеть. А будет те братцкие новые неясашные люди учинятца непослушны, государева ясаку и аманатов давать не учнут, и ему Василью да Курбату, прося у бога милости, над ними поиск чинить, промышлять и войною всеми служилыми и промышлеными людьми, чтоб их немирных братцких людей ратным обычаем войною смирить. А в аманаты б у них лутчих людей изымать, или жен их и детей взять, а как к женам своим братцкие люди придут, и из них взять в аманаты по тому ж лутчих людей, под ково б мочно впредь ясак на государя збирать, и взяв аманатов, жен их и детей всех выпустить, не опозоря. И смотря по тамошней мере, всякими мерами промышлять над иноземцы над братцкими людьми неоплошно с великим раденьем, чтоб государеве ясашной казне учинить немалая прибыль, которая б государю впредь прочна была и стоятельна, а себя б за ту службу видеть //в государеве жалованье. А будет где иноземцы своим насильством над промышлеными людьми учинят грабеж и убойство, и вам Василью да Курбату с служилыми людьми от тех братцких людей промышленых людей оберегать, и за теми ворами с служилыми и с промышлеными собрався по вестям ходить, прося у бога милости, над ними войною промышлять так ж, как выше сево в сем наказе написано. И вам бы воров от воровства унимать, чтоб впредь государевым торговым и промышленым людем торговать и промышлять безстрашно, чтоб в их воровстве государеве десятинной соболиной казне порухи и недобору не было. А однолишно вам //государевым делом радеть, под государеву царьскую высокую руку братцких людей непослушных, которые государю ясаку не платят, приводить, смирять их, прося у бога милости, ратным обычаем войною безвесным тайным приходом, и на государя с них ясак имати на нынешней на 157-й год соболи и шубы собольи и ожерелья и пластины собольи и напольники собольи и лисицы черные и чернобурые и бурые и черночеревые и красные и шубы горностальи и бобры и выдры. А у которых братцких неясашных людей будет степные места, а не лесные, а в тех степных местех соболей и лисиц и бобров и выдр нет, и с тех людей имати иными какими зверьми или узорочными товары, что у них в их

земле есть, золото и серебро или камки или каменье дорогое, а будет золота и серебра и иных никаких зверей нет, и на них имати скотом по их изможенью, а за тем бы они не роздумовали, что для своей ясачной звериной скудости им не быть под государевою высокою рукою, и им бы однолишно ни в чем в том не опасатца, и впредь бы государю прочно было и стоятельно, а им бы новым братцким людем не в тягость и не в налог, чтоб их тем от царьские высокие руки не отгонить. А будет они братцкие люди учинятца государю непокорны и непослушны, //ясаку с себя и с улусных своих людей платить не учнут и под государевою царевою и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии высокою рукою в вечном холопстве быти не захотят, и на них братцких людей, прося у бога милости, воевода Дмитрей Андреевич Францбеков да диак Осип Степанов будут они сами, собрався со многими большими ратными людьми, и велят их всех побивати и вешати и разоряти, и повоевав до основания, жен их и детей в полон возьмут. А будет они братцкие люди государю покорны и послушны во всем будут, и тех братцких людей по тому ж приводити по их вере к шерти, чтоб они однолично были под государевою царьскою высокою рукою в вечном ясачном холопстве во веки неподвижно, и ясак сами с себя и с улусных своих людей по вся годы безпереводно платили, и их за то государевым жалованьем поить и кормить и подарки им давать, смотря по человеку. А однолично б вам тем государевым делом радети и промышлять с великим радением, и с прежних ясачных тынгуских и братцких людей ясак на нынешной на 157-й год збирать по книгам и по сему наказу и по прежным наказным памятем, каковы примете у пятидесят//ника у Мартына Васильева за государевою ленскою печатью и за диачьею приписью, и всякие государевы дела делать по государеву крестному целованью в правду, смотря по тамошней мере, и тутурских пашенных крестьян принять, и меж служилыми и промышлеными и всякими людьми росправа чинить, смотря по вине, от всякого дурна унимать. А как, //аже даст бог, ис походу прийдете, и тебе Василью с целовальником з Дружинкою Каргопольцом и служилыми людьми, которые ныне с вами из Ылимского острошку пошли, быть з государевою ясачною и с поминочною соболиною казною в Ылимской острожек, а Курбату Иванову с верхоленскими служилыми людьми и с охочими промышлеными в походы ходить, прося у бога милости, так же, как выше сево в сем наказе написано. А будет вы Василей и Курбат не учнете своим нерадением и оплошкою в походы ходить, или учнете что для своей бездельной корысти не по сему наказу и не по прежным наказным памятем делать, или учнете чем корыстоватца, или с прежных ясачных людей не учнете государева ясаку по книгам збирать, а после про то сыщетца, и вам Василью и Курбату за то по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу быть в жестоком наказанье. А что с вами послано служилых и охочих людей, и тому имянная роспись под сем наказом. А что бог подаст на погроме // скота или какова борошню или ясырю, и тому всему записка учинить.

К сему наказу воевода Дмитрей Андреевич Францбеков печать свою приложил.

К. 194, столб. 21 на 86 ставах; ст. 19—29.

20. *1653 г. после мая 5. — Отписка приказного человека Оленского ясачного зимовья Кузьмы Суздальца якутскому воеводе Ивану Акинфову о разгроме ясачных оленских тунгусов, учиненном мангазейским служилым человеком Иваном Сорокиным совместно с мангазейскими вонядырскими тунгусами и о междуусобиях между названными тунгусскими родами. К отписке приложены челобитная оленских тунгусов на Ивана Сорокина и отписка последнего Кузьме Суздальцу.*

I. — Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии стольнику и воеводе Ивану Павловичю да дьяку Осипу Стефановичю Якутцкого острогу служ[и]вой человек Куземка Суздалец с товарищи челом бьет. В нынешнем 161-м году майя 5 число пришел Иван Сорокин с товарищи 13-ю человеками и с ними пришло тунгусов ста з два и больши, и пер[е]имали они оленских мужиков ясачьных тунгусов на устьНекуки: Ильняя ясаку платил 3 соболя, Былгиня 3 соболя, Барту 2 соболя, Мотора 2 соболя, Сятага 2 соболя, Идилга

5 соболей, Удуга 4 соболя, Чарапуня соболь, Тууня соболь, Зулша соболь, и которых Иван с товарыщи вз[я]л тунгусов, и с них ясаку шло 24 соболя. И прибежал к нам вь ясачное зимовье детина тунгуской и сказал нам: пришли де с Исея озера служивые люди и с ту[н]гусами, и тунгусов наших олеских переимали и перевязали, иным тунгусам учинилось ведомо и они к нам прибежали в ясачьное зимовье, потому что они не вместе. И который детина пришел с весью и он детина сказал родником своим, что де вас звали мирица. И я послал для того служилого человека Ваську Григорьева, велел говорить: ясачных тунгу[сов] за что вы имаете, и с тех мужиков ясак взят и [вы]писи им даваны. И они то сказали, Ив[а]н Сорокин с товарыщи: по[и]мали мы мужиков по государеву указу и по наказной за их воровство, имали потому, что были они взяты в аманаты на Анабаре реке, из аманато[в] они ушли, и руских людей побивали, и ясачных тож побивают тунгусов на Исеи озеро приходя; и достальные оленские мужики незмели [ит]ти миритца, и стали у нас прошать служи//вы[х] людей; почали мы их у[ни]мать, что вы не ходите; и они почали говорить: как нам не [ит]ти мирица, когда наш род весь сьцел был и мы с ними воевались, и они нас поб[и]вали, и мы их тож побивали, иноче их род весь цел, иноче нам только не мирица и они нас всех побьют. И послал вдругоряд служиво[го] человека Ондрюшку и велел [е]му о том же говорить, и они ему то ж сказали. Иван Сорокин с товариши сказали: другие у нас головы нет на плечах, не о[т]пустим мы тунгусов, и я велел спрашивать указу, и они ему чьли наказ двою, и велено их [и]мать. Били челом торговые и промышленые инозе[м]цы ясачные тунгусы и челобитную государю подавали за руками по мирьскому челобитью, что тех воров велено сыскивать, и сыскав их велено вешать, и Дигу повесили, а жена ево сама удавилась, а другая жена взата вь ясирь, да у нево же взяли 20 оленей, и нам сказывают инозе[м]цы, что взяли служивые люди и иных инозе[м]цов тож поимали оленей, и я велел помирить Ива[ну] Сорокину тож велел помирить с вонядирьскими мужиками, и стали у меня прошать олеские мужики прошать служилых людей, и послал для бережи 9 человек, чтоб их и достальных не переимали и не ограбили, и стретили вонядирьские мужики и тазовские казаки служилых людей и оленских ту[н]гусов на усть Мартеянки, Гришку Артемьева с товарищи, и почали имать оленских сильно, и служивые люди не стали давать, и почали служивые люди шуметь с тазовскими казаками, и по што велите грабить оленских мужиков, и почал нам говорить Костька толмачь, тово вы не ведаете, как крикну тунгусом опять вам и голов своих не унести, и служилые люди помирят их и назадь воротились з достальными мужиками; а которие у них взяты мужики, и тех нам мужиков не о[т]дали, и иных подросков взяли, кои вново платили ясак, и я им велел говорить, чтоби о[т]пустили мужиков, //а меж собою не в[е]лел брани никакой заводить, чтобы меж ими не было худа никаково. И те вонядирьские мужики пришли к ясачьному зимовью достальным оленским мужикам и с ними пришло 3 человека казаков, Костько толмачь, и я почал говорить: по што ты пришел к ясачьному з[и]мовью со многими людьми; и почал Костька толмачь говорить: потому мы и пришли, промеж ими бы драка не учинилась; и почали оленские мужики говорить вонядирьским мужикам говорить: по што вы пришли, наших родников по[и]мали и грабили, да и достольных хотите нас прибить; мы к вам не драца пришли, пришли ми для справы, а Дигу вашево не мы повисили, повисили казаки, и вы на нас той головшины не спращивать, а олени и живот ево и жену взяли казаки; и я вонядирьских мужиков не засмел в ам[ан]аты имать, что они ясачьны мужики, и быв они и пошли.

Отпушены 5 человек, Гришка Томенин с товариши для поспешенья сею отпискою, да с ними же выслан Петрушка Седой в государеве диле по челобитью Семена Прибылого, а зимою не выслан Петрушка для того, что он не мог рукою владить, а иноче выслан рукою тож не м[о]ж[е]т владить. Служивым человеком с А[н]дрюшкою прислал ко мне Иван Сорокин грамотку, и я послал по[д] сею о[т]пискою ту грамотку. Да с ними же служилыми людьми о[т]пущен государе[в] дошаник и снасти с парусами и с якорем и с варовыми снасми.

На обороте: Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Росии стольнику и воеводе Ивану Павловичю да дьяку Осипу Степановичю.

162-го году апреля в 15 день подал отписку гостиной сотни Бажена Балезина приказщик Максимко Парфеньев.

II. — Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бье[т] челом сирот[ы] твои ясачные люди оленские тунгусы Ельдига да Онковул да Панко. Жалоба, государь, нам на тазоских служивых людей на 13 человек, на Ивана Сорокина с товарищи. Нынешнего 161-го году маия 5 числу пришол Иван Сорокин с тунгусами со мно[ги]ми ро[да]ми с анады[р]скими лю[дь]ми, и всех их чело[ве]к за 200 или больше, на Оленек реку на наши вековые жири, нашел он Иван на наших жирах родны[х] братей наших племянников, и он их родников наших переимал, и переимав их перевезал, и жен их и дети и олени и живот их весь по собе подели[ли], и моево государь Панкова брата моево большово повесили неведомо за что, у нево осталось 20 оленей и те олени по собе подели[ли], и жен и дети по собе ш подели[ли], и нам про то ведомо учинилось, что родников наших переимали, и мы сироты твои тово же убоялись есачному зимовью, выбежали у есачного зимо[вь]я да в осаде 3 недели сидели, не жалее свои оленишка приели, на чем было твой государев есак примышлять, и самим кормица нечем; и к нам послали ванадырскии тунгус[ы], придите к нам мирица, что мы в прошлых годах дирались; и мы сироты твои одне не посмели к ним ити и тово же поблюлись, так же перевяжут наш пограбят и по собе поделя, и мы били челом тебе государю о с[л]уживых людех и Кузьме Суздольцу с товарищи, и по твоему по государеву указу и дал нам 9 человек для обережи, и пришед, с ванадырскими людьми мирились и давали им жен[о]к и олени и куяки и стрелы //и детей своих, и оне нам против тово ничево не дали, и у нас, государь, так ведеца, что мы сколько даем и оне нам против тово столько же дают, и мы назат отошли [к я]сачному зимовью, и мы к вам для ради тово пришли для справ ванадырские люди, и нам, государь, оне сказывали, что мы вашево шемана Елдигу не убили, повеси[ли] служилые люди Ивашко Сорокин с товарищи, Костька толмачь сказывал, что у нас резал казака, а оне анадырские люди сказывали, ничево тово не бывало, повесили те служилые люди напрасно, и тот живот взяли служилые люди Ивашко Сорокин с товарищи, и тое на нас головшины не спрашивайте, повесили служивые люди напрасно, и жен наш и дети и олени и куяки и живот наш весь взяли служивые люде, [поде]лили по себе, и у наших братей и у нас взя[ли] служивые лю[ди] с 60 оленей. И вели, государь, родников и братей наших с Есея озера отпустить на Оленек, и вели, государь, нам на старих на наших житьях жить попрежнему, твой государев есак платить на Оленке реке, как и зачали быть по твоею государевую царьскою высокою рукою быть деды и отцы наши, твой государев есак платить на Оленке реке и до сево времени, и претом вели нам, государь, на том же Оленеке свой государев есак платить попрежнему, на своих на старых житьях жити. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Толмачил служивой человек Васька Григорьев у сее чо[ло]битной.

На обороте 4 тунгусских «знамени».

III. — Государю моему Козьме Гавриловичю с товарыщи Ивашко Сорокин с товарыщи челом бьет. Как тебя государя моего бог милует и пожалуешь, поволишь про нашу худость спрошать, и яз еще жив, хожу по лесом и по тундрам. Послан я холоп государев с товарыщи по государеву указу и по воеводскому приказу Игнатья Степановичя Корсакова по наказной памяти на Анабару реку, и велено нам ходить по лесом и по тундрам и по захребетным рекам, и велено нам сыскивать ананабарских изменников тунгусов, которые платили преж сего на Есеи и на Анабаре реке ясак, государю изменили и ясашнее зимовье взяли, и руских людей побили, и аманатов увели. И я нашел тех изменников на Кукичь реке на Оленских реках, и яз тех изменников роспрашивал, и те изменьники сказались, и нам велено их привести под государеву высокую руку, и нам их отпустить не уметь без государева указу, потому что они ходят на Хатангу реку и побивают руских людей, и мы ходим с казною государевою летом и зимою и оне громят, государевы казны не пропущают. За тем челом бьем.

На обороте: Отдать в ясашнем зимовье на Оленьке реке приказном[у] человеку Козьме Гаврилову.

К. 197, столб. 3 на 29 сставах; сст. 19—24.

21. *1653 г. июня 4. — Изветная челобитная нижнеколымских юкагир Чючки Тугулимова с товарищами, поданная колымскому приказному человеку Ивану Реброву о сожжении служилым человеком Юрием Селиверстовым «с полчаны» принадлежащих челобитчикам «лабазов», «промышленного завода», и леса на острове реки Колымы.*

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьют челом сироты твои государевы Колымы реки Нижнево ясашново зимовья ясашные юкагири Чючко Тугулимов, Кимкуйко Маганюев, Мантечко Енмаев, Нирпица Левыков, Малечко Кеков, Лакейко Леондуев, Боечко Аин Якутцкого острогу на новоприборных служилых людей на Юрья Селиверстова с полча[ны] ево в том: в нынешнем, государь, во 161-м году весною на Колыме реке зажгли оне Юрье с полчаны, нарошно, против Нижнево ясашново зимовья за протокою остров, а на острову были наши юкагирские лабазы, а на лабазах было наше юкагирское зимное платье и рыбные неводы и лотки и санки. И всякой наш юкагирской промышленой завод сожег, и остров выгорел весь. И нам сиротам твоим государевым корму летом добыть нечем, неводов и лодок нет и зимного платья и промышленого заводу нет, и твоего государева ясаку нам сиротам твоим промышлять не за чем да и нечем да и негде, потому что здесь место стало у моря близко, а лесы все тот // Юрье с полчаны своими выжгли, и мы сироты твои государевы помираем голодною смертию все. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Русии, пожалуй нас сирот своих, вели, государь, на Ковыме реке приказному казачью пятидесятнику Ивану Иванову Реброву да таможенному целовальнику Василью Давыдову Клеунову сию нашу челобитную выслать в Якутцкой острог. Царь государь, смилуйся.

На обороте 7 юкагирских «знамен».

К. 197, столб. 2 на 31 ставе; ст. 6—7. Датирована на основании опущенной челобитной Юрия Селиверстова по тому же делу (этот же столбец, ст. 26).

22. *1658 г. не ранее сентября 20. — Сказка торгового человека Никиты Малахова о незаконных торговых оборотах, злоупотреблениях и насилиях якутского воеводы Михаила Лодыженского.*

...что он отпущал на Собачью и [на] [в]сякие розные реки. А что по [коим] рекам отпущал вина и хмелю и меду и карт, и с кем отпущал, и то все написано в сей скаске порознь статьями, и хто ево животами торговал по рекам.

161-го послан из Якутцково острогу на Колыму башлыком Ивашко Щукин да целовальник с ним Любимко казанец, а послал с ними стольник и воевода Михайло Семеновичь Лодыженской вина 20 ведр, 40 дюжин карт, // да хмелю 10 пуд да меду 5 пуд и ему против тово привезли 17 сороков соболей. //

Послан того ж году на Индигирку реку Ивашко Бараскан, а с ним послал 10 ведр вина да хмелю 5 пуд, и за то вино и за хмель платил он Иван Бараскан Ивану Катаеву по Михайлову веленью на Собачье 200 руб. //

Послан того ж году Олексей Олень пятидесятник на Алазею, а с ним послал 10 ведр вина да 5 пуд хмелю, да 5 пуд меду, 100 пуд муки, и ему Михайлу привез с Собачьи 8 сороков соболей да шубу соболью.

163-го послан на Ивана Щукина место на перемену на Колыму сын боярской Костянтин Дунай, а с ним послано вина 30 ведр да хмелю 10 пуд, и на него взял кабалу в 500-х руб.; а в ту кабалу по нем писался Кузьма Габышев да торговой человек Ивашка Тварогов. А целовальник был с ним Дунаем Максимко Балезин, а с ним дано вина 5 ведр, 5 пуд хмелю, а на нево взял кабалу в 200-х руб. с отпуском.

Послан того ж году сын боярской Кирило Ванюков на Индигирку реку, а с ним послано вина 10 ведр, 6 пуд хмелю, 5 пуд меду, и за нево платил // зять ево Архипко Иванов 300 руб.

Послан того ж году на Алазею Третьяк зырян, а с ним послано 10 ведр вина да хмелю 10 пуд, а на нево взял кабалу в 300-х руб. с отпуском.

165-го послан на Колыму реку Ивашко Щукин, а с ним послано 30 ведр вина да хмелю 10 пуд. А кабалу на нево взял в 700-х руб. А писался в подписку Ондрей Горелой. Да с ним же пошел целовальник Ивашко Дорофиев, а с ним

пошло вина 5 ведр да хмелю 5 пуд, 200 пуд муки. И в том на себя кабалу дал в 300-х руб. с отпуском.

Послан того ж году на Ванюково место на Индигирку Гарасимко Цыпанин з братом, а с ними послано вина 20 ведр да хмелю 10 пуд, и в том они дали кабалу в 400-х руб., а целовальник с ними Лучка Ощепков и ему дано вина 5 ведр да хмелю 5 пуд, а кабалу на себя дал в 200-х руб. с отпуском.//

Послан того ж году на Третьяково место Ондрей Горелой, а с ним послано вина 5 ведр да хмелю 5 пуд да 100 пуд муки, а кабалу на себя дал в 300-х руб. с отпуском.

Послан на перемену Ивану Щукину сын боярской Иван Велкой, а с ним послано вина 10 ведр да 10 пуд. хмелю, и в том ему дал кабалу с отпуском в 300-х руб.

Послан на перемену на Индигирку на Гарасимово место Цыпанина Лазорко Аргунов, а с ним пошло вина 10 ведр да хмелю 5 пуд, и в том ему дал кабалу в 300-х руб. с отпуском.

Послан на Алазею на Ондреево место Горелово Федор Шайдур, а с ним пошло вина 10 ведр да хмелю 5 пуд, и он на себя дал кабалу в 300-х руб. и с от пуском.

Послан Василей Бурлак за Шиверы, а с ним пошло вина 6 ведр да муки 200 пуд, а ему Михайлу Семеновичю дал за отпуск 5 сороков соболей да шубу соболью добрую, а те сороки стоят по 100 руб. и больши, // а те соболи с Индигирки реки зашиверные, тех соболей лутче на Собачье нет. И на тово Бурлака приезжал бить челом юкагирской ясачной мужик: юкагирей ясачных всех раззорил; и он Михайло Семеновичь суда на нево не дал и указ не учинил и юкагирскому мужику отказал, // и от тех винщиков, что посылал коих башлыков на Собачью реку и по всем сторонним рекам, и от их винной продажи и от насильства государева заочная дальная вотчина вконец погибла. А что было торговых и промышленых людей по рекам и на Собачье и оне своих промыслов отбыли и государевы десятинной пошлины отстали потому, что те торговые и промышленые люди от их винной продажи и от насильства нарозно розбрелися и государева десятая пошлина будет в недоборе, збирать будет не с ково. //

Да он же посылает Михайло Семеновичь на Янгу в Верхнее зимовье для государева зборнова ясаку служилых людей, а емлет с них накупу по 30 руб. с человека за отпуск, чтобы их отпустили на Янгу, а сверх тово что оне приедут с Янги и привозят ему добрые соболи ударить челом. И оне служилые люди поезжают на Янгу, закупают всякие товары: пальмы, и ножи, и огнива, и котлы и всякой товар на якутцкую руку, и оне служилые люди приезжают на Янгу к якутом и роздают те свои товары якутам преж государева ясачнова сбору на силу. И те де якуты у них тех товаров имать не хотят и оне на них силою наметывают, а приказывают им, чтобы они за те товары добрые соболи добывали. И как они служилые люди збирут государев ясак, и на них якутах // станут за свои товары соболей прошать добрых и кой якут им за тот товар соболей не даст и они ево на смерть ослопами бьют, что надеютца на Михаила Семеновича потому, что де добрые соболи идут к нему за долг за отпуск. Да они же служилые люди Левка Шанга с товарыщи жены их и дочери на постели емлют и позорят. И многие де великие натуги якутам от них бывают. И как они служилые люди приезжают в Якутцкой, и оне государеву казну отдают в съезжей избе Михаилу Семеновичю, а сами свои пожитки принесут в съезжую избу для оказу соболишек по 15 и больши худых, а всех тово живет у них нажитков сорока по 2 и больши самых добрых соболей потому, что они преж государева ясаку тот товар якутом роздавали, потому им якуты и соболи добрые откладывают и они служилые люди Михайлу Семеновичю платят за ево долг за отпуск добрыми собольми. А что у них соболей остаетца, и они ему достальные пропивают. //

164-го приезжали якуты с Янги бить челом на служилых людей на Левку Шангу с товарыщи в Якутцкой Михайлу Семеновичю о насильстве, что де он Левка Шанга с товарыщи жены их и дочери позорят сильно. И он Михайло Семеновичь на Левку Шангу с товарыщи суда не дал и указу не учинил и якутом отказал. //

166-го приезжали те ж якуты и якутцкие князцы с Янги бить челом на тово ж Левку Шангу с товарыщи, и оне якуты доехали 10 человек до Алдану проведали, что де Михайлу Семеновичю перемены нет, и оне в Якутцкой ехать не посмели, воротилися назад домой.

Да он же Михайло Семеновичь посылает по зимовьям для государева ясачново збору служилых людей, а емлет с них великие накупы: в Майское зимовье емлет с человека по 10 руб., с Олекминсково зимовья по 10-ти руб. с человека, з Жиганскове зимовья по 20-ти руб. с человека потому, что те служилые люди вино курят и пиво варят на продажу, с Столбовского зимовья по 5-ти руб. с человека, с Оленсково зимовья по 5 руб. с человека, с Вилюйсково с Середнево зимовья по 5-ти руб., с Верхново с Вилюйсково зимовья по 3 руб.

Да на Михайла ж Семеновича много судачат князцы якутцкие и улусные люди потому, что де // он Михайло Семеновичь не по государеву указу у нас ясак государев емлет за прошлые годы, что де пожаловал нас государь, что прикладново ясаку Головина не имать; и о том о окладном ясаку государева грамота есть; пришла де та государева грамота при Пушкине; и он де Михайло Семеновичь на нас емлет накладной ясак, что де наложил Головин и прежные воеводы Василей Пушкин и Дмитрей Франзбеков и Иван Павловичь; и нонеча де Михайло Семеновичь на нас взял за 17 лет; и от тово де мы от окладново ясаку вконец погибли и жен и детей своих отстали, жены свои и дети продавали служилым людем; а что было скотишка и мы и последнее 166-го году Трифану отдавали за прошлые ясаки. Да на Михайла ж Семеновича судачат те ж якуты, что де он на наших холопах ясаку по лисице берет, а мы де государю даем ясак большей, соболей с улуса по 100 и по другому платим; а топерече мы и досталь погибли потому, что было нашим боканам на нас // государев ясак добывать и оне де топере за себя лисицы добывают; и они наши боканы нам стали непослушны, а говорят де они нам, что де мы сами тоены потому, что сами де мы государю ясак даем, и они де нас не слушают и мы де топере лутчие люди в Якутцком погибли; не знаем де как впредь государю ясак добывать. Буде государевы до нас милости и призренья не будет и мы де и до конца Якутцкая земля погибнет от бедности и от налоги.

165-го взял у Михайла Семеновича Василей Скоблевской 100 ведр вина; и то вино он Василей продавал в Жиганех на розницу, ведро рублев по 30-ти и больши, и он де государеву заочную дальную вотчину и досталь погубил, и многие служилые люди у него пропилися сороков по 5-ти и по шти и больши. Служилой Климко Соболев пропил 9 сороков соболей с Собачьи реки; Якунька кузнец 7 сороков соболей с Собачьи реки; и иные многие пропили кости рыбья зубу пуд по 10-ти и больши: Федотко Ветошка пропил 10 пуд кости рыбья зубу, Евсевейко // пропил 10 пуд кости рыбья зубу; а тово я не ведаю, отдал ли Василей соболи и кость за то вино Михайлу Семеновичю или нет, тово я не знаю потому, что я пошел к Русе; а с тех он Василей соболей с привозу из Жигановсково государевы 10-й пошлины не платит, а сказывает у себя государеву жаловальную грамоту, что ему безпошлинно торговать по всей Сибири.

162-го был башлыком в Жиганех служилой человек Гарасименко Цыпанин и он курил вино и пиво варил на продажу, а от тово дал Михайлу Семеновичю 300 руб. с отпуском.

163-го был башлыком в Жиганех Дементей Дуров да Ондрей Дубов; и оне дали Михайлу Семеновичю 400 руб., оттого что они вино курили и пиво варили на продажу.

164-го был башлыком в Жиганех сын боярской Иван Велкой, а взял у Михайла Семеновича 30 ведр вина, а из Жиган ему привез за то вино 13 сороков соболей. //

165-го был башлыком пятидесятник Олексей Олень, тож курил вино и пиво варил на продажу, а от тово дал 300 руб. с отпуском.

166-го был башлыком сын боярской Федор Пущин и тож вино курил и пиво варил на продажу; и от тово дал Михайлу Семеновичю 300 руб., потому они давали накупы великие, что их ссужал хмелем и всяким заводом и за отпуск и для винного куренья и продажи; и от тех башлыков и от винщиков от их

налоги государева заочная вотчина Житанская вконец погибла потому, что их великое насильство и многие люди у них пропивалися и в том государева 10-я пошлина стало збирать будет не с ково.

163-го послал Михайло Семенович на Собачью живота своего кочь с Ываном Катаевым 10 ужин да с ним же Иваном послал 20 ведр вина да хмелю 20 пуд; а на те ужины дал по 20-ти пуд муки на человека. //

Того же году послал с торговым человеком с Прокопьем Аминевым пол коча живота своего; а тот был кочь государев, шел на нем сын боярской на Индигирку реку Кирило Ванюков; да тому ж Прокофью дал 20 ведр вина да 10 пуд хмелю; и тот Прокопей привезя с Собачьи Михайлу Семеновичю 20 сороков соболей добрых; да Михайло же Семенович тово ж Прокопья послал во 165-м году на Собачью с своими кабалами на 1000 и на другую; и тот Прокофей встретил служилово Василья Бугра на море и тот Прокофей у тово Бугра на те Михайловы кабалы на море на Омолоеве губе кости рыбья зубу пуд 40 и больши купил; да он ж Прокофей купил кое у ково у промышленых людей пуд 10 и больши; и ту кость он Прокопей привез в Якутцкой острог и велел ему Прокофью Михайло Семенович в таможне записать на свое имя; и он Прокопей на свое имя в таможне записал; и в прошлом во 166-м году умыслил // тот Михайло Семенович бутто та кость тово Прокофья; и ту он кость рыбья зубу на государя взял больши 50-т пуд; да тово ж Прокофья велел торговым людем ево Прокофья в целовальники выбрать; и те торговые люди тово Прокофья в целовальники выбрали к Москве; и он Прокофей в том государю и крест целовал, что было ему итти за государевою казною к Москве, за соболиною и за костью рыбья зубу; и тот Прокопей стал Михайлу Семеновичю бить челом, чтобы пожаловал отставил от тое службы от московской поездки потому, что та кость стала ведома, что де та кость Михайла Семеновича, и тот Прокопей с тою костью к Москве ехать не посмел; и он в свое место нанял торгового человека Петра Хозова итти за тою казною к Москве; а он Прокопей остался в Якутцком, посылает ево опять на Собачью с своим животом; а у тово Прокофья с Руси приезду в Якутцкой острог нет, и ничево ни откуль не бывало, никакому товару в таможне в записке // нет, никаково товару у нево не бывало, что он торгует Михайловым животом.

Да тот же Михайло Семенович послал к Русе 20 сороков соболей с Офонькою с Коноплиным; и то у них умышлено плутовством своим; и тот Офонька приехал в Якутцкой острог з государевою грамотою, бутто отец ево Герасимко Коноплин оставил завод свой, лавки и двор и скот, и то все солгано, ничево тово не бывало, что хотел он воровски зделать, хотел Михайловы соболи провести украдом.

Да он же Михайло послал на Ламу с Ларионом с Марковым 20 ведр вина. Да он же Михайло послал в Дауры сына боярсково Федора Пущина, а с ним послал вина 20 ведр.

166-го маия в 20 день приносил ко мне служилой человек Ивашко Нагиба доброво соболя к лавке, а стал он Нагиба у меня за тово соболя просить 25 руб. // и я де тово соболя не посмел купить потому, что таких соболей в казне мало, и я ему подал 15 руб. да сказал ему: поди понеси Михайлу Семеновичю. И он Ивашко и пошел к Михайлу Семеновичю с тем соболем, а я ему Ивашку сказал, что тому соболю цены не знаю и купить ево не умею, купит тово соболя у тебя Михайло Семенович. 167-го сентября в 20 день стал я спрашивать сотника казачья Матвея Ярыгина о том соболе, что ты Матвей видал или слыхал у Нагибы про соболя доброво и он мне сказал: я де тово соболя видял как тот Нагиба принес тово соболя при мне Матюшке к Михайлу Семеновичю и я де ему сказал, что де тот соболь добр, таких де соболей намале; и я де ему Михайлу Семеновичю стал сказывать, что де он Нагиба был послан для государева недоборного ясаку к якутам и тово де он соболя у якутов взял государю в ясак, и против тово мне // Михайло Семенович ничево не сказал, и я де и домой пошел. // Да он же Михайло Семенович в Якутцком остроге велит варить пиво детем боярским на продажу, Матвею Сосновскому и Федору Пущину, и тот Матвей и Федор пиво варят на продажу и меды ставят и с Михайлом Семеновичем поделяются. А в кою пору Федор Пущин бывает на отъезжих службах, а в те поры в Якутцком жена ево Федорова

то ж пиво и мед продает, и от тех пивных и медовых продаж торговые и промышленые люди и служилые пропивалися. Да он же Михайло Семеновичь смышляет частые обеды и призывает торговых и служилых людей; а кои торговые или служилые люди к нему на пир не пойдут, и он де на тех торговых и на служилых наводит напрасные великие беды; и от его пиров и от пивных кабаков в Якутцком торговые и служилые люди оскудели и одолжали великими долгами; а у которых у служилых людей денег нет, и они ему за столы кабалами носят, и сметит кому сколько дать государева жалованья и против тово их служилых людей к себе на пир и зовет против их // жалованья; и как лучитца тем служилым государево жалованье давать, и он в те поры по их кабалам, кои давали за обеды, и его Михайловы люди Любимко Евдокимов да Софонько Иванов мимо их служилых людей [с] шапками стоят и деньги берут мимо их служилых людей; и те служилые люди оскудели и одолжали и оголели, что подымаютца в служилые люди на государевы службы голы и безодежны, и те деньги он Михайло Семеновичь все за себя перевел, ни торгов ни промыслов ни розплаты ничево не стало и вконец погибли. // Да он же Михайло Семеновичь послал на Чечюйской волок ссыльново князя Семена Васильевича Прозоровского человека и пива варит на продажу; и от той ево винной и от пивной продажи промышленые люди и пашенные крестьяна пропилися; и от ево великия налоги пашенным крестьянам и промышленым людем чинятся великие беды; и многие пашенные крестьяна и промышленые люди на розно розбрелися и государева десятая пошлина стала збирать будет не с ково, и они пашенные и промышленые подавали челобитную чтоб ево Бесчасново переменить и он Михайло Семеновичь для своей бездельной корысти ево Бесчасново не переменил. Да на нево ж Михайла Семеновича судачит торговой человек Максимко Ходутин устюжанин в том, что он его, Михайла Семеновичь, к Русе не отпустил; и он Максимко писал грамотку в Сургут к дяде своему к таможенному голове к Василью Мотохову о ево Михайлове винной продаже, чтоб он Василей мимо ево Максимка государю обвестил; и он Максимко ту грамотку выронил и подняли ту грамотку служилые люди и отдали Михайлу Семеновичю; и он ево Максимка кнутом бил на смерть и в тюрьме держал год, а ныне тот Максимко за поруками скитается меж дворы. // Да на Михайла же Семеновича судачит гостя Кирила Босова прикащик Лука Хлыгин, что де он Михайло Семеновичь взял у нево Луки кочь со всею кочевою снастью, и ему де учинилось великие убытки. Да Михайло же Семеновичь послал в прошлом во 166-м году для ради государева ясашного збору на Амгу и на Тату сына боярского Трифона Евсевьева; и он Трифон на тех якутах на настоящей год государев ясак выбрал; и он Трифон стал у них якутов прошать за старые годы, кои были накладные з Головина году; и коим якутам за прошлые годы нечево дать, и он их Трифон на смерть батогами бил; а сказывали и многие ясачные якуты сами ся давили потому, что де им нечево вдруг накладново ясаку платить; и он де Трифон у тех якутов что было скотишка обрал; у них кобыл и быков и коров то все обрал; тот скот кобылы и быки и коровы на собя с товарыщи взял и ясак писали за кобылу добрую по 3 соболя, а за серменюю кобылу по 2 соболя, а за быка доброва по 2 же соболя, а за корову добрую по 2 же соболя, а кои бычки годы по 3 и те оне давали по лисице, а за кои оне давали по 3 соболя и за тот якутцкой скот, что оне имали, на собя переводили, и он Трифон с товарыщи платил в казну больше шти сороков собольми окроме лисиц, // некорисными собольми потому, что он Михайло Семеновичь взял с тех служилых людей по 5-ти руб. за отпуск, что их отпустил для ради ясаку и для ради своей добычи оприче тово, что оне приежжают из якутов и привозят ему быки и коровы и собольми и лисицами потому у них и емлет собольми некорисными; да он же Трифон с товарыщи стал у лутшева кнезца у Едейкова брата у Юргина у нево стал за старые годы недоплатного ясаку прошать, и тот якут лучей князец тово де Трифона испугался и побежал в улус свой; и он де Трифон с товарыщи тово якута поймал и стали бить; и тот де якут у них ушел в юрту, и Трифонов товарышь солдат стал к юрте приступать и юрту де стал ломать; и тот де якут князец тово солдата // пальмою в ногу уколол несамобольно; и видит де тот Трифон, что тово солдата тот якут поколол, и он де

Трифон с товарыщи стал к юрте приступать, и тот де якут сам из юрты вышел и тово де он Трифон якута стал бить; и тово якута оне служилые в Якутцкой острог привезли к Михайлу Семеновичю; и тово якута лутчего кнезца в тюрьму посадил, приезжал ево брат Едейко бить челом о брате своем, чтобы Михайло Семеновичь послал опрошать кроме Трифона с товарыщи иных служилых людей, как у них драка сталась, и он Михайло Семеновичь тому якуту Едейку сказал: поедь де ты домой, и яз де за тобою пошлю опрошать служилых людей. И он Едейко домой поехал; и он Михайло Семеновичь за тем якутом опрашивать служилых людей не послал, а тово якута лутчево князца повесил нынешнего 166-го году апреля в 20 день; и как Трифон с товарыщи приносил в приказ соболи и лисицы, что оне имали у якутов за ясак скот за собя Трифон с товарыщи взял на собя Трифон с товарыщи написал больши шти сороков кроме лисиц; и тот Трифон принес за тот скот соболи за тех якутов некорисные и видели ясачные якуты, что де Трифон с товарыщи платил за тот скот соболи некорисными; а мы де даем // государю соболи добрые, меньше де рубля не платим, а будет де у коего якута соболя нет и он платит за соболя по рублю, а буде кой якут принесет соболя некорисново в полтину и больши, и тово де у них соболя за соболя не возьмет, распорет его по пупку и отдаст ему назад: и оне якуты на Михайла Семеновича судачать, что де прежние воеводы у нас ясак имали без выбору и соболей у нас не парывали, имали с промыслу каково бог даст по государеве участи, промышляем де мы без выбору, мы де и так до конца погибли от накладного ясаку потому, что Михайлу Семеновичю Трифон друг потому ево на Амгу и на Тату послал, что Михайло Семенович на ево имя Трифонова кабалы пишет на всяких людей; и кои башлыки пошли на Собачью и по стороным рекам и по зимовьям и кои за казною к Москве служилых, то все кабалы другой на ево имя пишет, и то все Михайла Семеновича умышленьем, где столько у Трифона живота взелось, торги ли у него или какие большие промыслы; знают Трифона в Якутцком многие люди, что у нево столько живота не бывало; а ноне у Трифона живота очютилося много, потому что оне с Михайлом Семеновичем нашу братью торговых // и промышленых и служивых до конца потубили, и государеву заочную вотчину до конца победили. Да он же Михайло Семеновичь, коих служилых посылает по улусам якутцким для ради государева ясачного сбору, с них емлет накупы рублев по 5-ти с человека; и оне служилые люди за тот его долг за отпуск и оне ему Михайлу Семеновичю быками и коровами и собольми и лисицами платят, и он Михайло Семеновичь збирает с тех служилых на зиму скотин по 50-т и больши. Да он же Михайло Семеновичь судит якутов о кражех и о убойствах; и оне якуты лутчие князцы тяжутся промеж собя и ищут скотин по 10-ти и по 40-ку и больше, друх на друге ищут; и от тех их судов емлет, и от тяжб, скотин по 10-ти и больши; и от тех якутов наживает Михайло Семеновичь на год скотин по 200 быков и коров; и он Михайло Семеновичь тот скот на зиму бьет скотин по 100-у и по полтора; и тот скот велит // дворецким своим Любиму да Ондрею по полтине пуд в долг продавать, служивым в кабалы до жалованья их давать, и он тот скот зимою служилым весь роздаст в кабалы до жалованья, и как придет срок, как станут давать государево жалованье тем казакам, и он Михайло Семеновичь пошлет своих людей с шапками, Любима дворецкого, и тот Любим мимо их служилых за тот скот деньги берет; да он же Михайло Семеновичь отдаст служивым быки добрые кои ходят на службу по рекам по Вилюю, и по Мае, и по Олекме, и в Жыганы и по иным сторонным рекам; и за те быки емлет рублев по 10-ти за быка всякого; и за те быки ему Михайлу Семеновичю приежжают службы и платят ему собольми и деньгами. Он же Михайло Семеновичь призывает к собе на пир детей боярских и сотников и пятидесятников и десятников и торговых; и как их напоит и станет смущать, чтоб оне пьяные люди дрались, тесаками деревянными рубятца и меж собою велит им бороды драть; и Семен подьячей Аврамов голове таможенному голову прорубил, и тот голова Андрей Кордюков одва не умер, лежал недель больши 10-ти; а толмачь Кузьма // да Григорей Кривогорницын и оне меж собою бороды выдрали до волоска; и оне, которые меж собою дерутца, и оне меж собою тяжутся, и он им меж собою даст суд, и он в том себе корысть получает;

да он же Михайло Семенович научил служилого Петрушку Паутова у десятника у Кондратья Кобылы бороду выдрать и он Петрушка у тово Кондратья бороду выдрал; да тот же Петрушка стал драть бороду у Михайла Холкина по ево же Михайлову научению; и он Михайло Холкин у Михайла Семеновича в горнице зашиб ево Петрушку в голову кулаком, и он Петрушка упал назад и ударился о пол головою и от тово удару в то время умер, и у того Петрушки было 3 сорока соболей ламских да шуба добрая соболья, и то он Михайло Семенович себе взял, соболи и шубу. Да он же Михайло Семенович послал к Москве с людьми своими с Васильем Чаевским да с Иваном Микитиным кабалы на торговых и на служивых: на Михайла Кондакова в 500-х руб., да на Офоньку Коноплина в 1000-че руб., на сотника стрелецкого да на Матвея Ярыгина с товарищи в 300-х в 70-ти в 5-ти руб., на Матвея же с Орхипом во 100 руб., да служивых, кои идут за казною государевою к Москве, по 10-ти руб. на человека кабалы; а те кабалы опроче Михайла Кондакова // да Офоньки Коноплина давано от отпусков Михайлу Семеновичю, а те ево Михайловы люди многие кабалы провезли, а те кабалы писаны на Трифоново имя сына боярского, бутто у тово Трифона займывали; ничево не бывало. Что есть у Михайла Семеновича живота его дома, сколько сороков соболей и сколько шуб собольих пластинных и побоченных и пупчатых и лапчатых и горностальих и лисьих и сколько тысящ руб. денег, то все знают ево люди Любимка Овдокимов, Софонко Иванов, Митька Чаевской, Панфилко Андреев, Стенька Суслик, Иван Еремиев, Андрей Петров; и оне те люди знают у Михайла Семеновича знают, сколько сороков соболей и сколько шуб всяких и сколь тысящ руб. денег и кому, что оддал Михайло Семенович в долги или с кем к Русе послал, то все оне знают и ведают, потому что Иван Еремиев, да Любим, да Ондрей Петров и оне живут по годом дворецкими, а Софон и Дмитрей Чаевской те ходят в стряпне, а Панфилко и Стенька Суслик те живут у казны, потому оне все и знают, кроме их Михайла Семеновича живота его нихто не знает; да знает то голова таможенной Андрей Кордюков да подьячей Иван Давыдов, кому что отдал Михайло Семенович соболей // торговым или служилым или целовальником, и то все знает голова таможенной да подьячей, потому что оне вместе с Михайлом Семеновичем к Москве отпущали, что тот голова с подьячим очищают и отпущают к Москве Михайловы соболи и шубы, во всю 5 лет много их плутовства; очистили оне Михайловы соболи 20 сороков соболей да отпустили с Офонькою Коноплиным; да оне же очистили Прокопью Аминеву 57 пуд кости рыбья зубу; сами оне знают, что де нет у Прокофья и у Офоньки, в записке с Руси ничево не бывало, и оне то зделали плутовством; да оне же голова с подьячим очистили дьяку Федору Васильевичу 25 сороков соболей да 90 сороков пупков; знают оне и сами, что очищают промышленого Григорья боярина князя Бориса Александровича Репнина крестьянина, с Руси в записке у нево ничево не было, и то зделано плутовством же; а тово яз не знаю, что тот голова и подьячей с купли оне емлют с Михайла Семеновича, или боючися его соболи ему очищают, того не знаю.

На обороте: К сей скаске торговой человек Никитка Агапитов сын Малахов ярославец руку приложил.

К. 184, столб. 7 на 33 сставах; сст. 1—33. Начало утрачено.

23. *1658 г. — Ценовная роспись мягкой рухляди, полученной якутским воеводой Михаилом Лодыженским и дьяком Федором Тонково «в почесть» от служилых, торговых и промышленных людей.*

Роспись ценовая мяхкой рухляди стольника и воеводы Михаила Семеновича Лодыженского да дьяка Федора Тонково подворенных поминков, что им приносили в почесть порознь на двор в Якутцком остроге для государева царева и великого князя Алексея Михайловича [т.] величества Якутцкого острогу служилые и приезжие торговые и промышленные люди, и тое мяхкую рухлядь розбирали торговые и промышленые люди в сороки и ценили, а по оценке той рухляди порознь цена. Стольника и воеводы Михайла Семеновича Лодыженского: 40 соболей с хвосты, цена 450 руб.; 40 соболей с хвосты, в том числе 2 соболи без хвостов, цена 340 руб.; 2 сорока соболей с хвосты, цена по 300 руб. сорок; 2 сорока

соболей с хвосты, цена по 270 руб. сорок; 40 соболей с хвосты, цена 220 руб.; 2 сорока соболей с хвосты цена по 200 руб. сорок; // 7 сороков соболей с хвосты, цена по 180 руб. сорок; 6 сороков соболей с хвосты, цена по 150 руб. сорок; 3 сорока соболей с хвосты, цена по 130 руб. сорок; 5 сороков соболей с хвосты, цена по 100 руб. сорок; 2 сорока соболей с хвосты, цена по 70 руб. сорок; 4 сорока соболей с хвосты, цена по 50 руб. сорок; 4 сорока соболей с хвосты ,в том числе в одном сороку 29 соболей без хвостов, цена по 40 руб. сорок; да 40 сороков пупков собольих, цена по 3 руб. с полтиною сорок, итого 140 руб.; 2 лисицы чернобурых с лапы и с хвосты, цена по 8 руб. лисица; лисица чернобурая с лапы и с хвостом, цена 2 руб. с полтиною. И всего тем соболям и пупкам и лисицам цена 6258 руб. 16 алт. 4 д. Дьяка Федора Тонково: 40 соболей с хвосты, цена 200 руб.; 40 соболей с хвосты, цена 120 руб.; 40 соболей с хвосты, цена 100 руб. // 2 сорока соболей с хвосты, цена по 80 руб. сорок; 2 сорока соболей с хвосты, цена по 70 руб. сорок; 40 соболей с хвосты, цена 50 руб.; 2 сорока соболей с хвосты, цена по 40 руб. сорок. Всего тем соболям цена 850 руб.

На обороте многочисленные рукоприкладства.

К. 184, столб. 2 на 89 ставах; сст. 15—17. Датирована по смежным в столбце документам.

24. *1658—59 гг. — Отписка вновь назначенного якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова в Сибирской приказ о распросе приехавшего из Якутска в Енисейск сотника Матвея Ярыгина с товарищами о сменяемом якутском воеводе Михаиле Лодыженском и дьяке Федоре Тонково и об отсылке в Сибирский приказ их допросных речей.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] холопи твои Ивашко Большой Голенищев Кутузов, Ивашко Бородин челом бьют. По твоему великого государя указу и по наказу и по твоей великого государя грамоте ис Сибирского приказу за приписью дьяка Григорья Протопопова велено нам холопем твоим, приехав в Сибирь на великую реку Лену в Якутцкой острог, у стольника и воеводы у Михаила Лодыженскова да у дьяка у Федора Тонково переписать ленские их всякие нажитки, а переписав запечатать твоею великого государя печатью Якутцкого острогу и роспросить их Михайла и Федора порознь, для чего они Михайло и Федор твоею великого государя казною корыстовались и твои великого государя соболи в сороках ценят самою дорогою ценою и присылали к тебе великому государю из Якутцкого острогу перед присылками прежних воевод многим плоше, и для чего при них Михайле и Федоре // в Якутцком остроге твоим великого государя таможенным пошлинам перед зборы прошлых годов чинился недобор, и по чему в Якутцком своими товары и вином торговали, и сколько в котором году каких своих ленских пожитков и с кем имяны из Якутцкого они выслали к Русе, и кого имяны и тутошных Якутцкого острогу и приезжих и ясачных людей поимали они Михайло и Федор к себе во дворы в холопство, и сколько они своих каких товаров и вина и с кем имяны из Якутцкого посылали для продажи на деньги и для мены на соболи и на всякую рухлядь на Собачью реку и в иные места, и каким людем тое их товары и вино продавано, и по чему ведро того их вина продавали и сколько за то их вино и за товары взяли денег и соболей и всякой мяхкой рухляди и к ним Михайлу и Федору при//везли, и для чего они тутошным якутцким и приезжим и промышленым и ясачным людем чинили насильства и налоги, и сколько с кого чего насильством своим взяли в посулех, и хто имяны тутошные якутцкие руские и промышленые и ясачные люди при них из Якутцкого розбежались. И велено, государь, нам холопем твоим про них Михайла и Федора в Якутцком обыскать всяких чинов рускими людьми по святой христовой непорочной евангельской заповеди, а иноземцы по их вере. Да что они Михайло и Федор в роспросе порознь и на очной ставке сами на себя и что про них в обыску обыскные люди скажут, и нам холопем твоим те их речи велено записать и к тем их роспросным речам велено им Михайлу и Федору руки свои приложить да обыскным людем, которые грамоте умеют, самим руки свои приложить, а которые грамоте не умеют, и тем к своим речам велеть в свое место руки приложить отцем их духовным или друг за друга, хто кому верит, а ино//земцом по тому ж, хто какой

грамоте умеет, к обыскным своим речам руки свои приложить, а которые грамоте не умеют, и тем к обыскным своим речам велети знамена им свои приложить. Да тот сыск за их руками и с того сыска перечневую выписку за моею холопа твоего Ивашковою рукою Бородина велено прислать к тебе великому государю к Москве да о том отписать, а отписку и сыск и перечневую выписку велено подать в Сибирском приказе твоему государеву боярину князю Алексею Никитичю Трубецкому да дьяком Григорью Протопопову да Федору Иванову. И в нынешнем, государь, во 167-м году приехали мы холопи твои в Енисейской острог и из Якутцкого, государь, острогу в Енисейской острог приехали с твоею великого государя ленскою соболиною казною сотник Матвей Ярыгин да с ним целовальников и торговых людей и казаков 20 человек. И мы холопи твои того сотника Матвея Ярыгина и це//ловальников и торговых людей и казаков про стольника и воеводу про Михайла Лодыженского и про дьяка Федора Тонково роспрашивали порознь по святой евангельской христовой непорочной заповеди. Да нам же холопем твоим торговой человек ярославец Микитка Агапитов у роспросу на Михайла Лодыженского подал роспись за своею рукою. И мы холопи твои те их распросные речи, написав на список подлинно порознь по статьям, да к тем их роспросным речам велели им руки приложить. Да те их роспросные речи и роспись за их руками я холоп твой Ивашко Бородин за своею рукою послали к тебе великому государю к Москве Якутцкого острогу с служилым человеком с Корнилком Ванюковым да Енисейского острогу с служилым человеком з Богдашкою Харламовым и велели подать в Сибирском приказе твоему государеву боярину князю Алексею Никитичю Трубецкому да дьяку Григорью Протопопову да Федору Иванову.

К. 184, столб. 4 на 22 ставах; ст. 9—13. Распросные речи Никиты Агапитова напечатаны выше, под № 22.

25. *1659 г. ранее ноября 14. — Отписка сына боярского Ивана Ерастова из Колымского зимовья якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому о «воровстве» выпущенного из аманатов чукотского князца Миты и о необходимости иметь в Колымском зимовье запасы пороха и свинца.*

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] стольнику и воеводе Михаилу Семеновичю да дьяку Федору Васильевичю сын боярской Ивашко Ерастов челом бью. В прошлых во 164-м году, зимнею порою, за неделю до рождества христова, лутчей ковымской низовской князец Тимкуй призвал и поимал лутчево чюхотцкого князца Мита и отдал сыну боярскому Костянтину Стефанову в Нижнее ясашное зимовье в аманаты, и он Костянтин того Мита держал до весны, и оне чюхчи своими родами неотступно приезжали к ясачному зимовью, и он Костентин не спрошался с ковымскими низовскими лутчими князцы и того Мита отпустил, а взял в ево место робят: сказали ему, что де брат ево родной да брат сродной да сын ево робенок, не знать холопишка ли их, хто ли, знатков на них нет. И приехав он Мита осенью убил лутчево ясашного улусново мужика Ерма с сыном да с племянником, а оне Ермо шли з государевым ясаком в ясашное зимовье, и государевых 50 соболей взяли и увезли в свою землю на чухочью реку, а он Костентин на тех юкагирях государев ясак доправил, а к вам в Якутцкой острог ни о чем о том не писывал. Да в нынешнем во 167-м году на Кол[ыме] реке у Нижнего ясашного зимовья неясашные иноземцы чюкчи, он же Мито, своровали, до смерти Якутцкого острогу служилых людей на рыбной ловли побили, служилого человека Ивана Савина Ячменева да служилого ж человека Федота Матвеева, а иных служилых людей Ивана Перфирьева, Василья Ошуркова да охочево служилого человека Фильку Севастьянова переранили. И в нынешнем же во 167-м году июля в 8 день собрал я Ивашко на Колыме реке на нижней ярманке Якутцкого острогу служилых и охочих людей 19 человек да инсземцов ясашных юкагирей полтораста человек и послал на государеву службу на тех неясашных убойцов и воровских иноземцов на чюхочь в поход с огненным и лучным боем, а поднимал я Ивашко на ту государеву службу своим порох и свинец, оружье и запас давал свои; порох покупал по 5-ти руб. фунт и больши, а свинец по 2 руб., а запас муку по 3 руб. за пуд. А зде

на Колыме реке в государеве казне и у служилых, у торговых и у промышленых людей пороху и свинцу нет ни фунта, а прилегли многие немирные землицы и неясачные иноземцы, чюхчи и коряки и ходынцы, и оберечися от них нечем, а здесь на Колыме реке надобно в государеве казне лежало б для обережи зимовьям пуд пороху да 2 пуда свинцу. И вы о том как укажете.

На обороте: Государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] стольнику и воеводе Михаилу Семеновичю да дьяку Федору Васильевичю.

168-го году ноября в 14 день подал отписку промышленой человек Ивашко Кисельников.

К. 184, столб. 10 на 52 ставах; ст. 20.

26. *1661 г. не ранее июля 8.— Отписка якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова в Сибирский приказ о привозе амурскими служилыми людьми Яковом Парфеньевым с товарищами ясака, собранного ими на реке Зие с «богодонских людей».*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] холоп твой Ивашко Большой Голенищев-Кутузов челом бьет. В нынешнем, великий государь, во 169-м году июля в 8 день пришли ко мне холопу твоему с Амура реки амурские служилые люди Якунька Парфенов да Елизарко Семенов с товарыщи 56 человек, а с собою привезли, что у них осталось от погрому богдонских людей, что они собрали на Зие реке с ыноземцов на тебя великого государя ясаку и поминков в прошлом во 168-м и в нынешнем во 169-м годех 8 сороков 14 соболей и недособолей да 8 сороков 14 пупков собольих да бабр, цена соболям и пупкам, опричь бабра, 70 руб. 20 алт. 2 д. И я холоп твой ту твою великого государя соболиную казну сь якутцкою соболиною казною, оценя и положа в сумы, послал к тебе великому государю к Москве. Да те ж, великий государь, амурские служилые люди били челом тебе великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю [т.], а мне холопу твоему в Якутцком остроге в съезжей избе Якунька Парфеньев да Елизарко Семенов с товарыщи подали челобитную о службе своей к тебе великому государю, и я холоп твой тое их челобитную послал к тебе великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] к Москве под сею отпискою.

К. 201, столб. 11 на 39 ставах; ст. 1.

27. *1663 г. июня 3.— Наказная память якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова тюремным целовальникам Семену Брусенкину и Фоме Кондратьеву о правилах содержания «тюремных сидельцов».*

Лета 7171-го году июня в 3 день по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] память тюремным целовальником десятнику Сеньке Брусенкину да Фомке Кондратьеву да с ними сторожи тюремные Харька Беляй, Данилко Коростел. Быти им у тюрьмы и беречь накрепко тюремных сидельцов в день и в ночь, чтобы они тюремные сидельцы тюрьмы не подрезали, из тюрьмы бы оне никуда не ходили. А как учнут в мир ходить, и им выпускать для милостыни седельцов тюремных, которые сидят не в больших делах по переменам, а которые сидят в больших делах и тех сидельцов из тюрьмы без ведома стольника и воеводы Ивана Федоровича Большово Голенищева-Кутузова не выпускать, а выпускать в чепи или сковав по ноге, а за ними ходить сторожам по переменам, и никого в ночь и в день тайным обычаем к тюрьмам не припускать. А буде хто принесет кому в тюрьму милостыню, или хто похочет ково тюремново сидельца накормить и в тюрьму принесть, и тем людем, явяся целовальником и сторожам, приходить в тюрьму, а будет которые люди учнут тайным обычаем приходить в тюрьму, не явяся целовальником и сторожам тайным обычаем, и тех людей имать и приводить в съезжую избу. А однолично по сей наказной памяти беречь тюремных сидельцов накрепко с великим береженьем. А будет вашим нераденьем и небереженьем хто из тюрьмы уйдет, и вам целовальником и сторожам быть от великого государя в жестоком наказанье и в смертной казни. И тово б вам смотреть накрепко, чтоб отнюдь из тюрьмы писем никаких не писали и никто б у них писем не принимал и чернил и бумаги

в тюрьме не держать, а держать чернила и бумага вам целовальником у себя. Кому будет о каком деле написать челобитная, и оне б те челобитные писали при вас целовальниках, а без вас бы не писали, а будет из тюрьмы объявитца какие воровские письма, или чернила и бумага в тюрьме будет, и вам быть от великого государя по тому же в жестоком наказанье.

К. 201, столб. 20 на 93 сставах; сст. 16.

28. *1664 г. не ранее мая 26. — Отписка якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова в Сибирский приказ о желании нерчинских, иргенских и теленбинских тунгусов перейти в русское подданство и о невозможности усилить гарнизоны местных острожков из за недосылки хлеба из Илимского острога.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] холоп твой Ивашко Большой Голенищев-Кутузов челом бьет. В нынешнем, великий государь, во 172-м году маия в 26 день писал ко мне холопу твоему Ларион Толбузин, а в отписке ево написано, велено де ему писать ко мне холопу твоему в Якутцкой о прибавочных служилых людех: в нынешнем де во 172-м году под Нерчинским и под Ыргинским и под Теленбинским острогами живут ясачные тунгусы конные, прикочевали внове. А прежде сего те тунгусы тебе великому государю ясак не плачивали, а ныне де ясак дали и хотят быть под твоею великого государя царьскою высокою рукою до веку неотступны. А приезжают де под остроги мунгальские люди человек по 30-ти и по 40-ку, и емлют де с них ясачных людей ясак на мунгальского царевича сильно. И те де ясачные тунгусы бьют челом тебе великому государю и просят на мунгальских людей обороны, а ему де ясачных людей от мунгал оборонить некем, потому что у него в 3-х острогах служилых людей только 46 человек, от мунгальских людей сидят в осаде, помирают голодною смертью. И мне бы де холопу твоему по твоему великого государя указу прислать прибавочных служилых людей в Нерчинской и в Ыргинской и в Теленбинской остроги наскоро, чтоб над острогами от мунгальских людей какое дурно не учинилось. Да ему ж де Лариону учинилось ведомо от ясачных тунгусов, // что де будут под остроги войною тубутдутцкие люди. И мне, великий государь, из Якутцкого острогу служилых людей послать не с чем, потому что Илимсково острогу воевода Лаврентей Обухов твоих великого государя хлебных запасов прислал только в четверть окладов. И я холоп твой, не хотя твоих великого государя служеб поставить, взял на тебя великого государя у торговых людей с великою нужею 600 пуд муки ржаной. И тем хлебом я холоп твой отпустил с великою нужею на твои великого государя двоегодные службы за море на Анандырь реку и на Охоту в острожек. А дал им твоего великого государева жалованья только на 1 год. А иным, государь, служилым людям, которые остались за теми службами в посылке в дальные и в ближные службы, и тех, великий государь, служилых людей отпущаю з большою ж нужею, емлючи у торговых и у всяких жилетцких людей. И только, великий государь, у Лариона Толбузина в тех острогах какое дурно учинитца, мунгальские и табутдуцкие люди остроги возьмут или, великий государь, Якутцкого уезду в розных зимовьях для хлебной скудости в недосылке хлебных запасов с Ылимского волоку от воеводы от Лаврентья Обухова учинитца в твоем великого государя ясаку недобор, и то, великий государь, учинитца не от меня холопа твоего, а учинитца то все от недосылки хлебных запасов с Ленского волоку Лаврентья Обухова.

К. 202, столб. 4 на 5 сставах; сст. 3—4.

29. *1665 г. июля 21. — Наказная память якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова сыну боярскому Кузьме Лошакову о посылке его в Зашиверский острог на смену сыну боярскому Андрею Булыгину и о расследовании злоупотреблений последнего.*

Лета 7173-го июля в 21 день по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] и государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича [т.] и государя благоверного царевича и великого князя Федора Алексеевича [т.] и по приказу стольника и воеводы Ивана Федо-

ровича Большово Голенищева-Кутузова память Якуцкого острогу сыну боярскому Кузьме Лошакову. Итти ему великих государей на службу на Индигирку реку для того, что в нынешнем во 173-м году били челом великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] и государю благоверному царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю [т.] и государю благоверному царевичю и великому князю Федору Алексеевичю [т.] торговые и промышленые люди Микитка Ворыпаев с товарыщи 24 человека и прислали с Индигирки реки в Якутцкой челобитную за своими руками с сотником казачьим с Амосом Михайловым на сына боярского на Андрея Булыгина. А в той их челобитной написано: в прошлом де во 172 и в нынешнем во 173 годех тот Андрей их торговых и промышленых людей изгоняет и всякими обидами обидит и своими бездельными приметами к них приметываетца и своими руками бьет их на смерть и батогами бьет нещадно для своей бездельной корысти и кабалы намучивает и вино курит и пиво варит и продает то вино в чарки, а пиво в ведра; да индигирские юкагири в том им торговым и промышленым людям // на него Андрея в своих обидах извещали, что де он же Андрей всякими обидами их обидит и приметываетца своими бездельными приметы и побрал у них юкагирей всякие последние животишка и олени, и ясаку де им промышлять не на чем и жить де им стало не мошно; и чтоб великие государи пожаловали их торговых и промышленых людей и иноземцов, велели на Индигирке реке про ево Андреевы всякие к ним налоги и обиды и бездельные приметы сыскать ими ж торговыми и промышлеными людьми и ясачными юкагири. И по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] и государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича [т.] и государя благоверного царевича и великого князя Федора Алексеевича [т.], приехав тебе на Индигирку реку, сыскать служилыми и торговыми и промышлеными людьми по святой непорочной евангельской заповеди господни и ясачными юкагири по их вере по шерти: Андрей Булыгин, будучи на Индигирке реке, торговым и промышленым людем и ясачным юкагирем изгони и всякие обиды чинил ли, и своими бездельными приметами к ним приметывался ли, и своими руками бил ли ково на смерть и батоги бил ли нещадно для своей бездельной корысти, и кабалы на ково намучил ли, и вино курил ли и пива варил ли и вино в чарки и пиво в ведра продавал ли, и у ясачных же юкагирей олени сильно имал ли. Да хто что в сыску скажет, и ты б те их речи велел писать на роспись порознь статьями имянно и велел им к тем своим речам руским людем, которые в грамоте умеют, прикладывать руки самим, а которые в грамоте не умеют, и в их места велел руки прикладывать кому они обыскные люди велят в свое место приложить, а ясачным юкагирем велел прикладывать знамена свои. И тот сыск за обыскных людей руками и за иноземскими знамени и за своею рукою прислать и о том отписать в Якуцкой острог с кем пригоже и велеть ту отписку и сыск подать в съезжей избе стольнику и воеводе Ивану Федоровичю Большому Голенищеву-//Кутузову. Да тебе ж Козьме допросить янских и хромовских юкагирей, которые в прошлом во 171 году на Яне реке великому государю изменили и в нынешнем во 173 году на Индигирку пришли и вину свою великому государю принесли и ясак платили Тимюк с товарыщи, сколько они с себя и за родников своих великих государей ясаку на нынешней на 173 год сыну боярскому Андрею Булыгину принесли. И допрося, те их речи написать на роспись и велеть им знамена свои приложить и те их речи за их знамены прислать в Якутцкой. А самому тебе Кузьме с Индигирки реки итти в Зашиверской острожек. И пришед в острожек, принять тебе у сына боярского у Андрея Булыгина Зашиверской острожек и в том острожке ясачное зимовье и служилых людей и аманатов налицо по росписи и ясачные сборные и приправочные книги и великих государей в казне всякие товары и суды и судовые снасти. А сколько чево налицо примешь, и в том с ним Андреем росписатца. Да тебе ж принять у него ж Андрея прежняя наказная память и великих государей ясачной сбор сбирать и всякие дела делать по тому наказу. А кто имяны служилых людей с тобою в Зашиверской острожек посланы, и тому роспись под сею памятью. Да в нынешнем во 173-м году били челом великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю [т.]

и государю благоверному царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю [т.] и государю благоверному царевичю и великому князю Федору Алексеевичю [т.] Подшиверного ясачного зимовья ясачные юкагири Щербачко з братом Волотомановы дети да Шелыга Шаманов и прислали в Якутцкой челобитную за своими знамены на промышленого человека на Пятунку Миронова. А в челобитной их написано: были де они Щербачко з братом ему Пятку должны в порушных в 4-х соболях, а держали поруку по ясачном же юкагире по Кручинке, и они ево Пятка боячись дали ему соболя доброво, а взял тово соболя за 4 соболя, а дали они за того соболя оленя доброво ясачному ж юкагирю; да он же Пятунка сверх того пригрозя почол на них 3 соболи, да и вперед де им угрожает неведомо чем; и они де, боячись ево гроз, великих государей с ясаком к ясачному зимовью приходить // не смеют; а у Шелыги де отнял он же Пятунка сестру ево, а живота за нее никакова ему не дал, и держав тут сестру ево продал промышленому человеку Сидорку Григорьеву, а взял за нее 40 соболей. И по указу великих государей взять тебе у того Пятка того соболя, которого он взял у Щербака за 4 соболи, и прислать в Якуцкой с кем пригоже. А за девку, что он взял у Шелыги и продал промышленому человеку Сидорку Григорьиву, а цены за нее ему Шелыге не дал, доправя за нее 40 соболей, отдать ему Шелыге для того, чтоб на то смотря им неповадно было сильно имать девок, а цены за них не платить. А буде та девка некрещена, и ты б, взяв ее у того Сидорка, отдал ему Шелыге. А ево Пятка выслать тебе в Якуцкой тотчас великих государей в деле за приставом и велеть приставу ево весть дорогою в крепи, чтоб он з дороги никуда не ушел и над приставом какова дурна не учинил. И приехав тому приставу в Якуцкой, велел ево Пятка объявить в съезжей избе стольнику и воеводе Ивану Федоровичю Большому Голенищеву-Кутузову. Да тебе ж Кузьме принять во 174-м году апреля в 4 день у индигирского таможенного целовальника у Терешки Черепана великих государей в казне всякие таможенные дела и указные памяти, которые из Якуцкого посыланы прежним целовальником, и ево Терешкиных зборных таможенных и десятинных соболиных и денежных книг списки за ево Терешкиною рукою, и те книги держать великих государей в казне для примеру таможенного збору. Да тебе ж принять у него Терешки наказную память великих государей за печатью и за рукою стольника и воеводы Ивана Федоровича Большово Голенищева-Кутузова, и великих государей таможенные пошлины збирать и всякие таможенные дела делать по тому наказу до иново целовальника. И как будет прислан иной целовальник, а сколько чево налицо примешь, и в том во всем с ним Терешкою росписатца и росписной список за своею рукою прислать в Якутцкой тотчас с кем пригоже. А росписався, через гору выслать ево Терешку великих государей с соболиною и з денежною казною ево збору и книгами в Якутцкой острог и о том отписать, а отписку велеть подать и ему Терешке явитца в съезжей избе стольнику и воеводе Ивану Федоровичю Большому Голенищеву-Кутузову.

К. 202, столб. 10 на 95 сставах; ст. 36—40.

30. *1678 г. не позже августа 4. — Челобитная казачьего десятника Михаила Колесова о зачислении его в пятидесятники за его «службы, за кровь и за раны».*

Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичю [т.] бьет челом холоп твой десятничишко казачей Мишка Колесов. В прошлых, великий государь, годех служил я холоп твой блаженные памяти отцу твоему государеву великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю [т]. В прошлом, великий государь, во 160-м году посылан я холоп твой из Якутцкого острогу на Индигирку реку в Уяндинское зимовье с приказным человеком с Васильем Бурлаком. И будучи в том зимовье я холоп твой ваш великого государя ясак с ним Васильем с ыноземцов збирал и караулы караулил и всякую службу со своей братьей служил. И в прошлом же, великий государь, во 162-м году Зашиверского острошку с приказным человеком с Ондреем Горелым на неясачных на немирных иноземцов на ламутов, на Ляузеня и на родников ево с ним Ондреем в поход я холоп твой ходил и с ними бился, и на том бою я холоп твой ранен в лоб. И божиею милостию и вашим великих государей счастием того Ляузеня и родников ево погромили и ево Ляузеня поимали и в аманаты вместо

ево взяли сына ево Лабуту. И с тех ламутцких людей ваш великих государей ясак в Зашиверском острошке и по се число збираетца. Да в прошлом же, великий государь, во 167-м году из Якутцкого острогу стольник и воевода Михайло Лодыженской посылал меня холопа твоего вь Якутцкую в Мегинскую волость для вашего великих государей недоборного ясаку, и недоборной ясак в той в Мегинской волосте сь якутов я холоп твой збирал. Да в той же в Мегинской и Сылянской волостях приискал я холоп твой вновь захребетников неясачных якутов 20 //человек и с них взял на вас великих государей ясаку собольми и лисицами. Да в прошлом же, великий государь, во 168-м году стольник и воевода Иван Голенищев-Кутузов из Якутцкого острогу послал меня холопа твоего на вашу великих государей службу на Ковыму реку с приказным человеком с сыном боярским со Вторым Катаевым. И пришед на Ковыму в Середнее зимовье, он Второй послал меня холопа твоего в Ковымское в Нижное зимовье для вашего великих государей ясачного збору. И будучи в Ковымском в Нижнем зимовье я холоп твой вам великим государем служил и с иноземцов сь юкагирей ваш великих государей ясак на 170-й и на 171-й годы да за иные за прошлые годы 34 соболи собрал. И в том же во 170-м году неясачные люди чюхчи Ковымское Нижное ясачное зимовье обсадили и ясачных юкагирей и служилых людей на рыбных ловлях учали побивать. И приказной сын боярской Второй Катаев посылал меня холопа твоего с служилыми людьми на тех воровских неясачных чюхоч, и я холоп твой на тех чюхоч ходил в поход и тех чюхоч побили и ясачное зимовье о[т]стояли, а на том бою меня холопа твоего ранили в правую ногу в колено. И в том же, государь, во 170-м году на Ковыму реку под Верхнее ясачное зимовье весною подошли немирные иноземцы неясачные ламутки и по промыслам промышленых людей побивали и ватащика Офонасья Бакшенцу убили со всею ватагою. И приказной человек Второй Катаев посылал меня холопа твоего на тех воровских на неясачных ламутов, а со мною холопом твоим посылал служилого человека Ивана Ермолина да промышленых людей 20 человек. И я холоп твой на тех ламутов в поход ходил и вам великим государем служил и с ними бился, и на том бою меня холопа твоего ранили, прострелили у ноги берцо. И божиею милостию и вашим великих государей счастием тех ламутцких иноземцов // побили, и на том бою взяли в аманаты лутчего ламутцкого тунгуса имянем Иркынея, и ясак с тех ламутцких иноземцов в том в Ковымском в Верхнем зимовье и по се число под аманатов збираетца по 40-у соболей. Да в прошлом же, великий государь, во 173-м году стольник и воевода Иван Голенищев-Кутузов послал меня холопа твоего из Якутцкого острогу через гору на Индигирку и на Алазейку и на Ковыму реки [с] сыном боярским с Ываном Хвостовым для вашей великих государей пятой деньги ратным служилым людем на ваше великого государя жалованье. И будучи на тех реках той пятой деньги собрали мы 200 руб. денег да за деньги 24 сорока соболей. Да в прошлом же, великий государь, во 178-м году с Ковымы реки приказной человек пятидесятник казачей Петр Оксентьев послал меня холопа твоего в Якутцкой острог збору Ковымского Верхнего и Середнего зимовей с вашею великих государей с соболиною казною, а той соболиной казны // было 10 сороков и с прибылью. И божиею волею, морем идучи, взял замороз, и тое вашу великих государей казну до Янского зимовья на нартах я холоп твой довез и жил до великого посту, ел сосну и траву. И под тое вашу великих государей казну нанял я холоп твой иноземцов юкагирей с оленьми, а дал им 12 соболей своих за провоз. И ту вашу великих государей казну на оленях с Яны Нижнего зимовья я холоп твой через гору вывез в Жиганы. А преж того руские люди через тот камень нихто не бывал. И в прошлом во 179-м году из Жиган ту вашу великих государей казну я холоп твой привез вь Якутцкой острог в целости. Милосердый государь царь и великий князь Феодор Алексеевичь [т], пожалуй меня холопа своего вели, великий государь, за те мои к вам великим государем службы и за кровь и за раны приверстать меня холопа твоего в пятидесятничишка на выбылое место. Царь государь, смилуйся.

Помета: 186-го августа в 4 день выписать.

К. 213, столб. 21 на 248 ставах; ст. 238—241.

31. *1679 г. не позже марта 6. — Челобитная ясачных якутов Меицкой и Мальягарской волостей Сергушки Тетнуева и Оночки Торева «с родниками» о расследовании злоупотреблений олекминского приказного человека Григория Пущина.*

Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичу [т.] бьют челом холопи твои Олекминского острошку ясачные якуты Меицкой волости Сергушко Тетнуев да Мальягарской волости Оночко Торев со всеми своими родниками, кои тебе великому государю ясак платят в Олекминском острошке, на приказного человека на сына боярскова на Григорья Федорова сына Пущина в том, что будучи он Григорей на приказе в Олекминском острошке на приказе, чинил нам холопям твоим изгони и налоги всякие и для своей бездельные корысти бил и в железа сажал. А бить челом тебе великому государю он Григорей родников наших в Якутцкой острог не отпущает, а челобитных писать на Олекме родникам нашим на него Григорья некому. Милосердый государь царь и великий князь Феодор Алексеевич [т.] пожалуй нас холопей своих вели, государь, про те ево Григорьевы налоги и обиды сыскать кому ты, государь, укажешь. А кому которая изгоня родникам нашим была, и оне будут тебе великому государю бить челом и подавать челобитные сыщику. Царь государь, смилуйся.

Помета: 187-го марта в 6 день по указу великого государя сыскать про[тив] челобитья сыну боярскому Матвею Срыгину и дать ему о том память.

К. 214, столб. 13 на 38 ставах; ст. 1.

32. *1679—80 гг. — Челобитная верхнеколымских ясачных юкагир Глухого Начычина брата с товарищами якутскому воеводе Фоме Бибикову о снятии с них ясака за освобожденного за их порукою из аманатов юкагира Третьякова брата Лисицына, ушедшего со своими «родниками» к неясачным юкагирам.*

Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичу [т.] бьют челом холопи твои Ковыми реки Верхного Ковымского ясачного зимовья ясачные каменные юкагири Глухой Накычин брат да Каманди Волчухин да Заварза Киттеги Боботунова брат да Егиря да Шанга Синезубовы в том: в прошлом, великий государь, во 185-м году был на Ковыме реке приказным человеком пятидесятник казачей Гарасим Цыпандин и выпустил из казенки аманата Третьякова брата Лисицына, а в аманаты ево Третьякова брата посадил по нашему словесному челобитью сын боярской Петр Ярышкин. И он Герасим от того амана[та] с Третьяка Лисицы от выпуску себе взял 6 соболей. И как он Герасим с него Третьяка взял 6 соболей и того аманата выпустил, и велел он Герасим нам холопем твоим Глухому и Кеманди Волчихину и брату моему Заварзину Килтеге Боботунову держать поруку по нем Третьяке Лисице, чтобы ему Третьяку платить великого государя ясак за порукою без аманата. И мы холопи твои по нем Третьяке держали поруку по их Герасимову веленью. А преж сего он Третьяк к ясачному зимовью ходил и под того аманата тебе великому государю платил ясаку в наш Глухово оклад по 2 соболя на год, а брат ево Третьяков да Сергей платили тебе великому государю ясаку в Егирин оклад по 4 соболя на год с человека, да Третьяков же брат платил тебе великому государю в Килтегин оклад Боботонова по 4 соболя на год. И он Третьяк с родниками своими к ясачному зимовью с ясаком не пошли в нынешнем во 188-м году и твоего государева ясаку не послал[и], остались и живут в чюванцах в неясачных. И на нас холопех твоих приказной человек пятидесятник казачий Михайло Колесов спрашивает за него Третьяка и за братей ево твоего великого государя ясаку на нынешней на 188-й [и] на 187-й годы. А нам холопем твоим за него Третьяка и за братей ево Третьяковых твоего великого государя ясаку платить нечем, обнищали и оленишки выпропали, а в суземьях соболей и не стало и промышлять соболей негде. Милосердый государь царь и великий князь Феодор Алексеевичь [т.], пожалуй нас холопей своих вели, великий государь, сию нашу челобитную приказному человеку пятидесятнику казачью Михаилу Колесову принять и послать под отпискою в Якутской острог к твоему государеву воеводе Фоме Ивановичю Бибикову подать в приказной избе, чтобы нам холо-

пем твоим в том их Третьякове и братей ево ясаку вконец не погинуть. Царь государь, смилуйся.

На обороте 5 юкагирских «знамен».

К. 215, столб. 5 на 41 ставе; ст. 38.

33. *1680 г. не ранее февраля 26. — Отписка якутского воеводы Фомы Бибикова енисейскому воеводе кн. Ивану Барятинскому о присылке из Енисейска денег и плотников для постройки нового острога в Якутске.*

Господину князю Ивану Петровичю Фома Бибиков челом бьет. В нынешнем во 188-м году февраля в 26 день в государеве цареве и великого князя Феодора Алексеевича [т.] грамоте писано ко мне: указал великий государь на Лене вь Якуцком делать город новой рубленой не в один год, а старой острог и надолбы и крепости починить якуцкими всяких чинов служилыми и жилецкими людьми, чтоб в том остроге жить было безстрашно. А делать новой город якуцкими ж служилыми и всяких чинов жилецкими людьми, а в прибавку взять вь Енисейску и в Ылимском. А где быть новому городу обыскать и описать подле посаду порозжее место, где пристойно, чтоб в крепких и в угожих местех и водою не подмывало. И на то городовое дело и на церковное строенье лес всякой промышлять якуцким жителем и енисейским и илимским плотником водяным и сухим путем, как пристойно, не в пашенное и деловое время, с великим раденьем, чтоб от того никаких чинов людем тягости и убытков и десятинной пашне недопашки и ясачному и всякому збору недобору не было. А город новой делать каков пристойно, смотря по тамошнему делу и не в один год. А к тому городовому делу взять плотников из служилых // и ис посацких людей кь якуцким служилым и посацким людем в прибавку из Енисейска 40, из Ылимского 20 человек не замотчав. А на то городовое строенье прислать из Енисейских доходов денег 300 руб., опричь тех денег, которые велено посылать на Лену по 3000 руб. на год, а те деньги давать енисейским и илимским плотником от того городового дела. А в Енисейску в Ылимском дати им плотником великого государя денежное и хлебное жалованье и соль для того городового дела впредь на 2 года по окладом их сполна. И вам бы, господа, о присылке для городового дела плотников учинить по указу великого государя.

К. 215, столб. 2 на 2 ставах; ст. 1—2.

34. *1681 г. не ранее марта 4 — Отписка якутского воеводы Ивана Бибикова енисейскому воеводе кн. Ивану Барятинскому о присылке из Енисейска кузнечных и бронных мастеров.*

. . . людей, кузнецов и бронников, вь Якутцком нет, ружья починить и вновь делать некому, а вь Енисейском остроге самопальных мастеров человек с 30. И во 178-м году послана великого государя грамота в Енисейск // к воеводе Кирилу Яковлеву, велено ему послать из Енисейска вь Якутцкой бронного да кузнечного дела мастеров 2 человек, которым бы кузнешное и бронное дело в обычай, тотчас. И в прошлом же во 181-м году маия в 19 день по указу великого государя и по грамоте послал он Кирила из Енисейска в Якутцкой острог бронного и кузнечного мастера Митьку Петрова с ленским служилым человеком с Максимком Мухоплевым со всем кузнечным заводом, собрав с ыных кузнецов в подмочь денег 7 руб., да на покормленье до Илимского острогу из государевы казны дано 6 пуд муки ржаной. И в том же во 181-м году июля в 24 день казак Максимко Мухоплев вь Якутцкой приехал, а бронного и кузнечного мастера Митьку Петрова с собою не привез, и в приказной избе перед воеводою перед князем Яковом Волконским он Максимко оказал: в прошлом де во 181-м году маия в 19 день воевода // Кирило Яковлев послал из Енисейска с ним Максимком в Якутцкой бронного и кузнечного мастера Митьку Петрова, а кузнечной завод он Митька послал из Енисейска наперед с ылимским посадцким человеком з Богдашкою Коломлетиным, и тот Митька с Ылимского волоку у него Максимка збежал неведомо куды. Да в прошлом же, господа, во 187-м году августа в 1-й день в государеве цареве и великого князя Феодора Алексеевича [т.] грамоте за приписью дьяка Савы Таркова писано воеводе Фоме

Бибикову да дьяку Мине Гробову: в прошлом де во 182-м году по указу блаженные памяти отца ево государева великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] велено в Томском, вь Енисейску и Томского розряду в городех, и на Лене вь Якутцком, в Ылимском, и в Даурах, и тех городов в уездах в острогах и в слободах, пушки и затинные пищали и мелкое ружье, которое попорчено, починить и пушки устроить все в станки, а которое мелкое ружье попорчено, а починить ево нельзя, и то ружье поделать снова тамошними городовыми кузнецы и бронными и иными мастеровыми людьми. А будет // где кузнецов и бронных мастеров нет, и для того дела по малой нуже присылать кузнецов и бронных мастеров из Енисейска и из ыных городов и острогов, и выучить в городех и острогах бронному и кузнещному делу учеников, взяв ис казачьих и и[з] стрелецких детей, и быть в городех и острогах новым кузнецом и бронным мастером сверх прежних из жалованных кузнецов и бронных мастеров по скольку человек доведетца. А покаместа учиники бронному и кузнешному делу учатца, и имь давать из казны великого государя корм тем, хто будет выучитца, по 4 д. человеку на день, или против того жь по торговой цене хлебом. А как те учиники бронному и кузнешному делу у присыльных и у тутошных кузнецов и бронных мастеров выучатца, и присыльных кузнецов и бронных мастеров отпустить в те в городы хто откуду взят, а учиником и прежним кузнецом и мастером ружье починивать и вновь делать с великим раденьем. А на то дело железо и уклад купить, а деньги давать из великого государя казны, чтоб пушек и затинных пищалей и мелково ружья попорченого и без кузнецов и бронных мастеров однолично нигде не было. А за то ружейное дело и починки вместо денежного и хлебного и соляного жалованья новым кузнецом // и бронным мастером у всяких чинов руских людей ружье починивать и вновь всякие бронные и кузнешные дела делать из найму, а оброков с них новых кузнецов и бронных мастеров с того их дела не имать, чтоб однолично пушки и затинные пищали и мелкое ружье и у всяких чинов служилых людей ружье их к службе было добро безо всякие оплошки. И из Енисейска, господа, против прежнего государева указу вь Якутцкой бронного и кузнечного дела мастеров 2 человека марта по 4 число нынешнего 189-го году не прислано. И в Якутцком, господа, кузнецов и бронных мастеров нет, подросков казачьих детей бронному и кузнешному мастерству учить неково. И вам бы, господа, о присылке вь Якутцкой о кузнецах и о бронных мастерах учинить по указу великого государя. А кого, господа, кузнешных и бронных мастеров ко мне вь Якутцкой пошлете и о том для ведома велеть ко мне отписать.

К. 215, столб. 18 на 88 сставах; сст. 1—5. Начало утрачено. Имена воевод устанавливаются на основании «Списка городовых воевод» А. Барсукова.

35. *1683 г. января 30. — Наказ генералу Матвею Осиповичу Кровкову о назначении его якутским воеводой.*

Лета 7191-го генваря в 30 день великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.] велели генералу Матвею Осиповичу Кровкову быть на своей великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] службе в Сибири на великой реке Лене в Якуцком стольника на Иваново место Приклонского. И воеводе Матвею Осиповичю ехать с Москвы нынешним зимним путем в Сибирь до Верхотурья, нигде ни за чем не мешкая. А приехав на Верхотурье взять по государеве грамоте у стольника и у воеводы у Михайла Толстово да у дьяка у Осипа Палицына под себя суды против прежних отпусков. // А взяв на Верхотурье суды, ехать в Тоболеск. А приехав в Тоболеск, взять у боярина и воеводы у князя Алексея Андреевича Голицына с товарыщи на ленские росходы на 3 годы для церковных обиходов 6 ведр вина церковного, 5 пуд ладану, 6 пуд воску, да для государевых служеб и посылок 90 пуд железа кричного доброго, 30 пуд зелья ручного, свинцу то ж, да для письма 60 стоп бумаги пищей, да на иноземские и ясачных людей росходы 100 ведр вина горячего, 20 пуд меду пресного, 8 половинок сукон летчинных, 15 пуд олова в блюдах и в торелях, 15 пуд меди в котлах и в тазех, одекую 15 пуд или сколько в Тобольску в государеве казне есть. А взяв запасы

и суды, и по подорожной на суды вместо подвод кормщика и гребцов, ехать ему Матвею Осиповичю ис Тобольска в Енисейск наспех, не мешкая нигде ни за чем, чтоб ему дойти до Маковского острожку // до заморозов задолго. А как он Матвей Осиповичь через Маковской волок в Енисейск перейдет, и ему взять в Енисейском у боярина и воеводы у князя Костянтина Осиповича Щербатово ленским ясачным людем и аманатом на корм хлебных запасов 100 чети муки ржаной, 20 чети муки овсяной, 20 чети солоду ржаного, 20 чети солоду ячного, 50 чети круп и толокна. А взяв те запасы и под запасы и под себя суды, на чом мочно поднятца, и на суды кормщика и гребцов, ехать из Енисейска до Ленского волоку. А приехав на Ленской волок, взяв суды, ехать с Ленского волока не мешкая Леною рекою в Якуцкой. Да из Енисейска ж и Енисейского уезду из острогов, ис которых мест ближе и податнее, велено посылать впредь по вся годы великих государей хлебных запасов ленским якуцким ясачным людем и аманатом на корм по 100-у по 50 чети муки ржаной, по 20-ти // чети круп и толокна на год с енисейскими служилыми людьми по вся годы безпереводно, не описываясь к великим государем о том ничем никоторыми делы. А приехав в Якуцкой, взять в приказной избе у стольника и воеводы у Ивана Приклонского великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] царства Сибирского Ленского Якуцкого острогу печать и острог и острожные ключи и на остроге наряд, а взяв, итти ему Матвею Осиповичю по острогу и пересмотрить всякого наряду. Да ему ж Матвею Осиповичю пересмотрить в государеве казне деньги и зелье и свинец и ядра и всякие пушечные и в государевых житницах хлебные и всякие запасы налицо, и велеть те хлебные запасы перемерить, а зелье и свинец перевесить, а деньги счесть перед собою имянно. Да ему ж Матвею Осиповичю взять деньгам и хлебу прошлых годов приходные и росходные книги, и государеве ясачной и поминочной мяхкой рухляди ясачные подлинные книги, что по ево Матвея Осиповича приезд какие // мяхкие рухляди и на которой год было взято, и что на ком донять, и сметные и пометные ясачные списки прошлых годов и ясачные окладные книги, что с которого зимовья и с волостей с ково имянем ясаку збираетца, и денежные и хлебные сметные ж и пометные списки, и ленским ружником и обротчиком и всяким служилым людем имянные книги, и прежние государевы наказы, каковы от великих государей даны воеводам и дьяком и Ивану Приклонскому, и государевы указные всякие грамоты, и всякие государевы дела, и соболиную всякую мяхкую рухлядь, что у Ивана Приклонского заедет в государеве казне. А как Якуцкой и острожные ключи и всякие государевы дела и денежную и соболиную казну и хлебные и пушечные и всякие запасы примет, и в том во всем против сего великих государей наказу с Ываном Приклонским росписатца. А как роспишетца, и ему воеводе Матвею Осиповичю пересмотрить служилых людей, детей боярских и казаков и жилецких всяких людей по спискам всех налицо. А пересмотря служилых // и всяких людей, воеводу Ивана Приклонского с приезду ево да по свой приезд по книгам в приходе и в росходе в деньгах и в хлебных и в пушечных и во всяких запасех и в соболиной в ясачной и в поминочной и во всякой государеве казне счесть подлинно, да что на него Ивана государевых денежных и хлебных и пушечных запасов и соболиной и всякой государевы казны взочтет, и то на нем Иване взять сполна. А сметные и пометные списки, будет по ево Матвея Осиповича приезд не зделаны и к великим государем не посланы, по тому ж взять на Иване Приклонском, а взяв отпустить ево Ивана к великим государем к Москве. Да что он // Матвей Осиповичь у Ивана Приклонского в Якуцком наряду и в государеве казне каких государевых дел и денег и соболиные всякие мяхкие рухляди и зелья и свинцу и в житницах хлебных и всяких запасов налицо примет, и что на Лене в Якуцком откуды каких вестей будет, и ему Матвею Осиповичю о том о всем и о своем приезде отписать и счетной список, и сметные и пометные списки прислать к великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю [т.] к Москве, а отписку и счетной и сметные и пометные списки велеть подать в Сибирском приказе боярину князю Ивану Борисовичю Репнину с товарыщи. А наперед сего, с приезду своего, велеть ему Матвею Осиповичю

быть к себе в приказную избу ленским детем боярским // и казаком и стрельцом и пушкарям и затинщиком и всяким служилым и жилецким людем, и сказати им великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] жалованное слово, что великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевичь, Петр Алексеевичь [т.] их пожаловали, велели им давать свое великих государей жалованье по окладом их сполна, и велели их служилых и жилецких людей беречь и нуж их розсмат//рить, чтоб им ни от ково ни в чем нужи и тесноты и убытков и продажи и налогов не было, и они б служилые и всякие люди их царским милостивым призреньем и жалованьем жили в тишине и в покое безо всякие нужи и промыслы своими всякими промышляли без опасения, а от ково будет им в чем какая нужа и обида и продажа и насильство какое было, и они б в том во всем приносили к генералу и воеводе к Матвею Осиповичю Кровкову челобитные. А ему Матвею Осиповичю о том царского величества крепко[й] приказ: велено во всем росправа чинить в правду, и береженье к ним держать и от обид и от продаж и от насильства и от всяких убытков беречь, а воров от воровства уимать. А торговых и промышленых всяких людей верховых городов, собрав к себе в приказную избу, по тому ж сказать им великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] жалованное слово, что им на Лене преж сего сибирские воеводы и дьяки чинили многие продажи и обиды и тесноты самовольством, не по государеву указу, и нуж их не рассматривали, и управы меж их прямо не чинили, и посулы и поминки у них имали, // и их продавали. И великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевичь, Петр Алексеевичь [т.] своим царским милостивым осмотреньем велели их ото всяких обид и от насильства и от продаж беречь накрепко, и на торговлю велели им великие государи ездить повольно безо всякого задержания, и во всем нуж их велели розсматривати, чтоб им ни в чем нужи и продажи и убытков ни от кого никаких не было, и жили б в их царском милостивом призрении безо всякие нужи, и обиды и насильства и продажи и убытков ни от кого не опасались. А хто их чем изобидил и насильство и продажу им какую учинил и посулы и поминки у них имал, и они б на тех людей приносили к нему воеводе Матвею Осиповичю челобитные, а он им по царскому велёнью во всем управу учинит и впредь их учнет беречь. И говорить ленским служилым и посадцким и всяким жилецким людем, чтоб они служилые и посадцкие и всякие жилецкие люди великим государем служили и во всем добра хотели, а воров, которые великим государем служить не учнут и добра не хотят, объявливали и проведывали. А хто великим государем послужит, и великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевичь, Петр Алексеевичь [т.] пожалуют их своим государевым жалованьем, смотря по их службе. А после // руских людей велеть ему у себя в приказной избе быть из волостей ясачным князцом и волосным лутчим людем, по скольку человек пригож, а ему Матвею Осиповичю в те поры быть в приказной избе в цветном платье и руским служилым людем велеть быть в те поры в цветном же платье с ружьем. И сказать ленским ясачным князцом и ясачным людем великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] жалованное слово, что преж сего от воевод и от голов и от приказных людей от детей боярских и атаманов и стрельцов и казаков и от их братьи и от ясачных и от иных ото всяких людей было им небережение и налоги и продажи великие, как они платят ясаки, и у них имали ясаки с прибавкою не по государеву указу, и тем сами корыстовались, а воеводы того не берегли и суда им прямова не давали, и в волости к ним для ясаков воеводы посылали детей боярских и толмачей и казаков, и те дети боярские и казаки и толмачи, приезжая к ним, их ясачных людей продавали, имали у них посулы и поминки. И великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевичь, Петр Алексеевичь [т.] пожаловали их, велели им во всем на тех людей, хто их чем изобидил или посулы или поминки имали, давать суд и сыск праведной, и росправу и оборонь // от руских и ото всяких людей велели чинить, и во всем их беречь, чтоб им насильства и убытков и продажи и налогов ни от ково не было. И они б ясачные люди жили вь их царском жалованье во всем в покое и в тишине безо всякого сумнения и промышляли промыслы своими,

и великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю [т.] служили и прямили и во всем добра хотели по своей шерти, на чом они великим государем шерть дали, и над воры воровства и шатости и всяково лихово умышления смотрили и берегли накрепко, и детей своих и братью и племянников и друзей отовсюду на государеву милость призывали и в городех юрты и в уездех волости полнили, а царское величество во всем их пожалуют своим царским жалованьем. А в которых будет людех почают шатость и воровства, и они б тех воров не укрывали и не таили, и тем великим государем службу свою и правду объявляли, и тех воров, в которых почают шатость и воровство, сказывали и имая приводили к нему генералу и воеводе Матвею Осиповичю. А хто на кого скажет какое воровство или измену, а сыщетца про то допряма, // и великие государи тех людей, хто на кого скажет, пожалуют своим царским жалованьем, и животы и вотчины тех людей, на ково хто какую измену и воровство доведет, велят отдать им. А сказав ясачным князцом и якутом великих государей жалованное слово, велеть их накормить и напоить довольно, а кормить их и поить государевыми запасы от великих государей, а не от себя. А напоя их и накормя, роспустить их по домом. А о государеве им ясаке и о поминках приказать, чтоб они государев ясак и поминки готовя по вся годы приносили сполна по окладу, соболи с пупки и с х[в]осты и лисицы с лапы и с хвосты ж. А как к ним для ясачного збору государевы служилые люди в землицы и в улусы и в юрты придут, и они б тем государевым служилым людем ясак с себя платили без замотчания весь сполна, а утеснения им никакова не чинили, и отпускали б их з государевым ясаком к нему Матвею Осиповичю в Якуцкой без задержания. А за тем ясаком посылали [б с] служилыми людьми для береженья и для того, чтоб служилые люди не воровали и государевым ясаком не корыстовались, лутчих ясачных людей, по скольку человек пригож. А что будет те ясачные люди по его воеводском приезде принесут великим государем челом ударить соболей и лисиц или иново какова зверя, или ему воеводе Матвею Осиповичю для государева имяни что в поминках и дьячьих поминков же принесут, и ему та рухлядь взяв // у ясачных людей велеть записывать в приходные книги имянно себе статьею и давать за то ясачным людем государева жалованья, олова и меди и одекую, не по многу, смотря по их поминкам, сколько кому доведетца. А отпустя тех ясачных людей, посылать к ним в землицы и в улусы для ясачного збору ленских лутчих служилых людей, да с ними по целовальнику или по два ис торговых и ис промышленных людей, которые будет на Лене есть и впредь будут, добрых, приведчи их ко христове евангельской заповеди. Да и в ыные в новые землицы, по великой реке Лене и по Алдану и по Чоне и по Вилюю и по иным рекам, по тому ж посылать для проведыванья иноземцов и прииску и приводу под государеву царскую высокую руку служилых людей, по скольку человек пригож, смотря по тамошнему делу и по людем. И велеть служилым людем новых землиц неясачных людей призывать и под государеву царскую высокую руку приводить и ясак с них збирать с великим раденьем всякими мерами ласкою, а не жесточью, чтоб тех новых землиц людей под государеву царскую высокую руку привесть и ясак с них в государеву казну имать и учинити б тех землиц людей впредь под государевою царскою высокою рукою в холопстве на веки неотступных и к шерти их на том привесть. Да что служилые люди по Лене и по Алдану и по Чоне и по Вилюю и по иным сторонним рекам новых землиц и людей проведают и под государеву царскую высокую руку к шерти приведут // и ясаку с них в государеву казну возьмут, и хто в тех землицах князцы или иные какие лутчие люди имяны к шерти будут приведены, и что с них с которой землицы и на которой год перваго ясаку воззметца, и то служилым людем велеть писать в ясачные книги у себя подлинно, да с тем ясаком из новых землиц велеть им приезжать к себе в Якуцкой острог. А для укрепления за тем ясаком велеть служилым людем имать в аманаты тех землиц лутчих людей, по скольку человек пригож. А как служилые люди з государевым ясаком и сь ясачными книгами и с аманаты ис которых из новых землиц и ис [с]тарых ясачных городков и из волостей и из зимовей в Якуцкой придут, и ему Матвею Осиповичю приимать у тех служилых

и у ясачных людей ясачную и поминочную рухлядь в государеву казну и писать в ясачные книги имянно все налицо, сколько с которых городков и с волостей и з зимовей и на которые годы чего взято будет. Да в той ясачной и поминочной рухляди велеть давать ясачным людем, которые живут от Якуцкого блиско и з государевым ясаком и с поминками учнут приходить в острог сами, отписи за государевою печатью. А которые будет ясачные люди от острогу живут далече и сь ясачною и с поминочною рухлядью для дального пути в Якуцкой сами приходить не учнут, и тем ясачным людем великих государей в ясачной и в поминочной рухляди, что у них и на которой год у ково взято будет, велеть давать отписи ясачным зборщиком, ленским служилым людем, пишучи своими руками и за своими печатьми. А для тех отписей // нарочно в дальные землицы для ясачного збору посылать грамотных служилых людей, хотя по человеку в землицу, и о том приказывати, чтоб они ясачные зборщики грамотные люди, смотря у ясачных людей отписей, на один год другово ясаку с них сь ясачных людей не имали и в том им налоги и убытков не чинили. А что служилые люди новых землиц проведают и ясачных людей под государеву царскую высокую руку и к шерти приведут, и сколько с них ясаку и аманатов и каких людей возьмут, и хто имянем, князцы или тайши, теми землицами и улусы владеют, и ему Матвею Осиповичю о том о всем писать к великим государем к Москве. Да ему ж Матвею Осиповичю, будучи на службе великих государей на Лене в Якуцком остроге, высмотрить того накрепко, есть ли по Лене реке и по иным рекам блиско Якуцкого острогу вверх до Чечюйского волоку пашенные угожие и пространные места, и мочно ли в тех в угожих и пространных местех до Чечюйского волоку пашни завесть и крестьян на пашню устроить, и хлеба на ленских служилых людей и на ружников и на обротчиков и на всякие тамошние росходы Якуцкого острогу напахать, чтоб ис Тобольска и из Енисейского острогу и с Ленского волоку впредь на Лену в Якуцкой острог хлебных запасов не посылать. И будет по высмотру блиско Якуцкого острогу до Чечюйского волоку пашенные угожие пространные места есть, и ему Матвею Осиповичю в тех угожих местех крестьян в пашню строить и называть на пашню во крестьяне вольных гулящих людей ис подмоги и изо льготы, и ссуда и подмога им давать против прежняго великих государей указу и как пригоже, смотря // по тамошнему делу. Да где на Лене до Чечюйского волоку пашенные земли и сколь далече от Якуцкого острогу сыщут, и сколько на тех землях пашенных крестьян устроят и каких людей ис подмоги или изо льготы, и что те крестьяне впредь на обиход великих государей пашни пахать или оброчного хлеба платить учнут, и на сколько лет кому льготы или подмоги будет дано, и о том о всем ему Матвею Осиповичю отписать к великим государем. А около Ленского волоку на низ по Лене реке до Чечюйского волоку и вверх по Лене ж реке до Верхоленского и около Верхоленского острожку велено по указу великих государей в пашню крестьян строить стольнику и воеводе Илье Змеову. А по хлебные запасы тутошние ленские пахоты и по присыльные, которые привезут на Ленской волок из Енисейского острогу, и по соль посылать ему из Якуцкого острогу на Ленской волок в Ылимской острог к воеводе к Илье Змеову Якуцкого острогу служилых людей, по скольку человек пригож, и велеть те хлебные запасы и соль возить к себе в Якуцкой острог попрежнему. А сколько на ленских служилых людей и на ружников и на оброчников хлебных запасов и соли по окладу надобно, о том писать и тому росписи посылать ему Матвею Осиповичю за своею рукою. И о всяких великих государей делах отписками ему Матвею Осиповичю с Ыльей Змеовым ссылатися и розни никакой в государеве деле не чинить никоторыми делы, чтобы государеву делу от того ни в чем порухи и служилым людем тягости и оскорбления не было. Да будет Илья Змеов // по вестям учнет к нему писать о прибавочных людех для воинского приходу, и воеводе Матвею Осиповичю из Якуцкого острогу в Ылимской острог к воеводе к Илье посылать служилых людей, по скольку человек пригож. И воеводе Илье Змеову по государеву наказу велено хлебные всякие запасы, ленские пахоты и присыльные, и соль ленского варенья посылать с Ленского волоку к нему в Якуцкой острог

на служилых людей и на ружников и на обротчиков по ево отпискам и по росписям, каковы отписки и росписи учнет он Матвей Осипович присылать к нему Илье на Ленской волок из Якуцкого острогу, без задержания, Якуцкого острогу с служилыми людьми, кого он Матвей Осипович из Якуцкого острогу служилых людей по хлебные запасы и по соль присылать учнет. Да и суды велено ему ж Илье под те хлебные запасы делать на Лене и в Верхоленском острошке и где пригоже и надобно ленскими, Якуцкого острогу и Ленского волоку, Илимского и Верхоленского острожку, служилыми людьми. Да в Якуцком же старым дощаником, которые присылаютца из Ылимского, вь Якуцком и в уезде починки не бывало, и в Якуцком и в уезде дощаником велеть держать береженье большое и велеть починивать старые дощаники, чтоб годились в ход в другую и в третью воду, а новых дощаников в Ылимском и в уезде по вся годы не делать, чтоб от того государеве казне убытку и истери не было. Да и ясак с ясачных людей на низ по Лене реке до Чечюйского волоку и вверх по Лене ж до Верхоленского и около Верхоленского острожку и по Илиму и по иным рекам велено збирать на Ленской волок в Ылимской острог воеводе Илье Змеову, // а с Ленского волоку из Ылимского острогу посылать к великим государем к Москве в Сибирской же приказ. И ему Матвею Осиповичю из Якуцкого острогу в те ясачные волости, которые велено ведать ясаком на Ленском волоку в Ылимском остроге Илье Змеову, для ясачного збору ясачных зборщиков от себя не посылать и в том смуты не чинить, чтоб в том государеву ясаку недобору не было. А збирать ему Матвею Осиповичю в Якуцкой острог по Лене и по иным рекам ясак сь ясачных людей ниже Якуцкого острогу и вверх по Лене до Чечюйского волоку по прежним ясачным окладным книгам, каковы возьмут у воеводы у Ивана Приклонского, старых ясачных людей, которые ясак платят по окладу сполна, и с недорослей и с новиков полной же ясак или как пригож, смотря по тамошнему делу и по людем и по промыслом, чтоб перед прежним в государеве ясаке и в поминках учинить прибыль, а недобору и ясачным людем налоги и оскорбления никакого не учинить и от государевы высокие руки их не отгонить, а в том ясачном зборе одноличко самим не корыстоватца никоторыми делы. А как у него в Якуцком остроге государева ясачная и десятинная и поминочная соболиная рухлядь в зборе будет, и ему велеть в Якуцком остроге тое ясачную и поминочную и всякую рухлядь розбирать торговым и промышленым людем, лутчой зверь к лутчему, а середней к середнему, а худой к худому. А розобрав велеть ценить торговым же и промышленым людем тамошнею сибирскою прямою ценою и, запечатав тое рухлядь государевою ленскою печатью, велеть писать той рухляди ценовные росписи да к тем ценовным росписям // велети ценовщиком руки прикладывать. Да как тое соболиную мяхкую рухледь оценят, и ему Матвею Осиповичю о том писати и тое ленскую соболиную всякую мяхкую рухледь и ясачные книги и росписи той рухляди из Якуцкого острогу посылати к великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю [т.] к Москве погодно с сибирскими с ленскими служилыми людьми с кем пригож, не замотчав, а на Москве велети отписки и ясачные книги и росписи подавати и з государевою ясачною и поминочною казною являтися в Сибирском приказе боярину князю Ивану Борисовичю Репнину с товарыщи. А великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] печать вь Якуцком остроге серебряная, вырезан на ней орел поймал соболя, около орла вырезано: «Печать государева новые Сибирские земли, что на великой реке Лене.» И воеводе Матвею Осиповичю держать ту государеву печать вь ящике за своею печатью и печатать тою государевою печатью отписки к великим государем и в городы к воеводам и ясачную и всякую государеву мяхкую рухледь. А в таможню на Лену реку вь Якуцкой острог послана с Москвы государева особая печать, вырезан на ней барс поймал соболя, а око//ло на печати вырезано: «Печать государева Сибирского государства великие реки Лены таможенная.» А как учнут приходити вь Якуцкой острог з государевым ясаком ближних волостей князцы и ясачные люди, и генералу и воеводе Матвею Осиповичю Кровкову велети тех ближних волостей ясачных людей, которые учнут приходить в острог за государевым ясаком, кор-

мить и поить государевыми запасы довольно, и лутчим из них князцов или волостным людем велети быти у себя в остроге в оманатех, из волости по человеку или по два, по переменам, по году или по полугоду или помесячно или как пригож, смотря по тамошнему делу, а достальных ясачных людей отпущати к себе в улусы без задержанья и держати к ним ласку и привет и береженье, а напрасные жесточи и никакие налоги им ни в чем не чинить никоторыми делы, чтоб их ясачных людей иноземцев в чем напрасно и вь ясаке не ожесточить и от государевы милости не отгонить. А разведывая от них иноземцев про новые тамошние землицы, с которых землиц иноземцы великим государем ясаку не платят, посылать ему Матвею Осиповичю из ленских Якуцкого острогу по Лене и по иным рекам для проведыванья новых землиц и в старые волости для ясачного збору служилых людей безпереводно, и приказывать тем служилым людей накрепко, чтоб они из Ленского Якуцкого острогу в ясачные волости вина и ни//каких своих товаров с собою не имали и сь ясачными людьми вином и товары никакими на мяхкую рухледь не торговали и не меняли, и соболей и лисиц и иной всякой мяхкой рухледи у ясачных людей не покупали, и не выменяли, тем бы в государеве ясачном зборе помешки не чинили, не так бы делали, что наперед сево воровали енисейские служилые атаман Иван Галкин и сын боярской Парфеней Ходырев с товарыщи, ходячи из Енисейского острогу на Лену реку для государева ясачного збору, имали с собою товары свои многие и на те свои товары и на деньги, будучи в Якуцком, в волостях и в улусех и в землицах у ясачных людей покупали и выменяли многую мяхкую рухледь, лутчие соболи и лисицы и бобры, и привозили с собою с Лены вь Енисейской острог, а государева ясаку привозили мало, а воеводы вь Енисейском остроге, дружа им и для бездельные своей корысти, тое у них собинные мяхкие заповедные рухляди в государеву казну не имали, а имали у них с тое рухляди государеву десятинную пошлину. И тех енисейских служилых людей // воровством, а воеводцкою к ним поноровкою и бездельною корыстью, была в государеве казне большая убыль, а ясачным людем теснота и обида, а иных ясачных людей и прочь от великих государей отогнали. А при нем Матвее Осиповиче, как ленские служилые люди из новых землиц в Ленской острожек з государевым ясаком поедут, и ему Матвею Осиповичю против тех служилых людей посылати навстречю детей боярских и стрельцов и казаков и целовальников добрых, кому б в том мочно верить, по скольку человек пригож, и велети у тех служилых людей у ясачных зборщиков, которые из зимовей сь ясаком поедут, обыскивать всякие их собинные мяхкие рухляди накрепко, да что у кого собинной их мяхкие рухляди найдут, и тое у них всее собинную мяхкую рухлядь велети имати и привозити к себе вь Якуцкой острог. А как тое рухлядь вь Якуцкой острог привезут, и ему Матвею Осиповичю тех служилых людей // ясатчиков про тое их собинную мяхкую рухлядь розспрашивать накрепко, где они тое рухледь взяли, в посулех ли за ясачную поноровку или насильством или у ясачных людей покупали или на товары выменяли или сами уловили или им тое рухледь здавали для государева имяни ясачные люди в почесть, да и целовальников, которые с ними посыланы будут, про то роспрашивати же и иными какими людьми пригож про то сыскивати. Да будет по сыску те служилые люди тое мяхкую рухледь у ясачных людей взяли в посулех от ясачной поноровки или насильством или купили преж государева ясашного збору, и по тому сыску // тое их мяхкую рухлядь имати в государеву казну безденежно и велети тое рухледь, сколько у кого взято будет, писати в книги имянно. А будет которые ленские служилые люди, приезжаючи из новых землиц вь Якуцкой острог, собинную свою мяхкую рухледь, которая им учнет давать новых землиц ясачные люди для государева имяни в почесть в поминках, учнут объявливати сами, и у них та их поминочная мяхкая рухледь по тому ж имати в государеву казну и писати в книги имянно, кому имянем служилому человеку которые новые землицы ясачные люди для государева имяни сверх государевы ясачные и поминочные рухляди собинных поминков дали. И оценя тое их поминочную и служилых людей мяхкую рухледь, по тому ж присылати к великим государем к Москве. А тем служилым людем, которые из новых землиц учнут поми-

ночную свою мяхкую рухледь привозити и сами объявлять, а не утаят, давати за тое рухледь из государевы казны деньги по тамошней по прямой цене из ленских доходов и сказати тем служилым людем, что о той службе, и что приискали они служилые люди новые // землицы и старых ясачных людей и с новиков ясак собрали сполна, к великим государем к Москве он воевода писати учнет и великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевичь, Петр Алексеевичь [т.] их служилых людей за их службы и за новоприискные землицы и за прибор пожалуют своим государевым жалованьем, деньгами и сукны. Да и наперед сево их братью сибирских служилых людей за их службы и за новоприискные землицы великие государи жаловали своим государским жалованьем, деньгами и сукны и камки и тафты, смотря по их службе. И будет которые служилые люди ясатчики, будучи в новых землицах, какой зверь уловили сами или что небольшое после ясачного збору у ясачных людей на достальные свои запасишка или что на свою одежу выменили, и приехав на Лену или навстречю кому детем боярским и целовальником тое свою рухледь сами объявят, а не утаят, и про тое их рухледь по тому ж сыскивати товарыщи их и целовальники, которые с ними были, или какими людьми пригоже. Да будет по сыску ту рухледь они сами уловили или на запасы и на платье выменили после ясаку, и в государеву казну взяти их рухледь в куплю будет не пригодитца, // и та мяхкая рухлядь отдавати тем служилым людем для их службы и большие их сибирские нужи. А того однолично над ними смотрить и беречи накрепко, чтоб та их рухледь, которая им отдать доведетца, была не посульная и не насильством взята и не преже государева ясачново збору была куплена. А ста[ть]я в сем государеве наказе про служилых людей написана для ленского нового места, иным сибирским городом и служилым людем не в пример и не в образец. А которые будет ленские служилые люди, ехав из новых землиц, учнут мяхкую рухлядь отдавать на дороге ясачным людем воровством, чтоб им тою рухледью завладеть самим, а в государеву казну не отдать, и про то велети сыскивати ясачными и всякими людьми, и сыскав допряма, тем служилым людем, которые воровством у ясачных людей на дороге рухлядь свою учнут метать, чинити за то наказанье, бити кнутом, а рухлядь их имати в государеву казну безденежно, и оценя тое рухлядь по тому ж присылати к великим государем к Москве, // чтоб на то смотря не повадно было иным впредь так воровать. Да ясачным людем о том учинить заказ крепкой, которые служилые люди учнут у них ясачных людей, ехав из новых землиц, какую мяхкую рухлядь метати, и они б тое рухлядь привозили к нему Матвею Осиповичю вь Якуцкой острог, да тое рухлядь по тому ж оценивая торговыми и промышлеными людьми, которые на Лене будут, тамошнею сибирскою прямою ценою, присылати к великим государем к Москве, а без цены никакой мяхкой рухляди не присылать. Или что будет ему Матвею Осиповичю ясачные и торговые и промышленые люди принесут соболей и лисиц и бобров и всякие мяхкие рухляди в сьезжую избу и на дворы в поминках, и ему тое рухлядь, сколько с которой зем//лицы и хто имяны, ясачные или торговые и промышленые люди принесут, велеть писати в книги имянно, да оценя по тому ж тое свою поминочную мяхкую рухлядь присылати к великим государем сь ясачною и поминочною государевою рухлядью вместе, так же, как из ыных сибирских городов воеводы такую рухлядь к великим государем присылают. А самому ему Матвею Осиповичю тою поминочною рухлядью, что к нему ясачные и торговые и промышленые люди в сьезжую избу и на дворы в поминках принесут, не корыстоватца, присылати тое свою поминочную соболиную мяхкую рухлядь с Лены к великим государем с ленскими с лутчими служилыми людьми. А отпущати за тою государевою соболиною мяхкою рухлядью тех служилых людей, по скольку человек пригож, смотря по казне, и по одиножды в год, а лишних служилых людей за тою казною не посылать, чтоб в подводах и в выходех и в кормех на Москве лишних // росходов в государеве казне не было. А ясачные книги ленской ясачной и поминочной и десятинной мяхкой рухляди, что с торговых и с промышленых людей соберетца, присылати к великим государем с мяхкою рухлядью вместе за своею рукою. А сколько с которых землиц или улусов и с каких

ясачных людей государева ясаку и поминков и их воеводцких и дьячьих поминков же порознь всего зберетца, или что в котором году перед которым годом каких новых землиц людей и с них ясаку вновь прибудет, или что ясаку ж и поминков перед прежним збором или ясачных людей для чего убудет, и по чему ясаку прибудет или убудет, то описывати в тех ясачных книгах имянно. А будет приедут на Лену реку вь Якуцкой острог ис которых сибирских городов для соболиных промыслов торговые или промышленые люди с рускими товары и с хлебными запасы, и тем торговым и промышленым людем велети у себя вь Якуцком остроге являтца в сьезжей избе, а товары их и хлебные запасы, на сколько у кого по цене привезено будет, велети в таможне таможенному голове записывати в книги имянно и велети им теми своими товары вь Якуцком остроге торговати. А с тех товаров и с хлебных запасов имати у них в государеву казну пошлины по государеву указу таможенному голове и целовальником // против того, как вь Енисейском остроге емлют и по таможенным государевым наказом против прежнего. Да сколько с каких товаров или с хлебных запасов пошлин взято будет, и то велети в таможне таможенному голове и целовальником записывати в приходные книги имянно. А будет те торговые и промышленые люди, которые похотят итти на промыслы, и тех людей отпускати из Ленского из Якуцкого острогу ис таможни ж для промыслов без задержанья. А как те торговые и промышленые люди с промыслов своих назад вь Якуцкой острог приходить учнут, и им торговым и промышленым людем с мяхкою рухледью велети явитись в таможенной избе таможенному голове и целовальником, да с тое их промышленой и с продажной и с перекупной мяхкой рухляди, что будет они учнут меж себя вь Якуцком остроге продавати и покупати, имати государева десятая пошлина мяхкою рухлядью собольми лутчим зверем также, как в Енисейском остроге с мяхкой рухледи государеву десятую пошлину емлют. // Да тое десятинную мяхкую рухледь велети таможенному голове писати в приходные книги имянно, особною статьею. А опричь Якуцкого острогу вь ясашных волостях и в улусех и в новых землицах отнюдь нигде торговым и промышленым людем преж государева ясаку ничем сь ясашными людьми никакими товары и запасы торговати и меняти на мяхкую рухледь не велети. А после збору государева ясаку велети торговым и промышленым людем торговати с ыноземцы сь ясашными людьми на всякие товары вь Якуцком остроге на гостине дворе, а не на жилецких дворех, для того, чтоб в том таможенная пошлина не пропадала. А того ему Матвею Осиповичю смотрети и беречи накрепко, чтоб однолично торговые и промышленые люди с промыслов // своих, не займуя Якуцкого острогу, в сибирские городы иными дорогами не выезжали и с собою товарной своей мяхкой рухляди мимо Якуцкого острогу не возили, чтоб в том государева пошлина не терялась. И велети отпускати торговых и промышленых людей сь их товары с мяхкой рухлядью с Лены из Якуцкого острогу на Русь, и таможенному голове и целовальником давати на мяхкую рухлядь и на всякие товары проезжие грамоты за государевою ленскою таможенною печатью, всякому человеку по одной грамоте на лицо, а по две и по три грамоты одному человеку и за очи никому ни за ково на мяхкую рухледь и никакие товары не давати. А печатных отъезжих пошлин велети имати им в таможню от проезжих грамот в государеву казну // с мяхкой рухледи и со всяких товаров против иных сибирских городов с рубля по деньге и записывати те пошлины имянно. А к таможенному збору и ко всякой государеве казне в целовальники выбирать на Лене ис торговых и ис промышленых лутчих людей по годом по очереди, и велети им быти у государевы казны и у всяких дел, приводя их ко святей христове евангельской заповеди, и смотрити за ними ему Матвею Осиповичю почасту, чтоб целовальники, будучи у государевы казны у денежных и у всяких зборов, были с великим раденьем и никакою государевою казною не корыстовались и никакой государевы казны не крали. А велети ему Матвею Осиповичю таможенному голове и целовальником таможенные всякие зборные деньги приносити к себе в сьезжую избу с книгами помесечно, или как пригож, смотря по тамошнему делу, да по тем книгам голову и целовальников считать, да что на них какой государевы денежные казны взочтут.

и то на них велеть править в государеву казну и писати в приходные книги и в сметные списки имянно, особыми статьями. А за большое воровство, за кражу и за иную хитрость и за нераденье, целовальником и иным всяким людем, которые будут у государевых дел, чинити наказанье, смотря по вине, за малые вины бити батоги, а за большие кнутом, и от дел // их отставити, а на их место в целовальники велеть выбирать ис торговых же и ис промышленых людей добрых таких, чтоб в них никакого воровства и хитрости над государевою казною не было. А голов в таможню на Лену присылают ис Тобольска нарочно. И что будет ленской таможенной голова учнет на Лене делати мимо государева указу и о государеве пошлине радети не учнет, или чем учнет корыстоватца или торговым людем чинить обиды, и генералу Матвею Осиповичю на того таможенного голову писати к великим государем, а без государева указу ево от дела не отставливати. И в таможенное во всякое дело ему Матвею Осиповичю однолично ни во что не вступатца никоторыми делы, чтоб в том государеве таможенной пошлине недобору не было. А на себя ему Матвею Осиповичю у торговых и у всяких людей соболей и шуб собольих и лисиц черных и чернобурых и бурых и шапок лисьих же черных горлотных и никакие мяхкие рухляди не имати и не покупати. А что будет ему про себя купити понадобитца, опричь соболей и шуб собольих, и черных лисиц и чернобурых и бурых и шуб и шапок лисьих же черных и бобров и всякие мяхкие рухляди, и ему покупати в остроге на гостине дворе и в торгу прямою ценою, а не в ясачных // волостях. И с Руси ему Матвею Осиповичю в Сибирь на Лену товаров своих никаких с собою не возити, и на Лене реке, опричь того, что ему для своей нужи купить указано, нигде ничем ни с какими людьми не то[р]говати, и хитрости никакие над государевою казною не чинити, и вина в сибирских городех и на Лене реке ни где на себя и на государевы ни на какие росходы без государева указу не курити, и служилым и торговым и всяким людем курити не давати ж, и ясачных и торговых и всяких промышленых людей от велких государей своими налоги не отгоняти, и посулов и поминков ни у кого ничего не имати, и взаймы никому денег и хлебных своих запасов и вина не давати, и заемных кабал и иных никаких крепостей // ни на кого не имати, и никаких изделей никаким людем на себя делать не велети, и ко всяким людем держати ласку и привет и береженье, и во всем искати государеве казне прибыли с великим раденьем. А в управных во всяких делех служилых и торговых и промышленых людей судить и росправа меж ими чинити безволокитно, в правду, по государеву указу. А судных пошлин с руских людей имати с рубля по гривне, а пересуду с суда по 2 гривны, правого десятка по 4 деньги, а с ыноземцов судных пошлин не имати против иных сибирских городов. И жити ему вь Якуцком остроге ото всяких воинских людей с великим береженьем и держати по острогу крепкие караулы, чтоб к ним под острог никакие воинские люди безвесно не при//шли и дурна какова над острогом и над ними не учинили. И служилым людем, которых он учнет посылати для приводу новых землиц и для ясачного збору по Лене и по Алдану и по иным рекам, приказывати накрепко, чтоб они, ходячи по ясак, ясачным людем напрасных обид и налог отнюдь никому никаких никоторыми мерами не чинили, збирали б с них государев ясак ласкою и приветом, а не жесточью и не правежем. Чтоб с них збирати государев ясак перед прежним с прибылью, а жесточи б им в том никакие не чинили, имати б с них государев ясак, по скольку будет мочно, по одиножды в год, а по два и по три ясака на один год не имати. И самим служилым людем, ходячи по ясак, новых землиц от ясачных людей велеть оберегатца, чтоб их искрадом нигде никакие люди не побивали, и шатости и измены // новых землиц в людех велети высматривать и проведывати накрепко. А которые будет новых землиц люди учнут чинитца непослушны и ласкою их под государеву царскую высокую руку привести никоторыми мерами не мочно, а от Ленского острогу те новые землицы неподалеку и люди в них живут небольшие, и Матвею Осиповичю, смотря по тамошнему делу, будет доведетца послать на тех непослушных ясашных людей государевых служилых людей от себя из острошку, по скольку человек пригож, и велети их преж уговорить // ласкою всякими обы-

чаи, чтоб их ласкою и приветом уговорить и к шерти привесть на том, что им быти под государеву царскою высокою рукою и ясак с себя платити. А будет никоторыми мерами тех непослушников уговорить будет не мочно, а впредь от них чаять будет какого дурна, и тех непослушных людей велеть смирять войною, небольшим разореньем для переду государева ясаку, чтоб их смирить слехка и под государеву царскую высокую руку привесть и ясак с них впредь имать. А приветчи их под государеву царскую высокую руку, имати у них в Ленской в Якуцкой острог в аманаты князцей и ясачных лутчих людей по переменам, по скольку человек пригож, и за теми аманаты по тому ж с тех новых землиц збирати государев ясак, // смотря по людем и примерясь к иным ясачным людем. А аманатов их в остроге велеть кормити государевыми запасы и беречи накрепко, посадя их на особом дворе, где пригож, за сторожи, чтоб они из острогу никуды не ушли и дурна какова над государевыми людьми и над собою не учинили. А в ясачной збор, как из их землиц и из улусов и из волостей з государевым ясаком ясачные люди придут, и их аманатов тем ясачным людем оказывать, чтоб ясачным людем в том сумненья никакова не было. А будет которые князцы и улусные люди не похотят быти под государевою царскою высокою рукою в вечном холопстве и ясаку с себя платить не учнут, или которые государевы ясачные князцы и улусные люди учнут великим государем изменять, откладыватца, и ясаку платити не учнут же, а учнут те изменники и непослушники государевых служилых // и торговых и промышленых людей на промыслех побивать, или собрався на волости или под государевы городы и остроги приходить войною, и Матвею Осиповичю на тех изменников и на непослушников посылати государевых ратных людей с вогненным боем, и велети их преж уговаривати всякими мерами ласкою, чтоб они в винах своих великим государем добили челом и были под государевою высокою рукою и ясак с себя платили. А будет их уговорити не мочно // и учнут [с] служилыми людьми битца, и нат теми изменники и непослушники, прося у бога милости, велеть промышляти всякими обычаи, сколько милосердый бог помощи подаст, чтоб их войной смирить и под государеву высокую руку привесть и аманаты у них взять, а себя от них уберечь. Да будет над ними поиск учинитца, и которых изменников и непослушников пущих воров завотчиков на бою возьмут, и тех воров посадити в тюрьму до государева указу да о том отписать к великим государем к Москве. А которых немирных землиц людей руские служилые люди повоюют и в полон поемлют, а после будет те люди учинятца под государевою царскою высокою рукою и ясак с себя платить учнут, а о полонениках своих учнут великим государем бити челом и прошать их на окуп, // а те будет их полоняники не крещены, и ему Матвею Осиповичю тот полон велети сыскивати и на окуп отдавати. А к себе ему Матвею Осиповичю и служилым людем никаких иноземцов и жон их и детей во двор не имати, и засылкою самим ни у кого не покупати и не крестити и к Москве с собою не вывозити, и ни с кем не высылати, и служилым и всяким людем крестить не велеть же, чтоб Сибирская Ленская земля пространялась, а не пустела. А будет // хто из ясачных людей похочет креститца своею волею, и тех людей велеть крестить, сыскав про них допряма, что своею ли волею они хотят креститца. А крестя мужеской пол, устроивать их в государеву службы и верстать их государевым денежным и хлебным жалованьем, смотря по людем, хто в какую статью пригодитца, в выбылые руских служилых людей места. А будет хто из женского полу жонки или девки похотят креститца, и тех жонок и девок по тому ж велеть крестить и выдавати замуж за новокрещенов же и за руских служилых людей. А к себе ему Матвею Осиповичю отнюдь во двор никаких иноземцов не имати, и служилым никаким людем таких людей держать у себя не велеть, и изделей никаких у себя на дворе руских людей и иноземцов крещеных и некрещеных делать не заставливать, чтоб в том руским людем и иноземцом от него утесненья и изгони не было. А ленским Якуцкого острогу служилым людем давати государево денежное и хлебное жалованье и соль по годом по сроком и смотря по тамошнему делу по окладным книгам, каковы книги возьмет у воеводы Ивана Приклонского, всем на лицо, а за очи никому ни за ково // не давать, чтоб нихто

ни за ково подставою государева жалованья не взял. А самим улусных людей жалованного хлеба на себя не покупати и торговым и промышленым и иным никаким людем покупать не велеть, чтоб служилым людем в том хлебном жалованье нужи и никакова оскорбленья не было. А как им служилым людем государево жалованье роздадут, и им тое дачю велети писати в розходные книги имянно всякому человеку особною статьею. А которые люди, взяв государево жалованье, помрут или коими мерами от иноземцов побиты будут, и тех служилых людей государево денежное и хлебное и соляное жалованье, что от них останетца, имати назад в государеву казну и писати в приходные книги имянно и держати иным служилым людем на жалованье, которые вь их место прибраны будут, и на государевы неокладные росходы, на какие будет пригодятца, и записывати то в росходные книги имянно ж. А на те выбылые места верста//ти в службу присыльных опальных людей, которых по указу великих государей велено верстати в службу. А будет ссыльных опальных людей на выбылые места в службу верстати неково, а учнут бить че[ло]м на выбылых служилых людей место в службу нетяглые промышленые или сибирских городов отставленые какие служилые люди, а в службу они пригодятца, и поруки по них в государеве службе будут, а пронятца без них не мочно, и тех отставленых сибирских служилых и нетяглых промышленых людей на выбылые места верстати, а чинити им оклады государева денежного и хлебного жалованья те же, что и прежние были, на которых // они место поверстаны будут. А давати тем новиком государево денежное и хлебное жалованье и соль по росчету с тех мест, как они в службу поверстаны будут, а что за их дачею денег и хлеба прежних служилых людей окладов останетца, и то по тому ж держать в государеве казне иным служилым людем на жалованье и в приходных и в росходных книгах то велети описывати имянно. И к прежним окладом никому ни за что государева жалованья денег и хлеба не прибавливати, и из малых окладов в большие оклады не переводити. А в выбылые детей боярских оклады верстать детей же боярских и братью в прежние их первые оклады, без придач отцов их и дядьи и братьи, в рядовые оклады, а литовского списку и конных и пеших казаков и новокрещенов по тому ж верстать детей их и братью в прежние ж рядовые оклады без придачь же. А кому были детем боярским и литовского списку и конным казаком и новокрещеном за службы придачи, и тех придач нововерстаным детем боярским и литовского списку и конных казаков и новокрещенов детям и братье и никому без указу великих государей и без грамот в оклады не давать, для того чтоб в государеве жалованье денежной казны в оклад не множилось. А детей боярских детей же и братью и племянников в ли//товские и конных казаков и новокрещенов в оклады, также и литовского списку и конных казаков и новокрещеных и их детей и братью в дети боярские не верстать. А хто поверстан будет в дети боярские и в литовской список и в конные и новокрещеных списку и в пешие и в стрельцы в окладных имянных книгах казаки велеть отписывать под имяны тех людей имянно. Да по указу великих государей велено в городех воеводам верстать в пешие казаки и в стрельцы ис казачьих и ис стрелецких детей и братью, а в дети боярские и в литовской список и в конные казаки не верстать. А велено им воеводам о верстанье детей боярских и литовского списку и конных казаков писати к Москве имянно. А как воеводы из городов о верстанье детей боярских и литовского списку и конных // казаков к Москве отпишут, и на Москве их верстать тех городов в выбылые прежние оклады без придач, так же как указано и тобольских детей боярских и литву и конных казаков. А будет учнет делать в верстанье не против государева указу, и что в том учинитца в государеве казне лишних росходов, и то великие государи укажут взять на нем Матвее Осиповиче. А как год дойдет, и ему государевым деньгам и хлебу и соли и мяхкой рухледи приходу и росходу делати сметные и пометные списки и служилым людем и ружником и обротчиком имянные книги з денежными и с хлебными и соляными оклады, как и в ыных сибирских городех сметные и пометные списки и книги делают, да о том и об ыных всяких делех писати, и те сметные и пометные списки и ленским служилым людем и ружником и оброчником имянные книги з денеж-

ными и с хлебными оклады и яса//шные книги по вся годы посылати из Якуцкого острогу к великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю [т.] к Москве беспереводно за своею рукою с нарочными гонцы. А на Москве те отписки и сметные и пометные списки и окладные книги велеть подавать в Сибирском приказе боярину князю Ивану Борисовичю Репнину с товарыщи. А по хлебные запасы посылати из Якуцкого острогу ленских служилых людей на Ленской волок // к стольнику и воеводе к Илье Змеову, по скольку человек пригожь, и велети те запасы возити в судех вь Якуцкой острог, чтоб служилым людем и ружником и оброчником в хлебном жалованье скудости не было. А того ему над служилыми людьми смотрити и беречи накрепко, чтобы они вь Якуцком остроге и на службе живучи, не воровали, зернью и карты не играли и не бражничали и табаку не пили и великих государей жалованья не пропивали и не проигрывали, и драки б у них и разбою и душегубства меж себя и инова никакова воровства не было, и ясашным бы людем и всяким иноземцом в остроге и ходячи по ясак утесненья и обид никаких не чинили. А которые будет служилые люди учнут в Якуцком остроге и ходячи по ясак воровать, зернью и карты играть и меж себя дратца и грабежи и душегубство, и ясачным людем и всяким иноземцом чинити обиды // и насильства и тесноты, и ему генералу и воеводе Матвею Осиповичю тех воров от воровства унимать и чинити им наказанье, смотря по винам, хто какова наказанья доведетца, чтоб всякому наказанье было против вины. А шатости б и заводов и кругов и бунтов и одиначества никакова в руских служилых людех и в ыноземцах при нем и после ево Матвея Осиповича высмотром и строеньем ево не было, чтобы руские служилые люди и иноземцы всякие были под государевою царскою высокою рукою страшны и великим государем послушны и неповадны ни на какое дурно. И самому ему Матвею Осиповичю, будучи на государеве службе // на Лене вь Якуцком остроге, государевым служилым и ясашным и торговым и промышленым людем обиды и насильства и никакова утесненья не чинити и без вины ничем ни к кому не приметыватца, и держати к служилым и к ясашным и к торговым и к промышленым людем во всем ласку и привет и береженье, // и государевою денежною и соболиною и всякою казною однолично ничем самому не корыстоватца никоторыми делы, и товаров с собою с Руси в Сибирь и из сибирских городов на Лену, опричь государевых и своих указных запасов, ничево не возить, и сь ясашными и с торговыми и с промышлеными людьми ничем не торговати, и вь ясашные волости и в новые землицы для торговли и для мены на мяхкую рухлядь денег и товаров своих никаких и платья и вина сь ясашными зборщики не посылати, и над служилыми людьми смотрити и беречи того накрепко, чтоб они вина и табаку и товаров никаких не имали и не возили, и на Лене вь Якуцком остроге, и по ясак ходячи, сь ясачными людьми на мяхкую рухлядь ничем не торговали и не меняли. А у кого будет у служилых людей на Лене или в посылках табак или товары какие объявятца, и ему те товары имати // в государеву казну, да те товары велети записывати в приходные книги имянно и держати те товары на государевы росходы, на какие пригодятца, а табак взяв зжечь, а тем людем, у ково табак или товары вымут, чинити наказанье, велети их бити кнутом и имати на них по государеву указу заповеди, чтоб отнюдь нихто служилые люди из сибирских городов на Лену табаку и вина и товаров с собою не имали и на Лене и нигде сь ясашными людьми ничем не торговали, тем бы они в государеве ясашном зборе убыли не чинили и мяхкою рухлядью и никакою государевою казною не корыстовались. А кого ясачных зборщиков для государева ясашного збору посылати учнет, и с тех ясатчиков однолично посулов и поминков не имать, и сь ясачными людьми торговать и никакие обиды и налоги и разоренья чинить не велеть. А про то // на Москве в Сибирском приказе ведомо подлинно, что от ясашных сборщиков, от якуцких детей боярских и сотников и пятидесятников и рядовых казаков, ясашным иноземцом обиды великие, и сь ясашными людьми торгуют и товары свои для торгу на них наметывают, и оттого великих государей ясашному збору чинитца великий недобор. И ему Матвею Осиповичю иноземцов от руских людей однолично // во всем оберегать накрепко. А хто ино-

земца чем изобидит или убойство учинит, и тем людем за воровство чинить великих государей указ по уложенью. И у торговых и у промышленых людех, которые будут на Лене, по тому ж табаку и вина и лишних товаров, или хто с ними чюжие животы повезет сверх проезжих грамот, обыскивать накрепко. А что у ково у торговых и у промышленых людей табаку и вина и лишних // товаров, или чюжих животов сверх проезжих грамот найдет, и тот табак и вино и лишние и чюжие товары имать на великих государей и записывать тот табак и вино и товары в книги имянно и поить тем вином иноземцов, которые учнут приходити вь Якуцкой з государевым ясаком, а товары держать на государевы росходы, на какие пригодятца, да то писати в книги ж, а табак велеть на торгу ж зжечь. А тем торговым и промышленым людем, у ково табак и вино вымут и лишние и чюжие товары сверх проезжих грамот возьмут, чинити наказанье и заповеди на них имати по государеву ж указу. Да о том, сколько у ково табаку и вина и лишних чюжих товаров сыщет и в государеву казну возьмет, и кому за то какое наказанье учинит, по тому ж писати к великим государем подлинно. Да и того ему воеводе смотрити и беречи // накрепко, чтоб нихто на Лене в острошках и вь юртах корчемного и продажного никакова питья и по подворьям у себя не держали, и безъявочно б нихто никаков человек пив не варили и медов не ставили, и у себя по подворьям питья никакова не держали. А кому лучитца к празднику или к свадьбе или к имянинам или к родином // или ко крестином или к поминком сварити пива или меду поставить, и воеводе Матвею Осиповичю велети тем людем приносити к себе в сьезжую избу челобитные, да те челобитные велети подписывать имянно, на сколько дней того питья кому дадут пить, и печатати те челобитные государевою печатью, а явки с того питья велети имати на великих государей, с чети пива по 4 д., а с пуда меду по 6-ти д., а вина курити и на явку отнюдь никому не давати, и самому ему Матвею Осиповичю вина однолично не курити. А хто будет учнет безьявочно // мед ставити или пиво варити, или хто учнет вино курити или на продажу учнет какое хмельное питье держати, и ему то явочное продажное питье и суды, винные котлы и кубы и горшки и трубы, велети у тех людей вымати с понятыми. А у кого будет неявленое и продажное питье вымут или питухов поимают впервые, и на тех людех велети имати на великих государей заповеди по 2 руб. по 4 алт. по полуторе деньге, а на питухах по полуполтине на человеке. А у ково вымут питье или питуха поимают вдругорядь, и на тех людех велети имати заповеди вдвое. А у ково вымут питье или питуха поимают втретьие, и на тех людех велети имати заповеди втрое, да их ж велети по торгом бить кнутом нещадно и метати их на неделю в тюрьму. // А что у кого неявленого и продажного питья и винных судов вымут, и что на ком заповедных денег возьмет, и то велети писати в книги имянно, а выимочное питье велети имати на великих государей и держати на иноземские, тунгуские и якуцкие тамошние росходы, а суды выимочные всякие велети продавати, а деньги держать на тамошние ж ленские всякие росходы. Да ему ж воеводе на великой реке Лене вь Якуцком остроге учинити заказ крепкой, чтоб всякие люди от пожаров жили с великим береженьем, а в летную пору изб и бань, опричь торговых бань, никакие люди не топили, а велети им поделати печи на полых местех, а для великих нуж родин велети избы и бани топити в ненастные дни с великим береженьем, с водою. Да ему ж воеводе Матфею с приезду своего пересмотрити на Лене вь Якуцком остроге тюремных всяких сидельцов и переписать на роспись и зделати тому статейной список подлинно, хто именем // и в каком деле и сколь давно в тюрьме сидят и пытан ли хто и что с пытки на себя или на иново на ково говорил. А пересмотря и переписав тех тюремных сидельцов на роспись, и зделав статейной список за своею рукою, прислать к великим государем не замотчав с приезду своего с ыными делы вместе. А будет Иван Приклонской на великой реке Лене до приезду генерала и воеводы Матвея Осиповича Кровкова чего вь Якуцком остроге не построил и у острогу крепостей не поделал и каких государевых дел зделать не успел, и ему воеводе Матвею Осиповичю в Якуцком всякие государевы дела // прежних воевод делати, и что у острогу не устроено, то все высмотря, где надобные всякие острожные крепости, поделати, чтоб в том остроге

от воинских людей жити было безстрашно. А однолично генералу и воеводе Матфею Осиповичю Кровкову, будучи великих государей на службе вь Якуцком остроге, великим государем службу свою и раденье во всем и ко всяким делам розсмотренье показати. И по своему высмотру вь ясашном зборе мяхкой рухляди и в денежных во всяких // зборех искати государеве казне прибыль, чтоб великим государем службою и раденьем в государеве казне была прибыль, а ему бы та служба вовеки была памятна. А меж руских всяких людей росправа ему чинити в правду по евантельской заповеди, безволокитно, а з сибирских иноземцов с князцов и сь ясашных людей судных пошлин не имати и того однолично вновь не всчинати, и иноземцов всяких от руских людей от обид и от продаж и от насильства оберегать и ласку и привет к ним держать, а воров от воровства унимати и наказанье им чинити, и у служилых людей хлеба на себя не покупати и никому купити не велети и никакими товары не торговати, и в сибирские городы и ленского уезду вь ясашные волости и в новые землицы с товары торговать и продавать и покупати от себя людей своих никово ни с чем не посылати. А искати великим государем во всем прибыли, чтоб ему учинити // в государеве казне вечная постоятельная прибыль, а тамошним бы руским и ясашным людем тягости и налоги не навесть, и делати ему по сему великих государей наказу и смотря по тамошнему делу и по своему высмотру, как будет пригож и как ево бог вразумит. А будет он Матвей учнет делать всякие великих государей дела с нераденьем и не против сего великих государей наказу и грамот, а великим государем про то ево нераденье ведомо учинитца и сыщетца про то допряма, и ему Матв[е]ю от великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] за то быть в опале.

Да в прошлых годех по указу великого государя велено в ево государеву казну вь Якуцком таможенным головам у торговых и у промышленых и у всяких людей сь их промыслов имать десятой соболь второй или третей статьи, а таможенные головы и приказные люди у тех людей имали сь их промыслов десятой соболь, не против государева указу, пятой и шестой статьи того, а цену писали в тех городех соболям высокую, и в Тобольску и на Москве у той рухляди перед сибирскою ценою уценка большая. И ему Матвею велеть вь Якуцком у торговых и у промышленых и у всяких людей сь их промыслов таможенным головам имать десятой соболь второй или третей статьи против прежняго великого государя указу, а для своей корысти торговым людем поноровки не чинить, и над таможенным головою смотреть, чтоб он не воровал, торговым людем поноровки не чинил, имал соболи против прежняго государева указу. //

А в прошлом во 188-м году в государеве наказе стольнику и воеводе Ивану Приклонскому велено вь Якуцком розобрать детей боярских и атаманов и литву и конных и пеших казаков, которые годятца в полковую и в городовую службу, и которые не годятца в полковую и в городовую службу за старостью и за увечьем, и сколько хто лет служит, и по какому государеву указу и в какой оклад поверстан, и которые и по грамотам великих государей верстаны в дети боярские и какова они чину наперед сего бывали и каких отцов дети, и о том взять у детей боярских скаски за руками, и то все на розборной список под имянами их написать имянно и потом писать к великим государем в Сибирской приказ. И во 190-м году воевода Иван Приклонской к великим государем писал и розборной список прислал. И генералу и воеводе Матвею Осиповичю, приехав в Якуцкой, того розсмотрить и посвидетельствовать, все ли о розборе против указу великого государя учинено, а буде чево против указу великого государя о розборе не учинено, и ему генералу и воеводе о том учинить и исполнить против указу великого государя и о том великим государем писать в Сибирской приказ подлинно.

На обороте: Диак Павел Симонов.

Справил Филатко Микитин.

К. 217, столб. 2 на 69 ставах; ст. 1—69.

36. *1684 г. не позднее мая 16. — Отписка якутского воеводы Матвея Кровкова в Сибирский приказ о прибытии его в Якутск, о принятии дел от бывшего якут-*

ского воеводы Ивана Приклонского и об обнаружении большой «недоимки» в ясачной казне, хлебных и соляных запасах.

Государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю [т.] холоп ваш Матюшка Кровков челом бьет. В нынешнем, великии государи, во 192-м году маия в 16 день по вашему великих государей указу приехал я холоп ваш на вашу великих государей службу на Лену въ Якутцкой и в вашей великих государей денежной и в соболиной и в товарной казне и в хлебных запасех и в соли и в судовых во всяких припасех воеводу Ивана Приклонского я холоп ваш считал. И по счетному, великии государи, списку доведетца взять в вашу великих государей казну доимочных денег, которая доимка учинилась при нем Иване, // за посадцких людей оброчных, и Чичюйского волоку и Ковымского зимовья за квасных откупщиков и за денщиков откупных денег 157 рублев 16 алт. да 50 соболей с хвосты, да на ясачных якутах и тунгусах и юкагирях на прошлые на 189-й и на 190-й и на 191-й годы вашего великих государей ясаку и поминков взять 528 сороков 17 соболей, 3 шубы да 92 пластины собольих, 3 лис бурых, 3 лис черночеревых, 74 лисицы сиводушчатых, 6006 лисиц красных, 3 шубы лисьих, да ваших великих государей хлебных запасов и соли, на детех боярских и на служилых людех начетного, и на пашенных крестьянех осудного начету и дачи прошлых 189-го и 190-го годов, 35 чети с осьминою и с полчетвериком и с полполчетвериком и с малым четвериком ржи, 4 чети с полуосьминою и с полполчетвериком пшеницы, 6 чети без четверика ячмени, 138 пуд 10 гривенок соли. И о той доимке что вы, великие государи, [т.] укажете.

К. 217, столб. 32 на 61 сставе; сст. 38-39.

37. *1684 г. июля . . . Наказная память якутского воеводы Матвея Кровкова сыну боярскому Архипу Лыткину о порядке застройки слобод вокруг нового города Якутска.*

Лета 7192-го июля в... день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] и по приказу генерала и воеводы Матвея Осиповича Кровкова память сыну боярскому Архипу Лыткину. Как к тебе ся память придет, и тебе бы по указу великих государей измерить и описать около нового города порожние места от городовых стен по 40-у сажен и больши, где быть и построитца дворами со всякими дворовыми заводы и с огороды якутцким жителем всяких чинов служилым и посадцким людем, чтоб попы и дети боярские и сотники и подьячие и пятидесятники и десятники и рядовые казаки и посадцкие люди с старого посаду переносили дворы свои и строили около того нового города по чином слободами, попы с попами, дети боярские с детьми боярскими, сотник с сотником, подьячей с подьячими, по тому ж и пятидесятники и десятники и рядовые казаки и посадцкие люди по чином вместе слободами ж. И учинить меж дворами проезжие улицы. Избы ставить лицом и ворота к городу, или как пристойно, чтоб градцким всяких чинов жителем дворы свои перенесть и построить около нового города нынешнего лета безо всякого мотчания.

К. 217, столб. 39 на 41 сставе; сст. 17.

38. *1687—88 гг. — Отписка якутского воеводы Матвея Кровкова в Сибирский приказ о ликвидации «измены» якутов Батулинской вол. Эрюкана Секуева «с товарищи», о стоимости собранной им мягкой рухляди и моржевого зуба, о заключении подрядов на поставку хлеба в Якутск и о постройке нового Якутского острога.*

Государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю [т.] холоп ваш Матюшка Кровков челом бьет. В прошлом, великие государи, во 192-м году, // до моево холопа вашего приезду, изменил въ Якутцком уезде Батулинской волости якут Эрюканко Секуев с товарыщи и многих свою братью иноземцов, Кушея Тыркина з братьями, побили и жен и детей их в полон поимали и скот лошади и кобылы отогнали, и собрався и розвоевав Якутцкой уезд, лутчих людей побив, хотели итти за Алдан на Емокон реку в тунгуские жилища к ызменником, которые тунгусы в прошлом во 186-м году вам великим государем изменили, Гортиканского роду Некрунко с товарыщи, и служилых лю-

дей пятидесятника Устина Панфилова с товарыщи 37 человек, не допустя идучи на Ламу до Охотцкого острошка, на дороге побили и вашу великих государей товарную и зелейную казну и ружье их и платье и всякой борошен взяли; и после того убийства тот изменник Некрунко с родниками своими с вашим великих государей ясачным платежем вь Якутцкой и на Ламу в Охотцкой не бывал, а в поход на того изменника за малолюдством служилых людей из Якутцкого и с Ламы из Охотцкого острошку посылать некову и нельзя. И я холоп ваш, приехав вь Якутцкой, на тех изменников посылал сына боярского Артемья Крупетцкого с служилыми людьми и с ыноземцы и ево вора изменника Эрюканка велел розговаривать, чтоб он от воровста своево с товарыщи отстал и в винах своих вам великим государем добили челом и были б под вашею великих государей самодержавною высокою рукою. // И по вашему великих государей указу он Артемей с товарыщи тово изменника Эрюканка с родниками розговаривал и подзывал под вашу великих государей царьскую высокую руку попрежнему вь ясачной платеж. И он Эрюканко вашего // великих государей указу учинился непослушен и учал битца, и за боем взяли их 15 человек, иных побили, и за ево воровство и за измены велел четвертовать, а товарыщев ево повесить. И которые з бою перешли за Алдан реку и сели в крепостях, и на тех изменников посылан был пятидесятник Андрей Амосов с служилыми людьми и с ыноземцы, и милостию божиею и вашею великих государей праведною молитвою и счастием тех изменников // побили, 3-х человек и завотчиков взяли, и полон и скот отогнали. И та измена и воровство моею службишкою и раденьем к вам великим государем пресеклась. А ваш великих государей ясак за нево Эрюканка платят дети ево Кунечко да Малта. И по вашему великих государей указу, будучи я холоп ваш на вашей великих государей службе на Лене вь Якутцком, собрал вашей великих государей соболиные и лисичные казны и кости моржевого зуба в прошлых во 192-м году маия с 16 числа по оценке торговых людей на 20 на 9 тысячь на 900 на 5 руб. на 3 алт. на 2 д., во 193-м году собрано на 40 на 6 тысячь на 800 на 10 руб. на 13 алт. на 2 д., во 194-м году собрано на 40 на 5 тысячь на 900 на 12 руб., во 195-м году собрано на 30 на 5 тысячь на 700 на 1 руб. на 14 алт. з деньгою. // Да в прошлом, великие государи, во 194-м году июня в 8 день писал ко мне холопу вашему из Енисейска стольник и воевода Степан Сабакин с товарыщи. А в отписке ево написано: в прошлом де во 193-м году апреля в 8 день указали вы, великие государи, в Енисейску боярину и воеводе князю Константину Осиповичю Щербатово с товарыщи против ево отписки, будет Иван Ушаков против своево уговору, как к вам великим государем писано из Енисейска в отписке, хлебные запасы на Лену станет ставить он Иван, а торговым бы людем в хлебной покупке помешки никакой не учинил, чтоб якутцким жителем в покупке тех хлебных запасов от подрятчика тесноты не было, также бы и на Лене без привозных продажных хлебных запасов якутцким жителем скудости в хлебных запасех не учинить. И в том же, великие государи, во 193-м году в Енисейском в приказной избе подрядились гостиной сотни Иван да Алексей Ушаковы поставить из Верхоленского острогу и из Ленских волостей с Илги и з Бирюльки в Якутцкой служилым всяких чинов людем на ваше великих государей жалованье покупных хлебных своих запасов 6000 пуд муки ржаной. Да во 194-м году по вашему великих государей указу подрядился в Сибирском приказе он Алексей поставить своих покупных хлебных запасов на своих проторях и судах на 195-й и на 196-й и на 197-й годы в Якутцкой по 6000 пуд муки ржаной доброй. И в прошлых во 194-м и во 195-м годех приказщик их Иванов и Алексеев Стенька Ружников те подрядные хлебные запасы в Якутцком в вашу великих государей казну отдал, и тот хлеб для ваших государевых дальних нижних двоегодных и годовых служеб служилым людем в росходе в тех же во 194-м и во 195-м годех. А с тех подрядных хлебных запасов в Якутцком и в Енисейском вашей великих государей десятой и весчих и записных пошлин не взято. А по уговору ряжено дать им Ивану и Алексею за тот подрядной хлеб в Енисейску из вашей государевы казны по 5-ти алт. по 2 д. за пуд. И буде не укажете вы, великие государи, с тех подрядных хлебных запасов взять в свою великих госуда-

рей казну десятой по 10 д. и весчих пошлин по 3 д. с пуда против того, по чему емлетца в Якутцком, и того будет по 7-ми алт. по 3 д. пуд, и у того хлеба у 24000 с вашею великих государей десятою и с весчими пошлинами перед якутцкою покупкою будет передачи 3720 руб. А в Якутцком для ваших государевых дальных нужных двоегодных и годовых служеб, за недосылкою ваших государевых хлебных запасов, купил я холоп ваш у торговых людей в вашу великих // государей казну служилым людем на жалованье во 194-м году 11295 пуд муки ржаной доброй, денег за тот хлеб дано из ваших великих государей казны 722 руб. 24 алт. 2 д.; в том числе дано за 2000 за 600 за 79 пуд за 30 гривенок по 11 д. за пуд, за 2000 за 900 за 70 за 3 пуда за 10 гривенок по 2 алт. за пуд, за 4000 за 900 за 70 за 1 пуд по 2 алт. по 2 д. за пуд, за 500 за 80 пуд по 2 алт. по 3 д. за пуд, за 50 за 5 пуд по гривне за пуд. Да во 195-м году куплено в вашу великих государей казну 3000 пуд муки ржаной по 2 алт. по 2 д. пуд. Да привозу енисейского подрядного хлеба и перед енисейским подрядным хлебом // в Якутцком в покупке учинилось в вашей великих государей казне прибыли у 14000 у 200 у 50-ти у 9-ти пуд 1308 руб. Да в прошлом, великие государи, во 192-м году отдал я холоп ваш в Якутцком уезде в Ыльгинской и в Бирюльской, в Орленской, и в Тутурской волостях и на усть Витима и Пеледуя рек квасные и бани вновь на откуп. А откупных денег с тех квасных взято в вашу великих государей казну на 192-й и на 193-й и на 194-й и на нынешней на 196-й годы 177 руб. 10 алт. Да в Якутцком по челобитью отдал я холоп ваш квасную и баню и площадное письмо и пролуби и на Чичюйском волоку квасную и баню и денщичей откуп из наддачи. А наддачи сверх прежнего с тех откупов взято в вашу великих государей казну 42 руб. 19 алт. 4 д. // И во 194-м году июля с 1-го числа, для умаления города по вестям неприятельских замыслов для приходу воинских всяких людей и осадного времени, около нового города острог новой я холоп ваш построил наготово. А вымерено около того нового города земли в острожное строенье от передней городовой стены к востоку к Лене реке и к старому посаду до острожной стены 60 саж., а от 3-х городовых стен до острогу по 40-у саж., всего вымерено земли под острог во все 4 стены 580 саж., да в том же остроге в стенах построено 8 башен, в том числе 2 проезжие. А для того острожного и хоромного строенья и городовой недостройки купил я холоп ваш из вашей великих государей казны в прошлых во 193-м и во 194-м и во 195-м годех 11848 бревен сосновых мерою в длину по 3 саж., в отрубе по 4 и по 5 вершков. По договорной цене, перед прежним городовым строеньем с убавкою, денег дано 329 руб. 31 алт. 4 д., по 4 д. и по 5-ти денег и по алтыну бревно, а как город строили, куплено из вашей великих государей казны, и служилые всяких чинов люди покупали в городовое дело такие бревна по 10 // д. и по 2 алт. по 2 д. бревно. А поставили тот острог служилые всяких чинов и приезжие торговые и промышленые люди. А в новом городе построил я холоп ваш для вашей государевы соболиныя казны 2 анбара с сараем, перевез из старого острогу, и зелейной погреб и воеводцкой и аманатцкой дворы и для раскольщиков, церковных мятежников, земляную тюрьму, и для городового утеснения поставил в остроге для ваших государевых хлебных и соляных запасов и судовых припасов 4 анбара. Да во 194-м году осенью обыскал я холоп ваш от города на нижнем лугу в 5-ти верстах руду железную. И для ваших государевых служеб и острожного и хоромного строенья железных всяких припасов, для сплавки той руды подрядил я холоп ваш из вашей государевы казны казаков Ивашка Хлепетина, Петрушку Борисова, и они Ивашко и Петрушка выплавили ис той руды 47 пуд железа кричного доброго, и то железо взято у них в вашу великих государей казну по рублю пуд. А у торговых людей в Якутцком в продаже и в покупке такое енисейское железо бывает по 3 руб. с полтиною и по 4 руб. пуд. Да во 192-м году августа в 31 день отдал я холоп ваш в Якутцком квасную и баню на откуп по челобитью торговому человеку Аниске // Семенову впредь на 3 годы, и ваш великих государей казенной квасной котел меди красной весом 5 пуд в тех годех ему Ониске, и впредь иным откупщиком, велел делать и починивать и медь прибавливать своими деньгами. А в прошлых годех со 176-го году при прежних воеводах давано из вашей государевы казны по 192-й год маия по

16 число, по мой холопа вашего приезд в Якутцкой, от дела того котла денег 41 руб. с полтиною, да меди дано из вашей государевы казны на починку 7 пуд 35 гривенок. А в Якутцком у торговых людей купят медь красную и зеленую по 16 руб. пуд и по 13 алт. по 2 д. гривенку и той котельной меди, что дано на починку, по цене на 126 руб. Да во 195-м году летом осталось за аманатцким кормом вашей государевы 3 бочки рыбы соленой; и я холоп ваш, тое рыбу велел продать по 10 алт. пуд, денег за ту рыбу взято в вашу великих государей казну 28 руб. // Да для ваших государевых дальных нужных двоегодных и годовых служеб, за недосылкою ваших государевых хлебных запасов, дал я холоп ваш служилым людем за ваше великих государей хлебное жалованье деньгами и товаром: во 192-м году дано за 1328 чети с осьминою и с четвериком и с получетвериком и с малым третником за рожь, за 285 чети без четверика за крупу и толокно, денег и по цене товаром 754 руб. 14 алт. 5 д., по гривне за пуд; во 193-м году дано за 1407 чети с осьминою и с четвериком за рожь, за 300 чети за крупу и толокно, 611 руб. 21 алт. 2 д., по 2 алт. по 4 д. за пуд; во 194-м году дано за 760 чети с осьминою и с полполтретником за рожь, за 231 четь с полуосьминою и с четвериком и с третником и с полполтретником и с полполчетвериком за крупу и толокно, 294 руб. 17 алт. 4 д., по 2 алт. за пуд. Всего в тех во 192-м и во 193-м и во 194-м годех дано за 19584 пуда за рожь и за крупу и за толокно денег и по цене товаром 1660 руб. 20 алт. 3 д. А в прошлых годех при прежних воеводех и при Иване Приклонском давано служилым людем за ваше великих государей хлебное жалованье по гривне и по 5 и по 6 алт. по 4 д. за пуд, и перед прежнею дачею, по чему давалось служилым людем за хлеб в прошлых годех при прежних // воеводах, учинилось у той дачи вашей великих государей казне прибыли 553 руб. 17 алт. 5 д. И всего, великие государи, собрано в Якутцком в вашу великих государей казну соболиной и лисичной казны и кости моржевого зуба по оценке, и что учинилось прибыли при мне холопе вашем в хлебной покупке перед енисейскою подрядною ценою, и с вашей великих государей десятою и с весчими пошлинами, и что куплено в острожное строенье бревен перед прежним городовым строеньем дешевою ценою, и с откупов наддачи и за котельное дело и за медь и за рыбу, и что приискана в Якутцком железная руда, и служилым людем дано за хлебное жалованье против прежнего с убавкою, — на 100 на 60 на 4 тысячи на 700 на 40 на 9 руб. на 26 алт. на 4 д.

К. 220, столб. 4 на 123 ставах; ст. 110—123.

39. *1690 г. не ранее сентября 1. — Отрывок приходо-расходной росписи «ружейной и товарной казны» Якутского острога за 1687—1690 гг.*

...И всего во 196-м году сентября з 22 числа да сентября ж по 1 число 197-го году в росходе при стольнике и воеводе при Петре Петровиче Зиновьеве 13 пуд 2 ф. пороху, 15 пуд 22 ф. свинцу, 2 пуда 34 ф. меду сырцу, патоки, 19 ведр с полуведром вина горячего. А в остатке у 196-го году во 197 году надобно налицо по наличному весу 42 пуда 38 ф. пороху руского и пушечного з деревом в 4-х бочках, 92 пуда 18 ф. свинцу, 27 пуд 6 ф. меду сырцу, патоки в 4-х бадьях, 4 ведр с полуведром вина горячего в 7-ми вершковое ведро без чети вершка.

Во 197-м году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1-е число 198-го году при стольнике и воеводе при Петре Петровиче Зиновьеве в приходе, и что у 196-го году ко 197-му году в остатке налицо всякой великих государей ружейной и товарной казны, и что из того числа в росходе, и что у 197-го году ко 198-му году в остатке. У 196-го ко 197-му году ружейной и товарной казны налицо. Ружейной казны: 7 пищалей медных в станках на колесах, а к тем к 7-ми пищалем 300 ядер железных и каменных, 78 мушкетов з замками, 17 пищаленков винтовок выстрелки з замками, карабинишко, 5 обрывков пищальных, 3 знамени тафтяных и дорогильных, 3 сабли с ножнями, 2 куячишка тунгуских, 5 наручни, 5 шишаков, 6 пансырей, 4 барабана. Товарные казны: 10 пуд 23 ф. без чети фунта олова в блюдех и в торелех, 7 пуд 28 ф. бисеру голубово и белово и черново, пуд 10 ф. бисеру же дикого и желтого, 7 пуд 37 ф. меди зеленые и красные новые и старые в котлах и в тазех и в медениках, 49 стоп 7 дестей бумаги писчей, 140 саж. сетей неводных, 6 пуд 16 ф. прядена неводного горохов-

ского, 136 арш. крашенины лазоревой, 2 вески медные, 3 ведра винных медных заорленых по весу 22 ф., труба медная, яндова большая, 2 яндовы малых, чаша лощатая, чашка шертовальная, кумгань да ковш да чарка медные, пуд меди запрудной, 2 шубенки горностальих, ровдуженко да мешинишко. Да во 197-м же году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1-е 198-го году при стольнике и воеводе при Петре Петровиче Зиновьеве в приходе вновь: // по отписке ис Тобольска боярина и воеводы Алексея Петровича Головина у якутцкого сына боярского у Леонтья Львова с товарыщи принято 30 стоп бумаги писчей, 5 пуд олова в блюдех и в торелех и прутового, 5 пуд одекую, 8 половинок сукна лятчины и те половинки для денежной и товарной скудости для государевых служеб розданы служилым людем в жалованье и писано в приходной и росходной денежной книге 197-го году имянно. Да по отписке ж ис Тобольска боярина и воеводы Алексея Петровича Головина 30 стоп бумаги писчей, 15 пуд меди зеленые, 1090 аршин крашенины лазоревой, а тот товар принят в Якутцком у тобольских посадцких у Ларьки Шалконова да у Матюшки Прокопьева. Да в розных месяцех и числех по приказу стольника и воеводы Петра Петровича Зиновьева куплено великих государей в казну в отпуски в зимовья для аманатцких рыбных ловлей 12 пуд 25 ф. прядена неводного тороховского, 73 саж. сетей неводных, да для государевых дел в приказную избу на свечи и аманатом тонгусам в саламаты 48 пуд без чети сала говяжья топленого и сырцу, да на топление приказные избы и тюремного двора 52 саж. дров лиственич//ных полененых, да к сумам на вороты и к соболиным сорокам на ременье 11 кож сыромятных, да к барабаном 6 кож сырых яловичных, да для печных поделок 5000 кирпичей обжиганых и необжиганых. Да из зимовей в привозе отпуску прошлого 196-го году и что сверх того в приходе: из Майского зимовья у сына боярского у Петра Крыжановского, из Вилюйского Верхнего зимовья у пятидесятника у Филиппа Щербакова, из Середнего Вилюйского зимовья у Омельки Иванова, из Батомского зимовья у казака у Петрушки Дуракова, из Чаринского зимовья у десятника у Любишки Артемьева, из Жиганского и из Оленского зимовья у пятидесятника у Герасима Цыпандина, всего у 6-ти человек, 8 котлов медных, весом 1 пуд 8 ф. Да по отпискам ис Тобольска боярина и воеводы Алексея Петровича Головина да из Енисейска воеводы Якова Вяземского принято в Якутцком великих государей в казну у казака у Ивашка Сергучева да у то//больских посадцких людей у Ларьки Шелканова да у Матюшки Прокопьева 2 ведра медных винных, по весу 14 ф. Да по отписке ис Криволутцкой волости прикащика сына боярского с Козьмы Мочахнина принято посыльных выимных у казака у Дорошки Лебедева 3 котла да куб да 6 труб медных, по весу 3 пуда 26 ф. И всего во 197-м году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1-е число 198-го году при стольнике и воеводе при Петре Петровиче Зиновьеве в приходе, и с тем что прислано ис Тобольска и из зимовей в приводе и что куплено в Якутцком и с остатком, ружейной казны: 78 мушкетов з замками, 17 пищаленков, винтовок выстрелки з замками, карабинишко з замком, 5 обрывков пищальных, 3 знамени тафтяных и дарагильных, 3 сабли с ножнями, 2 куя//чишка тунгуских, 5 наручни, 5 шишаков, 6 пансырей, 4 барабана. Товарные казны: 12 пуд 28 ф. бисеру и одекую, пуд 10 ф. бисеру и одекую худово, 15 пуд 23 ф. без чети фунта олова в блюдех и в торелех и в прутьех, 24 пуда 5 ф. меди зеленые и красные новые и старые в котлах и в тазех, да меди же 3 котла да куб да 6 труб винных по весу 3 пуда 26 ф., 1226 арш. крашенины лазоревой, 2 вески медные, 5 ведр медных заорленых винных по весу 36 ф., труба медная, яндова большая, 2 яндовы малых, чаша лощатая, чашка шертовальная, кумган да ковш да чарка медные, пуд меди запрудной, 2 шубенки горностальих якутцких, 8 половинок сукна летчины, 213 саж. сетей неводных, 19 пуд 1 ф. прядена неводного, 109 стоп 7 дестей бумаги писчей, 52 саж. дров лиственичных полененых, 48 пуд без чети сала говяжья топленого и сырцу, 11 кож//сыромятных, 6 кож сырых яловичных, 5000 кирпичей обжиганых и необжиганых. *Далее следует перечень ружейной и товарной казны Якутского острога за 198 и 199 годы.*

К. 223, столб. 3 на 50 ставах; сст. 1—8. Начало утрачено.

II. ФОРМЫ И МЕТОДЫ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПЛОАТАЦИИ.

А. Сбор ясака.

40. *1639 г. после февраля 12.— Отписка сына боярского Парфена Ходырева енисейскому воеводе Никифору Веревкину о сборе ясака с тунгусов, живущих в низовьях реки Лены, и об отказе десятника казачьего Семена Чухчерина «с товарыщи» сдать в государеву казну «промышленных» ими соболей.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе Никифору Логиновичю Парфенка Ходырев челом бьет. В прошлом во 147-м году по государеву указу послан я Парфенко на государеву службу на Ленской волок и в новой в Ленской острожек служилыми людьми. И приехав на Ленской волок в прошлом же во 146-м по государевым службам служилых людей по то ж число розослал. И отпустя служилых людей по государевым службам, взял я Парфенко под Ленским волоком государева ясаку 35 соболей с хвосты. Да внизу по Лене реке служилые люди Дунарко Степанов с товарыщи, и оне взяли государева ясаку с тунгоского князца шамагирского мужика с Васива да тунгуского ж князца с Мужунка и сь его улусных людей 3 сорока 24 соболя с хвосты да ковлочка. Да на той ж государеве службе издержали оне государева товару на подарки иноземцом и в вожем в наем 5 ф. с полуфунтом одекую, 12 ф. олова в блюдех и в торелех да муки государева изошло иноземцом 3 пуда, 2 безмены жыру рыбья. Да вверх Киренгы реки посыланы были служилые люди Васька Тимофеев с товарыщи 6 человек и взяли оне государева ясаку 62 соболя с хвосты. Да он же Васька // Тимофеев с товарыщи купил 6 соболей на государев товар, а дано на те соболи государева товару 4 ф. меди в котлех, а в тех соболях 1 соболь с хвостом. Да оне ж Васька Тимофеев издержали государева товару на подарки иноземцом и в вожем в наем меди в котлех 4 ф., 7 ф. с полуфунтом олова в блюдех и в торелех, 4 ф. одекую да государева муки иноземцом на корм полтретья пуда, 2 безмена жыру рыбья. Да он же Васька Тимофеев с товарыщи взял государева ясаку на усть Куты реки 32 соболя с хвосты. Да верх по Куте реки посыланы были служилые люди Ивашко Овдеев с товарыщи 3 человека, и оне взяли государева ясаку 49 соболей с хвосты. Да он же Ивашко с товарыщи купили на государев товар 10 соболей с хвосты, а дано на те соболи 4 ф. олова в блюдех и в торелех да полфунта одекую. Да оне ж Ивашко с товарыщи издержали государева товару иноземцом на подарки и в вожам в наем 3 ф. олова да 2 ф. одекую. Да им же тунгусом изошло государевы муки осьмина без четверика, безмен жыру рыбья. На усть Илима реки посылан был служилой Исачко Олфимов с товарыщи 5 человек, и оне взяли государева ясаку 3 сорока 5 соболей. Да на Илиме ж Гришка Кривогорицын с товарыщем взяли государева ясаку с Тубы и с Ытирмы 4 сорока 15 соболей с хвосты. Да оне ж Гришка и Исачко купили на государев товар 61 соболь с хвосты, а дано на те соболи государева товару 28 ф. олова в блюдех и в торелех. Да оне ж // Гришка и Исачко с товарыщи на Илиме издержали государева товару на подарки тунгусом и вожам в наймы 9 ф. с полуфунтом олова в блюдех и в торелех, 7 ф. одекую да государевы муки изошло у них четь с осьминою без четверика да 4 безмена жыру рыбья. Да вверх по Илиму ходили на государеву службу служилые Кермашка Иванов с товарыщи 4 человека, и оне взяли государева [ясаку] 35 соболей с хвосты. Да оне ж

Кормашка с товарыщи купили на государев товар 12 соболей с хвосты да 2 недособолишка, а дана на те соболи государева товару полосьма фунта меди в котлех. Да оне ж Кормашка с товарыщи на подрки и вожем в наем 5 ф. олова, 4 ф. одекую. Да оне же издержали государевы муки иноземцом осьмина да 2 безмена жыру рыбья. И всего государева ясаку собрано с Ленского волоку на всех государевых службах 16 сороков 17 соболей с хвосты да бобришко. Да на тех же государевых службах куплено соболей у иноземцов на государев товар 2 сорока 8 соболей да 2 недособолишка, а в тех в соболях 5 соболей без хвостов. И обоего ясашных и купленых соболей 18 сороков 26 соболей да 2 недособолишка. Да на подарки и на покупки и вожем в наем олова 69 ф. да на подарки же и на покупки всего меди изошло 15 ф. с полуфунтом меди, да одекую ж изошло на покупку и на подарки всего 23 ф., да муки всего изошло на корм иноземцом 3 четверти с осьминою и с четвериком, да жыру изошло всего 11 безмен. А с вамарогирского с мужика з Бакшенги и с его улусных государева ясаку не взято на нынешней на 147-й год, потому что он внизу по Лене жывет своими улусными людьми далече и достать его не мошно. И к нему к Башенги по государев ясак посланы будут служилые весною в стругах. Да в прошлом же во 146-м году послан был на государеву службу вверх // по Лене реке служилые люди десятник казачей Семейка Чюхчерев для государева ясашного збору с 11-ю человеки. И он Семейка с товарыщи ис тех с 11-ти человек одного человека Ваську Михайлова переславца покинул на волоку, взяв с него посулы, а дву человек Ивашка Осипова, Тимошку Олферова на усть Куты реки для своей бездельной корысти, наравя государевою службою, взяв с них посулов и ограбя у них харчю и хлебного запасу, покинул на усть Куты реки. А всего он Семейка верх по Лене реки ходил с 8-ю человки в судах. И отшод 5 днищ, за много до заморозу не у ясашных людей на пустом месте, не хотя государеву ясашному збору прибыль чинить, для своего бездельного промысла зазимовал. И зимою в нартех вперед для государева ясашного збору не ходил же и промышляли зимою на себя. И отпромышляв оне февраля в 12-м числе пришли на Ленской волок, а государева ясаку оне не принесли ни одного соболя, а у них своих соболей об[ъя]вилось 2 сорока 9 соболей. И я Парфенко те их соболи за их воровство имал на государя, что оне за государевым ясашным збором не ходили. И оне Семейка с товарыщи государева указу не послушали и соболей своих в государеву казну не дали, учинилися сильны. А хто имянем служилые люди с ним Семейкою государева указу не послушали, и тем людям под сею отпискою имянная роспись. И меня Парфенка оне лаяли всякою неподобною лаею. А за государевою казною служилые люди посланы Кермашка Иванов, Ивашко Васильев, Микифорко Романов, а за казною целовальник промышленой Харька Сидоров. И тою государевою казною и сю отписку велел подать и служилым людем явитися в съезжей избе тебе Никифору Логиновичю.

К. 187, столб. 3 на 27 ставах; сст. 2—5. Фамилия енисейского воеводы Н. Л. Веревкина устанавливается на основании «Списка городовых воевод» А. Барсукова.

41. *1640 г. сентября 24. — Наказная память казачьего атамана Осипа Галкина служилым людям Семену Чуфаристу с товарищами о посылке их на Алдан и на Маю для сбора ясака, о запрещении торговать с «иноземцами» государевыми товарами и о защите русских торговых и промышленных людей на промыслах.*

Лета 7149 году сентября в 24 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича [т.] указу Ленсково острогу казачей атаман Осип Галкин велел ехати на государеву службу из нового Ленсково острогу ленским служилым людем десятнику казачью Семейке Тимофееву Чюфар[исту], Костьке Степанову Дунаю, Федьке Михайлову Поздышу, Ваське Иванову для ясачново збору к прежним к ясачным к тунгуским и к якутцким князцом на Алдан и по Мае реке вверх к тунгуским князцом к Сокую и к Ширкунце, что во 149-м году сентября в 15 день били челом государю царю и великому князя Михаилу Федоровичю всеа Русии, а в Ленском остроге в съезжей избе казачью атаману подали челобитную они Семейка Чюфарист с товарыщи, а в челобитной своей написали: собрати государев ясак против прошлого 148-го году без недобору, да вново объ-

явили с подросков и з захребетников на нынешной на 149-й год собрати на Мае и на Алдане с тунгуских князцей с Картиуля и с Ширкунцы и с якутцких князцей и с их улусных людей с подросков. И им служилым людем Семейке с товарыщи, приехав на Алдан и на Маю к тем тунгуским и к якутцким князцом и к их улусным людям, собрати государев ясак против прежних с прибылью без недобору, да и вново чтобы явили сорок соболей на нынешной на 149-й год, а худых и голых и вешных соболишек в государев ясак не имали, а имали в государев ясак соболи добрые, которые б соболи в государев ясак пригодились. А их иноземцов не ожесточить и от государской их милости не отог//нать, чтоб и впредь с тех ясачных людей государев ясак прочен и стоятелен был. И призвав их, сказати им государево царево и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии жалованное слово, чтоб они ясачные люди князцы и [с] своими улусными людьми на государьскую милость надежны, и были бы во веки под государьскую царьскою высокою рукою в вечном холопстве без боязни, и от недругов их обороняти. И самим им Семейке с товарыщи к ыноземцом и к ясачным чином ни в чем не приметыватца и, збираючи государев ясак, им служилым людем Семейке с товарыщи в государеве ясаке не корыстоватца и добрых ясачных соболей на свои худые соболи не обменивать. И буде своею оплошкою и нерадением возьмут в государев ясак соболи худые, и за те худые соболи велят на них Чюфаристу с товарыщи доправить в государеву казну соболи добрые. И товаров им Чюфаристу с товарыщи своих с собою никаких не возити и с ясачными людьми на мяхкую рухлядь не меняти и с ними не торговати и ясачным людем обиды и насильства не чинить, а торговать с ними иноземцы государевыми товары. Да которые где торговые и промышленые люди с ними будут поблиску на соболиных промыслех, и им Чюфаристу с товарыщи торговых и промышленых людей на промыслех ото иноземцов оберегати, и побивать и грабить их не давать. Да и самим им Семейке и Костьке и Федьке и Ваське Иванову к торговым и к промышленым людем ни в чем не приметыватца и никоторова им дурна не чинить и от соболиных их промыслов не отогнати, чтоб и впредь на то смотря иным торговым и промышленым людем на соболиные их промыслы ходить было повадно. А то им служилым людем смотреть и беречь накрепко, чтоб отнюдь торговые и промышленые люди до государева ясачного збору своими товары на мяхкую рухлядь с ыноземцы не меняли и с ними не торговали, чтоб в том их торгу в государеве ясачном зборе недобору не было. // И им служылым людем Семейке с товарищи торговых и промышленых людей во всем ведати и суд давати и меж ими [ро]справа чинить, а пошлин имати с рубля по 3 алт. по 4 д., пересуду и правого десятка с суда по 7 алтын по 4 д., а ниже рубля пересуду не имати. А по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу без писменных крепостей, опричь бою и грабежу, суда не давать. А буде они Семейка с товарыщи своею оплошкою и нерадением государева ясаку не зберут против прежнево 148-го году и с новою прибылью, и что они объявили вновь собрати сорок соболей на нынешной на 149-й год, или учнут в ясак худые и голые и вешние соболишка и недособолишка имати, или государевы учнут ясачные соболи обменивать на свои худые соболишка, или ясачным людем всем обиды и насильства чинити, и по сей наказной памяти всего не учнут исполняти, а после про то допряма сыщетца, и за [то] им Семейке и Костьке и Федьке и Ваське быти от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в пене и в жестоком наказанье. А ходя им на государеве службе, Костьке с товарыщи, усторожливо смотреть и береччися от ыноземцов накрепко, чтоб над ними иноземцы какова дурна не учинили. Да им же служилым людем костью и карты не играти и иным зернью воровать не давать. А с ними послано государевых товаров на покупку соболиную и на подарки ясачным людем и денег на покупку, и деньги и товар писан в книгах. А для толмачества с ними послан служилой человек Федька Поздыш. А ездя на государеве службе, проведывать и сыскати беглых аманатов Дудея да дву тунгусов алданских Бедуная с товарыщем. А сыскав поимати тех аманатов и прислать их в Ленской острог с кем [пригоже].

К. 187, столб. 6 на 30 сставах; сст. 26—28.

42. *1641 г. не ранее марта 21. — Отписка сына боярского Алексея Бедарева якутскому воеводе Петру Головину с товарищами об обмене 4 соболей на муку у шамагирских тунгусов и об отправке их в Илимский острог.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии стольником и воеводам Петру Петровичю, Матвею Богдановичю, дияку Еуфимию Варфоломеевичю Олешка Бедарев челом бьет. В нынешнем во 149-м году марта в 21 день пришли з зверовья на усть Муки реки ясачные куцкие шамагирские тунгусы 5 человек, Овын Онин брат с товарыщи, и принесли 4 соболи не пороты с хвостами, и прошали у меня муки, голодни де мы ходили де на зверовье и зверей не добыли. И я целовальников призывал и муки у них государевы прошал, чем их накормить. И они мне муки не дали, нам де тунгусом муки давать не указано. И соболей в государеву казну не взяли, нам де до тех соболей дела нет. И я у них те 4 соболи взял и мукою своею накормил. И на дорогу им дал чашу муки не веся, чаять безмена 3, а на корм им изошла та же чаша. И те я 4 соболи, запечатав своею печатью, послал к вам на Илим з березовским казаком с Ларькою Шумиловым.

На обороте: Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии стольником и воеводам Петру Петровичю, Матвею Богдановичю, диаку Еуфимию Варфоломиевичю.

149-го марта в 22 день подал отписку березовский казак Ларька Шумилов.

Помета: 149-го марта в 22 день соболи взять в государеву казну и записать в приход, а отписку в столп вклеить, а сыну боярскому отписать, кузнецу Онтипке с тунгусами говорить отнюдь не велеть и служивым людем заказать, чтоб смотрели за Онтипкою крепко. А будет служивые люди Онтипку кузнеца увидят, что он с тунгусами говорит, и о том отписать и Онтипку прислать на Ленской волок. А хто будет Звероуловых родников на усть Муки придут, и тех всех роспрося прислать на Ленский волок с служивыми людьми. А служивым людем на Ленской волок с тунгусами велеть приходить ко дни, а к ночи приходить не велеть. А кузнецом анбар велеть дать на кузницу тот, что была часовня.

К. 189, столб. 1 на 59 ставах; ст. 36.

43. *1645 г. сентября 22. — Наказная память якутского воеводы Василия Пушкина служилым людям Дружинке Чистякову с товарищами о посылке их в Столбовское зимовье для сбора ясака и «приискивания» новых неясачных якутов и тунгусов.*

Лета 7154-го году сентября в 22 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу память служивым людем Дружинке Чистякову, Дениско Иванов, Васька Петров, Ивашко Микитин Ураско. Итти им вниз по Лене реке к Столбам до прежнего ясашного зимовья наспех, не мешкая нигде, для государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии ясашного збору и приску вновь неясашных людей судном с великим поспешением. Да с вами ж послан столбовской аманат именем Омуча да немченской аманат Онило. И тово аманата дорогой идучи беречь накрепко, ис казенки не выпущать, итить с великим опасением, чтоб столбовские тунгусы, собрався безвесным приходом, какова над вами дурна не учинили и аманата б не отбили. И пришед в зимовье, жить с великим бережением, аманата держать в казенке в железах за крепким караулом и беретчи тех аманатов накрепко, чтоб не ушли и над собою и над вами служивыми людьми какова дурна не учинили. И без караулу бы у вас в зимовье ни на малое время не было, чтоб аманатцкие родники, собрався безвесным приходом, какова над вами служивыми людьми дурна не учинили и аманатов б не отбили. И пищалей и топоров и ножей и поленных дров блиско аманатов не класть. И укрепясь в зимовье, посылать ясашных тунгусов к аманатцким родникам к столбовским тунгусом и велеть всем родникам ево промышлять государевым ясаком неоплошно полным по 5-ти соболей ...[1] родников с 8-ми человек по 5-ти соболей с человека. И то им сказать, что аманаты их привезены живы. Изготовя б родники их ясак, были б все в зимовье, не измешкав. И в иные я[сашны]е волости

[1] *Начало строки оборвано.*

к тунгусом посылать для государева ясашного збору служивых людей, ково доведетца, по сколько человѐк мочно ходить, не мешкав по всем волостям. И ясак на государя во всех волостях велеть готовить полной, // и [с] подросков и захребетников перед прошлыми годами с прибавкою. А с столбовских тунгусов со всех с прежних ясашных людей имать государев ясак перед прошлыми годы с прибавкою ж, как с ково мочно, смотря по людем, чтоб в государеве ясашном зборе учинить прибыль, которая б впредь была прочна и стоятельна, а иноземцом бы не в самую тягость и не в налог. А вешных соболей и недособолей в ясак и в поминки не имать. И в ясашных волостях подросков и захребетников выискивать и ясак с них на государя имать, как с ково мочно, примерясь к иным иноземцам. И новых родов тунгусов и якутов приискивать и под государеву царьскую высокую руку приводить и ясак с них на государя имать по тому же, как мочно, примерясь к иным иноземцам ясашным людем. И аманатов у тех новоприисканых людей имать из роду по человеку добрых, чтоб под тех аманатов по вся годы государев ясак был безпереводно. А служивые люди и толмачи, которые из ясашного збору из спосылок из ясашных волостей приидут, и тех служивых людей и толмачей, встречая от зимовья, обыскивать накрепко. И что будет у тех служивых людей и у толмачей объявитца какой мяхкой рухляди, и то все писать в книги имянно. И иноземцом ясашным людем накрепко о том заказати, чтоб у служивых людей и у толмачей соболей и никакой мяхкой рухляди хоронить не имали, что будет те служивые люди и толмачи дадут хоронить, и те б // иноземцы тое мяхкую рухлядь объявливали вам без боязни. А будет те иноземцы тех похоронных, служивых людей и толмачей, соболей и иной мяхкой рухляди не объявят, и за то им иноземцам быть в жестоком наказанье. А с ково что с прежних с ясашных волостей возьмете государева ясаку и поминков на нынешной на 154-й год и на прошлые годы в доимку, и то писать в книги имянно по годом и по волостем порознь, волость с волостью и год з годом не списывать. А с ково что с которой волости государева ясаку прибудет или убудет, и то описывать в книге имянно, по чему с ково прибыло и по чему с ково убыло. А с новых приисканых людей что возьмется ясаку, и то писать в книги по тому ж имянно. А иноземцам всем, старым и новоприисканым, давать в государеве ясаке и в поминках отписи за печатьми своими всякому порознь. А подарков давать иноземцам по невелику, примерясь к прежним годом. А будет что иноземцы для государьского величества тебе Дружинке с товарыщи дадут в поминки соболей, и те соболи вам не утаить и писать в книги особою статьею имянно и привесть те свои поминочные соболи в Якутцкой острог вместе с ясачными собольми. А приимать государева ясашная казна и всякая соболиная мяхкая рухлядь и поминочные соболи тобе Дружинке, и печатать государевы ясашные и поминочные соболи и всякую мяхкую рухлядь тобе Дружинке своею печатью. И во всем бы тобе Дружинке с товарыщи государевым царевым и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии делом и ясашным збором и прииском новых землиц радеть и промышлять неоплошно, и про государское величество иноземцам всем росказывать, и ясак с них на государя збирать с великим радением неоплошно, чтоб вам своею службою и радением учинить // в госадереве ясашном зборе прибыль, которая б впредь была прочна и стоятельна. и себя б вам за ту службу видеть в государеве жалованье и перед своею братьею быть похвальными. И о том бы вам иноземцам всем ясашным людем учинить заказ крепкой под смертною казнью, чтоб иноземцы нихто никоими мерами государевых людей торговых и промышленых не грабили и не побивали и кулемников не постошили. А хто из них учнут торговым и промышленым людем какую тесноту и обиды и грабеж чинить, и тем иноземцам по госудереву указу быть в смертной казне. А самому тебе Дружинке и служилым людем иноземцам ясашным людем держать ласка и привет и ничем их не изобижать. И торговых и промышленых людей по тому ж беречь. И самим к торговым и промышленым людем для своей бездельной корысти ничем не приметыватца и тесноты и налоги и никакой обиды не делать. И карт б у вас и зерновых костей и зерни и никакой закладной игры не было. И над служивыми людьми, над товарыщи своими, тово смотреть и беречь накрепко против сей указной памяти, заповедново

ничево и зерни и табаку и пьяного питья и всякие закладные игры держать не давать, от того их унимать накрепко. И не взяв государева полного ясаку, самому и служивым людем с ыноземцы мимо государевых товаров своими товары на мяхкую рухлять на соболи и на лисицы не торговать. И торговым и промышленым людем заказ о том учинить крепкой, чтоб у иноземцов до ясашного збору ни в которых волостях у тунгусов и у якутов соболей и шуб собольих и никакой мяхкой рухляди не покупали. А будет которые торговые и промышленые люди учнут в своих зимовьях с ыноземцы на мяхкую рухлядь торговать, и зернью и карты играть, и вино // и пиво и мед и брагу и табак держать, и тех торговых и промышленых людей за поруками, и купленую их мяхкую рухлядь, присылать в Якутцкой острог. А книги вам ясашные 152-го году и 153-го году даны с ково с тунгусов с которого роду недоборного ясаку и поминков. И тобе б одноконешно служба своя и радение государю показать, с аманацкого роду взять государев ясак полной на нынешной на 154-й год. И старых ясашных тунгусов, чево не добраnо государева ясаку на прошлые годы, и тот недоборной ясак добрать сполна, на прошлой на 153-й год донять государева ясаку на столбовских тунгусах 32 соболя против прошлого 152-го году. И про то тебе Дружинке с товарыщи сыскать и роспросить накрепко столбовских тунгусов, в прошлом во 153-м году сколько с аманатцкого роду взял ясаку и сколько соболей служивой человек Гришка Табуркин с товарыщи, и почему те столбовские тунгусы государева ясаку не доплатили. И что те столбовские ясашные тунгусы в допросе скажут, и те речи их записать и записка подать я Якутцком остроге в съезжей избе государевым воеводам. Да и то им ясашным тунгусом сказать, что в прошлом же во 153-м году служивой человек Гришка Табуркин взял у них в аманаты тунгуса, и тот аманат в Якутцком остроте помер своею смертию, а не убит, и тот аманат послан с вами, и тебе б Дружинка с товарыщи тово мертвого аманата отдать родникам его столбовским тунгусом. А собрав государев ясак, на весну, аже даст бог, быть в Якутцкой острог с казной и с аманатом по самой полой воде за льдом. А будет вы с товарыщи не учнете государевым делом радеть и вашим нерадением и оплошкою в государеве ясашном сборе не учините прибыли, или государевы соболи и лисицы и бобры учнете переменять, или государевою соболиною казною учнете корыстоватца, или иноземцам ясашным людем обиду и тесноту учнете делать и ино//земцев же неясашных людей не учнете под государеву царьскую высокую руку призывать, или аманатов, которые будут иноземцы, своим небережением упустите, или иноземцом же ясашным тунгусом и якутом не учнете про торговых и промышленых и про всяких руских людей убойство и грабеж заказывать, или торговые и промышленые люди учнут в своих зимовьях с ыноземцы торговать, а вы их Дружинка с товарыщи не учнете за поруками и купленой их мяхкой рухляди в Якутцкой острог присылать, и торговые и промышленые люди учнут каким воровством воровать, питье пьяное вино и пиво и мед и брагу и табак держать, а вы их не учнете от того унимать, или посулы и поминки собе у них от тово учнете имать, или к торговым и к промышленым людем для своей бездельной корысти учнете с служивыми людьми за посмешно не по делу приметоватца, или недоборного ясаку не доберете на прошлые годы, или сами у Столбов вино и пиво и мед и брагу и табак и зерновые кости и карты по тому ж учнете держать, или нерадением своим и оплошкою до Столбов, до ясашного зимовья, не дойдете, и тебе Дружинка с товарыщи за то по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу быть в жестоком наказанье. А что вам дано государева товару на подарки иноземцом и для покупки мяхкой рухляди и что аманату на корм, и тому роспись под сем наказом.

К. 190, столб. 31 на 16 ставах; сст. 9—14.

44. *1648 г. сентября 23. — Наказная память якутского воеводы Дмитрия Францбекова десятнику Марку Каткову и толмачу Тимофею Никитину об отправке их вниз по реке Илиму для сбора ясака и «приску» неясачных людей.*

Лета 7157-го году сентября в 23 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу и по приказу воевод Дмитрея

Андреевича Францбекова да дияка Осипа Стефанова память // служилым людем десятнику и толмачю Марчку Коткову да Тимошке Никитину. // Итти им вниз по Илиму для государева царева и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии ясачного збору и приску вновь неясачных людей и збирати им на государя ясак с прежных ясачных людей с прибылью, которая б прибыль впредь прочна была и стоятельна, на нынешной на 157-й год перед прошлым 156-м году по ясачным книгам. А имати в государев ясак и в поминки соболи добрые, а вешных соболей и недособолей и без хвостов и драных соболей в ясак не имати, и подросков и захребетников выискивать и ясак с них по тому же имать, а подарков им давать против ясаку, примеряся к прежним дачам, по невелику. А что с ково государева ясаку и поминков возьмете и что кому подарков дадите, и то вам у собя писать в книги имянно порознь статьями. А иноземцом в государеве ясаке и в поминках давать отписи впредь для спору. А с новых неясачных людей имать государев ясак ласкою, а не жесточью, чтобы им было не в тягость и тем бы их наперво не ожесточить и от царьские высокие руки не отгонить, а собя б вам за ту службу видеть в государеве // жалованье и перед своею братьею быть похвальным. А самим бы вам до государева ясаку с ыноземцы не торговать и никому торговать не велеть. А буде вы служилые люди Марчку с товарыщи не учнете государевым делом радети, государева ясаку по книгам перед прошлым 156-м году не доберете, или учнете до государеву ясаку с ыноземцы торговать или кому торговать велите, и вам за то по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу быть в жестоком наказанье без пощады. А по чему государев ясак збирать, и тому даны имянные книги. А что дано иноземцом на подарки олова и одекую, и тому роспись под сею наказною памятью. А с подросков, которые в прошлом во 156-м году платили государев ясак неполной, по соболю и по 2 и по 3 и по 4, и на тех подросков на нынешной на 157-й год прибавить вновь по соболю в государев ясак имати. А которые ясачные тынгусы в нынешнем во 157-м году государева ясаку не дадут, померли или куда отошли, и то вам у собя писать в книги имянно особою статьею. И недоборной ясак по книгам на прошлые годы збирать. А збирать вам государев ясак вниз по Илиму реке и по иным рекам, по Турыге и по Игирме и по Яре и по Енисею, снизу с Кеты реки вверх по Шаманской порог, чтоб однолично в государеве ясаке и поминках недобору не было. А что кому иноземцом подарков дадите, и то писать имянно в книги. // А для письма быть промышленому человеку Ивашку Прокопьеву Посохову.

Роспись, что дано вниз по Илиму иноземцом на подарки олова да на корм ясашным людем муки ржаной и жиру говяжья: 3 блюда олова весом 6 безмен, 4 пуда муки ржаной, 4 безмена жиру говяжья.

К. 194, столб. 21 на 88 сставах; сст. 14—18.

45. *1657—58 гг. — Изветная челобитная колымских юкагир князцов Егупки, Кильтиги и Чека Каляминых и их улусных людей якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому о поборах и насилиях служилого человека Григория Татаринова.*

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] бьют челом твои государевы сироты Ковымы реки ясачные юкагири князцы Егупко да Кильтига да Чека Калямины и улусные люди Онтупо Кандаков, Сопинка да Адамко Кильбановы, Алимо да Моторка Ириповы, Каган да Щербак Нельзины, Щербак Калгинов, Ломоко Комельдов, Пеледу Калметов, князец Алива Никрадьев, дети ево Чермо да Небо и улусные их люди кузнец Паланда да брат ево Калыпика Мулуевы, Лопата Калгатов, племянник ево Намдамедко да брат ево сытник Талинка Оятов, князец Кинита Алаев, брат ево Илимча и улусные их люди Криворог Мотоков, сын ево Кильма, Пенемта Мынечев, сын ево Ичу, брат ево Чюкля Мыничев, Чивиля Индерков. Жалоба, государь, нам на служилого человека на Григорья Иванова Татаринова. В прошлом, государь, во 165-м году был он Григорей на Ковыме реке в Середнем вь ясачном зимовье приказным человеком, бил он нас батоги по многие времена, а говорил нам сиротам твоим, привезите к нам ясачным зборщиком в ясачное зимовье лебяди и гуси и берите

ягоды и к нам привозите. И в нынешнем, государь, во 166-м году по осени, преж твоего государева ясачного збору, взял он Григорей с товарыщи в войское с князца с меня Черма 6 соболей в козках с пупки и с хвосты для того, что де ты не приходил к ясачному зимовью с лебяди и з гусьми и сь ягоды; с князца с меня Егупка з братьями взял 5 соболей в козках с пупки и с хвосты; с князца с меня с Киниты взял 5 соболей с пупки и с хвосты в козках за то ж, что не приходил летом к ясачному зимовью с лебяди и з гусьми и сь ягоды. И после твоего государева ясачново збору меня сироту твоего князца Кильтигу садил в казенку и вымучил у меня головных в козках 2 соболи и братьям моим велел меня выкупить собольми и меня бил батоги без пощады. И взял с князца с Чока з братьями 4 соболи добрых, с Черма Аливина взял 2 соболи. А как мы сироты твои приходили к твоему государеву ясачному зимовью с твоим государевым ясачным збором, и в тое время приимаючи твой государев ясак он Григорей целовальника Ивана Дорофеева бил по щокам и от твоего государева ясачного збору выслал и без целовальника у нас сирот твоих лутчие соболи откладывал и взяв твой государев ясак у нас сирот твоих, те лутчие соболи он Григорей взял себе. А за те соболи нам сиротам твоим дают товаром по стреле за соболя или по агниву, а за иные и ничего не дают, и наметывают на нас свои товаренка: топоренка худые и стрелишка и огнивишка и пилишка и ножишка и собаки худые и емлют за те свои товары у нас соболи, как збирают твой государев ясак, и выбирают соболи лутчие, а называют битыми и плелыми и драными и откладывают на сторону, и у нас ясаку не доставает и достальной ясак мы промышляем зимою без корму с великою нужею. А за те наши соболи они емлют себе преж твоего государеву ясаку, зачитают за свои товары за стрелу // по соболю, за огниво по соболю, за пилу по соболю и по полтора и по 2, за ножишка по соболю, за топоренка по 2 соболя и по 3 и дороже, и за собаки емлют також дорогою ценою. И призывают к ясачному зимовью почасту летом и зимою, в кое время корм добываем рыбы и звери и птицы, и велят к себе по вся недели корм и соболи привозити. А на которой недили не привезем, и за то бьют батоги и сажают в колоды и вымучивают соболи, и детей наших за свои долги за соболи девки емлют в войское за малую цену, а продают руским людем. И в той езде корму добывать не поспеваем и от того бывает на нас по многие времена великой голод. И в том ево Григорьеве во всяком насильстве мы сироты твои обнищали и обдолжали великими неокупными долги. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович [т.], пожалуй нас сирот своих ясачных иноземцев вели, государь, сию нашу челобитную принять на Ковыми реке в сьезжей избе приказному человеку пятидесятнику казачью Ивану Кожину да таможенному целовальнику Ивану Дорофееву и под отпискою послать в Якутцкой острог в сьезжую избу стольнику и воеводе Михаилу Семеновичю Лодыженскому да дияку Федору Танково. Царь государь, смилуйся пожалуй.

На обороте 8 юкагирских «знамен».

К. 203, столб. 5 на 20 ставах ст. 18—19.

46. *1658—59 гг. — Отписка якутского воеводы Михаила Лодыженского в Сибирский приказ о сборе ясака и поминков с якутов, тунгусов и юкагир.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] холоп твой Мишка Лодыженской челом бьет. По твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича [т.] указу и по наказу, каков дан мне холопу твоему да дьяку Федору Тонково на Москве за приписью дьяка Григорья Протопопова, велено мне холопу твоему збирать на тебя великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] ясачная и поминочная и десятинная и всякая мяхкая рухлядь в Якутцком уезде и по иным сторонным рекам и в новых землицах. И я холоп твой в нынешнем во 167-м году в Якутцком остроге с волосных якутов на нынешней на 167-й год по окладу, и на прошлые годы из доимки, твоево государева ясаку и поминков, и моих холопа твоего и дьячих сьезжие избы поминков же, на тебя великого государя сам збирал, а в зимовья, государь, посылал я холоп твой збирать служилых людей. И по той, государь, моей посылке служилые люди, собрав в розных зимовьях твой государев ясак и

поминки, привезли с Яны реки Верхнего и Нижнего зимовей и с Вилюя 3-х зимовей, с Маи дву зимовей, с Алдану Бутанского зимовья, да с низу Лены реки с Тобольского да Жиганского зимовей, да с верх Лены реки из Олекминского острожку и Олекмы реки Чаринского зимовья и Чичюйского волоку, да з дальных с Олекмы и с Алазейки и с Ковыми и с Ындигирки рек, да с новых с Охоты и с Тоуя и с Анадыря реки с якутов и с тунгусов и с юкагирей на нынешней же на 167-й и на прошлые ж годы окладные и доимочные и неокладные рухляди, перед збором и перед привозом и перед посылкою к тебе ко государю к Москве 162-го, 163-го, 164-го, 165-го и 166-го годов с большою прибылью. И по твоему государеву указу...

К. 184, столб. 11 на 188 ставах; ст. 188. Конец столбца утрачен.

47. *1658—59 гг. — Ценовная роспись якутской ясачной, поминочной, десятинной «и иной всякой» мягкой рухляди и кости «рыбья зубу».*

... Дунай с товарыщи 6 соболей с хвосты да 4 пупка собольих, которые соболи и пупки взял он Ивашко в прошлом во 166-м году за государев ладан, которой ладан принял он Ивашко у прежнего таможенного целовальника у Максимка Парфеньева, а с ним Максимком да с Костянтином Дунаевым тот ладан послан на продажу из Якутцкого острогу в прошлом во 162-м году, а якутцкая цена тем соболям и пупкам: 6 соболей с хвосты, цена 12 руб., да 4 пупка собольих, цена 11 алт. 4 д. // По отписке с Анадыря реки служилого человека Сеньки Дежнева привез служилой человек Микитка Семенов убитого служилого человека Ивашка Пуляева статков 4 соболи с хвосты, цена 4 руб., да 3 пупка собольих, цена 8 алт. пол-5 д., да кости рыбья зубу 3 пуда, а в них по 7 костей цена по 35 руб. пуд, кость 7 ф., цена 7 руб., да кость 5 ф., цена 5 руб. Да по ево ж Ивашкове кабале взято на промышленом человеке на Платке 5 костей весом 38 гривенок, цена 50 руб., лисица чернобурая с лапы без хвоста чемер-побит, привез из Жиган ясачный зборщик сын боярской Андрей Булыгин, а сказал, что он Андрей тое лисицу купил в Жиганех, а дал за нее из государевы казны из тамошних доходов из пошлинных судных денег рубль 19 алт., а якутцкая цена той лисицы 6 руб.; 4 кости рыбья зубу весом пуд, цена 60 руб., а тою костью государю челом ударил Троецково монастыря трудник Онисимко Катромин. // Да в нынешнем же 167-м году с Ковыми реки служилой человек Гришка Тотарин привез соболя с пупком и с хвостом, а сказал, взял де он того соболя на Ковыме реке вместо пошлин за 13 алт. за 2 д. с челобитья с юкагирского князца Киниты, что бил челом государю на юкагиря ж в бою, а якутцкая цена тому соболю рубль, а пупку цена 2 алт. пол-6 д. С Ковыми реки сын боярской Костянтин Дунай привез 4 соболи с хвосты без пупков, которые соболи взяли он Костянтин да целовальник Максимко Парфеньев в прошлом во 165-м году за государев карбас, а ковымская цена тому карбасу 4 руб., а соболям якутцкая цена 5 руб. // С той же Ковымы реки таможенной целовальник Максимко Парфеньев привез 25 соболей с хвосты да 2 сорока 20 пупков собольих, которые взял он Максимко в прошлом во 165-м году за государев ладан, который ладан послан из Якутцкого острогу с ним Максимком да с сыном боярским с Костянтином Дунаем в прошлом во 162-м году на продажу, якутцкая цена 25-ти соболям 26 руб., а 2 сорокам 23-м пупкам цена 9 руб. пол-3 д. // Индигирского зимовья на прежнем таможенном целовальнике на Ваське Курочкине довелось взяти государевых таможенных зборных денег по ево Васькиным приходным книгам, которые деньги он Васька, будучи на Индигирке реке, собрал, а в государеву казну не отдал, 150 руб. 8 алт. 5 д.; и за те деньги взято у него 3 сорока соболей с хвосты, а розборная якутцкая цена тем соболям: сорок соболей с хвосты, цена 250 руб., сорок соболей с хвосты, цена 100 руб., сорок соболей с хвосты, цена 60 руб. Один соболь с хвостом да 5 пупков собольих, которые взяты по счетному списку на таможенном голове на Андрее Курдюкове, которых соболя да 5-ти пупков в прошлом во 162-м году против своих приходных книг не донес в государеву казну, а цена тому соболю пол-2 руб., а 5-ти пупком цена 14 алт. пол-4 д. По отписке прошлого 166-го году с Омолоевы реки служилого человека Ганьки Алексеева в прошлом во 166-м году привез служилой человек

Федотко Ветошка умершего служилого человека Федьки Голово статков 6 соболей с хвосты; а довелось на том Федьке взяти в государеву казну незаслуженного государева денежного жалованья и за хлеб и за соль деньгами всего 13 руб. 11 алт. 5 д., а якутцкая цена тем соболям 20 руб. // В прошлом во 166-м году писал в Якутцкой к стольнику и воеводе к Михаилу Семеновичю Лодыженскому да к дьяку к Федору Тонково с Охоты реки приказной человек Ларион Мартемьянов: служилые де люди, которые посланы с ним Ларионом, Пятко Алексеев с товарыщи ему Лариону от государева от ясачного збору и от всяких государевых дел без государева указу отказали и служилые люди выбрали себе приказных Пятка Алексеева да Пашка Степанова и государев ясак збирали они Пятко да Пашко; а как они тот государев ясак приимали, и из тех ясачных соболей они служилые люди имали себе соболи по 3 и по 5-ти и по 10-ти и больши, а за те соболи давали свои товары, а в то число им тунгусам велели иные соболи приносить; и таких соболей собрали на себя 20 сороков. И по роспросу в Якутцком те служилые люди сказали: как де они государев ясак збирали, и в те поры которые худые соболишка в ясак не годились за худобою, и они те соболишка у тунгусов покупали, и таких соболей доставалось на человека по 20 соболей, а давали свои товаренка, и в тех место худых соболей велели тем тунгусом приносить в государев ясак соболи добрые. И стольник и воевода Михайло Семеновичь Лодыженской велел те соболи, которые они купили из ясачных соболей, по 20-ти соболей на человеке взять в государеву казну. // И в нынешнем во 167-м году с тех служилых людей, которые приехали с Охоты в Якутцкой, и тех соболей взято на государя у Пятка Алексеева 20 соболей с пупки, у Онтонка Микулина 10 соболей без пупков, у Сеньки Фонсмина 12 соболей без пупков, у Левки Фролова да у Дениска Иванова по 20 соболей с пупки. Да из статков служилых людей, которых в нынешнем во 167-м году, идучи в Якутцкой с Охоты реки з государевою казною, на дороге убили тунгусы, и статки их привез Ивашко Свепов с товарыщи, взято Офоньки Дорофеева, Ромашки Доронина, Богдашки Арефьева, Гришки Данилова по 20 соболей да за пупки по 5 соболей, Гришки Лагунова 3 соболя без пупков, Незговорка Моисеева 4 соболи без пупков, Ивашка Федорова 20 соболей с пупки, Пахомка Кондратьева 20 соболей без пупков. Всего взято 5 сороков 29 соболей да 2 сорока пупков собольих. А с которых з живых не донято, и по тех взяты поручные записи, что им те соболи и пупки заплатить впредь. А что не донято с убитых из их статков, и больши того взять на них не на ком, потому что у них иных статков не осталось. А в Якутцком остроге тем соболям и пупкам розборная цена: сорок соболей с хвосты, цена 150 руб., сорок соболей с хвосты, цена 120 руб., сорок соболей с хвосты, цена 100 руб., сорок соболей с хвосты 80 руб., 29 соболей с хвосты, цена 30 руб., да 20 соболей с хвосты, цена 20 руб.; 2 сорока пупков собольих, цена по 3 руб. с полтиною сорок, за 2 сорока пупков собольих взято 20 соболей с хвосты, цена 20 руб. // Да мяхкой же рухляди, которая рухлядь вместо новые денежные десятые, которую новую денежную десятую велено собрать по грамоте государя царевича и великого князя Алексея Алексеевича [т.] 164-го году на государева царево и великого князя Алексея Михайловича [т.] и государя царевича и великого князя Алексея Алексеевича [т.] для их государевы службы ратным людем на жалованье, по оценке якутцких торговых людей порознь цена мяхкой рухляди збору прошлого 166-го году Якутцкого острогу: сорок соболей с хвосты, цена 330 руб., сорок соболей с хвосты, цена 200 руб., 4 сорока соболей с хвосты, цена по 100 руб. сорок, 3 сорока соболей с хвосты, цена по 50 руб. сорок, 36 соболей с хвосты, цена 30 руб., 2 сорока 3 пупка собольих, цена по 3 руб. с полтиною сорок. Да кости рыбья зубу: пуд, а в нем 5 костей, цена 50 руб., 2 пуда, а в них по 6 костей в пуде, цена по 40 руб. пуд, 3 пуда, а в них по 7 костей в пуде, цена по 35 руб. пуд, 6 костей весом 20 гривенок, цена 9 руб. // Да в нынешнем во 167-м году писал з дороги с моря от Святого Носу служилой человек Юшко Селиверстов и прислал с промышленым человеком с Ортюшкою Осиповым государевой кости рыбья зубу 2 пуда, а в них по 7 костей, цена по 35 руб. пуд. Да в нынешнем же во 167-м году по отписке с Анадыря реки служилого человека Сеньки Дежнева, что прислал с служилым

человеком с Микиткою Семеновым кости рыбья зубу, которую кость положили служилые и промышленые люди в государеву казну з заморной кости: на 164-й год пуд, а в нем 6 костей, цена 40 руб., пуд, а в нем 7 костей, цена 35 руб., 2 кости весом 27 гривенок с полугривенкою, цена 50 руб., да кость, а весу в ней 7 гривенок, цена 6 руб.; на 165-й год 4 кости весом пуд 5 гривенок, цена 70 руб., пуд, а в нем 7 костей, цена 35 руб.; на 166-й год пуд, в в нем 5 костей, цена 50 руб., 7 костей весом пуд 5 гривенок, цена 35 руб., 2 кости весом 25 гривенок, цена 35 руб., кость весом 7 гривенок, цена 8 руб.; да с судных дел за пошлинные деньги 7 костей, а в них весу пуд 5 гривенок, цена 40 руб.; да 14 пупков собольих, цена рубль 7 алт. 3 д. // Да с Анадыря реки привез охочей служилой человек Ортюшка Осипов збору своего прошлых 164-го и 165-го годов за пошлинные деньги с судных дел 2 кости рыбья зубу весом 11 гривенок, цена 9 руб. Да он же привез умершего промышленого человека Петрушки Кочня пуд, а в нем 7 костей, цена 35 руб., 6 костей, а в них весу 30 гривенок, цена 25 руб. Да с Анадыря ж реки по отписке охочего служилого человека Кирилка Микитина привез он же Ортюшка государевы топлые кости охочего служилого человека Юшка Селиверстова, которую кость он Кирилка сыскал в прошлых во 164-м и во 165-м годех пуд, а в нем 5 костей, цена 50 руб., 2 пуда, а в них по 7 костей, цена по 35 руб. пуд, 8 костей, весу в них пуд 4 гривенки, цена 35 руб. // А розбирали и ценили государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича [т.] ясачную и поминочную и воеводцкие и дьячьи поминки и десятинную и иную всякую мяхкую рухлядь руских и поморских городов торговые и промышленые люди.

Далее следует перечень торговых и промышленных людей в количестве 58 человек.

К. 184, столб. 2 на 89 ставах; сст. 1—12. Начало утрачено.

48. *1659 г. июня 29. — Наказная память якутского воеводы Михаила Лодыженского сыну боярскому Андрею Булыгину с товарищами о посылке их в Москву с государевой соболиной казной, о мерах «бережения» ее в пути и своевременной доставке в Москву.*

Лета 7167-го году июня в 29 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича [т.] указу и по приказу стольника и воеводы Михайла Семеновича Лодыженского память Якутцкого острогу сыну боярскому Андрею Булыгину да с ним служилым людем. В нынешнем во 167-м году отпущена с великой реки Лены из Якутцкого острогу ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] к Москве ево государева ленская соболиная казна и всякая мяхкая рухлядь збору нынешнего 167 году, и доимочная прошлых годов, из сьезжей избы ясачной и поминочной соболиной мяхкой рухляди в 50 в 4-х сумах оленьих и яловичных да в 20-ти в 7-ми мехах холщевых за государевою ленскою Якутцкого острогу печатью с ним с Андреем, а для береженья в провожатых за тою государевою соболиною казною посланы до Москвы из Якутцкого острогу ленских служилых людей 14 человек. Да у той же государевой соболиной казны, ныне у приему и на Москве для отдачи, посланы 2 человека целовальников торговых людей Ивашко Самойлов да Бориско Васильев. И служилым людем итти из Якутцкого острогу в верх Леною рекою на судах с промышлеными людьми, которые им под ту государеву казну для работы и провожанья в прибавку к ним служилым людем в Якутцком остроге даны, итти днем и ночью наспех, не приставая к берегу ни на один час. А з судов на бечеве под государевою соболиною казною служилым и промышленым людем быть днем и ночью по переменам. А в перемене б было человек по 10 и больше, кем бы мочно итти без мешкоты, по скольку человек // пригоже, смотря по нынешнему верховому водяному пути. А служилым людем, которые будут у той государевы соболиной казны ночью не в работе, велеть им караулить на судне попеременно, по скольку человек пригоже. А оружия б у них служилых и у промышленых людей заряжено беспрестани было наготове, чтобы над тою государевою соболиною казною и над ними служилыми и над целовальники и над промышлеными людьми, пришед безвестно, государевы изменники воровские люди браты и мун-

галы и якуты и тунгусы какова дурна не учинили. А будет какие воровские братцкие люди или какие иноземцы на государеву казну и на них служилых людей и на целовальников и на промышленых каким воровским умыслом напуск учинят и битца с ними станут, и ему Андрею и служилым людем и целовальникам и промышленым людем с теми воровскими иноземцы битца, не щадя головы своей, до смерти, и над теми воровскими людьми промышлять всякими мерами, как бог помощи подаст. А будет у тех воровских людей встреча и бой учинитца на воде, и ему Андрею с товарыщи промышленых людей, которые будут на бечеве, уберечь, к себе на суды в лехких судах тотчас перевесть, а судами к берегу не приставать, и битца с теми братцкими воровскими людьми и над ними промышлять, как бог помощи подаст, чтоб им государеву казну и себя от таких воровских иноземцев оберечь и за то себя видеть в государеве царьском милостивом жалованье и призренье. А как он Андрей и служилые люди с тою государевою соболиною казною Леною рекою придут на усть Куты реки, и им от воров от немирных от братцких людей, которые государю учинятца непослушны, держать великое береженье, по тому же з государевою соболиною казною итти Кутою и Купою реками в тех же дощаниках до усть Муки реки или до коих мест мочно дойти. И пришед на усть Куты реки про немирных про братцких людей вестей проведывать у служилых и у промышленых людей, которые придут из Верхоленского Братцкого // острожку, и их роспрашивать и тунгусами проведывать, не чают ли немирных братцких воинских людей войною приходу. И будет про тех воинских братцких людей по роспросу, и проведав подлинно, приходу чаять, и от братцких людей жить с великим береженьем, не роспуская промышленых людей всех, и самому ему Андрею и служилым и промышленым людем быть на готове с оружьем, заправя заряды, а промышленым людем, у которых пищалей не будет, велеть быть с луками и с копьи всем готовым. И будет приход у тех братцких людей, и ему Андрею с служилыми и с промышлеными людьми сидеть от тех воинских людей в осаде и с ними братцкими людьми по тому же битца, не выходя из острогу, и радеть и промышлять сколько милосердый бог помощи подаст, чтобы однолично ту государеву соболиную казну и себя от тех братцких воинских воровских людей оберечь и ко государю к Москве в целости здорово довести, а суды и судовые снасти отдать на усть Куты или Муки реки служилым людем, кому тут приказано, и в том во всем росписатца. И с усть Куты или с усть Муки или откуда пригоже для поспешенья послать для подвод на Ленской волок к воеводе к Петру Бунакову с отпискою и с подорожною скольких человек пригоже и, взяв подводы, ехать по государеву соболиную казну тотчас, не мешкав. А идучи ему Андрею с служилыми людьми и с целовальники через волок, тое государевы соболиной казны досматривать по часту, чтоб тое государевы соболиной казны с ысподе грязью, а сверху дождевою водою не подмочило и порухи не учинило. А приехав в Ылимской острог ему Андрею и служилым людем, взять у воеводы у Петра Бунакова суды и подводы по подорожной и плыть в Енисейской острог. А приплыв в Енисейской острог, у стольника и воеводы у Максима Ртищева взяв по подорожной под ту государеву соболиную казну подводы и провожатых, ехать в Маковской острожек, не измешкав ни одного часу, и в Маковском острожке тое государеву // соболиную казну покладчи в дощаник, каков велит дать стольник и воевода Максим Ртищев, плыть с тою государевою соболиною казною тою рекою до Кетцкого острогу, а от Кетцкого острогу до Оби реки, и Обью рекою до Нарыму и до Сургута и до Иртищеского устья и верх по Иртищу в Тоболеск, и с Тобольского до Тюмени и до Туринского, и с Туринского до Верхотурья и с Верхотурья через Верхотурской волок и рускими городами. И до Москвы с тою государевою соболиною казною ехать по тому ж наскоро днем и ночью безо всякой мешкоты. А подводы им под ту государеву соболиную казну по подорожной, и за тою государевою соболиною казною провожатых, имать от города до города по скольку человек пригоже. А едучи дорогою, в городех и в слободах и в селех и в деревнех на дворех и на станех с тою государевою казною стоять с великим береженьем и караулы б у той государевы казны были безпрестальные, чтоб над тою государевою соболиною казною какие воровские люди какова дурна не учинили и сум подре-

зав не покрали. А где будет на городе в Тобольску или на иных городех той государеве ленской соболиной казне в подводах или за провожатыми или за каким иным делом какое будет задержанье, и ему Андрею в Тобольску стольнику и воеводе князю Алексею Ивановичю Буйносову-Ростовскому с товарыщи бити челом, а в ыных городех воеводам и дьяком говорити, чтобы они той государевы ленской соболиной казны не держали и отпущали к государю к Москве везде без задержанья, и тем бы государеве казне в задержанье порухи не учинили. А едучи ему Андрею, над якутцкими служилыми людьми смотреть и беречь накрепко, чтобы они в городех и в селех и на ямах и по слободам не воровали, и по кабакам не пили и не бражничали, и зернью и карты не играли, и по блядням бы не ходили, и дурна над государевою казною и розни меж себя ни в чем не чинили. А будет хто из тех служивых людей с тою государевою соболиною казною, едучи к государю к Москве, по городам и по ямам и по слободам и по селам и по деревням учнут пить и бражничать и воровать и грабить кого, и зернью и карты играть и по блядням ходить, и над государевою соболиною казною учнуть небереженье держать, или в чем ему Андрею не послушны будут, и ему тех служилых людей, хто из них учнет воровать, от воровства унимать и, смотря по вине, бить батоги нещадно. А будет которые служилые люди учнут воровать, а унять себя от того дурна не дадут, и ему Андрею на тех непослушников бить челом о управе в городех, в Тобольску стольнику и воеводе князю Алексею Ивановичю Буйносову-Ростовскому с товарищи и в иных городех воеводам же и дьяком. А которые служилые люди ни коими мерами от воровства до Чичуйского не уймутца, и тех сослать в Якутцкой с кем пригоже. А которые учнут воровать меж городов, и тех отдавать в городех воеводам и бить челом о том, чтоб они воеводы, взяв у него Андрея тех воров, велели посадить в тюрьму, а ис тюрьмы отослать их в Якутцкой с кем пригоже. И самому ему Андрею к служилым людем без вины не приметываться и налоги и обиды ни в чем никому и по городам простою государеве казне не чинить, ехать к государю к Москве неоплошно наскоре, безо всякого мотчанья. А одноличо ему Андрею ехать з государевою казною наспех неоплошно с великим раденьем, чтобы им поспешить нынешним летом до Тобольска и до Тюмени водяным путем. А будет он Андрей с служилыми людьми з государевою казною поедет мешкотно и оплошно, и тою их оплошкою над государевою казною учинитца какое дурно или в проезде мешкота, и ему Андрею с товарыщи быть от великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] в великом наказанье. А в провожатых с ним за государевою соболиною казною посланы пятидесятник Микифорка Аргамаков, десятники Сенька Чуфарист, Друганко Прокопьев, рядовые Гришка Татарин, Вахрушко Попов, Ивашко Попов, Фочка Микитин, Олешка Онтонов, Ондрюшка Терентьев, Лучка Иванов, Петька Жеглов, Ондрюшка Парфенов, Потап Корасев.

К. 184, столб. 2 на 89 ставах; ст. 25—29.

49. *1663 г. апреля 24. — Дело об освобождении из судной избы ясачных тунгусов Маугирского рода Гордиги и Чубаги.*

I. — Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] бьют челом сироты твои ясачные тунгусы Маугирского роду Гордига да Чюбага. В нынешнем, государь, во 171-м году апреля в 24 день на Чичюйском волоку приказной человек Семен Иванов сын Епишов взял нас сирот твоих в судную избу и велел держать в крепи для того, что у нас сирот твоих Гордиги с товарыщи отписей в ясаке нет. А взял нас Семен Епишев служилыми людьми в судную избу по извету мельника Ивашка Перелешина. А мы сироты твои платим ясак на Тунгуске реке в Курейном зимовье со всеми своими родниками маугирскими тунгусами, а отписей нам сиротам твоим ясатчики служилые люди не дают. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович [т.], пожалуй нас сирот своих вели, государь, про нас сыскать всяких чинов людьми, которые бывали в Туруханском зимовье и на Тунгуске реке, дают ли в ясачных зимовьях на Тунгуске реке нам сиротам в ясаке отписи или нет, и по сыску вели, государь, нас сирот своих свободить, чтобы за тем государев ясак не стал. Царь государь, смилуйся пожалуй.

II. — 171 году апреля в 24 день Чичюйские государевы мельницы мельник Ивашко Перелешин извещал перед наказным перед Семеном Ивановым сыном Епишевым: пришли де через Чичюйский волок с Тунгуски реки тунгусы на оленях, а тово де я, Ивашко, не знаю, ясашные ли де оне тунгусы или неясашные, а пошли де оне мимо Чичюйской по захребетью лесом на оленях, не явяся нигде. И того ж числа приказной человек Семен Иванов сын Епишев ездил с Чичюйсково волоку на низ до пашенново крестьянина до Захарка Игнатьева по скаске Ивашка Перелешина тех тунгусов проведывал с служилыми людьми и ево Ивашка Перелешина с собою имал же, и он Ивашко Перелешин съшелся с тунгусами с двема человеки у Челбанова камени, и встретяся с ними привел их на заимку к пашенному крестьянину к Ысачку Иванову в ызбу. А пришли те тунгусы помельнишной речке пашенного крестьянина Емельки Степанова на Лену, а аргиш де их и большие их люди на Камени. И приказной человек Семен Иванов сын Епишев, взяв из них одново // человека тунгуса имянем Чюбагу, в судной избе ево тунгуса Чюбагу роспрашивал. И тот тунгус в роспросе сказал: пришли де мы с своими родниками на Лену реку с Тунгуски реки, а роду де мы Маугирсково, а платим де мы ясак на Тунгуске в ясачном Курейном зимовье, а отписей де у нас нет, потому что де нам ясатчики служилые люди отписей не дают. И того же числа в судной избе перед приказным перед Семеном Ивановым сыном Епишевым новопашенной крестьянин Марчко Васильев с тем тунгусом Чюбагою переводом говорил по тунгуски, и тот тунгус ему Марчку в розговоре сказывал, что те тунгусы ясачные платят ясак в Курейном зимовье, а отписей де у нас нет для тово, что де // нам ясачным служилые люди отписей не дают. И Марчко Васильев сказал перед приказным перед Семеном Ивановым Епишевым да служилой человек Филька Куликов да промышленой человек Данилко Иванов по святой христове евангельской непорочной заповеди в правду: ведаем де и мы про то, что де на Тунгуске реке во всех зимовьях в ясаке отписей не дают, а те де люди Чубага с товарыщи ясак платят в Курейном зимовье и воровства де мы от тех тунгусов никакова не слыхали.

На обороте: К сей скаске вместо новопашенного крестьянина Марчка Васильева да служилого Филипа Куликова да промышленного Данила Иванова по их веленью Ондрюшка Ощепной руку приложил.

III. — И по их сказке Марчка Васильева, Фильки Куликова, Данилка Иванова приказной человек Семен Иванов сын Епишев из судной избы отпустил.

К. 202, столб. 5 на 84 ставах; ст. 23—26.

50. *1663 г. июля 31. — Наказная память якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова подьячему Семену Аврамову о расследовании злоупотреблений «башлыка» Алексея Васурманова и Андрея Булыгина.*

Лета 7171-го году июля в 31 день по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] память сьезжей избы подьячему Семену Аврамову. В нынешнем во 171-м году писал ты в Якутцкой острог к стольнику и воеводе к Ывану Федоровичю Большему Голенищеву-Кутузову, ведомо де тебе учинилось, что в зимовьях иноземцом великого государя в ясаке теснота большая и налога от башлыков; и иноземцы де на них башлыков в обидах своих бьют челом; и им де башлыком норовят, грамотные люди и подьячие нихто челобитных на них не пишет в их обидах, а от челобитной де просят по соболю, а на Я[не] де реке Андрей Булыгин оставил вора в башлыки Олешку Бусурманова на откупу, и тот де Алешко воровал и иноземцев теснил, имал с них на великого государя по 2 соболя, а себе 3 соболи; и оттого де иноземцы, не терпя, ясачное зимовье взяли и аманатов увели и служилых людей побили; а на Олазейке де реке немного бог помиловал от Гарасимка Цыпандина да от брата ево, потому что он Гарасимко емлет на великого государя ясаку с осени на весну по половине, а на другую половину торгует сам своими товары; а брат де ево Андрюшка, ходя по юртам, иноземцов грабит и юрты одирает и всякую беду им чинит и преж великого государя ясаку себе поминки просят и иноземцов бьют без милости батоги и ясыри с них емлют и на откуп их не выдают; и иноземцы де оттого плачют и на них бьют челом; а толмачить де некому; а толма//чи де у них и ясыри свои; а толмачей де с тобою и подьячего нет, никто не толмачит им юкагирем и не пишет; а без тол-

мачей де и без подьячего жить нельзя; а есть де толмач юкагирской Ивашка Носко и он де добр; и о том бы тебе о всем указ учинить. И по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.], как к тебе Семену ся память придет, и тебе б против сей памяти на Алазейке и на Ковыме реках служилыми и торговыми и промышленными людьми по святой непорочной христове евангельской заповеди и иноземцы ясачными юкагири по их вере, по шерти, и к тем обыском велеть сыскным людем всем руки свои проложить и иноземцам знамена свои приложить. А будет с ыноземцы доведетца дать очная, и тебе б им очные ставки давать з башлыками. А взять тебе Семену в толмачи Ивашка Носка. А челобитные велеть тебе Семену писать подьячему, в котором зимовье будет подьячей, и тот их сыск привесть с собою в Якутцкой острог и подать стольнику и воеводе Ивану Федоровичю Большему Голенищеву-Кутузову. А на Индигирке б тебе про Андрея Булыгина все сыскивать для того, что велено про него Андрея сыскивать Степану Жеглову. Да посланы к тебе Семену кабалы в государевых деньгах в соболях, и тебе на них по тем кабалам деньги и соболи велеть доправить тотчас. А будет по коим кабалам взять тебе немочно за их бедностью, и тебе б те кабалы по тому ж с собою привесть в Якутцкой. А на кого именем кабала, и тем кабалам под сею памятью роспись. К сей памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] царства Сибирского новой земли, что на великой реке Лене Якутцкого острогу печать стольник и воевода Иван Федорович Большей Голенищев-Кутузов приложил.

На обороте: Белая память послана с атаманом казачьим с Михайлом Стадухиным.

К. 201, столб. 26 на 2 ставах.

51. *1663—64 гг. — Доездная память якутского подьячего Семена Аврамова о результатах произведенного им сыска о причинах недобора таможенной десятинной казны на реках Колыме, Индигирке и Алазее и о насилиях, чинимых приказным человеком Константином Дунаем местным ясачным юкагирам.*

Лета 7170-го году июля в 29 день по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] и по наказу стольника и воеводы Ивана Федоровича Большево Голенищева-Кутузова, за ево закрепою и великого государя Якутцкого острогу за печатью, послан я подьячей Семен Аврамов из съезжие избы на Колыму и на Индигирку и на Олазейку реки для великого государя сыскного дела про таможенной недобор, почему на тех реках против прежних годов великого государя таможенной десятинной соболиной денежной казне недобор учинился, и правеж по кабалам великого государя денежные казны и соболиные. Да мне ж Семену, приехав на те реки на Колыму и на Индигирку и на Олазейку, сказать всем иноземцом ясачным людем юкагирем великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] милостивое жалованное слово, чтоб они иноземцы жили под ево великого государя царьскою высокою рукою безопасно и ничего ни от кого не боялися. А будет им от приказных и от служилых и от торговых людей какое насилованье и обида была, и они б иноземцы о том били челом великому государю и приносили челобитные, и им великого государя указ о том будет. И яз Семен в прошлом во 171-м году на тех реках приехав, и тем всем иноземцом юкагирем великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] милостивое жалованное слово сказывал. И они иноземцы, выслушав великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] жалованное слово и милостивое призренье, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] на ево великого государя к ним иноземцом на жалованном слове и милостивом призренье били челом, да на Колыме реке на Нижней ярмонке на Красном песку били челом // великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] словом, потому что им иноземцом, боясь от башлыков, нихто об их нужах и об обидах великому государю челобитен нихто не пишет. А в словесном своем челобитье иноземцы юкагири Локейко Легонин с сыном, да Тимко Ейвын шаман, Путко Велинтин, Панинко Молчогов, Милягa Тагалев, Кимкуйка Моганин, Таволга Уелдин, Нерпко Нагамундин, Панега Молошин, Когита Аенчин, Моторка Ермонов, Ульята Каву-

лов, Шалоп Олучин, Миринка Анкаргин и во всех ясачных людей место мне Семену сказали, что им иноземцом налога от приказных людей, которые приезжают к ним на Колыму реку. В прошлом де году, а которого году того не упомнят, приехал к ним на Колыму реку приказной сын боярской Костянтин Степанов Дунай да с ним служилой человек Гришка Иванов Тотарин; и Костянтин де зимовал в Нижнем ясачном зимовье, а Гришка Тотарин зимовал в Середнем ясачном зимовье; и Костянтин де Дунай с служилыми людьми в Нижнем зимовье учел на них иноземцов порознь наметывать железные свои товары сильно, пальмишка по полуаршина по 15-ти соболей, а которые пальмишка в 3 чети аршина, и те по 20-ти соболей, а прут железной в 3 чети по 15-ти соболей, топор по 10-ти соболей, а прут железной в поларшина по 10 ж соболей; и после де ево Костянтина с тех мест и по ся места все приказные люди приезжают на Колыму в Нижнее ясачное зимовье и наметывают на них в войском свои железные товары сильно по вся годы; а как де они приходят по вся годы к ясачному зимовью великого государя с ясаком, и как де они заплатят великого государя ясак, и после де того башлык и служилые люди аманатов запрут в баню или в казенку, а их де взобьют на баню и учнут де имать у них за свои войсковые наметные железные товары в войско соболи, а у ково де у их братьи соболей нет, или у кого не достанет, и они де на них за товары в войско по книгам своим соболи правять и бьют батоги на смерть и в тех недоносных соболях емлют по них поруки; а кого с платеж не будет, и у них де в войско емлют сильно жены и дочери и сестры и племянницы, и те жонки из войска // продают промышленным людем на соболи; а которые де приказные люди башлыки вместо служилых людей в полуказачья пускают в ясачное зимовье ис паев промышленных людей, а емлют с них соболей по 20-ти и по 30-ти и по 40-у, и тем де им промышленные люди в ясачном зимовье чинят обиды и насильства большие и пуще служилых людей, и ходя де по их юртам за свои железные войсковые недоплатные товары за соболи емлют сильно парки и постели и чюмы одирают и всяким у них борошнем емлют; и оне де иноземцы от башлыков и от служилых людей и от промышленных людей, от полуказачья от их наметных железных товаров погибли до основания; и только великий государь их иноземцов не пожалует, не велит тех войсковых наметных железных товаров отставить, и им иноземцом погинуть до основания и великого государя ясаку отбыть. Да иноземцы ж Тимка Чагиев с товарыщи сказали по чему они на год платят великого государя ясаку, и по чему платят служилым людем в войско за войсковые железные наметные товары и промышленным людем по полуказачью, которые накупаютца у приказных людей в ясачное зимовье ис паев вместо служилых людей: Тимка платит великого государя ясаку с родом своим по 2 сорока соболей на год, а в войска служилым людем и полуказачью за наметной железной товар дают по 5-ти сороков соболей на год; Локейка с родом своим ясаку платит по 30-ти соболей на год, а в войско за наметной железной товар по 4 сорока на год; Кимкуй Моганин с родом ясаку платить по 20-ти по 1-му соболю на год, а в войско платит за наметные войсковые железные товары по 5-ти сороков на год; Паулга Уелин платит ясаку с родом своим по 20-ти соболей, а в войско за войсковой железной товар по 100-у по 50 соболей на год; Панега Мальсот ясаку платит с родом по 16-ти соболей, а в войско за товар наметной по 2 сорока на год; Пантой Мальчиганов с родом ясаку платить по 30-ти по 1-му соболю, а в войско за наметной железный товар по 60 соболей на год; Нерпо Левыхин ясаку платит с родом своим по 40-ку соболей, а за наметной // товар в войско за железа по 30-ти соболей на год; Мелетга Ширялов ясаку платит по 40-у соболей, а за наметной товар за железо в войско по 3 сорока соболей на год; Валтя Навалин ясаку платит по 5 соболей, а в войско за наметной железной товар по 30 соболей; Меринка Анкарчин ясаку платит по 3 соболя, а в войско за наметной железной товар по 15 соболей на год; Яюков племянник треть ясаку платит по 40-у соболей, а в войско за наметной железной товар по 50 соболей на год; Кичига Аитин ясаку платит по 20-ти соболей, а за наметной железной войсковой товар в войско платит по 70 соболей на год; Таляк Онучин ясаку платит по 15-ти соболей на год, а в войско за наметной железной

товар по 50 соболей на год; Аунча Каин ясаку по 8-ми соболей, а за наметной товар в войско по 30-ти соболей на год; Мотора Ермолин брат ясаку платит по 20-ти соболей на год, а за наметной товар за железо в войско по 30-ти соболей на год. Да Нижнего ясачного зимовья юкагири, которые в ярмонку не были, Середнего зимовья юкагир Келтега сказал, что де платят после великого государя ясаку в войско за наметные войсковые железные товары на всякой год: Пелди по 3 сорока, Мокейка по 2 сорока, Орготейко по 4 сорока, Потайга Кривой по 3 сорока, шаман Тавыча по 6 сороков, шаман шаманов сын Онгота з братом по 3 сорока, Мелгича по 2 сорока, шаман Давычин сын Кемеул по 4 сорока, Камеул другой по 2 сорока соболей, Келенгу по 3 сорока соболей, Язика по сороку соболей, Язикин брат Чаптан по сороку соболей, Камкин племянник Канирка по сороку соболей, Язиба з братом по сороку соболей. Середнего ясачного зимовья Алива с сыном ясаку платит 36 соболей, а за наметной железной товар по сороку соболей; Кинича Алеев ясаку платит 3 соболя, а за наметной железной товар по 20-ти по 8-ми соболей на год. Да в прошлом же во 171-м году июля в 7 день на Нижней ярмонке принес ко мне Семену юкагир Меринко Абылтеев пальмишка пол аршина да прут железа четь аршина и бил челом великому государю словом; дали де ему на Нижней ярмонке // из войска войского товару тое пальмишку да прут железа служилой человек Мишка Колесов, а приказывает де зимою за тое пальмишко и за прут железа готовить в войско за пальму 10 соболей, а за прут железа 8 соболей, а у него де Меринка соболей нет; и чтоб де великий государь ево Меринка пожаловал, не велел того железа на него Меринка наметывать. И яз Семен у того иноземца то железо пальмишко и прут взяв, отдал Мишке Колесову, а ему Мишке для сыску велел Нижнего зимовья принесть служилым и промышленным людем, которые били челом в ясачное из откупу из паев именную роспись. И тот Мишка Колесов мне Семену к сыску подал служилым людем и полуказачью имена. И приказной человек Гришка Тотарин за ту роспись, что от великого государя к сыскному делу, бил батоги. Да он же Гришка Тотарин пустил в Нижнее ясачное зимовье из наймов из паев промышленных людей в полуказачье 28 человек, а со всякого человека имал по 30-ти и по 40-ку соболей. А служилых людей, которые с ним Гришкою из Якутцкого острогу на Колыму от стольника и воеводы от Ивана Федоровича Большево Голенищева-Кутузова посланы, и великого государя им служилым людем для той великого государя дальной службы дано им на 2 годы денежное и хлебное жалованье, и он Гришка, приехав на усть Яны, и великого государя кочь со всеми судовыми снастьми и служилыми людьми с Ывашком Рябовым да с Янькою Шелковником и с своими запасы оставил на усть Яны, а сам он Гришка для своей бездельной корысти на Колыму пошел нартами. И как служилые люди Ивашко Рябов с товарыщи великого государя с кочем и с ево Гришкиными хлебными запасы и со всякою рухлядью на Колыму в Нижнее ясачное зимовье пришли, и он Гришка воровски тех служилых людей, не знаю по какому воровскому умыслу, в ясачное зимовье их служилых людей не пустил. И те служилые люди волочатца по берегу и одолжали великими долги, // а великого государя на службы в зимовье нигде не пустил. Да как яз Семен ехал с Индигирки нартами, и тот Гришка встретился со мною на Индигирке к Уяндину, а под ним 9 собак, а нарта нагружена собольми, а какие соболи и куды он везет и взята ль с них великого государя в таможне десятая пошлина, того яз не ведаю. Да как яз Семен ехал с Нижние ярмонки с ним Гришкою на коче, и тот Гришка пристал в зимовье к промышленным людем. И я Семен стал сыскивать промышленными людьми великого государя про таможенной недобор, а целовальник Максимко Парфентьев учал вынимать у тех промышленных людей десятую, и тот Гришка говорил мне Семену, безделье де делаешь, и хотел кочем отвалить и меня покинуть на берегу. Да тот же Гришка на Середней ярмонке у меня великого государя в долговых деньгах с правежу снимал. И которые ко мне из Якутцкого острогу указные памяти на мое имя присланы, и те памяти он Гришка в съезжей избе при целовальнике при Максимке Балезине взял. Да тот же Гришка на Колыме и в Верхнем, в Середнем зимовье вместо служилых людей напускал ис паев промышленных людей. Да тот же Гришка взял у меня служилого человека Ивашка Дорофеева на Нижней ярмонке и в ево место никого не дал, ково мне для

великого государя дел посылать и уехал в Верхнее зимовье, и мне было Семену для великого государя сыскных дел посылать некого. Да тот же Гришка, умысля воровски для своей бездельной корысти, чтоб ему иноземцов теснить и грабить, а мне бы их не допрашивать, написал в Середнее зимовье к Ивашку Кузакову в наказную память, что меня в Середнее ясачное зимовье не пущать и никаких великого государя дел не делати. Да как яз Семен пошел с Колымы реки, и мне перед поездом из Нижнего зимовья весть учинилась, что в Нижнем ясачном зимовье служилой человек Ивашко Дорофеев с служилыми людьми, ходя по юртам, иноземцов грабят и чюмы емлют, а иные одирают и всякое платье и жонки в войско емлют, и оне де иноземцы ходя плачют и хотят розбрестися врозь. Да он же Гришка из Верхнего ясачного зимовья посылал сына своего Якуньку промышленных // людей по всем зимовьям для своего соболиного долгу великого государя до десятые таможенные пошлины. Да к нему ж Гришке из Нижнего зимовья промышленных людей паев, которых он Гришка промышленных людей пущал в Нижнее ясачное зимовье в полуказачье из паев, вез мимо Заборцова зимовья к нему Гришке промышленной человек ево Гришкин покрученик, а как ево зовут, того яз Семен не упомню, и соболи, и с тех соболей таможенной целовальник Максимко Болезин великого государя десятой пошлины не взял и соболей ево Гришкиных не досматривал. А для чего он Максимко с тех соболей десятой не взял, и про то он Максимко скажет. А Середнего зимовья юкагирь Кельтега хотел ехать в Якутцкой острог бити челем великому государю на башлыков об их обидах на Ивашка Кузакова, и он Ивашко того Колтегу не отпустил, и женки за свои товары в зимовье из юрт водил и из войска продавали. А на Олазее реке приказной служилой человек Гарасимко Цышандин учинился силен, великого государя денег по кабале 100 руб. править на себя не дал. Да тот же Гарасимко в ясачном зимовье при мне сказывал на служилого человека на Гришку Горбунцова великого государево дело при Михаиле Стадухине и письмо свое ему Михаилу своею рукою дал. И то ведает колымской целовальник Осипко Иванов, как он Гарасимко на него Гришку извещал. А которые промышленные люди на Колыме и на Индигирке реках держат некрещенных ясырей, и те забами[1] на пормысел не ходят, а промышляют рыбу и тою рыбою торгуют с ясачными людьми на соболи. А на Индигирке зашиверы, великого государя ясачные люди юкагири и ламутки, приказного человека Амоса Михайлова хвалят, что им иноземцом от него Амоса никаких обид и налоги нет, добр и приятен, поит и кормит.

К. 201, столб. 28 на 36 ставах; ст. 4—10.

52. *1663—64 гг. — Челобитная колымских ясачных юкагир Тимки и Тимкуя Угронролакиевых «во всех своих детей и родников и всех улусных людей место» якутскому воеводе Ивану Большому Голенищеву-Кутузову о защите их от «грабежа и обид» русских служилых и промышленных людей.*

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] бьют челом сироты твои дальные твоей великого государя Сибирские земли Колымы реки Нижнего ясачного зимовья, Нижнего и Верхнего Анюев ясачные юкагири Тимка да Тимкуй Угронролакиев, Панюйко, Пенжа, Моторка Алуча, Путко Кытыча, Подолча, Мелеча, Табыча, Панюча, Нирпа, Начича Слепой, Пелдет, Ялыча Кривой, Алучин сын Валтя, Мокейко Наигольник, Ааню Безродной и во всех своих детей и родников и всех улусных людей место обоих Анюевских юкагирей. В прошлых, государь, годех, как тебе великому государю учали с себя и с своих улусных людей ясак платить, и платили твой великого государя ясак в леготку и не в тягость до 170-го году. А со 170-го году, государь, стали на нас сирот твоих сверх твоего великого государя в Нижнем ясачном зимовье свои товары наметывать в большую цену, хто твоего государева ясаку платит 5 соболей на год, а своих они товаров наметывают на 5 соболей 20 соболей, а хто, государь, платит 10 соболей, и на того, государь, наметывают по 40-у соболей и по 50 соболей и больши, за топор по 8-ми и по 9-ти и по 10-ти соболей, за стволину пищальную по 15-ти соболей и по 20-ти, в поларшина пальмы по 10-ти соболей, а в аршин пальма 20 соболей, малые куяшные

[1] *Так в подлиннике.*

полицы по соболю полица, а прутье железное из якорей куют по полуаршина прут, и за то 10 соболей. А как мы сироты твои приедем в Нижнее ясачное зимовье платить твой великого государя ясак, и заплатя весь сполна без недобору, а товарков нам сиротам твоим не дают. И заплатя твой государев ясак, они служилые и промышленные люди отворят сесные ворота настеж и всех нас юкагирей пустят в избу ясачную и учнут у нас имати на себя за наметные свои товары соболи и лисицы и пластины собольи и всякую мягкую рухлядь з большою угрозою и з жесточью. А хто все их должное за наметные товары заплатит соболи и всякую рухлядь, и тому и впредь к весне учнут сильно свои товары всякие в неволю наметывать. А у ково соболей и всякой мяхкой рухляди нет, и того они бьют батоги без милости и в казенку садят. А роспустя, государь, юкагирей по юртам, и за ними пошлют тех людей, у которых милости нет и жестоких вь юрты. В нынешнем, государь, во 172-м году ездили в юрты служилые люди Иван Дорофеев новоставленой в службу да Матвей Блохин да промышленые Филька Севастьянов сын Рыбник, Михейко Тимофеев сын усцылемец, Лучка Елисеев сын пинежанин. И у нас, государь, по юртам ездя, емлют грабежом сильно своими руками с лабазов постели и зимные кошебные парки и юфтные и ровдуги и с юрт одирают чюмы. А Филип Рыбник и в падокуях и в сумах и в мешках бабьих у жен наших и у детей всякое гарню пересмотрит, а что полюбитца, то и возьмет. И того, государь, с обоих Анюев свезли в Нижнее ясачное зимовье со всяким нашим грабежным животом всякое гарнишка 25-ры санки оленьи, а свезли, государь, па оленях. И дочерей наших сильно емлют, при сыне боярском при Иване Великом у Пенжи взяли дочерь и своей братье продали. Да в прошлом же, государь, во 171-м году летом взяли сильно девки у Паняги. Да в прошлом же 170-м году при сыне боярском при Втором Катаеве наложили в Нижнем же ясачном зимовье сверхь твоего великого государева ясаку на Панюйку Малчюкова 30 соболей, а сказали вь ясак же. А преж, государь, того платил он Панюйко твоего великого государева ясаку по вся годы по 30-ти по 1-му соболю на год и платил он Панюйко по 2 годы им служилым и промышленным людем по 60 по 1-му соболю на год, а называют твоим государевым ясаком. И в нынешнем, государь, во 172-м году у ясачного платежу били они служилые и промышленые люди его Панюйка батоги и в казенку садить хотели, и он Панюйко молвил, возьмите де у него жену, а не лайте де его Панюйка. И они, государь, служилые и промышленые люди, кои служат тебе государю вь ясачном зимовье, по челобитным говорили, принеси де Панюйко 6 соболей, а впредь де опять плати государев ясак на год по 30-ти по 1-му соболю. А наметного на нем, государь, Панюйке за их товары по вся годы по 70 соболей, а с ним Панюйком промышлеников всего 3 человека. И на многих, государь, они ясачные зборщики в Нижнем ясачном зимовье многие всякие свои товары наметывают, на наших отцей и братью на слепых и на хромых и на бедных и на нужных, которые, государь, не могут ничево промышлять. А как, государь, весною на Нижнюю ярмангу припловет приказной человек, и заказ всем нам сиротам твоим, носите де приказному человеку к приезду гостинцы соболи добрые. И мы, государь, сироты твои выбираем на промыслу и вь юртах из соболей соболи добрые черные и привозим приказному гостинцы весною на ярмангу со всякого человека соболя по 2 и по 3 и по собольку. Да он же приказной человек в Нижнем ясачном зимовье для своей бездельной корысти напускивает больше прежнего по 20-ти по 8-ми человек и больши. А большая, государь, половина вь ясачном зимовье промышленых людей, которые, государь, промышленые себя накормить не могут и промышлять и рыбы ловить не умеют, старых и увечных и слепых и хромых и глухих и нужных. А емлют, государь, они приказные от того с них с промышленых и с служивых людей соболей по 20-ти и по 30-ти и по 40-у с человека. А в нынешнем, государь, во 172-м году приказной Григорей Тотарин пустил вь ясачное зимовье жить промышленых людей блиско 20-ти человек, а служилых, государь, людей и сына боярского Курбата // Иванова да Петра Офонасьева да Юрья Селиверстова с товарыщи, которые, государь, пришли с Анадыря с твоею великого государя ясачною соболиною и с костяною рыбья моржевово зубу с казною, и товарищев своих, которые, государь, с ним Григорьем посланы из Якуцкого острогу, 7-ми человек жить в зимовье не пустил и у ясачного збору им быть не

велел. А нам, государь, от промышленых людей, которые в зимовье у ясачного збору, тягость и налога большая, потачкою приказных людей и от всех их товарыщев в Нижнем ясачном зимовье изгоня великая, стали от их насильства наги и боси, и бедны и нужны, и до основания разорились от больших их наметов и грабежев для того, государь, что по многие годы платили мы сироты твои твой великого государя ясак с великим подобострастьем полной, а за наметной их товар и гостинцы приказным людем сверхь твоего великого государя ясаку по вся годы в Нижнее ясачное зимовье платим на год сороков по 50 и по 60 и больши. И от такие, государь, немерные изгони всякое дурно бывает, что и по иным рекам и на Яне. А в прошлом, государь, во 171-м году летом на Колыме на Нижней ярманге мы ж сироты твои тебе великому государю били челом словесно, а сыщику подьячему Семену Абрамову извещали в своих обидах и в насильствах и изветные и роспросные речи за своими пятны ему Семену подали, а велели подать вь Якуцком остроге в сьезжей избе твоим государевым воеводам, чтоб наша изгоня и бедность и грабеж и товарной немерной большей намет ведом был. А по многие, государь, годы про свою изгоню и бедность извет и челобитье наше было. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович [т.], пожалуй нас сирот твоих для дальной своей вотчины, не вели, государь, впредь служилым и охочим промышленым людем нас сирот своих обидить и грабить и сильно свои товары наметывать и за свои наметные товары батоги бить и в казенку садить и по юртам ездить и сильно платьишко грабить и юрты одирать и с лабазов постели и ровдуги своими руками имать и жен и детей наших отнимать и всячески нас не вели, государь, изгонять, чтоб нам сиротам твоим от такие великие изгони врозь не розбрестись и какова б дурна не учинить и от твоего бы государеву ясаку не отбыть и вконец не погинуть. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте 19 юкагирских «знамён».

К. 203, столб. 5 на 20 ставах; ст. 14—15.

53. *1664—65 гг. — Челобитная колымских юкагир князца Кильтежки Калямина и его улусных людей якутскому воеводе Ивану Большому Голенищеву-Кутузову о защите их от злоупотреблений ясачного сборщика служилого человека Ивана Кузакова «с товарищи».*

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] и государю благоверному царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю [т.] и государю благоверному царевичю и великому князю Федору Алексеевичю [т.] бьют челом и извещают ясашные ваши великих государей холопи, колымские юкагири, князець Килтежка Калямин сын и во всех своих улусных мужиков место на служилого человека на Ивана Федосиева сына Кузакова с товарыщи. В прошлом, великия государи, во 172-м году пришли мы холопи ваши в Середнее ясашное зимовье осенью с вашим великих государей ясаком с полным против ясашных книг, и он Иван у нас ваш великих государей ясак принял, и ис тех соболей он Иван лутчих 20 с соболем соболей собе выбрал, а в тех соболей место он Иван велел нам промышлять соболи вь ясак весною. И я холопь ваш ему говорил, что ты Иван лутчие соболи собе выбрал, а нам велишь в тех место соболей промышлять весною вь ясак великим государем, и весною какие добрые соболи будут, да и взять нам негде. И он Иван нам сказал, нам де Григорей так велел делать. И я холоп ваш весною на ярманге об том вашем великих государей ясаке и об их том воровстве на тово Ивана Кузакова бил челом пятидесятнику Григорью Иванову Тотаринову, что он Иван Кузаков ворует и добрые соболи собе выбирает, а нам в тех место велит весною промышлять в ясак. И он Григорей в том никоторого указу не учинил и нас же 3-х человек бил батоги нещадно, для чево де ты про такое дело извещал торговым и промышленым людем. И мы холопи ваши били челом вам великим государем на тово Ивана Кузакова об том деле и писали челобитную и послали ту челобитную в Якутцкой острог в сьезжую избу к вашему великих государей к стольнику и воеводе к Ывану Федоровичю Большому Голенищеву Кутузову сьезжие избы с подьячим с Семеном Абрамовым. Да он же Иван Кузаков с товарыщи наметывает на нас холопей ваших товары, полицы куячные и

пальмы и топоришка и стрелы, за полицу по соболю, пальма, которая в поларшина, соболей по 6 и по 7 соболей, за стрелу по соболю, обушник топорной по 4 соболя и по 5-ти. А которые юкагири не учнут имать товару, и тех батоги бьет нещадно, и от тех товаров стала изгоня великая и от него Ивана. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович [т.] и государь благоверный царевичь и великий князь Алексей Алексеевичь [т.] // и государь благоверный царевичь и великий князь Феодор Алексеевичь [т.] пожалуйте, великие государи, нас ясашных своих холопей, велите великия государи нам холопем своим от Григорья Иванова Тотаринова и от Ивана Кузакова с товарыщи дать свою царьскую оборонь, чтоб нам холопем вашим от их воровства и налог вашего великих государей ясаку не отбыть и вконец не погинуть. Царь государь и государи благоверные царевичи, смилуйтеся пожалуйте.

На обороте 1 юкагирское «знамя».

К. 203, столб. 5 на 20 ставах; ст. 16—17.

54. *1666 г. января 10. — Память якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова на реку Колыму приказному Семену Аврамову о рассмотрении жалобы «Анюйского хребта ясачных иноземцов» на служилого человека Василия Бронника и колымских якутов, ограбивших их и увезших их аманатов из нового ясачного зимовья на реке Анюе в старое зимовье на реку Колыму.*

Лета 7174-го года генваря в 10 день по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] и государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича [т.] и государя благоверного царевича и великого князя Федора Алексеевича [т.] память на Ковыму реку приказному Семену Аврамову. В нынешнем во 174-м году ноября в 5 день писал в Якутцкой острог к стольнику и воеводе к Ывану Федоровичю Большому Голенищеву-Кутузову с Анюя реки служилой человек Ивашко Хворой и прислал челобитную за знамены Анюйсково хребта ясачных иноземцом князца Таблейка да Ниникейка на служилого человека на Ваську Бронника да на промышленого человека на Фильку Рыбника. А в челобитной их написано: в прошлом де во 172-м году поимал их вверху Анюя реки на Анюйском хребте служилой человек Ивашко Хворой и вывез на Ковыму реку и хотел он Ивашко итти с ними по Омолону реке; и они де били челом великим государем, чтоб их великие государи пожаловали, не велели по Омолону реке возить для того, что та река от них удалела, а поставить бы зимовье на каменю по Анюю реке; и он Ивашко по их челобитью зимовье поставил на каменю, где бы им приходить великих государей с ясаком; а ясаку принесли они 16 соболей да напольники, а в них 10 пластин; и как учали родники их приезжать к ясачному зимовью великих государей с ясаком, и они били челом великим государем, чтоб их из оманатов переменить, а в их места посадить в аманаты детей и племянников их; и он де Таблейко посадил в свое место жену свою, а он Ниникейко племянника своего; а они де учнут родников своих призывать; и отпустя их тот Ивашко Хворой давал им великих государей подарки, котлы и топоры и пальмы и олово и полицы куяшные; и как учали родники их к ним копица, братья и племянники и зятья, и зять ево Локта послал великих государей ясаку в ясачное зимовье приказному Ивашку Хворому 2 соболя, да с родного ево брата сын Шабла послал соболя, а з достальным ясаком, собрався с родниками своими, хотели они быть к ясачному зимовью; // и в прошлом де во 173-м году пришли с Ковымы реки они Васька Бронник и Филька Рыбник с иноземцами с ковымскими мужиками и их разорили до основанья, и что им великих государей жалованья подарков дал Ивашко Хворой, котлы и топоры и пальмы и полицы куяшные, и те подарки у них они Васька и Филька отняли; а что им давал тот Ивашко, взяв великих государей ясак, отписи и те отписи они Васька и Филька у них взяли и тем отписям не поверили и родников их розвезли на Ковыму реку; и чтоб великие государи пожаловали их Таблейка и Ниникейка, велели родников их, которые седят на Ковыме реке в аманатех, поставить с ними с очей на очи и велеть на Ковыме реке на Нижной ярмонке тебе Семену роспросить, что те аманаты родники их подлинно, и великих государей ясак платить хотят с ними на Анюйском хрепте; а Ковыма река от них удалела и ходить великих государей

с ясаком не вмочь; а в разоренье Васьки Бронника и Фильки Рыбника, что великие государи укажут. И как к тебе ся память придет, и тебе б Ваське Броннику дать тем аманатом с родниками очная ставка. И будет подлинно родники их, и хотят ясак платить на каменю на Анюе в зимовье с ними, и тебе б тех аманатов с Ковымского зимовья отдать служилому человеку пятидесятнику казачью Ваське Бурлаку и в том с ним росписатца. А будет те аманаты не родники их, и им великих государей ясак платить на Ковыме реке. А против их Таблейкова и Ниникейкова челобитья сыскать ясачными иноземцами по их вере по шерти, как их Васька Бронник с товарыщи грабили: хто что в сыску скажут, и велеть те их речи написать на роспись и к той росписи велеть им знамена свои приложить и дать им Таблейку и Ниникейку с Филькою Рыбником очная ставка. И тот сыск прислать в Якуцкой острог с кем пригоже и велел тот сыск подать в сьезжей избе стольнику и воеводе Ивану Федоровичю Большому Голенищеву-Кутузову.

К. 202, столб. 10 на 95 сставах; сст. 82—84.

55. *1670 г. февраля ... — **Из дела о сборе ясака казачьим пятидесятником Семеном Епишевым с якутов 9-ти волостей.***

I. — 178-го году ...[1] ясашные зборщики Якутцкого острогу пятидесятник казачей Сенька Епишев да толмач Пашко Скребыкин, козаки Ондрюшко да Стенька Летвиновы пред окольничим и воеводою пред князем Иваном Петровичем Борятинским да пред дьяком Стефаном Янчюковым сказали: в нынешнем де во 178-м году ездили де оне Сенька с товарыщи из Якутцкого по указу великого государя на Сиду реку и на Ковею озера в Якутцкие уезды, в Бетунскую и в Намскую и в Атамайскую и в Одейскую и во Одугейскую и в Бояназейскую и во Катирытцкую и в Чачюйскую и в Мегинскую волости для великого государя ясачного и поминочного соболиного и лисья збору. Велено им, Сеньке с товарыщи, тех волостей со князцов и с лутчих якутов и сь их с улусных людей собрать великого государя ясак и поминки сполна на нынешний на 178-й год и на прошлые годы без недобору. И Сенька Епишев с товарыщи, приехав к ним князцом и к лутчим якутом и к их улусным людем, говорили, чтоб великого государя ясак и поминки всякой с себя дал сполна на нынешний на 178-й год и на прошлые годы. И князцы и многие ясачные якуты дали великого государя ясаков с себя на 178-й год и на прошлые годы по невелику соболей и лисиц. И хто что дал ясаков, и тот ясак с них взят и писан в роспись, и та роспись подана великого государя с казною в сьезжей избе. А в достальных своих недоплатных ясаках тех волостей князцы и всякие якуты сказали им ясачному зборщику пятидесятнику Сеньке Епишеву с товарыщи и дали сказки за своими знамены. А в сказках их пишет: //

II. — Бетунской волости ясачные якуты князец Чегунай Изнев да дети эво ... *Далее следует перечень якутов по волостям* ... сказали по свой вере и по шерти за своими знамены ясачному зборщику Якутцкого острогу пятидесятнику казачью Семену Епишеву с товарыщи: есть де на нас взять великого государя недоплатные ясаки на 178-й год и на прошлые годы; и ныне де им, сказали, дать нечова, на соболиные де промыслы в нынешнем во 178 году многие не ездили за конную скудостью, и многие у себя коней и иного скота не сказали, сказались многие бедны. А которые де из них якуты и ездили на соболиные промыслы соболей промышлять на великого государя ясаков в нынешнем во 178-м году, и те де якуты соболей не добыли, а сказали, что де соболи и всякой зверь в их якутцких угодьях выловили в прошлых годех руские промышленые люди. //

III. — В нынешнем же во 178-м году февраля ж в ... день Бетунские волости ясачной якут Чигунай Изелов дал великого государя ясаку с себя 5 соболей на нынешний на 178-й год, а оклад ему 17 соболей, а на прошлые годы стоят на нем ясаки многие. И ясачной зборщик пятидесятник Сенька Епишев с товарыщи ему Чегуною говорил и просил великого государя дастального ясаку на 178-й год и на прошлые годы. И он Чегунай, опричи тех 5-ти соболей, иных не дал, а сказал, что де у него соболей нет, на соболиной промысел не ездил, что де у него Чегуная коней нет, а купить де великаго государя на ясак соболи не на что, кобыл и

[1] *В подлиннике оставлено место для месяца и числа.*

коров, у себя сказал немнога, только 2 конишка да кобылу да 5 коровенок, а которой де был скотишко, коней и кобылы и коровы, и те сказал в прошлых годех роспроданы великого государя на ясаки, // и стал де от того беден. И бил челом великому государю он Чегунай словесно, а ясачному зборщику Сеньке Епишеву говорил, чтоб великий государь велел про ево Чегунаев скот, коней и кобылы и коровы осмотреть и сверх досмотру сыскать окольными ясачными якуты, которые про ево Чегунаев скот знают, колька у него всякого скота есть, и те их речи велеть записать и подать в сьезжей избе. И тово ж числа ясачной зборшик Сенька Епишев с товарыщи по ево Чегунаеву словесному челобитью сыскивал окольными ясачными якуты розных волостей про ево Чегунаев [скот]. И хто что сказал, и те их речи писаны ниже сего за их знамены.

Модутцкие волости якуты, Кокий да Темерей Бычканя да Кулуттай Текесев, лутчие люди сказали по своей шерти, что де у Чегуная Езилова большого скота нет, толька сказали у него 2 конишка да кобылу да 5 коровенок, а иного скота у него Чегуная не сказали.

На обороте 4 якутских «знамени».

К. 206, столб. 17 на 185 ставах; сст. 137, 141, 145—146.

56. *1671 г, декабря 5. — Роспись алазейским ясачным юкагирам и взимаемому с них ясаку.*

Лета 7180-го году декабря в 5 день, по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] и по указной памяти, что прислана на Алазейку реку к приказному пятидесятнику служилому человеку Якову Никитину. А написано в той памяти, что тебе бы Якову на Алазее реке алазейских ясашных юкагирей по указной памяти ясашных людей, и хто имяны у них подрослей, и по чему хто платит, [переписать]. И по той указной памяти на Алазее реке приказной пятидесятник Яков Никитин тех алазейских ясашных юкагирей переписал, в коем роду хто имяны и сколько платят которой род, и тому ся роспись: Калвина роду сын Калвин Левойко, а в том Калвине роду платежных людей старых и молодых 24 человека, а платят великому государю ясаку по приправошным книгам 60 соболей; Манзитина роду племянник Мугундучей с родом и с улусными людьми, а в том роду 30 без одново человека, а по приправошным книгам на том роду взяти 2 сорока 12 соболей, и тово роду многие лутчие лю[ди] и улусные примерли, а которые тово роду осталые платят 60 соболей, а против тех приправошных книг за те умершие родники платить не могут, а подростков и захребетников у них нет; род Ничи Шаманова брат ево Кчекондий з братьями и с родом и с улусными людьми, а в том роду // 32 человека, а с тово роду по приправошным книгам емлеца 78 соболей; род Леуты шамана, сын ево Конда, а в том роду шаманове 4 мужыка, а в приправошных книгах в прежние годы тот шаман с своим родом платил 27 соболей, а роду е[го] было 15 человек, и тот шаман своим родом пример, а оставших только 4 человека; род Тантапонин, Тантапонины дети Епта да Чемой с родом и с улусными людьми платят по приправошным книгам 33 соболя; род Лямземин, дети ево Кинегой да Кынтыгий с улусными людьми ясаку платят по приправошным книгам 17 соболей; а тово Леуты шамана, которой выше сего писан, сын ево Конда четверыми людьми платит 7 соболей; род князца Онгаты Падитин брат, и тово роду Падитин Консинейко с родом по приправошным книгам платит ясаку 12 соболей; Мымыков сын Непко по приправошным книгам платит 2 соболя; Чебука с родом платит по приправошным книгам 20 соболей, а в том Чебукине роду 10 человек; Ойсиково роду, что выше сего писан, Подитина сына 6 человек.

На обороте 9 юкагирских «знамен».

К. 209, столб. 4 на 65 ставах; сст. 31—32.

57. *1678 г. ранее июня 26. — Челобитная казака Клима Улединкова с товарищами якутскому воеводе Фоме Бибикову о непосылке на реку Маю пятидесятника казачьего Ивана Бурлака до расследования дела о его злоупотреблениях.*

Государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю [т.] бьют челом холопи твои казачишка Климко Улединков, Ивашко Феоктистов, Ивашко Шелков-

ник, Федька Епанчинец, Ивашко Силин, Ярко Гундышев, Сергушка Игнатьев, Моська Демидов, Герасимко Федотов, Мишка Залесов, Петрушка Иванов, Ивашко Дмитреев. В прошлом, великий государь, во 185-м году по твоему великого государя указу посылан был на твою великого государя службу в Майское зимовье для твоего государева ясачного збору приказным человеком пятидесятник казачей Иван Бурлак. И будучи в Майском зимовье он Иван збирал на прошлого твоего государева воеводу на Андрея Барнешлева у ясачных иноземцов соболи. И собрав он Иван те соболи и привез вь Якутцкой, отдал ему Андрею Барнешлеву. Да он же Иван, будучи в том же Майском зимовье, посылал казаков Кондратья Берсенева да Ивана Безсонова по изменников Маймаканского роду по Дедену Каняркиева да по брата ево Обшулю и по родников их. И после тех казаков Кондратья Берсенева выпустил аманатов Ларкагирского роду Акарабчановы семьи Любишки Ильчанова да Маймаканского роду Табылы, а тот Любишка и Табыла были в убойстве, как убили пятидесятника казачья Ивана Иевлева и казаков, а под тех аманатов иных аманатов не взял. И в прошлом же, великий государь, во 185-м году того выпущеного аманата Любишки Ильчанова брат ево сродной Секлига Антеулев, видя такую простоту, убил на промыслу торгового человека Петра Хозова и запас ево разграбили от ево Ивана Бурлака выпуску. Милосердый государь царь и великий князь Феодор Алексеевич [т.], пожалуй нас холопей своих вели, великий государь, про то убойство сыскать и допросить казаков, которые были с ним Иваном Бурлаком в Майском зимовье и которые промышленые люди были на той Мае реке с Петром Хозовым, а не вели, великий государь, ево Ивана на Маю посылать для своего государева ясачново збору до своего великого государя указу. А допросные речи и сю нашу холопей твоих челобитную вели, великий государь, послать к тебе великому государю в Москве. Царь государь, смилуйся пожалуй.

На обороте: К сей челобитной вместо казаков Климка Уледникова, Ивашка Феоктистова, Ивашки Шелковника, Фетьки Епанчица по их веленью казак Ивашко Горин руку приложил. К сей челобитной вместо казаков Гарасимка Федотова, Петрушки Верхоты, Моськи Демидова по их велению подьячей Ивашко Ивачев руку приложил. К сей челобитной вместо казаков Мишки Залесова, Горасимка Гундышева, Сергушки Игнатьева по их веленью и за себя Ивашко Дмитриев руку приложил.

Помета: 186-го июня в 26 день взять у Ивана Бурлака скаска про те соболи и сыскать против челобитья и выписать из дела.

К. 213, столб. 11 на 22 ставах; ст. 22.

58. *1679 г. марта 17. — Отписка пятидесятника Евдокима Козицына якутскому воеводе Фоме Бибикову о принятии Нижнеянского ясачного зимовья от служилого человека Якова Шелковника, о сборе «обыскных речей» о Якове Шелковнике, о сборе ясака с юкагир и о намерении «каменных» юкагир избивать казаков. С приложением «росписного списка».*

I. — Великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичю из Нижнего Яньского зимовья ясачной зборщик пятидесятник Евьдокимко Козицын служилыми людьми челом бьют. В нынешнем во 187-м году марта по 17 день у нас в Яньском зимовье по се число дал бог все здорово. А яз из Житан переехал с Лены с усть Сиктаку на Яну и с усть Яны сь юкагиреми через гору служилым человеком с Ивашком Корякиным. А пришел в Яньское зимовье генваря в п[ять] на десят числе и по наказной памети принел у служилого челов[ека Я]кова Шелковника то Янойское ясачное зимовье. И сколько заехал [ко]заков и в казенке аманатов налицо, и в казеном анбаре в[еликого] государя всякие казны налицо, и то описано в росписном списке и[мян]но порось статьями, а тот росписной список послан пот сею отпискою за Яковлевою рукою. Да мне ж указано про нево Якова сыскать, что он Яков, будучи на приказе, служилым людем и ясачным иноземцам юкагирем какие обиды и налоги какие не чинил ли и для своей бездельные користи ничем не приметовался ли. И яз про нево Якова обыскивал и служилых людей опрошавал и у ноземцов ясачных юкагирей опрашавал. И служилые люди и ясачные юкагири во обыску что

сказали, и яз их скаски записавал порезь статьями за рукам[и], а юкагирские скаски за их знаменами. А те обыскные их р[осписи] посланы пот сею же отпискою. А нынешней на 187-й год собрали мы в[еликого] государя ясаку с прежных юкагирей всех 3 сорока 3 соболя, в т[ом] числе 73 соболя в косках, да в том же числе 13 соболей поротых, да в том же числе 32 соболи в переводе во отпися[х] и те отписи посланы подо отпискою пог сею, да за 5 соболей в том же числе 10 лисиц красных. А ясак збираетца с великою нужею, потому что, сказовают иноземцы, что стала наша земля пуста, на Яне и по стороным рекам и до Индигирки, а по другую сторону и до Лены соболей нет, стало промышлять ясаку соболей негде и неково; а добываем де наш ясак соболи извозом у руских людей, а иные де и каменные юкагири, Якчанга с родом, покупаем де соболи в Жиганах у якутов и у тунгусов на последние свои оленишка и на борошнишко у руских людей; а даем де за я[са]шьного соболя по 20-ти ролдуги недоростей; а впредь де будет промышлять ясаку незнамо где; и от тово де мы оскудели и опешели. Да довелось было взять по ясачным книгам Петайского роду на юкагирех на Ониге с родниками за брата его за ум[е]ршего Шербака ясаку 2 соболи. И тот Онига у ясаку ска[за]л, что де тот Шербак умре во 184-м году после ясачно[го] платежу. И на нынешней на // 187-й год тех дву соболей за Шербака не дал, а сказал что де была у меня указная память, что было тово Шербакову жену зашерскому приказному Миките Савину Бочерского роду тунгуса у Мурговы шамана та ево жена Кошека взять и отдать мне с родниками, и дочерь ево Белчака и олени ево Шербаковы, а мне де было ево Шербаков ясак 2 соболи платить вечно; и ныне де тое бабы и дочери и олени не отдали, а владеет де тем чюжего роду мужик. И яз у тово Ониги взял скаску за их знаменами и ту указную память и послал пот сею отпискою в город. А ево Онигин брат родно[й] большей Шандай хотел итти в город бити челом об указе, а в прошлом де году Якову Шолковнику дал 2 соболи он Онига за него Шербака. А казаков мало, только 7 человек, аманатов много, 7 же человек, а кормитцо, рыбы промышлять, не от ково и аманатов кормить. А про каменных юкагирей про Нутного проноситца весть недобрая, что хотят казаков побить. А яз как приехал в то Яньское зимовье и застал у Якова Шелковника собраню было верхояньских якутов 10 человек для обереженья къ ясачному збору. А те якуты зимовали блиско, а ноне де те якуты опять скочевали верх. А сказавали про то омолоевские юкагири. А котла аманатом варить нет. А которой котел послан был со мною, и тот котел мал, а вари[ть] стало не в чем. А которые котлы яз принел у [Я]кова Шелковника, и те котлы все худы, варить нельзя. А иные котлы малы. //

На обороте: Великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича [т] воеводе Фоме Ивановичю.

187-го маия в 31 день подал отписку казак Ивашко Колмогор.

II. — 187-го году генваря в 15 день роспись мне служилому человеку Якову Степанову Шолковнику в том, что отдал яз по указной памети пятидесятнику казачью Евдокиму Кирилову Янское Нижнее ясачное зимовье: 2 избы с нагороднеми под одною кровлею, да по заднею сторону и по переднею стену косой острот да казенной анбар, да служилых людей для письма Иванка Курмашева, рядовых служилых казаков Ивашка Колмогора, Сеньку Прокопьева, Ивашку Кобелева, Ромашку Никитина, Ивашка Тимофеева, Савку Иванова, да в казенке аманатов юкагирских омолоевских юкагирей Туголокова сына Иркичю, хромовских юкагирей Темлету Нерпина, да с каменных юкагирей Якчантина сына Немдылеку да Гусельникова сына Шочела, да каменых же юкагирей князца Нутного племянника Шелючютова сына, да того ж роду Ягарнабина сына Туегу, да каменных же юкагирей Петайского роду Онигина сына Мелту; да великого государя казны: иноземских подарков полторы тысечи одекую синева да того ж одекую полтораста одекуй, да 11 мотов неводново прядена, а в моту по 4 четвертухи, да 25 саж. неводных сетей новых, 2 котла старых красные меди, да зеленой меди котел старой худой, варить в них нельзя, красной меди в тех котлах весом 15 ф., а зеленой той меди 8 ф., да красной же меди 2 котла новых весом 12 ф., да зеленой же меди в 2-х котлах весом пол 9-та ф., держаных, напарья да теслу, долото да свределю да 2 пешни да 3-я ломоная, 3 ф. пороху, 2 чети да фунт свинцу, да пищаль

глаткоя з замком умершего казака Юшки Ондреева, да замок у казенки висячей, да 7 мереж езовых держаных мерою по 8-ми саж. печатных, худых, да 40 саж. бечевы старых, да карбас большой однодеревой да струг небольшой однодеревой, оба старые худые, 2 соболя ясачных в косках, да ясачные книги приправочные, которые ему даны из города, и по чему яз Яков брал великого государя ясак на 186-й год. И в том яз Яков с ним Евдокимом во всем росписались и росписной список дал за своею рукою.

На обороте: К сему росписно[му] списку вместо Якова Шолковника по ево велению казак Ивашка Тимофеев руку приложил.

К. 214, столб. 1 на 56 ставах; ставы 1—3.

59. *1679 г. ранее мая 30. — Отписка сына боярского Льва Трифонова якутскому воеводе Фоме Бибикову о недоборе ясака с зашиверских ламутов из-за насилий, причиненных им казаком Сергеем Брусениным и целовальником Никифором Бобровским.*

Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичю Индигирки реки Зашиверского острошку приказной сын боярской Левка Трифанов челом бьет. В нынешнем, государь, во 187-м году пришли с промыслу Зашиверского острошку ясачные ламутцкие мужики Кукигирского роду Вострой да Зельянского роду Борутка...[1] они ламутцкие мужики мне Левке в Зашиверском ясачном зимовье, как они Вострой и Борутка, идя с промыслу, и пришли на Ковыму реку в ясачное Верхное зимовье для своих убойных голов и погромных животов бити челом великому государю на ковымских юкагирей, и в то время тут были казак Сергий Брусенин да целовальник Микифор Бобровской. И казак де Сергий Брусенин засадил де ево Вострово в казенку и угрозами и приметами, которые были соболи платить в ясак великому государю на нынешней на 187-й год 3 соболи, и те де, государь, соболи взял к себе он Сергий; и взяв собсли, из казенки выпустил де; а торговой человек Никифор Бобровской после де выпуску Сергиева опять посадил де меня Вострово в казенку и вымучил у меня соболя одинца ценою в 30 руб. И взяв того соболя, он Никифор из казенки выпустил и мне де Вострому про того соболя сказывать никому не велел. И как де, государь, меня Вострово сажали в казенку и мучили казак Сергий Брусенин да целовальник Никифор Бобровской и про то де знают ковымские казаки Верхнево зимовья. И тот, государь, Вострой с товарыщи пришел в Зашиверской острожек ко мне Левке апреля в 19 день, а я[саку] великого государя ничего не принесли на нынешней [187-й] год. И о том как ты государь укажешь.

На обороте: Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т] воеводе Фоме Ивановичю.

187-го маия в 30 день подал отписку казак Ивашко Гурьев.

К. 214, столб. 2 на 31 ставе; ст. 10.

60. *1680 г. не ранее сентября 18. — Челобитная ясачных тунгусов Бирянского рода Бузиказарта с товарищами о возвращении им жен, детей и оленей, отнятых у них якутскими служилыми людьми Данилой Михайловым и Никитой Кырнаем «с товарыщи».*

Список с челобитной.

Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичу [т.] бьют челом сироты твои с Селинги реки ясачные тунгусы Бирянского роду Бузиказарта, Елиси, Чолтыга. Гочодка, Чанжета, Конкочин, Каюкан. Жалоба, великий государь, нам сиротам твоим Якуцкого острогу на служилых людей на Данила Михайлова да на толмача Никиту Кырная с товарыщи. В нынешнем, государь, во 189 году сентября в 18 день ходили мы сироты твои с Селинги реки на Уд реку для ради кормли и звериного промыслу. И он Данило из зимовья посылал на нее сирот твоих войною толмача Никиту Курная с товарыщи в 30-ти человеках. А толмач Никита, пришед к нам с казаками разгромил и пограбил, жен и детей наших в полон себе взял и человека убил до смерти. И мы сироты твои ему Никите

[1] *Конец строки оборван.*

с товарыщи в ясачном платеже отписи казали, и он тем отписям не поверил и отписи себе взял. А у ково нас сирот твоих взяты жены и дети и чаго животов наших и оленей взяли, и тому под сею челобитною роспись. И мы сироты твои от того их убойства и грабежу обнищали, и тебе великому государю ясаку промышлять не на чем, стали нужны и бедны, и в ясачном зборе впредь тебе великому государю учинитца поруха большая и недобор. Да он же Никита с товарыщи под жен и под детей наших просит у нас выкупу большева, а нам сиротам твоим жен и детей своих выкупить нечем, потому что мы сироты твои пограблены и разорены до основания. Милосердый государь царь и великий князь Феодор Алексеевичь [т.], пожалуй нас сирот своих вели, государь, ему Данилу с товарыщи жены и дети и олени наши и против росписи животишка наши отдать, чтоб нам сиротам твоим в том их насильстве и грабежу от ясачного платежу не отбыть и вконец не погинуть, и ясак тебе великому государю вечно платить в Селингинском зимовье. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 216, столб. 5 на 44 ставах; ст. 1. Современный список.

61. *1680 г. октября 26. — Наказная память ясачному сборщику Ивану Бурлаку якутского воеводы Ивана Приклонского о сборе ясака, задержании и приводе в Якутский острог казака Ивана Фомина, отправленного на добычу слюды по рекам Алдану и Тонторе.*

Лета 7189-го октября в 26 день по государеву цареву и великого князя Феодора Алексеевича [т.] указу память в Тонторское зимовье ясачному зборщику пятидесятнику казачью Ивану Бурлаку. В прошлом во 188-м году по указу великого государя послан ты Иван для ясачного збору в Тонторское зимовье и посланы с тобою приправочные книги за рукою стольника Ивана Бибикова, и по наказной памяти велено тебе собрать великого государя ясак на нынешний на 180-й и на прошлые годы весь сполна. А будучи тебе Ивану великого государя у ясачного збору никакие поноровки, посулов и поминков сь ясачных иноземцов от того не имать и для своих прихотей и бездельной корысти кь ясачным иноземцам не приметыватца, налог и обид не чинити, и над служилыми людьми во всем надсматривать, чтоб они служилые люди ясачным иноземцам налог и обид ни чинили. Да в прошлом во 187 году в приказной избе перед воеводою перед Фомою Бибиковым казак Ивашко Фомин сказал словесно, что есть вверьх по Алдану и по Тонторе слуда, а он де Ивашко был на учюге и слышал от тунгусов и чтоб великий государь ево Ивашка пожаловал, велел ево Ивашка отпустить вверхь по Алдану и по Тонторе для слуды и дать ему двух тунгусов в вожи, которые ему про ту слуду сказывали, чтоб ему Ивашку тое слуды добыть и привесть вь Якуцкой, а он де Ивашко и ныне живет с тунгусами и торгует у тунгусов соболи и иную всякую мяхкую, а слуду добыл ли или нет и того вь Якуцком не ведомо. И как к тебе ся память придет, и ты б по указу великого // государя собрал великого государя ясак на нынешней 189-й год по окладу и на прошлые годы весь сполна. А казака Ивашка Фомина привесть на весне с собою вь Якуцкой. А что у него каких пожитков и мяхкие рухляди, и те ево пожитки, запечатав своею печатью, привесть на весне с собою вь Якуцкой. А буде ты Иван великого государя ясаку против приправочных книг весь сполна не зберешь и того Ивашка Фомина не сыщешь, или и сыщешь, а в Якуцкой на весне не привезешь и для своей бездельной корысти отпустишь и про то сыщетца допряма, и для своих прихотей и бездельной корысти учнешь кь ясачным иноземцам приметыватца, налоги и обиды чинити, и над служилыми людьми не учнешь надсматривать, а Ивашка Фомина не сыщешь, или и сыщешь, а на весне вь Якуцкой не приведешь и для своей бездельной корысти отпустишь, а иноземцом какую обиду и налоги учинишь и в том на тебя будут челобитчики, и за то тебе по указу великого государя быть в жестоком наказанье в опале и в разоренье, и недоборной ясак стольник и воевода Иван Васильевичь Приклонской велит доправить на тебе Иване безо всякие пощады.

На обороте: Такова память послана в столпце за печатью Бутальского зимовья сь ясачным зборщиком с казаком с Аверкием Григорьевым, а ему велено послать в Тонторское зимовье с тунгусами.

К. 215, столб. 31 на 194 ставах; ст. 18—19.

62. *1680 г. октября... — Наказная память якутского воеводы Ивана Приклонского сыну боярскому Юрию Крыженовскому с товарищами о несении караула в Якутском остроге по случаю привоза якутами ясака.*

Лета 7189-го октября в... день по государеву цареву и великого князя Феодора Алексеевича [т.] указу и по приказу стольника и воеводы Ивана Васильевича Приклонского память Якутцкого острогу сыну боярскому Юрью Крыженовскому да казаком Фролку Акиле, Митьке Попову. Быть им на карауле в день и в ночь Якутцкого посаду на Нижнем конце для того, как в нынешнем во 189-м г[оду] поедут из ясачных волостей якутцкие князцы и улусные их люди великого государя сь ясаком и с поминки, и что для продажи привезут харчевого на продажу, зайцов и всяких птиц и зверей, и им тех ясачных людей великого государя сь ясаком и с поминки, с мяхкою рухлядью, с собольми и с лисицами и с харчевым, приводить в острог к приказной избе и объявить стольнику и воеводе Ивану Васильевичю Приклонскому, и стольник и воевода Иван Васильевичь Приклонской великого государя ясак и поминки велит взять. А взяв ясак, велит им харчевое продать на базаре служилым и всяким людем по их якутцкой и руских людей меж себя уговорной цене. А однолично б им ясачным людем, // идучи из ясачных волостей, к толмачю и на жилетцкие дворы великого государя сь ясаком ставитца не велеть. А того смотреть и беречь накрепко, чтоб тайно у них мяхкой рухляди всякие люди не покупали. А которые руские люди каких чинов не буди учнут сь ясачными людьми на дороге торговать или якуты, которые живут вь Якутцком остроге, у руских всяких чинов людей учнут ясачных людей на дороге встречать, или учнут у них собольми какую мяхкую рухлядь переменять от руских людей подсыпкою, или учнут какие нибудь люди к ним ясачным людем подходить, и тех всех имая приводить в приказную избу. А будет вашим небереженьем хто ясачных людей учнут ставитца у толмачей на дворех или на жилетцких дворех где нибудь или чем торговать учнут, на дороге едучи, не заплатя великого государя ясаку, а вы тех людей имать и приводить в приказную избу не учнете и того стольнику и воеводе Ивану Васильевичю Приклонскому не обьявите, а после про // то сыщетца, и вам и тем людем, хто ясачного человека сь ясаком на двор стоять пустит, или хто преж государева ясаку мяхкую рухлядь купит, и за то быть от великого государя в великой пени и в смертной казни безо всякие пощады. А стояти б вам для береженья середи посаду и на крайных дворех, от которых бы дворов было караулить усторожливо и видеть бы мочно, откуды дорогами якуты к острогу приезжают.

Под тектом приписано: Октября в... день такова ж память дана на Верхней конец сыну боярскому Сарзину Крулетцкому.

К. 215, столб. 31 на 194 ставах; ст. 20—22.

63. *1680—81 гг. — Челобитная пеших тунгусов из Охотского острожка об освобождении их из тюрьмы и от «правежа» за неплатеж ясака.*

...днем мы хо[лопы твои стоим на пра]веже, а ночью седим в казенки и на[м холопем твоим] того недоплатного ясаку больши того, что платили, взять негде. А в прежние годы мы холопи твои платили тебе великому государю ясак с себя и с родников своих, а тот мы ясак соболи покупали у оленных тунгусов, а на них мы холопи твои оленных тунгусов промышляли рыбей корм, и за те соболи им тот корм давали. И в нынешнем же, великий государь, во 189 году оленные тунгусы многих родов в Охотцкой острожек с ясачным платежем не бывали, и нам холопем твоим того твоего государева недоплатного ясаку на тот свой рыбей корм иначи купить не у кого, а самим промышлять не на чем, оленей нет. А на Ламе в Охотцком острошке шатость и измена учинилась у оленных тунгусов во 185 году, как был на приказе сын боярской Юрье Крыженовской. И будучи он Юрье на приказе в Охотцком, оленных и нас холопей твоих пеших тунгусов садил в казенку для своей бездельной корысти. И велел он Юрье нам холопем твоим и оленным тунгусам к себе приносить соболи добрые и лисицы черные преж твоего государева ясачного платежу. И мы холопи твои и оленные тунгусы ис козенки выкупались, видячи ево Юрьеву обиду, и за угрозами приносили к нему Юрью соболи добрые и лисицы черные.

И он Юрье у нас холопей твоих и у оленных тунгусов соболи и лисицы черные к себе имал, а плохие соболи велел он Юрье нам холопем твоим и оленным тунгусом приносить тебе великому государю в ясак. И мы плохие соболи приносили тебе великому государю в ясак. И в прошлом во 186-м году послан был из Якутцкого на Ламу приказной сын боярской Петр Ярышкин к нему Юрью на перемену. И оленные тунгусы тебе великому государю изменили и на Ураке реке 30 человек служилых людей побили, которые шли с ним с сыном боярским с Петром Ярышкиным, от ево сына боярсково Юрья Креженовского обиды и налоги. И мы холопи твои оленные и пешие тунгусы били челом тебе великому государю на него Юрья в тех своих обидах и налогах. И против нашего холопей твоих челобитья про него Юрья прежние приказные сын боярской Петр Ярышкин да десятник казачей Филип Щербаков сыскивали и допрашивали у оленных и у нас холопей твоих пеших тунгусов, и против тех сысков и допросов из Якутцкого твоего великого государя указу никаково к нам холопям твоим не бывало. И в прошлом же, государь, во 188 году годниканские и горбиканские и иных многих родов оленные тунгусы тебе великому государю изменили и на Юдоме реке твоего государева стольника Данила Фомича Бибикова и служилых людей 39 человек побили, и твою великого государя ясачную зборную соболиную казну взяли и по себе розделили, и в Охотцкой острожек с твоим государевым сь ясачным платежем в нынешнем во 189 году не приходили, для ево ж сына боярского Юрья Крeженовского обид и налог. И нам холопем твоим твоего великого государя недоплатного ясаку соболей купить на свой рыбей корм не у кого и взять негде. Милосердый государь, царь и великий князь Феодор Алексеевичь [т.], пожалуй нас холопей своих вели, великий государь, нас холопей своих в том своем великого государя недоплатном ясаке с правежу спустить, чтоб нам холопем твоим в том твоем великого государя недоплатном ясаке, стоячи на правеже и в казенке сидячи, томною голодною смертью не помереть и твоего б великого государя ясаку впредь не отбыть. Царь государь смилуйся.

На обороте сохранившейся части челобитной 47 тунгусских «знамен».

К. 216, столб. 4 на 10 сставах; сст. 1. Начало оборвано.

64. *1681 г. января 14. — Изветная челобитная средневилюйских ясачных якутов Бакучки Одуреева и Тебиечки Селбукова якутскому воеводе Ивану Приклонскому о вымогательствах ясачного сборщика Захара Шикеева.*

189-го генваря в 14 день извещали в приказной избе стольнику и воеводе Ивану Васильевичю Приклонскому Вилюйского Середнего зимовья ясачные якуты Бакучко Одуреев да Тебиечко Селбуков, сказали словесно: в нынешнем во 189-м году Вилюйского де Середнего зимовья ясачной зборщик сын боярской Захар Шикеев наметывает на них всякой товар сильно, бисер и одекуй по 12-ти и по 13-ти прядок, и велит де приносить за тот бисер по сороку горносталей, да он же де отнял преж ясаку у него Баки лисицу сиводущатую да лисицу красную; и многие де якуты и тунгусы, слыша от него такие наметные товары и обиду и налог, великого государя сь ясачным платежем к зимовью не идут; и чтоб великий государь пожаловал, велел извет записать. Якутцкие речи толмачил толмач Михайло Удин.

На обороте 2 якутских «знамени».

К. 215, столб. 2 на 194 сставах; сст. 67.

65. *1681 г. не ранее ноября 4. — Отписка сына боярского Захара Шикеева якутскому воеводе Ивану Приклонскому о затруднениях в сборе ясака из-за ухода якутов и тунгусов с Оленки вследствие голода и отсутствия зверя на промыслах.*

Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] стольнику и воеводе Ивану Васильевичю Приклонскому сын боярской Захарко Шикеев челом бьет. В нынешном во 190-м году великого государя по указу велено мне быть в Жиганском зимовье, а велено собрать мне на великого государя с якутов и с тунгусов ясак. И на нынешней 190-й год ноября с 4-го числа стал збирать ясак на великого государя, и платят ясак якуты с великою нужею, иные якуты с Оленка реки сошли в Середнее в Вилюйское зимовье, а иные на Анабору реку, а иные

в Жиганы на Красное пришли, а иные безвестно сошли, да казачьи дети и посацкие люди сошли на Анабору реку. А хто имяны казачьи дети и посацкие люди и якуты сошли в Среднее Вилюйское зимовье и на Анабору реку, под сею отпискою роспись. А сошли с Оленка реки многие якуты в Жиганы и Красному песку по первому пути снежному з женами и з детьми, и многие от голоду мало не померли, а посацкой человек Исаак умер от голоду. А потому с Оленка реки сошли якуты, что большей голод на Оленку реки, прошлой весны и осени единого зверя не промыслили якуты не убили, и с тех мер и наты и голодны якуты. Да и на Красном песку в Жиганех якутов оленские якуты объели, а к весне и здесь будет голодно, да и в ясаку спона большая учинилась, оттого что зверя на промыслу не стало. Как Жиганы стали такового не бывало году, потому что на всех местах зверь нигде через реку Оленек не шел. А и шол зверь от моря блиско берегу Оленского судом божиим да пошел на Хету реку, а тое реки Хеты вершина от Енисея реки. А которого дня казак Киприян отдал мне память про беглую дочь якута Сомогочка Толконова имянем Куннечку, и аз, исполняя указ великаго государя и твое воеводское повеленье, того же дня 23-го сентеврия послал 3-х казаков по тое беглую якуцкую девку в Оленское зимовье к сыну боярскому Артемью Крупецкому, которую девку те казаки привели в Жиганское зимовье в 5-й день октоврия и за приставом ныне у казака Киприяна та девка живет. А тое девку и роспросные речи даст бог на весне в Якуцкой в ызбе в съезжей по указу великого государя и по твоему воевоцкому веленью аз поставить готов. А на Анабору по ясак к беглым людем ясачным и по оброчныя деньги к посацким людем послал я казака Киприяна с великою нужею, потому что на Оленке реке подвод людем перемены нет, а пустынею 3 месецы добрым путем назад и вперед ити надобе, а все однеми подводами, людьми и собаками ити без переменно, как то бог справит Киприяна. А кроме его нельзя иного // послать было, потому что он там бывал прежних годов. И по указу великаго государя приказал ему Киприяну, чтоб тех ясачных и посацких людей с Анагоры реки в Жиганы выслать на житье, или чтоб они ясак и оброки с Анаборы реки без посылки сами высылали ежегод в пору с осени, потому что дальной путь к ним переходить и на подводы вельми тяжело. А отпущены с отпискою якуты Бетунской волости Куржега Тюляков да Бакчигирь Дедеев, да Чеко Андреев, которые здесь у родников своих в гостях были, а ясаку у них не взято здесь, потому что в городе платят, домы их и з жены и дети в Бетунской волости живут.

На обороте: Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] стольнику и воеводе Ивану Васильевичю Приклонскому.

190-го генваря в 18 день подал отписку Бетунские волости Ябудак шаман Себулдеев.

К. 216, столб. 2 на 60 ставах; ст. 5—6.

66. *1682 г. января 23. — Отписка сына боярского Захара Шикеева якутскому воеводе Ивану Приклонскому о неудачном сборе ясака с жиганских тунгусов и якутов из-за отсутствия зверя на реке Оленке и о злоупотреблениях ясачного сборщика Артемия Крупецкого.*

Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] стольнику и воеводе Ивану Васильевичю Приклонскому Якуцкого острогу сынчишко боярской Захарко Шикеев челом бьет. По указу великого государя и по твоему воевоцкому приказу в Жиганском зимовье сь якутов и сь тунгусов ясачных с великою нужею ясак великого государя збираю, а потому с нужею, что прошлых годов зверем оленем якуты ясак окупали, а ныне на Оленке реке ни единаго зверя не упромышляли. И по се число, по 23 день генваря, в Жиганех в зборе ясаку великаго государя соболей ясачных с переводными собольми да с ли[си]цами сиводущатыми девятма, за соболи взятыми, 2 сорока без 8-ми соболей да лисиц красных с переводными 400, в том же числе 10 лисиц сиводущатых за красные лисицы взяты да особно дал бог чернобурую лисицу, взята в ясак за соболя да за лисицу красную. А достальной ясак, сколько мне бог даст помощи, с великим раденьем добирать буду. А с Анаборы реки казак Киприян Юдин 3 месяца для ясаку послан, еще не бывал, також с Оленка реки казаки к досталь-

ным якутам по ясак посланы, не бывали ж еще. А что по указу великого государя ты государев воевода велел мне беглую девку Куннейку у сына боярскова Артемья Крупецкого сыскав взять и на весне в город привесть с собою, и я указ государев и твое воевоцкое повеление исполняя еще в осень сыскал и ныне у меня за приставом живет, о чем я преж сего с осени сь якутом Куржегою к тебе государеву воеводе писал. Да по указу ж великого государя и по твоей воевоцкой памяти велено мне другую беглую девку якуцкую, имянем Томтоку племянницу Нелекову да с нею беглых якутов Дагура да Метте сыскать. И та другая девка Томтока у того ж Артемья Крупецкого объявилась в зимовье Оленском. И я по указу государеву и по твоему воевоцкому веленью посылал с паметью своею казака Ивана Алексеева Залесова. И он Артемей указу великаго государя и веленья твоего воевоцкого не убоявся и оные в не во что поставил, той девки казаку не отдал, а тую девку очима своими тот казак подле ево сидячюю видел. Да того ж казака в ту ж пору по указу государеву посылал я в то ж Оленское зимовье по Ебилика ясашного мужика. А тот Ебилик стоит в окладе в 3-х соболях в кочах, и он по тому же безстрашию к платежу ясачному не отпустил, а сказал, что тот Ебилик не плачивал де еще ясаку. А поверил он Артемей плутовским словам Ебиликовым, а не указу государеву, да с тем же казаком Иваном прислал ко мне своего зимовья своего подьячева Артемья Григорьева досмотреть в книге приправочной, подлинно ли тот Ебилик в книге стоит. И я, радея ясашному збору, хож не довелось, тому подьячему в книгах Ебилика // указал и с тем же подьячим того казака Ивана по того ж Ебилика сь Ильина острова вдругие послал в зимовье Оленское. И он Артемей Крупецкой еще воле государьской непокорным умом своим сего Ебилика к платежу не дал. Да он же Артемей великую помешку вь ясачном зборе и налогу людем ясачным делал подводами и иными обидами, потому что преж сего не бывало, на Муну реку кь якутам и к тунгусам столбовским, которые искони в Жиганех ясак платят, двоих казаков Артемья Григорьева да Ивана Гурьева посылал, которые многие людем обиды делали и беляки и подводы по 10-ти собак имали, у иных якутов собак и вовсе взяли, у якута Ситея танкайского. А скоро мне весть о тех двох казаках дошла, и я тотчас на Муну за ними десятника казачья Ивана Игнатьева с тремя казаками послал, которые тым двом в свой аршин не дал мерить и назад с Муны их воротили. Наконец, той же Артемей Крупецкой, злой ко мне умысл свой исполняя, к досадам досаду прилагая, ноября в 24 день с четвертка на пятницу в самой полночи всех казаков Прокопья Иванова, Фому Витошнова, Ивана Гурьева, Артемья Григорьева, Афонасья Хмелинина, Ивана Берсенева с собою взяв, а ни единаго казака при аманатах и при казне государеве не оставил, только жен казачьих оставил, на Ильин остров, где я с казаками ясак збирал, на меня вь юрте Быгиевой спящаго нашол и сам собе позгнетивши огнь мало меня сонного не убил, в том моих и ево полчан з роспросу на суде ширейши при моем челобитье тебе государеву воеводе будет. Да в то ж время он Артемей отнял у меня ясашного якута Акиика и Дербика, он же Куннерекова, а взял тово якута к себе в зимовье. Да в нынешнем во 190-м году пошли из Жиган в Якуцкой казак Семен Годнев да казачей сын Фока Савин да Жиганскова зимовья ясашной якут Имы Одерган, а взять на них великаго государя ясашных переводных соболей и лисиц красных на нынешней 190-й год, и тому под сею отпискою роспись, что на ком переводных соболей и лисиц красных взять.

На обороте: Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] стольнику и воеводе Ивану Васильевичю Приклонскому.

190-го февраля в 25 день подал казак Сенька Годнев.

К. 216, столб. 2 на 60 ставах; сст. 22—23.

67. *1682 г. марта 2. — Наказная память якутского воеводы Ивана Приклонского в Средневилюйское зимовье сыну боярскому Федору Козыревскому о недопущении им злоупотреблений при сборе ясака и о покупке железа у «иноземцев».*

Лета 7190-го марта в 2 день по государеву цареву и великого князя Феодора Алексеевича [т.] указу память на Вилюй в Середнее зимовье прикащику сыну боярскому Федору Козыревскому. В нынешнем во 190-м году февраля в 21 день

писал ты в Якуцкой к стольнику и воеводе Ивану Васильевичю Приклонскому, а в отписке в твоей написано: собрал де ты в Вилюйском Середнем зимовье с ясачных людей великого государя ясаку по приправочным книгам февраля по 8 число с великою нужею 55 соболей да 350 лисиц красных, а достальной ясак збираешь ты с великою ж нужею, потому что иноземцы не в промыслу, а иные нужны и пешие люди, промышлять им не на чем, а иные многие ж тунгусы с Оленка к тебе в зимовье с ясаком не бывали, потому что де они оголодали; а на прошлые де годы на ясачных людех против приправочных книг ясаку взять тебе никоими ж мерами невозможно. Да ты ж писал о железе, что велено тебе купить на государев товар пудов 15 и больши, и ты де // о железе всем иноземцам заказывал, и они де тебе сказывали, что де у них железа немного, потому что де они продают меж себя на ясак. Да ты же писал, что извещал тебе якут Эчинейко Тимиреев на неясачных якутов, которые живут круг озера Тысагатчи, и ты против ево извету посылал с ним Эчинейком сына своего да казака Мишку Анофреева, и те де неясачные якуты учинились сильны и изветчика Эчинейка хотели сколоть, а их бранили. Да тебе ж подал челобитную Ордучко шаман да Турачко Натакин на зятя своего на Быгичейка Имеканова, что де он убил жену свою, а их сестру, и ты де ево Быгичейка допрашивал, и в допросе тебе он Быгичейко сказал, что де он убил жену свою, а их сестру, для того, что де она бегала и дуровала. Да ты ж писал о бумаге писчей, что де у тебя ныне бумаги недостало. И как к тебе ся память придет, и тебе б по указу великого государя собрать великого государя ясак против приправочных книг на нынешней на 190-й год и на прошлые годы без недобору весь сполна, не так бы тебе учинить, как в прошлых годех, при прежних воеводах будучи, ясачные зборщики в Вилюйском в Середнем зимовье воровали, збирали великого // государя ясак с ясачных людей не против приправочных книг, а от того себе имали посулы и поминки великия, а иные ясачные зборщики ясачных людей с ясаком, с собольми и с лисицами, преж государева ясачного збору пущали к себе в ызбу для воровства и для перемены, а с переменными худыми собольми отпущали от себя в ясачную избу, и в том воровстве учинили великого государя в ясаке великой недобор и в оценке недоценку великую ж и ясачных людей разоряли и налоги и обиды им чинили. А по указу великого государя и по грамотам, каковы присланы в Якутцкой в прошлом во 189-м и в нынешнем во 190-м годех, будет которые ясачные зборщики и служилые всяких чинов люди, будучи в волостях и в зимовьях, объявятца в каких воровствах или учнут ясачных людей грабить и налоги им чинить и всячески к ним приметыватца для своих бездельных прихотей, и тем людем по сыску велено чинить им наказанье и животы их имать на великого государя все без остатку, а самих их ссылать в Доурские остроги и верстать их в меньшие чины. А буде ты Федор великого государя ясак против приправочных книг на нынешней на 190-й год и на прошлые годы весь спол[на] не зберешь, а оттого себе учнешь имать посулы и поминки или учнешь также воровать, как воровали прежние ясачные зборщики, а про то будут на тебя изветчики казаки и якуты, и по извету и по сыску будет на тебя впрям доведут, и тебе по указу великого государя за то быть в жестоком наказанье и в ссылке и животы твои все возмут на великого государя без остатку да на тебе ж стольник и воевода Иван Васильевич Приклонской недоборной ясак велит доправить безо всякие ж пощады. // А железо купить тебе великого государя на товары одноконечно против прежних указных памятей и с прибылью, не так бы тебе учинить, что железа для городового дела не купить, и купя железо привесть с собою в Якутцкой. А якута Быгичейка, которой убил жену свою, против челобитья якутов Ордучка шамана да Турачка Катакина, сковав привесть ево с собою в Якутцкой и объявить в приказной избе перед стольником и воеводою перед Иваном Васильевичем Приклонским. А что ты против извету якута Эчинейка посылал сына своего и казака по неясачных якутов на озеро Тысагатчи и изветчика Эчинейка хотели те якуты сколоть и учинились сильны, и по скаске в Якутцком якута Эрсюнка Одукеева, что де то озеро блиско от Якутцкого, езду 4 дни, а от тебя то озеро далеко, езду неделя, и тебе б на то озеро Тысагатчи казаков не посылать, а посланы будут из Якутского на то озеро по тех неясачных якутов ясачные зборщики, которые ездят в Кангалаской волости в ясачной збор;

да и в прошлых годех прежние ясачные зборщики на то озеро в ясачной збор езживали по вся годы. Да к тебе ж послано с казаком с Микиткою Стрельниковым для письма десть бумаги писчей.

К. 216, столб. 1 на 7 ставах; ст. 1—4.

68. *1682 г. марта 6. — Наказная память якутского воеводы Ивана Приклонского в Жиганское зимовье сыну боярскому Захару Шикееву о недопущении их злоупотреблений при сборе ясака.*

Лета 7190-го марта в 6 день по государеву цареву и великого князя Феодора Алексеевича [т.] указу память в Жиганское зимовье ясачному зборщику сыну боярскому Захарью Шикееву. В нынешнем во 190-м году февраля в 25 день писал ты в Якуцкой к стольнику и воеводе Ивану Васильевичю Приклонскому, а в отписке твоей написано: збираешь ты великого государя ясак в Жиганех с ясачных людей с великою нужею и собрано у тебя генваря по 23 число соболей и лисиц сиводущатых и красных, и с тем что в переводе, 72 соболи, лисица чернобурая да 390 лисиц красных. Да ты ж писал, вынял де ты против указные памяти у сына боярского у Артемья Крупецкого беглую девку Куннейку, а другой де беглой девки, Томтаса, по твоей посылке казаку Ивашку Залесову не отдал. Да в нынешнем же во 190-м году ведомо учинилось в Якуцком стольнику и воеводе Ивану Васильевичю Приклонскому, что будучи ты Захарей в Жиганском зимовье, преж великого государя ясачного платежу ясачных же людей к себе в ызбу пущаешь с ясаком для обмены и от себя в ясашное зимовье с сыном своим тех иноземцов посылаешь и в ясачных книгах велишь ясак записывать сыну своему мимо казака Ларьки Мартемьянова, которому велено быть с тобою у ясачного збору для письма, и служилых людей к якутам для покупки кормовой не отпускаешь и служилым ж людем и ясачным иноземцом чинишь налоги и обиды великие для своей бездельной корысти. // А по указу великого государя и по грамотам, каковы присланы в Якуцкой в прошлом во 189-м и в нынешнем во 190-м годех, будет которые ясачные зборщики и служилые и всяких чинов люди, будучи в волостях и в зимовьях, объявятца в каких воровствах, или учнут ясачных людей грабить и налоги и обиды им чинить и всячески к ним // приметыватца для своих бездельных прихотей, и тем людем по сыску велено чинить наказанье и животы их имать на великого государя все без остатку, а самих их ссылать в Даурские остроги и верстать детей боярских в казачью службу, а казаков в пашню. И как к тебе ся память придет, и тебе б по указу великого государя собрать великого государя ясак против приправочных книг на нынешней на 190-й год, и на...

К. 216, столб. 1 на 7 ставах; ст. 5—7. Конец утрачен.

69. *1682 г. ноября 15. — Наказная память якутского воеводы Ивана Приклонского казакам Дмитрию Павлову и Леонтию Григорьеву о посылке их на острова Еловый и Таловый для переписи якутов, уклоняющихся от уплаты ясака.*

Лета 7191 ноября в 15 день по государеву цареву и великого князя Феодора Алексеевича [т.] указу память казаком Митьке Павлову и Левке Григорьеву. Ехати ему на Еловой и на Таловой островы и от города вверх и вниз по Аласу и по Марке речки для того, что в прошлых годех и в нынешнем во 191 году многие ясачные якуты из розных волостей пришли жить под город и, живучи под городом, у руских людей и у якутов скот крадут и на соболиной промысел не ездят и великого государя ясаку не платят. А пришли те якуты из волостей жить под город, чтоб им великого государя ясаку [в] волостях ясачным зборщиком не платить и быть бы им в ызбылых. И им Митьке и Левке по указу великого государя на тех островах и около города вверх и вниз по Алас и по Марку речки тех якутов всех описать имянно, хто имяны и которой волости и у кого у руских людей живут и животину пасут, и хто имяны якуты сами собою живут и которой волости и где те якуты преж сего живали, и то все написать на роспись имянно и по росписной росписи тех якутов великого государя сь ясаком приводить в приказную избу и объявлять стольнику и воеводе Ивану Васильевичю Приклонскому.

К. 216, столб. 19 на 63 ставах; ст. 16.

70. *1682 г. ранее декабря 15. — Челобитная ясачных якутов Ясальской вол. Чалдачка Дардыева и Деючки Тюсюкова якутскому воеводе Ивану Приклонскому о поручении пятидесятнику казачьему Сергею Брусенкину произвести расследование «о изгони и обидах», чинимых им в Верхоянском зимовье ясачным сборщиком Андреем Амосовым «с товарыщи».*

Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичю [т.] бьют челом холопи твои Верхнего Янского зимовья ясачные якуты Ясальской волости Чалдачко Дардыев да Деючко Тюсюков и вместо родников своих ясальских якутов на ясачных зборщиков на пятидесятника казачья на Андрея Амосова с товарыщи. В нынешнем, великий государь, во 191 году, будучи оне Андрей с товарыщи в Верхоянском зимовье, чинили нам холопям твоим и родникам нашим изгоню и обиды и нас холопей твоих и родников наших грабили. А грабежем взяли у меня холопа твоего Деючка корову да у родников наших у Иваная взяли кобылу да корову да у Багуя шамана взяли корову ж да кобылу, у Быганея Кутерева да у Ногоя Одуреева, у Теренея Битюнюкова по корове да по кобыле с человека, да у Нюмняя да у Сергуя взяли по кобыле да по корове с человека, да у холопа их у Скуняяка Тимиреева лошать. Да оне ж Андрей с товарыщи били и увечили брата нашего Амукая ослопем и пинками и переломили у него правую руку и голову проломали. И от того их бою тот брат наш Амукай лежит в конце живота и твоего великого государя ясаку промышлять не может, а твоего великого государя ясаку оклад на брате нашем Амукае по 4 соболи на год. И впредь они Андрей с товарыщи похваляютца на нас холопей твоих и на родников наших боем и увечьем для своей безделной корысти. Милосердый государь царь и великий князь Феодор Алексеевичь [т.], пожалуй нас холопей своих вели, великий государь, про тое их Андрееву изгоню и грабеж сыскать, идучи с Ковымы реки, пятидесятнику казачью Сергею Брусенкину, а для осмотру того битого брата нашего Амукая вели, великий государь, прислать из Якутцкого острогу служилого человека. Царь государь смилуйся.

Помета: 191-го декабря в 15 день против сего челобитья послать память к Сергею Брусенину и велеть про то розыска[ть], про налоги и про грабеж и про побои, а казака послать ныне из Якуцкого и велеть того битова досмотрить.

К. 216, столб. 19 на 63 ставах; сст. 21.

71. *1684 г. декабря ... — Наказная память якутского воеводы Матвея Кровкова в Олекминский острог пятидесятнику казачьему Федору Красноярову о сборе ясака с тунгусов и якутов и о розыске двух лошадей, потерянных промышленными людьми Иваном Коряком «с товарыщи».*

Лета 7193-го декабря в ... день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] память в Олекминской острожек пятидесятнику казачью Федору Красноярову. В нынешнем во 193-м году ноября в 30 день писал ты вь Якутцкой генералу и воеводе Матвею Осиповичю Кровкову, [а] в отписке твоей написано: собрал де ты в Олекминском сь ясачных якутов и тунгусов великих государей ясаку 3 сорока соболей, 10 лисиц красных, а достальной ясак збираешь с великою нуждою, потому что ясачные якуты и тунгусы у ясачного платежу тебе сказали, в нынешнем де во 193-м году лешей соболиной промысел им не издался и зверя де в лесах не стало, а иные якуты и тунгусы с промыслу не бывали. И как к тебе ся память придет, и тебе б по указу великих государей сь ясачных людей собрать великих государей ясак против приправочных // книг весь сполна, а ясачным иноземцом налог и обид не чинить и ни в чем к ним для своей бездельной корысти не приметыватца. А будет ты Федор против приправочных книг сь ясачных людей великих государей ясак весь сполна не зберешь, и по указу великих государей тот недоборной ясак генерал и воевода Матвей Осиповичь Кровков велит доправить на тебе Федоре безо всякие пощады. А что ты Федор писал в отписке своей, будто ты великих государей ясак збираешь с великою нуждою и иноземцы не в промыслу, и то ты пишешь не делом, не радея великим государем о зборе ясачной казны, а им ясачным иноземцом вь ясаке норовишь. А вь Якутцком про то ведомо, что олекминские иноземцы все в промыслу и великих государей ясак платить по окладом своим

сполна мочно. А из Якутцкого уезду из волостей в Олекминской приезжают ясачные люди и у олекминских ясачных людей покупают соболи. // Да в нынешнем же во 193-м году октября в ... день писал ты вь Якуцкой генералу и воеводе Матвею Осиповичю Кровкову и прислал из Олекминского острошку промышленых людей Ивашка Коряку с товарыщи трех человек и послал с ними государевы подводных 6 лошадей, а проводника якута за теми лошадьми не дал, а послал с ни[м] Ивашком, что они якуцкого языку не знают, и государевы подводные 2 лошади они Ивашко на дороге утеряли. И тебе б Федору про те подводные государевы лошади сыскивать и, сыскав те лошади, прислать вь Якуцкой, и о том тебе писать генералу и воеводе Матвею Осиповичю Кровкову тотчас безо всякого мотчания. А буде ты Федор тех лошадей не сыщешь, и те лошади генерал и воевода Матвей Осиповичь Кровков велит доправить на тебе Федоре безо всякие пощады.

К. 217, столб. 39 на 41 ставе; ст. 39—41.

72. *1687 г. августа 31. — Доездная память подьячего Алексея Халдеева с товарищами о сборе ясака с ясачных якутов шести волостей. С приложением 2 росписей и 14 сказок.*

I. — Лета 7195-го августа в 31 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] и по отпуску генерала и воеводы Матвея Осиповича Кровкова и по наказной памяти посланы были зимним путем для великих государей ясачного збору в Борогонскую и в Успецкую и в Чириптейскую и в Чумецкую и в Дубчинскую и в Боягантайскую волости к ясачным якутам приказным приказные избы подьячей Алексей Халдеев, для письма казак Сенька Олисов, для толмачества казак Стенька Замятнин, для розсылки рядовые казаки Демка Гуляев, приказные избы подьячего Михайла Ушницкого сын Осип, Данилко Костемин, Митька Попов, Петрушка Карпов, Ивашко Борисов Серебреников, Мишка, Ната, Сенька Степанов. А велено в тех волостях с ясачных якутов збирать великих государей ясак и поминки, и воевоцкие и дьячьи поминки ж на нынешней на 195-й год, которые якуты в Якутцком платили ясак не сполна, а иные и полных окладов не платили и на прошлые годы доимки не платили ж. И по указу великих государей и по наказной памяти они Алексей с товарыщи в те волости для ясачного збору ездили зимним и вешним путем при генерале и воеводе при Матвее Осиповиче Кровкове, и великих государей ясак и поминки, и воевоцкие и дьячьи поминки ж по выписке из ясачных окладных книг, что на ком // довелось по окладу из доимки взять, збирали, а с кого имяны и сколько великих государей ясаку и поминков на нынешней на 195-й год по окладу и на прошлые годы доимки платили, и хто сколько мяхкой рухляди добыл, и сколько что взято, и тому под сею памятью роспись. Да в тех же волостях многие ясачные люди в нынешнем во 195-м году великих государей ясаку и поминков не доплатили, а сказали им Алексею с товарыщи: не доплатили де они великих государей ясаку и поминков на нынешней на 195-й год для того, что многие якуты из них бедны и нужны и бескотны, а иным лешие соболиные и лисичные промыслы не издались, потому что соболи и лисицы выпромышлялись все, и многие якуты у них скотом опали, стали бедны и соболей промышлять не на чем. А хто имяны великих государей ясаку и поминков, и воевоцких и дьячьих поминков же на нынешней на 195-й год по окладу и на прошлые годы из доимки не доплатили, и которые якуты сошли ис тех волостей в ыные места, а иные померли, и тому под сею доездною памятью роспись.

II. — Роспись якутам, которые якуты на нынешней на 195-й год по окладу и на прошлые годы из доимки великих государей ясаку и поминков и воевоцких и дьячьих поминков же за бедностью не доплатили. *Далее следует перечень якутов Ворогонской, Успетской, Чириптейской, Чуметской, Дубчинской и Боягантайской волостей.*

III. — Роспись сошлым и несыскным якутам. *Далее следует перечень якутов Борогонской, Успетской, Чириптейской, Чуметской и Боягантайской волостей.*

IV. — 195-го августа в 21 день перед ясачным зборщиком перед Алексеем Халдеевым сказали по своей вере и по шерти Борогонской волости якуты князец Чюка да брат ево Удугуй Капчиновы, Тюсюней Октов, Тосень Ноктов, Мыгай

Каратюсюков, Каптса Теков, Нокуй Телекуев, Молтоно Кулуттаев, Быртык да Эгиней Отюнеевы: той же Борогонской волости якуты Сагсый Чапчик, Тонак Кырыкиев, Дюрюни Быктаров, Юку Суптуев, Тюмирей Толкоев и Теткуев, он же Килекнюков, Чоку Кулнеев, Калдал Курев, Качигирь Каляжиров, Удунча Агаев, Тюсюк Бычиков, Казай Козайков умерли в прошлых годех, Москогол Отконов умер в прошлом во 194-м году, а после их жен и детей и скота и никаких животов не осталось, и великих государей ясаку впредь за них платить некому, а после Москогола скота и никаких животов не осталось, осталась жена бездетна, и та стара; Юку Туляков и Булбудаков он же умер в прошлых годех. //

V. — 195-го году генваря в 20 день сказали Багаянтайской волости якуты Теренек Бакчитиров, Картак да Дуюк Эчинеевы, Батулинской волости Кучан Тимуков, Борогонской волости Бойдой Буюков, Баягантайской волости Моксогол Бакчитиров по своей вере и по шерти в правду: Баягантайской волости якут Бырырь Когонеев в нынешнем во 195-м году осенью умер, а после ево осталась жена да сын Чомчон, а скота и живота у него никакова не осталось.

VI. — Того ж числа сказали тое ж волости якуты Очей Елтюгин, Кантака Котонеев, Торонек да Моксогол Бакчитировы, Куртак да Дуюк Эчюнеевы, Батулинской волости Кучан Тюмуков, Борогонской волости Бойдон Буюков по своей вере и по шерти в правду: Борогáнские волости якут Накук Тюбяков в прошлом во 192-м году умер, а после ево жены и скота не осталось, остались 2 сына Огоннук да Кутугуна.

VII. — 195-го февраля в 1 день перед ясачным зборщиком перед Алексеем Халдеевым Чириптейской волости якуты Бычина Селенаев, Тохтой Тосарбаев, Инелтя Капталаков, Балта Арсюнеев, Дюрай Ондрюсев да Успетцкой волости Бадон Амуров, Бетунской волости Огкон Бурдуев сказали по своей вере и по шерти: Чириптейской волости якуты Ланга Тюсенев да сын ево Кудачар да Савуй Очюнеев в прошлых годех померли, а после их жен и детей и скота и никаких животов не осталось и великих государей ясаку после их платить некому, осталась после Ланги Тюсенева жена, и та стара и немочна и работы никакой работати не может.//

VIII. — 195-го году февраля в 1 день перед ясачным зборщиком перед Алексеем Халдеевым Чириптейской волости якуты Бычина Селекаев, Инехтя Капталаков, Балга Орсюнеев, Дюрей Ондресев, Тохтотой Сарбаев сказали по своей вере и по шерти: Чюметцкие волости якут Тюмекан Селбуев умер в прошлых годех, а после ево жены и детей и скота и живота не осталось и ясаку за него платить некому.

IX. — Того ж числа тое ж волости те ж якуты сказали в правду по своей вере и по шерти: Дубчинские волости якут Коптюк Изчик, он же Кустеков, Тоноков холоп, в прошлых годех умер, а после ево жены и детей и скота и живота не осталось и ясаку за него платить некому.

X. — Того ж числа тое ж волости те ж якуты сказали в правду по своей вере и по шерти тое ж Дубчинской волости про якута про Осонта Елокова: тот де Осонго в прошлых годех умер, а после ево жены и детей и скота и живота не осталось и ясаку за него платить некому.

XI. — Того ж числа те ж якуты сказали в правду по своей вере и по шерти: тое ж Дубчинской волости якут Накаттай Барчикаев в прошлых годех умер, а после ево жены и детей и скота и живота не осталось и ясаку за него платить некому.

XII. — Того ж числа те ж якуты сказали по своей вере и по шерти: Дубчинские волости якуты Тюллук Инотокой, он же Увай Тугураев, Тюсен Иелюкин, он же Дуреев, Марчирга Осюргуев, Боркон Нимукуев Иотконов, он же Сыкин холоп Тевнее Бычигин, Курженай Тюляков Итарчиев, он же Кусеней Камуков, Торек Салбаканов, Трек Акыйянов, Кучюкан Туюков, Куллеров Дегелянов, Быкыр Дуреев, Толуйка Отконов, Этенни и Тюсюк, он же Ондек Татуров, Толукан Качиков, Чичюка Отоболчеев в прошлых годех умерли, а жен и детей и скота и живота у них не осталось и ясаку за них платить некому.

XIII. — 195-м году февраля в 6 день перед ясачным зборщиком перед Алексеем Халдеевым розных волостей якуты Успетцкие волости Бадон да Лакай Амуровы, Терек Кычаков, Дексилей да Олчок Быкеевы, Окос Евакин, Гутарча Кабайка-

нов, Чирiптейские волости Давай шаман Игинаев, Бычина Салакаев, Кокуйской волости Кынтай Тюбеин, Сыдыбылья Быдаков сказали по своей вере и по шерти: Чирипчейские волости якут Ондрюшка Елчесев в прошлом во 191-м году умер и после ево жены и скота и никаких животов не осталось, а они де Бадон с товарыщи про то ведают подлинно. //

XIV. — 195-го году февраля в 17 день Богоронской волости якуты Молтона Колуттаев, Теберен да Тюсюн да Тюсеней Кабаковы да Теренек Екуев сказали по своей вере и по шерти: Борогонские волости якут Торо Отконов в прошлом во 194-м году летом умер, а жены и детей и скота и живота не осталось и впредь за него великих государей ясаку платить некому. //

XV. — 195-го году февраля в 21 день Борогонской волости перед ясачным зборщиком перед Алексеем Халдеевым Борогонской волости якуты Тере Омукаев, Каптас Теков, Девенек Догурин, Бултуй Кулунтаев сказали по своей вере и по шерти: Борогонские волости якут Торбос Одуреев в прошлых годех умер, а после ево жены и детей и скота и никаких животов не осталось и великих государей ясаку за него платить некому. //

XVI. — 195-го году августа в 17 день перед ясачным зборщиком перед Алексеем Халдеевым сказали Успецкой волости якуты Бадон Амуров, Дексилей Буянтуев, Оегой Букеев: что де тот Бадир Онкуров умер в прошлом во 193-м году, а после ево жены и детей и скота ничего не осталось и ясаку за него впредь платить некому. //

А подьяческие и толмаческие рук у доездной памяти нет для того, ездят они в тех волостях для великих государей ясачного збору со мною Алешкою. И в нынешнем во 195-м году в розных месяцех и числех они Сенька Олисов и толмачь Стенька Замятнин посланы великих государей на службы, ныне их в Якутцком нет, а они люди грамотные, рук за них в их место приложить некому. Доездную память писал Алешка Халдеев.

На обороте 116 якутских «знамен».

К. 221, столб. 3 на 112 сставах; сст. 22—24, 27, 36—44.

73. *1687 г. августа... — Доездная память сотника казачьего Данилы Михайлова о сборе ясака, воеводских и дьячих поминков с якутов 12 волостей. С приложением 3-х росписей.*

I. — Лета 7195-го августа в ... день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] и по отпуску генерала и воеводы Матвея Осиповича Кровкова и по наказной памяти посланы были зимним путем для великих государей ясачного збору в Намскую и в Бетунскую и в Одейскую и в Катырьщкой и в Модущкой и в Атамайской и в Одугейской и в Боянзейской и в Чачюйской и в 3 волости, в Тагускую и в Олескую и в Собоницкую волости, к ясачным якутам приказным сотник казачей Данило Михайлов, для письма Куземка Ушнитцкой, для толмачества казак Матюшка Панов, для россылки рядовые казаки Ондрюшка Пермяков, Ивашко Сургутцкой, Ивашко Софронеев, Игнашко Свепов, Кирилко Давыдов, Кирилко Ярофеев, новокрещен Ивашко Кулутко. А велено в тех волостях с ясачных якутов збирать великих государей ясак и поминки, и воеводцкие и дьячьи поминки ж на нынешней на 195-й год, которые якуты в Якутцком платили ясак не сполна, а иные и полных окладов не платили и на прошлые годы доимки не платили ж. И по указам великих государей и по наказной памяти они Данило с товарыщи в те волости для ясачного збору ездили зимным и вешним путем при генерале и воеводе при Матвее Осиповиче Кровкове и великих государей ясак и поминки и воеводцкие и дьячьи поминки ж по выписке из ясачных окладных книг, что на ком довелось по окладу и доимки взяти, збирали. И с кого имяны и сколько великих государей ясаку и поминков // на нынешней на 195-й год по окладу и на прошлые годы доимки платили, и хто сколько мяхкой рухляди добыл и сколько что взято, и тому под сею доезною памятью роспись. Да в тех же волостях многия ясачные люди в нынешнем во 195-м году великих государей ясаку и поминков не доплатили, а сказали им Данилу с товарыщи, не доплатили де они великих государей ясаку и поминков на нынешней на 195-й год для того, что многие якуты из них бедны и нужны

и бесконны, а иным лешие соболиные и лисичные промыслы не издались, потому что соболи и лисицы выпромышлялись все, и многие якуты у них стали бедны и соболей промышлять не на чем. А хто имяны великих государей ясаку и поминков, и воевоцких и дьячьих поминков же на нынешней на 195-й год по окладу и на прошлые годы из доимки не доплатили, и которые якуты сошли ис тех волостей в ыные места, а иные померли, и тому под сею доездною памятью роспись.

II. — Роспись якутам, которые якуты на нынешней на 195-й год по окладу и на прошлые годы из доимки великих государей ясаку и поминков, и воевоцких и дьячих поминков же за бедностью не доплатили. *Далее следует перечень якутов Намской, Бетунской, Одейской, Катырицкой, Модутской, Атамайской, Одугейской, Бояназейской и Чачуйской волостей...* А недоплатили де те якуты великих государей ясаку за бедностью, платить им нечем, а иные якуты бедны и нужны и скота у них нет и великих государей ясаку за бедностью платить им нечем, а иные якуты не доплатили для того, что им лешие соболиные и лисичные промыслы не издались и соболей и лисиц добыть с полной платеж не могли. //

III. — Роспись сошлым и несыскным якутам. *Далее следуют перечень якутов Намской, Бетунской, Одейской, Бояназейской, Чачуйской, Тагуйской, Олеской и Собоницкой волостей.*

IV. — Роспись мертвым якутам, которые в нынешнем во 195-м году и в прошлых годах померли. *Далее следует перечень якутов Намской, Бетунской, Катырицкой, Модутской, Атамайской и Бояназейской волостей.*

К. 221, столб. 3 на 112 ставах; сст. 1—20.

74. *1678 г. декабря 13—22.—Дело о невзимании с верхневилюйского ясачного тунгуса Парунки Ананцева недоимки за его умершего отца.*

I. —Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю и великой государыне благоверной царевне и великой княжне Софии Алексеевне [т.] бьет челом холоп ваш Верховилюйского зимовья Фуглядского роду тынгус Парунка Ананиев. В прошлых, великие государи, годех отец мой Ананий платил вашего великих государей ясаку по 5-ти соболей на год. И для старости отца моего ис тех 5-ти соболей убавлено из окладу отца моего соболь и положен тот ясак соболь на меня холопа вашего платить за того отца моего Анания. И я холоп ваш того соболя платил, подмогаючи отцу своему многое время, а отец мой платил после убавки 4 соболи. И в прошлом, государи, во 195-м году на Вилюе у Верхнего зимовья судом бога праведного отец мой умер, а после ево смерти животов и статков у него не осталося. А ныне, великие государи, правят на мне холопе вашем вашего великих государей отца моего полного окладу ясаку 5-ти соболей и в том деле задержан я в Якутцком остроге и сижу за короулом. А человеченко я бедной и безродной. А про тое смерть отца моего и про статки ведают прошлой прикащик Третьяк Смирнягин да казаки Аверкей Григорьев да Емельян Кардит. Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевичь, Петр Алексеевичь и великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна [т.], пожалуйте меня холопа своего, велите, государи, ево Третьяка с товарыщи про смерть отца моего и про статки допросить и по допросу свой великих государей указ учинить, потому что отец мой умер после ясачного платежу. Цари государи, смилуйтеся.

На обороте 1 тунгусское «знамя».

Помета: 196-го декабря в 13 день выписать, умерших тунгусов оклады их ясашные на детей их розвычивают ли, и о смерти и о пожитках отца ево челобитчикова взять у ясачных зборщиков у Третьяка Смирнягина с товарыщи скаска.

II. — И против сего челобитья выписано.

Вилюйского Верхнего зимовья в ясачной книге 195 году ясачного зборщика сотника казачьего Третьяка Смирнягина написано: Фуглятцкого роду тунгус Ананий да сын ево Парус платили государева ясаку по 4 соболи на год, а по окладу своему не доплатили одного соболя. А в нынешнем во 196-м году он Парус в якутцкой в приказной избе платил великих государей ясаку в оклад отца своего Анания повытья своего одного соболя. А у ясачного платежу он Парус сказал: отец де ево Ананий в прошлом во 195-м году после ясачного платежу умер, ему

де Паруску только ясаку по окладу отца своего Анания платить нечего, потому что он человек бедной.

И по помете на челобитной стольника и воеводы Петра Петровича Зиновьева велено взять у прежних ясачных зборщиков у Третьяка Смирнягина с товарыщи про того умершего тунгуса Анания и про статки скаска.

III. — И декабря в... день сотник Третьяк Смирнягин с товарыщи в приказной избе подали скаску за руками, а в скаске пишет: // 196-го году декабря в 17 день в Якуцком остроге в приказной избе перед стольником и воеводою перед Петром Петровичем Зиновьевым сотник казачей Третьяк Смирнягин да казаки Оверка Григорьев да Омелка Иванов сказали по святой евангельской непорочной заповеди господней еже ей ей: в прошлом во 195-м году по указу великих государей посыланы были мы великих государей на службу на Вилюй в Верхнее зимовье; и в тех верховилюйских волостях Футлацкого роду тунгус Аникей умер после ясачного платежу, а после ево смерти живота ево или статков или безясачных детей осталося ли что или нет, и мы самы про то не ведаем, а про то ведаем, что остался у него один сын Парун и жил собою, а ясаку платил в отцов оклад по соболю. Скаску писал площадной Ивашко Попов. //

На обороте: К сей скаске вместо Третьяка Васильева и Омельяна Иванова по их велению и за себя яз Аверка Григорьев руку приложил.

Помета: 196-го декабря в 17 день взять к делу и к прежнему челобитью.

IV. — А в прошлых годех при прежних воеводах за умерших тунгусов великих государей ясаку на детех и на родичах не правливали и из окладу выкладывали, для того что тунгусы и юкагири люди кочевые, а скота и животов никаких не бывает. И великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю и великой государыне благоверной царевне и великой княжне Софии Алексеевне [т.] тунгус Паруско бьет челом, чтоб великие государи пожаловали ево, велели про тот умершего отца ево Ананейков ясачной оклад свой государев указ учинить.

V. — 196-го декабря в 22 день по указу великих государей на тангусе на Паруске ясачной оклад великих государей за умершаго отца ево править на нем не велеть и из окладу велеть выложить, а быть ему Паруске в своем ясаке, и из приказу свободить.

На обороте: Справил Мишка Ушницкий.

К. 222, столб. 2 на 92 ставах; ст. 36—39.

75. *1688 г. января... Проект наказной памяти якутского воеводы Петра Зиновъева о сборе ясака в ясачных волостях на реках Амге и Тате.*

Лета 7196-го генваря в... день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великой государыни благоверной царевны и великой княжны Софии Алексеевны [т.] и по приказу стольника и воеводы Петра Петровича Зиновьева память...[1] Ехати ему из Якутцкого острогу с служилыми людьми в ясачные волости на Амгу и на Тату в Батурускую и в Сылянскую и в Скороульскую и в Батулинскую и в Магаскую и на Ламу в Баягантайскую и в Ыгидейскую и в Одейскую для великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великой государыни благоверной царевны и великой княжны Софии Алексеевны [т.] ясачного и поминочного збору с прежных ясачных якутов и для прииску и приводу под их великих государей царьскую высокую руку вновь неясачных якутов. И приехав в те ясачные волости, сказати якутцким князцом и улусным якутом, чтоб они якутцкие князцы и улусные якуты великих государей с ясачным и с поминочным с полным платежем // на нынешней на 196-й год и на прошлые годы с недоплатным ясаком, на ком что на них по выписке из ясачных книг донять, ехали в Якутцкой острог. А буде они якутцкие князцы и лутчие якуты и улусные их люди великих государей с ясаком и с поминками сами в Якутцкой острог не поедут, и тебе с тех якутов имать великих государей ясак и поминки на нынеш-

[1] *В данном документе, являющемся только «проектом», во всех случаях вместо имени оставлены пробелы, которые обозначаются в настоящем издании многоточием без особых уже оговорок в примечаниях.*

ней на 196-й год сполна без недобору, на ком что довелось взяти по выписке из ясачных книг. А как учнут великих государей в ясак соболи приносить, и тебе те соболи ворочать, имать у них великих государей в ясак и в поминки соболи добрые, целые, с пупки и с хвосты, а плелых и прелых и вешних и драных и битых и худых и подчерниваных соболей и недособолей в ясак и в поминки не имать, потому что в прошлых годех при прежных ж воеводах в Якутцкой острог якуты в платеж такие худые соболи приваживали и за худобою великих государей в ясак и в поминки не иманы, а отдаваны им якутом назад. А для того те соболи пороты, чтоб тех худых соболей якуты впредь великих государей в ясак и в поминки не привозили, и тех соболей в ясак и в поминки не имать, чтоб перед прошлыми годами великих государей в ясаке и в поминках в нынешнем во 196-м году в цене недоценки не было. А которые якуты соболей великих государей в ясак не упромышляли и за бедностью учнут оне приносить великих государей в ясак за соболи лисицы черночеревые и сиводущатые и красные, и тебе б имать по самой нужде, для их бедности и у которых скота нет, за соболя по лисице черночеревой и по лисице сиводущатой и за соболя ж по 2 лисицы красных, а худых лисиц за соболи не имать. А великих государей в ясак и в поминках у ково что взято будет, давать якутцким князцом и улусным якутом отписи за своею рукою и за печатью впредь для спору. А подьячему от письма от отписей отнюдь у якутов ничего имать не велеть, и велеть писать отписи при себе. И приехав в ясачные волости сказать якуцким князцом и лутчим улусным якутам, чтоб они с тобою и служилыми людьми отпускали для ясачного збору и береженья и послушанья ясачных якутов сколько человек пригоже поочередно, и велеть им тем якутом с собою и с служилыми людьми у ясачного збору быти вместе, чтоб ясачному збору недобору не было, и тебе и служилым людем от ясачных людей, также и ясачным людем от служилых людей, налог и обид не было и лишнего б с них иноземцов не збирали и не переменяли. А которая мяхкая рухлядь с ясачных людей в зборе будет, и тебе и служилым людем и якутцким князцом и лутчим людем печатать своими печатьми и отпускать за тою зборною ясачною казною служилых людей с их улусными выборными людьми вместе, чтоб тое ясачные мяхкие рухляди, дорогою едучи, служилые люди не переменяли. А буде у ясачных людей сверх ясаку в промыслу будут соболи и лисицы, и те соболи и лисицы у ясачных людей примать // в ясачной платеж в предбудущие годы. А збирать великих государей ясак и поминки с великим раденьем неоплошно, чтоб великих государей ясак и поминки збирать на нынешней на 196-й год по выписке из ясачных книг сполна без недобору, и на прошлые годы из доимки взяти с кого что мочно, и вновь неясачных якутов и подросков и захребетников приискивать, и якутцким князцом и лутчим улусным якутом про то сказывать, чтоб они у себя в ясачных волостях неясачных улусных людей и подросков и детей и братей и племянников не таили и про то сказывали и великих государей ясак с них платили. А ково ты с служилыми людьми вновь приищешь, и с тех якутов имать великих государей ясак по их мочи, кому что вновь платить будет мочно, чтобы тебе с служилыми людьми тем великим государем служба своя и раденье объявити. А которые будет якуцкие князцы и улусные якуты в прошлых годех и в нынешнем во 196-м году померли, а после их жены и дети и братья и племянники остались, и у тех жен и у детей тех умерших якутов животы и скот всякой что осталось, и хто после тех людей животы их и скот взяли, дети или братья или сродичи или жены, переписывать на роспись имянно, и с тех людей по тому ж за тех умерших якутов великих государей ясак и поминки, и воевоцкие и дьячьи поминки ж на нынешней на 196-й год по окладу сполна, и на прошлые годы из доимки, взять на ком что мочно. А живых якутов мертвыми отнюдь не писать, и про то подлинно // сыскивать якутцкими князцами и улусными людьми, что впрямь ли те якуты померли. И будет впрямь померли, а после их жен и детей и скота не осталось, и тех якутцких князцов и улусных людей речи велеть написать на роспись имянно и к тем речам велеть им знамена свои приложити. А будет которые якуты учнут бить челом великим государем друг на друга в ысках своих ценою в 5-ти руб., и тебе в таких искех им якутам суд давать и с суда указ чинить в правду безволокитно, потому что по указу великих

государей и по грамоте по их иноземскому челобитью в дальных ясачных волостях и в зимовьях ясачным зборщиком велено иноземцов судити по их иноземскому челобитью не в больших исковых делах, в дву или в 3-х или в 5-ти руб., вместе с их иноземскими князцы и с улусными людьми, а без них тебе... и в малых делах не судити, чтоб ясачным якутом от вас убытков и обид и налог не было. А с челобитья со всякого человека пошлин великих государей в казну имать по 8-ми алт. по 2 д. И те судные дела за иноземскими знамены и за своею рукою и деньги привесть в Якутцкой острог и подать в приказной избе стольнику и воеводе Петру Петровичю Зиновьеву. А будет иску больше 5-ти руб., а дале 5-ти лет, и в таких делах, и в убийственных делах же, росправы и суда им якутом в волостях отнюдь не давати. Да тебе ж приказывать всем // ясачным людем, чтоб они ясачные люди великим государем служили и прямили и к воровству ни х какому не приставали. А будет в своей братьи почают какую измену и злой умысл, и они б ясачные люди про таких людей в Якутцком остроге извещали в приказной избе стольнику и воеводе Петру Петровичю Зиновьеву. А будет которые якуты против выписки из ясачных книг в платеже в нынешнем во 196-м году не объявятца, и про тех якутов роспрашивать и сыскивать якутцкими князцы и лутчими людьми и улусными их якуты по их вере по шерти, где те люди ныне живут. А что они якутцкие князцы и лутчие якуты про них скажут, и то писать в доездной росписи имянно, чтоб про то было ведомо и всякое б имя было очищено, чтоб без очистки ни един человек не был. И которых якутов в нынешнем во 196-м году не сыщешь, и за тех якутов стольник и всевода Петр Петрович Зиновьев великих государей ясак и поминки на нынешней на 196-й год по окладу велит доправить на тебе... с служилыми людьми, да вам же быть в жестоком наказанье безо всякие пощады, чтоб на то смотря иные ясачные зборщики всех якутов сыскивали безо всякие поноровки. И собрать тебе... с служилыми людьми великих государей ясак и поминки, и воеводцкие и дьячьи поминки ж на нынешней на 196-й год сполна, и описать мертвых и несыскных якутов на роспись, и приехав в Якутцкой острог с тою великих государей с ясачною и с поминочною казною явитца и доездную роспись за своими руками подать в приказной избе стольнику и воеводе Петру Петровичю // Зиновьеву. А буде ты с служилыми людьми великих государей ясак и поминки на нынешней на 196-й год по окладу сполна не зберете, или учнете великих государей в ясак и в поминки имать соболи плохие и вешние и недособоли и плешые, прелые и драные и подчерниваные, и вновь неясачных якутов и подросков и захребетников прииискивать не учнете, а учнете от того себе посулы и поминки имать, а после про то сыщетца, и тебе... с служилыми людьми по указу великих государей за то быть в жестоком торговом наказанье безо всякие пощады. А будет которые якутцкие князцы и лутчие улусные якуты великих государей ясаку и поминков на нынешней на 196-й год по окладу сполна платить не учнут, и тех якутов с служилыми людьми присылать в Якутцкой острог. А которые якуты на нынешней на 196-й год по окладу сполна ясак заплатят, а останетца на них по выписке из окладных ясачных книг только на прошлые годы одна доимка, и у тех якутов в той доимочной рухляди буде объявятца платежные отписи прежных ясачных зборщиков за руками, великих государей в ясаке на прошлые годы, и те платежные отписи имать у них у ясачных иноземцов, и те отписи и в достальной доимочной рухляди тех якутов высылать же в Якутцкой острог и отписи велеть подать и якутов велеть объявить в приказной избе стольнику и воеводе Петру Петровичю Зиновьеву. А буде которые якуты учинятца сильны и непослушны, великих государей ясаку и поминков платить не учнут, и тебе... с служилыми льдьми тем якутцким князцом и улусным лутчим якутом говорить, чтоб они великим государем были послушны и великих государей ясак и поминки платили по прежнему. А буде они якутцкие князцы и улусные лутчие якуты уговору их не послушают и учнут тебе и служилым людем какое безчестие и непослушание чинить, или какую обиду учинят, и тех ясачных людей велеть князцом и лутчим людем сыскивать, не укрывая и не наровя никому, отсылать в Якутцкой не дожидаяся о том присыльщиков служилых людей. А буде князцы и лутчие люди непослушников, или хто тебе и служилым людем учинят какую обиду и налоги или безчестие, сыскивать и в город

отсылать не учнут, а учнут их укрывать, или они сами князцы или улусные лутчие якуты о ясачном зборе радеть не учнут, и тебе и служилым людем какие обиды и безчестие учинят, и тебе о том о всем писать в Якутцкой острог стольнику и воеводе Петру Петровичю Зиновьеву, а по указу великих государей тем князцом и ясачным якутом за то быть в жестоком наказанье и в казни. А одноличнс тебе... с товарыщи, не собрав ясаку сполна, в Якутцкой не ездить, и ясачным людем налог и насильства никакова не чинить и никаких девок и робят и баб у ясачных людей не покупать и не подговаривать и в Якутцкой не вывозить. А хто будет купит или отымет или подговорит у ясачных людей девку или малого, а про то сыщетца, или у ково вымут, и таким людем великих государей указ в Якутцком будет. Да тебе ж.. // с служилыми людьми, будучи в тех ясачных волостях, великих государей казною не корыстоватца и своих никаких лисиц вместо соболей не класть, и соболей себе ясачных не имать и не переменять, и преж великих государей ясаку не торговать. А буде которые иноземцы великих государей ясак, соболей и лисиц не упромыслили и порук по них в волостях не будет, и тех иноземцов присылать в Якутцкой острог стольнику и воеводе Петру Петровичу Зиновьеву, а буде по них поруки будут, и их в Якутцкой не высылать, а худых лисиц отнюдь не имать. А ездя тебе... имать в подводы лошади, какие станут якуты давать. А которые якуты великих государей ясак в Якутцком платили сполна, и у тех якутов подвод не имать для того, чтоб им якутом впредь великих государей с ясаком было повадно приезжать в Якутцкой и платить великих государей ясак сполна. А которые якуты великих государей ясак не платили, или которые платили да не сполна, и у тех якутов имать подводы, и на тех подводах ездить смирно, как ездитца, а не скакать и не мучить и в подводы лошадей добрых не имать. А под казну великих государей имать лошади или быки, каковы дадут на том и ехать. Да тебе ж... по выписке из ясачных книг на которых якутах на прошлые годы есть многая доимка, а вам ясачным зборщикам платить не учнут, и у тех якутов скот их досматривать и сторонних якутов про них роспрашивать, сколько у них скота есть, и что объявитца скота налицо и то описывать на роспись, у ково сколько // порознь какова скота, да к той описной росписи тем самим и сторонным якутам велеть знамена свои приложить, да ту роспись за их якутцкими знамены и за своими руками привесть в Якутцкой острог и подать в приказной избе стольнику и воеводе Петру Петровичю Зиновьеву, а тех якутов в доимке прошлых годов высылать в Якутцкой острог. Да тебе ж... проведывать, хто в нынешнем во 196-м году из Якутцкого острогу в те ясачные волости служилые люди и новокрещеные якуты или каких нибудь чинов люди с какими товары преж великих государей ясачного збору приезжали, хто имяны, и у ково что у якутов какие рухляди купили соболей и лисиц, и тебе то все писать на роспись имянно. Да к той росписе тем якутом велеть знамена свои приложить да ту роспись привесть с собою в Якутцкой и подать в приказной избе стольнику и воеводе Петру Петровичю Зиновьеву. А буде ты... сыскивать не учнешь, наровя кому для своей бездельной корысти, и тех людей, которые торговали, укрывать, а от того себе посулы и поминки имать, а после про то про все сыщетца подлинно, и тебе... за то по указу великих государей быть в жестоком наказанье безо всякие пощады. А будучи тебе в тех ясачных волостях делать не так, как в прошлых годех при прежних воеводах ясачные зборщики, которые были посланы для // великих государей ясачного збору, и они в тех волостях воровали, великих государей ясак соболи и лисицы у ясачных якутов збирали, и из тех ясачных соболей и лисиц они ясачные зборщики соболи и лисицы себе крали, и отписи за своими руками в тех соболях и в лисицах им якутам многим давали, а иным якутом отписей в тех краденых соболях и в лисицах им якутам многим не давали и тех краденых соболей и лисиц в книги не записывали. А в которых соболях и в лисицах они ясачные зборщики им якутам отписи давали и в которых не давали, и тех соболей и лисиц в Якутцкой великих государей в казну они не объявливали, а в Якутцком в приказной избе такие отписи сысканы и воровство их по тем отписям в Якутцком объявилось. В прошлых же годех ясачные сборщики, будучи в тех волостях, с ясачных якутов великих государей ясак збирали не против выписи из ясачных книг, на которых якутах довелось взять ясаку по окладу

соболей по 30-ти и по 20-ти и по 15-ти и по 10-ти и по 5-ти, и они ясачные зборщики имали с них только соболей по 5-ти и по 4 и по 3 и по 2 и по соболю, а на иных за соболя в полы по лисице красной, а от достального ясаку от понуровки имали у техь якутов собольми и лисицами и быками и коровами и кобылами и лошадьми, а в доездных своих памятях тех якутов очищали, что бутто те якуты скудны и бедны и скота и никаких животов у них нет, и то знатно, // что они ясачные зборщики воровали, имали от ясачной понуровки себе посулы великие, а великих государей в ясаке учинили великой недобор. А только б те ясачные зборщики от ясачной понуровки своим воровством себе посулов не имали, и в ясачном бы сборе была прибыль и недобору бы не было. Да ясачные ж зборщики в тех волостях воровали, на которых якутах довелось было взяти великих государей ясаку на настоящей год по соболю и по 2 и по лисице и по 2, и они ясачные зборщики с тех якутов великих государей ясаку с них не имали, а от той ясачной понуровки имали с них посулы ж, а в доездных памятях таких якутов очищали, что будто тех якутов не сыскали. Да ясачные зборщики в волостях по челобитью ясачных якутов и по словесному челобитью суды судили сверх указу 5-ти рублев в больших исках, рублев по 10-ти и по 15-ти и по 20-ти для своих бездельных прихотей, и тех судных дел в Якутцкой не привозили и пошлин великих государей в казну с тех челобитен не отдавывали, а ясачным якутам в том чинили убытки великие. А буде ты... будучи в тех волостях, с ясачных людей великих государей ясак учнешь збирать не против великих государей указу и наказу и выписки из ясачных книг сполна, и суды судить не против указу ж великих государей, и во всем великим государем радеть не учнешь, или учнешь также воровать, как воровали прежние ясачные зборщики, великих государей ясачные соболи и лисицы крали себе // и от ясачной понуровки имали с ясачных якутов посулы великие и всякие дела делали не по указу великих государей и наказу, каковы им были даваны в Якутцком в приказной избе, а сыщетца про то до пряма, или такие ж очиски воровские объявятца у тебя в доездных памятах, и тебе... с служилыми людьми по указу великих государей за то быть в опале и в разоренье и в жестоком наказанье безо всякие пощады, и животы ваши возьмут на великих государей все без остатку, да на тебе ж и на служилых людех, по указу великих государей, стольник и воевода Петр Петрович Зиновьев недоборной ясак велит доправить безо всякие пощады. Да тебе ж... с служилыми людьми, ездя в ясачных волостях для великих государей ясачного збору, у ясачных людей отнюдь лошадей добрых и худых себе не отнимати и своими лошадьми на их лошади не менятца и не покупать для того, что в прошлом во 190-м году, будучи ясачные зборщики в волостях, у якутов лошади добрые отнимали сильно, а вместо тех добрых лошадей давали им иноземцам свои худые лошади сильно же, и тем ясачным якутом чинили налоги великие, и по челобитью и по сыску тем ясачным зборщиком за то их плутовство и насильство учинено наказанье. А буде ты... с служилыми людьми, ездя в волостях, учнешь у ясачных якутов лошади добрые или худые сильно отнимать // или лошадьми менятца на свои худые лошади, а про то будет на тебя... с товарыщи от якутов челобитье и извет, и против челобитья и извету будет сыщетца впрямь, и тебе... с товарыщи по указу великих государей за то быть в жестоком наказанье, да на тебе ж... с товарыщи стольник и воевода Петр Петрович Зиновьев исцов иск велит доправить втрое. Да в прошлых годех, будучи в Охоцком острошке, прежные ясачные зборщики дети боярские Петр Ярышкин, Юрье Крыженовской воровали, преж великих государей ясачного збору у ясачных людей ясачные соболи добрые и лисицы черные имали себе, и для воровства и перемены мимо ясачные избы ясачных людей сь ясачными собольми пущали к себе в ызбы, и у себя в ызбах соболи добрые выбирая себе имали, и вместо тех добрых соболей давали иноземцам свои худые соболи и с теми переменными худыми собольми отсылали от себя вь ясачную избу, и в том воровстве учинили великих государей в казне великой недобор и в оценке недоценку великую ж, и ясачных людей разоряли и грабили и налоги и обиды им чинили великие ж. И от того разоренья и грабежу и налог и обид охоцкие ясачные тунгусы многих служилых людей побили и сами великим государем изменили. И то их Петрово и Юрьево воровство вь Якутцком в приказной

избе сыскано. И по указу великих государей и по сыску за то их воровство учи//нено им наказанье, биты на козле кнутом и в провотку, и животы их все взяты на великих государей, а они Петр и Юрье сосланы в ссылку в Даурские остроги в пешую казачью службу и ни х каким великих государей делам посылать их не велено. Да в прошлом во 190-м году ведомо учинилось вь Якутцком в приказной избе стольнику и воеводе Ивану Приклонскому, что в прошлых же годех, будучи вь ясачных волостях и в зимовьях, прежные ясачные зборщики служилые люди воровали, великих государей ясачным сбором не радели и збирали великих государей ясак сь ясачных людей не против выписки из ясачных книг для своей бездельной корысти, а от того себе имали посулы и поминки великие. А иные ясачные ж зборщики воровали, сь ясачных людей вь ясак соболи и лисицы красные имали и в тех ясаках давали им ясачным людем отписи и тех соболей и лисиц в ясачные книги не записывали и в Якутцком великих государей в казну не отдавывали, имали себе. И то их воровство сыскано и по тем отписям на тех ясачных зборщиках соболи и лисицы великих государей в казну доправлено. А иные ясачные ж зборщики ясачных людей сь ясаком с собольми и с лисицами преж великих государей ясачного платежу пущали к себе в избы для воровства и для перемены, а с худыми переменными собольми отсылали от себя вь ясачную избу, и тем воровством учинили великих государей в казне великой недобор и в оценке // недоценку великую ж, и ясачных людей разоряли и грабили и обиды и налоги им чинили великие ж. И в том их разоренье били челом великим государем на Москве якутцкие князцы Кангалаской волости князец Мазары Бозеков с товарыщи. А по указу великих государей и по грамотам, каковы присланы в Якутцкой в прошлых во 189-м и во 190-м годех, и по челобитью князца Мазары Бозекова с товарыщи, буде которые ясачные зборщики и служилые и всяких чинов люди, будучи волостях и в зимовьях, объявятца в каких воровствах, или учнут ясачных людей грабит и налоги и обиды им чинить и всячески к ним приметыватца для своих бездельных прихотей, и тех людей по сыску в больших делах велено казнить смертью безо всякие пощады и животы их имать все на великих государей без остатку, а в малых делах велено чинить наказанье, бить на козле кнутом и в провотку и животы их имать на великих государей все ж без остатку, а самих их ссылати в Даурские остроги и верстать детей боярских и сотников и атаманов и пятидесятников в казаки, а казаков в пашню. И приехав тебе... в те волости собрать великих государей ясак против выписки из ясачных книг на 196-й год и на прошлые годы с великим раденьем без недобору весь сполна, и от ясачной рапоноровки посулов и поминков себе не имать и ясачным людем обид и налог и разоренья не чинить и для своей бездельной корысти ни в чем к ним не приметыватца, делать по сему // наказу, как про все статьи писано выше сего в правду. А буде ты по сему наказу великих государей ясак, и против выписки из ясачных книг на 196-й год по окладу, и на прошлые годы из доимки, всего сполна не сберешь, и от того себе учнешь имать посулы и поминки, или ясачных людей разорять и грабить и обид и налоги им чинить, или учнешь в ясачном зборе так же воровать, как воровали прежные ясачные зборщики Петр Ярышкин, Юрье Крыжеановской и иные приказные ж люди, а про то будут на тебя... изветчики казаки и ясачные якуты, и против извету по сыску будет впрямь сыщетца, что ты так учинил, и тебе... по указу великих государей в больших делах быть в смертной казни безо всякие пощады и животы твои все возьмут на великих государей без остатку, а в малых делах по сыску же быть в жестоком наказанье безо всякие пощады и в сылке и животы твои все по тому же возьмут на великих государей без остатку ж. Да в прошлом во 193-м году били челом великим государем, а в Якутцком в приказной избе генералу и воеводе Матвею Кровкову подали челобитную розных волостей якутцкие князцы Кангалаской волости Мазары Бозсков, Мегинской волости Чюгун Бодоев, Намские волости Букей Ники, Борогойские волости Чюнакат Числов, а в челобитной их написано: в прошлом де в 193-м году бьют челом великим государем, а в Якутцком // в приказной избе подают челобитные родники их, розных волостей якуты, друг на друга в ысках своих, и ищут всяких дел судом лет за 10 и за 15 и больши; и тем родники их и иных волостей якуты свою братью сродичей своих и иных волостей якутов же убытчат и продают;

и чтоб великие государи пожаловали их Мазару с товарыщи, велели вь Якутцком в приказной избе генералу и воеводе Матвею Кровкову меж ими и родников их суд давать и росправа чинить во всяких делах лет за 10 и за 15 и за 20 и больши им и родникам их якутам отказывать и суда ни в чем им не давать, чтоб те их родники и они впредь друг друга ни в чем не убытчили. А которые их челобитья, и родников их, и против челобитен были судные дела не вершены и мировые челобитные, и о том бы великие государи по своему милостивому расмотрению указ учинили и заказ крепкой, чтоб в Якутцком и в розных ясачных волостях ясачные зборщики теми старыми делами и челобитьем родников их и их не убытчили и не разоряли. И по указу великих государей, приехав тебе ... в те волости, сказать всем якутом и князцом и улусным лутчим людем, чтоб они во всяких своих исках били челом великим государем и подавали челобитные друг на друга с сего числа назад лет за 5 и за 6, [в] волостях, в ыску в 5-ти рублях, а больши 5-ти рублев в ысках суда отнюдь не давать, а больши // 5-ти лет за 10 и за 15 и за 20 лет и больши отнюдь суда не давать и челобитен у них не принимать. А будет которые якуты учнут бити челом великим государем в убийственных делах и подавать челобитные, и тех якутов, исцов и ответчиков, присылать в Якутцкой тотчас безо всякого мотчания с нарочными посыльщики, а самому тебе в убийственных делах суда отнюдь не давать. Да тебе жь ... с служилыми людьми, ездя в волостях, ясачных людей ничем не изобижать и налог и обид не чинити, и батогами и своими руками отнюдь не бити, и вь ясачной недоплате на правеж отнюдь не ставить. А будет которые ясачные иноземцы не в доплатных ясаках порук по себе не дадут, и тех иноземцов присылать в Якутцкой. И у ясачных людей лошадей и кобыл и быков и коров насильством и куплею и меною отнюдь не имать, и женок и девок и робят у ясачных людей не покупать же и не подговаривать никоими мерами. Да тебе ж ... с служилыми людьми вь ясачные волости заповедного питья, вина и табаку, с собою не возити и сь ясачными людьми не торговати. А будет которые иноземцы в каких государьских делах и в ызветах обьявятца, и тебе б тех якутов присылать вь Якутцкой, а самому тебе в таких государьских делах и в ызветах таким иноземцам указу отнюдь не чинити. А буде ты ... мимо сего государева указу про все статьи, что писано выше сего, учинишь, и за то тебе ... с служилыми // людьми от великих государей быть в опале и в разоренье и в смертной казни безо всякие пощады. Да в прошлом во 194-м году прислана вь Якутцкой великих государей грамота к генералу и воеводе Матвею Кровкову, а в той великих государей грамоте написано, велено в Якутцком и в ясачных волостях сь ясачных якутов, которые нужны и бедны и ясаку не упромышляли, за лисицу красную имать по рублю деньгами. И приехав тебе ... в волости, сь ясачных якутов имать великих государей за ясак за лисицы красные по рублю деньгами за лисицу, которые нужны и бедны и в ясак лисиц не упромышляли. И те зборные деньги, что ты зберешь сь ясачных якутов, привести в Якутцкой великих государей с соболиною и с лисичною казною вместе, а приехав в Якутцкой, явитца в приказной избе стольнику и воеводе Петру Петровичю Зиновьеву.

К. 222, столб. 2 на 92 сставах; сст. 53—72.

Б. Эксплоатация естественных богатств.

76. *1645 г. сентября 14. — Отписка целовальника Гаврилы Григорьева якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами о положении дел в устькутской соляной варнице и о призыве «охочих» людей для службы в Верхоленском остроге.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василью Никитичю, Кирилу Осиповичю, дияку Петру Григорьевичю Гаврилко Григорьев челом бьет. Да что перевезен с берегу к соле государев хлебной анбар, и в тот анбар будет соли варить до рожества христова, а больше не будет. А что была соль государева в анбаре прошлого целовальника принято у него у Васьки Щукина 690 пуд, и та соль розошлася вся. И анбаришко опросталось мало и некорысно и не мпсное, всего войдет солей 40. А что были у соли 2 анбаришка старых и в те анбары клали соль, и у тех анбаришков матицы солью надломило;

и буде класти в тот анбаришко, которой опростался, и без анбара не минути жебудет без ыного. Да что приказали приказные люди Олексий Бедарев, Томило Ильин служилому Онофрейку Степанову на усть Куты беречь промышленого человека запас в дощанике Васьки Портняги, и он Васька пришел на усть Куты с торговым человеком с Ондреем Балакшиным и тот запас взял весь по вашему воеводцкому приказу. А всие соли выварено сентября по 14 число 4865 кадей 3 чети. Да присылана память, велено по государеву указу кликать на усть Куты охочих промышленых людей на государеву службу в Верхоленской острог. И мы кликали и призывали на службу и записался всего 1 человек Ивашко Ларионов с конем и с оружием, покрученик Овдея Маркова Сверчкова, а иные думают и поговаривают только де можем знатца и мы де и в те поры запишемся.

На обороте: Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василью Никитичю, Кирилу Осиповичю, диаку Петру Григорьевичю.

154-го сентября в 18 день.

Помета: Писать к государю отписка сколько той соли по се число выварено, а цена положена большая и по той цене мало купят, а торговые и промышленые люди многия с собою из Енисейского остроту привозят, и та соль залеживаетца.

К. 190, столб. 28 на 27 ставах, ст. 4.

77. *1645 г. сентября 28. — Наказная память якутского воеводы Василия Пушкина с товарищами промышленному человеку Демке Пахоруку, выбранному в целовальники к устькутской соляной варнице вместо Гаврилы Григорьева.*

Лета 7154-го сентября в 28 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по приказу воевод Василья Никитича Пушкина да Кирила Осиповича Супонева да диака Петра Стеншина память Пенежского волоку промышленому человеку Демке Титову сыну Пахоруку. Итить им с Ленского волоку к соли на усть Куты реки и, пришед к соли, быть ему Демке по выбору торговых и промышленых людей на усть Куты реки у государева соляного варнишного дела в целовальниках, прежнего целовальника на Гаврилково место Григорьева. И ево Гаврилка с ево сиденья, как он почал на государя соль варить да по то число, как он Демка на ево место приедет, по приходным и росходным соляным книгам в приходе и в росходе счесть. Сколько у него Гаврилка при ево сиденье той соляной вари сад с цренов было, и по сколько пуд по весу ис сады той соли выходило, и сколько той он соли в Якутцкой острог и в ыные острошки на государевы росходы служилым людем в государево жалованья и на которой год по окладу дано, и за тем в остатке. И что у него той соли в котором году продано, и по чему за пуд денег взято, и тех денег в государеву казну в Якутцкой острог или где инде и по какому указу и на какие росходы отдано, и что у него Гаврилка ныне за продажною солью денег за росходы налицо и той соли за всякими росходы по счоту надобе налицо ж. А счотчи, ему достальная соль перевес[ить] в пуды и перевеся принять у него Гаврилка в приход по весу налицо в пуды ж. И чево будет той соли против приходу не достанет, или что сверх будет приходу перейдет, счотчи, про то в правду написать у собя счотной список, да о том отписать, и тот счотной список и соляные деньги, которые за росходом ныне налицо, прислать на Илим к воеводам к Василью Никитичю Пушкину с товарыщи. А самому ему Демке, будучи у того государева соляного варнишного дела, из соляного озерка // государеву соль на государеве варнице в црене варить с великим раденьем неоплошно, чтоб та соль в црене в вываре в государеве казне была прибыльна. И на поварном и соляном и на ярыжки, которые у того государева варничного соленого дела с ним Демкою будуть, смотреть и беречь того накрепко, чтоб они ту соль вываривали и на мере в вываре ставили против прежнего, и убыли и хитрости той государеве со[ли] никакой не чинили. А как соль после вывару в црене сядет, и ему тое соль с црену примать в государевы анбары в пуды, и всякая варя с црену той соли у себя в книги записывать в правду, сколько ее пуд во всякой варе с црену в саду будет.

А быти ему Демке у той государевы соли безотходно, да и того смотрить ж и беречь накрепко ж, // чтоб нихто ис того соляного озерка соляного росолу не имали и соли на се[б]я и на продажу мимо государевы соляной варницы не варили. И самому ему тою государевою солью не корыстоватца и хитрости не чинить, а счотчи того целовальника и написав счотной список за своею рукою и приходные и росходные книги и ево приему десятинного и выдельного хлеба приходные и росходные книги и ево Гаврилка прислать на Илим, и велеть счотной список и книги подать и целовальнику Гаврилку явитца в сьезжей избе воеводам Василью Никитичю Пушкину да Кирилу Осиповчю Супоневу да дьяку Петру Стеншину. А однолично б ему Демке тем государевым соляным варничным делом порадеть, государеву соль варить и во всем государю учинить прибыль и целовальника Гаврилка счесть вправду. А будет он Демка государевым делом радеть не учнет и государеву соль своим нераденьем учнет варить неприбыльну и государеву соляному делу во всем учинит поруху и прежнего целовальника Гаврилка сочтет не в правду, а опосле про то сыщется подлинно, и ему за то по государеву указу быть в большом наказанье бес пощады, и за государеву соль, в чом он своим нераденьем учинит в вываре убыль, на нем Демке доправят вдвое. Да ему ж Демке по государеву указу быти на усть Куты реки и на Оренге у государева десятинного хлеба, которые служилые наемные на государевых десятинах пашут, и у выдельного хлеба, у которых на заимках сверх тех государевых десятин их собинная пашня распахана и хлеб насеян, и у той их пахоты быть у выделу. И о том им дана наказная память за приписью дьяка Петра Стеншина с казачьим десятником, кому тот десятинной и выдельной хлеб приказан, с Осипком Боярщиною с товарыщи.

К. 190, столб. 28 на 27 сставах; сст.21—23.

78. *1645 г. не ранее октября 12. — Отписка целовальника устькутской соляной варницы Демки Пахорука якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами о невозможности справиться со всеми возложенными на него разнообразными «службами».*

Государя царя и великого князя Михаила Федеровича всеа Русии воеводам Василью Никитичю, Кирилу Осиповичю, диаку Петру Григорьевичю целовальник Демка Титов Пахорук челом бьет. Послан я на усть Куты к соляной варе и к выдельному десятинному хлебу и велено преже ходить за выдельным государевым десятинным хлебом. И пришел я к соле октября в 10 день повечеру, и целовальник Гаврило Григорьев того вечеру соль с цырена принял к собе в анбар, а впредь варить соли соловаром не велел и варницу поставил, а отказал мне Демке: ты де мне послан в перемену и ты де тот соляной промысел ведай, а я де впредь отнудь не принимаюсь. И варница стояла сутки без промыслу. И я Демка впредь тое варницы не поставил, соловаром соль варить велел октября в 12 день, и што бог даст в вываре соли, и тое соль я учну класть в свой анбар, а всего де в тот анбар войдет 30 варь, а больши не войдет того, и после того государева варница станет, потому што соли сыпать негде. А у прошлого целовальника у Гаврилка Григорьева соли анбар не полон, а мне в тот анбар соли сыпать нельзе до перевесу соляного. И я Демка ныне у государева соляного приему с цырену соль принимаю ночью, а днем живу у государева выдельного десятинного хлеба на усть Куты. А переходу от соли до усть Куты версты з 2 и больши. Да по государеву указу и по вашей наказной памяти велено мне [с] служилыми людьми, с десятником с Осипом Боярщиной с товарыщи, ходить для государева выдельного десятинного хлеба вверх по Лене на Оренгу и на Тутуру. Мне Демке от соляного приему, што соль принимаю по вся ночи, и с усть Куты от выдельно//го десятинного хлеба иттить нельзе. А ходить с усть Куты на Оренгу и на Тутуру недиль 6 и больши. В наказе же написано ходить мне [с] служилыми людьми по государев ясак по тунгусом. И мне по всем государевым службам ходить невозможно и государевы варницы и хлебного умолоту на усть Куты поставить не умить. И вы воеводы Василей Никитичь, Кирило Осипович, Петр Григорьевичь о том Оренском и о Тотурском и о ясашном ходу указ учините.

К. 190, столб. 25 на 17 сставах; сст. 13.

79. *1645 г. октября 17. — Память якутской приказной избы казачьему десятнику Осипу Боярщине и целовальнику устькутской соляной варницы Демке Пахоруку с подтверждением обязательности поездки их на Орленгу и Тутуру для сбора государева выдельного десятинного хлеба.*

154-го октября в 17 день память на усть Куты служилому человеку десятнику казачью Осипку Боярщине, к соляной варнице целовальнику Демке Пахоруку. В нынешнем во 154-м году октября в 15 день к воеводам к Василью Никитичю Пушкину да к Кирилу Осиповичю Супоневу да к дьяку к Петру Стеншину писали вы от соли, что по наказу велено вам итить на Орленгу и на Тутуру для хлебного выделу и для государева ясашного збору. И тебе де, Демке, для ясачного збору от государевы соляной варницы и от выделу итить нельзя. А которово ты числа пришол к соли и целовальник де Гаврилко Григорьев, приняв соль с цырену, соли соловаром варить не велел, и варница стояла без вари сутки. И ты де соль варить почал. А железа де у вас на цыренную починку и на гвозди нет, издержали чюжова железа 9 фунтов. И как к вам ся память придет, и вам бы на Орленгу и на Тутуру к пашенным крестьяном к Офоньке Долгому и к Оверкейку Елизарьеву для государева хлебного и десятинного выделу и перемеру итить тотчас. А велеть бы вам после себя, до приходу Демкина, соль варить целовальнику Гаврилку Григорьеву безо всякого ослушанья и ту ему соль, что он сварит, сыпать велеть в ево анбар, где у него соли анбар не доварен. А по ясак бы тебе с служилыми людьми с Осипком Боярщиною не ходить. А как ты Осипко ясак учнешь приносить и тебе б Демке тот ясак у него принимая за своими печатьми держать в государеве казне. А что целовальник Гаврилко, как ты пришол к соли, варницу покиня соли не варил сутки и за то ему по государеву указу быть в наказанье, да к тебе послано железа для цыренной поделки пуд, да заемного железа что отдать займов 10 фунтов, да у того ж железа фунт в лишке.

К 190, столб. 25 на 17 ставах; ст. 13.

80. *1647 г. января 30. — Отписка якутского воеводы Василия Пушкина с товарищами в Сибирский приказ о недоброкачественном железе, данном в Тобольске воеводой кн. Григорьем Куракиным, о наличии в Якутском остроге у «иноземцев» якутов железа местной выделки и о присылке в Якутский острог железного дела мастеров-плавильщиков.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холопи твои Васька Пушкин, Кирилко Супонев, Петрушка Стеньшин челом бьют. По указу отца твоего государева блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, велено нам холопем твоим, идучи на ево государеву службу на великую реку Лену, взять в Тобольску у воевод у князя Григорья Куракина с товарыщи на всякие ево государевы росходы 50 пуд железа доброва да 10 пуд укладу. И в Тобольску, государь, воеводы князь Григорей Куракин с товарыщи нам холопем твоим на всякие твои государевы росходы 50 пуд железа дали самово худово, а укладу, государь, нам холопем твоим ничево и не дали. И то, государь, железо, что дано нам холопем твоим в Тобольску на ленские розходы на твою государеву соляную варницу на цренное дело, и пашенным ссыльным черкасом на сошники и на косы и на серпы, и на судовое дело в скобы и в тесовую кровлю судов к сопцам в тяжные большие гвоздья к твоей государеве соляной варнице ни в што не пригодилось, потому что, государь, железо в критцах самое худое же такое, в какое дело из него кузнецы и станут делать и ево в угар идет больши половины; а что из него и зделают, и то черство и кропко и ломаетца, не держит и малого подьему. И мы, государь, на Ленском волоку на цренную поделку и на гвозди и пашенным черкасом к сошником железо, и на наверку уклад, покупали у торговых людей, и ныне покупают самою большою доротою ценою в неметцких якорях пуд по 3 руб., а судовые скобы и прибойные тесовые и к судам же к сопцам тяжные гвоздья и больши того, а укладу гривенку покупали по 4 гривны, а пуд иметца в 16 руб., потому что у торговых людей на Лену реку в привозе железа и укладу бывает мало. // А как, государь, мы холопи твои приехали на великую реку Лену в Якутцкой острог, и у иноземцов якутов их якутцкое дело железо есть самое доброе, а плавят де, государь,

они то железо ис каменья не по многу, не на большое дело, на свои якутцкие пальмы, вместо сабель делают и ножи, а большово у них никакова железного дела нет ж и многово железа плавить не умеют. А руских, государь, плавильщиков и кузнецов добрых, хто б то железо в крицы плавить умел, на Лене реке нет; а которые, государь, 2 человека кузнецов присланы на Лену с стольники с Петром Головиным с товарыщи и те, государь, куз//нецы железа плавить и кузнечного доброво и цренного и оружейного дела делать не умеют ж. И только ты, государь, укажешь послать на великую реку Лену в Якуцкой острог добрых железного дела мастеров плавильщиков, и того, государь, железа на всякие твои государевы ленские розходы наделать будет мошно, потому что, государь, на Лене под Якутцким острогом такова камени, ис которого железо делают, много, и в том тебе государю и сверх твоих государевых розходов будет прибыль немалая. И о том что ты, государь, нам холопем своим укажешь.

На обороте: 155-го генваря в 30 день такова отписка послана к государю к Москве, до Ленского волоку с ленскими служилыми людьми с Ывашком Авдеевым с товарыщи, а с Ленского волоку с письмяным головой с Еналеем Бахтеяровым.

К. 192, столб. 11 на 53 ставах; ст. 10—12.

81. *1646 г. марта 29 — апреля 30. — Из дела якутской приказной избы об установлении новых расценок на устькутскую соль в виду конкуренции с нею на местном рынке более дешевой соли, привозимой из Енисейского острога.*

...И воеводы Василей Никитич Пушкин с товарыщи торговых людей, которые в нынешнем во 154-м году пришли на Ленской волок, перед собою допрашивали. Для чего они ныне государевы соли на усть Куты не покупают, и из Енисейского острогу с собою соль привозят ли, и по чему в Енисейском остроге они пуд соли покупали, и провозу с пуда до Ленского волоку давали. Торговые люди, которые к нынешнему ко 154-му году выбраны в целовальники в таможню и в сьезжую избу, Михалко Концаков, Тихонко Васильев сын Колупаев, да торговые ж люди Михалко Емельянов сын Лалетин, Ивашко Нифантьев, Васька Кондратьев, Микитка Дмитриев сын Котельников, Федька Офонасьев сын Ходутин устюжаня, Ондрюшка Акинфеев сын Балакшин, Дениско Офонасьев, Титко Прокопьев Соли Вычегодской, Пронька Григорьев, Ортюшка Романов, Ивашко Трофимов москвичи, Корнилко Емельянов сын казанец, Ивашко Иванов ярославец, Мартынко Никитин сын Соли Камской, Филька Тимофеев сын пежемец, Богдашко Леонтьев, Гришка Яковлев сын Росторгуев, Тренька Назаров сын Чермной колмогорцы, Федька Дементьев сын Соли Вычегодской в допросе сказали: потому де они ныне на Ленском волоку государевы соли не купят, что де ей положена цена дорогая, а они соль из Енисейского острогу привезли с собою, а покупали в Енисейском остроге дешевою ценою, за пуд давали по гривне, а провозу им становилось с хлебных запасов и с руских товаров и с соли с пуда до Ленского волоку по 4 алтына, и всего им пуд соли и с провозом из Енисейского острогу до Ленсково волоку ставился по 7-ми алт. по 2 д., а дороже той цены 7-ми алт. 2-х денег пуд соли им не ставился.

Да в нынешнем во 154-м году марта же в 29 день прежней усольской целовальник Гаврилко Григорьев подал роспись, а в росписи ево пишет. // Роспись, как в нынешнем во 153-м году целовальник Гаврилко Григорьев делал новый цырен, в чем на государя соль варить, и что в тот цырен железа и укладу пошло. Из Якутцкого прислано 150 полиц железных больших и малых, а весу в них 16 пуд с полупудом. Ноября в 23 день стали ковать кузнецы цыренное дело, дано на цыренное дело ральников, что принято у Осипа Елезова, весом 7 пуд. 35 ф., а полиц бито ис тех ральников 31 полица, а весу в тех полицах 5 пуд 5 ф. Да якорь роскован в цыренное же дело весом пуд 15 ф., а полиц ис того якоря выбито 8 полиц, а весом в тех полицах 38 ф. Да выдано старово железа, что принято у прошлого целовальника у Васьки Щукина, отдано в цыренное же дело 4 пуда 30 ф., ис того железа выковано 11 полиц, а весу в тех полицах 2 пуда 15 ф., а те полицы биты большие ис тово железа на лесни и на кужни. Да в цыренное же дело роскован якорь весом пуд 37 ф., ковано ис того якоря к тому же

цырену 8 ножек да 4 гнезда дуг, а весу в тех ношках и в дугах пуд 15 ф., да тут же отдано без весу старого цырену 4 ношки да 2 гнезда дуг. Отдано в дело к тому же цырену старой цырен кроме порубней 8 пуд весом, а из дела вышло 4 пуда, а ковано из того железа порубни длина 8 арш., а досталь пошло тово железа на гвоздье и на кинжи. Да старого цырену порубни без весу положены к тому же новому цырену длиною 8 арш. Да ис тово ж железа скован молот досыльной, да переплавливали из горну карожевину, родилось пуд железа, а пошло то железо в гвозди и в кинжи. Дано на цыренные снасти на бротки и на насеки 4 ф. укладу, что принял у старого целовальника. И всего железа и укладу в цыренное дело пошло 42 пуда 36 гривенок, опричь того, что положено в тот же цырен без весу порубни да 4 ношки да 2 гнезда дуг. А цырен стали кузнецы сшивать декабря в 3 день, а цырен сковали генваря в 14 день. А полиц в него пошло 196 полиц, а гвоздья в цырен пошло 1908 гвоздей, а кинжей пошло 500, осталось от цырена 4 полицы. А соль начали варить генваря с 15 числа. //

И воеводы Василей Никитичь Пушкин с товарыщи, выслушав той росписи, велели тот варничной завод по той ево росписи сметить, во што та варница и црен при нем Гаврилке стал, а железу за пуд цену положить против нынешней волоковой торговой цены, и про иной варничной всякой завод выписать из росходных книг положить в смету же.

А по той прежнего усольского целовальника Гаврилка Григорьева росписи написано. В прошлом во 153-м году делал у соли новой цырен, а вышло железа и укладу 42 пуда 36 гривенок, и только положить тому железу цена против нынешней волоковой цены железа пуд по 2 руб., укладу гривенка по 2 гривны, и цена тому железу и укладу 86 руб. 20 алт. опрично того, что без весу приложено.

Да в нынешнем же во 154-м году выписано на Ленском волоку из росходных книг прошлого 153-го году сына боярского Олексеея Бедарева с целовальники.

В росходных книгах 153-го году в розных числех покупано к государевой к соляной варнице: лошадь 15 руб., сани 2 руб., шлея да гужи 20 алт., безмен железной 20 алт., топор 10 алт., железа сковородного на 2 руб. на 18 алт. на 2 д., кузнецом найму 8 руб. 13 алт. 2 д. да им же за уголье 4 руб. Да по росходным же книгам подварку да дроворубом 75 руб. Да в наказной памяти, какова сыскана на Ленском волоку от стольника и воеводы от Петра Головина к сыну боярскому к Олексею Бедареву, написано найму соловару 30 руб. денег. Да по росходным же книгам устькутцкого целовальника прошлого ж 153-го году, и с тем что соловару дано круп и толокна, всем им соловару и подварку и дроворубом годового найму 111 пуд муки и круп и толокна. И только положить цена тому хлебу по нынешней волоковой цены по 13 алт. по 2 д. пуд, итого 44 руб. 13 алт. 2 д. Да по росходным усольским книгам от анбары от переставки 3 руб. Да от соляные поставки на лошадь 2 руб. 25 алт. И всего в прошлом во 153-м году у соляной варницы на цыренное дело вышло в росход ценою железа и всякие покупки, и что соловару и подварку и дроворубом в наем денег и хлеба по денежной цене на год вышло, 275 руб. 6 алт. 4 д. А по выварным приходным книгам усольского целовальника Гаврилка Григорьева генваря с 15-го числа да октября по 12 число 5419 кадей пудовых без чети.

Да по 2-м отпискам целовальника Демки Пахорука, как он Демка почал варить октября с 12 числа, как он Демка целой год доварил и простойные дни наварил февраля по 24 число, в тот же во 153-й год, генваря по 15 число нынешнего 154-го году в вываре соли 2513 пуд. // И обоего у обеих целовальников соли в году в приходе 7932 пуда без чети. И только то розложить та соль к смете, во что цыренное дело стало в прошлом во 153-м году, и того иметца 7898 пуд без чети соли по 7 д. да 34 пуда по 7 д. с полуденьгою. А в нынешнем во 154-м году к тому ж государеву соляному цырену на починку государева кричного железа пуд 23 гривенки да сковорода весом 6 гривенок да купленого железа пуд 10 гривенок. И только государево железо положить в цену против покупочного, и железу всему цена 5 руб. 31 алт. 4 д., кузнечная снасть 4 руб. с полтиною, кузнецом от дела и за уголье 2 руб. 6 алт. 4 д. Да соловару и подварку и дроворубом найму против прежнего денег дано 105 руб. да хлеба то ж число 111 пуд. И только положить та ж цена, по чему хлеб купят, и тому хлебу цена 44 руб. 13 алт. 2 д.

И всего в нынешнем во 154-м году апреля по... число, в росход вышло к той же государевы соленой варницы на цыренную починку и соловару и подварку и дроворубом 162 руб. 1 алт. 4 д., да новой соляной анбар поставили служилыми людьми. И только будет в нынешнем во 154-м году в вываре в приходе соли против того ж прошлого 153-го году то ж число 7932 пуда без чети, и будет в цене: 6566 пуд без чети соли пуд по 4 д., а 1366 пуд соли пуд по 4 д. с полуденьгою. //

154-го апреля в 30 день воеводы Василей Никитич Пушкин да Кирило Осиповичь Супонев да диак Петр Стеншин сей выписки и усольского целовальника Гаврилка Григорьева роспросных речей и скаски служилых людей и торговых людей Михалка Кондакова да Тихонка Колупаева с товарыщи роспросных же речей слушев приговорили. Государеву соль, которая ныне на усть Куты реки наварена в прошлом во 153-м и в нынешнем во 154-м году октября по 12 число по приходным книгам усольского целовальника Гаврилка Григорьева за росходом и за продажею 5036 пуд соли быть в государеве в казенном анбаре до ево государева указу. А что у того ж целовальника у Гаврилка Григорьева по ево приходным книгам в ево сиденье с того числа, как учел он государеву соль варить, да по то число, как на ево Гаврилково место октября по 12 число нынешнего 154-го году в перемену прислан новой целовальник Демка Пахорук и по ево Демкину перевесу против тех ево Гаврилковых приходных книг не достало налицо ево вари 347-ми пуд 25-ти гривенок, и в той недостаточной соле ево Гаврилка приговорили на поруки дать до государева указу. А о той недостаточной соле по ево Гаврилкову челобитью, что де у него та соль утекла, писати о том к государю к Москве. А ему Гаврилку за тою порукою до государева указу быть в Якутцком остроге без съезду. А по скаске того усольского целовальника, что та государева многая соль залежалась и сверх росходу не продана потому, как де по указной памяти стольника Петра Головина указано продавать по 4 гривны пуд и той де соли торговых и промышленых людей нихто и не купят, а купят ли мало, и потому та соль и залежалась. А которая государева соль у нынешнего целовальника у Демки Пахорука выварена октября с 12 числа и впредь учнут варить, и ту государеву соль воеводы Василей Никитичь Пушкин да Кирило Осиповичь Супонев да диак Петр Стеншин приговорили по роспросу торговых людей впредь продавать перед прежним с убавкою, по полуполтине пуд, потому что по скаске торговых людей Михалка Кондакова да Тихонка Колупаева с товарыщи в Енисейском они соль покупают пуд по гривне, а провозу от той соли с ыными своими товары и хлебными запасы дают они от Енисейского острогу до Ленсково волоку по 4 алт., и всего им покупной соли пуд из Енисейского на Ленской волок становитца в 7 алт. в 2 д., а больше де того не становитца. А у Соли де той государевой соли до сех мест цена положена была дорога, по 4 гривны пуд, потому де они той государевой соли за волоком у той государевой варницы и не покупали, а, покупая, возили с собою из Енисейского острогу. И сверх их торговых людей скаски, той государевой соли приложено по алтыну к пуду. Да и потому воеводы Василей Никитичь Пушкин с товарыщи приговорили ту государеву соль торговым и всяким людем продавать по полуполтине пуд, как тот прежний целовальник Гаврилко Григорьев учел ту государеву соль варить и смечено во што та государева варница и варничной завод на новой цырен со всяким варничным заводом в прошлом во 153-м году в 200 в 70 в 5 руб. в 6 алт. в 4 д. А выварено соли в ево Гаврилкове сиденье и с тем, что он же Гаврилко при новом целовальнике в год и простойные дни наваривал 7898 пуд без чети по 7-ми денег пуд, а 34 пуда по полуосьмы деньги пуд. // А в нынешнем во 154-м году к той же государевой соляной варнице, к старому заводу и к цырену на починку и в наем соловаром, вышло 162 руб. 1 алт. 4 д., да в нынешнем же во 154-м году вновь поставлен анбар служилыми людьми без найму. И только будет в нынешнем во 154-м году в вываре в приход соли против прошлого 153-го году то ж число, и та государева соль будет в цене и дешевле того, 6566 пуд без чети по 4 д. пуд., а 1366 пуд по полу-5-ты д. пуд. А торговым и промышленым людем велели воеводы Василей Никитичь Пушкин с товарыщи сказать, чтоб они вперед с нынешнего числа из Енисейского острогу на Ленской волок с собою соли не привозили для того, чтоб

они на Ленском волоку и на усть Куты реки покупали государеву соль по полуполтины пуд, а будет которые торговые и промышленые люди учнут сверх заказу из Енисейского острогу соль с собою привозить, и ту у них соль велят имать на государя в его государеву казну, и им торговым и промышленым людем велят покупать ту ж государеву соль по той же указной цене.

К. 191, столб. 14 на 13 ставах; сст. 59—65. Начало дела, где приводится „счетный список" целовальника Гаврила Григорьева и допрос его, опущено.

82. *1658 г. после сентября 1. — Отписка якутского воеводы Михаила Лодыженского в Сибирский приказ об отсылке в Москву добытой местными промышленниками на реке Анадыре кости «моржевого зуба», с приложением подробной «росписи» этой кости.*

1. — Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] холоп твой Мишка Лодыженской челом бьет. В прошлом во 166-м году августа в 31 день прислана ко мне холопу твоему твоя государева грамота за приписью дьяка Григорья Протопопова, а в той твоей великого государя грамоте написано: писали мы холопы твои, я Мишка да дьяк Федор Тонков, к тебе великому государю, что в прошлом де во 164-м году писали к нам холопям твоим с новоприискной с Анадыря реки охочие служилые люди Сенька Дежнев да Юшко Селиверстов, что они на усть тое Анандыря реки на взморье упромышляли моржевого зуба: Сенька Дежнев с товарыщи 239 пуд., Юшко 50 пуд., а по весу де в розных статьях того зубу в 3-х и в 4-х и в 5-ти и в 6-ти и в 7-ми и в 8-ми и в 10-ти и в 12-ти и в 13-ти и в 16-ти костях по пуду. И для образца Сенька Дежнев прислал к нам холопем твоим пуд кости во 6-ти зубах. И мы холопы твои тое кость, оценя в Якутцком, послали к тебе великому государю к Москве. А якутцкая цена той кости 60 руб. А на новую на Анадырь реку послали мы холопи твои для промыслу рыбья зуба якутцких служилых людей сотника Амоса Михайлова да казаков Федьку Кайгорода с товарыщи 30 человек, дав для промыслу того рыбья зуба железные спицы и иной рыбья зуба всякой промышленой завод. А велели им служилым людем рыбьим зубом промышлять на тебя великого государя исполу, а з другой половины, которая им служилым людем достанетца, платить им в твою // государеву казну 10-я пошлина рыбьим ж зубом. А у охочих служилых людей у Сеньки Дежнева да у Юшки Селиверстова с товарыщи, из их промыслов, велели мы холопи твои сотнику Амосу Михайлову взять на тебя великого государя 100 пуд, по 50 пуд с ватаги, да сверх того з достальной кости, что они у всех в промыслех и налицо объявитца, взять на тебя ж великого государя 10-ю рыбьим ж зубом; а взяв, прислать в Якутцкой. И по твоему великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] указу велено у служилых и у всяких охочих людей, которые учнут на Лене и на иных реках на взморье промышлять кость рыбей зуб, и с того промыслу велено имать на тебя великого государя половину, а другую половину отделять им, да с той их половины имать на тебя ж великого государя 10-ую. А что за 10-ою останетца и то велено нам холопем твоим кость имать на тебя ж великого государя в цену и давати им из твоей государевы казны за большую кость по 15-ти и по 20-ти руб. за пуд, а за меньшую кость по 12-ти руб. за пуд. Да ту кость велено нам холопем твоим в Якутцком ценить тороговым людем торговою прямою ценою, а оценя ту кость, и той кости ценовные росписи присылать и о том писать к тебе к великому государю к Москве. И я холоп твой Мишка по той твоей великого государя грамоте велел на встрече у служилых и у торговых и у промышленых и у всяких людей в Жиганех сыну боярскому Ондрею Булыгину да целовальнику Ларьке Ламе кость рыбья зубу перевесить и переписать на роспись, у ково сколько по имяном пуд объявитца. И по отписке, великий государь, и по росписи сына боярского Андрея Булыгина да целовальника Ларьки Ламы и по приему в Якутцком остроге объявилось у служилого человека у Микит//ки Семенова да у охочих у промышленых людей у Ортюшки Осипова, у Онтонка Ондреева да у Васьки Бугра да у торгового человека у Онисимка Костромина 135 пуд 9 гривенок, да всякой мелочной кости в оттирках и в черенье и во всякой мелочи 2 пуда 11 гривенок. Да у них же по их обещанью с Анадыря в Якутцкой острог в Спаскую казну пуд 16 гривенок, да на новое место в Житаны в часовню в Спа-

скую же казну 14 гривенок, обоего пуд 30 гривенок кости. И за ту, государь, кость против твоего великого государя указу я холоп твой для церковной скудости дал из твоей государевы казны денег 25 руб. 6 алт. 4 д., да по иным, государь, городом к церквам божиим по розным престолом кости ж 2 пуда 21 гривенка с полугривенкою. А у ково сколько пуд порознь, и тому великий государь под сею отпискою подклеена роспись за моею холопа твоего Мишкиною рукою. А ис той, великий государь, кости рыбья зубу по твоему государеву указу у Микитки с товарыщи на тебя великого государя половины и новой 10-й не выделено, и в Якутцком остроге та их кость не ценена, потому что они били челом тебе великому государю, торговой и промышленые люди Онисимко Костромин с товарыщи, а мне холопу твоему в приказе подали челобитную за своими руками, чтоб ты, государь, их пожаловал, велел ту их кость всю послать к себе государю к Москве без выделу половинного и 10-ые новые. И я холоп твой ту их кость рыбья зубу и челобитную их за руками послал к тебе великому государю к Москве для того, что мне холопу твоему указано в Якутцком остроге дать ис твоей государевы казны деньги, а в Якутцком, государь, остроге в твоей государеве казне денег нет и дать нечево. А в которой, государь, безмен кость вешана по приему целовальников Ивашка Самойлова да Бориска Васильева, и тот, государь, безмен за твоею великого государя Якутцкого острогу печатью послал я холоп твой к тебе великому государю к Москве для отдачи с ними целовальники с Ивашком да с Бориском. А что, государь, на служилом человеке на Микитке Семенове да на торговом человеке на Онисимке Костромине с товарыщи твоих государевых таможенных пошлин, и тем, государь, пошлинам под сею отпискою роспись за рукою таможенного головы Ондрея Курдюкова послана к тебе великому государю к Москве под сею отпискою. //

II. — Роспись кости рыбья зубу, что взята на государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.].

У служилого человека у Микитки Семенова: пятерной кости 8 пуд, шестерной кости 8 пуд, семерной кости 3 пуда, осмерной кости 1 пуд, десятерной кости 7 пуд, пуд, а в нем 11 костей, 2 кости весом 6 гривенок да мелочной кости черенья 17 гривенок; всего 28 пуд 23 гривенки. Да у него ж Микитки в Якутцком остроге в Спаскую казну 3 кости весом 16 гривенок, и за ту Спаскую кость в Якутцком остроге из государевы казны деньги даны; в Устюжской уезд на Красной бор в Спаскую казну 2 кости весом 18 гривенок; в Енисейской острог на гостин двор в Спаскую казну кость весом полсемы гривенки.

У охочего у промышленово человека у Ортюшки Осипова: пуд, а в нем 5 костей, шестерной кости 3 пуда, семерной кости 2 пуда, осмерной кости 3 пуда, 5 костей весом 25 гривенок; всего 9 пуд 25 гривенок. Да у него ж Ортюшки в Якутцкой острог в Спаскую казну пуд, а в нем 7 костей, и за ту Спаскую кость в Якутцком остроге из государевы казны деньги даны.

У промышленого человека у Онтонка Ондреева: пуд, а в нем 5 костей, шестерной кости 2 пуда, семерной кости 3 пуда, осмерной кости 2 пуда, девятерной кости 2 пуда, десятерной кости 2 пуда, 2 пуда, а в них по 11 костей в пуде, 2 кости весом 5 гривенок; и всего 14 пуд 5 гривенок. Да у него ж Онтонка на Пенегу в Верколу Артемью Веркольскому в казну кость весом 8 гривенок; на Пенегу на Красную гору богородице в казну кость весом 5 гривенок.

У Васьки Бугра: четверной кости 2 пуда, пятерной кости 9 пуд, шестерной кости 12 пуд, семерной кости 12 пуд, 3 кости весом 18 гривенок. Да у него ж Васьки мелочной кости черенья кости рыбья зубу 16 гривенок; и всего 35 пуд 34 гривенок. Да у него ж Васьки в Важеской уезд на Шиленгу в Никольскую казну 2 кости, весом 13 гривенок; на Соловки соловецким чюдотворцом в казну кость весом 6 гривенок.

У промышленого человека у Стеньки Петрова Каканина: пятерной кости 4 пуда, осмерной кости 2 пуда, 6 костей весом 38 гривенок, да кость весом 7 гривенок.

У промышленого человека у Кузьки Иванова Култышева: пятерной кости 7 пуд, шестерной кости 6 пуд, семерной кости 4 пуда, осмерной кости 3 пуда, // пуд, а в нем 9 костей; и всего 21 пуд. Да у него ж Кузьки на Тюмень к Илье про-

року 2 кости весом 12 гривенок, да на Тюмень же Алексею человеку божию в казну кость весом 8 гривенок.

У торгового человека у Онисимка Костромина пуд, а в нем 4 кости, пятерной кости 11 пуд, шестерной кости 3 пуда, семерной кости 4 пуда, 4 кости весом 30 гривенок, да всякой мелочной кости оттирков и обломков и в черенье и во всякой мелочи пуд 18 гривенок; и всего 21 пуд 8 гривенок. Да у него ж Онисимка в Троицкой монастырь Сергею Радунежскому чюдотворцу в казну 4 кости весом 36 гривенок.

Да промышленые ж люди Васька Бугор да Кузька Иванов да Онтонко Андреев приложили на новое место в Жиганы в часовню спасу нерукотворенному образу да покрову пречистые богородицы 4 кости весом 14 гривенок. И за ту кость в Якутцком остроге из государевы казны деньги даны.

К. 184, столб. 2 на 89 ставах; ст. 40—45.

83. *1658—59 гг. — Отписка якутского воеводы Михаила Лодыженского в Сибирский приказ о переписи «рыбьего» зуба сыном боярским Андреем Булыгиным в Жиганском зимовье. С приложением списка с духовной умершего соликамского жильца Михаила Захарова и росписи «рыбьего зуба».*

I. — Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] холоп твой Мишка Лодыженской челом бьет. В нынешнем, государь, во 167-м году по твоему великого государя указу я холоп твой Мишка велел в Жиганском зимовье сыну боярскому Ондрею Булыгину да целовальнику Ларьке Ламе у всяких чинов людей кость рыбья зубу записать на роспись. И по той, государь, росписи у сына боярского у Ондрея Булыгина да у целовальника у Ларьки Ламы написано: объявил торговой человек Онисимко Костромин умершего Мишки Захарова кости рыбья зубу 17 пуд 2 гривенки, и я холоп твой ту кость взял на тебя великого государя и послал с сыном боярским с Костянтином Дунаем по приему целовальников Ивашка Самойлова да Бориска Васильева; да и он же, государь, Онисимко Костромин подал мне холопу твоему того умершего Мишки Захарова изустную память за ево Мишкиною рукою; и я холоп твой ту ево Мишкину подлинную изустную память, подклея под сею отпискою ,послал к тебе к великому государю к Москве с сыном боярским с Костянтином Дунаем. //

II. — Список з духовной слово в слово. Се аз Михайло Захаров сын соликамской жилец з Городища пишу себе изустную память целым умом и разумом на Анадыре реке в ясачном зимовье, сего свету отходя. И будет мне где бог смерти случит в походах или где ни буде, и что живота моего останетца кости рыбья зубу 20 пуд целой кости да обломков и черенья тесаново с пуд 5 натрусок рыбья зубу, а на ту кость записи наемные 2 записи в 400 в 10 руб. на промышленых людей, одна до Колымы, а другая до Ленского, и колько живем на Анадыре и с торгу что достанетца кости и соболей и с промыслу своево кости, а соболей своим промыслом упромышляю, и тот промысел им весь; да 2 же записи наемные на пол 3 пуда, а проводить до Колымы. А наем по тем записям дан весь сполна. А что кому будет дать, и тому будет роспись моя же рука. Да в коробье в колотках кабалы на промышленых людей на колько сот рублев, и тому будет роспись же. Да закладная на ясыря, якутцкую женку имянем Быгия, во 6-ти сороках в 10-ти соболях, пищаль винтовка добрая да пищаль гладкая добрая, пищаленко гладкое, псалтырь следованьем московская печать, шуба соболья и пластинная с мешицей, шубенко пупчатое и побочиное соболье покрыто зипуном вишневым, зипун вишневой. А что пороху стрельново и свинцу и мелково борошню, сетям неводным и пущальницам и прядену, штанам и рубахам, вершкам шапочным, свечам и топорам и ножам всякому заводу, и долгу и слободе кабальному и безкабальному, и что прибудет и убудет, и тому будет роспись моя же рука. А что останетца, и тот мой живот розделить в 4 монастыря: Троице живоначальной и Сергию чюдотворцу архимариту и келарю еже о христе з братиею, а оне бы положили ис тово моево живота Спасу к Соле Камской на Пыскор в монастырь 20 руб., в Соловетцкой монастырь 20 руб., // Кирилу и Афанасию в монастырь 15 руб., Николе в Ныру в Чердынь 5 руб., Еоргию на Городище 5 руб., Богородице налога у Соли Камской 5 руб., да икона сменить Екатерины христовы

мученицы и поставить в церковь в монастырь Сергию чюдотворцу. А ся изустная память довести до монастыря торговому человеку Анисиму Костромину и живот мой. Я ясыря моего продать, а что за нее возьмут, и тот живот отдать в монастырь же. А что долгов моих будет кабальных и безкабальных, и то заплатить и похоронить и псалтырь говорить нанеть. А как ся изустная память дойдет до архимарита и до всей братьи, им бы пожаловать записать имяна отца моего Захара и матерь мою Анну да еще промышленого человека Кирила Чердынца и мое Мишкино имя в литию и в сенаник по грешной моей души, и по тем монастырем имяна наши записать. А что останетца кабал, и те кабалы вывести ж. А будет Онисим не приметца, и та изустная взять в казну государю, а Онисиму отпись взять и список списать, а тот список и отпись свести к Троице Сергию в монастырь. А роду и племени в мой живот никому не вступатца, потому что роду нет ближнево, одна у меня мати жива осталась. И будет та моя мати жива, и та моя мати взяти в монастырь к Троице Сергию в монастырь. Где ся изустная выляжет, тут по ней на мой живот суд и правеж. А хто за нею станет, тот истец. А изустную память писал на Анандыре реке в ясачном зимовье промышленой человек на себя Мишка Захаров своею рукою лета 7161-го году марта в 25 день.

161-го году апреля в 3 день роспись Мишки Захарова, что осталось кабал в колотке: кабала на служилых на Гаврила Фролова да на Дмитрея Васильева да на Фадея Васильева Тобольсково города жильца, займов служилого человека Семена Дежнева в дву сороках соболях, и даная на нее туто же. *Далее следует перечисление 27-ми кабал, из коих 3 на деньги — всего на 32 руб. 50 коп. и остальные на соболя — всего 685 соболей.*

III.—Роспись кости рыбья зубу, что взята на государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] по наказной памяти стольника и воеводы Михаила Семеновича Лодыженсково в Жиганском зимовье приказной сын боярской Андрей Булыгин да целовальник Ларивон Петров Лама. *Далее следует роспись, приведенная выше, в конце предыдущего документа.*

К. 184, столб. 2 на 89 ставах; сст. 51—63.

84. *1669 г. июня 12.— Сказка письменного головы Ефима Козинского о нахождении им в Зашиверском зимовье в горе «каменя хрусталю», с приложением сказок ясачных юкагир о том же.*

I. — 177-го июня в 12 день в Якуцком остроге в съезжей избе окольничему и воеводе князю Ивану Петровичу Борятинскому да дьяку Степану Елчукову письмянной голова Еуфим Козинской сказал: по указу великого государя посылан был он Еуфим из Якутцкого за море на Индигирку и на Алазейку и на Колыму реки для сыскных дел и для государева ясачного збору, и как де он Еуфим пришел на Индигирку реку в Зашиверское зимовье, и против Зашиверского зимовья в горе нашел он Еуфим каменя хрусталю. И тово каменя хрусталю набрал он Еуфим 5 ф. с полу-фунтом и привез в Якутцкой острог, а больши де того каменя хрусталю ему Еуфиму брать было нельзя, потому что закинуло снегом. Да про тот же камень хрусталь он Еуфим Индигирки реки ясачных иноземцов Зашиверного и Подшиверного зимовей допрашивал, где бы ево сыскать мочно. И они иноземцы ему Еуфиму подали скаски за своими знамены, и те скаски он Еуфим привез в Якуцкой острог.

Да подал каменя хрусталю, а по весу того хрусталю 5 ф. с полу-фунтом. Да он же Еуфим подал иноземские скаски за своею рукою и за их иноземскими знамены, а в них пишет:

II. — 177-го году апреля в 7 день на Индигирке реке в Зашиверском острожке письмяному голове стряпчему Еуфиму Ивановичю Козинскому Подшиверского Индигирского ясачного зимовья ясачной юкагир Надуча Набугин сказал: ходил де он Надуча с Индигирки ис под Шиверского зимовья с родниками своими ходил де он Надуча с Индигирки ис Подшиверского зимовья с родниками своими И на той де речке в каменю, в утесах и в ручьях не в одном месте, видел белово камени хрусталю. А та речка от стенового камени, который камень залег х Колыме реке, пала та речка от тово стенобова камени устьем в Ожегину реку, а Ожегина река пала устьем в Колыму реку пониже Верхнего ясачного зимовья. А про тот

белой камень хрусталь ведают и родники его подшиверские юкагири, которые с ним были на той речке.

Зельянкурского роду ясачного Зашиверского острожку лутчей ламутцкой мужик Торочанко Чяжигин про камень про хрусталь допрашиван и в допросе сказал: видал де он Торочанко в каменю, в утесах и по ручьям местами, белой камень хрусталь, а окроме де тово белово камени хрустоля иново никакова цветнова каменья он Торочанко не видал.

Уяганского роду ясачного Зашиверского острожку лутчие ламутцкие мужики Бажега Медвежья Парка, Чандруга Докланиев с родниками допрашиван, а в допросе он Бажега со всеми своими родниками сказали: видали де они в каменю, в утесах и по ручьям местами, белой камень хрусталь, а окроме де тово белово камени хрусталя иново никакова цветнова каменья он Бажега с родниками не видал.

Подшиверского ясачного зимовья Шоробовсково роду ясачные лутчие юкагири Бурнашко Велково, Петеля Пелевин, Орани Бегунов с родниками допрашиван, а в допросе он Бурнашко со всеми своими родниками сказали: видали де они в каменю, в утесах и по ручьям местами, белой камень хрусталь, а окроме де тово белово камени хрусталя иново никакова цветнова каменья он Бурнашко с родниками не видал.

На обороте 7 юкагирских «знамен».

К. 202, столб. 8 на 63 ставах; сст. 46—48.

85. *1669 г. июня 14. — Сказка казачьего десятника Ивана Ермолина о местонахождении жемчуга «у Таина камени» в районе реки Чендона.*

177-го июня в 14 день в Якуцком остроге в съезжей избе окольничему и воеводе князю Ивану Петровичю Борятинскому да дьяку Степану Елчукову десятник казачей Ивашко Ермолин сказал: был де он на Чондоне реке у моря для прииску новых землиц и неясачных юкагирей, и на море у Таина камени на острову жемчюг родитца, и того де жемчюгу набрали в раковинах коряки и дали ему Ивашку 18 золотников с полу-золотником, а сказывали де ему Ивашку те иноземцы коряки, что в том месте раковин з жемчюгом много. А для того де он Ивашко жемчугу мало промыслил, что вскоре те иноземцы коряки ево Ивашка с товарыщи збили, а людей де с ним Ивашком было только 50 человек, и те до все оголодали и з голоду померли. Да подал жемчюг, а по весу того жемчюгу 3 золотника крупного да 15 золотников с полу-золотником мелково.

К сей своей скаски Ивашко Ермолин руку приложил.

К. 202, столб. 8 на 63 ставах; сст. 44.

86. *1669 г. не ранее июня 15. — Память в денежный стол подьячему Михаилу Ушницкому по отписке сына боярского Матвея Сосновского о посылке из Охотского острожка драгоценных «камешков» и о присылке в Охотск товаров и бумаги.*

Память в денежной стол к подьячему к Михаилу Ушнитцкому. В нынешнем во 177-м году июня в 15 день писал с Охоты реки сын боярской Матвей Сосновской, а в отписке ево написано: в нынешнем во 177-м году послал он Матвей с пятидесятником казачьим с Федором Яковлевым 39 камешков, да 2 камешка за руками запечатаны в мешечке, камешек з бела взят у тунгуса Елляти. А которые товары посланы иноземцом на подарки и те де товары все в росходе, и вперед ко 178-му году надобно в Охотцкой товар и писчая бумага сколько пригоже.

К. 202, столб. 8 на 63 ставах; сст. 45.

87. *1669 г. июня 24. — Сказка казака Якутского острога Степана Щербакова и тунгусов Ишаки и Паргауля о нахождении серебряной руды на устье реки Амура и об обмене плавленного серебра на соболей.*

177-го июня в 24 день в Якуцком остроге в съезжей избе окольничему и воеводе князю Ивану Петровичю Борятинскому да дьяку Степану Елчукову Якутцкого острогу казак Стенька Ондреев сын Щербаков сказал словесно: слышал де он Стенька про серебреную руду Тугурского зимовья от ясачных тунгусов от

Ишаки да от Паргауля, а они де Ишаки и Паргауль слыхали от отцов своих и от братей впрямь и сами видали, что де серебреная руда есть на усть Амура реки, и отцы де их серебреную руду и серебро припашивали к себе; а как де то место называют, где то серебро родитца, тово де они не упомнят. А плавят де ис тое серебреной руды серебро иноземцы ж Кувы да Лонки да Голонки да Натки, а те люди живут на усть Амура реки по обе стороны, и те люди им, тунгусам, сплавленое серебро продают на соболи и на лисицы. А приносят де то серебро им тунгусам в прутье и в кольцах и слитками. А итти де морем кочами от Тугурского ясачного зимовья до тех мест, где та серебреная руда родитца, до устья Амура реки, где в море втекла та Амур река, скорым ходом месяц, а тихим ходом два месяца. А те де тунгусы, которые сказывали ему Стеньке, ныне в Якуцком в аманатех.

И того ж числа Тугурского зимовья аманаты Ишаки да Паргауль допрашиваны, где они ведают серебреную руду. И тунгусы Ишаки да Паргауль сказали: сами де они не видали, где серебряная руда есть, а слыхали де они от отцов своих и от братей и от родников своих, что серебреная руда есть на усть Амура реки, а плавят де ис тое серебреной руды серебро // иноземцы ж розных родов — Куви да Лонки да Голдики да Натки и иных розных родов, а те де люди живут на усть Амура реки по обе стороны. Да они ж слыхали от брата своего от Гургокты, что де он сам видал и бывал, где то серебро родитца, и он де Гургокта серебро плавленое с того места принашивал к себе. И отцы де их и родники у тех иноземцев же у Кувей и у Лонок и у Гольдик, и у Натък покупают на соболи и на лисицы серебро слитками и прутьями и кольцами и кругами, а круги де большие и малые носят они на грудях, а кольца на шее. А итти де до тех мест, где то серебро родитца, морем в судах скорым ходом месяц, а тихим ходом полтора месяца или два месяца. А будет великий государь укажет промыслить для опыту тое серебреной руды, и они де тое серебреной руды промысля принесут.

На обороте 2 тунгусских «знамени».

К. 202, столб. 8 на 63 ставах; сст. 49—50.

88. *1669 г. не ранее июля 21. — Выпись из отписки сына боярского Матвея Сосновского из Охотского городка о нахождении им под каменем Мутксем «яра осыпного» и о посылке в Якутский острог каменья, взятого с этого яра, и жемчугу.*

Из розрядного стола выписано в денежной стол. В нынешнем во 177-м году июля в 21 день писал в Якутцкой острог к окольничему и воеводе князю Ивану Петровичю Борятинскому да дьяку Степану Елчукову из Охотцкого городка сын боярской Матвей Сосновской: в нынешнем де во 177-м году осенью прислана из Якутцкого острогу указная память за печатью великого государя на усть Горбии к нему Матвею, а велено на Улье реке и по иным местам брать каменье, какое каменье в прошлом во 176-м году прислал из Охотцкого пятидесятник казачей Федор Яковлев, и иного доброго узорочного искать и жемчуг доброй и незаморной промышлять. И по указу великого государя, сыскав тунгуса Кавлачка, и с ним тунгусом и с служилыми людьми ходил он Матвей весною, как земля ростаяла, каменья искать. И на Улье реке каменья никакова доброго нет, а нашел де он каменье за Кухтыем рекою, возле моря, против реки Урокана устья, на левой стороне, идучи на Иню реку, под каменем Муткеем яр осыпной, и в том яру набрал он с служилыми людьми и с ясачными тунгусами 8200 каменей, а весом 30 ф. невступно, да 50 каменей в кожухах. И то каменье, запечатав в ровдужной мешек, послал он Матвей в Якутцкой острог с служилыми людьми с Мочкою Никитиным с товарыщи. И буде то каменье годно и впредь имать на великого государя, и в том яру мочно брать сколько надобно. Да с ними ж // Мочкой с товарыщи послал жемчюгу за печатью в равдужном мешечке, а промышляют тот жемчуг ясачные тунгусы в море под каменем Муткеем на мысах на оранцах на упалой малой воде; а доброго и незаморного жемчюгу Охотского городка ясачные тунгусы и служилые люди находить не могут. А в Охоте и в Кухтые реках раковин жемчюжных нет. А на Тоуй и на Олу реки посланы служилые люди Костька Дмитриев да Стенька Жемчюжник для жемчюжного промыслу, а на Остров-

ную Мишка толмач с товарыщем, и с Тоуя реки и с Островные те служилые люди не бывали. Да ко 178-му году в Охотцкой городок прислать великого государя товаров ясачным тунгусам на подарки и писчие бумаги на росход.

К. 202, столб. 8 на 63 ставах; ст. 52—53.

89. *1669 г. ранее августа 2. — Отписка приказного человека Охотского городка Матвея Сосновского якутскому воеводе князю Ивану Борятинскому об убийстве на Тоуе реке русских служилых людей, посланных туда «для проведывания коряков и каменья и для иного доброго узорочья» и о посылке в Якутск собранных ясачных соболей, жемчуга, каменья и руды.*

Великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] окольничему и воеводе князь Ивану Петровичю Оходцкого городка приказной Матюшка Сосновской челом бьет. В нынешнем во 177-м году послан из Оходцкого городка на Тоуй и на Олу служилой человек Костька Дмитриев с товарыщи для недоборного ясаку и жемчюжного промыслу и для проведыванья коряков и каменья и для иного доброго узорочья, и он Костька Дмитриев и Левка Андреев на Тоуе убиты, да с ним же Костькою был послан служилой человек Стенька Чарков и он Стенька с ним же убит. И Тоуя реки ясачные иноземцы Инчанского роду Окун с товарыщи принес в Оходцкой городок ево Костькина сбору, за ево печатью, 16 соболей в козках, да Оходцкого городка збору моего Матюшкина з Годниканского роду з Гируля 3 соболя, да Анчанского роду с Арчикана 2 соболя. Да с Тоуя реки Тобарского роду Дурутка принес каменье белое светлое, да руды неведомо какие, да 7 камешков, что дал на Тувуе реке Костьке Дмитриеву Инчанского роду Иркандей, да Тоуя реки и Ини жемчюгу послано в мешечке в ровдужье за печатью, а лутче того жемчюгу в море нет, а в реках нет же, и из моря не выметывается. А служилой человек Мишка толмачь с Островной не бывал, да 2 раковины послано. Да в Оходцком городке Тоуя реки Инчанского роду Окун с товарыщи в роспросе сказали про убойство, и их сказка послана под сею отпискою, и соболи ясачные и жемчюг и каменья и руда послано в Якутцкой острог в съезжию избу служилыми людьми с Ывашком Мокрошубовым да с Ывашком Онтипиным. А как Мишка толмачь будет с Островной, и я пошлю в Якутцкой.

На обороте: Великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] окольничему и воеводе князь Ивану Петровичу Борятинскому.

177-го году августа в 2 день подал отписку Якутцкого острогу казак Ивашко Мокрошубов.

Помета: 177-го августа в 2 день принять соболи и каменья и жемчюг.

К. 202, столб. 8 на 63 ставах; ст. 54.

90. *1684 г. августа ... — Наказная память якутского воеводы Матвея Кровкова в Верхневилюйское зимовье приказному сыну боярскому Ивану Крыженовскому о проведывании золотой, серебреной, медной, оловянной, свинцовой и железной руды, серы и селитры.*

Лета 7192-го году августа в ... день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] и по приказу генерала и воеводы Матвея Осиповича Кровкова память в Верховилюйское зимовье приказному сыну боярскому Ивану Крыженовскому. В прошлом во 190-м году июня в 23 день в грамоте блаженные памяти великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] писано вь Якутцкой к стольнику и воеводе Ивану Приклонскому, велено вь Якутцком, в зимовьях и в уездех, в посылках сыскивать и проведывать золотой и серебреной, медной и оловяной и сви[н]цовой и железной руд и серы горючей и селитреной земли. И как ты, Иван, будешь в Верховилюйском зимовье, и тебе б по указу великих государей сыскивать и проведывать с великим раденьем неоплошно серебреной и золотой, медной и оловяной и свинцовой и железной и иных руд, и серы горючей и селитреной земли и соли. А по сыску, что объявитца каких руд и селитры, и ис тех руд учиня опыты и описав имянно, и соль сыскав, прислать вь Якутцкой острог или с собою привесть и объявить в приказной избе генералу и воеводе Матвею Осиповичю Кровкову. А однолично б тебе Ивану того дела в нераденье и в оплошку

не ставить. А буде ты, Иван, с товарыщи своим нераденьем и оплошкой золотой и серебреной и медной и оловяной и свинцовой и железной руд и селитры и серы горючей или соли сыскивать не учнешь, // а после тебя иной приказщик, хто на твое место будет, мимо тебя тех руд и соль сыщет и в Якутцкой привезет, и тебе Ивану за то быть от великих государей в жестоком наказанье безо всякие пощады, да на тебе ж по указу великих государей генерал и воевода Матвей Осипович Кравков велит взять великих государей в казну пеню без пощады ж.

На обороте: Такову память Иван Крыжановский взял. По его веленью сын ево Петр Крыжановский руку приложил.

К. 217, столб. 39 на 41 ставе; ст. 24—25.

В. Земельная колонизация Якутии. Торговые и промышленные люди. Ссыльные. Отношение к туземному населению.

91. *1639—40 гг. — Челобитная ленского казака Богдана Сорокоумова о привлечении к суду енисейского казака Кузьмы Губушева, взявшего его корову у батулинского ясачного якута Козелы.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом холоп твой государев ленской казак Богдашко Ортемьев Сорокоумов. Жалоба, государь, мне на енисейского казака на Козьму Прокопьева Губушева. В нынешном, государь, во 148-м году на Тате реке у батулинского ясачного якута у Козелы взял мою корову купленую стельную не ведомо за что и тое, государь, моей коровы не отдает и по ся места, цена той коровы 10 руб. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня холопа своего вели, государь, на того Кузьму в моем иску дать свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 187, столб. 7 на 35 ставах, ст. 20.

92. *1639—40 гг. — Челобитная ленского казака Михаила Коновалова о привлечении к суду бетунского ясачного якута Косика Сытыкина, не возвратившего ему жеребца.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом холоп твой государев Ленского острогу казак Мишка Савин Коновалов. Жалоба, государь, мне на бетунского ясачного якута на Косику Сытыкина сына. В нынешном, государь, во 148-м году зимою отдал тому Косике жеребца кормить, а тот жеребец шерстью сер. И того жеребца тот Косика мне холопу твоему и по ся мест не отдает не ведомо за что. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня холопа своего вели, государь, на того Косику в моем иску дать свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 187, столб. 7 на 35 ставах; ст. 31.

93. *1640 г. не ранее авгута 8. — Челобитная ясачного якута Батуруской волости Юрги Гадарова о привлечении к суду гулящего человека Ивана Рябова, укравшего у него коня и аркан.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом сирота твой государев Ленского острогу Батуруской волости ясачной якут Юрга Гадаров сын. Жалоба, государь, мне на гулящего человека на Ивана Степанова Рябова. В нынешном, государь, во 148-м году августа в 7 день украл у меня Юрги тот Иван аркан волосяной новой цена 10 алт. Да он же, государь, Иван августа в 8 день из острогу, не спросся, взял коня моего шерстью бела и з седлом, неведомо куды съехал и учинил мне сироте твоему в страдную пору простой. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на тово Ивана в моем иску дать свой царской суд и упра[ву]. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 187, столб. 7 на 35 ставах; ст. 4.

94. *1640 г.—Челобитная ясачного якута Катылинской волости Себе Даванова о привлечении к суду служилого человека Павла Леонтьева, захватившего у него кобылу.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом сирота твой государев Ленского острогу Катылинской волости ясачной якут Себе Даванов сын. Жалоба, государь, мне на гулящего человека на Семена Иванова Мотору. В прошлом, государь, во 147-м году по[шел] на государеву службу на Вилюй реку енисейск[ой] служилой человек Павел Левонтьев ост[авил] мне беречь кобылу. И в нынешном, государь, во 148-м году весною перед поезд [мно]гих кобыл назвался тот Мотора его [Пав]ловым братом и тое кобылу от меня сироты твоего взял к себе. А топерь, государь, тот Мотора тое кобылу назад не отдает неведомо за что. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на того Мотору в моем иску, в той кобыле, дать свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 187, столб. 7 на 35 сставах; сст. 35.

95. *1641 г. мая 7—11. — Дело об отводе тороговому человеку Ивану Сверчкову земли под двор, пашню и сенные покосы на реке Лене и об условиях владения ею.*

I. — 149-го году маия в 7 день бил челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии торговой человек вологодско[го] и великопермского архиепискупа Варлама крестьянин Ивашко Сверчков, а на устье Куты реки стольником и воеводам Петру Петровичю Головину да Матвею Богдановичю Глебову да диаку Еуфимью Филатову подал челобитную, а в челобитной ево пишет. // Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом сирота твой торговой человек волотодцкого и великопермского архиепископа Варлама крестьянин Ивашко Сверчков. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, дать место под двор и под пашню и под сенные покосы и под скотиной выпуск на Лене реке, пловучи на низ по Лене реке на правой руке на лугу выше заимки пашни торгового человека Ерофейка Павлова на лугу, где годно место под пашню и под сенные покосы. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 149-го маия в 7 день по уговору ево взять порушная запись, что ему пашня пахать на Лене реке 10 лет. А с первого году ему давать государю ото всей своей пахоты десятые десятины в поле, а в дву по тому ж. А семена имать ржаные и яровые государевы. А как 10 лет отойдет, и ему всей своей пахоты половину, насеяв ржи и яри, отдать на государя. А пашенной свой завод, сохи и сошники и дворовое строенье, после 10-ти лет вольно ему продать. А в ту 10 лет с тех десятых десятин зжать и измолотить и в житницу всыпать ему Ивашку. //

II. — Се аз Ерофейко Павлов сын Хабаров торговой человек, ленской киренской жилец Пантелей Яковлев сын устюженин, ленской пашенной крестьянин Дмитрей Тихонов сын Плехот, Семен Петров сын Сапожников вымитин, Архип Стефанов сын каргополец, Евсей Олексеев чаранец, Моисей Васильев сын важенин, Сава Мокеев сын мезенец, Павел Тарасов сын, Дмитрей Олексеев сын каргопольцы, промышленые люди, поручилися есми по торговом человеке, вологодцкого и великопермского архиепископа Варлама по крестьянине по Ивашке Никонове Сверчкова в том. Пахати ему Ивану за нашею порукою пашня людьми своими и наемщики на Лене реке, пловучи на низ на правой стороне на лугу выше заимки торгового человека Ерофейка Павлова, 10 лет. А с перваго году ему Ивашку давать государю ото всей своей пахоты десятые десятины в поле, а в дву по тому ж. А на те десятые десятины семена имать ржаные и яровые государевы. И в ту 10 лет пахать ему Ивашку пашню людьми своими и наемщики ж безпереводно, и государевы десятые десятины сеять в пору и зжать и измолотить и в житницу всыпать ему Ивашку в пору. А в те ему 10 лет вольно в сибирские и в руские городы ездити, и пашни без себя не заложить, пахать людьми же или наемщики до урочных лет ежегод. Да ему ж Ивашку на той своей пашне двор устроить и во дворе избу и онбар поставити и гумно зделать и овин поставить и на ухоботье мекинницу зделать. А как 10 лет отойдет, и ему Ивашку всей своей пахоты половина насеять ржи и яри и отдать на государя, а пашенной свой завод, лошеди и сохи и сошники, после 10-ти лет вольно ему продать, а двор и всякое дворовое строенье отказать на государя. А будет он Ивашко за нашею порукою при себе и без себя до урочных 10-ти лет на // Лене реке выше заимки пашни торгового человека Еро-

фейка Павлова на лугу не учнет в 10 лет пашни пахать и на государя и на себя своими наемщики, и с первого году не учнет государю ото всей своей пахоты десятые десятины сеять в поле, а в дву по тому ж, или государевы десятые десятины не в пору учнет сеять и хлеб не в пору с поля прятать, или тот государев хлеб своим небереженьем зжав и обмолотя погноит, или двора и во дворе избы и онбара не поставит и на государев хлеб онбара не поставит же и гумна не зделает, или овина не поставит и на ухоботье мекинницы не устроит, и как 10 лет отойдет и он двора и избы и дворового строенья не откажет на государя, и на нас на поручниках государя царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии пеня, что государь укажет в ту 10 лет против ево Ивашкова уговору пашня и дворовоя строенья. А который нас порутчиков будет в лицах, на том государева пеня и пашня в ту 10 лет и дворовая строенья и порука вся сполна. На то послух торговой человек Иван Стефанов сын Морошкин Соли Вычегоцкой. Поручную писал енисейской служивой человек десятник казачей Мишка Кожевников лета 7149-го маия в 11 день.

На обороте 10 рукоприкладств.

Помета: 149-го маия в 15 день запись вклеить к делу и записать в приход.

К. 189, столб. 10 на 53 ставах; ст. 25—28.

96. *1641 г. августа 7. — Дело о разрешении торговому человеку Василию Дрягину вывезти к «Русе», купленого им якутского «малого».*

I. — Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии бьет челом сирота твой государев торговой человек Васька Левонтиев Дрягин. В нынешнем, государь, во 149-м году купил я сирота у служивого человека у Левонтья Тимофеева Губаря в Ленском остроге якуцково малова именем Первушку и купчюю на тово малова взял. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня сироту своего поволь, государь, тово мне якуцково малова с собою вывесть к Русе. Царь государь, смилуйся пожалуй.

II. — 149-го августа в 7 день стольники и воеводы Петр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов да дияк Ворфоломей Филатов роспрашивали якутцково малово, что у Василья Дрягина живет, как ево зовут и отец у него и мать ныне живы ль и роду ево и племени есть ли, и где тот малой взят на погроме. И малой якутцкой сказался, зовут де ево Тюкпос, а по руски имянем Первушка, Баатуруского роду, отца де у меня и матери и братьи и родников нет никово, а продал де меня Василью служивой человек Левка Губарь в нынешнем во 149-м году зимою, а дал де за меня 10 руб., а к себе де я в улус не хочю итти, потому что де у меня ни отца ни матери ни брата нет, а хочю де я жить ныне у Василья Дрягина.

Помета: 149-го августа в 8 день челобитную приклеить к роспросным речам, а малово отдать Василью Дрягину.

И тот малой отдан до указу Василью Дрягину.

К. 189, столб. 3 на 92 ставах; ст. 12.

97. *1641 г. августа 7. — Дело о крещении и отпуске на волю якутки Малнек, принадлежавшей енисейскому казаку Ивану Метлеку.*

I. — Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом сирота твоя государева якутцкая женка Малнек. Жалоба мне, государь, на гулящево человека на Шестово Онофреева сына в том: была яз сирота твоя куплена у енисейсково казака у Ивана Тимофеева сына Метлека, и держал меня сироту твою он Метлек за жены место, и прижил со мною двое детей, и в нынешнем, государь, во 149-м году послан был он Иван на твою государеву службу для твоего государева ясашнова збору, а меня сироту твою оставил до себя у тово Шестово, а приказывал ему Шестому он Иван тако: бог по душу ево Иванову пошлет на государеве службе, и ему Шестому велел меня отпустить на свою волю и з детьми; да со мною ж он Иван оставил корову дойную, да быка 3-х годовово, да кобылу; и тем яз скотом Ивановым платила долги Ивановы по кабалам; и судом божиим на государеве службе Ивана иноземцы убили, а тот Шестак меня сироту твою от себя не отпущает и детей моих у себя держит, а хочет меня сироту твою государеву и з детьми с моими поработать неведомо за что. Милосердый госу-

дарь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй, государь, меня сироту свою, вели государь меня и з детьми с моими учинить свободну, и вели, государь, мне сироте твоей в своей православной крестьянской вере быть и замуж итить в Якутцком остроге за тобольсково служилово человека за Микиту Семенова сына Лобана, чтобы мне сироте твоей у тово Шестово и з детьми своими напрасно не порабощенной быть и в Якутцком остроге волочася меж двор голодною смертъю не помереть. Царь государь, смилуйся пожалуй. ||

Помета: 149-го августа в 7 день против сей челобитной роспросить.

II. — И стольники и воеводы Петр Петровичь Головин с товарыщи, выслушав челобитную, тое жонку роспрашивал, которого улусу и как ее зовут, и отец у нее и мать ныне живы, и братья и родники есть ли, и ...[1] тех ли людей. И жонка якутцкая в роспросе сказалась Тагуские волости, зовут де меня Малнеком, взяли де меня енисейской казак Чюрка с товарыщи на Алдане тому де ныне 7 лет и продали де меня из войска Метляку, и жила де с ним Метляком и детей с ним прижила дву сынов, а в улус де я к себе не хочю, а хочю де я быть в православной крестьянской вере.

К. 189, столб. 3 на 92 ставах; ст. 14—15.

98. *1641 г. ноября 28. — Дело о крещении сына енисейского служилого человека Нестора Барабанского, прижитого от якутки.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом холоп твой государев енисейской служилой человек Нестерко Дмитреев Барабанской. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй, государь, меня холопа своего вели, государь, в Ленском остроге черному попу Семиону з братьею парнечка моево, прижитого с якутцкою бабою, окрестить и в православную веру привести. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 150-го ноября в 28 день послать к попам память, а велеть мальчика крестить.

К. 189, столб. 9 на 21 ставе, ст. 1.

99. *1642 г. января 4 — февраля 11. — Дело о крещении дочери якутки Быгей, прижитой от промышленного человека Пятово Васильева Косово.*

I. — Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии бьет челом твоя государева сирота якутцкая женка Быгей. В нынешнем, государь, во 150-м году сентября в 4 день отдала я сирота твоя письмяного головы Еналея Бахтеярова жене Марье дочеришку свою девочку Малку дву лет; а отдала я сирота твоя ту свое дочеришко, что мне поить кормить нечем; а та, государь, дочеришко мое руской прижиток. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня сироту свою, вели, государь, тое мое дочеришко окрестить. Царь государь, смилуйся пожалуй. ||

Помета: 150-го генваря в 4 день сыскать, русково ль прижитка девочка и челобитье записать.

II. — Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии бьет челом раба твоя письменово головы Еналея Бахтеярова жена Марьица. В нынешнем во 150-м году сентября в 4 день отдала мне якутцкая баба Быгей дочь свою девочку дву лет впроки, а прижитку та девочка у той якутцкой бабы русково промышленово человека Пятово Васильева Косово, а та якутцкая баба сошла в якуты, и той, государь, девочке и по ся мест молитва не дана. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня рабу свою, вели, государь, той девочке молитву попом дать и окрестить. Царь государь, смилуйся.

Помета: 150-го генваря в 4 день велеть служивых и промышленых людей поставить в сьезжой избе и про тое девочку теми людьми сыскать, русково ль прижитку та девочка или якуцково, и хто что в допросе про тое девочку скажет и те их речи записывать на роспись.

III. — И 150-го февраля в 11 день послать к попом память, а велеть девочку крестить, потому что та девочка руского прижитку.

К. 189, столб. 9 на 21 ставе; ст. 8—9.

---

[1] Одно слово не разобрано.

100. *1642 г. февраля 12—июля 9. — Дело о якутской женке Мынике, купленной ленским попом Василием Яковлевым, сбежавшей от него, затем пойманной и, наконец, пожелавшей креститься.*

I. — Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии бьет челом твой государев нищей богомолец ленской поп Васильище Яковлев. Жалоба, государь, мне Тагильские волости на якута на Агрунея, а отца имяни не знаю. В прошлом, государь, во 149-м году ушла у меня купленая якутцкая моя женка Мыник и та женка объявилась у тово якута Аргуней. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня нищего своего богомольца вели, государь, тое мою якутцкую женку поставить в Якутцком остроге. Царь государь, смилуйся пожалуй. //

Помета: 150-го февраля в 13 день послать память, а велеть якута и жонку поставить в Якуцком остроге, и вместо памяти дана государева печать служивому человеку Матюшке Кишееву з двеми узолки.

II. — Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии бьет челом нищий твой государев богомолец поп Васильище Яковлев. В прошлом, государь, во 149-м году купил я нищий твой государев богомолец у промышленого человека у Ивана Исакова ясырь купленую женку имянем Мыник, и в том, государь, в прошлом во 149-м году весною та моя купленая якольская женка ушла, а живет де она на Сите у родника своего у якута имянем Утюляка. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй, государь, меня нищаго своего богомольца вели, государь, тое мою купленую якольскую женку у того якута Утюляка сыскать и поставить в Ленской острог. Царь государь, смилуйся пожалуй. //

Помета: 150-го февраля в 12 день велеть тое женку сыну боярскому и целовальнику на Сите сыскать и роспросить, у ково она у руских людей жила в Якуцком остроге и продана ль она попу Василью; и будет скажет, что она жила у руских людей и попу Василью продана, и тое женку прислать в Якуцкой острог.

И того ж дни пономарь Ивашко про тое женку допрашиван и в роспросе сказал: женку попу Василью продал, а он де купил ту женку у промышленого человека и купчюю старую попу Василью отдал.

III. — 150-го февраля в 15 день по челобитной белово попа Василья Яковлева служилой человек Матюшка Кипиев да промышленой человек Ивашко Исаков в Бетунской улус ездили по тагусково якута по Угрунейка. В прошлом де во 149-м году ушла де у него якутцкая женка купленая именем Мыник, и та де женка живет у того якута у Угрунейка, и служивой человек Матюшка с товарыщем привезли тое беглую женку Мыника в сьезжую избу, и стольники и воеводы Петр Петровичь Головин да Матвей Богдановичь Глебов да дияк Еуфимей Филатов тое женку Мыника роспрашивали: у руских людей преж живала ли, и буде живала и хто ее руским людем продал, и долго ли жила у руских людей, и у попа у Василья жила ли, и как от попа отошла. И та женка Мыник в роспросе сказала: роду де Бетунсково, а продал де ее руским людем зять ее Тюляк Чапин сын промышленому человеку Фролку Самойлову, а взял де за нее полтину денег да 10 прядок бисеру белово, а Фролко де ее продал пономарю, а взял де у пономаря 2 руб., а пономарь де ее продал попу Василью, ту ж цену 2 руб. взял; и у попа де пожила немного да весною де збежала, а нихто меня не подговорил сама де собою збежала от попа Василья, а снесла де от попа старое женское шубенко да ветошное рубашенцо да котишка на ногах снесла, а ныне на себе в роспросе ж сказала верхнюю шубу якутцкую мускую да на ногах торбасы чюжие, якута Оргунейка шуба и торбасы, а исподняя де шуба женская ее Мыникова. И после роспросу стольники и воеводы Петр Петровичь Головин да Матвей Богдановичь Глебов да дияк Еуфимей Филатов тое женку, что от попа бегала, Мыника, отдали ему попу Василью.

IV. — 150-го июля в 9 день била челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии якупкая женка Манюк, а в сьезжей избе стольникам и воеводам Петру Петровичю Головину, Матвею Богдановичю Глебову подала челобитную, а в челобитной ее пишет: // Царю государю и великому князю

Михайлу Федоровичю всеа Русии бьет челом твоя государева сирота якутцкая женка Манюк. В прошлом, государь, во 147-м году продал меня бетунской мужик Беллик промышленому человеку Фролу Семенову, взял за меня котел да бисеру фунт да полтину денег; и тот, государь, Фрол держал меня у себя и продал меня промышленому человеку Ивану Исакову сыну Соколову, а взял за меня рубль денег; а тот Иван Исаков продал меня в прошлом во 149-м году попу Василью, а взял за меня тот Иван у попа 2 руб., и ныне я живу у попа Василья, а в якуты не хочю, а хочю в православную веру християнскую креститься, и живу у Василья попа. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня сироту свою вели, государь, меня якутцкую женку Муннюка в Ленском остроге окрестити и во православную веру привести. Царь государь, смилуйся. //

V. — И того ж числа та женка против челобитья своего допрашивана, крестится она хочет охотою ли, или поневоле, или хто ее научил, и своею ли охотою государю бьет челом о крещенье, и на свою волю в якуты хочет ли она. И та женка в допросе сказала: на свою де я волю итти не хочю, а креститца де я хочю, а у попа жыть не хочет же, а поп де ее купил у промышленово человека у Ивашки Исакова; а Ивашко де купил у Фролка, а Фролка де купил у якутов. И против ее роспросных речей послана память попам о крещенье. //

VI. — Список с купчей слово в слово. Се яз Фрол Сомойлов сын зырян вымихтенин промышленой человек продал есми в Ленском остроге промышленому же человеку Ивану Исакову сыну Соколовых женку свою ясырку якутсково роду именем Мыник, а взял яз Фрол за тот свой ясырь рубль денег наперед все сполна, а тот мой ясырь нигде ни в закупе ни в закладе. А в снимьке, и в очищенье от купьчих и от закладных яз Фрол, во всем окупать и очищать мне Фролу, а убытка не привести никоторого к нему Ивану, в том яз Фрол. На то послух промышленой человек Ондрей Иванов пинежанин руку приложил. А купчюю писал площадной подьячей Пантелей Федоров лета 7149-го году генваря в 18 день. // А позади пишет: Ондрюшка Иванов послух руку приложил.

На обороте: К сему списку поп Василей руку приложил.

VII. — Список с купчей слово в слово. Се аз Иван Исаков сын Соколов устюжанин посадской человек продал есми в Ленском остроге священнику Василью Яковлеву ясырь женку якутскую, именем Мыник, что купил яз Иван у промышленова человека у Фрола Самойлова, да прежную купчюю ему же попу дал. А взял яз Иван за тот свой ясырь у него попа 2 руб. денег у сей купчей наперед все сполна, а та женка нигде ни в закладе ни в закупе ни в каких писмяных крепостех; в снимке и в очищенье яз Иван, а к нему попу убытка в тое женке не привести никоторово, в том яз Иван на ту женку купчюю дал. На то послух служилой человек Тимофей Михайлов. А купчюю писал в Ленском остроге площадной подьячей Пантелей Федоров лета 7149-го году // февраля в 16 день. А позади пишет: к сей купчей Ивашко Исаков руку приложил. Послух Тимошка Михайлов руку приложил.

На обороте: К сему списку поп Василей руку приложил.

К. 188, столб. 23 на 85 ставах; ст. 35—44.

101. *1642 г. сентября 27. — «Явка» ленского казака Саввы Клементьева на промышленного человека Семена Берняту в невозвращении заложенной ему Саввой «якутской бабы» Натальи.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом и являет холоп твой государев ленской казак Савка Клементьев. Жалоба мне, государь, на промышленово человека на Семена Давыдова Берняту в том: в прошлом, государь, во 150-м году заложил я Савка ему Семену якутцкую бабу имянем Натальицу в полу-14-ти рублех на строк на Покров пресвятой богородицы 151-го году. И я Савка до тово строку сентября в 22 день пришел к нему Семену з деньгами тое бабу выкупати, и тот Семен тое бабы на выкуп не выдает, а неведомо где ее дел. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня холопа своего вели, государь, сию явку

принять под Ленским волоком в таможне целовальнику Михайлу Пиминову и поблюсти на время. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 151-го году сентября в 27 день принята явка.

К. 189, столб. 22 на 1 ставе.

102. *1644—45 гг. — Отписка якутского воеводы Василия Пушкина с товарищами в Сибирский приказ о прибытии в Енисейск ссыльных людей, вяземского казака Максима Гриняева с товарищами, и о пребывании в Енисейске ссыльных черкес, неустроенных в пашню на реке Лене.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Васька Пушкин, Кирилка Супонев, Петрушка Стеншин челом бьют. В твоей государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте за приписью твоего государева дьяка Григорья Протопопова, какову в прошлом во 152-м году июня в 1 день прислал к нам холопем твоим в Тобольску воевода князь Григорей Куракин с товарыщи, написано: по твоему государеву указу велено им князю Григорью Куракину с товарыщи послать ис Тобольска на великую реку Лену к стольнику и воеводам к Петру Головину с товарыщи, за измену, Елизарьева человека Квашнина Данилка Иванова да вяземского поместного казака Максимка Гриняева с вотчимом ево с Карпом Степновым, а на Лене, государь, велено Петру Головину с товарыщи тех казаков Максимка Гриняева с вотчимом ево с Карпиком поверстать в службу, а Елизарьева человека Квашнина Данилка Иванова где пригож устроить в пашню; да о том к тебе государю отписать к Москве. И в нынешнем, государь, во 153-м году те ссыльные люди, вяземской поместной казак Максимко Гриняев с вотчимом с Карпиком Степановым да Елизарьев человек Квашнина Данилко Иванов, ис Тобольска в Енисейской острог присланы. А как, государь, они будут на Лене, // и Елизарьева человека Квашнина, где будет пригоже доведетца устроить в пашню, и что ему против иных ссыльных людей дать ссуды и подмоги ис каких доходов и чем ево до тех мест, покамест он учнет хлеб пахать и на себя хлеба на[па]шет, кормить ис каких запасов, и откуда семенной хлеб дать, и тово в твоей государеве грамоте не написано. А ссыльных, государь, людей на Лене реке в пашне не писаны ж. А которые, государь ссыльные черкасы наперед сего посланы были на великую реку Лену к воеводам к Петру Головину с товарыщи в пашню ж, и по твоему государеву указу по коих мест на Лену устроят в пашню, до тех мест велено тех черкас кормить твоими государевыми запасы, а хлеб семенной дать им велено из Енисейской пахоты. И те, государь, черкасы ныне в Енисейском остроге, а по се число на Лене в пашню не устроены, а твои государевы хлебные запасы, которые ленским служилым людем и ружником и оброчником посланы ис Тобольска, и те твои государевы хлебные запасы в Маковском острожке, а иные в Енисейском остроге. А на Лене и на Ленском волоку многое не в довозе. И о том нам холопем своим что ты государь укажешь.

К. 191, столб. 2 на 43 ставах; ст. 12—13.

103. *1645 г. января 20. — Отписка якутского воеводы Василия Пушкина с товарищами в Сибирский приказ о неприбытии в Енисейск колодников, Марка Семенова с товарищами, и о трудностях устройства на Лене ссыльных людей в пашню из-за дороговизны и отсутствия на Лене хлеба, лошадей и «всякого пашенного завода».*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Васька Пушкин, Кирилко Супонев, Петрушка Стеншин челом бьют. В нынешнем государь во 153-м году декабря в 25 день в твоих государевых царевых и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии дву грамотах за приписью твоего государева дьяка Григорья Протопопова писано к нам холопем твоим, по твоему государеву указу велено послать ис Тобольска воеводам князю Григорью Куракину с товарыщи до Енисейского острогу, а из Енисейского острогу воеводе и подьячему на великую реку Лену к нам холопем твоим за воровство гулящих людей Макушку Семенова, Рокитку Иванова, Корнилка Сырцова, Федьку Тимофеева, Федьку Обросимова, Ваську Мартынова, Ивашка Мельника Тюринка да

Костромского уезду Данилова крестьянина Супонева Марчка Иванова Дураченка. А на Лене, государь, нам холопем гвоим тех колодников Макушку Семенова с товарыщи шти человек и Данилова крестьянина Супонева Марчка Дураченка на Ленском волоку или где пригож устроить в пашню против иных таких же ссыльных людей, а Ивашка Мельника поверстать в службу в стрельцы, да о том к тебе государю отписать. // И те, государь, колодники Макушка Семенов с товарыщи и Данилов крестьянин Супонева Марчко Дураченок ис Тобольска в Енисейской острог генваря по 20 число нынешняго 153-го году не присылываны. А как, государь, они будут на Лене, и что для твоей государевы пашни нам холопем твоим дать им ссуды и подмоги ис каких доходов и чем их до тех мест, покаместа они учнут хлеб на себя пахать и хлеба напашут, кормить ис каких запасов, и откуды семянной хлеб дати, и того в твоей государеве гремоте к нам холопем твоим не написано. А на Лене, государь, и на Ленском волоку твоих государевых хлебных запасов мало. А которые из Тобольска в Маковской острог и присланы, и те многие ныне хлебные запасы лежат в Маковском и в Енисейском остроге, а по се, государь, число под Ленской волок не пересыланы. И на Лене и на Ленском волоку никаких ссыльных людей на пашнях нет. И тех ссыльных людей против иных таких же ссыльных людей в пашенные крестьяне чем устроить, х тому приміритца не х чему, потому что на Лене и на Ленском волоку покупать лошеди и всякой пашенной завод перед иными сибирскими городами дороже в 2 или в 3, да и купить де опрично Енисейского острогу того ничего не добыть. И о том что ты, государь, нам холопем своим укажешь.

На обороте: 153-го генваря в 20 день такова отписка послана до Кецкого острогу с кецким служилым человеком с Федотком Кузьминым Меньшово.

К. 191, столб. 2 на 43 ставах; ст. 14—15.

104. *1645 г. не ранее сентября 9. — Челобитная верхоленского пашенного крестьянина Оверкия Елизарьева о предоставлении ему льготы в виду разграбления его «братскими людьми» и тунгусами.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии бьет челом сирота твой государев верхоленской пашенной хрестьянин Оверка Елизарьев. В прошлом, государь, в 152-м году бил челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и подал челобитную [в] Верхоленском острожке петидесятнику Курбату Иванову, чтобы ты, государь, меня сироту своего пожаловал, велел быть верх по Лене реке у речки на усть Тутуры в пашенных хрестьянех на льготные годы, и после льготных годов давать тобе государю [с] своей пашни 10-й сноп. И по государеву указу и по наказной памети стольников и воевод Петра Петровича Головина, Матфия Богдановича Глебова, дияка Еуфимия Филатова петидесятник Курбат Иванов велел мне сироте твоему быть в пашенных хрестьянех, и пахать верх Лены реки на усть Тутуры пашню велел. И посиял я сирота твой на усть Тутуры реки ржы ко 153-му году 14 десятин своими коньми и своими работники и симяны и всяким деревенским заводом; и в прошлом, государь, во 153-м году приежали ко мне сироте твоему на пашню на усть Тутуры братцкие люди и тынгусы, и дворишко у меня сироты твоего сожгли, и скотишка у меня кони и коровы отогнали, и всякой деревенской завод взяли, и я сирота твой стал от тех брацких людей разорен совсем до основания, и посеяной хлеб ко 153-му году вызяб весь до тла, и я сирота твой обнищал и одалжал великими неокупными долги. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня сироту своего, вели, государь, мне сироте своему впредь пахать на той заимке верх Лены реки у Тутуры на льготу, а о льготе, что ты, государь, укажешь, чтобы мне сироте твоему впредь вконец не погинуть и твоей государевы пашни не отбыть. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 154-го сентября в 9 день воеводы Василей Никитич Пушкин да Кирило Осиповичь Супонев по государеву указу велели ему Оверке Елизарьеву вместо льготы для ево разоренья, и что у него ныне хлеб рожь вызебла, с ево пашни, что он к нынешнему ко 154-му году ржи государевыми семены 16 десятин сеял, и с той пахоты с половины сотни десятин десятого снопа не платить, а с другой половины сотни ж десятин, как аже бог даст родитца сверх государева семен-

ного хлеба, что ему дано взаймы, платить десятой против государева указу, а вперед ему в государеве хлебе что с пахоты платить, что государь укажет.

К. 190, столб. 23/а на 28 ставах; ст. 28.

105. *1645 г. сентября 22. — Наказня память якутского воеводы Василия Пушкина с товарищами промышленным людям Алексею Шелонику и Ивану Реброву о назначении их таможенными целовальниками на реку Оленек.*

Лета 7154-го году сентября в 22 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу память на Оленек промышленому человеку Олешке Никитину Шелонику, Ивашку Реброву. Быти б тобе Олешке на Оленке реке у государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии десятинной соболиной казны и у всякого таможенного збору в целовальниках. А будучи им в тех местех, на Оленке и на иных реках збирать государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии таможенная всякая десятинная пошлина с служивых и с торговых и с промышленых и со всяких людей деньгами и мяхкою рухлядью от 9-ти десятого зверя, от лутчих лутчево, от середних середнего, розбираючи ровнаго зверя, с соболей и с лисиц и з бобров и со всякого зверя. И всяким государевым таможенным делом и десятинным збором промышлять с великим радением, неоплошно, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии крестному целованью и по сей памяти, чтоб тобе целовальнику учинить в государеве в таможенном и в десятинном зборе прибыль, которая б впредь была прочна и стоятельна, а торговым и промышленым и всяким людем не в большую тягость и не в налог. А которые торговые и промышленые люди учнут приезжать для своих торгов и промыслов из Енисейского острогу и из иных сибирских городов с своими с рускими с весчими товары и с хлебными запасы с проезжими грамотами за государевыми городовыми печатьми, или хто привезет с собою какие чюжие товары или хлебные запасы, и целовальнику Олешке у торговых и промышленых людей по их проезжим грамотам те их привозные и всякие руские товары и хлебные запасы пересматривать все налицо. Да будет у ково у торговых или у промышленых людей сыщетца сверх проезжих грамот, которого города ни есть откуды прийдет, в лишке каких руских товаров или хлебных // запасов, с которых руских товаров и хлебных запасов в Якутцком остроге и на Лене и в ыных сибирских городах государева десятая и отъезжая пошлина не взята, и целовальни[ку] Олешке те лишные руские товары и хлебные запасы записывать и присылать на великую реку Лену в Якутцкой острог в съезжую избу и тех людей за поруками их и лишные товары, и те их лишные товары и хлебные запасы по государеву указу взяты будут на государя на великой реке Лене. А с которых руских товаров или с промышленых заводов и хлебных запасов у торговых и у промышленых людей по проезжим их грамотам государева десятая и отъезжая пошлина не взята для того, как они прийдут с своих соболиных промыслов, и с них возмется государева десятая пошлина мяхкою рухлядью, а хто ис тех торговых и ис промышленых людей, не ходя на соболиной промысел, исторгуетца своими рускими товары и хлебными запасы и всякими промышлеными заводы на мяхкую рухлядь, и с тех людей государева десятая пошлина имать с одного конца, с которого буди конца в приценке больши объявитца руских товаров или хлебных запасов или мяхкой рухляди имать десятая мяхкою рухлядью, с которого конца прибыльнее. А как с промышленых с их промыслов промышленую, а с торговых людей перекупную государеву десятую пошлину возмете, и их торговых и промышленых людей как учнут отпущать с Оленка с их мяхкою рухлядью в Якутцкой острог, и у них тое мяхкую рухлядь товары и проезжие памяти им давать на тое мяхкую рухлядь по одной, а не по 2 врознь на одну рухлядь за своею рукою и печатью. И о том писать с Оленка реки в Якутцкой острог подлинно против их проезжих грамот, сколько у ково у торгового или у промышленого человека своего промыслу или купленой мяхкой рухляди государевы десятинной пошлины взято, чтоб нихто тайно и не платя государевы десятой пошлины не выезжали и никакие мяхкие рухляди не вывозили, и тем бы ими не корыстовались и в государеве казне убыли и в десятинном зборе недобору не учинити, нихто б в ызбылых не был. А тово // ему цело-

вальнику смотреть и беречь накрепко, чтоб торговые и промышленые люди, приезжие и енисейские служивые и посадцкие люди, мимо тово места, где збираетца государева десятая таможенная и всякая пошлина, по волостям и по юртам и по зимовьям рускими своими товары и хлебными запасы ни с какими людьми не торговали. А которые торговые и промышленые люди седят от таможенного зимовья по дальным зимовьям, и ему целовальнику Олешке ходить по тем верхним и нижным зимовьям Оленским, имать государева десятая и перекупная и всякая пошлина по государеву указу со всяких людей. А того смотреть и беречь накрепко, чтоб нихто ни какими мерами на Оленке реке без годового оброку не был и собольми б, не платя государевы десятой пошлины и перекупной, не торговали и не промышляли. А от зимовья до зимовья имать под государеву казну подводы промышленых людей. А книги велеть писать промышленым же людем, кому доведетца, ково с такое дело станет. Да будет понадобятца служивые люди на сильных и на непослушников, и служивых людей имать сколько надобно. А торговые и промышленые люди торговали бы тут, где збираетца государева таможенная пошлина, и те свои руские товары и хлебные запасы и мяхкую рухлядь объявливали на Оленке реке целовальнику Олешке в таможенной избе. И чтоб в той государеве таможенной пошлине истери и порухи не было. А с тех людей с товаров их имать на государя с продавца порублевые пошлины: Якутцкого острогу с служивых людей и с пашенных крестьян с рубля по 2 д., а с посадцких с енисейских и с торговых и с промышленых и со всяких людей имать с рубля по алтыну. А которые служилые и промышленые или посадцкие и торговые люди учнут товары покупать на скуп у всяких людей, и те бы люди те свои товары объявливали ему целовальнику Олешке в таможне. А имать с тех товаров // на государя перекупная пошлина с рубля по алтыну. А хто каких товаров в таможенной избе не объявит, а проведает про то целовальник, и ему целовальнику Олешке на тех людях имать протаможье по 2 руб. по 4 алт. по полуторе деньги. А которые енисейские служивые и посадцкие и торговые и промышленые и всякие люди учнут привозить с Руси и з сибирских городов какие товары на продажу, и те бы люди свои привозные товары объявливали ему целовальнику Олешке, а ему те товары у всяких людей записывать имянно. А пошлины имать на государя с служивых людей с рубля по 2 д., а с торговых и с промышленых и со всяких людей имать с рубля по алтыну. А которые промышленые люди приидут с промыслов и явятца в таможенной избе с своею мяхкою с промышленою рухлядью, целовальнику Олешке того смотреть и беречь накрепко, у каких людей объявитца в таможенной избе на явке, или где на стороне, лисицы черные и чернобурые оленскою ценою рублев в 10 и в 15 и в 20 и в 30 и в 40 и в 50 и больши, или бобры черные добрые, или соболи одинцы добрые ж, оленскою ценою рублев в 5 или в 6 и в 10 и больши, и ему целовальнику Олешке те лисицы и бобры и соболи записывать, имать на государя. И тот зверь доброй, соболи и лисицы и бобры, запечатав своею печатью, со отпискою прислать на великую реку Лену в Якутцкой острог. И тем людем, у ково объявитца какой доброй зверь, давать деньги ис таможенных доходов по цене. А которые люди в таможенной какой пошлине учинятца сильны, и ему целовальнику Олешке на тех сильных и непослушных людей имать служивых людей и тех непослушников сильных людей смир[ить] накрепко, имать на них на государя пени по указу, чтоб одноглишно в таможенном зборе порухи и недобору не было. Да на тех же сильных и непослушных людей писать по государеву указу с Оленка реки на великую реку Лену в Якутцкой острог, а их ослушных и сильных людей подавать на крепкие поруки з записьми до государева указу. И как государева таможенная и десятинная и всякая пошлина зберетца, // и тебе целовальнику Олешке с государевою таможенною казною и с книгами быть в Якутцкой острог и книги десятинные и перекупные привесть с собою ж по полой воде весною с первыми людьми двои, одни подать в съезжую избу, а другие в таможню, чтоб поспела государева казна и книги послать к государю к Москве, а с Оленка реки от государева дела мимо Якутцкой острог в сибирские и в руские городы и к Москве не выезжать. И збирать на государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси таможенная и десятинная и всякая пошлина в правду по государеву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии

крестному целованью, другу не дружить, а недругу не мстить и посулов и поминков ни у ково ни от чево не имать, и своими никакими товары самим и братьям их безпошлинно не торговать, и для посулов и поминков виноватых людей ни в каких статьях не укрывать, и таможенным государевым никаким збором не корыстоватца. А которые служивые люди ленского розряду на Оленке реке ныне для государева ясашного збору, и те бы служивые люди мимо государевых товаров своими товары с ыноземцы до ясашного збору однолишно с ясачными людьми не торговали. А буде которые служивые люди, ясашные зборщики, после ясашного збору купять у иноземцов что какой мяхкой рухляди, и та их мяхкая рухлядь записывать особою статьею и присылать в Якутцкой острог за своею печатью, а цену той мяхкой рухляди писать, а хто что даст и у ково именем сколько какие мяхкие рухляди взято будет. А с их служивых людей промыслов имать десятая и перекупная пошлина по тому ж, как и на торговых людех. А однолишно ему целовальнику Олешке, будучи на Оленке реке, государевы таможенные и десятинной збор збирать и всяким таможенным делом промышлять с великим радением, неоплошно, по государеву указу и по сей памяти в правду по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии кресному целованью, на чем он Олешка государю крест целовал, и искать тебе во всем государеве казне прибыль, которая прибыль и впредь государю была прочна и стоятельна, а всяким // бы людем не в большую тягость и не в налог. А торговые б и промышленые люди соболиной своей мяхкой рухляди и денег сверх проезжих грамот тайно не вывозили ж. И того смотреть накрепко да и о том заказ учинить крепкой всем торговым людем и промышленым, чтоб нихто с Оленка реки в иные сибирские городы мимо Якутцкого острогу не выходили, чтоб в том не терялась в Якутцком остроге государева пошлина. А которые торговые и промышленые люди учнут на Оленке реке годовать, и с тех торговых и промышленых имать на государя пошлина по 8 алт. по 2 д. с человека, а явчего по алтыну. А того смотреть и беречь накрепко, чтоб нихто торговых людей и промышленых не явясь, и не платя государева оброку и явчего, на Оленке не жили и безпошлинно не торговали и лишних товаров и денег и мяхкой всякой рухляди сверх проезжих не вывозили, одноконешно тово смотреть и беречь накрепко. И о том им служивым людем заказ учинить крепкой всем торговым людем и промышленым, чтоб нихто на море к острову, где сказывают заморной зуб, не ходили и дороги б туда не прокладывали. И во всем тобе Олешке государю служба своя и радение показать, чтоб тебе тою своею службою и радением учинить в государеве казне // прибыль, а себя б за то видеть в государеве милости и в жалованье. А буде ты целовальник Олешка учнешь, на Оленке будучи, таможенные всякой пошлины и десятинной мяхкой рухляди збор збирать и таможенным делом промышлять оплошно, или таможенными деньгами и десятинною мяхкою рухлядью учнешь в чем корыстоватца, или кому друзьям своим, торговым и промышленым людем, учнешь в таможенных пошлинах и в десятинной мяхкой рухляди наровить и пошлины с чего отдавать, а от того у них собе посулы и поминки имать, и торговых и промышленых людей и их покручеников, которые с соболиных и со всяких звериных промыслов учнут приходить на Оленек, а ты их по именам в десятинные книги всех писать не учнешь, и что у них соболей и лисиц черных и чернобурых и бурых и бобров и всяково зверя на всякого человека в лову будет имянно писати в книги не станешь, и тем его целовальничьим нерадением в том во всем в государеве казне в таможенных доходех и в десятинной мяхкой рухляди недобор будет, или у ясашных зборщиков у служивых людей мяхкие рухляди обыскивать не учнешь, или у торговых и у промышленых и у всяких людей соболиной мяхкой рухляди и денег и что они повезут сверх проезжих грамот также обыскивать и на государя имать не учнешь, и им в том во всем для своей бездельной корысти наровить, и от тово у них посулы и поминки собе имать учнешь, или в сибирские городы и на Тунгуску и на Исей озеро и в Песиду твоим небережением пройдет хто торговых и промышленых людей, или иное что учнешь делать не по государеву указу и не по сей памяти, а опосле про то сыщетца, и тобе целовальнику Олешке // за то по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу быть в жестоком наказанье и в торговой казне. А однолишно б

тобе целовальнику Олешке ни в которые в сибирские и в руские городы торговых и промышленых людей не пропущать и того беречь накрепко, чтоб торговые и промышленые люди с Оленка реки в Пясиду и на Исей озеро и на Нижную Тунгуску нихто не перешел. И тово проведывать накрепко, буде которые торговые и промышленые люди похотят итить с Оленка реки в Пясиду и на Исей озеро и на Нижную Тунгуску, и ему целовальнику тех торговых людей передавать на крепкие поруки з записьми. А промышленых будет, которые похотят итить на Тунгуску и в Пясиду и на Исей озеро, и тех промышленых людей и вотащиков всех и передовщиков дать на поруки з записью, чтоб ему своей вотаги никого товарыщев своих на Нижную Тунгуску и в Пясиду и на Исей озеро не отпущать для того, чтоб нихто с Оленка реки в Пясиди и на Исей озеро и на Нижную Тунгуску, не платя государевы десятые пошлины, не перешел, чтоб в том их переходе на Лене в Якутцком остроге государеве десятинной и перекупной соболиной казне збору порухи не было.

К. 190, столб. 31 на 16 ставах; ст. 1—8.

106. *1645 г. ранее октября 15. — Отписка десятника Осипа Семенова якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами о неприбытии на устье реки Куты якутской соболиной казны и о присылке распоряжения о выделении государева десятинного хлеба и перемере земли на заимках по рекам Орленге и Тутуре.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василью Никитичю, Кирилу Осиповичю, дьяку Петру Григорьевичю десятник Осипко Семенов челом бьет. Прислана память на усть Куты к Соле с служилым человеком с Петрушкою Михайловым ленскому пятидесятнику Митьке Вятке. И про государеву казну соболиную вести к Соли не бывало ни от ково, ни от служилых людей, не ведомо она из Якутцкого пошла, не ведомо не пошла. Да что мне холопу государеву велено у Соли анбары ставить 2, хлебной и соляной, наймовать из государевы казны, и у Соли промышленных людей нет никого, розошлись по соболиным промыслом и нанять некого. И государево хлебное молоченье за анбары стало, и соли государевы перемиривать не во што. А лесу де с нодельных сухих 85 бревен получетвертых сажен печатных есть у служилого человека у Ивана Пуляева, а в отрубе 6-ти вершков и 5-ти и меньшая статья в четверть, а цены хочет за бревно по алтыну. Да приходили ко мне промышленые люди из зимовей, били челом о суде по кабалам на пашенных и на свою братью в невелике, в рубле и в 2-х. И у меня в наказе не указано, что им промышленым людем и пашенным друг на друга суд давать и я их посылал на Илим. И они говоряг, ходить де нам на Илим неделя, и нам свой и промысел потерять. Да велено мне Осипку с товарыщи ходить на Орленгу и на Тутуру для государева выдельного десятинного хлеба и для земляного десятинного розмеру. И мы холопи итти хотели нынеча, и на заимках пашенных Офоньки и Оверки нет, роспрошать не у кого, сколько на которой десятине уродилось хлеба. А ходу на те заимки недель 5 и 6 и больше, и в те поры ясашной збор долго минетца. А тунгусы ясашные стоят не в одном месте, вниз по Лене реке ниже Таюры и по Куте реке. И буде нонеча ходить на те заимки, и ясашной збор станет, кабы тунгусы на лес не подънялися для звериного промыслу. А в прошлых годех государев ясак збирать ходим по гололеди и збираем государев ясак до Николина дни осенного. И вы воеводы Василей Никитичь, Кирило Осиповичь, дьяк Петр Григорьевич о том орленском и тутурском ходу и о анбарах что укажете, и соляной анбар ис какого лесу ставить, сырой лес годитца ли или нет, и о кою пору ходит[ь] на те заимки.

На обороте: Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василью Никитичю, Кирилу Осиповичю, дьяку Петру Григорьевичю.

154-го октября 15 день.

К. 190, столб. 25 на 17 ставах; ст. 12.

107. *1646 г. не позднее июля 3. — Дело о крещении якутской девочки и русского мальчика, принадлежащих черному попу Перфирею.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом твой государев нищей богомолец черной поп Перфирей. Милосердый госу-

дарь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня нищего своего богомольца вели, государь, священником ясыришка мои окрестить, девочку якутцкую купленую, именем Анютку, куплена у служивого человека у Парфенка Григорьева, а молитва ей дана, да паренька дву лет, руской прижиток. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 154-го июля в 3 день воеводы Василий Никитичь Пушкин да Кирило Осиповичь Супонев велели тое девку крестить для того, что и молитва дана, и о том дать память.

К. 191, столб. 23 на 145 ставах; ст. 3.

108. *1646 г. июля 9—22. — Дело об отпуске на волю якутки, принадлежащей ленскому служилому человеку Григорию Киселю.*

I. — Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом холоп твой ленской служилой человек Гришка Васильев. В прошлых, государь, годех был у меня холопа твоего куплен ясыренко в юртах, якутцкое девоченко имянем Кубык. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня холопа своего поволь, государь, мне ныне то мое ясыренко якутцкое девоченко отпустить на волю в якутцкие юрты, а та моя девка ясырь не крещена, и молитва ей не дана. Царь государь, смилуйся пожалуй. //

Помета: 154-го июля в 9 день роспросить ясырка, чьево роду и как взята, на погроме ль или насильством служилые люди взяли, да и служилый людей роспросить же, которые с ним были; а будет есть отписка, и про тое бы отписку приискать.

II. — И июля в 10 день в сьезжей избе по челобитной служилого человека Гришки Киселя ясырка допрашивана, которого она роду, на погроме ли или насильством служилые люди взяли. И ясырка в роспросе сказалась: Кобоком зовут, Катылинского роду с Янги реки государева ясачного якута Барчиги; а муж де ее был Кыпского роду, Догончюю звали, а ясаку де он с себя платил по 2 соболи; и муж де ее умре тому де есть года с 3, а как де муж ее умре, и после де мужа ее отца ее брат, а ей Кобоку дядя, ясачной якут Черокой продал ее служилому человеку Гришке Киселю, а взял котел да таз медной да пальму да хвост коневей да сеть, и ныне де она хочет замуж за якута.

Да июля ж в 22 день в сьезжей избе у роспросу служилой человек Евсевейко Павлов сказал: как де он во 152-м году был для ясачного збору на Янге и то де слышал от брата ее Кобокова, а как ево зовут того не помнит, что де тот Гришка Кисель тое бабу Кобока сильно у них взял, а деньги не дал.

К. 191, столб. 23 на 145 ставах; ст. 10—11.

109. *1646 г. июля 22 — ноября 25. — Дело о крещении якутской «девки», принадлежащей диакону Спиридону.*

I. — Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом нищей твой государев богомолец диакон Спиридонище. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня богомольца своево вели, государь, купленого моего ясыря якутскую девку якутским имянем Тыазал, а руским имянем Окулинку, окрестить. Царь государь, смилуйся пожалуй. //

Помета: 154-го июля в 22 день роспросить, какая она, не ясачная ль и у ково куплена.

II. — И того же числа Якутского острогу соборной церкви диакон Спиридон против своего челобитья в допросе сказал: В прошлом во 154-м году маия в 24 день продал ея служивой человек Олешка Лукьянов Якутского острогу соборной церкви черному попу Семиону, и того ж 154-го году июня в 13 день он же черной поп Семион той девке дал молитву, а имя ей нарек Акилина; и того же 154-го году июля в 13 день он же черной поп Семион тое девку имянем Акилинку продал мне диакону.

На обороте: К сим допросным речем диакон Спиридон руку приложил.

Помета: 155-го ноября в 25 день память о крещенье духовных дел к приказным попом к Ивану и к Панфиле дана.

К. 191, столб. 23 на 145 ставах; ст. 30—31.

110. *1647 г. февраля 11—19.— Дело о крещении якутской «девки», принадлежащей якутскому казачьему пятидесятнику Мартыну Васильеву.*

I. — Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом холоп твой Якутцкого острогу пятидесятничишко казачей Мартынко Васильев. В прошлом, государь, во 154-м году купил я холоп твой у якута девку именем Бакаяна для своей роботы. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Русии, пожалуй меня холопа своего для моей старости и увечья моего вели, государь, мне холопу своему ту купленую работную девку в православную христианскую веру привесть, попу молитву дать и крестить. Царь государь, смилуйся.

Помета: 155-го февраля в 11 день роспросить.

II. — И того ж числа в сьезжей избе якуцкая девка роспрашивана, а в роспросе сказалась: Бакаяном зовут, Еюкова дочь; отец де ее Еюк жил в Атамайской волости, а ясаку с себя государю не давал, жил в боконах меж якутов; а она де осталась после отца своево мала, и жила в той же Атамайской волости у якута Откюнка Чимчина, а продал де ее он якут Откюнка пятидесятнику Мартынку Васильеву весною, тому будет ныне 2 года, и креститца де она в православную крестьянскую веру из воли хочет. Речи ее толмачил Онтюшка Одинцов.

III. — 155-го февраля в 19 день воеводы Василей Никитич Пушкин да Кирило Осиповичь Супонев, сей выписки слушев, велели ему тот купленой ясырь крестить, а крестя и в том по нем взять поручную запись, что ему самому блудом с нею не воровать и беззаконо не жить и рабе . . .[1] неволять, а держать ее для работы у женатых казаков или у промышленых людей, которые з женами живут.

Помета: Против челобитья и дьячей пометы духовных дел приказным попом память послана.

К. 191; столб, 23 на 145 сставах; ст. 41.

111. *1647 г. августа 28.— Поручная Нехорошего Павлова с товарищами якутской съезжей избы деньщику Василью Булыгину по торговом человеке Иване Сверчкове в непродаже и невывозе им к «Русе» подгородного якута Керчика Онтоулова сына.*

Се аз Нехорошей Павлов, да яз Безсон Сидоров, Григорей Иванов Тотарин, Иван Никитин Золотухин, Богдан Алексеев Медведцкой, Афонасей Иванов Брусенкин, Якутцкого острогу служилые люди поручилися есми в Якутцком остроге сьезжие избы деньщику Ваське Афонасьеву Булыгину по торговом человеке по Иване Никонове сыне Сверчкове в том, что в нынешнем во 155-м году в Якутцком остроге бил челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, а в сьезжей избе воеводам Василью Никитичю Пушкину да Кирилу Осиповичю Супоневу да дьяку Петру Стеншину подал челобитную Накорского роду подогородной якутишко именем Керчик Онтоулов сын о крещеньи в православную християнскую веру. А окрестясь де ему Керчику жить у него Ивана Сверчкова на заимке. И ему Ивану Сверчкову за нашею порукою взять его из Якутцкого острогу вверх по Лене реке на свою заимку и держать его у себя на заимках, а к Русе ево Керчика не вывести и иному никому ни продать ни заложить. А буде он Иван Сверчков за нашею порукою того якута Керчика окрестя не учнет его по Лене реке у себя на заимках держать и вывезет его к Русе, или иному кому продаст или заложит, и будет того якута впредь спросят воеводы Василий Никитичь Пушкин с товарыщи, а у него Ивана в лицах его не будет, к Русе сошлет или продаст иному кому, и на нас на порутчиках государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии пеня, а пеню что государь укажет, и наши порутчиковы головы в его Иванову голову место. А которой нас порутчиков в лицах, на том государева пеня и порука вся сполна. На то послух торговой человек Федор Федоров сын Анофреевых Усолья Камского. Поручную писал Якутцкого острогу площадной подьячей Вахромейко Максимов лета 7155-го году августа в 28 день.

На обороте: К сей поручной вместо десятника Нехорошева Павлова и вместо Бесона Сидорова и свое в место по их веленью Гришка Иванов руку прило-

[1] Два слова не разобраны.

жил. К сей поручной вместо Ивана Золотухина да Афанасья Брусенкина по их веленью Ивашко Лупанов руку приложил. К сей порушной вместо Богдана Алексеева по его веленью служивой человек Мартынка Иванов руку приложил. Послух Федько Федоров Анофреевых руку приложил.

Помета: Взять к делу.

К. 191, столб. 23 на 145 ставах; сст. 88.

112. *1648 г. августа 19—1649 г. января 15. — Дело о крещении якутской «погромной девки», принадлежащей якутскому служилому человеку Григорию Кривогорницыну.*

I. — Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом холоп твой Якутцкого острогу служилой человек Гришка Яковлев Кривогорницын. В прошлом, государь, во 147-м году в старом в Якутцком остроге купил я холоп твой из войска погромную девку имя Лаглоя. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Русии, пожалуй меня холопа своего вели, государь, в Якутцком остроге ту купленую мою девку в православную христианскую веру привести, молитву дать и крестить. Царь государь, смилуйся.

Помета: 156-го августа в 19 день дать память, велеть крестить.

156-го августа в 20 день память приказным дана.

II. — И 157-го генваря в 15 день по сыску в Якутцком остроге против челобитья Гришки Кривогорницына и по памяти, какова по ево Гришкину челобитью к архиепискуплим духовных дел праказным попом о крещенье якуцкой девки имя Глойка послана, и после того Гришкина жена Кривогорницына новокрещена Ульянка в тое якутцкой девки место, на которую девку о крещенье память послана, крестить попам привела, и крестили иную якуцкую девку Кысыкайку, крещеное ей имя дано Анютка. И за то Гришкина жена Кривогорницына Ульянка бита батоги и крещеная девка Анютка отдана ей на время: как ее спросят, и ее поставить в съезжей избе.

К. 191, столб. 23 на 145 ставах; сст. 130—131.

113. *1649. г. не ранее июля 25. — Изветная челобитная якутского сына боярского Воина Богданова, ссыльного Матвея Сосновского и других служилых людей, поданная якутскому воеводе Дмитрию Францбекову о разных злоупотреблениях в Якутском остроге торговых людей и их приказчиков.*

Список с челобитной слово в слово. Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьют челом и извещают холопи твои на торговых и на приказщиков и на людей их Якутцкого острогу сын боярской Воинко Богданов да ссыльной Матюшка Сосновский да пятидесятники и десятники и рядовые служилые люди... *Далее следует 198 имен.* Служым мы холопи твои тебе государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии и блаженные памяти отцу твоему государеву великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и прежным государем такоже служыли лет по 20-ти и по 30-ти и по 40-ку и по 50-ти и больши всякие твои государевы службы и проведали великую реку Лену и иные многие захребетные реки, и многих иноземцов розных языков по многим новым землицам под твою царьскую высокую руку приводили и на тобя государя ясак с них збираем, и новую землю великую реку Шилку и иные многие великие реки и по Ламе реки ж проведали. И на тех твоих государевых дальных службах за тобя государя кровь свою проливаем, многих, государь, нас холопей твоих побивают, а иные голодною смертью помирают. А которые, государь, живы остаемся, мы холопи твои на тех же твоих государевых службах многую бедность, голод и нужу терпим и всякою нечистою ядью души свои скверним. А подымаемся мы холопы твои на те твои государевы службы, должимся у торговых людей хлебным запасом и служебным всяким заводом в дорогую цену, и кабалы на себя даем вдвое и втрое, а пуд муки емлем по 2 руб. и по 3 и по 4 и по 5-ти руб. и больши, а сукна белово сермяжного // аршин по 10-ти алт., а обувь, чарки и топоры по рублю и по 40-ку алт., а котлов медных и олова гривенка по полтине и больши, а холсту аршин по 5 алт. и по 2 гривны. И будучи, государь,

мы холопи твои на тех твоих государевых дальных службах, после твоих государевых ясашных зборов, сами из зимовей на лес выволочась, промышлясм соболишка своими промыслы. И те, государь, промышленные свои соболишка мы холопи твои привозя в Якуцкой острог объявливаем в сьезжей избе твоим государевым воеводам. А воеводы, государь, нас холопей твоих из сьезжей избы отсылают с тою нашею рухлядишкою в таможенную избу. И в таможенной, государь, избе емлют с нас холопей твоих с той нашей рухлядишка десятую лутчие соболи. А которые, государь, торговые люди ездят на великую реку Лену, и которые с Москвы и с ыных с руских городов посылают приказщиков и людей со всякими рускими товары и с хлебными запасы, и те, государь, торговые и прикащики и люди их посылают с Ленского Илимского волоку и с Якутцкого острогу на соболиные промыслы покручеников своих со всякими заповедными товары и хлебными запасы для торгу и промены иноземцы, не отъявяся в сьезжей избе и в таможнях, без подписных челобитных и без проезжих грамот, и садятся около ясачных зимовей, и ясачных и неясачных людей иноземцов преж твоего государева ясачного збору оторговывают. И те, государь, купленые соболи и всякую рухлядь они торговые объявливают и сказывают в таможнях своего промыслу. И в том, государь, чинитца твоей государеве казне в ясачном зборе великой // недобор, а на нас, государь, холопей твоих твои государевы воеводы того недоборного ясаку спрашивают. Да они ж, государь, торговые люди выбирают в сьезжую избу и в таможни из промышленых и из гулящих людей в целовальники из наймов, а наймуетца 1 человек года по 2 и по 3, а найму, государь, дают человеку на год рублев по 50-ти и по 80-ти и больше. Да в нынешном, государь, во 157-м году, как приехал в Якутцкой острог твой государев воевода Дмитрей Ондреевич Францбеков да дьяк Осип Степанов, сказывали им торговым против твоего государева наказу, чтоб они торговые и промышленые люди объявливалися, приезжая в Якутцкой острог со всякими своими с рускими товары и с [х]лебными запасы и со всякою мяхкою рухлядью, в сьезжей избе. И они, государь, торговые люди, которые в нынешном во 157-м году в Якутцком остроге таможеные целовальники, гостиной сотни Мелентей Крестьянинов да гостиной же сотни Василей Горбов да торговые ж люди Осип да Иван Осколковы с товарыщи, в сьезжей избе воеводе Дмитрею Ондреевичу Францбекову да дьяку Осипу Степанову, твоего государева указу не послушав, в том отказали, что де им торговым людем на отъявку с рускими товары и с мяхкою рухлядью в сьезжую избу не бывать и промышленых людей с мяхкою рухлядью не посылывать. Да в нынешнем же, государь, во 157-м году, как мы холопи твои проведали твою государеву новую землю на великую реку Шилку волок вверх по Олекме и по Тугирю реке и через волок тес протесали, и про то сведав торговые люди, что на Шилку реку путь по Олекме и по Тугирю проведав, а река новая, собольная и иноземцов тунгусов и дауров, и всякого зверя соболей и лисиц и рысей много, и те, государь, торговые люди Василья Записи приказщик Семен Нерадовской да Осип да Иван Осколковы да Матфий Ворыпаев и иные торговые и промышленые люди с усть Олекмы, не плавая, в Якутцкой острог по Олекме и по Тугирю вверх и за волок на Шилку реку послали прикащиков своих с покрученики судов з 20 и больши для ради своих промыслов и торгов, // потому что, государь, на Шилке реке около князца Лавкая живут многие новые неясашные люди тынгусы и дауры родами, родов их с 50 и больше, а в роду у тунгуских князцей человек по 200 и по 300 и больши. Да они же, государь, торговые люди, как приезжают с Руси на Илимской Ленской волок и на Лену, по заимкам около усть Куты и Чючюйского волоку задалживают всех пашенных крестьян, и у тех пашенных они торговые люди емлют всякие хлебные запасы за долг дешевою ценою, а у иных выкупают тож дешевою ценою. И купя, государь, те хлебные запасы у всех пашенных крестьян по заимкам, они торговые привозят в Якутцкой острог и, промеж собою зговоряся, продают те хлебные запасы по своей мере дорогою ценою, а нам холопям твоим окроме их торговых купить и должитца не у ково. Да они ж, государь, торговые люди и приказщики и люди их у ясачных якутцких князцев и у их улусных людей увозят тайным обычаем жен их и детей и дочерей безъявочно и без подписных челобитных и без проезжих грамот из Якутцкого острогу вверх по Лене на заимку и на Ленском Илимском

волоке и в Енисейской острог и к Русе, а иные за море на Индигирку и на Ковыму реки для продаж. Да они ж, государь, торговые люди били челом тобе государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии на Москве составным ложным челобитьем, будто мы холопи твои провозим из сибирских городов к Русе тайным обычаем обводные соболи и всякую мяхкую рухлядь. И нам холопям твоим, по тому их составному ложному челобитью, по твоему государеву указу велено впредь из сибирских городов вывозить к Русе всего и с паями на 50 руб., а больши, государь, того нам холопям твоим вывозить не указано. А они, государь, торговые и их люди и приказщики провозят // к Русе сами многую рухлядь тайным обычаем головные добрые соболи, а в твою государеву казну десятою платят с соболей и со всякой рухляди соболи плохие хвостовые. [А каковы], государь, соболи в Якутцком остроге в десятинном зборе, и те, государь, десятинные соболи и всякая мяхкая рухлядь объявитца у тобя, государя, на Москве, и то будет все знатно. А которые, государь, торговые люди были в прошлых во 153-м и во 154-м и во 155-м и во 156-м и в нынешнем во 157-м году у твоих государевых дел в съезжей избе и в таможнях и у житниц и по ясашным зимовьям для твоих государевых ясашных зборов в целовальниках, и они, государь, торгуют и на промыслы отпущают. Во 154-м году отпущали из таможни таможенной голова Первой Усачев Ивашки Беляши племянника ево Ивашка Иванова вверх по Олекме на соболиной промысел, а тот Ивашко Беляша в прошлом во 153-м году был у твоего государева дела в съезжей избе в целовальниках, Микулки Микулина прикащика ево Левку Моронцова устюжанина отпущал с торгом в Жыганы, а тот Микулка Микулин был в целовальниках во 154-м году в съезжей избе, да и сам тот Первой Усачев ужны свои на промыслы отпущал же. Да во 156-м году отпущал ис таможни таможенной целовальник москвитин гостиной сотни Мелентей Крестьянинов на соболиной промысел того ж Ивашки Беляши племянника ево Ивашка Иванова, да прежнево таможеннова подьячево Васьки Скобельского дворового человека ево Петрушку Савина с иными промышлеными людьми, подставом, вверх по Олекме и по Тугирю реке на Шилку для торгов с новыми иноземцы со всякими заповедными товары, с откасы и с топоры и колы и з доски с куячными и с шишаки и стрельными железы, // и они, государь, на Шилке упромышляли, кроме торговли, по 3 сорока соболей на ужну. И в нынешном, государь, во 157-м году торговые же люди, будучи у твоего государева дела в таможне в целовальниках, москвитин гостиной сотни Василей Горбов да торговой человек Иван Осколков, торгуют и на соболиные промыслы отпущают. А твой государев указ во всех сибирских городов и на великой реке Лене, что и воеводам и дьяком и письменым и таможенным головам и целовальником, будучи у твоих государевых всяких дел, не торговати и не промышляти и на промыслы своих ужин не отпущати и никому ни в чом не норовити. А во всех, государь, сибирских городех и в Мангазее в твоих государевых наказех пишут нам холопям твоим по ясачным зимовьям, что у торговых и у промышленых людей заповедных товаров, сабель и копей и палем и топоров и куяков и панцырей и шышаков и наручей и ножей и пил и стрельных железец осматривать и обыскивать накрепко, чтоб отнюдь им торговым и промышленым людем с собою не возить и с ыноземцы не торговати. А в Якутцкой, государь, острог нам холопям твоим, которые посылают по ясашным зимовьям для твоих государевых ясачных зборов, дают наказные памяти. А того, государь, в наказех не пишут о заповедных товаров, чтоб у торговых и у промышленых людей осматривать и обыскивать, потому что, государь, они торговые люди и воеводам ослушны и чинятца сильны и во всем отказывают и ис таможни ко счету книг помесечно в съезжую избу не носят и отчету в таможенном зборе не дают и в книги лишных товаров, у ково в лишке сверх проезжих грамот объявливаются, норовя своей братье не записывают. Да в прошлом же, государь, во 154-м году били челом составным ложным челобитьем блаженные памяти отцу твоему государеву великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии в Якутцком остроге в съезжей избе твоим государевым воеводам Василью Никитичю Пушкину с товары//щи они ж торговые люди Василей Дрятин устюжанин, Григорей да Федор Прокопьевы да Иван Степанов лаличи, Иван Борисов Беляша ярославец, Осип Елезов, Иван Емельянов усольцы, Ондрей

Косицын колмогорец, Лучка Гундоров устюженин с товарыщи о убавке в весу о контаре и о безменах для того, чтоб во всяком в контарном и в безменном весу им торговым людем в их торгах прибыль была. А тот Григорей Прокопьев лалетин был у твоих государевых всяких хлебных запасов у приему и у роздачи на Ленском Илимском волоку во 153-м году в целовальниках и твои государевы воеводы Василей Никитичь Пушкин с товарыщи по их составному ложному челобитъю контаря и безменов убавили. А тот, государь, контарь и против того контаря безмен был Енисейского острогу таможеных голов Семена Бобровского да Елисея Турунтаева припуску. И убавлено, государь, у наших окладов у весу у 20-ти у 5-ти пуд у 9-ти гривенок с четью гривенкою 2 пуда с четью пудом. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй нас холопей своих вели, государь, сию нашу изветную челобитную в Якутцком остроге своему государеву воеводе Дмитрею Ондреевичу Францбекову да своему государеву дьяку Осипу Степанову принять и послать к тебе государю к Москве под отпискою. И пожалуй, государь, нас холопей своих вели, государь, тот убавленой контарь и безмен сверстать против прежнего. Царь государь, смилуйся пожалуй.

А подлинная челобитная послана ко государю к Москве.

К. 194, столб. 37 на 45 ставах; сст. 11—19; современный список. Датирован на основании времени приезда воеводы Францбекова в Якутск.

114. *1652 г. августа 24. — Дело о растрате целовальниками якутской съезжей избы Константином Ивановым и Андреем Дубовым казенных денег.*

I. — Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьют челом сироты твои съезжие избы целовальничишка Костька Иванов да Ондрюшка Дубов. В нынешнем, государь, во 160-м году сентября с 1-го числа при твоем государеве стольнике и воеводе при Иване Павловиче Акинфове да при диаке при Осипе Степанове были мы сироты твои в съезжей избе у твоей государевы казны в целовальниках у приему и у роздачи вместе. А издержали мы сироты твои из твоей государевы казны, не доложа твоего государева стольника и воеводы Ивана Павловича Акинфова да диака Осипа Степанова, твоих государевых денег 96 руб. на свои росходы. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Русии, пожалуй нас сирот своих вели, государь, сю нашу повинную челобитную в Якутцком остроге в съезжей избе своему государеву стольнику и воеводе Ивану Павловичю Акинфову да диаку Осипу Степанову принять и по той нашей челобитной вели, государь, свой царьской указ учинить. Царь государь, смилуйся пожалуй. //

На обороте: К сей челобитной Костька Иванов руку приложил. К сей челобитной вместо целовальника Ондрея Яковлева Дубова по ево веленью Родька Фомин руку приложил.

Помета: 160-го августа в 24 день взять к делу.

II. — Да целовальник же Ондрюшка Дубов бил челом словесно, чтоб Костьку допросить, где он Костька ту отпись взял. И целовальник Костька сказал, что де та отпись в 62 руб. дачи Ондрюшки Дубова, а давал де те деньги Ондрюшка Дубов, а как де к нему Костьке зашла, того де он Костька не упомнит; да он же де Костька издержал государевых денег на свой росход 15 руб. да дал взаймы подьячему Онкудину 5 руб., а иных денег де не упомнит где издержал.

Костька Иванов руку приложил. //

III. — Да целовальник же Костька Иванов бил челом словесно, а сказал, что де у нево Костьки серцо болит, и велеть бы ему Костьке призвать прежнево отца ево духовного попа Степана, чтоб ему Костьке исповедатца. И стольник и воевода Иван Павлович Акинфов да диак Осип Степанов того ж часу велели к нему Костьке призвать отца ево духовного попа Степана, и он Костька попу Степану исповедался. И стольник же и воевода Иван Павлович Акинфов да диак Осип Степанов перед концом, после исповеди отца ево духовного попа Степана, при нем же Степане да при игумене Варламе да съезжие избы при подьячих при Семене Ермолине да при Семене Абрамове да при Онкудине Титове да при Даниле Игумнове да съезжей же избы при целовальниках при Ивашке Помаскине да при Ондрюшке Дубове его Костьку допрашивали, какая у него Костьки болезнь. И це-

ловальник Костька Иванов в роспросе сказал, что де он Костька выпил в яйце 2 золотника сулемы, потому что сам он Костька беден, пить есть ему Костьке нечево, а в долг нихто ни в чем не верит, а сулема де у него Костьки давно была припасена для того, что у него давно было мышлено опитца. Да он же Костька сказал, что есть де государевых переводных денег на товарыще ево на Ондрюшке Дубове по счетному списку при прежних воеводах при Василье Пушкине с товарыщи 8 руб. Да в прошлом де во 158-м году взял у него Костьки государевых денег подьячей Онкудин Титов 40 руб. на хлебную покупку себе, да он же де Онкудин взял государевых же денег у него ж Костьки 5 руб. Да ему ж де Онкудину дал Ондрюшка Дубов государевых же // денег 3 руб., да на нем же де Онкудине за государевы летчины взять за 5 арш. полтретья рубли по полтине за аршин, да на нем же де Онкудине за умершие статки 7 руб., которые проданы ему Онкудину из государевы казны, а в книгах не записаны, а чьи де статки были, того де он Костька не упомнит. Да он же де Онкудин с ним Костькою купил быка, а дали за того быка государевых пошлинных денег 10 руб. Да он же де Костька с ним же Онкудином вместе отнесли к дьяку к Осипу Степанову на двор кабалу в государевых деньгах, что он Осип занял в прошлом во 157-м году на Ленском волоку в 19-ти руб., а денег де по той кабале не взято, а на иных де ни на каких людех государевых никаких денег нет, а на ком де что было государевых денег взято, и тому де у него Костьки была написана изустная память, и ту де память взял у него Костьки Ондрюшка Дубов. И целовальник Ондрюшка Дубов сказал: 8 де руб. государевых денег на нем Ондрюшке были, и только де в приходной книге те деньги не написаны, и те деньги на нем Ондрюшке, а изустные де памяти он Ондрюшка у него Костьки не имывал.//

На обороте: Целовальник Ивашко Борисов Помаскин вместо целовальника Ондрея Дубова по ево веленью руку приложил.

IV. — А подьячей Онкудин Титов сказал, что де он Онкудин никаких государевых денег и статков у него Костьки из государевы казны не имывал, тем де ево Онкудина он Костька поклепал напрасно по недружбе, а летчину де он Онкудин из государевы казны 5 арш. у него Костьки имал и за тое де летчину ему Костьке и деньги он Онкудин платил по полтине за аршин. Да Онкудин же бил челом словесно, как де в нынешнем же во 160-м году генваря в 5 день поезжал из Якутцково острогу товарыщ ево Костькин Ондрюшка Дубов для государева ясачного збору в ясачные волости, и в те де поры стольник и воевода Иван Павлович Акинфов да дьяк Осип Степанов их целовальников Костьку и Ондрюшку про государевы деньги допрашивали, и они де Костька и Ондрюшка в те поры ни на ком государевых денег в долгу не сказали и скаску за руками дали. И в том слался Онкудин на их скаску. Да подьячей же Онкудин бил челом, чтоб ево Костьку в том велели пытать, что де он Костька на нево Онкудина то затеял про государевы деньги. И против ссылки подьячево Онкудина Титова сыскана в съезжей избе скаска целовальников Костьки Иванова да Ондрюшки Дубова за руками.

На обороте: Подьячей Семейка Абрамов руку приложил. Исачко Вахрамеев руку приложил. К сей своей скаске Онкудинко Титов руку приложил.

К. 198, столб. 5 на 48 сставах, сст. 6—10. Конец дела, в котором приводится опись принадлежавшего Константину Иванову имущества, конфискованного после его смерти в казну, и постановление о взыскании части растраты, падавшей на Андрея Дубова — опущен.

115. *1652—53 гг. — Отписка новоприборного служилого человека Юрия Селиверстова якутскому воеводе Ивану Акинфиеву об убийстве покрученика Семена Фомина новоприборными служилыми людьми Иваном Абросимовым и Гаврилой Алексеевым, которые «стакався с торговыми людьми» завели на реке Яне «круги и бунты».*

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии стольнику и воеводе Ивану Павловичю Акинфиева да дьяку Осифу Стефановичю новоприборной служилой человек Юшко Селиверстов челом бьет. В прошлом во 159-м году послан яз Юшко из Ленского острогу по государеву указу и по наказной памети воеводы Дмитрея Андреевичя Францбекова за государевою ленскою печатью и за дьячьею рукою на государеву дальную службу с служилыми охо-

чими людьми. И в прошлом во 160-м году июля во втором числе новоприборные служилые люди Ивашко Обросимов да Гаврилко Алексеев на Яне реке, стакався с торговыми и с промышлеными людьми, и круги и бунты завели, гостя Василья Шорина люди его Семен Иванов да Василей Власов да гостя Василья Записи прикащик Иван Ондриев Широкой да гостя Кирила Босово прикащик Максим Тимофиев Бушковской да гостиной сотни Павла Денисова человек его Офонасей Григорьев да прикащик его Григорей Юрьев да промышленые Данило Михайлов да Михайло Максимов да Григорей Емельянов с товарыщи, всех их 27 человек. Да у него же Семена Иванова на судне шел человек на покруте Семейка Фомин, и он Семейка Фомин государево дело сказал на него Семена Иванова, и он его Семейку хотел убити. И тот Семейка у него Семена Иванова убежал ко мне Юшку и велит собя выслать в Якутцкой острог, и мне было выслать не с кем. И он Семен Иванов наймовал убити того Семейка Фомина моих охочих новоприборных людей Ивашка Обросимова да Гаврилка Алексеева, и им его Семейку убить не дал. И оне Ивашко Обросимов с товарыщем своим подозвали того гостя Василья Шорина людей его Семена Иванова с товарыщи 27 человек, и пришли ко мне Юшку в балаган и на судно и служилых людей били и изувечили. А иные служилые люди были на рыбной ловле, перемерзли и перезебли, их всех бив и перевязали и по судам врознь розвозили, и того Семейку Фомина в балагане убили до смерти. И в та поры живот мой Юшков розграбили и розвозили и служилых людей, а живота моего обрали и розвозили на 950 руб., а называют тот живот Дмитрея Ондриевичя Францбекова, с нас же имал да с торговых и с промышленых людей да тебя де отпущал. И тех служилых людей Кирилка Никитина, Тимошку Ульянова, Федьку Гаврилова, Ивашка Семенова, Оксенка Филатова, Онашку Григорьева да Евсейка Игнатьева, Якуньку Петрова и на судах били, изувечили навек, сторонниками доспили, и держали связаных дни по 2 // и по 3 и по 5. И как их служилых людей отпусти[ли], и оне одва что приволоклись к собе на судно. И по государеву указу кликати охочих служилых людей в службу и ссужать стало нечем, ограблен и разбит, а старых служилых людей мало, изувечены навек, и стали наги и босы, а хлебные запасы придержались, и хол[од]ны и голодны. И от их Семенова насильства государева служба стала, итить морем и на остров и кость промышлеть не о кем и нечем. Да после грабежу приходил тот Семен Иванов к новоприборному служилому человеку Тимошке Ульянову, говорил: хотя де вас и всех убьем, ино де нас Василей Григорьевичь не велит повисить за вас. И от их насильства итти стало некуды, жить до государева указу. А у меня Юшка явлено прибыли государю в казну 50 пуд кости рыбья зуба. Да он же Семен Иванов похваляетца, не диковинно де вас убить, много де и воевод по городам убивают, да и от того де ничего не диетца. Да того же году августа в 1 день на Яне реке приходил ко мне промышленой человек Захарко Кирилов и сказывал мне Юшку: говорят де торговые и промышленые люди, только де нас станут служилые люди в том убойстве нас имать, и мы де вас всех прибьем, что свиней на голову. Да во 160-м году августа 20 день те же служилые люди Ивашко Обросимов да Гаврилко Алексеев да с ними же стакався моих же охочих служилых людей Данилко Филипов, Тимошка Ульянов, Оксенко Фитьев все вместе стояли на усть Ковымы реки сухие протоки на обсушке, и меня Юшка хотели убить и загрозили и вымучили всякими угрозами кабалы вымучили и в казенку загнали, и вперед на меня похвалялись всякими недобрыми делы. Да у тое же сухие протоки стояли на обсушке, и тот Иван Обросимов да Гаврило Алексеев и запасы были многие на козлах складены и государевы товары многие, и оне Ивашко да Гаврилко те запасы и товары свозили крадом к торговому человеку Григорью Юрьеву на судно и называют тот запас и товар воеводы Дмитрея Ондреявича Францбекова. Да и на море нашли кочишко плавает разбитое, и в нем нашли смолы да товары во вьюках связаны, не ведаю какие, и они и то все свезли на судно к нему же Григорью. И пришедши на Ковыму реку в Нижном ясачном зимовье в протоке подали челобитную 5 человек моих полчан: Ивашко Семенов, Данилко Филипов, Кирилка Никитин, Онашко Григорьев, Оксенко Филатов. А в че[ло]битной их написано на моего же Юшкова полченина Гаврилка Алексеева, что де тот Гаврилко хотел // с государевы службы збежать и

государеву казну хочет покинуть, да преже де сего служилой же человек Ивашко Обросимов збежал с государевы службы и государеву казну покинул, да у них же в челобитной написано, идучи с Яны реки морем на Ковыму реку государевы хлебные запасы и товары с государева кочя свозили многие к торговому человеку Григорью Юрьеву на кочь, да у них же написано, велено взять у него Гаврила его хлебные запасы и промышленые заводы государю в казну до времени. И я Юшко те запасы и промышленые заводы взял государю в казну, и нынешняго 161-го году, пошед на государеву службу, те его Гаврилковы запасы и промышленые заводы отдал назад для ради его подъему, что ему итти на государеву службу нечем поднятца. А та челобитная подклеена под сею отпискою, да тут же подклеены 2 явки гостя Василья Шорина на людей его Семена Иванова с товарыщи на 27 человек, да другая явка на Григорья Юрьева. Да чтобы вам пожаловать, государевым воеводам, не отпущать тех людей Василья Шорина людей его Семена Иванова, да Ивана Ондриева Широкова, да Григорья Юрьева, да промышленных людей, которые писаны в сей отписке, да меня Юшка для ради справы, чтобы мне холопу государеву службы не отбыть и вконец не загинуть.

К. 197, столб. 2 на 57 ставах; ст. 19—21.

116. *1653—54 гг. — Дело об отнятии соболя, палем и избиении холопа, принадлежащего ясачному якуту Намской волости Косичке Ивееву служилым человеком Иваном Михайловым.*

I. — Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом сирота твой Намской волости ясачной якут Косичка Ивеев. Жалоба, государь, мне на служилого человека на Ивана Михайлова. В прошлом, государь, во 161-м году он Иван отнял у меня сироты твоего соболя да 2 пальмы, да он же Иван бил холопа моего кулаками и топтал ногами и изувечил того холопа моего навек. А соболю, государь, цена 2 руб., а пальмам цена 20 алт. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на того Ивана в том моем иску и холопа моего в увечье дать свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся. //

II. — И против сей челобитной служилой человек Ивашко Михайлов в приказной избе ставлен и допрашиван, а в допросе сказал: в прошлом де во 161-м году он Ивашко у исца Косики Ивеева соболя и дву палем не отнимывал и холопа его Косикина он Ивашко не бивал.

На обороте: К сим допросным речам вместо служилого Ивана Михайлова по его веленью служилой человек Богдашка Гаврилов и руку приложил.

К. 196, столб. 4 на 276 ставах; ст. 256—257.

117. *1657 г. апреля 13. — Наказная память якутского воеводы Михаила Лодыженского в Олекминской острожек служилому человеку Михаилу Дехтярю о приказе якутам держать скот подальше от русских пашен и об отводе сенных покосов пашенным крестьянам Богдану Астрахану и Онанию Воробью.*

Лета 7165-го апреля в 13 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича [т.] указу память в Олекминской острожек Якутцкого острогу служилому человеку Мишке Дехтерю. В нынешнем во 165-м году апреля в 11 день писал в Якутцкой острог к стольнику и воеводе к Михайлу Семеновичю Лодыженскому да к дьяку к Федору Тонково служилой человек Вахрушка Попов, где де поселились пашенные крестьяне Богдашка Асторохан да Онашка Воробей, и в том де наволоке пахотных мест мало, а сенных покосов много, а с якутами де у них о сенных покосах безпрестани брань, а городьбы де у них у Богдашки с товарыщи около пашни нет, а олекминским якутом сенными покосы гораздо нужно, потому что место у них тесное, всего житья от Верхние Черепанихи верст на 10, мало больше по одну сторону реки, и пашенные де многих якутов сенными покосы потеснили ,и есть де остров блиско якутов за протокою, и того де острова вперед якутом под сенные покосы они пашенные дать не хотят же; да те ж де пашенные крестьяне хотят всегда якутов бить и увечить, а о чем де государю они пашенные на якутов, а якуты на них пашенных побьют челом, и пашенные во всяком челобитье хотят правы быть без сыску, и во всем де на него Вахрушку досадуют

и угрожают. И как к тебе ся память придет, и ты б якутом велел от пашенных крестьян скот держать верстах в 5-ти или в 10-ти для того, чтоб скотом у пашенных крестьян хлеба не потравить. А сенных покосов пашенным дать бы на человека по 3 десятины, а больше того не давать, а достальные сенные покосы все отдать якутом. И вперед бы якутом от пашенных и от руских людей обиды никакие // не было. А будет хто чем руские люди якутов изобидят, или якуты руских людей, и тебе б про то сыскивать подлинно, а по сыску чинить наказанье, чтоб на то смотря вперед неповадно было иным воровать. А будет руские люди или пашенные крестьяна учинятца сильны и непослушны, и тебе б тех непослушных людей присылать в Якутцкой острог за крепкими приставы. А будет твоим Мишкиным нерадением якутом от пашенных крестьян или от ыных от руских людей какая обида учинитца, а после про то сыщетца допряма, и тебе по государеву указу быть в жестоком наказанье без пощады.

К. 198, столб. 17 на 60 ставах; сст. 1—2.

118. *1657 г. мая 18. — Наказная память якутского воеводы Михаила Лодыженского в Олекминский острожек служилому человеку Михаилу Дехтярю о разрешении мальягарским якутам Дурею Изикееву с братьями жить и сенные покосы косить на старых местах, о защите олекминских якутов от пашенных крестьян Богдана Астрахана «с товарыщи» и о приеме хлебных запасов для даурских служилых людей.*

Лета 7165-го маия в 18 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича [т.] указу память в Олекминской острожек Якутцкого острогу служилому человеку Мишке Дехтярю. В нынешнем во 165-м году маия в 17 день бил челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] словесно Мальягарской волости ясачной якут Дурей Изикеев, а в Якутцком остроге в приказной избе стольнику и воеводе Михаилу Семеновичу Лодыженскому да дьяку Федору Тонково сказал, что Олекминского острожку меитцкие якуты Дексилей шаман да Теткуй да Курта да Батур Оргузеевы ему Дурею да брату его Одурею блиско Олекминского острожку жить не велят и сенных покосов не дают. И как к тебе ся память придет, и ты б тем мальягарским якутом Дурею з братьями велел жить около Олекминского острожку на старых жилищах и сенные покосы ему Дурею да брату ево Одурею велел косить, где они наперед сего кашивали, а меитцким якутом их ничем обидить не велел. Да в Якутцком же острогу стольнику и воеводе Михайлу Семеновичю Лодыженскому да дьяку Федору Тонково ведомо учинилось, что Олекминского острожку пашенные крестьяне Богдашко Астрахан с товарыщи олекминским якутом налоги многие чинят и сенных их якутских покосов косить и в озерах и на реке рыбы ловить не дают для своей бездельной корысти. И тебе б Мишке олекминских якутов от пашенных крестьян оберегать и обид им никаких чинить не велеть. А будет они пашенные крестьяне вперед учнут олекминским якутом какие хто сколько скажет обиды и насильства чинить, а ты их унимать не учнешь, и тебе и пашенным за то по государеву указу быть в жестоком наказанье бес пощады. Да тебе ж Мишке взять у хлебных приемщиков у Сеньки Епишева с товарыщи 50 пуд муки ржаной. А приняв те хлебные запасы блюсти их в Олекминском острожке про запас для приезду даурских служилых людей, которые будут вперед из Даурской земли приидут за государевою казною. А взаймы в Олекминском острожке служилым людем и пашенным крестьяном того не давать и себе не имать и на иные ни на какие росходы не держать. А будет ты Мишка те хлебные запасы кому отдашь взаймы и себе возьмешь, или на иные какие росходы без указу тот хлеб отдашь, и тот хлеб велят доправить на тебе Мишке вдвое безо всякие пощады.

К. 198, столб. 17 на 60 ставах; сст. 3.

119. *1658 г. июля 26. — Память служилому человеку Безчастному Мошинцову на Чичюйский волок о понуждении местных пашенных крестьян работать на государевой десятинной пашне.*

Лета 7166-го июля в 26 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича [т.] указу память на Чичюйской волок служилому человеку

Безчасному Мошинцову. В нынешнем во 166-м году сентября в 22 день писал ты в Якутцкой острог к стольнику и воеводе к Михайлу Семеновичю Лодыженскому да к дьяку к Федору Тонково, что де в прошлом во 165-м году весною Якутцкого уезду пашенные крестьяне пахали и готовили государевы полудесятины под яровые семена против прежних годов, и яровых де семен прошлых годов на Чичюйском волоку в государевых житницах не было, а по отписке де твоей с Ылимского уезду стряпчей и воевода Петр Бунаков на те государевы полудесятины ячменю на семена прислать не указал, и ты де те полудесятины нарежал пашенных крестьян посеять рожью к нынешнему ко 166-му году вместо ярового хлеба, и пашенные де крестьяне тебя не послушали, тех яровых полудесятин вместо ярового хлеба рожью не сеяли, а сказали что де им те яровые полудесятины рожью сеять не в мочь, и били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю [т.], а тебе подали о том челобитную, и ты тое их челобитную прислал под отпискою к нам в Якутцкой острог. Да в прошлом де во 163-м году с воровскими казаками с Мишкою Сорокиным из Якутцкого уезду с розных заимок збежали пашенные крестьяне 5 человек, Марчко Михайлов с товарыщи, и за тех де беглых крестьян за 3-х человек государеву пашню ржаные десятины и яровые полудесятины указано пахать порутчиком их, которые по них ручались. И пашенные же де крестьяне Корнишко Алексеев с товарыщи, и те их порутчики Федька Яковлев с товарыщи, тебя не послушали ж, за тех беглых за дву человек, за Стеньку да за Микитку, в прошлом во 165-м году к нынешнему ко 166-му году ржаных десятин под паренину не готовили и не сеяли, и били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю [т.], а тебе подали о том челобитную они пашенные Федька Яковлев с товарыщи, и ты тое их челобитную прислал под отпискою в Якутцкой острог. // И как к тебе ся память придет, и ты б вперед на государевы полудесятины на семена яровой хлеб купил по тамошней цене государевыми деньгами из таможенных доходов во время дешевою ценою где пригоже, и чтоб та их . . .[1] пашня не стояла, а по пашенных крестьянех по Федьке Яковлеве с товарыщи взял бы еси поручную запись, что им за тех беглых за дву человек пашенных крестьян, за Стеньку да за Микитку, государева пашня ржаные и яровые десятины и полудесятины пахать по их уговору против иных пашененых крестьян, и над ними Федькою с товарыщи того смотреть накрепко, чтоб они государеву пашню, их Стенькины и Микиткины паи, пахали с великим раденьем неоплошно, чтоб государева пашня и их крестьянская пространилась и не запустела. А будет они Федька с товарыщи за тех пашенных за дву человек государевы пашни и их крестьянскую учнут пахать оплошно, или учнут каким воровством воровать, и тебе Безчастному меж ними управа чинить смотря по вине, бить батоги нещадно.

К. 184, столб. 3 на 92 ставах; сст. 8—9.

120. *1658 г. августа 3. — Челобитная промышленных людей Ерофея Пиминова и Микулы Карпова об определении их в число пашенных крестьян на усть Олекму с обычными льготой и ссудой, и поручная в том по них разных промышленных и служилых людей.*

I. — Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] бьют челом сироты твои промышленые люди Ярофейко Пиминов, Микулко Карпов. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович [т.], пожалуй нас сирот своих, вели, государь, нас отпустить к усть Олекме в твою государеву пашню, где поселилися новопашенные Богдан Асторохан с товарыщи выше Черепанихи, где пригоже, и вели, государь, земли дать и льготы и скота и хлеба на семена, корму и денег и соли на ссуду, и всякого пашенного заводу, как дано Богдану Асторохану с товарыщи. Царь государь смилуйся. //

Помета: 166-го августа в 3 день велеть им в пашне быть и подмога дать против иных таких.

II. — Се яз сын боярской Кирило Терентьев сын Ванюков, да яз пятидесятники Иван Иванов сын Ребров, да яз Олексей Яковлев сын Олень, да яз Иван Ва-

---

[1] *Одно слово не разобрано.*

сильев сын Бурлак, да яз десятники Богдан Алексеев, да яз Семен Иванов сын Брусенкин, да яз служилые люди Олексей Микитин Шолоник, да яз Дементий Федоров Дуров, да яз Михайло Колесов, да яз Семен Костянтинов, да яз Герасим Микитин новокрещен, да яз Иван Борисов сын Пенега, да яз Оксен Терентьев, да яз Иван Семенов промышленой, да яз Данило Скребыкин, да яз Данило сапожник, да яз Сава Семенов, да яз Василей Архипов, да яз торговой человек Федор Иванов Погибин, да яз промышленые люди Кирило Игнатьев Кедрувка, да яз Олексей Пантелеймонов Бахарев, да яз Иван Родионов Говор, да яз Первой Кирилов колмогорец, да яз Ярофей Ярыгин Хмелина Обросимов поручилися есми в государеву казну по промышленых людех по Микуле Карпове да по Ярофее Пи[ми]нове в том, что с нынешнего 166-го году августа с 3-го числа быти им Микуле да Ярофею за нашею порукою в государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича [т.] на усть Олекмы в острошке во льготной пашне до 169-го году августа до 3-го ж числа; и во 169-м году ко 170-му году насеяти на государя государевыми семенами десятина ржи, а на себя насеяти 2 десятины ржи; да во 170-м году весною насеяти на государя ж на мескотную землю полдесятины ярового хлеба, семяна государевы же; и вперед им Микуле да Ярофею пахати на государя по вся годы по десятине ржи да по полудесятине ярового хлеба, а на собя им Микуле да Ярофею пахати хлеба по 4 десятины ржи да по 2 десятины ярового хлеба на человека; а как отойдут льготные годы, и что они сверх указных десятин станут пахать на себя государевы земли сколько десятин, и им с тех десятин давать государю десятой сноп ржаной и яровой; и на пашне // им Микуле да Ярофею для государева хлеба поставити анбары и устроити в анбаре закромы. А дано им Микуле да Ярофею для тое государевы новой олекомской пашни на завод, не в оддачю, по коню государевых, да по корове, до по хомуту, да [по] топору, по 2 косы, да по двои сошники, да по 2 серпа на человека, да на емена на корм по 40-ку пуд ржи, да по 20-ти пуд ячмени; да на ссуду на срок взаймы до 169-го году августа до 3-го числа по 5-ти руб. денег, да по 4 пуда соли на человека; и те деньги и соль им Микуле да Ярофею заплатить за нашею порукою в государеву казну на срок, которой выше сего писан. И будучи им Микуле да Ярофею за нашею порукою в государеве пашне зернью и карты не играть и не бражничать и заповедного питья у себя не держать и государевы пашни не запустошить и никаким воровством не воровать и с пашни з государевы не збежать. А буде они Микула да Ярофей за нашею порукою, взяв государево жалованье, станут зернью и карты играть и заповедное питье держать или каким воровством воровать, или государевых заемных 10-ти руб. денег и 8-ми пуд соли в государеву казну не заплатят, или з государевы пашни збежат, и на нас на порутчиках государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] пеня, а пеню что государь укажет, и наши порутчиковы головы вь их голову место, и подможной хлеб и государевы заемные деньги и соль и скот и всякой деревенской завод и государева пашня и порука вся сполна нерозвытно. На то послух служилой человек Семен Иванов сын Прибылой. А поручную запись писал площадной подьячей Сергушка Брусенкин лета 7166-го году августа в 3 день.

На обороте: К сей поручной вместо отца своего Ивана Иванова по его веленью Ондрюшка Пермяков руку приложил. *Далее следует еще 10 подписей поручителей.*

К. 184, столб. 3 на 92 ставах; ст. 58—69.

121. *1658 г. августа 7.— Челобитная промышленного человека Исака Иванова вятчанина якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому об отводе земли и сенных покосов сбежавшего в «Дауры» пашенного крестьянина Никиты Емельянова.*

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] бьет челом сирота твой промышленой человек Исачко Иванов вятчанин. В прошлом, государь, во 163-м году Якутцкого уезду с Чичюйского волоку пашенной крестьянин Никита Емельянов с твоей государевы пашни з заимки своей збежал в Дауры и та ево заимка, отводная земля и сенные покосы, что лужек за Леною рекою, и по нынешной 166-й год лежит впусте. А после ево Никиты осталось у него ево по-

ставленья избенко маленькое старое, мерою полуторых сажен, да твоя государева лошадь шерстью пега лет в 15. А та, государь, заимка ниже Чичюйского волока пловучи на левой стороне в межах с пашенными крестьяны с Вешняком Евменьевым с товарыщи на самом верхнем конце. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович [т.], пожалуй меня сироту своего вели, государь, на той заимке Никиты Емельянова на ево отводной земли пашенного места и сенных покосех, что лужек за Леною рекою, быть в твоей государеве пашне из подмогу мне сироте твоему против иных пашенных крестьян Захара Игнатьева с товарыщи. А льготы вели, государь, дать для новой селидьбы и дворового строенья на сколько лет ты, государь, пожалуешь. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 166-го августа в 7 день выписать, как давана подмога чичюйским новопашенным крестьяном со 161-го году.

К. 194, столб. 3 на 92 ставах; ст. 64.

122. *1658 г. не ранее сентября 1. — Счетный список якутской таможенной денежной и соболиной казне за 1653—1658 гг., сбора якутского таможенного головы Андрея Курдюкова.*

Счетной список, что в нынешнем во 167-м году по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича [т.] указу стольник и воевода Михайло Семенович Лодыженской считал в Якутцком остроге таможенного голову Ондрея Курдюкова с товарыщи по ево Ондреевым таможенным приходным денежным и соболиным книгам в приходе и в росходе, что у него Ондрея в прошлом во 162 году октября с 9-го числа во 162-м и во 163-м и во 164-м и во 165-м и во 166-м годех сентября по 1 число 167-го году собрано в Якутцком остроге всякого государева таможенного збору с торговых и с промышленых людей годового оброку и дьячих пошлин и с руских товаров и с хлебных запасов и с рыбы десятые и записных и весчих и скота пошерстного и рогового и с отпусков отъезжих и посороковых и порублевых и полавочных и избных и печатных пошлин и всякого мелочного таможенного денежного и соболиного збору собрано, и ис того числа денег вышло на таможенные и на всякие росходы, и что мяхкой рухляди и денег принесено в Якутцкой в приказную избу и отдано в государеву казну, и чего будет денег и соболей недонесено в приказную избу и недодано в государеву казну, или с чего будет государевы таможенные пошлины денег и соболей против государевых таможенных наказов не донято и с чего взято в лишке, и то писано в сем счетном списке порознь по статьям.

Приход и росход деньгам порознь по годом. Во 162-м году // в приходной книге написано: в прошлом во 162-м году таможенного денежного збору принято налицо у таможенного головы у Василья Ростовщикова, что у него собрано в сентябре месяце до приезду в Якутцкой острог таможенного головы Ондрея Курдюкова всяких государевых таможенных денежных доходов 62 руб. 26 алт. 4 д. Збору таможенного головы Ондрея Курдюкова. По приходной денежной книге 162-го году октября з 9-го числа да сентября по 1 число 163-го году в Якутцком остроге с торговых и с промышленых людей явки по алтыну с человека взято с 489 человек, да из них же оброку по 8 алт. по 2 д. с человека взято з 274 человек; обоего взято оброку и явок 83 руб. 5 алт. 4 д. А з 215 человек взято оброку порознь по 8 алт. по 2 д. с человека, в том числе в Якутцком остроге в сентябре в 1-м числе во 162-м ж году до приезду таможенного головы Ондрея Курдюкова взято с 13 человек: в Житанех взято с 47 человек, на Чичюйском волоку в Якутцком уезде взято з 21-го человека, в Ылимском остроге и в Верхоленском и на Киренге взято с 89 человек, в Енисейском остроге взято с 45 человек. Да по приходной же денежной книге 162-го ж году октября з 20-го числа да сентября по 1 число 163-го году с руских товаров и с хлебных запасов и с рыбы десятые и всякого мелочного таможенного збору взято 127 руб. 18 алт. пол- 4 д. // Да по приходной же денежной книге 162-го ж году октября з 10-го числа да сентября по 1 число 163-го году написано записных и весчих и скота пошерстного и рогового взято 358 руб. 9 алт. 4 д., опричь того, что приписано в той приходной книге в перечню лишку рубль 5 д. Да по приходной же денежной книге 162-го году июля с 11-го числа да сентября по 1 число 163-го году с торговых и с промыш-

леных людей с отпусков отъезжих и посороковых и порублевых и избных и полавочных пошлин взято 147 руб. 13 алт. 4 д., опричь того, что приписано в той приходной книге в перечню лишку 20 алт. 2 д. Да печатных пошлин взято 125 руб. пол-6 д., опричь того, что приписано в той приходной // книге в перечню лишку 30 алт. И всего в прошлом во 162-м году октября з 9-го числа да сентября по 1 число 163-го году по таможенным приходным денежным книгам у таможенного головы у Ондрея Курдюкова с товарыщи всякого государева таможенного збору с торговых и с промышленых людей годового оброку и явчих пошлин и с руских товаров и с хлебных запасов и с рыбы десятые и записных и весчих и скота пошерстного и рогового и с отпусков отъезжих и посороковых и порублевых и полавочных и избных и печатных пошлин и всякого мелочного таможенного денежного збору собрано 841 руб. 15 алт. 1 д., опричь того, что приписано в тех приходных книгах сверх подленника в перечнях лишку 2 руб. 17 алт. 5 д. // Обоего в приходе по таможенным книгам всяких денежных доходов сентября с 1-го числа 162-го году да сентября ж по 1 число 163-го году 904 руб. 8 алт. 3 д., опричь того, что в тех приходных книгах приписано сверх подленника в перечнях лишку 2 руб. 17 алт. 5 д. // А ис того числа у него ж таможенного головы у Ондрея Курдюкова с товарыщи по розходной таможенной книге тех государевых таможенного збору денег на таможенные росходы в таможню таможенному коморнику от таможенной избы от сторожи и за дрова и за лучину и за бумагу пищую и за сало говяжье на свечи, и к тем свечам на светильна вышло в росход 26 руб. 23 алт. 2 д. А за росходом надобно в Якутцком остроге в таможне всякого государева таможенного денежного збору 877 руб. 18 алт. 3 д. И как приложить к тому остатку приписные деньги 2 руб. 17 алт. 5 д. в наличные деньги, и в остатке будет 880 руб. 3 алт. И в Якутцком остроге в приказной избе в приходной денежной книге за пометою дьяка Федора Тонково написано: в прошлом во 162-м году августа в 31 день Якутцкого острогу у таможенного головы у Ондрея Курдюкова с товарыщи принято в государеву казну ево Ондреева всякого таможенного збору налицо денег 880 руб. 3 алт. //

В прошлом во 163-м году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 164-го году в Якутцком остроге с торговых и с промышленых людей явки по алтыну, оброку по 8 алт. по 2 д с человека взято с 234 человек, да явки ж по алтыну с человека взято с 222 человек, всего взято явчего и оброку 72 руб. 6 алт. А оброки взяты с тех з 222 человек порознь по 8 алт. по 2 д. с человека, в том числе з 12 человек, которые отъезжали из Якутцкого острогу на Ленской волок, а оброку и явчие с них взяты в Якутцком остроге и писаны выше сего в 234 человеках: в Жиганех со 110 человек; на Чичюйском волоку в Якутцком уезде с 13 человек, в Ылимском остроге с 56 человек, в Енисейском остроге с 31-го человека. // Да по приходной же таможенной денежной книге 163-го ж году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 164-го году с руских товаров и с хлебных запасов и с рыбы десятые взято 187 руб. 14 алт. пол-5 д. Да по приходной же таможенной денежной книге 163-го ж году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 164-го году записных и весчих и скота пошерстного и рогового всякого збору взято 384 руб. 9 алт. 2 д., опричь того, что приписано в той приходной книге сверх подленника в перечню лишку 16 алт. 2 д. Да по приходной же таможенной денежной книге 163-го ж году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 164-го году с торговых и с промышленых людей с отпусков отъезжих и посороковых и порублевых и избных и полавочных пошлин взято 145 руб. 28 алт. пол-2 д. и не дописано в той приходной книге в перечень против подленника 11 руб. 8 алт. 3 д. Да печатных пошлин взято 218 руб. 17 алт. с полуденьгою и не дописано в той приходной книге в перечню против подленника 25 руб. 13 алт. 5 д. Всего не дописано в той приходной книге в перечню против подленника 36 руб. 22 алт. 2 д. И про те деньги у счету стольник и воевода Михайло Семенович Лодыженской таможенного голову Ондрея Кур//дюкова допрашивал, почему у него Ондрея во 163-м году в таможенной денежной книге против подленника не дописано в перечню и в приказную избу в государеву казну налицо не дал 36 руб. 22 алт. 2 д. И таможенной голова Ондрей Курдюков в допросе сказал: потому де у него Ондрея те деньги 36 руб. 22 алт. 2 д. в перечень не дописаны,

что де простотою в окладе обложились и те деньги проронили. И те деньги 36 руб. 22 алт. 2 д. взяти на таможенном голове на Ондрее Курдюкове, потому что не дописаны те деньги в перечень ево Ондреевым небереженьем. И всего в прошлом во 163-м году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 164-го году по таможенным приходным денежным книгам у таможенного головы у Ондрея Курдюкова с товарыщи всякого государева таможенного збору с торговых и с промышленых людей годового оброку и явчих пошлин и с руских товаров и с хлебных запасов и с рыбы десятые и записных и весчих и скота пошерстного и рогавого и с отпусков отъезжих и посороковых и порублевых и полавочных и избных и печатных пошлин и всякого мелочного таможенного збору собрано 1008 руб. 8 алт. пол-5 д. и с тем, что не дописано в приходной книге в перечень против подленника 36 руб. 22 алт. 2 д., опричь того, что приписано в приходной книге в перечню сверх подленника лишку 16 алт. 2 д. // А ис того числа у него ж таможенного головы у Ондрея Курдюкова с товарыщи по росходной таможенной книге тех государевых таможенного збору денег на таможенные росходы в таможню таможенному коморнику от таможенной избы от сторожи и за дрова и за лучину и за бумагу, пищую и за сало говяжье на свечи и на всякие таможенные росходы вышло в росход 21 руб. 19 алт. 4 д. А за росходом надобно в Якутцком остроге в таможне всякого государева таможенного збору 986 руб. 22 алт. пол-3 д. И как приложить к тому остатку приписные деньги 16 алт. 2 д. в наличные деньги, и в остатке будет 987 руб. 5 алт. пол-3 д. И в Якутцком остроге в приказной избе в приходной денежной книге за пометою дьяка Федора Тонково написано: в прошлом во 163-м году августа в 31 день Якутцкого острогу у таможенного головы у Ондрея Курдюкова с товарыщи принято в государеву казну ево Ондреева всякого таможенного збору налицо денег 950 руб. 16 алт. пол-3 д.; и не донес он Ондрей в прошлом во 163-м году и в приходной книге против подленника в перечень не дописал и в государеву казну налицо не отдал 36 руб. 22 алт. 2 д., и те деньги взяти на нем Ондрее. //

В прошлом во 164-м году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 165-го году в Якутцком остроге с торговых и с промышленых людей явки по алтыну, оброку по 8 алт. по 2 д. с человека взято с 302 человек. Да ис тех же людей с 22 человек взято оброку на прошлые годы да явки ж по алтыну с человека взято с 247 человек, всего взято явчего и оброку 97 руб. 15 алт. 4 д. А оброки взяты с тех с 247 человек порознь по 8 алт. по 2 д. с человека, в том числе з 40 человек, которые отъезжали из Якутцкого острогу на Ленской волок, а оброку и явчие с них взято в Якутцком остроге и писаны выше сего в 302-х человеках: в Жиганех с 83-х человек, на Чичюйском волоку в Якутцком уезде со 16 человек, в Ылимском остроге с 89 человек, в Енисейском остроге с 19 человек. // Да по приходной же таможенной денежной книге 164-го ж году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 165-го году с руских товаров и с хлебных запасов и с рыбы десятые и всякого мелочного таможенного збору взято 277 руб. 27 алт. пол-3 д. И не дописано в той приходной книге против подленника в перечень 22 алт. 2 д. Да по приходной же таможенной денежной книге 164-го ж году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 165-го году записных и весчих и скота пошерстного и рогового всякого збору взято 309 руб. 20 алт. 4 д., опричь того, что приписано в той приходной книге сверх подленника в перечню лишку 6 руб. 20 алт. пол-5 д. Да по приходной же таможенной денежной книге 164-го ж году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 165-го году с торговых и с промышленых людей с отпусков отъезжих и посороковых и порублевых и избных и полавочных по//шлин взято 110 руб. 12 алт. с полуденьгою, и не дописано в той приходной книге против подленника в перечень 2 алт. Да печатных пошлин взято 205 руб. 9 алт. пол-2 д., опричь того, что приписано в той приходной книге сверх подленника в перечень лишку 12 алт. 5 д. И всего в прошлом во 164-м году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 165-го году по таможенным приходным денежным книгам у таможенного головы у Ондрея Курдюкова с товарыщи всякого государева таможенного денежного збору с торговых и с промышленых людей годового оброку и явчих пошлин и с руских товаров и с хлебных запасов и с рыбы десятые и записных и весчих и скота пошерстного и рогового и с отпусков

отъезжих и посороковых и порублевых и полавочных и избных и печатных пошлин и всякого мелочного таможенного денежного збору собрано 1000 руб. 18 алт. пол-3 д., и с тем что не дописано в приходной книге в перечнях против подленника 24 алт. 2 д., опричь того, что приписано в приходной книге в перечнях лишку сверх подленника 7 руб. пол-2 д. А ис того числа у него ж таможенного головы (у) Ондрея Курдюкова с товарыщи по розходной таможенной книге тех государевых таможенного збору денег на таможенные росходы в таможню таможенному коморнику от таможенной избы от сторожи и за дрова и за лучину и за бумагу пищую и за сало говяжье на свечи и на всякие таможенные росходы вышло в росход 31 руб. 23 алт. 2 д. // А за росходом надобно в Якутцком остроге в таможне всякого государева таможенного збору 968 руб. 28 алт. пол-3 д. И как приложить к тому остатку приписные деньги 7 руб. пол-2 д. в наличные деньги, и в остатке будет 975 руб. 28 алт. 4 д. И в Якутцком остроге в приказной избе в приходной денежной книге за пометою дьяка Федора Тонково написано: в прошлом во 164-м году августа в 31 день Якутцкого острогу у таможенного головы у Ондрея Курдюкова с товарыщи принято в государеву казну ево Ондреева всякого таможенного збору налицо денег 975 руб. 4 алт. 2 д.; и не донес он Ондрей в прошлом во 164-м году тех денег и в приходной книге против подленника в перечень не дописал и в государеву казну не отдал 24 алт. 2 д. И те деньги взяти на нем Ондрее. //

В прошлом во 165-м году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 166-го году в Якутцком остроге по таможенной денежной книге с торговых и с промышленых людей явки по алтыну, оброку по 8 алт. по 2 д. с человека взято с 377 человек. Да явки ж по алтыну ж с человека взято с 232 человек да ис тех же людей взято оброку на прошлые годы с 2-х человек, всего взято явчего и оброку 114 руб. 17 алт. 2 д., опричь того, что приписано в той приходной книге в перечню лишку сверх подлинника 1 алт. А оброки взяты с тех з 232 человек порознь по 8 алт. по 2 д. с человека, в том числе з 42 человек, которые отъезжали из Якутцкого острогу на Ленской волок, а оброки и явчие с них взято в Якутцком остроге и писаны выше сего в 377 человеках: в Жиганех с 78 человек, на Чичюйском волоку в Якутцком уезде с 7 человек, с 2 человек не взято потому, что они поверстаны в государеву казачью службу, на Омолоеве реке с 5 человек, на Индигирке реке с 3 человек, в Ылимском остроге с 70 человек, в Енисейском остроге с 25 человек. // Да по приходной же таможенной денежной книге 165-го ж году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 166-го году с руских товаров и с хлебных запасов и с рыбы десятые и всякого мелочного таможенного збору взято 80 руб. 8 алт. Да по приходной же таможенной денежной книге 165-го году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 166-го году записных и весчих и скота пошерстного и рогового всякого таможенного збору взято 286 руб. 17 алт. 2 д., опричь того, что приписано в той приходной книге в перечню лишку сверх подленника 4 руб. 6 алт. 4 д. Да по приходной же таможенной денежной книге 165-го ж году сентября с 1-го числа да сентября по 1 число 166-го году с торговых и с промышленых людей с отпусков отъезжих и посороковых и порублевых и избных и полавочных пошлин взято 83 руб. 8 алт. 4 д., опричь того, что приписано в той приходной книге сверх подленника в перечень лишку 8 алт. пол-2 д. Да печатных пошлин взято 154 руб. 10 алт. с полуденьгою, опричь того, что приписано в той приходной книге сверх подленника в перечень лишку рубль 13 алт. пол-2 д. // И всего в прошлом во 165-м году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 166-го году по таможенным приходным денежным книгам у таможенного головы у Ондрея Курдюкова с товарыщи всякого государева таможенного денежного збору с торговых и с промышленых людей годового оброку и явчих пошлин и с руских товаров и с хлебных запасов и с рыбы десятые и записных и весчих и скота пошерстного и рогового и с отпусков отъезжих и посороковых и порублевых и избных и полавочных пошлин и всякого мелочного таможенного денежного збору собрано 718 руб. 23 алт. с полуденьгою, опричь того, что приписано в приходных книгах в перечнях сверх подленника лишку 5 руб. 29 алт. 1 д. // Да в таможенной денежной отпускной книге 165-го году ж написано: отпущен из Якутцкого острогу из таможни на низ по Лене в Житаны ленских пашенных крестьян приказщик Василей Скоблевской, а с ним

отпущено хлебного запасу и русково всякого товару и масла коровья и полтевого ветчинного мяса Якутцкого острогу по таможенной оценке на 700 на 80 на 2 руб. на 20 на 6 алт. на 4 д. Да у него ж Василья в отпуске к Ленскому волоку с шурином ево с Михайлом Максимовым Якутцкого острогу покупки мяхкой рухляди 11 сороков 30 соболей с хвосты, а Якутцкого острогу таможенная цена 478 руб. 25 алт. И с тех было у него Василья с обои ж отпусков довелось взять в Якутцком остроге в таможне денежной государевы пошлины порознь отъезжево и посорокового с соболей всего 7 алт. 5 д. да с человека по алтыну, итого 2 алт. да полавочного за гостин двор 14 алт. 4 д. да избного рубль да печатных пошлин с оценки с рубля по деньге, итово 5 руб. 10 алт. 4 д. И тех государевых пошлин на нем Василье в Якутцком остроге в таможне не взято, потому что в государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича [т.] грамоте, какова ему Василью дана на Москве из Сибирского приказу за государевою печатью и за приписью дьяка Григорья Протопопова, написано: как он Василей приедет на Лену, и на Лене в Ылимском уезде деревню свою и в Ылимском же // и в Якутцком острогах в их уездех деревенской и всякой завод, лошади и рогатой скот и деревенской пахоты хлеб и всякую домовую лишную посуду учнет продавать и на мяхкую рухлядь менять, и тое ево продажу и покупку велено записывать в таможне имянно и с той ево продажи и с меновной с мяхкой рухляди никаких государевых пошлин имать не велено; а что с той ево продажи и с покупки и с отпусков каких государевых таможенных и проезжих всяких пошлин взять доведетца, и о том велено писать ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] к Москве. А что у него Василья в покупке в Якутцком остроге мяхкой рухляди и что было с ней довелось взять государевы десятой пошлины мяхкою рухлядью, и то писано в счетном соболином списке имянно особь статьею во 165-м ж году. // А ис того числа у него ж таможенного головы у Ондрея Курдюкова с товарыщи по розходной таможенной книге тех государевых таможенного збору денег на таможенные росходы в таможню таможенному коморнику от таможенной избы от сторожи и за дрова и за лучину и за бумагу пищую и за сало говяжье на свечи и на всякие таможенные росходы вышло в росход 27 руб. 1 алт. 4 д. А за росходом надобно в Якутцком остроге в таможне всякого государева таможенного збору 691 руб. 26 алт. пол-3 д. И как приложить к тому остатку приписные деньги 5 руб. 29 алт. 1 д. в наличные деньги, // и в остатке будет 697 руб. 22 алт. пол-2 д. И в Якутцком остроге в приказной избе в приходной денежной книге за пометою дьяка Федора Тонково написано: в прошлом во 165-м году Якутцкого острогу у таможенного головы у Ондрея Курдюкова с товарыщи принято в государеву казну ево Ондреева всякого таможенного збору налицо денег 697 руб. 22 алт. пол-2 д. //

В прошлом во 166-м году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1-е число 167-го году в Якутцком остроге с торговых и с промышленых людей явки по алтыну, оброку по 8 алт. по 2 д. с человека взято с 335 человек да явки ж по алтыну с человека взято с 175 человек, всего взято явчего и оброку 99 руб. 1 алт. 4 д. А оброки взяты с тех со 175 человек порознь по 8 алт. по 2 д. с человека, в том числе с 59 человек, которые отъезжали из Якутцкого острогу на Ленской волок, а оброку и явчие с них взяты в Якутцком остроге и писаны выше сего в 335 человек: в Житанех с 50 человек, на Чечюйском волоку в Якутцком уезде з 3 человек, на Индигирке реке с 4 человек, в приказной избе с 2 человек, на Ленском волоку с 39 человек, в Енисийском остроге со 18 человек. // Да по приходной же таможенной денежной книге 166-го году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 167-го году с руских товаров и с хлебных запасов и с рыбы десятые и всякого мелочного таможенного збору взято 66 руб. 18 алт. пол-3 д. Да по приходной же таможенной денежной книге 166-го году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 167-го году записных и весчих и скота пошерстного и рогового всякого збору взято 210 руб. 2 алт. пол-4 д. Да по приходной же таможенной денежной книге 166-го ж году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 167-го году с торговых и с промышленых людей с отпусков отъезжих и посороковых и порублевых и избных и полавочных пошлин взято 71 руб. 27 алт. под-4 д. да печатных пошлин взято 94 руб. 13 алт. с полуденьгою. И всего в прошлом во 166-м году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 167-го году по таможенным

приходным денежным книгам у таможенного головы у Ондрея Курдюкова с товарыщи всякого государева таможенного денежного збору с торговых и с промышленых людей годового оброку и явчих пошлин и с руских товаров и с хлебных запасов и с рыбы десятые и записных и весчих и скота пошерстного и рогового и с отпусков отъезжих и посороковых и порублевых и полавочных и избных и печатных пошлин и всякого мелочного таможенного денежного збору собрано 541 руб. 30 алт. // Да в таможенной денежной отпускной книге 166-го ж году написано: отпущен из Якутцкого острогу ис таможни на низ по Лене и морем на Оленек реку для торгу и соболиной мены ленских пашенных крестьян прикащика Василья Степанова сына Скоблевского шурин ево Михайло Максимов сын москвитин да работники его Сидорко Григорьев, Стенька Иванов вымитин, Федька Семенов япанчинец, Данилко Григорьев, Мишка Нифонтов, Вахромейко Федоров, Андрюшка Алексеев, Стенька Иванов лелетин, Галахтионко Григорьев, Игнашка Семенов, Ярофейко Осипов, Савка Микитин; а с ним отпущено ево Васильевы деревенской пахоты хлебных запасов и деревенского заводу по таможенной оценке на 2325 руб. на 11 алт. на 4 д. Да у него ж Василья в отпуске к Русе с человеком ево с Кондрашком Ивановым мяхкой рухляди ево меновных и перекупных 165-го и 166-го годов в Якутцком остроге покупки и привозу из Жиганского зимовья 46 сороков 37 соболей с хвосты, 25 сороков 8 пупков собольих, 21 недособоль, 23 лисицы красных, 15 пуд 21 гривенка рыбьи кости моржевого зубу. А Якутцкого острогу по таможенной оценке той у него Василья всякой мяхкой рухляди и рыбьи кости моржевого зубу на 2384 руб. на 8 алт. на 2 д. И с тех было у него Василья с обеих отпусков довелось взять в Якутцком остроге в таможне денежной государевы пошлины порознь отъезжево с людей и посорокового с соболей рубль 19 алт. да печатных пошлин с оценки с рубля по деньге, итого 23 руб. 18 алт. 2 д., да с людей ево и с работников печатных ж пошлин // с человека по гривне, итого 2 руб. 3 алт. 2 д. И тех государевых пошлин на нем Василье в Якутцком остроге в таможне не взято, потому что в государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича [т.] грамоте, какова ему Василию дана на Москве из Сибирского приказу за государевою печатью и за приписью дьяка Григорья Протопопова, написано: как он Василей приедет на Лену, и на Лене в Ылимском уезде деревню свою и в Ылимском и в Якутцком острогах и в их уездех деревенской всякой завод, лошади и рогатой скот и деревенской пахоты хлеб и всякую домовую лишную посуду учнет продавать и на мяхкую рухлядь менять, и тое ево продажу и покупку велено записывать в таможне имянно и с той ево продажи и с меновной с мяхкой рухляди никаких государевых пошлин имать не велено; что с тое ево продажи и с покупки и с отпусков каких государевых таможенных и проезжих и всяких пошлин взять с него доведетца, и о том велено писать ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] к Москве. // А ис того числа у него же таможенного головы у Ондрея Курдюкова с товарыщи по розходной таможенной книге тех государевых таможенного збору денег на таможенные росходы в таможню таможенному коморнику от таможенной избы от сторожи и за дрова и за лучину и за бумагу пищую и за сало говяжье на свечи и на всякие таможенные росходы вышло в росход 22 руб. 11 алт. 4 д. А за росходом надобно в Якутцком остроге в таможне всякого государева таможенного збору 519 руб. 18 алт. 2 д. И в Якутцком остроге в приказной избе в приходной денежной книге за пометою дьяка Федора Тонково написано: в прошлом во 166-м году августа в 31 день Якутцкого острогу у таможенного головы у Ондрея Курдюкова с товарыщи принято в государеву казну ево Ондреева всякого таможенного збору налицо денег 519 руб. 18 алт. 2 д. И всего по сему счетному списку на таможенном голове на Ондрее Курдюкове взяти 37 руб. 13 алт.

Да по сему ж счетному списку по таможенным книгам 162-го и 163-го и 164-го и 165-го году у него ж таможенного головы у Ондрея Курдюкова объявилось сверх подленника в приходных таможенных в перечнях лишку приписано и в государеву казну в приказную избу отнесено 15 руб. 30 алт. пол-2 д. // И у счету про те лишные деньги стольник и воевода Михайло Семенович Лодыженской таможенного головы Ондрея Курдюкова допрашивал, какие те деньги Ондрей в приказную избу лишные принес. И в допросе он Ондрей сказал: потому де те

деньги в перечнях и в относе в государеве казне в Якутцком остроге в приказной избе в лишке и объявились, что писано во взятье в мелких перечнях по полуторе деньге и по деньге и по полуденьге, а в Якутцком остроге у торговых и у промышленых людей розных денег не бывает, и с них имано за розные деньги и за полуденьги копейками, и те деньги в перечень приписаны и отнесены в приказную избу с тем же таможенным збором вместе.

На обороте: Справил Онкудинко Титов.

Приход мяхкой рухляди порознь по годом.

В якутцкой приходной в таможенной десятинной соболиной книге 162-го году написано: таможенного десятинного збору таможенной голова Андрей Курдюков принял у прежнего таможенного ж головы у Василья Ростовщикова, что у него Василья собрано во 162-м году в сентябре месяце до ево Андреева в Якутцкой острог приезду 2 сорока 18 соболей с хвосты да 3 сорока 10 пупков собольих. Да во 162-м же году по той же приходной десятинной соболиной книге збору Андрея Курдюкова с товарыщи: 162-го ж году декабря со 18-го числа да сентября по 1 число 163-го году в таможенной избе с служилых и с торговых и с промышленых людей собрано по подлиннику 54 сорока 24 соболи с хвосты да 40 сороков 8 пупков собольих да 12 лисиц красных с лапы и с хвосты да бобр. А в перечню в тех десятинных книгах написано 54 сорока 23 соболи с хвосты да 40 сороков 3 пупка собольих да 12 лисиц красных да бобр. И против подлинника в перечню не дописано соболя да 5 пупков собольих. И обоего во 162-м госу сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 163-го году десятинные мяхкие рухляди в зборе 57 сороков 2 соболи с хвосты да 43 сорока 18 пупков собольих да 12 лисиц // красных да бобр и с тем, которые соболь да 5 пупков собольих в таможенной книге в перечню не дописаны. Да в той же в десятинной соболиной книге написано: гостя Василья Записи у прикащика у Лучки Игнатьева довелось взяти государевы десятые пошлины с 5 сороков с хвосты по оценке с 300 руб. з 23-х алт. з 2 д. И с него Лучки в таможне государевы десятой пошлины не взято, потому что гостя Василья ж Записи у прикащика ево у Ермолки Кошкодаева взята государева десятая пошлина с руских товаров по оценке со 68 руб. в Сибири на Березове городе в прошлом во 158-м году да з 232 руб. з 23-х алт. з 2 д. в Енисейском остроге в таможне в прошлом во 160-м году, а те соболи покупал он Лучка в Якутцком остроге ис того руского товару, с которого товару плачена государева десятая пошлина на Березове и в Енисейском остроге в таможнях в прошлых во 158-м и во 160-м годех по оценке деньгами сполна. В в якутцкой в приходной книге 162-го году написано: августа в 31 день в приказную избу стольнику и воеводе Михайлу Семеновичю Лодыженскому да дьяку Федору Тонково объявил таможенной голова Андрей Курдюков с товарыщи збору своего и что принял у Василья Ростовщикова 162-го году и в приказную избу в государеву казну принято 57 сороков 1 соболь с хвосты да 43 сорока 13 пупков собольих да 12 лисиц красных да бобр. // И не донес он Андрей и в государеву казну не отдал соболя да 5 пупков собольих, которые у него против подлинника в перечню не приложены.

По приходной десятинной книге 163-го году сентября с 1-го число да сентября ж по 1 число 164-го году в Якутцком остроге в таможенной избе с служилых и с торговых и с промышленых людей собрано государевы десятинные мяхкие рухляди по подлиннику 43 сорока 34 соболи с хвосты, в том числе 6 соболей без передних лап да 30 соболей без передних и без задней лапы с полухвосты, да 33 сорока 23 пупка да 7 сороков 2 хвоста собольих, опроче того, что в тех таможенных книгах в перечню сверх подлинника приписано лишку 4 пупка собольих. Да в той же в десятинной соболиной книге написано: довелось взяти государевы десятые пошлины боярина князя Якова Куденетовича Черкаского у крестьянина ево у Пиминка Федорова Ташлыкова с 5 сороков соболей с хвосты, гостя Кирила Босово у человека ево у Моски Федорова с 15 сороков с 3-х соболей с хвосты по таможенной оценке с 743-х руб. с 3-х алт. с 2 д., у торговых людей у Ивашка Васильева Северова с 59 соболей по оценке со 65 руб. с полтиною, у Ивашка Никитина Тюрина кинешемца с 13 сороков соболей с хвосты по оценке со 648 руб. з 23-х алт. з 2 д. И с них Пиминка // с товарыщи в Якутцком остроге в таможне

десятой пошлины не взято, потому что Пиминко Ташлыков соболи покупал в Якутцком остроге на привозные свои деньги, которые деньги вышли у него Пиминка ис продажи в Енисейском остроге из руского ис привозного товару, с которого товару плачена у него Пиминка государева десятая пошлина в Енисейском остроге в таможне по оценке деньгами в прошлом во 161-м году; а у Моски Федорова потому, что плачена у него Моски с руских товаров государева десятая пошлина со 133-х руб. с 3-х алт. с 2 д. в Тобольску в прошлом во 155-м году, да с ним же Москою да с Микиткою Ворыпаевым в прошлом во 157-м году пришло к Ленскому волоку по тобольской и енисейской проезжим грамотам 610 руб. денег, а те деньги вышли у них из руских их из привозных товаров в Тобольску и в Енисейском остроге, с которых товаров плачено у них государева десятая пошлина у Митьки Ворыпаева в Тобольску, а у него Моски в Енисейском остроге в прошлом во 156-м году; и на те деньги он Моска купил на Ленском волоку мяхкой рухляди соболей, и с тех ево покупочных соболей на Ленском волоку таможенной целовальник Васька Выломаев взял десятую пошлину собольми полную, а тово ему Моске денежного платежу против 610-ти руб. не зачел; и по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича [т.] указу и по памяти из приказные избы стольника и воеводы Михайла Семеновича Лодыженского да дьяка Федора Тонково велено ему Моске десятую пошлину, что взял на Ленскому волоку Васька Выломаев // со 610-ти руб. зачесть десятую пошлину, которая десятая пошлина доведетца взять с ыных ево Москиных товаров; и те 15 сороков 3 пупка собольих купил он Моска на те товарные деньги, которые вышли из руских проданых товаров, с которых со 133-х руб. с 3-х алт. з 2 д. плачена государева десятая пошлина в Тобольску в прошлом во 155-м году, и на товарные ж деньги, которые вышли в Якутцком остроге ис продажи ис тех из русских товаров, с которых по государеву указу и по памяти из приказные избы ему Моске за илимскую десятую пошлину за 610 руб. зачтено; а у Ивашка Северова потому, что он те соболи покупал в Якутцком остроге на те деньги, которые вышли ис товарной и ис хлебной продажи, с которых взята государева десятая пошлина в Якутцком в таможне по оценке деньгами сполна во 163-м же году; а у Ивашка Тюрина потому, что у него Ивашка и у сына ево плачена государева десятая пошлина на Тюмени и в Тобольску и в Енисейском с руских привозных товаров и на Ленском волоку с хлебных запасов в прошлых во 155-м и во 156-м и во 162-м годех государевы десятые пошлины по оценке с 548 руб. з 23-х алт. з 2 д.; да с ним же Ивашком пришло 100 руб. денег, а те деньги вышли у него Ивашка ис продажи ис платежного из руского товару, с которого товару взята государева десятая пошлина на Тюмени и в Тобольску в прошлых во 155-м и во 156-м годех, а на Ленском волоку во 161-м году по оценке деньгами сполна; а те 13 сороков соболей купил он Ивашко в Якутцком остроге на те руские товары и на хлебные запасы и на привозные деньги, // с которых товаров и с хлебных запасов и з денег взята десятая пошлина на Тюмени и в Тобольску и в Енисейском и на Ленском волоку в прошлых во 155-м и во 156-м и во 161-м и во 162-м годех. А в якутцкой в приходной книге 163-го году написано: августа в 31 день в приказную избу стольнику и воеводе Михайлу Семеновичю Лодыженскому да дьяку Федору Тонково объявил таможеной голова Андрей Курдюков с товарыщи збору своего 163-го году и в приказную избу в государеву казну принято 43 сорока 34 соболи да 33 сорока 27 пупков да 7 сороков 2 хвоста собольих и с тем, что в том числе принес он Андрей сверх своих книг налицо лишку 4 пупка собольих, которые у него в книгах в перечню были приложены лишние.

По приходной десятинной соболиной книге 164-го году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 165-го году в Якутцком остроге в таможенной избе с служилых и с торговых и с промышленых людей собрано государевы десятинные мяхкие рухляди по подлиннику 36 сороков 2 соболи с хвосты да 31 сорок 27 пупков да 28 хвостов собольих да 2 бобра да лисица красная, опроче того, что в тех их книгах в перечню приписано лишку сверх подлиника 12 хвостов собольих. Да в той же в десятинной соболиной книге 164-го ж году написано: гостя Василья Записи у приказщика у Игнашки Васильева сына Протопопова со 11 сороков з 25 соболей с хвосты Якутцкого острогу по таможенной оценке

с 524-х руб. в Якутцком остроге в таможне государевы десятой // пошлины не взято, потому что он Игнашка те соболи покупал в Якутцком остроге на привозные свои деньги, которые деньги вышли в Енисейском остроге и на Красном Яру из продажи из руских их ис привозных товаров, с которых товаров у него Игнашки взята государева десятая пошлина в Енисейском остроге и на Красном Яру в таможнях в прошлом во 162-м году по оценке деньгами сполна. А в якутцкой в приходной книге 164-го году написано: августа в 31 день в приказную избу стольнику и воеводе Михаилу Семеновичю Лодыженскому да дьяку Федору Тонково объявил таможенной голова Андрей Курдюков с товарыщи збору своего 164-го году и в приказную избу в государеву казну принято 36 сороков 2 соболи с хвосты да 31 сорок 27 пупков да сорок хвостов собольих и с тем, что в том числе принес он Андрей сверх своих книг налицо лишку 12 хвостов собольих, которые у него в ево книге сверх подлинника в перечню были приложены лишние.

По приходной десятинной соболиной книге 165-го году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 166-го году в Якутцком остроге в таможенной избе с служилых и с торговых и с промышленых людей собрано государевы десятинные мяхкие рухляди 49 сороков 17 соболей с хвосты, в том числе 9 соболей без хвостов, да 16 соболей с одною лапою с полухвосты да 42 сорока 32 пупка да 3 сорока 7 хвостов да 2 шубенка даурские собольи да 5 пластынишек собольих да бобр да выдра да розсомака без передних лап. // Да в той же в десятинной соболиной книге 165-го ж году написано: довелось было взяти государевы десятые пошлины у торгового человека у Ивашка Власова устюжанина с 44-х соболей по оценке со 68 руб. с полтиною да у промышленых людей у Митрошки Григорьева усольца з 24 соболей с хвосты по оценке з 25 руб. с полтиною да сибирского архиепископа у крестьянина ево у Ортюшки Тимофеева с 3-х сороков соболей с хвосты по оценке со 130 руб.; и у них Ивашка с товарыщи в Енисейском остроге в таможне государевы десятой пошлины не взято, потому что у Ивашка Власова на Ленском волоку с хлебных запасов в государевы житницы хлебом же и в таможне с приценки деньгами взято в прошлом во 164-м году, а у Митрошки Григорьева плачена государева десятая пошлина с хлебного запасу и с руского товару и с хмелю на Красном Яру и в Ылимском остроге и с приценки в Якутцком остроге в таможне по оценке з 25 руб. с полтиною деньгами сполна; а у Ортюшки Тимофеева потому, что он соболи покупал в Якутцком остроге на привозные свои деньги, что пришли с ним по илимской проезжей грамоте 130 руб., а с тех у него денег взята государева десятая пошлина на Ленском волоку в таможне во 165-м году деньгами сполна; а те соболи они Иван с товарыщи купили в Якутцком остроге на те деньги, что вышли ис тех хлебных запасов и из руских товаров и с хмелю, с которых у них государева десятая пошлина плачена в Якутцком остроге и на Красном Яру деньгами и хлебом в прошлых годех. // Да в той же в десятинной в соболиной книге 165-го ж году написано: у промышленого человека у Федьки Аверкиева колмогорца с перекупных з 12 сороков соболей с хвосты по оценке с 480 руб. у него Федьки в Якутцком остроге в таможне государевы десятой пошлины не взято, потому что ревы десятой пошлины не взято, потому что у Ивашка Власова на Ленском волоку в государевы житницы выдельным хлебом и десятым снопом с 1000 з 200 пуд и в Ылимском остроге и с приценки в Якутцком остроге в таможне по оценке а те он Федька соболи купил в Якутцком остроге на те хлебные запасы, с которых запасов взята у него Федьки государева десятая на Ленском волоку в государевы житницы выдельным хлебом десятым снопом. И у счёту таможенной голова Ондрей Курдюков сказал: потому де он Ондрей у промышленого человека у Федьки Аверкиева с тех з 12-ти сороков соболей государевы перекупные десятые не взял, что де у него в ылимской в проезжей грамоте целовальников Прокопья Стрелина да Якима Симанова написано, что де у того Федьки на Ленском волоку в государевы житницы выдельным хлебом десятым снопом с 1200 пуд по оценке с 480 руб. в прошлых во 159-м и во 160-м и во 162-м годех десятая взята, а те он Федька соболи купил на те хлебные запасы. // Да в той же в таможенной в десятинной соболиной книге 165-го ж году написано: в покупке ленских пашенных крестьян у приказщика у Василья Скоблевского в Якутцком остроге мяхкой рухляди 12 сороков 34 соболи с хвосты да 8 сороков пупков собольих, а цена

той рухляди 522 руб. 8 алт. 2 д.; и с той у него покупки довелось было взяти на государя за деньги за 52 руб. за 7 алт. за 3 д. государевы десятой пошлины мяхкою ж рухлядью 51 соболь с хвосты да 32 пупка собольих да с 4-х соболей по оценке за деньги ж 4 пупка собольих; и той государевы десятой пошлины на нем Василье в Якутцком остроге в таможне не взято, потому что в государеве царсве и великого князя Алексея Михайловича [т.] грамоте, какова ему Василью дана на Москве из Сибирского приказу за государевою печатью и за приписью дьяка Григорья Протопопова, написано: как он Василей приедет на Лену и на Лене в Ылимском уезде деревню свою и в Ылимском же и в Якутцком острогах и в их уездех деревенской и всякой завод, лошади и рогатой скот и деревенской пахоты хлеб и всякую домовую лишную посуду учнет продавать и на мяхкую рухлядь менять, и тое ево продажу и покупку велено записывать в таможне имянно, и с той ево продажи и с меновной мяхкой рухляди никаких государевых пошлин имать не велено: а что с той ево продажи и с покупки и с отпусков каких государевых таможенных и проезжих всяких пошлин взяти доведетца и о том велено писать ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] к Москве. // А в якутцкой приходной книге 165-го году написано: августа в 31 день в приказную избу стольнику и воеводе Михайлу Семеновичю Лодыженскому да дьяку Федору Тонково объявил таможенной голова Андрей Курдюков с товарыщи збору своего 165-го году и в приказную избу в государеву казну принято 49 сороков 17 соболей с хвосты, в том числе 16 соболей без полухвостов, да 9 соболишков без хвостов да 42 сорока 32 пупка да 3 сорока 7 хвостов да 5 пластынишек собольих да 2 шубенка даурские собольи, а в них 32 пластынишка собольих да бобр да выдра да розсомака без передних лап, против приходу сполна.

По приходной десятинной соболиной книге 166-го году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 167-го году в Якутцком остроге в таможенной избе с служилых и с торговых и с промышленых людей собрано государевы десятинные мяхкие рухляди и по подлиннику 41 сорок 37 соболей с хвосты да 30 сороков 29 пупков да 8 хвостов собольих и с тем что в тех таможенных книгах в перечню против подлинника не дописано 10-ти соболей да пупка соболья. Да в той же в десятинной соболиной книге 166-го ж году написано: у торгового человека у Родьки Григорьева пежемца довелось взяти государевы десятой пошлины с 15 соболей с хвосты по оценке с 15 руб.; и у него Родьки в Якутцком остроге в таможне государевы десятой пошлины не взято, потому что он Родька те соболи купил в Якутцком остроге на привозные свои деньги, что вышли из продажи на Ленском волоку // из руских ево из привозных товаров, с которых товаров взята у него государева десятая пошлина в Ылимском остроге в таможне деньгами сполна в прошлом во 161-м году. Да в той же в таможенной в десятинной соболиной книге 166-го ж году написано: в покупке ленских пашенных крестьян у приказщика у Василья Степанова сына Скоблевского в Якутцком остроге в покупке мяхкой рухляди 4 сорока 17 соболей с хвосты, а цена той рухляди 186 руб.; и с той мяхкой рухляди в Якутцком остроге в таможне государевы десятой пошлины не взято, потому что в государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича [т.] грамоте, какова ему Василью дана на Москве из Сибирского приказу за государевою печатью и за приписью дьяка Григорья Протопопова, написано: как он Василей приедет на Лену и на Лене в Ылимском уезде и в Якутцком острогах и в их уездех деревенской и всякой завод и лошади и рогатой скот и деревенской пахоты хлеб и всякую домовую лишную посуду учнет продавать и на мяхкую рухлядь менять, и тое ево продажу и покупку велено записывать в таможне имянно и с той ево продажи и с меновной с мяхкой рухляди никаких государевых пошлин имать не велено; а что с той ево продажи и с покупки и с отпусков каких государевых таможенных и проезжих всяких пошлин взять доведетца, и о том велено писать ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] к Москве. // А в якутцких в приходных книгах 166-го году написано: августа в 31 день в приказную избу стольнику и воеводе Михаилу Семеновичю Лодыженскому да дьяку Федору Тонково объявил таможенной голова Андрей Курдюков с товарыщи збору своего 166-го году и в приказную избу в государеву казну принято 41 сорок 27 соболей да 30 сороков 28 пупков да

8 хвостов собольих. Да в нынешнем во 167-м году у него же Ондрея принято в государеву казну збору прошлого ж 166-го году, что у него в доимке было взять, 10 соболей да пупок соболей.

И всего по сему счетному списку на таможенном голове на Ондрее Курдюкове взяти по таможенным десятинным соболиным книгам, чево он Андрей против своих книг не донес и в государеву казну в приказную избу не отдал, во 162-м году 1 соболь с хвостом да 5 пупков собольих. Да по сему ж счетному списку по таможенным десятинным соболиным книгам 163-го и 164-го годов у него ж Андрея сверх подлинника в приходных перечнях лишку приписано и в государеву казну в приказную избу отдано 4 пупка да 12 хвостов собольих. И у счету про те лишние пупки и хвосты собольи стольник и воевода Михайло Семенович Лодыженской таможенного голову Андрея Курдюкова допрашивал, какие он Андрей сверх своих зборных книг в государеву казну в приказную избу лишние пупки и хвосты принес. // И таможенной голова Андрей Курдюков в роспросе сказал: потому де те пупки и хвосты собольи сверх подлинников в перечнях и объявились, что де в том обложеносlargest без хитра.

К сей скаске Андрюшко Курдюков руку приложил. Стольник и воевода Михайло Лодыженской руку приложил.

На обороте: Справил подьячей Сенька Ермолин.

К. 184, столб. 6 на 42 ставах; сст. 1—42.

123. *1658—59 гг. — Челобитная торговых и промышленных людей Якова Васильева Дяхка с товарищами, поданная на Колыме реке сыну боярскому Ивану Ерастову о невзимании с них «святительских пошлин и подчеревных пенных денег» и о присылке к ним из Якутска священника для крещения их жен и детей.*

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] бьют челом сироты твои государевы торговые и промышленые люди розных городов Якунька Васильев Дяхка, Федька Иванов Лаптев соликамской, Ивашко Иванов Виселкин, Семейка Иванов казанец, да промышленые люди Сидорко Еремеев Балин, Ивашко Гаврилов Шадра, Игнашка Михайлов устюжанин, Олешко Семенов лалетин, Дружинка Васильев Калининых, Панфилко Титов, Тренька Иванов Рочев, Евсевейко Денисов Пинега, Семейка Денисов, Филька Иванов пиняжанин, Десятко Афонасьев мезенец, Якунька Кондратьев чердынец, Смирняшка Иванов, Тараско Васильев да Райко Терентиев Стадухины, Бориско Григорьев Шелепов, Мишка Микифоров Колобко, Первушка Якимов, Марко Анисимов Ващенин, Фочка Галахтионов кузнец, Ивашко Григорьев Залядей, Петунка Петров Безносой, Бориско Дмитриев, Ивашко Тимофеев банщик, Микитка Григорьев кокшар, Баженко Тимофеев плотник, Калинка Агапитов, Якунька Иванов Нос, Ивашко Цынга, Якунька Иванов вырян, Максимко Агапитов Непряха, Марко Федоров вычегжанин, Ивашко Федосеев Кузаков, Тимошка Васильев Бахор. В нынешнем, государь, во 167-м году пришла из Якутцкого острогу от поповского старосты попа Якова Прокофьева перехожая память к торговому человеку к Михайлу Синицыну на Индигирку и на Алазейку и на Колыму реки и по иным сторонным рекам, а по той памяти велено ему Михайлу с нас сирот твоих имать пресвященново Семиона архиепископа сибирсково и тобольского святительские пошлины и подчеревные пенные деньги, которых у нас сирот твоих на Колыме реке покупаны погромные юкагирские иноземские девки, и с теми, государь, ясырями прижиты у нас сирот твоих дети, и живут у нас те ясыри и дети не крещены года по 2 и по 3 и больши. А мы, государь, сироты твои не ходим в Якутцкой острог для ради скудости пожитков своих, потому что, государь, мы сироты твои покупаем судовые // места и хлебные запасы и промышленые заводы дорогою ценою и от тех, государь, мы сироты твои от промышленых заводов и от хлебных запасов задолжали великими долги, а в тех, государь, долгах стоим мы сироты твои на Колыме реке на правеже. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович [т.], пожалуй нас сирот своих вели, государь, Якутцкого острогу сыну боярскому Ивану Ерастову челобитную нашу принять и послать в Якутцкой острог, чтоб, государь, нас пожаловал, не велел с нас с сирот твоих святительских пошлин и подчеревных пенных денег имать, потому что, государь, ныне мы сироты

твои платим твою государеву новую другую десятую пошлину с соболей и со всяких наших пожитков. И вели, государь, к нам послать из Якутцкого острогу священника, чтобы у нас сирот твоих ясырей наших и детей в православную веру привесть, окрестить и молитвить, а нам б, государь, сиротам твоим молитву дал и те святительские пошлины и подчеревные пенные деньги по указу имать. А не вели, государь, с нас сирот своих тому Михайлу Синицыну на Колыме реке тех святительских пошлин и подчеревных пенных денег имать, потому что, государь, мы сироты твои обнищали и задолжали великими долги. Царь государь, смилуйся пожалуй.

На обороте 5 рукоприкладств.

К. 184, столб. 10 на 52 ставах; сст. 16—17.

124. *1659 г. ранее апреля 9. — Челобитная индигирского юкагира Ландыя на торгового человека Ивана Катаева, замучившего сына его Чачу в тундре, наняв его «вожем» в соболиный промысел, и допросные речи разных лиц по этому делу.*

I. — Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] бьет челом холоп твой ясачной индигирской юкагир Ландый. Жалоба, государь, мне на торгового человека на Ивана Федорова Катаева в том: в нынешном, государь, во 167-м году зимою ходил сын мой Чеча с ним Иваном да гостей Василья Шорина да Семена Задорина с человеком их з Григорьем Вахромиевым в вожах в Хромовскую губу на тундру по их соболи на моих на 9-ти оленях. И он Иван в ходу сына моего Чачю на тундре огнем жег и бил и безвестно его утерял, а ясаку, государь, сын мой Чача тебе государю с собя платил по вся годы по 10-ти соболей, а ныне того ясаку платить некому, а истец сыну моему ты государь. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайловичь [т.], пожалуй меня холопа своего вели, государь, того Ивана в той безвестной утеряной голове сына моего Чачи дать на поруки з записью Индигирского острожку приказному человеку Лазарю Савину Аргунову до своего государева указу и об том отписать вь Якутцкой острог к стольнику и воеводе к Михаилу Семеновичю Лодыженскому да к дияку к Федору Тонково, чтоб мне того ясаку сына Чачи не платить и вконец бы не погинуть. Царь государь, смилуйся. //

На обдроте: Пятно Ландыино.

II. — 167-го году априля в 9 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича [т.] указу и по наказной памяти стольника и воеводы Михайла Семеновича Лодыженского да дьяка Федора Тонково на Индигирьке реке в ясашном зимовье приказной человек Лазарь Аргунов допрашивал по государеву крестному целованью в правду гостя Василья Шорина прикащика его, лавошново сидельца Олешку Сидорова тотменина, как он Олешка наимывал ясашново юкагиря низовых мужыков Чачю Ландина сына к морю на тундру ходить на Хромовскую губу по жывот по свой. //

И в допросе он Алешка сказал по государеву крестному целованью в правду: нанял де я Алешка ево Чачю Ландина сына на дороге от Хромые идучи на Ин[ди]гирьку на 9-м днище, а наимывал де я Алешка ево Чачю при промышленых людех при Семейке Филатове Долгополе да при Ивашке Андриеве да при Пструшке Щукине, а найму де я Алешка рядил ему Чаче от тое дороги 70 соболей да оленя да 2 котла; а как де он Чача пришел на Хромую в ясашное зимовье и хозяйской человек Гришка Варфоломиев да торговой человек Ивашко Федоров Катаев ему Чаче еще найму прибавили 10 соболей, а котлы у соболей оставлены на тундре: один котел весом 8 ф., а другой 5 ф.; а с ним Чачею пошло 10 оле[н]и, а будет которой олень на дороге пропадет, и за те олени ряжено по 7-ми соболей за оленя, а наимывал де я Алешка по хозяйскому приказу, чтобы де нам хозяйсково жывота не потерять, а иной де мне нихто не говаривал ничево ж.

То[го] же дни на Индигирьке реке в ясашном зимовье приказной человек Лазарь Савин сын Аргунов допрашывал промышленого человека Семейку Филатова по государеву крестному целованью в правду, и в допросе он Семейка Филатов сказал по государеву крестному целованью в правду: видял де я Семейка как де он Алексей наимывал ясашново юкагиря Чачю, а Чачя де у нево наимывал сам из воли, нихто ему не велел и служылых людей тут на дороге не было кроме

нас промышленых людей 3-х человек: меня Семейки да Ивашка Андриева да Петрушки Щукина; а на ряде де у них было ему Чаче найму ряжено 70 соболей да оленя, да будет соболи найдут, ино у соболей 2 котла. //

Того ж дни приказной человек Лазарь Савин сын Аргунов на усть Уяндины реки в ясашном зимовье допра[ши]вал торгового человека Ивашка Федорова Катаева по государеву крестному целованью в правду, и в доп[ро]се он Ивашко сказал по государеву крестному це[ловань]ю в правду: наимывали де мы ево Чачю в вожы к морю ходить вожем по жывот по свой по соболи, а наперед ему Чаче найму в задаток дали 20 соболей, а всево найму ему Чаче ряжено 2 сорока соболей, а достальные соболи ряжено ему Чаче додать как он Чача от моря с собольми придеть, а пошел он Чача с нами на 10-ти оленях, и десятого оленя он Чача воротил з дороги з братом назад; на ряде де у нас с ним Чачею было, которой олень в дороге ходя пристанет под нашим животом или пропадет, или мы сами какова оленя убьем для свое[го] корма и нужы, [и] ему Чаче на нас взять за ево [о]леня по 7-ми соболей; и назад идучи он Чача от меня Ивашка остался жыв не дошед по Хромой реке Падерина летовья версты с 3 или с 4, а хотел он Чача быть на Хромую реку в ясашное зимовье, а дорогою де ходя он Чача на ту реку не попал, где нашы соболи оставлены, и блудил де он Чача по тундре 7 недиль, и по тундре де ходя мы нашли пищаль гладкую Григорья Шорина, а пищаль нашли не у соболей, блиско Елони реки, а в том межу нами была и запись, а запись у нево Чачи. //

Того ж дни допрашиван служилой человек Васька Кузьмин по государеву крестному целованью в правду, как у Хромой реке наймовали ясашново юкагиря Чачю итти на тундру соболей искать торговые люди Гришка Шерин да Ивашко Катаев, слышил де яз и видел как он Чеча пошел с ними Гришкою да Ивашком, а про служилого человека про Омельку Аргунова он же Васька допрашиван, посылал ли Чечю он Омелька сильно или нет, и тово яз не ведаю. А Гришка Шерин с тундры пришел с парнем в Тюленье в зимовье, а в ясашное он Гришка пришел один, а Ивашка Катаева покинул на Налиме реке, а Чечю де покинули далече не дошед до лабазов, а пришли де они Гришка и Ивашко без оленей пеши, и как пошли на тундру соболей искать, и они Гришка да Ивашко дали ему Чече на себя запись в оленях, которой олень съедим или которой пропадет, а цены оленям не ведаю. То за мною и речи.

На обороте: К сим допросным речам вместо Олексея Сидорова по ево веленью Ивашко Лупанов руку прило[жил]. К сей скаске вместо Семена Филатова по его веленью Пронька Хрисанфов Дудин руку прило[жил]. К сим речам Ивашко Федоров Катаев руку прило[жил]. К сим речам вместо Василья Козьмина по его веленью Пронька Хрисанфов Дудин руку приложил.

К. 184 столб. 10 на 52 ставах; сст. 43—47.

125. *1659 г. ранее ноября 14. — Отписка сына боярского Ивана Ерастова якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому об убийстве на Колыме реке промышленного человека Аксена Терентьева и его ясыря ясачными юкагирями Ломокой Коментовым и Чаклакой Апаниным.*

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] стольнику и воеводе Михаилу Семеновичю да дьяку Федору Васильевичю сын боярской Ивашко Ерастов челом бьет. В прошлом во 166-м году на Колыме реке ясачные юкагири Ломоско Коментов да Чаклака Апанин брат убили промышленого человека Оксена Терентьева и ево ясырь юкагирскую бабу имянем Емледа, а ево Оксена закололи на реке у езовья на рыбной ловли, а ясырь в зимовье убили и зимовье сожгли, а что соболишек у того Оксена было, и оне взяли и розделили по себе. А про то иноземское убойство объявил на Середней ярманке промышленой человек Тимошка Елисеев Вершина. И яз Ивашко тех убойцов сыскал Ломоска Коментова и по государеву указу ево бил кнутом нещадно для иных иноземцов впредь пристрастки и воровства. И с пытки он Ломоско винился, убил де того Оксена Чакля Апанин брат, яз де убил Оксена, яз де убил Оксена женку ево некрещеную имянем Емледа. И роспрашиван ясачной юкагирь Чакля Апанин брат про то убойство промышленого человека Оксена Терентьева. И он Чакляка в том убойстве не

винился, а сказывал, я де с ним Ломоком в том убойстве не был и того Оксена не убил, а был де я в то время на Блудной реке и шлюсь на ясашных юкагирей. И те ныне ясачные юкагири Ломоко и Чакля даны на поруки за добрых лутчих князцов в том убойстве и в прежнем Ломокове воровстве до государева указу и до вашего приказу и до сыску. И в нынешнем во 167-м году на Колыме реке на Нижней ярманке торговые и промышленые люди били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю [т.], а в приказной избе подали челобитную мне Ивашку на ясачного юкагиря на Ломоко Коментова в убойстве промышленого человека Оксена Терентьева и в прежнем ево Ломокове воровстве об указе, чтоб ево юкагиря Ломока в том убойстве и в прежнем ево воровстве вершить. И яз Ивашко у них торговых и у промышленых людей тое их челобитную принял, и без государева указу и без вашего приказу до сыску тому ясачному юкагирю Ломоку в том ево убойстве и в прежнем ево воровстве указу учинить не посмел, и тое челобитную их и ясачных юкагирей Ломока Коментова и Чакли Апакина брата роспросные речи послал к вам в Якутцкой острог в приказную избу под сею отпискою. И вы что по государеву указу и по вашему приказу тому ясашному юкагирю Ломоку в том убойстве промышленого человека Оксена Терентьева и в прежнем ево Ломокове воровстве укажете.

На обороте: Государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] стольнику и воеводе Михаилу Семеновичю да дьяку Федору Васильевичю.

168-го году ноября в 14 день подал отписку промышленой человек Ивашко Кисельников.

К. 184, столб. 10 на 52 ставах; ст. 8.

126. *1663 г. января 15. — Дело о поимке беглого служилого человека Кондратия, сбежавшего к своему тестю ясачному якуту Кырдиге.*

I. — 171-го году генваря в 15 день в съезжей избе стольнику и воеводе Ивану Федоровичю Большому Голенищеву-Кутузову извещал словесно Батулинской волости якут Орюканко Секуев про изменника про Кондрашку, которой в прошлом во 159-м году великому государю изменил, с службы с Маи реки збежал, а в извете своем он сказал: пришел де тот Кондрашка к тестю своему, а к ево Орюканову холопу Кырдыге на усть Камнуны; и ныне де тот Кондрашка живет у тестя своего у Кырдыги; и чтоб великий государь пожаловал ево Орюканка, для поимки того изменника Кондрашки велел дать служилых людей, а на того изменника Кондрашку вожем пойдет он Орюканко.

Помета: Послать 10 человек и в вожа взять Орюканка.

II. — И того ж числа по того изменника по Кондрашку послана память, а в памяти пишет. //

Лета 7171-го году генваря в 15 день по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] указу память десятнику казачью Ивашку Кармалину да с ним служилым людем, ехати им из Якутцкого острогу в Батулинскую волость для того, что ведомо стольнику и воеводе Ивану Федоровичю Большому Голенищеву-Кутузову учинилось, что де изменник Кондрашко живет у Орюканова холопа, а у своего тестя у Кырдыги на усть Камнуны. И приехав в ту в Батулинскую волость, взять с собою в вожи якутов Кулнейка Тымныка да Орюканка Секуева да Батуруской волости якутов Девенека да Молтона Очюевых и ехать с ними для поимки того изменника Кондрашки к Орюканову холопу, а изменника Кондрашкину тестю х Кырдыге на усть Камнуны. И где инде того Кондрашку они Кулнейко, Орюканко и Девенек и Молтонко укажут, и тебе Ивашку над тем изменником Кондрашкою с служилыми людьми и сь якуты промышлять, прося у бога милости. А буде за того Кондрашку учнут родники ево битца, и тебе Ивашку по тому ж с ним битца огненным боем. А одноличнo б тебе Ивашку с служилыми людьми и сь якуты великому государю порадеть, изменника Кондрашку поимать. А буде ты Ивашко с служилыми людьми, наровя ему Кондрашке по посулом, не поимаешь, или поимав отпустишь, или прося у бога милости над ним Кондрашкою промышлять, где ево осадишь, не станешь, а про то сыщетца допряма, и тебе Ивашку за то от великого государя быть в жестоком наказанье и в смертной казни без пощады. А как для поимки изменника Кон-

драшки // ты Ивашко поедешь, и тебе Ивашку под себя и под служилых людей взять по два коня добрых у якутов у Камоса Гуликанова да у Немняка Очюева да у Енока Очюева да у Кушенея Карагина. А хто с ним Ивашком служилых людей послано, и тому под сею памятью роспись. А как милосердый бот помочи подаст, и великого государя счастье поспешит, изменника Кондрашку возьмете, и тебе б Ивашку с служилыми людьми весть ево Кондрашка с великим береженьем, чтоб он Кондрашка над собою дурна не учинил, на всяком стану стоять усторожливо, чтоб сродники ево Кондрашковы собрався ево не отбили на дороге и вас не побили, на всяких станех денных и ночных быть сторожам крепким. А которых лошадей возьмете у якутов, и вам бы их беречь по улусом, для своих прихотей никуда не разъезжать, самому тебе Ивашку и служилых людей не отпускать от себя и лошади якуцкие отдать якутом в целости. А что у него Кондрашки пожитков ево соболей и шуб собольих и лисьих и лисиц и скота что возьмешь, и тот весь пожиток ево привесть и скот ево пригнать с ним Кондрашкою в Якутцкой острог вместе и объявить в сьезжей избе стольнику и воеводе Ивану Федоровичю Большому Голенищеву-Кутузову. И однолично б тебе Ивашку, которые якуты на изменника на Кондрашку вожом пойдут, и тебе б у тех якутов, которые в сей памяти писаны выше сего, воль не отымать, промышлять над Кондрашкою по их якутцким волям. А будет на бою Кондрашка жив не здатца, и тебе ево Кондрашку убить, а убив привесть ево в Якутцкой острог вперед для якутцкого соблаженья на показ. //

Роспись: Десятник Ивашко Кармалин ,толмачь Ивашко Михайлов, Данилко Сыров, Володька Филипов, Баженко Лютой, Корнилко Ванюков, Мишка Лифанов, Ивашко Уваров, Оксенко Терентьев, Якелка Мясник.

К. 201, столб. 17 на 34 сставах; сст. 1—5.

127. *1663 г. не ранее марта ... — Челобитная промышленных людей Степана Федорова с товарищами, поданная чечуйскому приказному человеку Семену Епишеву об освобождении их от постройки судов.*

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] бьют челом сироты твои государевы промышленые людишка Стенька Федоров, Дениско Микитин верхотур, Осипко Иванов устюжанин, Ивашко Клементьев, Сидорко Трофимов, Пиминко Петров, Архипко Васильев, Левка Ондреянов, Онтонко Микитин, Софронко Емельянов, Микитка Федоров вычегжанин, Гришка Степанов и все промышленые людишка бьют челом. В нынешном, государь, во 171-м году по твоему государеву указу и по приказу стольника и воеводы Ивана Федоровича Голенищова Большово Кутузова Чичюйского волоку приказной человек Семен Епишов призывал нас сирот твоих государевых промышленых людишок в нынешном, государь, во 171-м году марта в ... день на Чичюйской волок в приказную избу и спрашивал плотников наймовать к судам, делать дощаники на великого государя. И время, государь, стало поздое, промышленые людишка с промыслов приходят поздо, и топоров купить негде. А с осени, государь, промышленые люди все розошлись на соболиные промыслы, плотников нет, нанять некого. А в прошлых, государь, годех при твоих государевых воеводах нас сирот промышленых людишек не спрашивали к твоему государеву делу к дощаникам. Да и ныне, государь, у нас сирот твоих судовых плотников нет. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович [т.], пожалуй нас сирот своих вели, государь, сию нашу челобитную принять Чичюйского волоку приказному человеку Семену Епишову и челобитье наше записать. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 202, столб. 5 на 84 сставах; сст. 12.

128. *1675 г. августа 31. — Роспись деньгам, собранных «в острожную поделку» таможенным заставным головой Никоном Вольским с торговых и промышленных людей Якутского острога.*

183-го году августа в 31 день роспись, что збирал я в Якутцком остроге по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] и по приказу воеводы Андрея Афонасьевича Барнешлеева таможенной заставной голова Никон Матвеев сын Вольского с торговых и с промышленых людей в острож-

ную поделку, с пожиточных людей смотря по пожитком их, а з бедных людей по 8 алт. по 2 д. с человека. А с ково имяны сколько взято, и то писано ниже сего. Гостиной сотни Андрея Лузина прикащика ево Федосия Акакиева с лавочного сидельца с Ывана Савина взято 5 руб., гостя Остафья Филатьева прикащика ево Еремея Иванова с лавочного ево сидельца с Елфима Петрова взято рубль, торгового человека устюжанина Василья Шертина с племянника ево з Григорья Серебриникова взято рубль, с торгового человека с Андрея Ворыпаева да з брата ево Василья взято 3 руб., с торгового человека с Никифора Бобровского взято 16 алт. 4 д., с торгового человека с Петра Хозова с сыном ево Петрушкою взято рубль, с торгового человека // с Сергея Иконника с племянником ево Лучкою взято 16 алт. 4 д., с торгового человека с Федора Кочюрова да з брата ево Стефана взято рубль, с торгового человека с Перфирья Переломова взято 26 алт. 2 д., с торгового человека с Ывана Пьянова взято 16 алт. 4 д., с промышленых людей с Тимошки Карпова взято 17 алт. 2 д., с Фомки Меркурьева взято 13 алт. 2 д., с Тимошки Щетинина взято 14 алт. 2 д., с Федьки Гаврилова взято 9 алт., з Герасимка Федотова взято 13 алт. 2 д., с Ыгнашки Терентьева взято 18 алт. 2 д., с Гаврилка Дмитриева Ситника взято 10 алт., с Митьки Васильева взято 10 алт., с Федьки Иванова взято 10 алт., с Петрушки Васильева взято 10 алт., с Максимки Акакиева взято 14 алт. 2 д., с Сергушки да с Демки Григорьевых взято 20 алт., с Стеньки Афонасьева взято 11 алт., с Олешки Мешкова взято 14 алт. 2 д., с Гришки да с Федьки Шергиных взято 24 алт., с Федьки Селиных взято 14 алт. 2 д., с Филатка Харламова [взято] 8 алт. 2 д., с Пронки Григорьева Полежаева взято 8 алт. 2 д. // с Федьки Сахатины взято 8 алт. 2 д., с Ывашка Преснецова взято 21 алт. 4 д., с Ивашка Михайлова взято 8 алт. 2 д., с Марчка Иванова взято 8 алт. 2 д., с Ывашка Игнатьева взято 8 алт. 2 д., с Курбатка Михайлова взято 10 алт., с Ивашка Родионова взято 8 алт. 2 д., с Федьки Семенова взято 8 алт. 8 д., с Федьки Панфилова взято 8 алт. 2 д., с Ивашки Карпова взято 8 алт. 2 д., с Ывашка Михайлова взято 10 алт., с Федьки Потапова взято 10 алт., с Ывашка Андреева взято 15 алт., с Коземки Никитина взято 8 алт. 2 д., с Якуньки Григорьева взято 8 алт. 2 д., з Гаврилка Иванова взято 11 алт. 4 д., с Васьки Норицына взято 8 алт. 2 д., с Фомки Никифорова взято 8 алт. 2 д., с Ывашка Гладкова взято 8 алт. 2 д., с Корнилка Богоноса взято 13 алт. 2 д., с Ларки Никифорова взято 11 алт. 4 д., с Ивашка Григорьева взято 8 алт. 2 д., с Ысачка Андреева взято 8 алт. 2 д., с Никифорка Иванова взято 8 алт. 2 д., с Федьки Логинова Шульги взято 14 алт. 2 д., с Ывашка Родионова Галашева взято 8 алт. 2 д., с Савки Анисимова взято 8 алт. 2 д., // с Андрюшки Иванова устюжанина взято 8 алт. 2 д., з Дружинки Инкова взято 8 алт. 2 д., с Никитки Савельева взято 8 алт. 2 д., с Якуньки Насанова взято 10 алт., с Лучки Нестерова взято 15 алт., з Герасимка Никитина взято 14 алт. 2 д., с Трифанка Козлова взято 18 алт. 2 д., с Епишки Козлова взято 8 алт. 2 д., с Федора Ключарева взято 11 алт. 4 д., с Ылюшки Чуракова взято 8 алт. 2 д., с Матюшки Тарасова взято 8 алт. 2 д., с Олешки Сергеева взято 18 алт. 2 д., с Максимка Минеева взято 11 алт. 4 д., с Якуньки Самойлова взято 12 алт., с Ларки Дмитриева взято 8 алт. 2 д., с Мишки Васильева взято 11 алт. 2 д., с Петрушки Михайлова взято 16 алт. 2 д., с Лучки Костентинова взято 8 алт. 2 д., с Тимошки Исакова Семеновых взято 8 алт. 2 д., з Бориска Савина взято 8 алт. 2 д., с Васьки Иванова Хабарова взято 8 алт. 2 д., с Ывашка Епифанова взято 8 алт. 2 д., с Стеньки Власова взято 8 алт. 2 д., с Васьки Парфентьева взято 8 алт. 2 д., с Никитки Ильина взято 8 алт. 2 д., с Пашка Павлова взято 8 алт. 2 д., с Якуньки Федорова взято 8 алт. 2 д., с Оськи Давыдова взято 8 алт. 2 д. // с Устюшки Иванова взято 8 алт. 2 д., с Ивашка Иванова взято 8 алт. 2 д., с Васьки Володимирца взято 10 алт., с Ивашка Стефанова взято 8 алт. 2 д., с Дорошки Осипова взято 8 алт. 2 д., с Лучки Трофимова взято 8 алт. 2 д., с Лучки Семенова Друженка взято 8 алт. 2 д., с Максимка Матренинского взято 8 алт. 2 д., с Олешки Ожегова взято 8 алт. 2 д., с Федьки Петрова взято 8 алт. 2 д., з Гришки Никитина взято 8 алт. 2 д., с Тимошки Алексеева взято 8 алт. 2 д., с Петрушки Тимофеева взято 8 алт. 2 д., с Аврамка Патракеева взято 8 алт. 2 д., с Ысачка Моисеева взято 8 алт. 2 д., с Нестерка Федотова взято 8 алт. 2 д., с Сергушки Игнатьева взято 8 алт. 2 д., с Ларьки Иванова взято 8 алт.

2 д., с Ывашка Петрова взято 8 алт. 2 д., с Федьки Максимова взято 8 алт. 2 д., с Ивашка Дмитриева взято 8 алт. 2 д., с Лазарька Дмитриева взято 8 алт. 2 д., с Томилка Михайлова взято 8 алт. 2 д., с Пиминка Матвеева взято 8 алт. 2 д., з Бориска Нарабалдина взято 8 алт. 2 д., с Вахромейка Минина взято 8 алт. 2 д., с Савы Костемина взято 8 алт. 2 д., с Мишки Карпова взято 8 алт. 2 д., с Митьки Михайлова взято 8 алт. 2 д., с Анкидинка Чарошника взято 13 алт. 2 д.

К. 211, столб. 12 на 5 сставах.

129. *1679 г. июля...—Наказная память якутского воеводы Фомы Бибикова чечуйскому таможенному целовальнику Якову Котельникову о сборе «десятой деньги».*

Лета 7187-го июля в . . . день по государеву цареву и великого князя Федора Алексеевича [т.] указу память на Чичюйской волок таможенному целовальнику Якову Котельникову. В нынешнем во 187-м году июня в 12 день в грамоте великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича [т.], какова прислана в Якутцкой к воеводе к Фоме Ивановичю Бибикову из Сибирского приказу за приписью дьяка Савы Таркова, написано: в прошлом во 186-м году указал великий государь с ыменитых великого государя людей с Строгоновых и з гостей и з гостинной и з суконной и с черных сотен и слобод и с кадашевцов и з дворцовых и с конюшенных слобод и с патриарших и с манастырьских и в городех с посадцких и с уездных со всяких чинов, с торговых и с промышленых и с ремесленых людей, с их животов и с промыслов для великого государя службы ратным людем на жалованье взять десятую деньгу, а в сибирских городех с посадцких и с уездных и с митрополичьих и с манастырских со всяких чинов, с торговых и с промышленых и с ремесленых людей, с их животов и с промыслов указал великий государь по тому ж десятую деньгу сберать. И как тебе ся память придет и тебе б по указу и по грамо//те окладывать торговых и промышленых и ремесленых и митропольих и манастырских людей по животом и по торгом и по промыслом их в правду по святой непорочной евангельской заповеди господней еже ей ей, и взяти скаски за их руками, что у ково животов и тортов и лавок и всяких заводов и промыслов. А взяв скаски обложилися б прямо в правду, помятуючи свои души, и в избылых бы нихто не был, и в окладе меж себя никому не норовили. А будет хто торговые всяких чинов люди скажут не правду, а ты Яков то усмотришь, и тебе Якову окладывать розыскав и сверх сказок, смотря по пожиткам и по промыслом. А будет торговые и промышленые и ремесленые и всяких чинов люди про животы свои и про лавки и про всякие свои заводы и промыслы скажут не правду и учнут таить, а ты Яков своим небереженьем не усмотришь и в окладе для взятья десятой деньги солжешь, а сыщетца про то допряма, и тем людем за утайку, а тебе Якову за нераденье быть от великого государя в жестоком наказанье безо всякие пощады. А как обложатца, и тебе Якову с тех людей по указу великого государя десятую деньгу по окладным книгам сберать, а на ослушниках доправить не замотчав. А как ты Яков те деньги с митропольих и с манастырских со всяких чинов с торговых и с промышленых и с ремесленых людей зберешь, и тебе Якову те деньги, к тем деньгам зделав двои окладные книги за своею рукою, привесть в Я[кут]цкой и подать в приказной избе воеводе Фоме Ивановичю Бибикову.

На обороте: Такову память Иван Креженовской взял, по его веленью казак Аверка Григорьев руку приложил.

Такову память Сергей Брусенин на Алазейку и на Блудную реку взял и руку приложил.

К. 214, столб. 14 на 147 сставах; сст. 1—2.

130. *1680 г. ранее июля 24.—Отписка с Зырянки реки сына боярского Тита Богомолова якутскому воеводе Фоме Бибикову о «непослушании и бунтах», посланных с ним казаков и об отпуске замененных «наемщиками» казаков Василия Верегина и Семена Паньщина, в виду угрозы убийства их остальными казаками.*

Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичю сынчишко боярской Титко Богомолов челом бьет. В нынешнем во 188-м году писал яз Титка к тебе, государь Фома Иванович, на казаков своих вь

их непослушанье и в смертном убойстве и в бунтах их в самовластных. А в нынешнем же во 188-м году маия в 13 день били челом тебе великому государю казаки Васька Берегин, Сенька Паньщинин, а мне Титку подали челобитную в Зырянке речке, а в челобитной своей пишут, что де на них грозятца казаки, хотят убить до смерти, и из зимовья вон вытти не смеют, называют их ушниками и кровопивцами, для тово что они живут со мною для твоей великого государя казны, и чтобы их велел великий государь отпустить в Якутцкой острог, а в их место взять наемщиков. И я Титко у них Васьки и Сеньки принял их наемщиков, не хотя их видеть в смертном убойстве, вместо Васьки Берегина колымской службы наемщика Ивана Щепеткина, Ивашка Васильева, а вместо Сеньки Паньщинина промышленова Митьку Титова, а их Ваську и Сеньку отпустил вь Якутцкой острог для тово, что мне их Ваську и Сеньку не в мочь оборонить от их озорничества и смертного убойства. И о том что ты, государь Фома Ивановичь, изволишь.

На обороте: Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичю.

188-го июня в 24 день подал отписку казак Сенька Панщин.

К. 214, столб. 27 на 130; ставах; ст. 35.

131. *1680—81 гг. — Отписка якутского воеводы Ивана Приклонского в Сибирский приказ о службе ленского сына боярского Ивана Крыжановского.*

Государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю [т.] холоп твой Ивашко Приклонской челом бьет. В твоей великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] грамоте писано ко мне холопу твоему: в прошлом де во 188-м году бил челом тебе великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю [т.] ленской сын боярской Иван Крыжановской: в прошлом де во 163-м году жил он Иван в Польше и взят на бою в Борисове и послан к Москве, а с Москвы послан в Сибирь в Якутцкой, а в Якутцком де велено служить в детех боярских с ево братьею шляхтою, а твоего великого государя жалованья оклад учинен ему малой, денег 10 руб., хлеба 8 четь ржи, овса тож, 3 пуда соли; а в Якутцком де служил он Иван тебе великому государю 25 лет; и во 176-м году прислана в Сибирь в Якутцкой твоя великого государя грамота, велено их вязней взять к Москве и велено им твое великого государя милостивое слово сказать, будет хто из них вязней похочет вечно тебе великому государю служить, и им велено по//давать челобитные; и он Иван, помня кресное целованье и твою великого государя милость, бил челом тебе великому государю в вечное холопство служить по Якутцкому; а которые ево братья шляхта били челом тебе великому государю служить в вечное холопство по сибирским городом, и те взысканы твоим государевым жалованьем к окладом их деньгами и хлебом и солью, и годовые оклады учинены большие, а иные де из малых чинов верстаны в дети боярские; а он Иван перед своею братьею оскорблен; и будучи ему в таком дальном безхлебном городе таким малым окладом з женою и з детьми прокормитца не возможно; а детей де у него 4 сына, Петрушка 20-ти лет, Васька 14-ти лет, и сын де ево Петрушка послан на твою великого государя службу на Вилюй во 184-м году для твоего великого государя ясачного сбору, а в твою великого государя службу не поверстаны; да в прошлых де годех посылан он Иван для твоего великого государя ясачного збору к розные волости и в зимовья, и будучи на твоих великого государя службах в розных ясачных волостях и в зимовьях, собрал твоего великого государя ясаку и поминков и воевоцких и дьячьих поминков же сь ясачных людей 64 сорока 35 соболей, // лисицу чернобурую, 3 лисицы сиводушчатых, 500 лисиц красных, да вновь приис[ал] неясачных якутов 61-го человека, а твоего великого государя ясаку с них взял 30 соболей, 37 лисиц красных; да в прошлом же во 188-м году били челом тебе великому государю ленские ясачные князцы Мазары Бозеков и все ясачные Верховилюйского зимовья якуты, чтоб ему Ивану быть в Верховилюйском зимовье приказным человеком для твоего великого государя ясачного соболиного збору, а он де Иван служит тебе великому государю многие годы и твою великого государя соболиною казну сбирает без недобору и служилых людей и их якутов и тунгусов не обидит и не грабит и налог не чинит; и по твоему великого государя указу велено ему Ивану быть в Верховилюйском

зимовье приказным человеком до твоего великого государя указу, и по чему он в том Верховилюйском зимовье служилых людей ведать и твой великого государя ясак збирать сь ясачных людей дать ему Ивану вь Якутцком наказ; да детям ево Петру да Василью велеть твою великого государя службу служить по Якутцкому в детех боярских, а твоего великого государя жалованья оклады имь учинены на Москве из выбылого умершего ленского сына боярского из Ондреева окладу // Булыгина: Петру денег 7 руб., хлеба 6 чети ржи, овса тож, 2 пуда с четью соли, а Василью денег 6 руб., хлеба 5 чети ржи, овса тож, 2 пуда соли; и с теми з денежными и с хлебными и с соляными оклады велено их написать в окладные имянные книги и твою великого государя службу служить вь Якутцком и твое великого государя денежное и хлебное и соляное жалованье давать им по вся годы по окладом их з детьми боярскими вряд. И в прошлом, великий государь, во 170-м году по твоему великого государя указу и по грамоте послан он Иван вь Якутцкой с своею братьею с польскими людьми, а велено ему вь Якутцком быть в детех боярских, и он Иван с своею братьею в Якутцкой во 170-м году не бывал, а жил он Иван в Енисейску по своей воли в посаде и женат был в Енисейску у посадцкого человека на дочери. И во 174-м году он Иван с тестем своим с Савкою казанцом в Якутцкой приехал и писался енисейским посадцким человеком, и в том же во 174-м году он Иван в Якутцком с тестем своим с Савкою откупил квасную и баню и держал за собою на откупу два годы. И во 176-м году по твоему великого государя указу и по грамоте, что он Иван бил челом тебе великому государю в вечное холопство служить // по Якутцкому, и приверстан в дети боярские. И во 177-м году посылан он Иван для ясачного збору на Маю в Верхнее зимовье, и собрал он Иван твоего великого государя ясаку 9 сороков 5 соболей, а не добрал он Иван твоего великого государя ясаку сь ясачных тунгусов, которые были у ясачного платежу, 3-х сороков 7-ми соболей; да во 178-м году он же Иван посылан был в Жиганское зимовье для ясачного збору и собрал твоего великого государя ясаку 9 сороков 33 соболи, а не добрал он Иван в том зимовье на ясачных тунгусах и якутах твоего великого государя ясаку на 178-ой и на прошлые годы дву сороков 26-ти соболей да 24-х лисиц красных; да во 181-м году он же Иван посылан был зимним путем из Якутцкого для ясачного збору в ясачные в розные волости в Борогонскую и в Дубчинскую и в Успетцкую и в Чириптейскую и приискал вновь якутов 30 человек, а взял он Иван с тех новоприискных якутов твоего великого государя ясаку 2 соболи 28 лисиц красных, а не добрал в тех волостях он Иван сь ясачных якутов, с которых якутов он Иван твой великого государя // ясак имал, опричь тех, которых он Иван сыскать не мог, на 181-й и на прошлые годы 27 сороков 8 соболей, за 6 соболей вполы 6 лисиц красных по окладу, 11 лисиц сиводушчатых, 414 лисиц красных; да во 182-м году посылан был он же Иван на Вилюй в Верхнее зимовье для ясачного збору и собрал твоего великого государя ясаку 15 сороков 25 соболей, 50 лисиц красных, а не добрал он Иван в том Вилюйском зимовье твоего великого государя ясаку на ясачных тунгусах и якутах 3 сорока 18 соболей, 10 лисиц красных; да во 184-м году посылан был он же Иван в Олекминской острожек для ясачного збору и собрал он Иван твоего великого государя ясаку 8 сороков 15 соболей, а не добрал он Иван в том Олекминском острошке твоего великого государя ясаку на ясачных тунгусах и якутах 3 сорока 32 соболя; и будучи он Иван в том в Олекминском острожке, вино на себя курил. Да во 187-м году посылан был он же Иван на Вилюй в Среднее зимовье и собрал твоего великого // государя ясаку 4 сорока соболей, 338 лисиц красных, а не добрал он Иван твоего великого государя ясаку в том Вилюйском в Среднем зимовье на ясачных тунгусах и якутах на 187-й и на прошлые годы 12 сороков 26 соболей, лисица сиводущатая, 532 лисицы красных. И будучи он Иван в том Вилюйском зимовьи, вино на себя курил же; и всего он Иван в тех волостях и в зимовьях не добрал твоего великого государя ясаку и поминков 52 сорока 37 соболей, за 6 соболей вполы 6 лисиц красных по окладу, 12 лисиц сиводущатых, 980 лисиц красных. Да он же Иван во 186-м году, будучи на Чичуйском волоку на приказе, на воеводу на Фому Бибикова и на себя вино курил, и ныне, будучи в Якутцком с твоею великого государя з денежною казною, на Чичуйском вино курил же. И за те ево Ивановы винныя куренья по твоему великого государя указу

велел я холоп твой на нем Иване доправить пени 40 руб. И я холоп твой по твоему великого государя указу и по грамоте ево Ивана на Вилюй в Верхнее зимовье для твоего великого государя // ясачного збору не отпустил для того, что он Иван бил челом тебе великому государю на Москве ложно и сказал, что де он служит тебе великому государю по Якутцкому 25 лет и собрал твой великого государя ясак с прибылью, и сына своего Василья сказал 14-ти лет; а он Иван в Якутцком служит тебе великому государю 13 лет и в твоем великого государя ясаке учинил великий недобор и сын ево Васька 7-ми лет, а не 14-ти лет и служить тебе великому государю службы сыну ево Ваське за малыми летами некому. Да и для того ево Ивана я холоп твой не отпустил, что он Иван, будучи на твоих великого государя службах, во многих местах вина курил. И о том ево Иванове ложном челобитие и в верстанье сына ево Васьки что ты, великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевич [т.], мне холопу своему укажешь.

К. 215, столб. 18 на 88 ставах; ст. 54—60.

132. *1681 г.—Роспись «ясырю», живущему у русских людей в Анадыр. острожке.*

Роспись ясырям, которые живут в Онандырском острошке у всяких чинов людей, погромные и непогромные, и ясачных и неясачных юкагирей, и то писано в сей росписе имянно.

У сына боярского у Родиона Кобелева ясырь крещеная Коряцкого роду именем Софьица, да 2 парня Чюхотцкого роду, в том числе один крещеной именем Куземка, а некрещеному имя Манякса. У старца Федосея Коряцкого роду девка некрещеная Манька, да Чюхочья роду Матрешка некрещеная ж, да Корятцкого ж роду девка Белянка, да крещеной малой Дениско — крепосные погромные, да с ним же живут промышленых людей дети крещеные Лупа да Оничка да сестра их Оришка, а чьи они дети, того он Федосей сказал не ведает, а ведает де про то мать их, умершего промышленого человека Онашки Максимова жена венчанная Харитинка, а сын ее Ондрюшка. У десятника казачья у Ивана Потапова 3 ясыря Корятцкого роду да 2 парня крещеные, а имяна тем ясырям — Обросинья да Анница да Окулинка, а робятам имена Мишка да Гришка. // У казаков: у Ивашка Ондреева ясырь Омотцкого роду крещеная именем Каптелинка; у Назарка Максимова ясырь Чюванского роду крещеная Анисьица, купленая не крепосная; у Васьки Игнатьева жена венчанная Чюванского роду Домница, а была де она преж сего у казака у Данилка Хренова, и отдал де ее Домницу за него Василья замуж он Данилко; у Давыдка Павлова жена Корятцкого роду крещеная именем Парасковьица; у Васьки Сухарева ясырь Корятцкого роду, да парень погромные; у Сидорка Иванова ясырь Чюхочья роду погромная, живет в работницах; у Офонасья Ондреева ясырь Корятцкого роду некрещеная. У промышленых людей: у Мороза Малафеева жена венчанная крещеная Анаульского роду именем Устиньца, а была де она неясачных юкагирей; у Фомы Семенова жена венчанная Анаульского роду крещеная именем Устьиньица погромная; у Панька Лаврентиева ясырь Ходынского роду крещеная именем Настасьица; у Максимка Турсука ясырь Чюванского роду крещеная именем Анница; у Кирилка Степанова жена венчанная крещеная именем Феклица Анаульского роду неясачных юкагирей; // у Ивашка Фомина жена венчанная крещеная именем Катеринка Чюхочья роду; у Ветошки Кирилова ясырь Ходынского роду именем Феклица, а живет де она Феклица у него Ветошки волею, а она де Феклица крещена; у Савки Васильева ясырь некрещеная именем Лекочи Ходынского роду, умершего казака Михайла, а чей сын того не упомнят — ясырь крещеная именем Татьяница; казачья ясырь Гаврилка Важенина крещеная именем Марьица ясачных юкагирей Нижнего Колымского зимовья; у Проньки Голово ясырь Корятцкого роду некрещеная Етвага; Чюванского роду ясырь умершего казака Микитки Кондратьева крещеная куплена, а живет де она ныне на воле, а преж сего де жила она по крепосте у казака у Давытка Павлова; Олешки Платонова мать крещеная ясырь именем Василиска Анаульского роду ясачных юкагирей; у Заледея 2 ясыря некрещеные Корятцкого роду погромные; у Пашка Леонтьева ясырь некрещеная Чюванского роду; Чюванского роду ясырь вольная крещеная именем Палашка.

К. 215, столб. 15а на 15 ставах; ст. 8—11. Документ датирован по смежным документам в столбце.

133. *1683 г. марта 26. — Грамота из Сибирского приказа якутскому воеводе Матвею Кровкову о запрещении сечь и жечь леса под пашни «в соболиных угодьях».*

От царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] в Сибирь в Якутской генералу нашему и воеводе Матвею Осиповичу Кровкову. Ведомо нам, великим государем, учинилось, что в сибирских городех, где промышляют соболи и всякого зверя, и в тех соболиных угодьях леса секут и жгут под пашни и от того соболь и всякий зверь бежит в даль. И мы, великия государи, в тех соболиных угодьях лесов сечь и жечь не указали, а в Сибири степных мест много и пашнею проняться можно и опричь лесов. И как к тебе ся наша великих государей грамота придет, и ты б против сего нашего великих государей указу учинил о том заказ крепкой под смертною казнью, чтоб отнюдь в соболиных угодьях лесов не секли и не жтли, чтоб от того зверь не выводился и в даль не бежал. А Якутского уезду в остроги и слободы к прикащикам о том ты б от себя послал памяти, чтоб они чинили о том против сего же нашего великих государей указу с великим радением. Писан на Москве лета 7191 марта в 26 день.

На подлинном пишет тако: справил Филатко Никитин.

ИАИ. Архив Гамеля. Собр. якутских столбцов.

134. *1684 г. ранее апреля 23. — Отписка илимского воеводы Ильи Змеева якутскому воеводе Матвею Кровкову о переводе пашенного крестьянина Якима Семенова, поселенного между реками Леной и Ангарой «в кочевьях братских людей», согласно царским грамотам, запрещающим селить русских пашенных людей в «иноземских кочевьях».*

Господину Матвею Осиповичю Илья Змеев челом бьет. В нынешнем, господине, во 192-м году апреля в 10 день били челом великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю [т.], а в Ылимском остроге в приказной избе подали мне челобитную Верхоленского острогу ясачные братцкие люди Заякайко Бурлаев, Фетька Камнагадаев с товарыщи 100 человек, а в челобитной их, господине, написано: в нынешнем де во 192-м году Бирюльской волости приказщик якутцкой сын боярской Левонтей Трифанов поселил в пашню на их братцкой земле, межу Леною и Ангарою реками в мысу, в их братцких кочевьях тутурского пашенного крестьянина Якимка Семенова и отвел де под пашню земли ему Якимку братцких людей кочевья. А в указе великих государей и в грамотах писано во многих к прежним илимским воеводам и ко мне, господине, что в ыноземских кочевьях пашнями руских // людей селить не велено. И ныне я, господине, того пашенного крестьянина Якимка Семенова с той братцкой земли против указу великих государей и грамот сослать велел, чтоб братцким людем от того никакой налоги не учинилось и ясачному б збору недобору не было. И тебе б, господине, о том, чтоб в братцких кочевьях пашенных крестьян не селить, учинить по указу великих государей.

На обороте: Господину Матвею Осиповичю.

192-го году апреля в 23 день подал отписку илимской десятник Микифор Карсаков.

Помета: 192-го году апреля 23 день против сей отписки отписать по указу великих государей и по грамоте, которые крестьяне после отписки от Ылимсково къ Якутцкому, тех указано свесть.

К. 217, столб. 20 на 41 сставе; сст. 30.

135. *1686 г. августа 25. — Память якутского воеводы Матвея Кровкова в Жиганское и Оленское зимовья пятидесятнику казачьему Андрею Амосову о поимке и отсылке в Якутский острог беглых дворовых людей казака Максима Мухоплева и подговоривших их якутов.*

Лета 7194 году августа в 25 день, по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] и по приказу генерала и воеводы Матвея Осиповича Кровкова память в Жиганское и в Оленское зимовья прикащику пятидесятнику казачью Андрею Амосову. В нынешнем во 194-м году августа в 23 день бил челом великим государям царем и великим князем Иоанну

Алексеевичю, Петру Алексеевичю [т.], а в Якутцком в приказной избе генералу и воеводе Матвею Осиповичю Кровкову подал челобитную казак Максимко Мухоплев, а в челобитной ево написано: в нынешнем де во 194-м году подговорили де у него Максимка Батуруской волости якуты Куржега Алакин да Коринского роду Сыкра дворовых ево людей Гаврилка Микитина да Мишку Степанова, а подговоря де их увезли с собою в Житаны; а те де ево люди украли у него Максимка и увезли 10 лисиц красных да волчей санаяк, 3 топора, 2 котла да 2 ножа да ношебное платье, 2 санаяка оленьих, 2 шубы ушканьих под ровдутами, а того ево сноснова живота на 20 руб.; // и чтоб великие государи ево Максимка пожаловали, велели в Якутцком из приказной избы послать память по них Куржагу с товарыщи и по тех ево дворовых людей, и выслать вь Якутцкой острог. И как к тебе ся память придет, и тебе б Андрею по указу великих государей в тех в Житанском и Оленском зимовьях велеть сыскать тех ево беглых дворовых людей Гаврилка да Мишку и подговорщиков Куржагу да Сыкру, а сыскав, выслать за [к]репкой порукой или за приставом в Якутцкой острог с кем пригоже, или с собой привести, и велеть объявить в приказной избе генералу и воеводе Матвею Осиповичю Кровкову. А буде ты Андрей тех ево дворовых людей [с] сносным животом и подговорщиков Куржагу с товарыщи в Жиганском и во Оленском зимовьях сыскав для своей бездельной корысти вь Якутцкой острог за поруками или за приставом не вышлешь, или с собой не привезешь, и про то сыщетца допряма, а его Максимово в том деле на тебя будет челобитье, и тот ево исцов иск и с убытки будет доправлен на тебе Андрее безо всякие пощады. А в сводных подговорных головах что великие государи укажут.

Помета: Того же месяца в 25 день дана память, пошлин взято 8 алт. 2 д.

К. 218, столб. 9 на 52 ставах; ст. 51—52.

136. *1686 г. ранее сентября 1. — Отписка тобольского воеводы Алексея Головина якутскому воеводе Матвею Кравкову о посылке ему новых мер, которыми необходимо мерить десятинный, оброчный, выдельной и «всякой» хлеб в Якутске и уезде.*

Господину Матвею Осиповичю Алексей Головин челом бьет. В нынешнем во 194-м году в грамоте великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] писано ко мне в Тоболеск с товарыщи: по их великих государей указу присланы в Тоболеск их великих государей меры медные, заорленые, осмина да четверик. А в Тобольску указали великие государи с тех медных мер зделать меры деревянные таковы ж слово в слово, и на верхние и на нижние краи положить обручи железные и прикрепить х краям, и положить на тех мерах печати изнутри и зверху и подписать, что мера московская таможенная. И велено послать те деревяные меры ис Тобольска в Томской и в Енисейск и во все сибирские городы и в слободы. А в городех и в слободах указали великие государи десятинной и оброчной и выдельной всякой хлеб принимать и в росход давать в те новые заорленые меры, сметясь против прежних мер, // сколько в те старые меры принимано в приход и в росход давно весом, наперед сего описать ту дачю число против нынешней московской меры четвертьми, а не пудами, и чтоб перед прежними мерами ничего в приходе недомеру, а в роздаче переходу, также и недодачи не было. И во всех городех и в слободах на торгах велеть хлеб всякой покупать и продавать в те ж меры, а прежние меры отставить, чтоб во всех сибирских городех и в слободах всякой хлеб покупали и продавали в ту одну московскую меру, а в старые меры не покупали и не продавали. И о том велено ис Тобольска во все сибирские городы и в слободы писать с великим подкрепленьем. И по указу великих государей и грамоте зделаны в Тобольску 2 меры деревянные против московских 8-ми пудных медных мер слово в слово, и на верхние и на нижные краи наложены // обручи железные и х краям прикреплены, и печати изнутри и сверху положены и подписаны, что мера московская таможенная и посланы те меры ис Тобольска к тебе на Лену в Якутцкой с якутцкими с сыном боярским з Григорьем Махначевским с товарыщи. И как они на Лену в Якуцкой приедут, а меры привезут, и тебе б велеть у них те меры принять и о мерех и о посылке в уезды учинить по указу великих государей.

На обороте малая черновосковая печать.

На обороте. Господину Матвею Осиповичю.

195-го августа в 4 день подал отписку сын боярской Григорей Моханачевской.

Пометы: Записать в книгу. 195-го году августа в 4 день велеть зделать 20 мер осминных да тож пудавых и в Якутцкой отослать в таможню и во все волости, и велеть кличь прокликать, чтобы продавали и покупали в те меры, а не в старые меры.

К. 221, столб. 7 на 76 ставах; ст. 52—54.

137. *1688 г. января 25. — Память якутского воеводы Петра Зиновьева на Амгу приказчику Сарзину Крупетцкому о посылке к нему ссыльного Василия Лебедева в качестве «пищика и деньщика».*

Лета 7196-го генваря в 25 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великой государыни благоверной царевны и великой княжны Софии Алексеевны [т.] и по приказу стольника и воеводы Петра Петровича Зиновьева память на Амгу прикащику сыну боярскому Сарзину Крупетцкому. В нынешнем во 196-м году генваря в 24 день бил челом великим государем, а в Якутцком в приказной избе стольнику и воеводе Петру Петровичю Зиновьеву подал челобитную ссыльной человек Васька Лебедев, а в челобитной ево написано: по указу де великих государей послан он Васька на Амгу и велено ему быть на Амге до указу великих государей, и ныне де он Васька, будучи на Амге, помирает голодною смертью; а кормитца де ему Ваське нечим, для того что пашенное житье ему не за обычей и иноземского де языка не умеет же; и чтоб великие государи пожаловали ево Ваську, велели быть на Амге великих государей у дел в подьячишках и в деньщиках. И как к тебе ся память придет, и тебе б по указу великих государей велеть быть ему Ваське с собою в судной избе у всяких великих государей дел пищиком // и деньщиком, а от челобитен у иноземцов велеть имать пищево по гривне с челобитной, а у пашенных крестьян велеть имать с челобитной пищево по полугривне, а от деньчичества за езд имать велеть по 2 алт. по 2 д. на день, а пожелезного имать велеть по полугривне с человека. А буде ты Сарзин ему Ваське с собою в судной избе у всяких великих государей дел пищиком и деньщиком быть не велишь для своей бездельной корысти, и за то по указу великих государей быть тебе Сарзину в жестоком наказанье безо всякие пощады.

Такова память послана на Амгу к прикащику к Сарзину Крупецкому с челобитчиком с Ваською Лебедевым.

К. 222, столб. 2 на 92 ставах; ст. 42—43.

138. *1688 г. декабря 9 — 1689 г. апреля 9. — Дело о грабежах и насилиях казаков Михаила Гребенщика и Владимира Атласова в якутских волостях.*

I. — Великим государем царем и великим князем Иоа[нну] Алексеевичю Петру Алексеевичю и великой государын[е] благоверной царевне и великой княжне Софии Алексеевне [т.] бьет челом и являет холоп ваш Силянской волости якут Копточко Сырганов на казаков на Михайла Гребенщика да на Володимера Отласова да Борогонской волости на якута на Турчека Бачюкова. В нынешнем, государи, во 197-м году приезжали оне Михайло с товарыщи ко мне холопу вашему и к родникам моим в юрты и отца моего и братей и родников моих били и увечили и мучили и назад руки вязали, и к деревью и к перекладам везали, для своей бездельной корысти, да он же Турчек связаного брата моего родного Бытынея да Акчигира бил и увечил и против серца ногами топтал и тем боем изувечили; да оне ж грабежем взяли у отца моего лисицу красную, 10 алтын денег, 2 ровдуги да косу да пальму да 2 коровы стельные, да у родника моего у Ондекочка отняли лисицу красную да ровдугу да аршин крашенины да топор да 2 горносталя; а те лисицы пр[ипасе]ны были вам великим государем [в] казну. Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевичь, Петр Алексеевичь и великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна [т.], пожалуйте меня хо-

лопа своего велите, государи, в приказной избе челобитье мое и явку записать. Цари государи, смилуйтеся. //

На обороте 1 якутское «знамя».

Помета: 197-го декабря в 9 день записать челобитье в книгу и дать суд.

II. — 197-го декабря в 28 день били челом великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю и великой государыне царевне и великой княжне Софии Алексеевне [т.] а в Якутцком в приказной избе стольнику и воеводе Петру Петровичю Зиновьеву Батуруской волости якуты Сетей Немняков, Летия да Бюкучея Молтонины да Бюю Някин словесно, а в словесном своем челобитье сказали: в нынешнем де во 197-м году приезжали из Якутцкого казаки Мишка Гребенщик, Володька Отласов к ним Сетею с товарыщи в юрту и у родника ево именем Угуй грабежем взяли лисицу красную да 20 горносталей да половинку сухатинную, да у скормленика ево Сетеева у Сяртеки отняли полтину денег да пальму, белебцы якутцкие, да у Мекчика пальму да у Вилюйка 7 горносталей да 10 белок, да у него ж Вилюйка голову деревом прошибли до крови, и у жены ево Вилюйковой именем Убаика 20 белок да половинку сухую, да // у холопа ево отняли узду да седло да пальму и ево били, и у холопки ево именем Учиняка лисицу красную; и тот живот взяли они Мишка и Володька себе; и чтоб великие государи пожаловали ево Сетея с товарыщи, велели словесное их челобитье записать.

На обороте 3 якутских «знамени».

III. — Да челобитчики ж Сетей с товарыщи и Баркулак сказали: ездя де с Володькою казак Мишка Гребенщик, и якутцкого де языку не знают, и он де Мишка при нем Володьке смирен, а Володька де Отласов бьет их и мучит и грабежем сильно отнимает; да иные де якуты из волостей многие будут челобитчики в их обидах и в грабежах.

Помета: 197-го генваря в 3 день по указу великих государей по челобитью иноземскому казаком Володьке и Мишке за воровство их // и за озарничество и за бой и за увечья и за разоренья учинить наказанья: Володьку бить кнутом на козле нещадно, а Мишку бить батоги, потому что он иноземского языку не знает. И взять по них поручную запись, что впредь им не воровать и не озарничать. А для подлинного свидетельства послать память к ясачным зборщиком, велеть про грабеж и про все розыскать. А по сыску иску на них не править. //

IV. — Лета 7197-го февраля в 16 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великой государыни благоверной царевны и великой княжны Софии Алексеевны [т.] память на Амгу и на Тату ясачному зборщику сыну боярскому Леонтью Трифонову. В нынешнем во 197-м году декабря в 28 день били челом великим государем, а в Якуцком в приказной избе стольнику и воеводе Петру Петровичю Зиновьеву Батуруской волости якуты Сетей Немняков, Летия да Букачия Молтоги да Беко Някин да Скороульской волости якут Баркулак Книтин словесно, а в словесном своем челобитье сказали: в нынешнем во 197-м году приезжали к нам в волости из Якуцкого для высылки в Якуцкой с ясачным платежем казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик, и езду в волостех по Амге и по Таге ясачных многих иноземцов били и увечили и мучили и назад руки вязали, а у иных и головы испроломали, и насильством и грабежем скот и всякой живот ездя грабили и отнимали и вымучивали; и чтоб великие государи их Сетея с товарищи пожаловали, // велели словесное челобитье записать и повальным обыском сыскать. И как к тебе ся память придет, и тебе б Леонтью, ездя для ясачного збору, на Амге и на Тате в волостех сыскать большим повальным обыском тех волостей всеми якутами против их челобитья про все статьи имянно по имяном, и в которой волосте ково они Володька и Мишка били и увечили и мучили, и у которых якутов головы проломали и назад руки вязали, и у ково скот и живот грабили и отнимали. Да что тебе в сыску тех волостей якуты скажут, и тебе бы те их речи написать на роспись имянно и велеть к тем речам обыскным людем знамена свои приложить. И приехав в Якуцкой, за своими руками и за иноземными знаменами подать в приказной избе стольнику и воеводе Петру Петровичю Зиновьеву.

V. — 197-го году марта в 1 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великой благоверной царевны и великой княжны Софии Алексеевны [т.] и по приказу стольника и воводы Петра Петровича Зиновьева прислано из Якутцкого города указная память ясачному зборщику сыну боярскому Леонтью Трифанову и велено ему Леонтью на Амге и на Тате в розных волостях всеми якутами сыскать против челобитья Батур[у]ской волости якутов Сетея Немнякова с товарыщи про казаков про Волотьку Отласова да про Мишку Гребенщика, про бой и обиды и налоги и грабительства их. И я Леонтей против той указной памяти про них Волотьку и Мишку на Амге и на Тате Батурускою и Батулинскою и Скороульскою волостьми большим повальным обыском сыскивал всеми якутами, которые были в домех своих налицо. А хто что в сыску сказали и которой волости и то писано в сем сыску ниже сего порознь статьями. А половина Батулинской волости и Игидейскою и Сылянскою и Баягантайскою и Магаскою и Одейскою волостьми ж якутами, которые живут внизу Таты и Амги и на Алдане, не сыскивал, потому что я Леонтей прежь той указной памяти в тех волостях был и ясак збирал.

А ту сыскную память привез и подал денщик Семейка Игелтин марта в 1 день верх Таты речки у якута у Девенека Очеева в юрте.

Помета: 197-го апреля в 9 день взять к отпуску и сыску, выписать на перечень.

VI. — Батуруской волости князца Немняка Очеева дети Сетей да Либя в сыску сказали: в нынешнем де во 197-м году осенью, ездя на Тате в Батуруской волосте для высылки ясачных якутов с ясачным платежем в город, казаки Волотька Отласов, Мишка Гребенщик их Сетея и Либи не били и не увечили и не мучили и руки назад не вязали и скота и живота никакова насильством не грабили, а били оне Волотька и Мишка кулаками холопа его Сертеку Быркигина и отнели у него насильством полтину денег да белебцы кобыли да пальму, да Либина сына у Бырчиной жены у Челы взяли насильством 5 горносталей да 14 белок, а самое ее не били и не мучили; да оне ж Волотька и Мишка Бутуруской волости якута у Гуйи Гуденина жену ево Чекоя и невеску и сына ево Булчуя и дочь ево Кобокая били и увечили и глаза подбили кулаками и плетьми и руки назад вязали и кверху к матице вязали против чювалу и вымучили у них и взяли насильством лисицу красную да 20 горносталей да половинку, четверы торбосы половинчетые, в том числе двои торбосы кобыльи камысные да двои мандары муской да женской шуб; да иных де якутов многих били и увечили и насильством пожитки их имали; а сами оне того не видали, а слышали про то у сторонных якутов.

Деденек Очеев да дети ево Беркой да Кайтун да Оконь да Очнек да Бадон да Ондек да Одотчют Иргенев да Беркой Нерняков да Улекей да Нокок Осотосовы да Алчак Сабуков, Булгедак Орчин в сыску сказали по шерте: в нынешнем де во 197-м году, будучи на Тате в Бутуруской волости, казаки Волотька Отласов, Мишка Гребенщик их Деденека с товарыщи и жен и детей и холопей их не бивали и не мучивали и назад рук не вязали и скота и никакова живота насильством не имывали, а иных староных якутов били и увечили и руки назад вязали и всякую мелочь пожитки их насильством имали; и про то оне слышали у сторонных якутов, а сами того не видали. //

Букачия Молтонин в сыску сказал: в нынешнем де во 197-м году, будучи на Тате, казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик били и увечили кулаками без него Букачия жену ево Байка и отняли насильством седло да узду якутцкие да половинку сохатинную да 20 белок; а больше де того ему никакова дурна не чинили.

Тасын шаман Молтонин сказал в сыску по шерте: будучи де на Тате, казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик без него Тасына у жены ево Амыкая отняли 10 горносталей да 30 белок и били де деревом холопа ево Булукана; а опричь де того никакова дурна не чинили.

Чабда Сабуков в сыску сказал по своей вере по шерте: били де ево Чабдука казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик кулаками и взяли де насильством у него Чабди пальму железную да мандары шитые якутцкой женской шубы; а иного де ему никакова дурна и насилия не чинили.

Иктей Геюкин, Кунней Курчюгесев, Бахчинай да Тертюк Тюляковы, Саргы да Котет Девукины, Бытык Чокин в сыску сказали по своей вере по шерте: в нынешнем де во 197-м, будучи на Амге, казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик их Ихтейка с товарыщи не бивали и не мучивали и руки назад не вязывали и скота и никакова живота насильством и грабежем не имывали; а иных де якутов били и увечили и насильством всякую мелочь имали и руки назад вязали; и про то де они слышали от ыных якутов, а сами не видали.

Угуя Гусянин в сыску сказал по своей вере по шерте: будучи де на Амге, казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик для высылки с ясачным платежем без него Угуи жену ево Чоноя да сына ево Булгуя да невеску ево Эркака били и увечили // и руки назад и к юртеной к матке вязали; а грабежем и насильством взяли лисицу красную, 20 горносталей, половинку лосяннную твердую да лоскут лисей да торбасы кобыльи да мандары шитые якутцкой муской шубы.

Куртай Тюляков в сыску сказал по своей вере по шерте: будучи де на Амге, казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик били де ево Куртая и мучили и руки назад вязали и насильством взяли 8 горносталей да торбасы половинчатые; а больше де того ему никакова насилия не чинили.

Боко Някин в сыску сказал: будучи де на Амге, казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик без него Бока у холопа ево у Соба отняли лисицу красную: а больши де того никакова им дурна не чинили.

Тюсюн Тогураев, Куржагал да Сартак Онековы сказали: казаки де Волотька Отласов да Мишка Гребенщик, будучи на Амге, били и увечили племянника их Дергу Тотераева и голову у него плетовищем проломил Волотька Отласов, и без него Дерги у жены ево соболя отнял он же Волотька; и того соболя, как голову проломил, и в то время отдал назад; а больши де того никакова им дурна не чинили.

Килян Едеев в сыску сказал: будучи де на Тате, казак Волотька Отласов бил и увечил мать ево Эменнику и пнул ногою под бок и переломил ребро; а насильством де ничего не взял.

Чоку Даванин сказал в сыску: будучи де на Амге казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик отняли у него Чоки соболя доброго, а хотели де за того соболя дать 2 лисицы красных, и тех де лисиц ему не давывали; опричь де того ему Чоку и детям и холопям ево никакова насилия и обиды не чинили и не мучили. //

Аткушеней да Ванил Мазары да Ванил Ирыка, Торев Суларчоков, Сетей да Молдак Аткушенеевы, Дюгдюля Мазарин, Теко шаман, Отюин Быки да Сатак Тековы, Тевильгу Отюик, Сельбуй Еюков, Чюгели Месеев, Тосен Тунеев, Далбарай Отюин, Девенек Отюин в сыску сказали по своей вере по шерте: в нынешнем де во 197-м году, будучи на Амге, казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик никаких обид и налог и насилия не чинили и никоими делы не мучили и рук назад не вязывали и голов не проламывали и грабительством скота и никакой мяхкох рухляди и мелочи не имывали; а то де они Аткушеней с товарыщи от сторонных якутов слышали, что де оне Волотька и Мишка многих якутов, которые живут вниз Амги и Таты и на Алдане, били и мучили и руки назад вязали и грабительством горнастали и лисицы и белки и всякую мелочь имали; а сами де они того не видали, потому что живут в дальном расстоянии.

Чомок да Девенек Партуевы, Катан да Кочюдай Едеевы, Бегальник да Идя Тонесевы, Балды да Дескилей Торонеевы, Тебиней Одергин, Москогол Быркинин, Мичиги Ясоулов, Тики Булгудаков, Дерчени Ноков, Кушеней Карагин, Тебие Милгиев да сын ево Аржай, Девенек Теганил, Кобуй да Бакай да Булгуй да Курегес Кушекеевы, Чибыки Сумнаков, Тюммель Чемоков, Тугарча да Токунай да Москоголь да Чоюк да Кирагай Быркинины, Боркок Чоков, Маган Атыр Бычей да Очнек Маган Атыровы, Делгерей Талгалыров в сыску сказали по своей вере по шерте, что сказали Иктей Геюкин с товарыщи. //

Селбуй Камосов, Булгуй да Девенек Камосовы, Котей да Батук Омолдоновы, Текаля Котетов, Катат да Сырган Котетовы, Эрчик Едеев, Эркуча да Ирчик Живыновы, Гилек да Гок да Тогоито Ондреевы, Эгинек Селбуев в сыску сказали по своей вере по шерте, что сказали Атькушеней да Ванил с товарыщи.

Батулинской волости Лыба Тимуков, Очнек Кулнеев, Лятия Тымкин, Марта да Кулняй да Куреюга Эрюкановы, Бырга да Кутагар Лебины, Быркыга Кутугунин, Тения да Тебия Чокчогоревы, Котоен Сосуков в сыску сказали по своей вере по шерте, что сказали Батуруской волости якуты выше сего Иктей Геюкин с товарыщи.

Тыбык Кумасев сказал в сыску: будучи де на Тате, казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик взяли у него насильством 20 горносталей; а больши де того никаких обид и налог не чинили.

Скороульской волости Куреяк Чокчогоров, Теко шаман Илтиканов, Коттол да Вахромей Куреяковы, Ортузей Лытиев, Бага шаман, Тенку да Тосем Сымины, Ортек Тохтотоев, Каптака Орбеков в сыску сказали по своей вере по шерте: в нынешнем де во 197-м году, будучи на Амге, казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик их Куреяка с товарыщи не бивали и не мучивали и руки назад не везали и никакова скота и живота насильством не имывали; а иных де якутов родников их той же Скороульской волости били и мучили и насильством всякой живот и борошен имали. //

Сергуй Лытиев, Дедеко Нирακаев да Окодей Ниракаев в сыску сказали по своей вере по шерте: будучи де на Амге, казаки Волотька Отласов, Мишка Гребенщик ево Сергуя, а их Дедея да Окодеевых племянников, Булгуя да Кагачю да Боркока били и увечили; а иных обид и налог и никакова грабительства им не чинили.

Тетку Лытиев в сыску сказал: будучи де на Амге, казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик взяли у него Тетку насильством 10 горносталей да 10 товушканин; а опричь де того никакова ему насилия и грабежу не учинили.

Баркулак шаман Книгил в сыску сказал: будучи де на Амге, казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик ево Баркулака никакими делы не бивали и не грабливали; а били де и увечили сына ево Бадука да племянника ево Эгинея Теткуева и руки де им назад вязали и отняли де у него Эгинея лисицу сиводушчатую да 20 горносталей, шапку якутцкую мускую росомачью да шапку ж женскую горносталью, двои торбасы половинчатые; а иных де ево Баркулаковых детей Гырбану да Бакая да Байгу да Эку никакова им насилия и обид не учинили.

Баюк шаман Эрбеков в сыску сказал по своей вере по шерте: будучи де на Амге, казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик отняли насильством своим у невески ево у Сюряка 5 горносталей; а опричь де того никакова насилия и обид не чинили. //

У сего сыску якутцкие речи толмачил казак Евсей Аргунов. По ево велению Васька Гурьев руку приложил.

На обороте 128 якутских «знамен».

К. 223, столб. 5 на 26 сставах; плохой сохранности; сст. 1—2, 9—10, 14—15, 17, 19—26.

III. ТУЗЕМНОЕ НАСЕЛЕНИЕ.

А. Внутренний строй туземного населения.

139. *1638—39 гг. Челобитная ленских ясачных якутов князца Меник Тюбек Модункарина сына с «родниками и улусными людьми» о привлечении к суду маданских и буяназейских якутских князцов Тюнкигура «с братьею и улусными людьми», убивших у них людей и унявших скот.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федорови[чю] всеа Русии бьют челом сироты твои государевы ленские же ясачные якуты тагусы Ковейского о... князец Меник Тюбек Модункарин сын и в д[етей] своих и родников и улусных людей место. Жало[ба] нам на якуцких маданских мужиков и бу[яназейских] на Тюнкигура, на Бокуя, на Егенея, на... на Челчюкая, на Мойлока з братьею, на Куре..., на Начю и на их улусных людей. В нынешнем во 147-м году приходили те князцы с своими людьми и с атамайцами Алту и з братьями войною, и убили наших дву человек Болда[шку] да Толукая. А Болдашко платил твоего [государеву] ясаку в Ленской острожек по 10... на год. Да отогнали у нас 200 кон[ей] и [ко]был да 40 коров и животишка наш[и] все пограбили и розорили до основань[я], и твоего государеву ясаку промышлять вперед [не]чем, от их разоренья вконец погибли. Милосердый [государь] царь и великий князь Михайло Федорови[чь] всеа Русии, пожалуй нас сирот своих ве[ли] дать свой царьской суд и управу на тех ма[дан]ских и буяназейских якуцких мужиков на Тун[кигура] и на Едея и с их улусными людьми в погроме в убитых головах и в скоте [и] в конех и в коровах и в животех. А о с[воем] государеве ясаке, что ты государь укажешь. Царь государь, смилуйся пожалуй.

На обороте 1 якутское «знамя».

К. 187, столб. 2 на 1 ставе; ветхий. Многоточиями в данном документе отмечены оборванные части текста.

140. *1638—39 гг. Челобитная казачьего десятника Осипа Семенова о возвращении коня, взятого ясачными якутами «Кушемеевыми родниками».*

Царю государю и великому князю Ми[хаилу] [Федоровичю] всеа Русии бьет челом холоп твой [Ленского] острогу десятник казачей Оска Семе[нов]. [В нынешнем], государь, во 147-м году из Ленского острогу [послан я холоп твой] на твою государеву службу на Амгу реку, ушел у меня холопа твоего конь именем Еремко, а шерстью по якутцки кереш, безвестно, ухо пр[авое] пластано, а ноздри маленько распороты. [А ныне], государь, [конь] мой объявился на Тате реке [у] ясачных якутов у Кушемеевых родников. М[илосердый] государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня холопа своего вели, государь, тем Кушемеевым родником того моего коня отдать. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 187, столб. 7 на 35 ставах; ст. 29; ветхий.

141. *1639—40 гг. Челобитная ясачного якута Тюренея Кологуева сына о привлечении к суду ясачных якутов Успецкой волости, укравших у него коня.*

Царю государю и великому князю Михаилу [Федоро]вичю всеа Русии бьет челом твой г[осударев] ясачной якут Тюреней Колоту[ев сын]. [Жалоба] мне, государь, да ясачных же якутов Успецкой волости, а имян их, государь, я сирота твой

не ведаю. В нынешнем, государь, в 148 году украли у меня сироты твоего коня сив[ого] добраво, на котором коне я сирота твой [те]бе великому государю ясак промышлял [по] вся годы. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, про того коня моего сыскати у них успехов и сыскав отдати мне сироте. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 187, столб. 7 на 35 ставах; сст. 19.

142. *1639—40 гг. — Челобитная ясачного якута Батуруской волости Караги Бадурова сына о привлечении к суду подгородного якута Носка Оргунея и мегинского ясачного якута Откона Турчинаева сына, укравших у него лошадей.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом сирота твой государев Ленского острогу Батуруской волости ясачной якут Карага Бадуров сын. Жалоба, государь, мне на подгородного якута на Носка Оргунея да на мегинского ясачного ж якута на Отк[она] Турчинаева сына. В нынешном, государь, во 14[8] году осенью украли тот Носко Оргуней да Откон 3 коня да кобылу неведомо за что. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня сироту своего, вели, государь, на тех якутов на Носка Оргунея да на Откона в моем иску дать свой царской суд и управу. Царь государь, смилуйся пожалуй.

На обороте 1 якутское «знамя».

К. 187, столб. 7 на 35 ставах; сст. 7.

143. *1639—40 гг. — Челобитная ясачного якута Батулинской волости Барчигира Борсоева сына о посылке служилых людей в Батурускую волость к князцу Даваню Лойчерекову с детьми, укравшими лошадей и невозвращающими взятый калым.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом твой государев сирота Батулинской волости ясачной якут Барчигир Борсоев сын. Жалоба, государь, мне Батуруской волости на князца Даваню Лойчерекова сына и на ево детей на Кузенея, на Чена, на Отена, на Мазенея, на Билгея, на Ожюргу Оюна. В нынешном, государь, во 148-м году осенью крадом отогнали те Давани дети у меня Барчигира 10 кобыл да 7 лошадей, и те Даванины дети тех кобыл и лошадей не отдают не ведо[мо] за что. Да у нево Давани сосватал Барчигир за сына своего Треку дочь [его] Даванину и калыму ему Даванею Барчигир дал 10 кобыл, и он Даваня кобыл взял, а дочери своей за сына моего Треку не дал. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, в тое Батурускую волость отпустить служилых людей к тому Дав[аню] и к детям ево, чтоб они мне сиро[те] твоему те мои кобылы и кони краденые и калым отдали. Царь государь, смилуйся пожалуй.

На обороте 1 якутское «знамя».

К. 187, столб. 7 на 35 ставах; сст. 23.

144. *1639—40 гг. — Челобитная ясачного якута Бетунской волости Логуйки Сынакова сына о посылке ленских служилых людей за лошадями, украденными у него ясачными якутами Батуруской волости Даваневыми братьями и родниками.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом твой государев сирота Бетунской волости ясачной якут Логуйко Сынаков сын. Жалоба, государь, мне Батуруской волости на Даваниных братью и родников на Май Боготова да на Ату Кузенея на Чоку на Милтия. В нынешном, государь, во 148-м году те Дав[анины] братья и родники крадом отогна[ли] у меня Логуйка 6 кобыл да ко[ня] и по ся мест не отдают тех кобыл и коня. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, отпустить из Ленсково острожку служивых людей к тем якутом и те мои Логуйковы кобылы и коня отдать. А буде не отдадут, вели, государь, взять собою вместе в Ленской острожек. Государь, смилуйся.

На обороте 3 якутских «знамени».

К. 187, столб. 7 на 35 ставах; сст. 22.

145. *1640 г. ранее июня 26. — Челобитная ясачного якута Намской волости Чигинайки Тюбякова сына о привлечении к суду ясачных якутов Одейской волости Олдека «с товарыщи», ограбивших братьев челобитчика и убивших при этом «улусного мужика».*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом сирота твой государев Намской волости ясачной якут Чигинайко Тюбяков сын. Жалоба, государь, [мне] Одейской волости на ясачных же якут[ов] на Олдека да на Толка Каресевых детей с товарыщи. В нынешном, государь, во 148-м году июня в 12 день поехал, государь, брат мой Акия Тюбяков же сын вверх по Лене рекс в Кангалаской уезд и з женишком своим и с улусным мужиком Кузагалком. И доехали, государь, они до Килдима. И наехали те одейские мужики Олдек да Толко с товары[щи] и того Кузагалка те одейские мужики коп[ьем] скололи до смерти, а за братом моим Аки[ем] погнались и неведомо того брата моего убили, неведома жив. Да брата ж моето Буялная взяли ево жену да 4 коня да 5 кобыл. 4 з жеребенки и 5-я без жеребенка. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня сироту своето вели, государь, на тех одейских мужиков на Ондека с товарыщи в тех убитых головах и в их насильстве в грабежу дать свой царской суд и управу. Царь государь, смилуйся пожалуй.

На обороте 1 якутское «знамя».

Помета: 148-го году июня в 26 день в новом Ленском острожке в сьезжей избе пред атаманом Осипом Галкиным явили мир Намской волости Чигинайко да Акия Тюбяковы дети с одейцами с Карешем и с его детьми с Олнеком и с Олдеком; мир записан в сьезжей избе.

К. 187, столб. 7 на 35 сставах; сст. 8.

146. *1640 г. не ранее июля . . . — Челобитная ясачных якутов Бетунской волости Дыгинчи и Толноутовых детей о привлечении к суду ясачных якутов Одугейской волости Куннеса и Треки Чачуевых детей «с родники своими», отогнавших у них скот.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом сироты твои государевы Ленского острогу Бетунской волости ясачные якуты Дыгынча да Толноутовы дети. Жалоба государь нам Одугейской волости на ясачных якутов на Куннеса да на Треку Чачюевых детей. В нынешнем государь во 148-м году в месяце июле приезжали те братаны Дыгынча да Томко с своими родники войною и отогнали у нас скота рогатого коров болших и малых 23 скотины не ведомо за что. Милосердый государь царь и вели[кий князь] Михайло Федоровичь всеа [Русии], пожалуй нас сирот своих, вели нам на того Куннеса да на [Треку в том] [на]шем иску дать свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 187, столб. 7 на 35 сставах; сст. 34.

147. *1640 г. августа 13—25. Дело об ограблении ясачных якутов Мегинской волости Барчика Чекова сына и Трека Декиева сына ясачными якутами Батуруской волости Каптаном и Иргеном «с товарыщи».*

1. — Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом сироты твои государевы Ленского острогу Мегинской волости ясачные якуты Барчик Чеков сын да Трек Декиев сын. Жалоба, государь, нам на ясачных же якутов Батур[уской] [в]олости на Каптана да на Иргена да на Девенека [Очеевых] детей с товарыщи. В прошлом во 147-м году летом тот Капт[ан] с товарыщи отгнали у меня сироты твоего Барчика войною 21 кор[ову], а у меня сироты твоего Трека, во 148-м году зимою, тот же Каптан Очеев сын своею братьею и родники отгнали у меня 30 коров войною. Да в нынешнем же, государь, во 148-м году [авгу]ста в 14 день ездили мы с[ироты] твои Барчик да Трек к тем [тун]гусам поговорить для своего [скота, чтоб] нам отдали, и оне Немьяк з б[ратьями] Очеевы дети встретили и нас сирот твоих пограбили и кони и пальмы и саадаки по[грабили] неведомо за что. Милосердый [государь царь] и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй нас сирот твоих вели, государь, на того Каптана Очеева

сына з братьею и с товарыщи в нашем иску дать свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся.

На обороте 2 якутских «знамени».

II. — Лета 7148-го году августа в 25 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу память Ленского острогу служилым людем Богдашку Ортемьеву Сорокоумову, Левке Тимофееву Губарю, Семейке Иванову Дежневу. Ехати ему из Ленского острогу на Тату и на Амгу к батуруским якутом к Немнячку да к Каптагайку Очеевым детем з братьею по челобитью ясачных якутов Мегинской волости Бырчика Чекова да Тречки Декиева, а в челобитной их написано: в прошлом де во 147-м году летом тот Каптака с товарыщи отняли де у Бырчика, приезжали войною, 21 корову; да в нынешнем де во 148-м году зимою у Тречки отгнали войною тот же Каптак з братьею 30 коров; да в нынешнем же во 148-м году [авг]уста в 14 день ездили де они Бырчик да Тречка к тем к батурусам поговорить для своего скота, чтоб им отдали тот их отгоненой скот, коровы, и он де Немнячко з братьею встретили их на дороге и били де их и ограбили, кони и пальмы и саадаки поимали. И вам бы служилым людем Богдашку Сорокоумову с товарыщи, приехав к тем к Очеевым детем к Каптагайку с братьями, и про тот скот у них спрошать, и сторонными якуты допряма доспро//сить; и в грабежу буде они не запрутца, и что и сторонные якуты скажут буде их на доро[ге] грабили, и вам бы служилым людем по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии [указу] розвести их без спору и без драки, тот скот взять, скот и грабежной живот у Немнячка з братьею, и отдати Бырчике и Тречке. А будет учинитца у них у Немнячка з братьями меж ими спор з Бырчиком и с Тречкою в том скоте и в грабежном животе, и их Немнячка з братьями и Бырчика и Тречку срочить их в Ленской острог с собою тотчас, не мешкав. А самим им служилым людем, ездечи дорогою, у иноземцов ничево не покупати и с ними ничем не торговати и иноземцом обид и насильства не чинити и никоторова дурна не творити и к ним никак ни в чем напрасно не приметыватца.

К сей памяти атаман Осип Галкин печать свою приложил.

К. 187, столб. 7 на 35 ставах; ст. 33; ветхий. К. 187, столб. 6 на 30 ставах; ст. 29 — 30.

148. *1640 г. не ранее августа ... — Челобитная ясачного якута Батуруской волости Кушенека Карагина сына о привлечении к суду подгородных ясачных якутов Оргунея Носика с товарищами, укравших у него скот.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом сирота твой государев Батуруской волости ясачной якут Кушенек Карагин сын. Жалоба, государь, мне на под[город]ных ясачных якутов на Оргунея Но[сику], да на брата его тоена да на Оргузея Бызыгина сына да на ясачных же мегинских ясачных якутов на Откана Турчикаева сына Бырдакая Дардакаева да на Чюгуна Онекоева сына. В нынешнем, государь, во 148-м году августа... ночью украли у меня сироты [твоего] тот Носко с товарыщи... да 2 кобылы неведомо [за что]. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на тех якутов на Оргунея Носику с товарыщи в моем иску дать свой царской суд и управу. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 187, столб. 7 на 35 ставах; ст. 5; ветхий.

149. *1640 г. — Челобитная тунгусского аманата Ло... Умтерина сына о составлении новых ясачных книг жиганским ясачным тунгусам, разоренным и побитым неясашными тунгусами «изменниками».*

Царю государю и великому князю Михаилу Фе[доро]вичю всеа Русии бьет челом твой государев сиро[та] жиганских ясачных тунгусов аманат Ло... Уметрин сын. В прошлых, государь, годех и [в нынешнем] в 148-м году платили мы сироты тв[ои] [ве]ликому государю ясак с 70 со... [чело]век по 5-ти сороков по 30 [со]болей по окладу, каков на нас о[клад] [поло]жен по твоему государеву указу. И в нынешн[ем], государь, в 148-м году весною на звери[ном] [про]мыслу приходили на нас сирот твоих великие государевы изменники неясачные тынгусы, кото-

рые тебе великому государю не[по]корны и непос[лушны], и ясаку с себя тебе великому государю не [пла]тят, оленские тунгусы и чинигири и в . . . ри и о [ро]чаны, и нас сирот твоих на зверовье по[били] 25 человек лутчих людей, от[били] подростков и женок. И впредь, государь, нам сиротам твоим те твои государевы изменники угрожают смертным убойством. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй нас сирот своих вели, государь, своим служилым людем, которые будут по твоему государеву указу с нас сирот твоих тебе государю ясак брати на 149 год, и наши имена сновь в книги переписати, которые буде ныне живы и не побиты. А тех, государь, побитых людей имена из книг выписать потому, чтобы нам, государь, сиротам твоим от их, государь, насильства оленских тынгусов в твоем государеве в недоборном ясаке вконец не погинуть и от тебя бы, государя, не быть в пене и в казне. А в их, государь, убойстве и в насильстве что ты, государь, укажешь. Царь государь, смилуйся пожалуй.

На обороте 3 тунгусских «знамени».

К. 187, столб. 7 на 35 ставах; ст. 13. Многоточиями в данном документе отмечены оборванные части текста.

150. *1640 г. — Челобитная ясачного якута Бетунской волости Б. Маданова о привлечении к суду успецкого якутского князца Амура Каскова и его улусных людей за угон лошадей.*

Царю государю и великому князю Михаилу [Федоровичю] всеа Русии бьет челом сирота твой [государев] ясачной якут Бетунской волости Б . . . к Маданов. Жалоба, государь, мне на оспецкого якутцкого князца на Амура Каскова сына и на его улусных людей. В нынешнем, государь, во 148-м году весною приезжал он Амур ко мне в улус с своими улусными людьми и отогнал у меня 22 кобылы да 3 коня езжалых и держит у себя и по ся мест. И я, государь, сирота твой вконец погиб от него Амура с товарыщи, и твоего государева ясаку промышлять стало не на чем. Милосердый г[осударь] царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня сироту [своего] вели, государь, дать свой царской суд и уп[ра]ву на того Амура и на его улусны[х] людей в тех моих кобылах и конех, чтоб мне сироте твоему вконец не пог[инуть] от их насильства и грабежу и твоего государева ясаку б не отбыть. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 187, столб. 7 на 35 ставах; ст. 17; ветхий.

151. *1640—41 гг. — Челобитная ясачного якута Батуруской волости Юрги Гадарова сына о привлечении к суду якутов той же волости Омолдона Гуликанова «с товарищи» за угон лошадей.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом сирота твой государев Ленского острогу Батуруской волости ясачной якут Юрга Гадаров сын. Жалоба, государь, мне Батуруской же волости на Омолдона Гуликанова сына с товарыщи. В прошлом, государь, во 148-м году зимою приезжал тот Омолдон с товарыщи ко мне Юрге в улус войною, отогнали они Омолдон с товарыщи у [ме]ня сироты твоего 50 кобыл больш[их] [и] малых не ведомо за что. Милосердый [государь] царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня сироту твоего вели, государь, на т[ого] Омолдона с товарыщи в том моем иску дать свой царской суд и управу. Царь государь, смилуйся по[жалуй].

На обороте 1 якутское «знамя».

К. 187, столб. 7 на 35 ставах; ст. 21; ветхий.

152. *1640—41 гг. — Челобитная ясачного якута Одейской волости Онкочека Бочекова сына о привлечении к суду якута той же волости Тунуя Сергутова сына и якута Бетунской волости Обаку, укравших у него корову и теленка и нанесших ему побои.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии бьет челом сирота твой государев ясачной якут Одейской волости Онкочек Бочеков сын. Жалоба, государь, мне тоей ж волости Одейские на Тунуя Сергутова сына да Бетунские волости на Обаку, ево имени не ведаю. В прошлом, государь, во 148 октября в . . . день украл тот Тунуй да Обаку корову дойную, а укравши

убили да и съели ту корову. [А я] сирота к тем Туную и к Обаку приходил то[е корову] выпрошать, и они меня сироту били и увечили на с[мер]ть. Да в нынешнем же, государь, во 149-м году осенью тое [же] волости Корешев внук Одеков сын Мелгиря да и Жита Анатуев сын украли теленка дву годов не ведомо за что. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на то[го] Тунуя с товарыщи дати свой царьской суд и управу, чтобы мне сироте в их насильстве вконец не погинуть и твоего бы государева ясаку не отбывать. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 187, столб. 7 на 35 ставах; ст. 24.

153. *1653 г. декабря 15. — Дело о возвращении якуту Одейской волости Носкокуру Дегесеву отнятой у него «девки холопки».*

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом сирота твой Одейской волости якут Носкокур Дегесев. Жалоба, государь, мне Батылыской волости на якута Боргулда Инырдина. В прошлом, государь, во 158-м году он Боргулда отнял у меня сироты твоего девку холопку, и тою девкою и по се число владеет. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, в том моем иску на него Боргулда дать свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 162-го декабря в 15 день суд был, и в ответе женка сказала, что ей Носко племянник, а Носко сказал то ж, что он ей племянник, и по тем речам та жонка отдана мужу Боргулде.

К. 196, столб. 4 на 276 ставах; ст. 24.

154. *1653 г. декабря 16. — Дело о возвращении якуту Бетунской волости Чучгурке Аникиеву его беглого холопа.*

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом сирота твой Бетунской волости ясашной якут Чючгурко Аникиев. В прошлом, государь, во 160-м году збежал у меня сироты твоего холоп мой Курдюгас, и ныне я сирота твой про того моего холопа проведал, что он живет Бетюнской волости у якута Тюлсмеля. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Русии, пожалуй меня сироту своего поволь, государь, мне того моего холопа Курдюгаса к себе взять. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 162-го декабря в 16 день суд был, и по суду истцу отказано, потому что истец сказал, бывал де того ответчика отец дядя ево холоп, и велено ответчику быть в ясаке, и вновь на нем лисица взята.

К. 196, столб. 4 на 276 ставах; ст. 29.

155. *1654 г. января 20. — Дело о возвращении калыма якуту Чириптейской волости Сергую Батуеву сыну якутом Намской волости Толкой Торочеевым сыном.*

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом твой государев сирота ясашной якут Сергуй Батуев сын Чириптейской волости. Жалоба, государь, мне Намской волости на Толка Торочеева сына. В прошлом, государь, во 159-м году зимою зговорил я Сергуйко у него Толка женитца на сестре ево Санае, а калыму ему дал 2 коня, да кобылу, да быка, да корову, да вареново мяса 2 скотины, да убитого мяса 2 скотины же, да нога кобылья, да 15 стерледей, да таймень. И в том же, государь, во 159-м году весною та ево Толкоева сестра Санай у него Толкоя в юртах умерла, а животом моим тот Толкой скотом владеет и по се время. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на того Толка в том дать свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся.

Помета: 162-го генваря в 20 день ответчик в ответе запирался и шерть взял себе, а шерть де дана в скоте опричь вареного, и по шерти прав ответчик, а вареном отказано.

К. 196, столб. 4 на 276 ставах; ст. 70.

156. *1654 г. января 27. — Дело о нанесении ран и конокрадстве якутом Мегинской волости Девагой Бычеевым по жалобе на него якута Батуруской волости Едейки Юргина.*

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом сирота твой государев Батуруской волости ясашной якут Едейко Юргин. Жалоба, государь, мне Мегинской волости на якута на Девагу Бычеева. В прошлом, государь, во 160-м году резал тот Девега ножем брата моего роднова Булгудака, и тот мой брат от тех ево Девугиных ножевых ран и по се время лежит присмерти, да он же Девуга украл у племянника моего коня доброво. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на того Девегу дать свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся.

Помета: 162-го генваря в 27 день ответчик в ответе сказал, что исцова брата ножем резал за то, что он исцов брат у него ответчика отнимал насильством огниво, а коня де взял не кражею, и за того коня дал племяннику исцову иную лошадь, а за резанье брата исцова дал он ответчик исцову брату 2 скотины; а истец сказал то же, что и ответчик. И по сем речам ответчику отдать исцову лошадь племяннику ево исцову, а которая лошадь ответчикова дана была за ту лошадь и ту лошадь отдать ответчику, а в резанье исцу отказать, потому что они за то резанье взяли 2 скотины наперед сего.

К. 196, столб. 4 на 276 сставах; сст. 90.

157. *1654 г. февраля 2. — Дело о возвращении якуту Мегинской волости Чугунке Бодоеву сыну его жены, задержанной ее отцом, якутом Кангалаской волости Торей Оттуевым сыном.*

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом сирота твой Мегынской волости ясачной якут Чугунко Бодоев сын. Жалоба, государь, мне Кангалаской волости на ясачного якута на Тори Оттуева сына. В нынешнем, государь, во 162-м году зимою отпустил я сирота твой жену свою Мутуя к нему Торе к тестю своему в гости, и он Торе ту мою жену, а свою дочь, мне сироте твоему не отдает неведомо за что, а цену, государь, за ту ево дочь ему Торе я сирота твой дал всю сполна: 11 кобыл да 10 коров, 7 лошадей, 2 быка да 10 скотин битого мяса вареного. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на того Торе в том моем иску в женишке моей дать свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся.

Помета: 162-го февраля в 2 день суд был. Ответчик сказал, что он дочь свою задержал у себя за ее немочью, а ныне де он тое дочь свою зятю своему привез отдать, и та жонка отдана истцу.

К. 196, столб. 4 на 276 сставах; сст. 106.

158. *1654 г. февраля 19. — Дело о присвоении служилым человеком Федотом Усом жены якута Намской волости Косика Ивеева.*

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом сирота твой Намской волости ясачной якут Косика Ивеев. Жалоба, государь, мне на служилого человека на Федота Уса. В прошлом, государь, во 150-м году женился я сирота твой у татускова якута у Собока на дочери ево Мойлоке, а дал я сирота твой за нее Мойлока калы[м] по своей якутцкой вере, 2 лошади, да 3 кобылы добрых бережих, да 2 бы[ка], да 3 коровы стельных добрых, да 3 скотины вареного мяса, да туюк больщо[й] масла коровья. И жила, государь, у меня сироты твоего та Мойлок с того со 150-го году по 158-й год 9 лет. И в прошлом, государь, во 158-м году отпустил я сирота твой тое жену свою Мойлока в гости к брату ее к Тюсюку Собокову. И в том же, государь, во 158-м году послал тот Тюсюк тое жену мою Мойлока, а свою сестру, из Тагус ко мне сироте твоему в Якутцкой острог на судне с ясачными зборщики с служилыми людьми с Титом Спиридоновым, и служилые люди, Тит с товарыщи, тоей моей жены мне сироте твоему не отдали, а ныне та моя жена Мойлок объявилась у него Федота замужем. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Русии,

пожалуй меня сироту своего вели, государь, на него Федота в том моем иску дать свой царьской суд и управу и по суду свой царьской указ учинить, чтоб мне сироте твоему от той обиды и насилованья твоего государева ясаку не отбыть и вконец не погинуть. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 162-го февраля в 19 день ответчик сказал, что он тое женку у якутцкого служилого человека у Спирьки Маркелова взял за себя, а у Спирьки была она купленная. А женка в роспросе сказала, что она за Косикою замужем была, и тому де ныне 4 годы тот муж ее Косика ходил на промысл, а ее оставливал у брата ее у Тюсюка, и как де брат ее Тюсюк умер и якут де Курдайко Тагуской волости отдал ее якутскому служилому человеку Олешке Анисимову, а взял за нее у него Олешки котел в ведро да ... [1] а Олешка ее взяв привез в Якутцк и у Олешки жила она не крещена года с 2, а Олешка продал ее якутцкому ж служилому человеку Тимошке Павлову, а взял за нее у Тимошки 10 руб., а Тимошка продал Спирьке рыбнику, а что взял за нее Тимошка того она не ведает, и крестя ее Спирька выдал замуж за Федотка Уса. А истец сказал, что тое женку тагуский якут с ... [1] послали с служилыми людьми к нему исцу.

К. 196, столб. 4 на 276 ставах; ст 122.

159. *1654 г. февраля 25. — Дело о бегстве жены якута Мегинской волости Кытаначки Нултукаева.*

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом сирота твой Мегинской волости ясачной якут Кытаначко Нултукаев. Жалоба, государь, мне той же волости на якута на Делгерея Торева. В прошлом, государь, во 161-м году збежала у меня сироты твоего женишко мое имянем Делбек. И в нынешнем, государь, во 162-м году та моя жена объявилась у него Делгере. И в нынешнем же, государь, во 162-м году он Делгере выдал ту мою жену за иного якута за Елтека неведомо за что. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на него Делтере в той моей женишке дать свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся.

Помета: 162-го февраля в 25 день суд был. Ответчик сказал, что та женка пожила у него добровольно и вышла замуж за якута ж Дибгенской волости за Ендока Бынина, а калыму де он за ту женку не имывал, а истец де тое женку покинул тому ныне лет с 15. А истец сказал, что от него збежала года с 3. А якут, которой тое женку за себя взял, сказал, что он тое жонку взял с воли. А женка сказала, что она за ним исцом не бывала. И по тем речам исцу в той женке отказать.

К. 196, столб. 4 на 276 ставах; ст. 143.

160. *1654 г. марта 6. — Отписка средневилюйского ясачного сборщика Ивана Кармалина с товарищами якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому о неудачном сборе ясака с тунгусов, о смертности среди них и о разгроме князца Тимирейка Батырева «намскими мужиками».*

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии стольнику и воеводе Михайлу Семеновичю Ладыженскому да диаку Федору Васильевичю Тонкова Середнева Вилюйскова зимовья ясашной зборщик Ивашка Кармалин с товарыщи челом бьет. В вынешнем, государь, во 162-м году по марта 6 число ево государьским шчастьем собрано ево государева ясаку с якутов 108 соболей да 8 лисиц, а с тунгусов собрано 74 соболя. А в достальних, государь Михайла Семенович, Федор Васильевич, упрошали сроку, вскоре взять негди. А с тунгусов, государь, больши не ведомо будет, не ведомо нет, потому что сказывают соболей нет, промыслы были худы. А тунгусы, государи, судом божием мрут, по се число сказывают померло 20 человек. А отписку, государь Михайло Семенович, Федор Васильевичь. послал я с осени по первому пути з Бесоном Григорьевым по челобитью князца Тимирейка Батырева, что приезжали к нему розгромом намские мужики Тойбокоев сын Мекчек с товарыщи и звали ево Тимирея громить киргидайских мужиков, и он Тимирей не поехал, и оне ево Тимирея хотели убить,

[1] *Два слова не разобраны.*

а людей ево до полусмерти убили и иных ясашных мужиков били и грабили, и отгонили у нево Тимирея 10 лошадей, а тот Бесон з дороги не ведомо за что варатился назад в город, к вам государевым воеводом не поехал, а отдал отписку Томбокою Намсково улусу. А вы, государи Михайло Семеновичь, Федор Васильевич, пишете к нам кручиною, и мы, государь, над собою никакия прослуги не ведаем, апричь безпрестанной волокиты // для ясачново збору. А за прошлые, государь, годы ясаку не можем выходить, безпрестанно ходим, не единова соболя, ко[то]рыя мужики исъезныя, и на тех недо[платы] нет, а которыя не изъесные мужики, сказывают и плачутца, что п[о] прошлыя годы взять нехди. Да слышали мы, государь, и сказывают нам якуты, что на усть Вилюя учинилось не[хо]рошо, аманата отбили Туну[я] аманата отец. И мы, государь, слышели и чиним вам государем ведомо, Михайло Семенович и Федор Васильевич. Да летась, государь, приежали бетунския мужики [с Охо]ты, приезжали Селбук Тюмюк Немюро с товарыщи 30 человек, и Тимирея громили и убили ясашнова якута Кудая, а ясаку за нево стало дать некому, асталось баба з 2-мя рябяты, а живота ничево не осталось, отгромили тесицкия мужики.

На обороте: Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии стольнику и воеводе Михайлу Семеновичю Ладыженскому да диаку Федору Васильевичю Тонково.

162-го марта в 18 день подал Мегинской волости якут Сегерко Тантанов

Помета: Отписку вклеить в столп.

К 196, столб. 4 на 276 ставах: ст. 169.

161. *1654 г. марта 21. — Дело о бегстве холопки якута Модутской волости Бычина Модаева сына.*

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом сирота твой Модутцкой волости ясачной якут Бычина Модаев сын. Жалоба, государь, мне Одейской волости на ясачного якута на Силнегеса Колюева сына. В прошлом, государь, во 161-м году жил он Силнегес у меня сироты твоего в работниках, и подговоря он Силнетес холопку мою якутцкую жонку именем Отонейка с собою увел да и по ся мест держит у собя. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на того Силнегеса в том моем иску дати свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся.

Помета: 162-го марта в 21 день суд был. Ответчик в женке не запирался, и та женка отдана ответчику ж, потому что он исцу за тое женку хочет работать.

К. 196, столб. 4 на 27 ставах: ст. 169.

162. *1654 г. июня 16. — Дело о захвате якутом Намской волости Арченом Качиковым сыном у якута Модутской волости Тохтогойка Камуева сына принадлежавших ему холопов и промысловых рыбных снастей.*

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом сирота твой Модутцкой волости ясачной якут Тохтогойко Камуев сын. Жалоба, государь, мне Намской волости на ясачного якута на Арчену Качикова сына.

В нынешнем, государь, во 162-м году в месяце июне с рыбного промыслу увез он Арчина сильно в неволю холопа моего именем Салдакая и з женою и з сыном. Да он же Арчина увез с озера 60 морд да 4 сети волосяные да рыбы сухой туиса з 2 больших. И я сирота твой для тех своих холопей и для морд и сетей посылал к нему Арчине якута Мотму, и он Арчина того Мотму бив на смерть и лошадь мою добрую из под того Мотмы сильно отнял неведомо за что. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на того Арчину в том моем иску дати свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 162-го июня в 16 день ответчик во всем не запирался и холопа совсем отдал. Да он же сказал, что лошедь застрелили. И за тое лошадь велеть отдать лошадь, а мясо отдать ответчику.

К. 196, столб. 4 на 276 ставах; ст. 236.

163. *1654 г. июля 9. — Дело о неплатеже за «якутскую девку», купленную якутом Когоктина улуса кузнецом Окочутой у служилого человека Семена Чухчерима.*

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом холоп твой Енисейского острогу служилой человек Семейка Васильев сын Чюхчерим. Жалоба, государь, мне холопу твоему Когоктина улусу на ясашного якута Окочюта кузнеца. В прошлом, государь, во 160-м году продал я холоп твой ему Окочюту ясыря своего якутцкую девку, а за того своего ясыря взяти мне холопу твоему на нем Окочюте недоплаты скотину быка, а цена тому быку 12 руб. да 10 палем железных, а цена тем пальмам 5 руб. И по се число тот Окочют мне холопу твоему за того моего ясыря по уговорной цене за быка и за пальмы тех денег не платит неведомо за что. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Русии, пожалуй меня холопа своего вели, государь, дать мне холопу твоему свой царьской суд и управу в моем иску на того Окочюта. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 162-го июля в 9 день ответчик в ыску не запирался.

К. 196, столб. 4 на 276 ставах, ст. 241.

164. *1654 г. июля 29. — Дело об отнятии сенных покосов и нанесении побоев холопами якута Мегинской волости Девуна холопам якута той же волости Нокочи Чермокова.*

I. — Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом сирота твой Мегинской волости ясачной якут Нокочо Чермоков. Жалоба, государь, мне Мегинской волости на Девуниных холопов на Домолта Карелкуева да на Енекая Бопуева да на Чюдара Някыева. В нынешнем, государь, во 162-м году июля в 23 день они Домолто с товарыщи отняли у меня сироты твоего 4 луга сенных покосов. Да они ж Домолто с товарыщи били у меня сироты твоего холопа моего Курдюгея Ембонова и пальмами ево в 3-х местах голову просекли и правую руку прокололи. А те, государь, луги мои, а кошу на тех лугах лет з 10. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на тех Девуниных холопов на Домолта с товарыщи в том их отъеме в сенных покосах и в бою и в увечье холопа моего дать свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся пожалуй. //

Помета: 162-го июля в 29 день ответчик сказал, что он сек исца пальмою за то, что истец ево ответчика на огонь пихнул и руку у него ожег. И по тем речам ответчику учинено наказанье, бит кнутом он на козле.

II. — Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом сирота твой Мегинской волости ясачной якут Девуни Онкудеев сын. Жалоба, государь, мне Мегинской же волости на ясачных якутов на Нокочо да на Корючея Чермокоевых детей. В нынешном, государь, во 162-м году в месяце июле пришед их Корючеевы да Нокочовы холопи Гуржегес с товарыщи холопей моих сироты твоего Девуниных Некана да дяди моего родного Орла холопа Сутуя на сенных покосех били и увечили и тех моих холопей нарочным делом звали на огонь, у Анекона руку правую сожгли, а Сутуя правую ногу, отнимаючи насильством отца моего Онкудея да дяди моего Орла сенные покосы неведомо за что. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на тех братеников на Нокочо да на Корючея и на их холопей в том моем иску в насильстве их и в бою и увечье дати свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: Подклеить под исцово челобитье, потому что указ помечен на исцовой челобитной.

К. 196, столб. 4 на 276 ставах; ст. 246—247.

165. *После 1654 г. сентября 1. — Дело об отобрании скота и холопов у ясачной якутки Бетунской волости Бытыкыйки Тавукаевой родственниками ее умершего мужа и о обращении ее сына Дачина в холопство.*

I. — Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом сирота твоя Бетунской волости Быяновская женишко Ончокова Бытыкайко Тавакуева дочь. Жалоба, государь, мне Бетунской же волости на ясач-

ного якута на Тюсеня Ончокова сына да на сына ево Даку. В прошлом, государь, во 162-м году весною взял он Тюсень у меня сироты твоей сильно статков покойного мужа моего Быяна 3 кобылы добрых, а сын ево Даку отнял у меня сироты твоей сильно грабежем статков же мужа моего 12 коров, 4 лошади, 3 кобылы бережых, 2 быка больших, шестеро телят селетков. Да у меня ж сироты твоей было куплено на твой государев ясак 9 соболей, 3 лисицы красных, и те соболи и лисицы грабежом взял у меня сироты твоей он же Даку, и меня сироту твою хотел убить на смерть, да и сына моего Дачину себе похолопил, а жену того сына моего, а мою невеску Мычайка он Даку взял себе в жены место, и холопа моего Сылгысь взял к себе ж в холопство, да платьишка нашего и статков поимал он Даку у меня сироты твоей 2 шубы женские, 4 торбосы, рукавицы волчьи, 2 малахая бельи, 20 горносталей, 20 белок. А преж, государь, того, как муж мой Быян умер веспою, и в та поры статков мужа моего он же Даку взял у меня сироты твоей 2 кобылы добрых да 2 коровы взял у меня ж лутчих он Даку и отдал матери своей Кучюку не ведомо почему. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй меня сироту свою вели, государь, на того Тюсеня да на сына ево Даку в том моем иску дати свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся. //

II. — И против сей челобитной Тюсеня Ончокова жена, Адакуева мать, Кучюку сказала, что де муж ее Тюсень взял Быянова скота Ончокова после ево Быяна лошадь да кобылу. Да сын де ее Даку взял того ж Быянова скота 3 лошади да 3 кобылы да 12 коров да 9 соболей да 3 лисицы красных, и те де соболи и лисицы у сына ее Даку дома и ныне есть. Да она де Кучюку взяла 2 коровы. А муж де ее и сын поехали на соболиной промысел. А Быянова жена Бытыкыйко сказала: сын де ее Даку взял мужа ее Быянова скота живых 4 лошади да 3 кобылы да 12 коров да 2 скотины битого мяса да 9 соболей да 3 лисицы красных, да он же де Даку взял лошадь да кобылу да 2 коровы и отдал он матери своей Кучюку, да он же Даку взял холопа их имянем Сылгызу Бадпарыева сына; да муж ее Тюсень взял 3 кобылы; да он же де Даку взял сына ее Дачину и жену де того сына ее, а ее невеску, имянем Мычайка к себе в холопство, а за ту де невеску Мычайка муж ее Быян, как жив был, отцу ее дал 6 лошадей да 6 кобыл да 5 коров да 4 скотины битого мяса. Даку Тюсенев против челобитной роспрашиван, а в роспросе сказал: как де муж ее Быян умер, и он де Даку взял после ево скота, потому что ему Быян был ему дядя родной, 2 лошади да 3 кобылы да 2 быка больших да 12 коров, в том числе 2 теленка, 9 соболей, а 2 лисицы тот Быян дал сам, как он жив был, и сына де Быянова взял он Даку по свойству, а не в холопы и тот де сын Быянов с лошади упал и ушибся и умер, а невески де ее он Даку не имывал, а живет де та ее невеска у отца своего у Эчинея Барчигирова, а Быян де за тое ее невеску // дал отцу ее Эчинею калыму 4 лошади да 4 кобылы да 4 коровы, а отец де ее дал Быяну 2 шубы волчьи да шубу рысью да 35 соболей. Да того ж де Быянова скота взяли родники ево Дергина Ончоков кобылу да холоп Дергинин Тенька Бадпарыев взял кобылу, Очей Дергинин кобылу, Ондрюшка Дергинин 2 кобылы бережих, Отюней Камуков кобылу бережую, да Акон Камыков кобылу бережую, да Мазары Камыков корову, да Чеен Ончеков 2 кобылы, да отец де ево Дакуев Тюсян взял 2 кобылы.

К. 198, столб. 6 на 143 ссставах; сст. 2—4.

166. *1664 г. не ранее июля ... — Челобитная ясачных якутских князцов и улусных людей разных волостей, поданная якутскому воеводе Ивану Большому Голенищеву-Кутузову о невзимании с них недоимки за прошлые годы в течение одного года потому, что они «обнищали и обедняли и по дворам в холопство иззапродались», распродав русским людям свой скот, жен и детей.*

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] и государю благоверному царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю [т.] и государю благоверному царевичю и великому князю Феодору Алексеевичю [т.] бьют челом сироты ваши дальней вашей государевы вотчины Сибирской украины ясачные якуты розных волостей: Канталаской волости князцы Калтейко Откураев, да Вычко Касимов, Батуруской волости князцы Омоллонко да Тимучко Гуликановы дети,

Немаячко Очеев, Нюрюптейской волости князец Тетко Киринеев, Мегинской волости князец Муканко Бтипкан, Бетунской волости князцы Чегунейко Изилов да Аконко Камыков, Намской волости князец Ничка Мымыков, Чюметцкой волости Кулутко Сатаканов, Атамайской волости Тюсенко да Отконко Чемчины и все улусные люди. В нынешном, государи, во 172-м году июля в... день прислана в Якутцкой острог к вашему государеву стольнику и воеводе Ивану Федоровичю Большому Голенищеву-Кутузову ваша великих государей грамота, велено на нас сиротах ваших за прошлые годы ваш великих государей ясак и поминки собрать в один год без доимки сполна, чтоб на прошлые годы доимки не было. И по вашему государеву указу и по грамоте стольник и воевода Иван Федорович Большой Голенищев-Кутузов за прошлые годы ваш великих государей ясак и поминки на нас сиротах ваших хочет править. А мы сироты ваши платим ваш великих государей ясак погодно оклады большие, а сверх годовых окладов тот ваш великих государей ясак и поминки за прошлые годы уплачиваем, сколько хто из нас может добыть и упромышлять, или как хто может промыслить, с великим попеченьем сами же даем, чтоб на нас сиротах ваших доимки не было. И многие из нас сирот ваших, збывая с себя за прошлые годы вашево государева ясаку и поминков доимку, обнищали и обедняли и по дворам в холопство иззапродалися и вконец погибли и разорилися, что было скотишку, то испродали, и детей своих и жен и родников служилым людем потому ж изпродали и иззакабалили в неокупные долги, убегаючи тово, как бы мочно вашево государева ясаку доимку и поминки на прошлые годы заплатить. А хто из нас сирот ваших позавезнее и позаводнее, и мы сироты ваши ездим по всякую осень из своих улусов и от своево кочевья и жилищ по дальним сторонам и местом вашево государева ясаку промышлять и, не хотя родников своих и боконов видеть на правеже и в конечном разоренье, даем им в ссуду корм и скот и лошадей ездить на промысел вашего государева погоднова и на прошлые годы ясаку и поминков, чтоб оне промышляли и головы свои оплачивали, и от той ссуды мы сироты ваши по тому ж бедняем и нищаем и х конечному разоренью приходим. И только бы, государь, // не раденье вам государем и служба и праведное разсмотренье вашево государева стольника и воеводы Ивана Федоровича Большово Голенищева-Кутузова, и за нашу братью за многих ясачных недостаточных якутов только бы он в вашем государеве ясаке и поминках не оплачивал и не окупал, и нам бы сиротам вашим и досталь вконец погинуть и разоритца. А конечно, государь, он стольник и воевода Иван Федорович Большой Голенищев-Кутузов, помня ваш праведной великих государей указ, не хотя вашей государевы вотчины Якутцкие земли нашево сирот ваших жытьишка разорить, в вашей государеве казне великую прибыль чынит и прочно вашу государеву вотчину строит. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович [т.] и государь благоверной царевич и великий князь Алексей Алексеевич [т.] и государь благоверный царевич и великий князь Федор Алексеевич [т.], пожалуйте нас сирот своих не велите, великие государи, своей вотчины Якутцкие земли нас сирот своих разорить и вконец погубить и за прошлые годы вашего государева ясаку и поминков в один год доимку сполна править, а велите, государи, на нас и впредь, по праведному разсмотренью, ту доимку имать так ж погодно, как и преж сево издавна мы сироты ваши оплачиваемся, чтоб нам сиротам вашим, от тово непомерново правежу вашево государева ясаку и поминков за прошлые годы доимки в один год, вконец не погинуть [и н]е разоритца, и вечно бы вашево государева ясаку не отбыть, и за то от вас великих [госуда]рей в опале и в смертной казни не быть. И о сих наших нужах велите, великие государи, из Якутцкого остроту отписать и под отпискою сию нашу за нашими знаменами челобитную послать к вам великим государем к Москве. Царь государь и государи благоверные царевичи, смилуйтеся.

К. 202, столб. 4 на 5 ставах; сст. 1—2.

167. *1672 г. ноября 11. — Отрывок из росписи индигирским ламутам, «поспевшим в ясачной платеж».*

181-го году ноября в 11 день по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] и по памяти Якуцкого острогу воеводы князя

Якова Петровича Волконского на Индигирку реку в Зашиверский острожек прислана ко мне казачью пятидесятнику Федьке Яковлеву память, а в той памяти написано: велено мне на Индигирки реки в Зашиверском остроге переписати ясашных людей хто имяны, и у них подрослей и детей и братью и племянников, которые поспели в ясачной платеж, и по чему хто платит ясаку, и тое переписную роспись велено мне прислати за своею рукою въ Якуцкой острог. И я Федька на Индигирки реки в Зашиверском острожке сыскивал и допрашивал, сколько у вас улусов и в улусах юрт и ясашных людей и хто имяны и сколько подрослей и детей и братей и племянников, которые поспели въ ясачной платеж, и по чему хто платит имяны ясаку. И в сыску Зельянского роду ламуцкие ясашные мужики Торочановы дети Богдашка да Губа з братьями и с родниками сказали: платим де мы великого государя ясаку на год по 50 по 7-ми соболей, а в роду де нас всех и с подростками 33 человека, а имян у нас многим межу собою нет и не живет, а улусами и юртами нас описать нельзя, потому что мы ходим въ юрте человека по 4 и по 3 и по 2 и по 1-му, а не улусами, и то по розным местам, друг друга не ведаем и не знаем, хто куды ходит, а сходимся годом в одно время не надолго сь ясачным платежем к Зашиверскому острогу, и то не вместе же и не вдруг; а как заплатим великого государя ясак и опять врознь разойдемся по человеку и по 2 в розные ж в дальные места для соболиного промыслу; а городков и волостей мы не знаем. Того ж Зельянского роду ламуцкой ясашной мужик Шелыга с родниками своими сказали: платим де мы великого государя ясаку по 40-у соболей на год, а в роду де нас и с подростками в ясачном платеже 20 человек.

Далее следует перечень плательщиков ясака и его размер по отдельным родам.

К. 209, столб. 4 на 65 ставах; ст. 15; ст. 16—24 опущены.

168. *1675 г. ноября 30. — Купчая на Минакаю Селбезинову дочь, проданную ее мужем, ясачным якутом Атамайской волости Ноней Иваковым ясачному якуту Мегинской волости Курдяге Тотоеву.*

Список с подлинной купчей слово в слово.

Се аз Атамайской волости ясашной якут Ноня Иваков продал есми на Вилюе Середнего Вилюйского зимовья Мегинской волости ясачному якуту Курдяге Тотоеву жену свою именем Минакая Селбезинову дочь, а взял есми за тое свою жену лошадь добрую да 2 коровы стельных. И впредь мне Ноне тое своей жены не отыскивать. Ни родникам моим и никому на сторону не продана и не заложена. А буде хто станет вступатца по ка[ко]му вымыслу, и мне Ноне тое бабу очищать своим животом, а Курдяге убытка не привесть никакова. А сию купчую писал Середнего Велюйского зимовья ясачного збору подьячей Клим Аврамов лета 7184-го месяца ноября в 30 день.

А позади подлинной купчей написан лук с стрелою и подписано знамя Нонино. А сей список писал по Федькину Оттюряка веленью Сарзин Крупецкий, а подлинную купчую он Федька к себе взял.

На обороте: К сему списку вместо казака Фетьки Оттюряка по его веленью казак Афонька Жаков руку приложил, а подлинную купчую он Фетька к себе взял.

К. 215, столб. 4 на 215 ставах; ст. 85; современный список.

169. *1678—79 гг. — Челобитная зашиверских ясачных ламутов, поданная сыну боярскому Леонтию Трифанову об отпуске их с правежа и о предоставлении отсрочки во взносе ясака до будущего года.*

Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичю [т.] бьют челом холопи твои Индигирки реки Зашиверского острошку ясачные ламутцкие мужики розных родов: Куропашка, да Каменко, да Шелнашка, да Губка Торочанов, да Короткой, да Куликанко, да Базинко, да Ковырка, да Панкрашка Косых з братьями и с родничишками своими. В прошлом, великий государь, во 186-м году убили у нас холопей твоих на соболином промыслу на Ковыме реке ковымские ясачные юкагири и неясачные Ченога с товарыщи вместе родников наших до смерти, а жен и детей их они Ченога с товарыщи взяли себе в полон, а достальных у нас холопей твоих олени и всякой живот пограблии, и потому мы холопи твои на нынеш-

ней на 1[87-]й год ити не посмели. И прежней приказной десятник казачей Микита Савин ити нам на промысел не велел и говорил он Микита таковы: пойдете на промысел, и [вас] ковымские юкагири побьют всех. И велел нам он Микита, не ходя на промысел, дож[и]датца указу о тех убитых родниках наших. А мы холопи твои послали в город бити челом тебе великому государю о тех убитых родниках своих родника ж своего Чащу, и с указом мы холопи твои того Чащю дожидались, не ходя на промысел, и, от того смертного убойства боясь, на прежние свои соболиные промышлища промышлять не ходили. И в том мы холопи твои перед тобою великим государем виноваты, а в вине нашей волен ты, великий государь. Милосердый государь царь и великий князь Феодор Алексеевичь [т.], пожалуй нас холопей своих вели, великий государь, в Зашиверском острошке сыну боярскому Леонтию Трифанову нынешнего 187-го г[оду] в недоборном ясаке с правежу спустить и по нас холопей своих вели, великий государь, крепкие поруки собрать и лутчих мужиков в казенку посадить, что тот недоборный ясак заплатить нам холопем твоим впредь во 188 году. А сию нашу челобитную принять и приняв послать под отпискою въ Якутской острог и подать воеводе Фоме Ивановичю Бибикову. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 215 столб. 7 на 31 ставе; ст. 5.

170. *1680 г. ранее декабря 15. — Челобитная ясачного якута Мегинской волости Кумаса Гучина на ясашного якута той же волости Велгу Мучюктина, невыполняющего договор о взносе ясака за Кумаса, выдавшего под этим условием за него замуж сестру свою Кучюя.*

Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичю [т.] бьет челом холоп твой ясашной якут Мегинской волости Кумаско Гучин. Жалоба, государь, мне холопу твоему на ясашного якута той же волости на Велгу Мучюктина. В прошлых, великий государь, годех он Велгу взял у меня холопа твоего за собя сестру мою Кучюя, а хотел за меня холопа твоего и за брата моего за Мыгая тебе великому государю ясаку вечно платить по 3 соболи на год. А ныне он Велгу сошел жить в Олекминской острожек, а твоего великого государя ясаку за нас холопей твоих не платит со 185-го году и по нынешний по 189-й год. Милосердый государь царь и великий князь Феодор Алексеевичь [т], пожалуй меня холопа своего вели, великий государь, из Олекминского острошку того Велга выслать въ Якутцкой острог, послать память с казаком Степаном Лаврентьевым, и в том свой великого государя указ учинить. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 189-го декабря в 15 день послать паметь в Олекомской острожек и велеть того якута выслать въ Якуцкой.

К. 215, столб. 31 на 196 ставах; ст. 37.

171. *1681 г. ранее января 27. — Челобитная ясачного якута Чачюйской волости Тахтотая Оголлюрева о взыскании с детей умершего якута Ярканской волости Оргуся причитающегося с Тахтотая ясака, согласно заключенного с отцом их договора.*

Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичю [т.] бьет челом холоп твой ясашной якут Чачюйской волости Тактотайко Оголлюрев. Жалоба, великий государь, мне холопу твоему Вилюйского Верхнего зимовья Ярканской волости на ясашных якутов на Оргуся Чечякова да на Москогола Ирчикаева. В прошлом, государь, во 182-м году тот Оргусь да Москогол убили отца моего до смерти Угулюря, и в том в убийстве отца своего мы холопи твои с нимя Оргусемь и Моксоголом не ходя в суд помирились, а на миру договорясь дали они Оргусь да Москогол на себя запись, что им Оргусю да Моксогулу платить за того отца моего Угулюря твоего великого государя ясаку по 3 соболи на год, в том числе Оргусю платить 2 соболи, а Моксоголу платить одного соболя. И в прошлом, государь, во 184-м году тот Оргусь умер, а остались после ево два сына Оенек да Сиряни, а скот и живот и жену взяли после смерти отца своего они Оенек да Сиряни и того твоего великого государя ясаку против той своей мировой записи за того отца моего не платят, и тот твой государев ясак ныне за того отца моего просят на мне холопе твоем. Милосердый государь царь и великий князь Феодор Алексее-

вичь [т], пожалуй меня холопа своего вели, государь, тот свой великого государя ясак против их мировой записи платить детям ево Оргусевым Оенеку да Сиряне да Моксоголу и послать о том на Вилюй приказному человеку Матфею Ярыгину память. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 189-го генваря в 27 день выписать, и от том послать память на Вилюй и велеть на них взять ясак сполна на нынешней на 189-й год и на прошлые годы, а будет у них спор о чем учинитца и их привесть в город.

К. 215, столб. 31 на 196 ставах; ст. 77.

172. *1682 г. марта 6—7. — Дело о бегстве холопов ясачного якута Мегинской волости Иденгички Дексиева.*

I. — Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичю [т.] бьет челом холоп твой Мегинской волости ясачной якут Иденгичко Дексиев. В прошлом, великий государь, во 186-м году збежали от меня холопа твоего холопи мои Курдюгеско да Кутерко Саннынн дети, да Гунутко Кахтынь, да Курдюжескова жена Кебеско Кахтына дочь и ныне они живут в Жыганех. Милосердый государь царь и великий князь Феодор Алексеевичь [т.], пожалуй меня холопа своего вели, великий государь, тех моих беглых холопей сыскать в Жыганех и привести в Якутцкой острог казаку Семену Годневу в нынешнем во 190-м году. Царь государь, смилуйся.

Помета: 190-го марта в 6 день против сего челобитья дать память казаку Сеньке Годневу и велеть тех холопей ево сыскать и привесть в Якутцкой и явитца.

II. — Лета 7190-го марта в 7 день по государеву цареву и великого князя Феодора Алексеевича [т.] указу память казаку Сеньке Годневу. В нынешнем во 190-м году марта в 6 день бил челом великому государю, а в Якуцком в приказной избе стольнику и воеводе Ивану Васильевичю Приклонскому подал челобитную Мегинской волости ясачный якут Иденгичко Дескин, а в челобитной ево написано: в прошлом де во 186-м году збежали на низ в Житаны от него Идентичка ево холопи Курдюгеско да Кутерко Саннынн дети, да Гунутко Кахтин, да Курдюжескова жена Кебеско Кахтина дочь и те де ево холопи ныне живут на низу в Жиганех, и чтоб великий государь пожаловал ево Иденгичка, велел послать память, чтоб тех ево Идентиных холопей сыскав прислать в Якутцкой. И по указу великого государя, приехав тебе в Жиганы, сыскать против ево Иденгичкова челобитья тех ево холопей, сыскав за поруками выслать в Якутцкой и объявить их в приказной избе стольнику и воеводе Ивану Васильевичю Приклонскому, а будет по них порук [не будет] и тебе б привесть их с собою в Якутцкой [и объявить в приказной избе].

К. 216, столб. 1 на 171 ставах; ст. 1—2.

173. *1682 г. марта 7. — Память якутского воеводы Ивана Приклонского казаку Семену Годневу о поимке беглых холопов ясачного якута Борогонской волости Одочки Торонеева.*

Лета 7190-го марта в 7 день по государеву цареву и великого князя Феодора Алексеевича [т.] указу память казаку Сеньке Годневу. В прошлом во 180-м году февраля в 5 день бил челом великому государю, а в Якутцком в приказной избе стольнику и воеводе Ивану Васильевичю Приклонскому Борогонской волости якут Одочко Торонеев подал челобитную, а в челобитной ево написано: в прошлом де во 187-м году збежали от него Одочка в Жиганы холопи ево Кою шаман з двумя детьми Тонкол да Кабута, и чтоб великий государь пожаловал, велел тех холопей его в Жиганех сыскать и сыскав их выслать в Якутцкой. И по указу великого государя, приехав тебе в Жиганы, сыскать против ево Одочкова челобитья тех ево холопей, а сыскав за поруками выслать в Якутцкой и объявить их в приказной избе стольнику и воеводе Ивану Васильевичю Приклонскому. А будет по них порук не будет и тебе б привесть их с собою в Якутцкой и объявить в приказной избе.

К. 216, столб. 1 на 171 ставе; ст. 3.

174. *1685—86 гг. — Челобитная ясачного якута Нюрюптейской волости Булгуйчки Тейкова якутскому воеводе Матвею Кровкову о привлечении к суду ясач-*

ных якутов Кангалаской волости Байги Мемина и Сыдыбала Ергузеева, укравших у челобитчика скот.

Царем государем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю [т.] бьет челом холоп вашь Нюрюптейской волости ясачной якут Булгуйчко Тейков. Жалоба, государи, мне холопу вашему Кангалаской волости на ясачных якутов на Байгу Мемина да на Сыдыбала Ергузеева. В нынешнем, государи, во 194-м году украл он Байга у меня холопа вашего быка доброго да кобылу, а Сыдыбал украл у меня холопа вашего коня казака Микиты Кармалина, а та ево Микитина лошадь дана была мне в пастьбу, цена лошади 10 руб., быку 3 руб., кобыле 5 руб. Да он же Сыдыбыл меня бил и увечил и к дереву вязал. Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевичь, Петр Алексеевичь [т.], пожалуйте меня холопа своего велите, государи, на тех якутов в том моем иску дать мне свой царский суд и управу. Цари государи, смилуйтеся.

На обороте 1 якутское «знамя».

К. 218, столб. 11 на 160 ставах; ст. 20.

175. *1686 г. февраля 25. — «Доезд» Ивана Лыткина якутскому воеводе Матвею Кровкову о бегстве пойманных холопов кангалаского ясачного якута Уктачки Оенокова.*

В прошлом во 193 году июля в 27 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] и по приказу генерала и воеводы Матвея Осиповича Кровкова дана память, великих государей за печатью, Ивану Лыткину по челобитью Кангалаской волости якута Уктачка Оенокова, а велено ему сыскать в Житанех и на Оленке ево Уктачкиных беглых холопей Сахарка Бултекеева да детей ево Сылрысытка да Кутеря и з женою ево Намычейком. И я Иван того Сахара и жену ево нашел и отдал в Житанах исцу Укте, а он Укта отдал ево на поруки, мимо меня Ивана, ясачным иноземцам; а детей ево Сахаровых Сылтысу и Кутеря вез я Иван с ним Уктою вместе в город и оне з дороги убежали, а в погоню итти было мне Ивану за ними не в мочь. Доезд писал площадной Микитка Федоров 194 году февраля в 25 день.

На обороте: К сему доезду Ивашко Лыткин руку приложил.

Помета: Взять к челобитью.

К. 219, столб. 2 на 52 ставах; ст. 30.

176. *1687 г. марта . . . — «Сказка» казака Михаила Жиркова о желании заложенной ему якутки Нелчаки креститься.*

195-го году марта в . . . день в Якутцком остроге в приказной избе перед генералом и воеводою перед Матвеем Осиповичем Кровковым казак Мишка Жирков сказал по святой непорочной евангельской заповеди господни, еже есть ей ей. В прошлом во 193-м году Лучинской волости якут Курчега Селбуков заложил мне жену свою якутцкую девку именем Нелчака в 3-х лошадях да в 3-х кобылах да в 4-х коровах, и за тот скот тое жены своей мне поступился в работу. И ныне та женка хочет креститеся волею. А впредь о той женке от того мужа ее и от иных родников ево челобиться на меня [Ми] хайла не будет. Скаску писал Микитка Безносой.

На обороте: К сей скаске Мишка Жирков руку прилюжил.

К. 221, столб. 3 на 181 ставе; ст. 167.

177. *1687 г. декабря 31. — Наказная память якутского воеводы Петра Зиновъева на Вилюй в Среднее зимовье казаку Максиму Мухоплеву о сборе ясака без «понoровки иноземцам», о произведении следствия об ограблении ясачных якутов Атамайской волости вилюйскими тунгусами и о взятии и присылке в Якутск «пущих из них заводчиков в аманатах».*

Лета 7196-го году декабря в 31 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великой государыни благоверной царевны и великой княжны Софии Алексеевны [т.] и по приказу стольника и воеводы Петра Петровича Зиновьева память на Вилюй в Середнее зимовье казаку Максиму Мухоплеву. В нынешнем во 196-м году декабря в 24 день писал ты в Якутцкой к стольнику и воеводе Петру Петровичю Зиновьеву, а в от-

писке твоей написано: на Вилюе де в Середнем зимовье у тебя Максима великих государей ясаку в зборе нет, потому что де тунгусы своею дуростью пограбили Атамайской волости якутов, отняли кони и кобыли и коровы, и на соболиные промыслы не пошли; а которые тунгусы на промысел и пошли небольшие люди, и те Атамайской волости якутов, отняли кони и кобылы и коровы, и на соболиные проних, что де те тунгусы живут в Якутцком в Малягарской волости у Налая да у Бигека шамана и с ясаком к зимовью итти не хотят, а на соболи покупают скот; а якуты на соболиные промыслы не ездят, а платят великих государей ясак за соболи лисицами красными и сиводущатыми; и о том бы тебе прислать великих государей указ. И как к тебе ся память придет, и тебе б по указу великих государей и по наказу и против приправочных книг великих государей ясак с ясачных людей збирать с великим раденьем неоплошно, и от ясачной понаровки с иноземцов посулов и поминков не имать, и обид и налог и разоренья им не чинить и ни в чем не приметыватца. А которые тунгусы и якуты в ясак соболей не упромышляли, и тебе б имать с них великих государей ясак за соболиное число, за соболя по лисице сиводущатой да за соболя по 2 лисицы красных добрых. А буде ты Максим против приправочных книг на ясачных людех великих государей ясаку сполна не зберешь и от ясачной понаровки учнешь имать // посулы и поминки и ясачных людей разорять и грабить и обиды и налоги чинить, и тебе Максиму по указу великих государей за то быть в жестоком наказанье и в разоренье, и недоборной ясак по указу великих государей стольник и воевода Петр Петрович Зиновьев велит доправить на тебе ж Максиме безо всякие пощады. Да тебе ж Максиму розыскать ясачными иноземцы, буде есть челобитье от якутов Атамайской волости Вилюйского Середнего зимовья на тунгусов в грабежу в конях и в кобылах и в коровах. И будет по розыску те тунгусы объявятца в воровстве в грабежу, и великих государей ясаку по окладом своим сполна не платили, и тебе б Максиму пущих завотчиков, одного или дву человек, взять в аманаты и держать их в ясаке и до вершенья судного дела. И тот сыск за иноземскими знамены и за своею рукою прислать в Якутцкой с нарочным посыльщиком и о том отписать и сыск и отписку велеть подать в приказной избе стольнику и воеводе Петру Петровичю Зиновьеву. А про тунгусов Вилюйского Середнего зимовья Калтакульского роду, о которых ты писал и роспись под отпискою прислал, что те тунгусы живут в Якутцком уезде в Мальягарской волости, и по тех тунгусов послан из Якуцкого нарочной посыльщик. И будет те тунгусы объявятца, и ему велено их с ясаком привесть в Якуцкой. И что с них великих государей ясаку в Якуцком возьметца или они в сыску не объявятца, и о том к тебе из Якуцкого великих государей указ послан будет с ездоками впредь.

К. 222, столб. 2 на 92 ссставах; сст. 29—30.

178. *1688 г. января не ранее 17. — Дело об освобождении ясачного якутского князца Намской волости Бюкея Никина от лишней подводной повинности.*

I. — Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю и великой государыне благоверной царевне и великой княжне Софии Алексеевне [т.] бьет челом холоп ваш Намской волости князец Бюкей Кожекин. В прошлых, государи, годех холопи мои сошли от меня холопа вашего и ныне живут на Амге: Кызылык шаман да братья ево Боконек да Букаик Дакыевы. А ясачные зборщики, и со служеб едучи, емлют у тех моих холопей конные подводы и в том чинитца им налога, а лошади и скотишко мое у тех моих холопей, а ваш великих государей ясак за тех своих холопей плачю я холоп ваш в Якуцком по вся годы, и под ясачными зборщиками и подо всякими служилыми людьми для ваших великих государей дел гоняю конские гоньбы. Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевичь, Петр Алексеевичь и великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна [т.], пожалуйте меня холопа своего велите, государи, из приказной избы память дать за вашею великих государей печатью и послать на Амгу об тех подводах, чтоб с меня холопа вашего лишней гоньбы не было, чтоб тем моим холопям впредь вашего великих государей ясаку не отбыть. Цари государи, смилуйтеся. //

На обороте 1 якутское «знамя».

Помета: Выписать из прежних примеров, а буде прежних примеров нет, послать против челобитья сего память на Амгу, не велеть с холопей ево подвод имать потому, что с его челобитчика емлют подводы в ево волости.

II. — Лета 7196-го генваря в . . . день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великой государыни благоверной царевны и великой княжны Софии Алексеевны [т] память амгинскому приказному сыну боярскому Сарзину Крупетцкому и впредь хто по нем будут приказным людем. В нынешнем во 196-м году генваря в 17 день бил челом великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю и великой государыне благоверной царевне и великой княжне Софии Алексеевне [т.], а в Якутцком в приказной избе стольнику и воеводе Петру Петровичю Зиновьеву подал челобитную Намские волости Якутцкой князец Бекей Никин, а в челобитной ево написано: в прошлых де годех послал он Букей жить на Амгу холопей своих Кызылыка шамана да братей ево Боконека да Букаика Дакыевых со скотом своим близ соболиного промыслу, и ныне де те ево холопи живут на Амге, а ясачные зборщики, и со служеб идучи служилые люди, емлют у тех ево холопей конные подводы и те де ево Букаевы подводные лошади заезживают и в том де им чинитца налога и соболиному промыслу помешка и безпромыслица великая, а под ясачными зборщики и подо всякими служилыми людьми для всяких великих государей дел гоняет он Бекей конские подводы у себя в Намской волости; и чтоб великие государи пожаловали ево Букея велели о том послать на Амгу память, чтоб ему лишних подвод против своей братьи ясачных людей в 2-х местех не гоняти. И как к тебе ся память придет, и тебе б Сарзину и по тебе впредь хто будут // приказные люди и ясачным зборщиком и служилым людем, которые приходя со служеб по указу великих государей Намские волости князца Бекея Никина у холопей ево, которые живут на Амге, у Кызылыка шамана и у братей ево с товарыщи конных подвод отнюдь не имать. Да и амгинским приказным людем, едучи с Амги в Якутцкой для всяких государевых дел, у тех ево Букеевых холопей подвод по тому ж отнюдь не имать для того, что он Букей по указу великих государей подводы гоняет в своей Намской волости для государевых дел с своею братьею вместе. А будет хто у ево Букеевых холопей чрез сей великих государей указ возьмет подводы, и тем людем от великих государей быть в наказанье, Да на тех людех по указу великих государей стольник и воевода Петр Петрович Зиновьев за подводы велел доправить прогоны втрое безо всякие пощады. А прочитал сию память амгинским приказным людем и ясачным зборщиком и всяким служилым людем, отдавать князца Бюкея Никина холопям ево Кызылыку шаману с товарыщи.

К. 222, столб. 2 на 92 ставах; ст. 46—48.

179. *1688 г. ранее января 28. — Челобитная якута Юсальского рода Бодойки Дардыева верхоянскому пятидесятнику казачьему Никите Тютину о привлечении к суду шаманов Конея Мокоева и Таркая Багыева, «испортивших» его сына Ерсюкая.*

Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю и великой государыне благоверной царевне и великой княжне Софии Алексеевне [т.] бьет челом холоп ваш Юсальского роду якут Бодойко Дардыев. Жалоба, государи, мне холопу вашему Байдутцкого роду на якута на Конея шамана Мокоева. В прошлом, государи, во 195-м году испортил он Коне[й] сына моего Ерсюкая вместе с Таркаем шаманом Багыевым. И ныне те шаманы живут в Верхояньском зимовье. Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевичь, Петр Алексеевичь и великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна [т.], пожалуйте меня холопа своего велите, государи, на тех шаманов в том моем иску дать свой царьской суд в Верхоянском прикащику пятидесятнику казачью Миките Тютину. Цари государи, смилуйтеся.

На обороте 1 якутское «знамя».

Помета: 196-го года генваря в 28 день против сего челобитья послать память, велеть ответчиков выслать к ответу в Якутцкой.

К. 222, столб. 2 на 92 ставах; ст. 44.

Б. Формы сопротивления туземного населения колониальной политике

180. *1639—40 г. — Отписка якутского таможенного целовальника Юрия Селиверстова якутскому таможенному голове Дружине Трубникову о непосылке на Олекму соболиной казны из-за «шатости» в Якутской земле.*

I. — Господину Дружине Фокичю Юшко Селиверстов челом бьет. В нынешном, господине, во 148-м году писал ты ко мне, что прислать из Ленсково острожку к тебе в Олекменской острожек государева десятинная соболиная казна и книги. И я, господине, послать к тебе на Олекму государеву соболиную казну послать не посмел, потому что в Якутской земли есть шатость, а якутские и тунгуские люди многие заворовали и многих руских промышленых людей на соболиных промыслех побили. А прийшлется, господине, та государева десятинная соболина казна и книги в нынешном же во 148-м году, аже как скроетца лет, по первой полой воде с первыми ходоками. Да ты ж, господине, писал ко мне о служивом человеке о Оверке Са//вине, что будто я отпустил из Ленсково острожку в Енисейской острог; а я ево отпустил в Олекменской острожек к тобе с отписками, а Томилка Ильина отпустил на Алдан для государева дела, а не для безделной корысти.

К. 187, столб. 10 на 18 ставах; ст. 1—2.

181. *1641 г. ранее мая 6. — Челобитная торгового человека Ивана Сверчкова на тунгусов Звероулова рода, ограбивших на соболиных промыслах его «покрученников».*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом сирота твой торговой человек вологоцкого и великопермского архиепископа Варлама крестьянин Ивашко Сверчков. Жалоба, государь, мне на тунгусов на Зверсулевых детей и родников и на его улусных людей на Гаданка да на Галеминка с товарыщи. В нынешнем, государь, во 149-м году зимою на соболином промыслу пограбили те тунгусы покручеников моих 16 человек, Микифорка Иванова да Стеньку Микулина с товарыщи, взяли у них 16 пуд муки ржаной цена 24 руб., да 2 котла медные, да топор, да лук цена 6 руб.; да они же тунгусы 8 станов кулемника опустошили и изломали и соболишка поимали ис кулимника. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, дать свой царьской суд и управу на тех тунгусов в том моем грабежу. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 149-го майя в 6 день послать память и толмача, а велеть Звероулковых родников, которые грабили, привесть на Куту.

К. 189, столб. 2 на 25 ставах; ст. 24.

182. *1645 г. не ранее мая . . . . — Изветная челобитная ходивших в поход против «братцких людей» служилых и промышленных людей на пятидесятника Курбата Иванова в неправильном руководстве походом.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом холопи твои государевы Леньсково острогу служивые люди Олешка Яковлев, Семейка Павлов, Гришка Ангрышев, Онофрейко Стефанов, Енисейсково острогу Девятка Прохоров да сироты твои государевы Никиты Ивановича Романова крестьянин Ивашко Павлов да торговых людей покрученики и промышленые людишка десятники Лучка Иванов, Васька Ермолин, Баженко Иванов, Мишка Шабаков, Рудачко Давыдов, Нехорошко Иванов, Ивашко Корнилов, Ивашко Малафеев, Жданко Савин, Елфимко Филипов и во всех рядовых место 120-ти человек. В нынешнем, государь, во 153-м году писал из Верхоленьского острогу на Леньской волок пятидесятник Курбат Иванов приказному сыну боярьскому Алексею Бедареву, что де в нынешнем же в 153-м году ясачные люди браты тебе государю изменили и Брацкой острог обсадили, лошади отогнали и пашенново крестьянина Оверку Елизарьева розгромили, и руских 5 человек убили, и скот ево отогнали же, и чтоб Алексей Бедарев тебе государю порадел, прислал воиньских служилых и

промышленых людей, чтоб Верхоленьской острог от иноземцев уберечь и их бы отогнать. И с Леньского волоку приказной сын боярской Алексей Бедарев тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии прямил, радеючи собрав леньских и енисейских служилых и торговых и промышленых людей на Илимском волоку в съезжую избу и ту ево Курбатову отписку вычитал. И мы, государь, слыша про ту ясашных людей измену, и собь//бралось, государь, служивых леньских и енисейских 7 человек да торговых и промышленых людей и с наемщики 113 человек, без твоего государева денежного и хлебного жалованья, а ставали нам холопем и сиротам твоим подъемы в оружье в пищалех и в луках и в саблях и в копьях и в воинской одеже и в конской сбруи, и в хлебных и в харчевых подъемах на всякого человека по 20-ти руб. и больши, и прибрався мы холопи и сироты твои на Леньском волоку итти на тех изменников на брацких людей, и били челом тебе государю, а по твоему государеву указу приказному сыну боярскому Алексею Бедареву словесным челобитьем, чтоб с нами послал приказным ие служивых людей Алексея Яковлева, потому что в прежних в верхоленьских службах от Курбата нашей братье охочим людем была изгоня. И по нашему челобитью сын боярской тово служивого Алексия с нами на ту твою государеву службу на изменников послал приказным. И в нынешнем, государь, во 153-м году в великой пост пришли в Верхоленьской острог на благовещениев день, а в Верхоленьской острог сын боярской Алексей Бедарев к пятидесятнику Курбату и к служивым людем писал, чтоб итти за изменниками за брацкими людьми с нами холопами и сиротами твоими вместе, и Курбат у нас холопей твоих и сирот стал прошать тебе государю челобитные, чтоб нам холопем и сиротам твоим ево Курбата во всем слушать; и мы холопи и сироты твои сказали ему Курбату, что нас прибирал на Леньском волоку сын боярской против ево отписки, // и челобитных у нас не спрашивал, и по твоему государеву указу ево Курбата и служивого Алексея во всем слушали и без челобитных. И мы холопи и сироты твои таковы челобитные ему не подали, и он Курбат после того твоей государеве службе не учал радеть, и нераденье Курбатово и служилых людей Мишки Сорокина да Фетьки Краснояра: сказали они нам холопем и сиротам твоим Мишка Сорокин, Фетька Краснояр: али де вы пришли по коровы; а Курбат говорил: ныне де как нибудь в поход итти, а не итти де не уметь, потому что де писали. И служивые Мишка Сорокин, Фетька Краснояр говорили Курбату: как де хошь, ты де с ними поди в поход, а писал де ты отписки с нами не спрашивался, а мы де с тобою не идем в поход. И марта в 28 день пятидесятник Курбат служивыми з 20-ю человеки с нами вместе пошли что нехотя, с собою взяли в вожи из Верхоленьского тынгуса, а имяни ему не ведаем, а сказывал тот тынгус, что де он знает брацких изменников где кочюют. И отпед он Курбат всего от острогу верст с 5 и тово тынгуса без войсково от себя отпустил, и мы, государь, холопы и сироты твои ходили в поход от Верхоленьсково острогу в поле 8 дней без вожа и тех брацких изменников не сыскали, потому что вожей не было, а вожами были сами верхоленьские казаки. И в том, государь, в походе мы холопи и сироты твои мало з голоду не померли, и в походе ходя говорил служивой Мишька Сорокин да Гришка Березовской: не рады де мы той службе; да Мишка Сорокин говорил Фетьке Краснояру: стой де ты Фетька крепко в стремени, не наша де служба; и воротились назад в Верхоленьской острог, и всего ходу было 14 // дней. И из Верхоленьсково острогу он Курбат и Олексей оба вместе посылали из Верхоленьского острогу вверх по Лене реке в тынгуские юрты и поимали в тех юртах тынгусково князца Можоулева сына Окулина и привели ево в Верхоленьской острог; на другой день после поимки тово Окулина отец его пришел князец Можоуль и тот Курбат тово князца розпрашивал у собя в анбаре с толмачем с Фетькою Степановым да служивыми людьми с Мишкою Сорокиным с Фетькою Краснояром без Алексея и безо всего войска и не в съезжей избе, и после роспросу он Курбат тово князца Можоуля отпустил в юрты, и ходил тот Можеуль 4 дни не ведомо куды. И пришел тот Можоуль в острог с родом своим, и он Курбат при нас холопех и сиротах твоих тово Можеуля в друторяд роспрашивал да и про то им всем сказал, что на которых брацких изменников в поход итти, и после скаски Можеулова брата и племянника и весь род ево по юртам роспустил. И после той скаски жил тот Курбат в Верхоленьском остроге 8 дней, и всего

житья было 12 дней. И апреля в 27 день пошел Курбат своими служилыми людьми и с нами холопи и сироты твоими, а вожем взяли тово князца Можоула, и вели ево из Верхоленьсково острогу 6 дней, а в 7-й день пришли под улус рано и тех брацких изменников людей в вид, и скот их и юрты видели, и сам он Курбат им изменником со всеми людьми оказался. И служивой Юшко Лукиянов ясаул говорил Курбату: не горазно де ты Курбат идешь по чистому месту на улус смотря; и он Курбат учал ево бранить: нишкни де детина, не твоя де то, когда де худо зделаетца, тогда де говори, а тобе де завтра будут ба//тоги; и тут же под улусом стоя говорили Мишка Сорокин, Фетька Краснояр: счастливы де промышленые собаки, не ушли де братцкие люди, и скота де ходит много. И тово дни нам на тех изменников напущатца не велел, и мы ему всем войским говорили, чтоб прося у бога милости на тех изменников напущатца. И он Курбат говорил, что де им утти некуды, токо де уйдут тоже де мне говорите. И назавтрие с утра пришли на те юрты, и те изменники брацкие люди в ночи убежали, и то, государь, учинилось ево Курбатовым нераденьем и оплошкою. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй нас холопей и сирот своих, чтоб нам сиротам твоим от тебя государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии за тое службу за нераденье пятидесятника Курбата и служивого Мишкино и Федькино в пене не быть. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 184, столб. 1 на 340 ставах; ст. 178—182.

183. *1645 г. ранее мая 19. — Отписка приказного сына боярского Алексея Бедарева из Илимского острога якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами о полученных из Верхоленска вестях о восстании «братцких людей».*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василью Никитичю, Кирилу Осиповичу, диаку Петру Григорьевичю сын боярский Алешка Бедарев, пятидесятник Томилко Ильин, служивой Гришка Иванов челом бьют. В нынешнем во 153 году апреля в 13 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу указали вы государеву ясашную соболиную казну и хлебных запасов в Якутцкой не отпущать, и что в зборе государевы ясашные соболиные казны с ылимских и с кутцких тынгусов на нынешней на 153 год ясаку и поминочных и покупошных 18 сороков 3 соболи, 7 бобров да выдра, да недоборного ясаку и поминочных соболей за прошлой за 152-й год с верхоилимских и с кутцких с тынгусов 2 сороки, 11 соболей, 2 бобра, 2 выдры, 2 недособоли, за 150-й год поминочной соболь, и тое ясашную казну и деньги перепечатали и за печатьми ясашную казну в мешках склали на Илим в онбар, и коробьи с книгами и со всякими приказными делами поставлены в том же казенном онбаре, и караул к онбару приставили. А что хлебных запасов присыльных из Енисейского острогу , и выдельного хлеба что // взято с ылимских пашенных, и те хлебные запасы все перевожены за волок. И на усть Муки делано судов под хлебные запасы 6 лодей, мерою лодья по 8-ми саж. печатных с аршином, а порубни приведены вышиною по красному гвоздью в аршин, и деланы лодьи по большой воде. А ленских вестей никаких нет, потому что зимним путем люди не бывали. И февраля в 8 день писал из Верхоленского пятидесятник Курбат, что братцкие люди отложились и ясаку государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии на нынешней на 153-й год не дали, и Братцкой де острог облегли браты кругом, и он Курбат седит служивыми людьми в осаде, и кони у братцких служивых людей все отогнали, и на Тутуру к пашенному Оверке братцкие люди приезжали и работников 5 человек побили, а 6-во ясыря братцково, кони и коровы отогнали и пашенные заводы, косы и серпы и сошники, розвезли и двор сожгли, и хотят де братцкие люди быть на усть Куты и дороги залечь и служивых и торговых и промышленых с усть Куты не хотят пропущать на Лену. И к усть Куте де по хлебные запасы послать служивых мало, всего пол- 30 человек, и пороху де мало, у лутчово де служилого по фунту пороху, а казенного де пороху ничево нет; и писал о прибавке служивых людей. И с волоку на прибавку послать служивых мало, нековво; и противо ево Курбатовы отписки прибрано на Ленском волоку из промышленых охочих людей 120 человек, // и марта в 2 день с теми охочими людьми послан служивой Олешка Олень к пятидесятнику Курбату на подсобу.

На обороте: Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василью Никитичю, Кирилу Осиповичю, диаку Петру Григорьевичю.

Майя в 19 день подал отписку печатника Федора Федоровича крестьянин Ондрюшка Осколков.

К. 184, столб. 1 на 304 ставах; ст. 138—140.

184. *1645 г. мая 31.— Отписка подьячего Василия Шпилькина из Енисейского острога якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами об отсутствии в Енисейском остроге достаточного количества служилых людей для провожания воевод под Ленский волок.*

Лета 7153-го маия в 31 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу ленским воеводам Василью Никитичю Пушкину да Кирилу Осиповичю Супоневу да дьяку Петру Стеншыну. В нынешнем во 153-м году маия в 20 день в памяти к подьячему к Василью Шпилкину за твоею Петровою приписью написано: в нынешном во 153-м году в государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте, какова прислана об ленском отпуску в Енисейской острог к воеводе к Осипу Оничкову, написано: велено вь Енисейском остроге ленским воеводам Василью Никитичю Пушкину с товарищы взять с собою для провожанья под Ленской волок енисейских служивых людей и для воевоцкой перемены прежнего большы, а прислано к вам енисейских служылых людей 60 человек. Да в нынешнем же во 153-м году маия в 19 день писал к вам с Ленского волоку Якуцкого острогу сын боярской Алексий Бедарев и служилые люди Томилко Ильин с товарищы, что в нынешнем же де во 153-м году февраля в 8 день писал к нему Олексию из Верхоленского острогу Курбатко Иванов, что от государя брацкие люди своровав отложилися, и ясаку государю на нынешней на 153-й год не дали, и Брацкой острог облегли кругом, и он Курбатко сидит с служилыми людьми в осаде, и лошади и животину у них служилых людей те брацкие люди все отогнали, и на Тутуру к пашенному к Оверке брацкие люди приезжали и работников 5-ти человек убили, и ево Оверкина ясыря и лошадей и коровы отогнали, и пашенной завод, косы и серпы и сошники, поимали и двор его сожгли. А хотят де те брацкие люди быть на Ленской волок на усть Куты // и дороги залечи, и служилых и торговых и промышленых людей с усть Куты на Лену пропущать не хотят, и побивать, а по хлебные де запасы послать на усть Куты неково, всего де в Верхоленском Брацком острожке служылых людей 25 человек, и зелья и свинцу у них нет, и чтоб прислать к вам по нынешним вестям для воевоцкой перемены и для провожанья под Ленской волок в прибавку кь енисейским служылым людем ко штидесяти человеком енисейских служылых людей, чтоб перед прежним было большы, с оружьем, и дав им служилым людем на запас зелье и свинец и им имяную роспись, тотчас, чтоб ленским воеводам Василью Никитичю Пушкину с товарищы з государевою ленскою и со всякою казною и з государевыми хлебными запасы под Ленской волок поспеть и от иноземцов государевых служылых людей, которые в Верхоленском острожке, выручить и на Ленском волоку быти безстрашно. И в прошлом во 152-м году из Енисейского острогу послано на государеву службу на Байкал 20 человек, в Брацкую землицу для государева ясачного збору 36 человек, за государевою соболиною казною к Москве 6 человек, в Верхоленской острог с волоку бежали 2 человека, да на Москве ж в прежних посылках 20 человек, да в нынешнем во 153-м году по службам у государевых пашен да у поль 3 человека, в Маковском 3 человека, на Сымской заставе 12 человек, в Чадобче 4 человека, да для государева ясачново збору послать в Братцкую землицу 36 человек, за государевою ж соболиною казною послать 6 человек, в таможне человек з государевыми хлебными запасы, для провожанья под Ленской волок послано 60 человек. Да марта в 15 день посланы к вам на сьезжей двор енисейские служылые люди Васька Бугор с това//рищы 20 человек, 3 человека из Енисейского бежали, 3 человека у хлебново выделу, 2 человека в нынешнем во 153-м году убиты; и за государевыми службами вь Енисейском остроге для городовых и отъезжих караулов оставаетца служилых людей только человек з 20. И послать под Ленской волок большы того некого, и свинцу вь Енисейском остроге в государеве казне нет; и о том писано в Томской город и ис Томского вь

Енисейской острог свинцу и по се число не присылывали. А только будет и тех достальных служилых людей под Ленской с вами послать, и Енисейской острог без караулов будет пуст.

На обороте: Приписал Василей Шпилькин. Справил подьячей Федька Федотов. 153-го июня в 1 день подал подьячей Богдашко Савельев.

К. 184, столб. 1 на 304 ставах; ст. 155—157.

185. *1645 г. ранее июля 4. — Отписка пятидесятника Верхоленского Братского острожка Курбата Иванова якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами с подробным описанием своей службы за последние три года, в частности о взаимоотношениях и вооруженной борьбе с восстающими «братцкими людьми».*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василью Никитичю, Кирилу Осиповичю, диаку Петру Григорьевичю Верхоленского Братцково острошку пятидесятничишко Курбатко Иванов челом бьет. В прошлом во 150-м году августа в 24 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по наказной памяте стольников и воевод Петра Петровича Головина да Матвея Богдановича Глебова велено мне из Якутцково острогу ехать в Верхоленской в Братцкой острожек на перемену к пятидесятнику к Мартыну Васильеву. И приехав мне в Верхоленской в Братцкой острог взять у него Мартына острог, и острожные ключи, и пушку, и пушешные зелье, и ядра, и аманата братцково Чевдока Коржунова сына, и всякие государевы дела, и наказ за государевою ленскою печатью и за дьячьею Елфимовою рукою, и имянной список служилым людем, и государевы хлебные запасы, и государевы товары иноземцом на подарки олово и медь и сукна, и с ним Мартыном во всем росписався, ево Мартына отпустить в Якутцкой острог. И будучи мне Верхоленском в Братцком острошке збирать на государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии ясак с тынгусов с розных родов и з братцких князцей и с их улусных людей, а которые братцкие люди преж государю ясаку с себя не давали и своих улусных с людей и тех братцких неясашных князцей и их улусных людей велено призывать ласкою и приветом под государеву царьскую высокую руку. А которые братцкие князцы и их улусные люди учинятца государю сильны и непокорны и ясаку с себя давать не станут, и на тех братцких людей велено по государеву указу и по наказной памяти стольников и воевод Петра Петровича Головина с товарыщи ходить войною, чтоб тех братцких князцов и их улусных людей смирить и привесть под государеву царьскую высокую руку в прямое холопство навеки неотступно. Да в прошлом же во 151-м году зимным путем велено мне, дождався с Ылимсково волоку пятидесятника Василья Горомыкина с войским, и итти с ним с Васильем вместе на братцких людей на икиреж, которые братцкие люди при Мартыне Васильеве, как выпущен аманат Куржун, а в его место взят сын ево в оманаты, // и с ним Куржуном отпустил Мартын 6 человек служилых людей, и те братцкие люди икирежи служилых людей побили и в государеве ясаке отказали, и тех изменников велено по государеву указу воевать. И во 151-м году марта в 24 день с Ылимсково волоку пришел пятидесятник Василей Горомыкин служилыми людьми и с охочими с промышлеными 30-ью человеки, да со мною служилых людей 14 человек, а в остроге оставил 7 человек, поделав лыжи и нарты с великою нужею и прося у бога милости со всеми служилыми людьми, пев молебны в Верхоленском в Братцком острошке спасу и пречистой богородицы и Николе чюдотворцу, и после молебенного пения собрався 74-ми человеки и урядясь крепкими сторожами, пехотою на лыжах и на нартах, последним зимным путем пошли с великою нужею и взяли с собою в вожи тынгуского князца Нонора. И апреля в 2 день, на самое светлое воскресение христово, на утреной зоре, божиею милостию и государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии счастьем и благоверного царевича князя Алексея Михайловича счастьем бог поручил, тех государевых изменников погромили и князца Бобока взяли ранена, и скота и ясырю взяли, и с тех юрт сошли версты з 2 со всеми служилыми людьми здорово и укрепяся засеку засекли. И на 3-ей день те братцкие люди стали к нам приезжати, учали с нами пословать, чтоб де государь нас впредь воевать не велел, а мы де почнем государю ясак давать, а вы дайте де нам ясырь на выкуп. И оне братц-

кие люди одну женку выкупя. И в 11-й день братцкие люди икирежи и бунтудаи на утреной зоре, собравса большими людьми сот 6, кругом сщитами обошли и почали по нас из за сщитов стрелять. И мы, прося у бога милости, с теми братцкими людьми поставили бой. И яз с не большими людьми вышли из засеки и стали по сщитам стрелять, а иные служилые стали из засеки стрелять. И божиею милостию и государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии счастьем у них братцких людей сщиты отбили и тех братцких людей на приступе и на побеге многих побили, а иных многих переранили и копья и луки и саадаки // и шеломы многие з голов отбили. И они братцкие люди с того бою побежали, друг друга не зведали, а служилые люди бились на тех боях з братцкими людьми не сщадя лица своего, а хто на том бою ранен и хто мужика убил, или хто коня под мужиком подстрелил, и то писано имянно в Якутцкой острог к стольником и воеводам к Петру Петровичю Головину с товарыщи. И отошли в острог все здравы. Да в прошлом же во 151-м году послал я на усть Куты служилых людей десятника Семейку Скороходова, Семейку черкашенина с товарыщи для государева жалованья хлебново и денежново и соляных окладов, и велел им по государеву указу прибрать на усть Куты охочих промышленых и гулящих людей на государеву службу на Байкал и на Ламу; и те служилые люди Семейка Скороходов с товарыщи кликали охочих ис промышленых и из гулясщих людей на государеву службу на Байкал и прибрали 48 человек. И те ж служилые люди Верхоленсково Братцково острошку тобольские и березовские и енисейские должились у торговых людей хлебными запасы и оружье покупали и порох и свинец дорогою ценою, должася великими долгами и подымали тех промышленых и гулясщих людей на государеву службу на Байкал: рублев по 50 и по 60 ставился подъем служилым людем, опричо своево подъему. А яз на подъем тем промышленым и гулясщим охочим людем коней и быков и коров в десятером да 10 писщалей, 30 фунтов пороху, свинцу 30 фунтов да им же давал хлебных запасов, и всего моего подъему охочим служилым людем на 200 на 40 руб. на 20 на 1 алт. И пошел на государеву службу из Братцково острошку на Байкал июня в 21 день, а служилых людей со мною пошло 26 человек да охочих промышленых и гулясщих людей 48 человек, и всех людей пошло со мною 74 человека, а в вожи с собою взял тынгусково князца Можеуля. И божиею милостию и государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии счастьем пришли край Ламы и на Байкал июля в 2 день со всеми служилыми людьми и велел делать край Ламы суды и к братцким людем к неясашным послал служилого человека Федьку Месщерякова с тынгу // ским князцом с Можеулем, чтоб те братцкие люди пришли под государеву царьскую высокую руку и принесли бы государев ясак с себя и своих улусных людей. И они братцкие люди князец Обогондей государю ясак посулил, почали миритца, ясак де мы государю дадим на осень. И мы на тех братцких людей войною не пошли и поделав суды переехали на Ольхон остров. И братцкие люди государю стали непокорны и поставили с нами бой, учали дратися, сели в осаде в каменю. И божиею милостию и государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии счастьем тех братцких людей на драке многих побили, а иных взяли живьем и ясырь и скота коней и коров взяли. И после бою братцкие люди почали миритца, почали государю ясак сулить. И которых братцких людей взяли живьем, отпустили з женами и з детьми на государево имя и больше того их не воевали. А в оманаты доброво мужика небыло, потому что лутчие мужики розбежались. И на Ламе оставил 6 человек служилых людей, десятника Семейку Скороходова с товарыщи да 30 человек промышленых охочих людей, и дал им вожа и аманата тынгусково князца Киндигирского роду имянем Юногу и велел итти вверх по Ламе на реку на Ангару и велел им поставить зимовье и збирать государев ясак с тынгусов на 152-й год. И судом божиим те служилые люди побиты, а промышленые люди 12 человек зимою вышли в Верхоленской острог, а 2 человека по Ламе Ангарою и Енисеем выплыли з государевою казною в Енесейской острог: промышленой человек Левка вятченин да Максимко зырян, что те служилые люди собрали государевой казны с новые землицы на Байкале и Ангаре с тынгусов Киндигирсково роду. А пришед з Байкалу служилыми людьми и с промышлеными во 152-м году сентября в 4 день и написав чертеж

Байкалу и в Байкал падучим рекам и землицам, распросные речи тынгусов и братцких людей про Мугал и про Китайское государство и про иные землицы и на Байкале где мочно быть острогу, обо всем писал в Якутцкой острог к стольником и воеводам к Петру Петровичю с товарыщи и о прибавошных людех, чтоб прислал человек 100 или больши, чтоб на Байкале поставить острог. А на 152-й год государева хлебново и денежново и соляново жалованья мне и служилым людем не дано, и служили мы без государева жалованья 9 месяц, нужу и голод // терпели, что скотишка бог подаровал на государевой службе на Байкале души свои сквернили, мясо ели сповал оприче говеней, а в говейно с мукою сосну мешали да ели. Да в прошлом же во 152-м году посылал вверх по Куленге реке к тынгусом для государева ясашново збору 3-х человек служилых людей: Мишку Артемьева, Мишку Сорокина, Проньку Задубина и вел[ел] им посылать тынгуса к братцким людем к готелам князцу Тоглою, чтоб те братцкие люди князец Тоглой и своими улусными людьми пришли под государеву царьскую высокую руку и ясак бы с себя государю дали. И те братцкие люди в государеве ясаке отказали: придут де служилые люди к нам по ясак, и мы де служилых людей побьем, а вас де тынгусов в котле сварим. И я на тех братцких людей велел по государеву указу на Илимском волоку прибрать служилым промышленых охочих людей. И служилые люди прибрали человек с 30. И на тех братцких людей ходило со мною служилых людей и промышленых 50 без дву человек. И божиею милостию и государьским счастьем тех братцких людей князца Тоглоя улус юрт с 40 погромили, ясырю и скота взяли и князца Тоглоя на бою взяли живцом, посадили в аманаты, а у него князца Тоглоя убили 3-х сынов, а 3 сына остались, и его улусу и родников осталось человек 100 и больше. И государю ясак дать хотели. И после того стали приезжать в острог и ясырь у служилых людей весь повыкупили. И иных улусов икирежи и бунгудайские князцы Торым и Наярай приезжали в острог и шерть на том дали, что им быть братцким людем под государевою царьскою высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступно и государю ясак давать по вся годы безпереводно. И государевым их жалованьем дарили оловом, и напоили и накормили государевым довольно. И по совету служилыми людьми, что имать ли их в аманаты или нынече не имать и почали говорить: стать де имать тех в аманаты, а иных будет в острог не призвать, а они увидят государеву ласку, на то де смотря станут ездить в острог и иные. А те братцкие люди икирежи и бунтудаи на то положили, что де мы на осень, лутчие люди, приедем сами в острог з государевою казною. И мы на то положили, как будут в острог з государевою казною и тогда лутчих людей возьмем в оманаты, а сверх государева и своим дарили оловом и поили и кормили и отпустили. И во прошлом во 152-м году августа // в 7 день збежал из острошку в Браты братцкой выходец Зороктойко, а с собою свел братцкую женку да 4 коня, а после его в 4-й день збежал мой детинка новокрещеной Ивашко, тот же Зороктойко подговорил. А того мы от них не чаяли, что им збежать, потому что была от них служба и раденье. Мы от них стали беретчись, что от таких бывает государеву делу поруха немалая. А служилых людей в остроге мало всего 26 человек, а орды прилегли большие и землицы открываютца. И в нынешнем во 153-м году сентября в 22 день приезжал Верхоленской в Братцкой острог бунгудайской князец Чекодей и привез ко мне грамотку с Ангары с усть Осы реки от атамана от Василья Колесникова, а в грамотке пишет, что де я ставлю за Ангарою против Осы реки острог и приезжал де ко мне братцкой князец Чекодей, а сказывал де мне, что де я государю своими улусными людьми ясак даю Верхоленской в Братцкой острог. И яз к нему Василью сентября в 25 день писал отписку и послал к нему дву человек служилых людей Мишку Сорокина да Пахомка Левонтьева с тем же з братцким князцом с Чекодеем, а в отписке писал, чтоб он Василей по сю сторону Енисею и по сторонним рекам по Осе и по Укиче братцких людей не воевал, что те братцкие люди на том шерть дали, что сулили государю ясак Верхоленской острог, и никоторые б им обиды и тесноты не чинили, потому что все ко одному праведному государю идет. Октября в 3 день приехали в Верхоленской острог служилые люди от Василья Колесникова Мишка Сорокин да Пахомко Левонтьев и привезли отписку, а в отписке пишет. По государеву цареву и великого князя Михаила Фе-

доровича всеа Русии указу и по наказной памяте велено де мне государеву холопу итти из Енисейсково острошку для ради приискy новых землиц и для соболиново ясашново збору вновь Тынгускою рекою и Ангарою вверх на Байкал озеро и на Ламу и велено де мне по государеву указу на Ангаре реке повыше Осы реки острог поставить, иноземцов немирных тынгусов и братцких людей под государеву царьскую высокую руку приводить и ясак имать. А буди которые братцкие люди учинятца сильны и ясаку государю давать не учнут, и мне велено на тех непослушников ходить войною и тех непослушных людей воевать, как господь помочи подаст. И яз де выше Осы реки угожово места не нашел, где острог поставить, лесов нет. И яз де сплыл пониж Осы реки и приискал де под острог угожее место и острог де я поставил за Ангарою, пониже Осы реки. И [по] государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу острог де я поставил. И приезжали де ко мне из улусов братцкие князцы Быкозеев сын и Муруй и балагайцы Абанганей и Кургасей и праведному де государю ясаку те братцкие люди своих улусов дали, а достальной де ясак на осень посулили. И яз де тех князцей и улусных людей взяв государев ясак и их по государеву указу привел к шерте. И те служилые люди Мишка Сорокин да Пахомка Левонтьев в роспросе сказали: ехали де мы от Василья Колесникова мимо братцких улусов и братцкие де люди до нас горазно добры и говорят так, что де мы государю ясак рады давать Верхоленском остроге. И, отпустя он, Василей, служилых людей, почал воевать тех братцких людей, которые сулили государю ясак в Верхоленской острог, князца Чекодея и его улусных людей разорили, жены и дети их воевали и скот отгонили. И те братцкие люди с Осы и с Укичи реки розбежались от ево Васильева погрому по Ангаре реке и по сторонным рекам и оттого ныне стало в государеве ясаке убыль и те братцкие люди ныне потому государева ясаку не дали, что стали розвоеваны. И те братцкие люди, скопяся всею землею, и пришед под острог, и коней у служилых людей отгонили, и в другоряд пришли под острожек // генваря в 1 день, скопяся всеми людьми, и острог осадили и сена прижгли. И от тех же братцких людей лехкие люди пришли на Тутуру и Оверку пашенного розорили и руских людей 5 человек убили и скот отгонили и пашенной завод весь розвезли и хлебные запасы россыпали и сена прижгли, а тот Оверка был в остроге. А стояли братцкие люди под острогом 10 ден и с тынгусами приказывают: станем де мы ходить весною во усть Куты и руских людей побивать. И яз писал на Илимской волок к сыны боярскому к Олексею Бедареву и послал двух человек служилых людей Пахомка Левонтьева да Олешку Иванова, чтоб прибрали из гулящих охочих людей итти на братцких людей войною, или б на прибавку прислал служилых людей, с кем бы сидеть в острошке. И Олексей Бедарев прибрал охочих промышленых людей 100 человек и прислал в Верхоленской острог с енисейским служилым человеком с Олексеем с Оленем и ему дал наказную память. И как Олексей пришел с ратными охочими людьми в Верхоленской Братцкой острожек и яз с ним с Олексеем ходил на речку на Угичю, а та речка пала в Енисей, и на Угиче братцких людей нет, сошли рано безвесно, и ходил 2 недели пехотою с великою нужею и пришед Верхоленской острожек, взяв тынгусково князца Можеуля и роспрошав накрепко, где бы мошно на братцких людей притти безвесно, и князец Можеул стал говорить: и топере де братцкие люди все живут в скопе и везде де у них по дорогам караулы, пойдем де мы край Ламы на корилцов и на батулинцов, живут де там братцкие люди безвесно, а сына ево Можеулева Окунию посадил в острошке. И как пришли на край Ламы и схватали двух мужиков тынгуских и Алятцково роду Мидалву и их стали роспрашивать, и где живут братцкие люди корильцы и батулинцы, и их взяли с собою. И вечером улусы и братцких людей подсмотрели сами и изготовились // на утро на удар, и к братцким людем ночью весть пала, а скот и живот весь увезли и изпометали избы с войлоки, и мы за ними пеши шли день до вечера. И почали промышленые люди говорить: нам де за конными людьми пешим не уходить. И с Ламы пришли в острог и мы мало не померли голодною смертию. И Олексей, поделав плоты, и с промышлеными людьми поплыл на низ, а мы остались в острошке опять безлюдно. Да в нынешнем же во 153-м году апреля в 17 день писали ко мне с Ылимсково волоку пятидесятник Томило Ильин да Григорей Иванов, что велено мне быть на Илимской волок з государевою казною с ясашною и

с десятинною соболиною казною и со всем збором, и с прежным с целовальником дожидатца на Илимском волоку воевод Василья Никитича Пушкина да Кирила // Осиповича Супонева да диака Петра Стеншина. И яз с первыми людьми затем не поспел сплыть, что ходили в 2 похода, и государевы ясашные книги не справлены и отписок не успел написать, а ясак дают не вдруг. Да я ж послал маия в 8 день служилого человека Мишку Сорокина с тынтусом с Можеулем к братцким людем в Икирежи для государева недоборново ясаку и велел ему Мишке говорити, что они братцкие люди икиреж и бунгудак и коринцы и батулинцы к государю ясак сулили и своих улусных людей и на том дали шерть, что государю ясак давать по вся годы безпереводно, и государевы им подарки даваны, поили и кормили довольно, и они братцкие люди все то позабыли на чем дали шерть государю и государеву хлеб и соль позабыли. И что они братцкие люди собрався у служилых людей кони отогнали и в другоряд пришед острог осадили и сена обожгли и на Тутуре государевых людей громили и нынечи на вас государь посылал многих служилых людей и велел вас за то воевать и жен ваших и детей в полон имать. И служилые люди были зимою и ходили пехотою и ваш караул взял. И вы ушли от служилых людей. И буди не будут лутчие люди в острог и не принесут государю вины своей, и по государеву указу пошлют на них воеводы Василей Никитич да Кирило Осипович да диак Петр Стеншин з двоу сторон больших воинских людей с вогненным боем коньми, и Братцково острогу и с Ылиму, и вам будет не уйти и в Мугалы, и ему тунгусу все то наговоря толмачем. И маия в 21 день приехал в Верхоленской в Братцкой острог, а с ним приехали 2 мужика братцкие улусные имянем Егудей да Хам да привезли государева недоборного ясаку с ыкирежей и з бунгудаев 18 соболей, 2 ожерелья собольи пластинные да ожерелье пластинное поминошное мне Курбатку для государьсково величества. И то писано все в яса//шные книги. И в роспросе Мишка Сорокин сказал: братцкие де люди икиреж и бунгудаи то говорят, под острогом де мы не были, и коней де у казаков не отгонили, и сен не жгли, и на Тутуру не ходили, приходили де братцкие люди из за Енисея князец Моголчок своими людьми да с ним де приходили готелы князца Тоглоя дети своими людьми, которой де у вас сидит в оманатах, да и летом де хотят ходить, как де трава выростет, под острог и до усть Куты де хотят воевать. А мы де за тем в острог ехать не смеем, что де вы на нас на всех думаете. А государю де мы ясак станем давать да и в острог ездить станем. И тех братцких людей напоя и накормя государевым довольно и государевы подарки им дал и им братцким людем толмачем то ж наговорил[и], чтоб братцкие люди государю все ясак давали и в острог бы ездили попрежнему, не блюдясь ничево. А будет впредь государю ясаку не станут давать, и по государеву указу пошлют на них воеводы Василей Никитич Пушкин да Кирило Осипович Супонев да диак Петр Стеншин многих воинских людей с вогненным боем коньми, и их братцких людей отпустили. Да мне ж и служилым людем государева жалованья пороху и свинцу не давано на 151-й год и на 152-й год и на нынешней на 153-й год, покупали порох и свинец дорогою ценою на государеву службу. И промышленых и гулясщих подымали собою, должася великими долгами. Да на 152-й год и на нынешней на 153-й // год круп и толокна не дано из государевы казны, помираем голодною смертию. А службишка наша перед праведным государем много: в 4 годы нашею службишкою государевой казны с новой землицы в Верхоленском Братцком острожке собрано государевой ясашной и поминошной казны и десятинной 100 сороков прямою нашею ко государю службишкою, и многие землицы ростворяютца, и за то нас своя братья не могут навидеть, наносят всякими небылыми статьями к столнику и воеводам к Петру Григорьевичю и вам государевым воеводам к Василью Никитичю, Кирилу Осиповичю, дьяку Петру Григорьевичу. А которые иноземцы тынгусы и братцкие люди приносили ко мне для государьского величества соболи и лисицы, и яз клал в государеву казну и писал в ясашные книги имянно порознь статьями, хто что принесет, а сам теми собольми и лисицами не корыстовался. А преже сего нашей братье от того зипуны были. А есще в Верхоленском в Братцком острошке прибыль государю мочно учинить, да и вам службу вековешную да и детям вашим, человек со 100 служилых людей, да к тому сколько промышленых приберетса, осень походить. А и то место близко, где на Ламе государев ясак собран на Ангаре реке. А в свое

место оставил Верхоленском острошке на время служилого человека Якуньку Куклина да с ним служилых людей 14 человек и велел им Якуньке Куклину с товарыщи жить в острошке бережно и аманатов беречь накрепко и из острогу вон не выходить, днем и ночью жить с крепкими сторожами. Да для письма оставлен у государева дела служилой человек Пронька Задубин. Да я ж написал великой реке Лене и в нее падучим рекам и Байкалу и в Байкал падучим рекам и иным сторонным рекам и в них падучим рекам чертеж. А тем служилым людем Якуньке Куклину да Проньке Задубину государева хлебново и денежного жалованья не дано и соляных окладов. Печать у отписки и у государевых ясашных соболей зверь инорог да древо.

На обороте: Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василью Никитичю, Кирилу Осиповичу, диаку Петру Григорьевичу.

153-го июля в 4 день подали служилые люди Ивашко Чюралов да Федька Мещеряк.

Помета: Отписать на Ленской волок х Курбатку с товарыщи, что по обоим ево отпискам, чтоб он государеву соболиную ясачную и поминочную и десятинную казну порознь готовил и ясачные книги за своею рукою отдал на Ленском волоку сыну боярскому Олексею Бедареву и служилым людем Томилку Ильину да Гришке Татарину и таможенным целовальником всю налицо, и в том у них взять ему отпись, а отдать ему государеву соболиную казну и взять себе и служилым людем на нынешний на 153-й год, будет им не додано, государева денежное и хлебное жалованья, велеть ему Курбатку с товарыщи ехать тотчас в Верхоленской острог в том же судне, в котором приехал. А с тою государевою казною на волоку оставить служилого Трофимка Сидорова да целовальника, который у збору был Ортемка Епанчинского. А что он Курбатко писал к воеводам к Василью Никитичю Пушкину с товарыщи про братцкие вести и про былых ратных людей, и про то ныне ведомо. И он бы Курбатко с теми ж с служилыми людьми шол под Братцкой острог наспех днем и ночью, а приехав в Братцкой острог, будет мочно, послал к братцким людем, которые государю послушны и аманат их есть, с вожем и с толмачем служилого человека, и велел у их недоборной ясак просить и уговаривать ласкою и приветом, чтоб они своего аманата в том не подали, и государев ясак дали, и вперед платили. И велеть у их тому служилому человеку и толмачю и вожу у них проведать, придобря иных братов хотя чем и невеликим, подаря тех лучих, какова на государевых служилых людей дурно[го]ль заводу и под острог Братцкой и по Лене до усть Купы реки их войною походу, а проведав подлинно ль, да о том он Курбатко на Ленской волок отписал тотчас подлинно проведав с служилыми людьми, а послал бы с отписки человек дву или как пригоже, и о том к нему в те поры обо всем государев указ будет. Да и чертеж бы он Курбатко свой за своею рукою оставил у сына боярского ж у Олексея Бедарева с товарыщи, и против чертежу роспись за своею ж рукою, а к росписи описал бы имянно, сколько до которого места от Братцкого Верхоленского острогу и до падучих речек ходу, и какие по них люди иноземцы, и где в которых местех сколько каких родов сколько живут, и где мочно острог поставить, и многими ль воинскими людьми мочно их под государеву высокую руку привесть, и чаять ли в том государю в ясачном сборе прибыли, чтоб которая государю прибыль была прочна и стоятельна.

К. 184, столб. 1 на 304 сставах; сст. 192—203.

186. *1645 г. июля 20—26. — Отписка пятидесятника Курбата Иванова якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами об осаде Верхоленского острожка восставшими «братцкими людьми» и тунгусами и о необходимости прислать на выручку служилых людей, порох и свинец.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василью Никитичю, Кирилу Осиповичю, дияку Петру Григорьевичю ленсково розряду пятидесятничишко Курбатко Иванов челом бьет. В нынешном во 153-м году июля в 20 день прибежали из Верхоленсково Брацково острошку 2 человеки служилые наскоре Ивашко Юрьев, Олешка Офонасьев и сказали: брацкие де люди приехали под острог и кони и коровы отогнали и Братцко[й] острог обсадили, а мы

де прокралися в лотке ночью, а сказывают, вся де земля братцкая и тунгусы отложилися, а тово де мы не ведаем, кои братцкие люди и коево роду под острог приходили; а пришли под острог братцкие люди на завтрие Прокопьева дни; и служилые де люди седат запершися и в куяках в остроге, а сказывают те служилые люди, невеликими де людьми в острог протти не мошно, всех де на дороге побьют, по обе де стороны острог обсадили и вниз на пашни ехать наровятца. А по государеву указу и по наказной памяти стольника и воеводы Петра Петровича Головина и по вашему наказу велено нам холопем государевым дать твое государево хлебное и денежное жалованье, дать не мешкая ни часу. И я холоп государев, пришед на Илимской волок, били челом государю и приказным людем Алексию Бедареву и Томилу Ильину и Григорью Иванову, и они нам государева хлебново и денежново жалованья не дали и задержали неведомо зачем, и мы на них в мире являли и в таможенную избу целовальником и писмяную явку подали, что они приказные люди задержали для ради своей бездельные стат[ьи]. А и ынеча вам государевым воеводам Василью Никитичю, Кирилу Осиповичю, диаку Петру Григорьевичю указать, как нат теми братцкими людь[ми] промышлять, а без служилых людей промышлять // некем, надобе в остроге на меньшую статью служ[илых] людей 100 человек жильцов. А я государева пороху и св[инцу] дожидаюся. И как придет порох и свинец с Семейкой Марковым, и я поеду тотчас, не мешкая, а за собою вести нажидаю, а пошел невеликими людьми, пока[ме]ста мочно итти, или бы вам прислать наскоре лехких [лю]дей, чтобы протти в острог. А как придет порох и с[ви]нец, и служилые люди били челом, и я дал им [по] фунту для ради проходу. И и впредь без запасново поро[ху и с]винцу в остроге быть не мошно пудов без трех, [потому,] что орды прилегли кругом большие. А они же служ[илые] люди сказывали, а на том де месяцу братцкие люди . . . [бу]дем, а на другом де месяцу будем на Тутуру . . . усть Куты, а им служилым людем сказыва[ли] на Тутуре Оверины работники, а им тунгусы сказывали. А служилые люди того ж числа . . . июля в 20 день. А что был аманат в остро[ге] . . . тельсково роду Тогло, и он пропал. А служилые лю[ди] посланы Ивашко Юрьев, Якунька Кузнец, Фетька Мещеряк.

На обороте: Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василию Никитичю, Кирилу Осиповичю, дияку Петру Григорьевичю.

153-го июля в 26 день подали служилые люди Федька Краснояр с товарыщи.

К. 184, столб. 1 на 304 ставах; сст. 216—217. Правый край нижней части столбца истлел.

187. *1645—46 гг. — «Статейная речь» якутского воеводы Петра Головина аманатам «братцких людей» Булую и Чекару о пребывании всего братского народа в вечном холопстве царю Михаилу Федоровичу, под угрозой, в противном случае, полного разгрома.*

Выписано в статейную речь, говорить братцких людей Икирежского улусу аманатом Булую да сипутайскому мужику Чекору. Булуй, братцкой мужик! Как по государеву указу стольники и воеводы Петр Головин с товарыщи пришли сюда на Ленской волок и посылали на вас непослушных братцких людей государевых служилых людей и вы в улусех своих с теми з государевыми людьми дрались. И божиею милостию, государьским счастием служилые люди ваши улусы погромили и взяли родника вашево лутчево мужика Куржума и к усть Куты к воеводам к Петру Головину с товарыщи ево Куржума привели, и он Куржум государю бил челом перед воеводы, великому государю шертовал на том, что ему Куржуму быть с своими со всеми Икирежскими роды и с улусными людьми под государевою царьскою высокою рукою в вечном холопстве на веки неотступным, и ясак с себя давать и иных братцких князцей и улусных людей под ево государеву царьскую высокую руку в вечное холопство призывать, и во всем великому государю хотел служить и прямить и радеть; и после шерти за то ему Куржуму стольники и воевода Петр Головин с товарыщи госудраева жалованья дали однорядку, и поили и кормили, и тот Куржум бил челом государю, чтоб ево государь пожаловал, велел отпустить в ево улусы, а в ево Куржумово место взять в аманаты сына ево тебя Чевдока. И стольники Петр Головин с товарыщи по ево Куржумову челобитью в ево место сына ево тебя Чевдока взять, а ево отпустить в улусы велел, и

тот Куржум своровал, сына своего тебя Чевдока отступился, и выманя из Верхоленского острогу государевых служилых людей Мартынка Кислокваса да толмача Гарилка новокрещенов[а] с товарыщи шти человек для того, что будто ево улусных людей, для государевых же братцких людей ясаку, переписать, приветчи во свои улусы, побил до смерти. Да после того как на Ангару посыланы государевы служилые и промышленые люди Семейка Скороходов с товарыщи 30 человек, и вы своровали же, и тех государевых служилых и промышленых побили 18 человек, а того ныне побою у вас у кирежей в вашем улусе на погроме сыскан государев пансырь; да к вам же после того посыланы 2 человека: толмачь Федька да Данилко, и тот Куржум своровал же, тех служилых людей побить хотел же и к ним к юртам приступал. И после того как во 152-м году, тому ныне 2 года, государевы служилые люди пятидесятник Курбатко Ива[нов] с служилыми людьми ходили на государевых непослушных же братцких людей на мужика на Тоглоя, и вы после того потрому, ты Булуй да Б[у]чюк да Онгоев брат Даичин да Болгадайского роду мужик Торым з бр[а]том с своим с Наераем, и государю прямою шерть свою дали на том, что было всем вам братцким людем быть под ево государевою царьскою высокою рукою в прямом холопстве без ызмены навеки неотступным, и ясак с себя и со всего роду своего и с своих улусных людей платить сам большой, полной по вся годы безпереводно; и после того ты Булуй и брат тв[ой] Бора и те все братцкие мужики после оной с[воей] шерти своровали ж, государю изменили ж, ясак понемногу даючи по своей воли, и под Братцкой острог приходили зимою двожды, а в третей летом, и что было у служилых людей коней и коров и иного скоту и то все отогнали ж без остатку и сена пожгли, и ныне у вас того отгонного скоту в ваших улусех служилые люди опознали много, и то ваше воровство ж. Да вы ж братцкие люди приходили на Тутуру и пашенного Оверку роззорили и руских работных людей 5 человек до смерти побили и кони и скот отогнали и пашенной завод розвезли и хлебные запасы розсыпали и сена прижгли; а в прошлом году все вы братцкие люди икирежи, великому государю изменя, и в ясаке отказали и ясаку с себя платить не учали, и за то по государеву указу воеводы Василей Никитичь Пушкин с товарыщи, как пришод на Илимской волок, посылали на вас сына боярсково Алексея Бедарева не з большими с служилыми людьми, а велено за вашу измену вас войною пострастить с пощадою, чтоб вы впредь в своих изменах государю добили челом и вину свою принесли и были под ево государевою царьскою высокою рукою попрежнему в прямом холопстве навеки неотступны и покорны и не до конца разорены; и того сына боярского с служилыми людьми вы же братцкие // люди, пошед на государеву землю на Орленту и на усть Куты на пашенных войною большими своими людьми и на государевой земле на Лене реке повыше Орленги у речек у Ботов стретяся дрались и государевых людей 5 человек до смерти убили; а как после того из Верхоленского острогу сын боярский Олексей с служилыми людьми на ваши улусы ходил, и ваши ж икирежские улусы громил с пощадою, и людей ваших до смерти не побивал, а которых ваших жон и детей и брата твоего Бурину жену и детей взял, и тот ясырь служилые люди на выкуп вам отдали, а брата твоего Бурину жену и дети вам отдали без выкупу. Да ты ж Булуй, как ныне в Верхоленской в острог приехал, и которые с собою привел было коней добрых выкупать достальной ясырь, и ты те лошади назад отослал, а после вас из под острожка кони и скот весь, за тобою аманатом пришед, ваши ж братцкие люди весь отогнали, и то ваша измена ж. И довелись было вы по государеву указу за ту свою за многую измену разоренья большово, а ты Булуй и брат твой Бура довелись и смертной казни, повесить, для того, что тому всему дурному делу в измене завотчики, и иных братцких людей научали вы Булуй и брат твой Бура. И ныне государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии пожаловал, казнить тебя з братом смертною казнью и той вашей вины и своим государевым служилым людем отомстить не велел, а велел вам быть под своею государевою царьскою высокою рукою в прямом в вечном холопстве навеки неотступным, и пожаловал государь брату твоему Буре своими с улусными людьми и иным братцким, которые ему государю в винах своих добьют челом, велел жить на своих прежних юртах. И только вашей вперед измены не будет, и государь разорять вас своим государевым служилым людем не велел, а на том ты Булуй и ты мужик Чо-

кор ныне великому государю дайте свою прямую шерть, чтоб тебе и брату твоему Буре и тебе мужику Чокору и иным вашей братье и племянником и всем улусным людем быть под ево государевою царьскою высокою рукою в прямом холопстве без измены навеки неотступным, и ясак с себя государю давать по вся годы безпереводно полной с себя и со всех своих улусных людей, и быть бы вам з государевыми служилыми людьми заодин, и на непослушных иных братцких людей, которые государю чинятся непослушны и государю противятца, служилыми людьми войною ходить заодин же, и самим бы вам на государевых служилых и на пашеных людей впредь войною не приходить и иных братцких немирных людей войною подводом не подводить и никакие измены не чинить; а в аманатех тебе в Верхоленском в Братцком острожке быть з братом переменяючи погодно; а как вы в аманатах будете, и вас учнут государевым жалованьем кормить довольно. А будет вы воры вперед государю измените и государева ясаку с себя давать по вся годы полного не учнете, и под острожек и на пашенных крестьян войною приходить учнете, и за ту вашу измену по государеву указу ево государевы воеводы Василей Никитичь Пушкин с товарыщи пошлют на вас и на ваши улусы многих государевых ратных людей с огненным боем, и велят за ту вашу измену самих вас и ваших жон и детей и улусных людей, и не токмо вас и скот ваш побивать и разорять и юрты ваши огнем пожигать без пощады, а в полон имать и на выкуп отдавать не велят, а которых и возьмут, и тех вашу братью велят вешать и смертью казнить, так же что и якутам изменником было, и то будет вам ваше разоренье самим от себя.

К. 190, столб. 20 на 3 ставах; ст. 1—2. Напечатан по копии XVIII века в III т. Дополн. Акт. Истор. стр. 31.

188. *1646 г. ранее апреля 25.—Челобитная служилых людей Верхоленского Братского острожка Алексея Бедарева и Курбата Иванова с товарищами об увеличении числа служилых людей в Верхоленском острожке и лучшем их вооружении в целях окончательного покорения «братцких людей».*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом холопи твои леньсково розряду Верхоленьсково острошку служилые людишка сын боярской Алешка Бедарев да пятидесятник Курбатко Иванов, десятники и рядовые Пашко Малахов с товарыщи и во всех товарыщев своих место. По твоему государеву указу и по наказной памяти твоих государевых воевод Василья Никитича Пушкина с товарыщи посыланы, государь, были мы холопи твои, да с нами ж из гулящих из охочих людей, на твоих государевых изменников и непослушников на брацких людей, которые преж сего были под твоею государевою царьскою высокою рукою и ясак с себя платили, и после того, изменя тебе государю, и ясаку с себя платить не учали, и выманя нашу братью из острошку к себе в улусы, а иных, которые посланы для ясачного збору, на смерть побивали, и под Верхоленьской острожек в один год трожды войною приходили, и что было у нас служилых людей конишек и скотишку, и то все в те приходы без остатку отогнали. И божиею, государь, милостию и твоим государевым счастьем в нынешнем походе мы холопи твои тех твоих государевых изменников войною дву родов Икирежей и Сипугаев войною смирили, и ясаку на тебя государя 13 сороков и аманатов взяли. И те, государь, брацкие люди и за теми своими аманаты в своей правде, что им быть пот твоею государевою царьскою высокою рукою, в том не стоят и аманатов преж сего отступались, и ныне тех своих аманатов выдают после того, как, государь, мы холопи твои из Верхоленьсково острошку с теми их аманаты пришли на Илимской волок к твоим государевым воеводам, и без нас под острожек изгоном приходили, и наш погромной скот кони и коровы опять назад отгонили. И в том твоем государеве в Брацком Верхоленьском острошке за безлюдством быть от них невозможно, только не твоими государевыми ратными людьми и войною и впредь их ничем не смирить. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй нас холопей своих, вели, государь, на тех своих государевых изменников и непослушников послать с нами своих государевых служилых и из охочих из гулящих // людей, чтоб тех твоих государевых изменников и непослушников, которые тебе государю чинятца непослушны, войною умирить и

под твою государеву царьскую высокую руку привесть и укрепить, и от такова их непостоянного воровства и измены унять. И пожалуй, государь, нас холопей своих, вели, государь, впредь в том в Верхоленьском Брацком острошке своих государевых служилых людей устроить против Красноярского острогу 200 человек конных, и те кони мошно взять у тех же непослушных брацких людей войною. И пожалуй, государь, нас холопей своих, вели на тех служилых людей с Москвы своего государева оружья прислать 200 карабинов да 200 пансырев да на пеших охочих людей 300 мушкетов, потому что, государь, брацкие мужики воинские многие конные, бывают на боях в куяках и в наручах и в шишаках, а мы, государь, холопи твои людишка неодежные, пансырей у нас нет и с своих худых пищаленок их брацких куяков не пробиваем, а у ково есть у нас нарочитые пищали, те их и побивают, а ис худых ничево им не учинить. А тот, государь, Верхоленьской острожек тебе праведному государю впредь годен, и как твои государевы немалые служилые люди человек з 200 в нем будет, и тех твоих государевых непослушников брацких мужиков войною смирить и под твоею государевою высокою рукою укрепить мошно. А живут те все брацкие люди около того Верхоленьсково острошку днищах в 3-х и в 4-х и в 5-ти, а самые дальные и Лама озеро всего в 7-ми днищах. И в ясачном зборе тебе государю впредь прибыль будет многая и с Лены из Якуцкого острогу через Илимской Леньской волок твоей государеве леньской соболиной казне впредь будет провадить, и на Лену твоим государевым воеводам и служилым и торговым и промышленым людем с своими торги и назад им с своею с мяхкою рухлядью в руские городы выходить будет, и под тем острошком на Куленге речке и от острошку вниз до соли до усть Куты по урочищам на Тутуре и на Орленге и на иных речках твоих государевых пашен[ны]х устроя, за остереганьем тех твоих государевых служылых людей, бестрашно жить будет мошно ж, и твоя государева дальная вотчина Леньская земля, только тех брацких людей по твоему государеву указу войною смирить, распространитца, потому что опрично тех брацких воиньских людей во всей Леньской земли и до моря Болшего Окияна и в ыных дальных реках к тебе государю иных таких супротивных воинских людей нет. Царь государь, смилуйся. //

На обороте: К сей челобитной поп Памфил Иосеев вместо сына боярского Алексия Бедарева по его веленью руку приложил. К сей челобитной пятидесятник Курбатко Иванов руку приложил. К сей челобитной вместо десятника Павла Малафиева по его велению служылой Ивашко Офонасьев руку приложил.

154-го апреля в 25 день подали на Муке реке воеводам Василью Никитичю Пушкину с товарыщи сын боярской Олексей Бедарев да пятидесятник Курбатко Иванов и во всех товарыщей своих мест.

Помета: Взять к делу в столп, а ис сей челобитной к государю к Москве в отписку писать.

К. 191, столб. 13 на 28 ставах; ст. 1—3.

189. *1646 г. после апреля 25. — Отписка якутского воеводы Василия Пушкина с товарищами в Сибирский приказ о походах сына боярского Алексея Бедарева и пятидесятника Курбата Иванова против «братцких людей»; о переговорах с последними в целях их умирения и о необходимости усиления местных служилых людей в целях дальнейшего освоения края.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Васька Пушкин, Кирилко Супонев, Петрушка Стеншин челом бьют. В нынешнем, государь, во 154-м году сентября в 18 день писали к тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии к Москве мы холопи твои с ленскими служилыми людьми, с Трофимком Федоровым с товарыщи, по отписке из Верхоленского Брацкого острошку пятидесятника Курбатка Иванова, что в прошлом, государь, во 153-м году брацкие люди, которые были под твоею государевою царскою высокою рукою от розгрому атамана Васьки Колесникова с товарыщи тебе государю изменили и ясаку с себя платить не учали, и преж того твоих государевых служилых людей, вымани из острожку в свои улусы, а иных, которые посыланы были для твоево государева ясачного збору, и на Ламе Семейку Скороходова с товарыщи побили, и под Верхоленской Брацкой острожек войною не

по одно время приходили, и кони и коровы у служилых людей тгоня и пашенного крестьянина Оверку Елизарова розоряли и работников ево руских людей 5 человек побили, и сена прижгли, и хлеб розсыпали, пащенной завод розвезли. И после того, государь, как мы холопи твои о той братцких людей измене писали к тебе государю к Москве, те ж брацкие люди, пришод под тот же под Верхоленской Брацкой острожек со многим собраньем, и служилых людей в острожке осадили, и достальной скот кони и коровы отгонили, и сена прижгли. А оборонится, государь, было в Верхоленском острожке им служлым людем от тех брацких людей за безлюдством некем, потому что в том Брацком острожке их служилых людей было всего и с целовальником 27 человек, а нам, государь, холопем твоим с Ленского Илимского волоку на прибавку к тем служилым людем в Верхоленской Брацкой острог вскоре послать было некову ж, потому, которые, государь, служилые люди ис Тобольска 50 человек с нами холопи твоими на твою государеву службу на Лену посланы и вь Енисейском остроге для твоего государева сыскного дела 20 человек взяты, и те, государь, все служилые люди шли с хлебными запасы, которые их же тобольских служилых людей оклады и пашенных черкас двугодовой месячные кормы из Енисейского остроту отпущены, и на Илиме реке у Верхнего порогу замерзли с теми запасы, а мы, государь, холопи твои в своих судах людишками своими шли на Ленской волок для поспешенья поскорее. И писал, государь, к нам холопем твоим на Илимской Ленской волок из Верхоленского Брацкого острожку тот же пятидесятник Курбатко Иванов, что брацкие де люди, видя их безлюдство, // идут на них с Лены реки на Орленгу, где было поселился вновь пашенной Офонька Долгой, и на усть Куты реки, где твои государевы наемные служилые люди пашут на тебя государя 15 десятин и соляная варница, в которой на тебя государя соль варят, их раззорять, и с Ылимского Ленского волоку дорогу отымать, и нас холопей твоих на Лену не пропустить. И мы, государь, холопи твои на Ленском Илимском волоку на твою государеву службу в Верхоленской Брацкой острог на брацких людей войною в поход велели сыну боярскому Олексею Бедареву прибирать к себе в полк ис промышленых и из гулящих людей. И собралось, государь, на Ленском волоку на твою государеву службу на брацких людей с сыном боярским с Олексеем Бедаревым приезжих сибирских городов и промышленых и гулящих людей по росписи 82 человека, да к тем же новоприборным людем в прибавку дали х тому сыну боярскому Олексею Бедареву ленских и тобольских служилых людей, которые немногие люди с нами пришли, а иные, государь, к нам холопем твоим с отписками навстречю из Якуцкого острогу пришли, всего 31-во человека. Да мы ж, государь, холопи твои для безлюдства ж дали своих людишек: я Кирилко 4-х человек, а я Петрушка 5-ти человек и всего, государь, служилых и наших холопей твоих Кирилковых и Петрушкиных людишек и гулящих охочих людей было с сыном боярским 123 человека, и дав им для твоей государевы службы из твоей государевы казны по фунту зелья, свинцу то ж, да вперед на запас дали сыну боярскому Олексею Бедареву на иных новоприборных охочих людей, которые приберутся вновь на усть Куты и на Орленге, пол пуда зелья, свинцу то ж, потому что , государь, у тех гулящих охочих людей своево зелья и свинцу не было, и за тем было на твою государеву службу итить не хотели, в том числе было служилых и наших людишек и охочих человек с 50 конных. И тому сыну боярскому Олексею Бедареву дав наказную память, отпустили, государь, мы холопи твои с ним тех твоих государевых служилых и гулящих охочих людей на твою государеву службу по первому зимнему пути октября в 6 день нынешняго ж 154-го году. А велели, государь, по твоей наказной памяти тому сыну боярскому Олексею Бедареву с теми служилыми людьми в Верхоленской Брацкой острог на прибавку к верхоленским брацким служилым людем итить с Ленского волоку с великим поспешеньем, днем и ночью, не мешкая нигде ни часу, с великим береженьем ,учиня перед собою яртаул и дневные и ночные крепкие караулы, чтоб над ними брацкие люди на переходе, пришод безвесно, какова дурна не учинили. А из Верхоленского, государь, Брацкого острожку тому сыну боярскому Олексею Бедареву да с ним пятидесятнику Курбатку Иванову, взяв из твоей государевы казны, которые тут есть, куяки // с наручи и шеломы, и с теми со всеми служилыми и с новоприборными охочими людьми, оставя в Верхоленском острожке для

обереженья от брацких людей немногих людей сколько мочно, велели им просить у бога милости итить войною на тех твоих государевых изменников на брацких людей и над ними промышлять, сколько милосердый бог помочи подаст. И как, государь, сын боярской Олексей Бедарев с служилыми и с новоприборными людьми пришли на усть Куты реки, и октября в 20 день встретились с ним с Олексеем и с служилыми и новоприборными людьми ленские служилые люди, которые, государь, посланы были из Якуцкого острогу в провожатые за твоею государевою ленскою соболиною казною до Ленского волоку 49 человек, и сказали им, что де твоя государева ленская соболиная казна до усть Куты замерзла, не дошед за 10 ден, а до Ленского Илимского волоку за пол третьи недели, против Чичюйского волоку на заимке пашенного крестьянина Панфилка Яковлева. И встретясь, государь, они с теми служилыми людьми того ж числа и розошлись, сын боярской Олексей Бедарев с служилыми и с новоприборными охочими людьми пошли на твою государеву службу в Верхоленской Брацкой острожек, а те ленские служилые люди пошли, государь, на Илимской Ленской волок к нам холопем твоим. И в нынешнем же, государь, во 154-м году ноября в 29 день на Ленской Илимской волок писал к нам ис походу сын боярской Олексей Бедарев, что октября ж де в 31 день с усть Куты к Верхоленскому острожку на полудороге, в урочищах выше Орленги у речек Ботов, в тесных местех, встретили их воинские брацкие многие люди, человек с 500 и больши, и у них с ними бой был, дрались с ними с полудни до вечера, и божиею милостию и твоим государевым счастьем от тех брацких многих людей они служилые малые люди устояли. А на том бою убили у них брацких людей 3-х человек добрых брацких мужиков, в том числе одново брацкого лутчево мужика убили Котогорского роду, наездника, который к ним в наезде напущал с людьми на всех 3 напуска, князца Маталчюкова брата Баатыря и, убив ево, у них взяли со всем в куяке с наручи и в шишаке и с саадаком, а иных де, государь, многих брацких людей и под ними коней испереранили. А у них де, государь, служилых людей на том бою из охочих вольных людей убито 5 человек да 2 человека // ранены, потому что де, государь, те служилые и охочие люди были безодежны, пансырей и куяков у них ни у ково не было, и с того де, государь, бою те брацкие люди, как у них того наездника мужика убили, побежали, а сказывали де, государь, им сыну боярскому и служилым людем тунгусы, которые пришли к ним навстречю после того бою на другой день, Чидеука да Дорыга, бежали де мимо их тунгусов брацкие люди и сказывали им, что пошли де было они на Орленгу и на усть Куты к соли твоих государевых всяких руских людей побивать, и пашенных крестьян роззорять, и деревни пустошить, и хлеб и сена жечь, Конготурского роду князец Мукунчак, а с ним многих родов люди Болоцкого роду да князца Тоная дети, которой взят был в аманаты и сидел в Верхоленском Брацком острожке да тут и пропал, да Сукичи и Сосы князец, да Багул да Дюгудей с людьми своими, да Бакушурские люди с верх Уды, да с Оки реки Икиняжские люди, а было де, государь, тех брацких людей в собранье больши 500 человек. И только б, государь, мы холопи твои на Лене реке собрав охочих новоприборных людей с сыном боярским с Олексеем Бедаревым в нынешнем во 154-м году по первому зимнему пути в Верхоленской Брацкой острожек не послали, и твои государевы служилые люди с теми брацкими людьми не встретились, и те б, государь, брацкие люди на Орленге промышленых людей всех, которые в те поры тут были, а на промыслы не розошлись, человек с 40 и больши, и на усть Куты твоих государевых служилых и пашенных, которые на тебя государя 5 человек с работными людьми твою государеву пашню 15 десятин пахали, и варничного усолья целовальника, и служилых людей, которым тут 3-м человеком было приказано, и работных людей, соловара и подварка, и дроворубов и промышленых же людей, которые в то время тут были, всех бы побили и деревни роззорили и твой бы государев хлеб пожгли. Да и над твоею б государевою соболиною казною, которая к тебе государю из Якуцкого послана и ниже усть Куты за 10 днищей замерзла, от тех же брацких людей де чаять было дурна большого, потому что от усть Куты вниз Лены, где та твоя государева соболиная казна была в заморозе, недалече и обойти было с тою твоею государевою соболиною казною мимо того усть Куцкого места к нам на Ленской волок иною дорогою отнюдь некуда и негде, а у той твоей

государевы соболиной казны служилых людей, которые за тою твоею государевою соболиною казною из Якуцкого острогу посланы в провожатых до Москвы с Митькою Вяткою с товарыщи и с целовальники, всего было человек 40. А как, государь, с тою твоею государевою соболиною казною тот Митька Вятка с служилыми людьми пришли к нам холопем твоим // на Ленской Илимской волок, и мы, государь, холопи твои того Митьку Вятку роспрашивали, для чево он Митька от твоей государевы соболиной казны служилых людей, которые с ним из Якуцкого острогу посланы были до Ленского волоку в провожатых, их от себя отпустил и к нам на Ленской Илимской волок наперед себя задолго прислал, и кем было ему от тех твоих государевых изменников от брацких людей в остереганье быть, и тот Митька Вятка нам холопем твоим в роспросе сказал, что де ему вь Якуцком остроге стольник и воевода Петр Головин в наказной памяти велел написать, будет где их на Лене реке с тою твоею государевою соболиною казною заморозь застанет, и ему Вятке велел за хлебною скудостью тех провожатых служилых людей, которые посланы с Ленского волоку, отпустить наперед себя на Ленской Илимской волок. А у них де служилых людей с собою зелья и свинцу было мало, у иных и не было, потому что де им вь Якуцком остроге твоево государе[ва] зелья и свинцу не дано. А как, государь, на твою государеву служб[у] после того брацкого бою сын боярской Олексей Бедарев с служилыми людьми в Верхоленской Брацкой острожек пришли ноября в 8 день, и из Верхоленского, государь, острожку на твоих государевых брацких людей войною ходили 2 похода, и всего, государь, они в Верхоленском Брацком острожке жили и в походы на брацких людей войною ходили, и как из Верхоленского Брацкого острожку назад к нам на Илимской на Ленской волок пришли марта по 19 число, 18 недель. И о тех, государь, они своих походех писали к нам холопем твоим. И как тот сын боярской Олексей Бедарев и пятидесятник Курбатко Иванов с служилыми людьми на Илимской Ленской волок пришли, и в послужном походном своем списку и в роспросе перед нами холопи твоими сказали, как де, государь, они служилые люди сын боярской Олексей Бедарев и пятидесятник Курбатко Иванов со всеми служилыми и с новоприборными и охочими людьми, опричь тех, которые оставлены были в острожке, подшод на брацкие улусы, которые тебе государю изменили, в твоем государеве ясаке отказали и войною под острог приходили Икережского роду, и в тех де, государь, икережских юртах в первом походе взяли 30 баб, в том числе одна икережского князца Бурина жена, да 18 робенков, да 11 куяков, 8 шеломов, 7-ры наручи, да твоей государевы казны пансырь, да лоскутье пансырное, что побиты на Ламе твои государевы служилые люди Семейка Скороходов с товарыщи, да в тех же де, государь, юртах напли пищальную натруску казачью, да киот образную, да пашенного Оверки Елизарова ральник, да рубашку холщевую; и многой де, государь, оттонной скот // у тех брацких людей Верхоленского Брацкого острожку служилые люди опознавали. И декабря, государь, в 31 день приехали того Икирежского роду от Буры князца в Верхоленской острог ясачные два тунгуса да с ними брацкой мужик и били челом тебе государю, чтобы ты их, государь, пожаловал, велел жену ево Бурину и иной ясырь отдать на выкуп, и привезли тебе великому государю от него Буры и тово Икирежского роду с ыных брацких людей, з Буруя да з Доргия да з Жаяка и сь их улусных людей, которых они служилые люди громили, твоево государева ясаку 10 сороков, ожерелье брацкое соболье шито, в нем 4 пластины, лисиченко красная. Да как они служилые люди из Верхоленского ж Брацково острожку ходили в другой поход на брацких людей Сипугайского роду, и божиею милостию и твоим государским счастьем в том другом походе того Сипугайского роду брацких людей погромили и многих на бою побили, и после, государь, того погрому тех брацких людей с князца Чортидона и сь ево улусных людей взяли на тебя государя ясаку 77 соболей, 2 недесо[боля], да 4 ожерелья брацких. Февраля де, государь, в 20 [день] приехали в острог Икирежского роду Булуй Бурин брат да Кунчюк да Бунтудайского роду Пиромовых улусов меньшово брата сын Поронхой, а с собою привез тебе государю ясаку 33 соболи, 2 кошлочишка, да з Бунтудайского роду Содок прислал тебе государю ясаку с своих улусных людей 30 соболей да сдирок лисиченка красного. И они, государь, сын боярской Олексей Бедарев и пятидесятник Курбатко

Иванов икирежского князца Буры жену я[сырку] к нему отпустили без выкупу, а иной ясырь давали на выкуп на лошеди и на скот, а тех мужиков взяли все в аманаты. А к нам холопем твоим на Илим привезли дву аманатов, икирежского князца Буры брата Мулуя да сипугайского мужика, которого взяли на погроме, Чакура; в Верхоленском де, государь, Брацком острожке оставили в аманатех Икирежского роду Бунчюка да Сипугайского роду Доргодонова сына Уртегу // да Бунгудайского роду Поронхоя. А тот, государь, они ясак, что з брацких людей погромя и с них на тебя государя взяли, 13 сороков 20 соболей, 2 недособоли, 5 ожерелей брацких собольих, 2 кошлочишка, лисиченко красное с лапы без хвоста да одирок лисиченка крас//ного привезли к нам же на волок, и пришлем к тебе государю мы холопи твои из Якуцкого острогу с ыным твоим государевым нынешняго 154-го году ясачным збором вместе. И марта ж, государь, в 22 день писал к нам холопям твоим из Верхоленского Брацкого острожку казачей десятник Васька Бутор: как де сын боярской [с] служилыми людьми и с аманаты из Верхоленского острожку пошли к нам на Илимской волок, и февраля в 28 день, пришод под острог ночною порою, брацкие люди те же Икережские и Сипугайские и Бунгадайского роду человек с 70 и их погромные кони и скот, что были у них на погроме взяты и на ясырь выкуплены были, отогнали весь к себе назад. И мы, государь, холопи твои тем братцким мужиком, которые привезены в аманатех, Икирежского роду Булую да Сипугайского роду мужыку Чокуру, выписав ис прежних верхоленских отписок пятидесятника Курбатка Иванова, и ево Курбатка и иных служилых людей про их измены роспрося и тому учиня письмо, в сьезжей избе перед собою те их все измены выговорили, как по твоему государеву указу стольники и воеводы Петр Головин с товарыщи во 149-м году посылал на них братцких людей твоих государевых [служилых] людей и в их улусех лутчево их братцково мужика Куржума на бою взяли, и он Куржум тебе государю перед Петром Головиным с товарыщи шертовал, что ему Куржуму быть [с] своими Икирежскими роды с улусными людьми под твоею государевою царскою высокою рукою в вечном холопстве навеки неотступным, и ясак с себя тебе государю давать, и иных брацких князцей и улусных людей под твою государеву царскую высокую руку приводить, и во всем тебе государю он Куржум хотел служить и прямить и радеть. И как после того тот Куржум, дав в аманаты сына своево Чевдока, тебе государю изменил, приехав от Петра Головина в Верхоленской острог, твоих государевых служилых людей Максимка Кислокваса да толмача Гаврилка с товарыщи шти человек, выманя из острогу для того, что бутто ево улусных людей для твоево государева ясаку переписать, приветчи в свои улусы, побил до смерти и того сына своево в аманатех отступился. И как, государь, к нему приходили ево Куржума уговаривать из Верхоленского острожку твои государевы служилые люди толмач Федька Степанов да Данилко Скробыкин, и тот Куржум того Федьку да Данилка хотел до смерти по//бить же, и тот Федька да Данилко, видя над собою от того Куржума смертьное убойство, как их уч[ал] уже вязать, и они того Куржума да другово мужыка Шугожуна в их юртах от себя ножи зарезали, и то он Куржум пропал за свою неправду. И после того как на Ангару реку посыланы твои же государевы служилые и промышленые люди Семейка Скороходов с товарыщи и они своровали ж, ис тех служылых и промышленых людей 18 человек до смерти побили жь, а того, государь, побою у них икирежей вь их улусе в нынешнем погроме сыскан твой государев пансырь. И после того во 152-м году, тому ныне два года, как твои государевы служилые люди пятидесятник Курбатко Иванов с служилыми людьми ходили на твоих государевых непослушных братцких людей, на мужика на Чоглоя, и после того погрому они Булуй да Булчюк да Овгоев брат да Инчин да Бонгадайского роду мужык Торым з братом своим с Нараем, приехав в Верхоленской острог, тебе государю шерть свою дали на том, что было им брацким людем с своими улусными мужыки быть под твоею государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве без измены навеки неотступным и ясак с себя и со всего роду своего улусных мужиков платить полной по вся годы беспереводно. Он Булуй и брат ево Бура и их улусные братцкие мужыки после той своей шерти своровали ж, тебе государю изменили, ясак понемногу даючи по своей воли, и во 153-м году под Братцкой острог приходили зимою войною

двожды, в октябре о Дмитреевской суботе, да генваря в 1-м числе, а в третие летом июля в 9-м числе, и что было у служылых коней и коров и иного скоту, то все отогнали без остатку ж, и сена пожгли. И того оттонного скоту вѣ их улусех в нынешнем же погроме служылые люди опознали много, и то их воровство ж. Да они ж братцкие люди приходили в урочище на Тутуру реку и пашенного, которой было тут поселился вново, Оверку розоряли и руских у него работных людей 5 человек до смер//ти побили, и кони и скот отогнали, и пашенной завод розвезли, и хлебные запасы розсыпали, и сена прижгли. Да в прошлом же во 153-м году все они брацкие люди икирежи, тебе великому государю изменя, и в ясаке отказали и ясаку с себя платить не учали, и за то по твоему государеву указу мы холопи твои, как пришол на Илимской волок, посылали на них сына боярсково Олексея Бедарева не з большыми служылыми людьми, а велено их за измену войною пострастить с пощадою, чтоб они вперед в своих винах тебе государю добили челом, и вину свою принесли, и были б под твоею государевою царскою высокою рукою попрежнему в прямом холопстве навеки неотступны и покорны, и не доконца разорены. И того сына боярского с служылыми людьми они ж братцкие люди, пошед на твою государеву землю на Орленгу и на усть Куты на пашенных войною большыми своими людьми, на твоей государеве земле на Лене реке в урочищах, повыше Орленги, у речек Ботов встретясь, дрались и твоих государевых служылых людей 5-ти человек убили. А как после того из Верхоленского острожку сын боярской Олексей Бедарев с служылыми людьми на их улусы ходили, и их икирежские улусы громили с пощадою и людей до смерти не побивали, а которых их жон и детей и брата ево Бурину жену взяли, и тот ясырь служивые люди на выкуп им отдали, а брата ево Бурину жену отдали им без выкупу. Да он же Булуй, как в Верхоленской острог приехал, и которые было с собою привел коней добрых выкупать достальной ясырь, и он те лошади назад отослал. А после их ис под острожка кони и скот весь, за ними ж аманаты пришед, их же братцкие люди весь отогнали, и то их измена ж. И довелись было они по твоему государеву указу за ту их за многую измену раззоренья большово, а он Булуй и брат ево Бура довелись и смертной казни, повесить, для того что // тому всему дурному делу в ызмене заводчики и иных братцких людей научали он Булуй и брат ево Бура. И как, государь, мы холопи твои тем аманатом ту измену выговорили, и те аманаты, икережской мужик Булуй и сипутайской мужык Чокур, били челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, чтоб ты, государь, их пожаловал, те их вины велел отдать и казнить их смертною казнью не велел, и своим государевым служилым людем их улусы воевать и розорять не велел же и пожаловал бы ты, государь, их, велел отпустить в Верхоленской Братцкой острожек. А они де братцкие мужыки с своими улусными людьми под твою государеву царскую высокую руку быть рады и ясак с себя тебе великому государю платить учнут по вся годы. И чтоб де ты их, государь, и в том пожаловал, которого году они соболей в твой государев ясак на свой скот купить не добудут, и за тот свой ясак ты, государь, велел бы у них имать коньми и скотом, потому что они люди степные и сами соболми не промышляют, а покупают соболи на свой скот у тунгусов. А которые де буде иных улусов и родов братцкие люди учинятца тебе государю непослушны, и они де с твоими государевыми служилыми людьми на тех непослушных братцких людей учнут стоять заодин. И под твоих государевых служилых людей с своих улусов кони и вожей давать учнут и оттонные кони и скот, что без них будет их улусов братцкие люди отогнали, сыскав весь, пригнав, велят отдать в Верхоленском Братцком острожке служилым людем. И мы, государь, холопи твои тем братцким аманатом Булую и Чокуру твое государево жалованное слово сказали: только будут они впрямь тебе государю в тех своих винах с своими улусными людьми добьют челом и ныне на том дадут тебе великому государю свою прямую шерть, что им впредь быть под твоею государевою царьскою высокою рукою // в прямом холопстве без измены навеки неотступном, и ясак с себя полной по вся годы платить учнут безперевод[но], и ты государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии их пожалуешь, прежние их изменные вины отдать им велишь и казнить их ныне смертною казнью не велишь. И на том тебе великому государю перед нами

холопи твоими те аманаты шерть с собе дали. Да били челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии твои государевы // служилые люди, которые ходили на тех братцких людей войною в поход, сын боярской Алексей Бедарев да Верхоленского Братцкого острожку пятидесятник Курбатко Иванов, десятники и рядовые Павлик Малафеев и во всех товарыщей своих Верхоленского Братцкого острожку служилых людей места, а нам, государь, холопем твоим в съезжей избе подали челобитную, а в челобитной их написано: *Далее следует изложение челобитной А. Бедарева и К. Иванова от 1646 г. ранее апреля 25, напечатанной выше под № 188.* И мы, государь, холопи твои велели в тот Верхоленской Братцкой острожек х тем, которые в том Верхоленском острожке отправлены с сыном боярским с Олексеем Бедаревым, и с пятидесятником с Курбатком Ивановым посланы, и в том в Верхоленском в Братцком острожке для обереганья учинить всех 50 человек. Да ему ж сыну боярскому Олексею Бедареву и пятидесятнику Курбатку Иванову ныне на усть Муки реки из гулящих охочих людей на братцких непослушных людей велеть прибирать из гулящих охочих людей, а сколько будет, государь, человек приберетца, и того сына боярского Олексея Бедарева и пятидесятника Курбатка Иванова с теми братцкими аманаты да с ими ж служилых из гулящих охочих новоприборных людей, как нынешней весны 154-го году, выпловя Мукою и Купою и Сетою рекою на Лену, пошлем, государь, мы, холопи твои их [в] Верхоленской Братцкой острог тотчас и над непослушными твоими государевыми изменники братцкими людьми, опричь тех, которые будут под твоею государевою царьскою высокою рукою, прося у бога милости, велим промышлять и войною их смирять, сколько милосердый бог помочи подаст. А опрично, государь, // тех служилых 50 человек к ним в прибавку послать бы, государь, нам холопям твоим иных неково, потому что, по роспросу тех же твоих государевых служилых людей, на Лене ныне вь Якутцком остроге твоих государевых служилых людей немного, и по твоим государевым службам для ясачного збору вперед россылать будет неково, в которые де в дальные места посылывались человек по 30-ти, и в тех ныне местах всего человек по 10-ти, а в ыных и в самых дальных местех человек по 15-ти и по 20-ти, а в ыные места за безлюдством и ленских воевод Петра Головина с товарыщи меж их рознью и не посланы. А иные служилые люди тебе государю били челом, а к нам холопем твоим приносили челобитные, чтоб их пожаловали, велел их отпустить на твою государеву службу в ыные в дальные места на Собачью и на море и иные сторонные дальные реки для прииску и привода под твою государеву высокую руку и ясачного збору иных новых немирных землиц; и тех твоих государевых служилых людей, что ныне на Лене и вь Якутцком остроге, впредь будет мало для новых немирных землиц иноземцев, где ныне проведаны и впредь проведаютца для прииску и под твою государеву царскую высокую руку приводу и для ясачного збору россылать будет неково. А которые гулящие охочие люди на твоих государевых непослушных людей без твоего государева жалованья прибираютца ис погрому и бьют челом тебе государю о оружие и о зелье и о свинцу, и нам, государь, холопем твоим твоего государева ружья им давать нечего, потому что твоего государева запасного разного ружья, карабинов и мушкетов, на Лене и вь Якутцком остроге и в Верхоленском Братцком острожке и на Илимском Ленском волоку в твоей государеве казне нет, и о том ружье к тебе государю мы холопи твои наперед сего писали ж, и о том, государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, нам холопем своим что ты, государь, укажешь.

К. 191, столб. 13 на 28 ставах: ст. 3—18. Датирован по предыдущему документу (см. № 188).

190. *1678—79 гг. — Челобитная алазейских ясачных юкагир якутскому воеводе Фоме Бибикову о посылке к ним служилых людей для защиты от «немирных и неясачных чюкоч».*

Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичю [т.] бьют челом холопи твои алазейские ясачные юкагири лутчие люди и улусные розных родов: Калдин племянник Пилкича да Калдин же другой племянник Невгачий, Молзатина роду Иманзюрина Мугулдута Домакин, да Иникича шомана роду Калямя да

шаман Емунзеган, Тапокины дети Унка да Шелыги, Падитина роду Топорко, Лямземина роду Первучька Чебукин сын, Милоше Леутин сын Конда. В прошлом, великий государь, во 184-м году немирные и неясаш[ные] иноземцы чюкьчи побили наших многих лутчих людей и улусных и жен и детей в полон вьзяли и оленишек оттонили, приходя в нашы ясачьные промыслишьщи. И мы холопи твои стали без оленишек и без ясачных промыслов. А топере мы холопи твои ходим на соболиные ясачные дальные промыслища, боячись тех чюкочь и иных посторонных орд. А в нынешьнем во 187-м году сказывают, что на Индигирке реке за Шывером и на Колыме от ламутов и от каменных мужиков великие шатости, и кь ясашным зимовьям сь ясаком не приходят. А мы холопи твои от твоей великого государя милости не отбеглем и сь ясаком кь ясачному зимовью приходим колько нас есть вежевых, и всяк свое поголовье по окладу [пла]тит. А топерь у нас ясачной соболиной промысел сь великою нужею нашея ради нужы и бедности, потому что мы холопи твои обнищали и обсиротали. А в нашей земле соболей промышлять негде, судом божьим соболя не стало, только мы что упромышляем у моря на тундре и на озерах зверей диких оленей, и с тех оленей постель и кедоростей и ровдуг и мяс оленьих продадим руским людем на соболи, и теми собольми тебе великому государю ясак платим. А в прошлом, великий государь, во 186-м году был у нас в Алазейском ясачном зимовье приказной человек пятидесятник казачей Петр Аксентьев и на нас ясаку за прошлые годы и за умерших спрашывал с великою натугою и с налоги. И мы от него Петра и от ево налоги оскудали. Милосердый государь царь и великий князь Феодер Алексеевичь [т.], пожалуй нас холопей своих вели, великий // государь, послать из Якуцкого острогу из сьезжые избы воеводе Фоме Ивановичю Бибикову служылых людей на пособ к нам на Алазею и для обороны от немирных и неясашных людей чюкоч для нашей от них обиды и для наших родников, что они чюкьчи наших сродич и улусных людей побили, и нам бы обида и убойс[т]во их отомстить. Царь государь, смилуйся пожалуй.

На обороте 12 юкагирских «знамен».

К. 214, столб. 2 на 31 сставе; сст. 20—21.

191. *1679 г. апреля 17. — Отписка приказного сына боярского Зашиверского острожка Льва Трифонова якутскому воеводе Фоме Бибикову о сборе ясака на реке Индигирке с ясачных ламутов и юкагир и о «шатости» ламутских «мужиков».*

Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичю Индигирки реки Зашиверского острошку приказной сын боярской Левка Трифанов челом бьет. В прошлом во 186-м году по государеву указу и по наказной памяти послан я Левка на Индигирку реку в Зашиверской острожек и в Среднее Подшиверское и в Нижнее Уяндинское зимовья приказным человеком на перемену казаку Ивану Гурьеву для збору вликого государя ясаку с прежних ясачных людей с ламутов и сь юкагирей. И я Левка собрал в Зашиверском острошке на нынешней на 187-й год с прежних ясачных ламутов и сь юкагирей 5 сороков соболей, а в Среднем Подшиверском ясачном зимовье собрал 2 сорока соболей, да в Нижнем Уяндинском ясашном зимовье собрал 4 сорока соболей. [Соби]рал я Левка тое великого государя казну без приправочных книг. В нынешнем же, государь, во 187-м году Зашиверского острошку ясашные ламутцкие мужики и юкагири на промысел ясаку промышлять не ходили, а иные многие мужики в Зашиверской острожек сь ясашным платежом не приходили, а сказывают про тех ясашных ламутцких мужиков и юкагирей, что они ходят с ламскими мужиками с ызменниками вместе; и мне Левке на тех на непослушных мужиков казаков послать не от ково, потому что малолюдство. И те, государь, ламутцкие мужики изменники прикочевали и живут около Зашиверского острошку и по руской дороге, и я Левка живу в осаде с велик[им] береженьем, а великого государя казну, которая в зборе на нынешней на 187-й год, вь Якуцкой острог к тебе воеводе Фоме Ивановичю послать не посмел, потому что опасаяся от воровских ламских мужиков, чтоб над великого государя казною порухи не учинили и над казаками. А послал я Левка из Зашиверского острошку вь Якутцкой острог для

ведомости казаков 4-х человек, Ивашка Гурьева, Ваську Трифанова, Ефремка Мосиева, Ивашка Андреева, да послан вь Якутцкой острог ноября в... день казак Аверка Аврамов с отписками через камень для приправошных книг, потому что прежней приказной десятник казачей Никита Савин приправошных книг не оставил, увез с собою, и мне Левке ясаку великого государя с прежних ясашных мужиков збирать было не по чему на нынешней на 187-й год. Да в нынешнем же, государь, во 187-м году били челом великому государю пришлые верхоянские ясашные якуты розных волостей, чтоб с них взять ясак против прежних отписей в Зашиверском острошке, и я Левка против их прежних отписей собрал с них 36 лисиц // красных да один соболь, а именная роспись, государь, послана подклея под сею отпискою. А что мне Левке дано было из Якутцкого острогу в Зашиверской острожек и в Подшиверской и в Уяндинское зимовья великого государя казны, сетей и прядена неводного, на ламутцкой и на юкагирской обиходы для аманатцкого корму, и олова в блюдах и котлы и бисер и бумаги писчие, все розошлось, и о том тебе, государь Фома Ивановичь, пишу для ведомости. А иноземские челобитные подклея посланы под сею отпискою и против тех челобитен у иноземцов подаваны казаку Сергию Брусенину, а присланы, государь, были ко мне из Якутцкого острогу подписные челобитные и памяти на казаков для кабальных дел, на Гришку Посникова на Илюшку Бубякина, и их я, государь, нынечи не послал, потому что малолюдство и казакам оскуденье и в земле шатость. Да в нынешнем же, государь, во 187-м году извещ[ал] [мне] ламутцкой мужик Кукитирского роду Эренечко Деленкуев мн[е]... [и] [ка]закам на казака на Гришку Батова, что он Гришка говорил ему Эренечку, что в нынешнем во 187-м году ясаку платить и в Зашиверской острожек ему и родникам ево не велел, и те речи толмачила жена ево Гришкина по ево Гришкину веленью, а нынечи государь он Гришка из Зашиверского переведен в Уяндинское зимовье, чтоб впредь от него Гришки в ыноземцах чмуты не было и великого государя вь ясаке застой не чинил, и об том Гришке как ты, государь, укажешь. А послана, государь, отписка апреля в 17 день, и дал бог здорово Зашиверской острожек и великого государя казна и служилые люди и аманаты. А служилых людей казаков в Зашиверском острошке мало, всего 16 человек, — прикажи, государь, послать в прибавку служилых людей, чтоб за малолюдством не потерять казна великого государя и выручить, государь, Зашиверской острожек. А в ламутцких мужиках шатость и измена по скаске зашиверских мужиков ламутов и юкагирей, что многие зашиверские ламутцкие мужики в прошлом году были на Ламе, к острошку приступали с ламаскими мужиками с ызменниками вместе. И те, государь, кои были у приступу к Зашиверскому острошку по се число не бывали и ясаку великого государя не прислали и ходят они с ызменниками вместе близ Зашиверского острошку. О том обо всем как ты, государь, укажешь.

На обороте: Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичю.

187-го маия в 30 день подал отписку казак Ивашко Гурьев.

К. 214, столб. 2 на 91 сставе; сст. 3—4.

192. *1679 г. ранее мая 30. — Отписка приказного колымского десятника Семена Сорокоумова якутскому воеводе Фоме Бибикову об уклонении ясачных юкагир, тунгусов и чукчей от уплаты ясака и обнаруженной у них «измены и шатости».*

Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] Якуцкого острогу воеводе Фоме Ивановичю Ковымы реки приказной человек казачей десятничишко Сенька Сорокоумов челом бьет. В прошлом во 186-м году по указу ве[ликого] государя, послан яз на Ковыму реку для ясашного собо[линого] збору с прежних ясашных юкагирей, а велено мне принять у служилого человека у Елеськи Осипова [ве]ликого государя аманатов и служилых людей и рыбны[е] их аманатцкие кормы и всякие великого государя товары и ясашные зимовья. И в нынешнем во 187-м году, приехав яз на Ковыму реку, у него Елеськи ясашные зимовья и великого государя аманатов и служилых людей и всякие великого государя товары и рыбные ам[анатцкие] кормы принял и во всем с ним росписался. Да в н[ынешнем] же

во 187-м году на Ковыме реки во всех 3-х зим[овьях] собрал яз великого государя ясашной соболиной казны ...[1] натцать сороков 33 соболи. А с Верх[не]во ясашного Ковымского зимовья ясашные юкагири, которые живут на каменю, Накича Слепой да Гегиря Синезуб да Глухой с товарыщи кь ясашному зимовью сь ясашным платежем к аманатам своим не приходили, а довелось на тех ясашных юкагирей взяти ясаку 2 сорока соболей, и на нынешней на 187-й год тот ясак стал на них в заст[ое и в не]доборе. А в прошлом во 186-м году, как те яс[ашн]ые юкагири, которые живут на каменю, На[кича] с товарыщи, заплатя ясак, и пошли от Верхнево ясашного зимовья на камень, и у служилых людей рыбные кормы озорничеством своим пограбили весь без остатку, и служилые люди мало з голоду не померли. И про тех мне каменных юкагирей, про Накичю с товарыщи, сказывали Середнево Ковымского зимовья ясашные юкагири, что тот Накича с товарыщи живут на Омолоне реки, и яз для них и недоборного ясаку послал с Ковымы реки служилых людей 4-х человек, Елеську Осипова с товарыщи, да с ними ж пошел целовальник, торговой человек Никифор Бобровской. // Да в нынешнем же во 187-м году великого государя с ясашною соболиною казною, что яз собрал на Ковыме реки во всех 3-х зимовьях, приходил яз на Индигирку реку в Зашиверской острожек для ради отпуску вь Якуцкой острог, и в земли от ламуцких мужиков тунгусов шатость стала большая и измена, и на Ковыме реки от юкагирей потому же меж ими шатость. А за малолюдством, что служилых людей мало, послать великого государя ясашной соболиной ковымские казны для убойства и измены, и государевы б казны идучи дорогою вь Якуцкой острог какие порухи и грабежу от ламуцких мужиков тунгусов не учинилось, не посмел. А в Нижнем ясашном зимовье и по се число служилые люди живуть взаперте от неясашных людей от чюхоч и от ясашных ю[ка]гирей за безлюдством, не дадут им рыбного корму добыть и по дрова сходить. А служилых людей в Нижнем ясашном зимовье Ковымском только 10 человек, а преж сего бывало в том зимовье человек по 30-ти и больше, а в Верхнем Ковымском ясашном зимовье служилых людей 8 человек, а в Середнем 3 человека, и во всех 3-х зимовьях служилые люди живут многие годы, лет по 10-ти и по 15-ти, а иные и больше, и живучи обдолжали великими долга[ми], а отпустить их вь Якуцкой острог за малол[юдством] стало не от ково. А в прошлом во 186-м году ко[вымские] служилые люди отпущены были из Якуцкого острогу со мною Сенькою морем на коче на Ковыму реку, и те служилые люди и по се число ни на которой реки не объявились и на Ковыму реку не бывали. И о том, как ты воевода Фома Ивановичь укажешь. А с отписками послал яз вь Якуцкой острог служилых людей Оську Трофимова да Ваську Аргунова, да по памятем 2-х человек, Федьку Пивнева да Никишку Семенова.

На обороте: Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] Якуцкого острогу воеводе Фоме Ивановичю Бибикову.

187-го маия в 30 день подал отписку Оська Трофимов казак.

К. 214, столб. 2 на 31 ставе; ст. 1—2.

193. *1679 г. ранее мая 30. — Отписка алазейского приказного человека Никиты Тютина якутскому воеводе Фоме Бибикову о сборе ясака с ясачных юкагир и об обнаружении среди «ламутских людей» «великой смуты».*

Великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичю Алазеи реки приказной человек десятник казачей Микитка Родионов сын Тютин челом бьет. В прошлом во 186-м году по указу великого государя послан я Микитка на Алазею реку в приказные люди на перемену казаку Осипу Иванову сыну ярославцу для ясашного збору с прежних ясашных юкагирей, и я Микитка собрал великого государя ясаку на нынешной 187-й год налицо 3 сорока 34 соболя да в переводе в долгу по отписям 47 соболей, и той великого государя ясашной зборной соболиной казны и книг через камень в Якутцкой острог послать не посмел, потому что с Колымы реки и с Индигирки реки не послали ж, потому что в ыноземцах, в ламутцких людях, смута велика; и стоят де ламутцкие люди на переходе на дороге и хотят де руских людей побивать. И тое

[1] Начало слова оборвано.

великого государя зборную ясашную соболиную казну я Микитка привозил на Индигирку реку в Зашиверской острожек. А казаков у нас на Алазее реке мало, и великого государя ясаку сь ясашных людей збирать не из за ково, а к тому кь ясашному збору надобе бы казаков человек с 15 и больши, потому что иноземцы, видячи малолюдство, не слушают, иные мужики и на промыслы не ходят. И я Микитка, приехав на Алазею, и их ясашных юкагирей осенью на соболиной промысел высылал, иные юкагири на промысел ходили, а иные и не ходили, а ясаку недобрано на нынешной на 187-й год против прошлого 186-го году 38-ми соболей. И в тех в недобраных ясашных соболях я Микитка держал ясашных юкагирей на правеже долгое время, и они юкагири подали мне свои речи и челобитные за своими пятнами, и те челобитные посланы с казаком с Оською ярославцом за своею печатью в листы. Да взяти на казаках великого государя в казну переводного ясаку: на Осипке ярославце по отписе 12 соболей, да на Якуньке Тотарине по отписе 8 соболей, да на Никифорке Аврамове по отписе 4 соболя, и те казаки посланы вь Якуцкой острог с отписками, а отписи на них осталися у меня Микитки.

На обороте: Великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичю Бибикову.

187-го маия в 30 день подал отписку казак Оська ярославец.

К. 214, столб. 2 на 31 составе; ст. 13.

194. *1679 г. июня 14. — Допросные речи оленных тунгусов Бугачи с товарищами в ясачной избе Охотского острожка о побоище на реке Ураке и осаде Охотского острожка оленными тунгусами.*

187-го году июня в 14 день казаки Кондрашка Берсенев с товарыщи, сыскав на Улбне реке Уяганского роду непослушников оленных тунгусов Моктигу Тавиканка да Шамаулка да Бугачю, привели в Охоцкой острожек, которые тунгусы в прошлом во 186-м году на Ураке реке с оленными ж тунгусами Годниканского роду с Некрунком шаманом да сь ево Некрунковыми родниками побили служилых людей казаков и к Охоцкому острожку на приступ приходили. И вь ясачной избе приказной Филип Андреев тех приводных тунгусов допрашивал, для чево оне непослушники великого государя служилых людей побили и ево товарную великого государя казну взяли и к Охоцкому острожку на приступ приходили. И в допросе оне тунгусы Тавиканко да Шамаулко сказали: мы де на Ураке реке з годниканами на казачье побоище не были и на приступ к острожку не приходили. А Бугача в допросе сказал: я де Бугача и с ыными своими родниками на Ураке реке з годниканами на казачье побоище был и к Охоцкому острожку на приступ приходил, а на Ураке реке на казачье побоище взял де я Бугача топор руской да пулек свинцовых да иконново окладу венец серебряной маленькой да доска замочная пищальная. А родники де наши Уяганского роду на Ураке реке были на побоище казачье: Докланиев брат Бурултучан с сыном и с родниками да Очяя з братом и с родниками да Гургулий з братом с Коколдою и с Коколдеными детьми, и к Охоцкому острожку на приступ оне приходили ж со многими своими родниками, а с ясаком де мы во 186-м году не приходили, затем мы де Тавиканко да Шамаулко началялись в Охоцком острожке казаки все побиты. А в нынешнем во 187-м году сь ясаком не приходили потому, что Уяганского роду оленные тунгусы Тарега с родниками послал ясаку немного соболей с Ыкиротки с пешим тунгусом Ачганского роду с Авчиканоком, а сами не пошли, и мы де на них же смотря и не приходили сь ясаком. А ные де родники наши живут в дальных своих жилищах, а с ясаком в нынешнем во 187-м году не будут, и в ыной год только соболей не добудут, и оне де с ясаком не будут же. Да в нынешнем во 187-м году весною сказывал нам на Ине реке Негляровского роду пешей тунгус // Кунеканко и всодеинские тунгусы сказывали нам: что де вы стоите на Ине, будут де по вас казаки из Охоцково острожку; и мы по их тунгуским скаскам и пошли в гору в дальные свои жилища. А что Бугача в сказке своей сказал, что взял на побоище казачье замочную пищальную доску да иконново окладу венец и пульки свинцовые сысканы у него Бугачи вь юрте и серебряново венца иконнново три обрезочка, и то поличное принесли казаки Кондрашка Берсенев с товарыщи вь ясачную избу.

К сим допросным речем вместо толмачей Ивашки Уварова да Кондрашки Берсенева по их веленью казак Ивашко Федоров руку приложили.

На обороте 3 тунгусских «знамени».

К. 214, столб. 1 на 56 ставах; ст. 49—50.

195. *1679 г. июня 15. — Отписка из Охотского острожка казака Филимона Щербакова якутскому воеводе Фоме Бибикову об уклонении оленных тунгусов от уплаты ясака.*

Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичю казак Филька Щербаков челом бьет. В нынешнем во 187-м году посылал я Филька ясачново пешево тунгуса Ачганского роду Тавиканка Чеголкина на лешей соболиной промысел промышлять на великого государя ясак. А пришед он Тавиканко с соболиново промыслу в Охоцкой острожек у ясачново платежу сказал: ходил де я Тавиканко на Иню реку для ясачново соболиново промыслу и говорил ясачным же оленным тунгусам Уяганского роду Тареге с родниками, чтоб де он Тарега с родниками и с ыными оленными родами шли б в Охоцкой острожек сь ясачным платежем и аманатов бы переменили. И Тарега де с родниками ему Тавиканку во всем отказали: ясаку де у нас нет и итти де нам в Охоцкой острожек не по што, и в ыной де год мы Тарега с родниками на удачю де будем ли. А ево де Тавиканка за то хотели убить, что он Тавиканко звал их в Охоцкой острожек: а только де мы будем надобны, и без тебя де Тавиканка пошлют по нас и казаков. Да Уяганского роду ясачной оленной тунгус Амша у ясачново платежу сказал: в нынешнем де во 187-м году ходил он Амша на Иню реку и на иные сторонные реки для ясачново соболиново промыслу и говорил де он Амша ясачным же оленным тунгусам Тареге с родниками, чтоб шли в Охоцкой острожек сь ясаком, и ему де Амше он Тарега с родниками отказали, ясаку де у нас нет и итти нам в Охоцкой острожек не по што, а и в ыной де год только соболей не добудем и мы в Охоцкой острожек не будем же. А ему де Амше он Тарега с родниками впредь ходить к себе и звать в Охоцкой острожек сь ясаком не велели и угрожали де ему Амше смертным убивством: а только де мы уяганы в Охоцкой острожек надобны, пошлют де по нас и казаков. И я Филька в Охоцкой острожек оленных ясачных тунгусов Уяганского роду Тарегу с родниками и Долганского роду оленных же тунгусов призвати не мог никоими мерами, а вызывают оне тунгусы к себе служилых людей. Да Ачганского роду тунгус Тавиканко Чеголкин сказал: в нынешнем де во 187-м году осенью до ясачного платежу с Ыни реки Уягирского роду ясачной тунгус Чилчимлянко ходил на Тоуй реку кь яса//чным к пешим тунгусам и говорил де им он Чилчимлянко: хотят де из Охоцково острожку казаки итти на вас в поход и громить вас всех тоуйских тунгусов. А от тоуйских де от пеших тунгусов услышили те речи оленные тунгусы Долганского роду, что де хотят быть казаки на Тоуй реку ясачных тунгусов громить, и оне де оленные тунгусы долганы с Тоуя реки пошли в дальные свои жилища, боясь от служилых людей погрому. И он Чилчимлянко такие затейные речи тоуйским ясачным пешим тунгусам воровски солгал. А по скаске тунгуса Тавиканка Чеголкина он Чилчимлянко в Охоцком острожке посажен в аманацкую казенку, и о том, что ты воевода Фома Ивановичь укажешь. Да в нынешнем же во 187-м году посылал я Филька из Охоцково острожку ясачново оленново тунгуса Уяганского роду Сорочанкова родника Докланийка сыскивать родников ево Докланийковых оленных же тунгусов, а сыскав ему звати их в Охоцкой острожек сь ясаком и аманатов бы переменили. И он Докланийко родников своих, уяганских тунгусов Киванийка да Будыню з братьями 7 человек, сыскал верх Ини реки и звал де их в Охоцкой острожек сь ясаком и аманатов бы переменили. И оне де Киванийко з братьями ему Докланийку отказали: ясаку де у нас нет и итти нам в Охоцкой острожек не пошто и в аманатах де седеть у нас некому, а и в ыной де год только мы ясаку не промыслим, и мы де в Охоцкой острожек не будем. И я Филька те их тунгуские скаски, подклея под сею отпискою, послал вь Якуцкой острог к тебе воеводе Фоме Ивановичю июня в 15 день. И о том, что ты воевода укажешь.

На обороте: Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичю.

187-го году июля в 15 день подал десятник Ивашко Ортемьев.

К. 214, столб. 1 на 56 ставах; ст. 43—44.

196. *1679 г. ранее июля 15. — Отписка казака Филимона Щербакова якутскому воеводе Фоме Бибикову о мероприятиях в Охотском острожке против оленных тунгусов Уяганского рода, поднявших восстание и отказавшихся платить ясак.*

Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичю казак Филька Щербаков челом бьет. В нынешнем во 187-м году июня в 4 день посылал я Филька из Охоцково острожка на Иню реку служилых людей Кондрашку Берсенева с товарыщи 30 человек на непослушников и на изменников Уяганскового роду на оленных тунгусов на Моктигу Тавиканка да на Шамаулка да на Бугачю с родниками, и велел их непослушников ему Кондрашке с товарыщи тех изменников смирить ратным боем и, переимав лутчих людей, привесть в Охоцкой острожек, потому что те непослушники и изменники в прошлом во 186-м году на Ураке реке с оленными ж тунгусами Годникановсково роду с Некрунком шаманом да сь ево Некрунковыми родниками служилых людей казаков побили и к Охоцкому острожку на приступ приходили и ясаку не платили, и в нынешнем во 187-м году окладов своих ясаку не платили ж и в ясаке и в аманатах отказали. И божиею милостию и великого государя счастием он Кондрашка Берсенев с казаками тех непослушников и изменников сыскав смирил ратным боем и переимав их Моктигу Тавиканка да Шамаулка да Бугачю привели в Охоцкой острожек. И я Филька вь ясачной избе тех приводных тунгусов допрашивал, для чево оне в прошлом во 186 году на Ураке реке служилых людей побили и ясаку не платили и на нынешней на 187 год ясаку не платили ж и в Охоцкой острожек не приходили. И хто что в допросе сказал и те их допросные речи, за их тунгускими знамены, и за толмаческими руками, подклея под сею отпискою, послал я Филька вь Якуцкой острог к тебе воеводе Фоме Ивановичю, а оне непослушники в Охоцком острожке посажены в аманацкую казенку. И о том, что ты воевода Фома Иванович укажешь.

На обороте: Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичю.

187-го году июля в 15 день подал десятник Ивашко Ортемьев.

К. 214, столб. 1 на 56 ставах; ст. 48.

197. *1679 г. ранее июля 15. — Отписка казака Филимона Щербакова якутскому воеводе Фоме Бибикову о взятии в Охотском острожке ясака с пеших тунгусов лисицами вместо соболей и об опасении нападения со стороны оленных тунгусов.*

Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичю казак Филька Щербаков челом бьет. В нынешнем во 187-м году в Охоцком острожке по указу великого государя и по наказной памяти Якуцкого острогу сьезжые избы великого государя за печатью от тебя воеводы Фомы Ивановича, и по приправочным ясачным книгам прошлого 186 году, за пометою воеводы Андрея Афонасьевича Барнешлева, что принял книги я Филька у сына боярсково у Петра Ярышкина, и собрал на великого государя ясаку с ыноземцов сь ясачных тунгусов на нынешней на 187-й год, и на прошлые годы, всего 19 сороков 5 соболей с пупки и с хвосты да 13 лисиц чернобурых и бурых с лапы и с хвосты, в том числе лисица без хвоста. А те лисицы взяты за ясачные за 30 за 7 соболей да за 2 сорока за 16 соболей. Собрано с пеших сь ясачных тунгусов 192 лисицы красных с лапы и с хвосты, в том числе 27 лисиц сиводушчатых с лапы и с хвосты, да 3 лисицы сиводушчаты ж с лапы без хвостов, да 28 лисиц красных с лапы без хвостов. А за хвосты лисьи имал я Филька у ясачных у пеших тунгусов деньги по полугривне за хвост, потому что взяти было им пешим ясачным тунгусам соболей вь ясак негде, для того что в нынешнем во 187-м году ясачные оленные тунгусы годниканы и килары и торбиканы и уяганы и иных родов оленные тунгусы в Охоцкой острожек сь ясаком не бывали. А которые оленные тунгусы в Охоцкой острожек и при-

ходили сь ясаком немногие люди, и те оленные тунгусы и своих окладов ясаку спална не заплатили. А сами оне пешие тунгусы на соболиные промыслы не ходят, а соболи на ясак покупают у оленных тунгусов, а ныне им купить было соболей не у ково. И оне пешие тунгусы всех родов били челом великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю [т.], а в ясачной избе мне Фильке подали челобитную за своими знамены, чтоб великий государь их пеших тунгусов пожаловал, велел имать в свою великого государя казну вь ясак на нынешней на 187-й год в оклады их вместо соболей лисицы красные, за соболь по // 2 лисицы красных. И я Филька по указу великого государя и против их тунгусково челобитья вместо соболей в ясак лисицы красные и сиводушчатые принимал, за соболь по 2 лисицы с лапы и с хвосты. А больши того против приправочных ясачных окладных книг по окладом ясаку сполна собрать было не с ково, потому что оленные тунгусы многие роды в Охоцкой острожек не бывали и в ясаке отказали. А что ясачные пешие тунгусы били челом великому государю, а мне Фильке подали челобитную за своими знамены, и тое их челобитную, подклея под сею же отпискою, послал я Филька вь Якуцкой острог к тебе воеводе Фоме Ивановичю. А что собрано на великого государя ясаку соболей и лисиц чернобурых и бурых и сиводушчатых и красных, и тое великого государя казны в нынешнем во 187-м году послать вь Якуцкой острог не смел, потому что многие оленные тунгусы стоят на дороге верхь Ураку реки и на Юдомском волоку и какова бы дурна великого государя над казною не учинили и над служилыми людьми. А в прежные годы на тех урочищах никакие тунгусы не стаивали и стоять на тех урочищах не у чево.

На обороте: Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичю.

187-го году июля в 15 день подал десятник Ивашко Ортемьев.

К. 214, столб. 1 на 56 сставах; сст. 51—52.

198. *1686 г. марта 4. — Указ царей Ивана и Петра Алексеевичей якутскому воеводе Матвею Кровкову о запрещении местным сибирским воеводам применять к тунгусам смертную казнь без указа государей, а ясачным сборщикам налагать на тунгусов какие либо наказния.*

От царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] в Сибирь в Якуцкой генералу нашему и воеводе Матфею Осиповичю Кравкову. В прошлом во 191-м году писал к нам великим государем из Мангазеи стольник наш и воевода Михайло Беклемишев: в прошлом же де во 191-м году мангазейские есейские ясачные тунгусы изменили и ясачных зборщиков мангазейских служилых людей Илюшку Рябова с товарыщи 13 человек побили, а одного человека в полон взяли. А в прошлом во 193-м году февраля в 3 день писал к нам великим государем из Якуцкого стольник наш и воевода Иван Приклонской: Туруханского де уезду есейские тунгусы Гагилейко с родниками своими // пришли к нему в Якуцкой и подали скаску за своими знамены, что они, от налог и от обид есейских прикащиков и служилых людей, убили ясачных зборщиков Илюшку Рябова с товарыщи 13 человек и аманатов своих 8 человек взяли, и в том де они перед нами великими государи виноваты, а наш де великих государей ясак они Гагилейко и с родники их платить будут, попрежнему, своим окладом в Якуцком. Да в Якуцком же мангазейской стрелец Терешка Крылов, которого на убойстве взяли в полон Есейского зимовья изменники ясачные тунгусы, в роспросе сказал: в прошлом де во 191-м году посланы де они были из Мангазеи в Есейское зимовье для ясачного збору, прикащик Илюшка Рябой и служилые люди Тимошка Переломов, Оська Щербаков, Петрушка Кобыльников с товарыщи 14 человек, и он де Илюшка // с служилыми людьми учал чинить есейским ясачным тунгусом обиды и налоги великие и бить батоги нещадно для свох пожитков, и угрожал всем повешеньем, и велел де тем есейским тунгусом преж ясаку приносить к себе соболи добрые. Да он же де Илюшка Рябой, будучи за ясачным збором в Есейском зимовье, велел ему Терешке поставить виселецу и за то де ево Терешку бил батоги, что он Терешка виселицы не поставил, и хотел де он Илюшка вешать тех есейских тунгусов. И уведав де те есейские тунгусы, Гагилейко с родниками своими, Илюшку Рябова с товарыщи побили, а ево Терешку взяли к себе в полон.

А в нынешнем во 194-м году генваря в 3 день к нам великим государем писал из Мангазеи стольник наш и воевода Иван Полтев: буде де впредь те есейские тунгусы из Якуцкого в Мангазею присланы не будут, и Мангазейского де уезду иных // зимовей на то смотря учинят над ясачными зборщики убойства, и о том бы ему наш великих государей указ учинить. И мы великие государи указали тем есейским ясачным тунгусом быть в Якуцком, куды они перешли, а ясак платить по прежнему окладу, по чему они платили в Мангазее. А впредь никому и воеводам тех тунгусов без нашего великих государей указу не казнить и не вешать, а ясачным зборщиком наказанье не чинить. А чинить наказанье воеводам смотря по винам их, хто чего доведетца. И как к тебе ся наша великих государей грамота придет, и ты б чинил по сему нашему великих государей указу. Писан на Москве лета 7194-го марта в 4 день.

На обороте: В Сибирь в Якуцкой генералу нашему и воеводе Матвею Осиповичю Кравкову.

195-го году июня в 25 день подал Степан Ружников, прикащик гостиной сотни Ивана да Алексея Ушаковых.

К. 220, столб. 18 на 4 ставах.

199. *1686 г. июня 5.— Допросные речи сына боярского Архипа Лыткина о восстании учурских тунгусов и о разгроме ими Тонторского зимовья.*

Июня в 5 день в приказной избе перед генералом и воеводою перед Матвеем Осиповичем Кровковым сын боярской Архип Лыткин роспрашиван, а в роспросе сказал: в нынешнем де во 194-м году генваря в 25 день послал он Архип ис Тонторского зимовья в Якутцкой с отпискою казаков Федьку Замятнина, Оську Гурьева для того, что иноземцы учинились ослушны и с ясачным платежем к ясачному зимовью и под аманатов не пошли, и казаки де Федька и Оська пошли в Якуцкой, и отошед от зимовья 2 дни на дороге того ж зимовья ясачные иноземцы их убили, а про убийство ему, Архипу, в зимовье вести не было. И после де посылки служилых людей, на завтрее, пришли к нему в зимовье албазинские служилые и промышленые люди Ганьки Фролова товарыщи 16 человек, Тимошка Вершинин с товарыщи, и жили де у него Архипа в зимовье 8 дней и стали // ему Архипу говорить об отпуске в Якутцкой для хлебной скудости, потому что в зимовье хлебом скудно, и он де Архип албазинских служилых и промышленых людей Тимошку Вершинина с товарыщи 15 человек из зимовья отпустил в Якуцкой, а с ними де послал он Архип с отпискою и вожем казака Фадюшку Ванюкова. И отошед де от зимовья Фадюшко с промышлеными людьми днище, и учюрские де ж тунгусы промышленых людей казака Фадюшку Ванюкова побили, и про то де убийство ему Архипу вести не было ж. И после того убийства в 4-й день те ж убойцы тунгусы пришли к зимовью тайным обычаем в полуденную пору в обеде, а он Архип с казаками в то время обедали, и у сеней запор отперли и впед в сени двери избные отворили и почали де по нем Архипе и по служилых людех стрелять из луков, и ево Архипа ранили стрелою повыше пупа да 2-мя стрелами в правой бок повыше поясницы да в левую руку по мышке, а казака Ваську Мельника убили до смерти, да казака ж Матюшку Васильева ранили стрелою в левую руку в ладонь, а толмача Бориска Конашева ранили стрелою ж в левой бок, Гараньку Федотова ранили пальмою в левую руку, Ивашку Юрьева ранили в груди. И как де по них стреляли и в те поры с надворья // против казенки, где сидели аманаты, вырубили 2 бревна и аманатов своих взяли, а покамест против казенки с надворья стену рубили и в то ж время тунгусы с надворья из сеней избные двери лесом заваляли и на двор ево Архипа и казаков из избы не выпустили, покамест аманатов своих взяли. А борошнишко де их и животишко и хлебные запасы пограбили все без остатку. А как они Архип с казаками справились и, вырубя избные двери, из зимовья с оружьем выметались, и одново аманата и великих государей ясачную зборную казну у тунгусов отбили, и узнали де на тунгусах руское платье побитых служилых и промышленых людей, которые пошли в Якутцкой. И после де зимовейнаго приступу в 3-й день пришли отбитого аманата родники и принесли недоплатные ясачные 5 соболей. И отошед далече, с служилыми людьми ис крепких мест перекликались и говорили: на нас де не досадуйте

и во всех де тунгуских зимовьях у нас у всех тунгусов один умысел и одна дума и убойство будет, а богдойские де воинские люди Албазинской острог взяли и из острогу тунгуских аманатов всех роспустили и ясак де платят те тунгусы богдойскому царю повольно, и за ясачной де платеж дают им богдойские люди подарки большие, камки и китайки и табак.

На обороте: К сим допросным речам вместо отца своего Архипа Исакова по ево веленью сын ево Мишка Лыткин руку приложил.

К. 220, столб. 12 на 58 ставах; сст. 1—3.

200. *1686—87 гг. — Челобитная учурских тунгусов Лалыгирского рода якутскому воеводе Матвею Кровкову об отпуске их из Якутска на старые места, в виду неучастия в «изменном деле» своих родственников.*

Царем государем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю [т.] бьют челом холопы ваши Учюрского зимовья ясачные тунгусы Лалыгирского роду Быркыгачко Дюслянов да Манмыгачко Самокачадно да Яличка да Мудачилко Удугин да Мелченичко да Моторко Дюшланов и з братьями своими Удучка с Кучанком да с Телбугачкою. В прошлом, государи, в 194-м году на Учюре в ясачном зимовье родники наши того ж Лалыгирского Учюрского зимовья ясачные тунгусы вам великим государем изменили и многих руских людей побили, а иных служилых людей в зимовье ранили и аманатов отбили, а отчего у них воровство и измена учинилася и мы про то не ведаем, потому что в то время мы холопи ваши с теми своими родниками нашими вместе не были, а были вверх Алдану реки на соболинном промыслу в дальних местах, а что бог дал упромышляти соболей и те соболи послали с теми своими родниками в Учюрское зимовье заплатить ваш великих государей ясак, свои оклады на 194-й год. А сами мы холопи ваши осталися в тех дальних местах на Алданских вершинах для своей безоленные скудости и к Учюрскому зимовью с теми родниками своими не пошли, и после измены их с теми родниками своими не видалися и на всякое воровство и на измену с ними не советовали. А про тое их родников наших измену сказал нам холопям вашим, сошедчися на соболином промыслу, Верховилюйского зимовья ясачной якут Болдетцкого роду Кусага Тургин, и мы холопи ваши слышачи от него Гусаги тех родников своих воровство и измену, помнячи вашу великих государей к себе великую милость и не хотя // быти впредь за то их родников воровство от вашей великих государей в опале, пришли в Якутцкой уезд в Кангаласкую волость х князцу Мазаре Бозекову. А от Мазары Бозекова, приехав из Якутцкого острогу, городовой толмачь Михайло Удин подозвал нас холопей ваших под вашу великих государей высокую руку, а до ево Михайлова призыву жили мы холопи ваши у него Мазары и в город ехать не смели, слышачи родников своих измену и чаючи за тое их измену от вас великих государей опалы. А послыша от него Михайла призыв, приехали мы с ним Михайлом в Якутцкой и принесли с себя ваш великих государей ясак по окладом своим на нынешней на 195-й год по своей мочи и аманата с себя привели. А отчего та измена у родников наших учинилась, от изгони ли, или от какие обиды прикащиков и служилых людей, и про то скажут те наши родники, и в обидах будут бити челом вам великим государем сами собою. Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевичь, Петр Алексеевичь [т.] пожалуйте нас холопей своих, велите государи в Якутцком остроге в приказной избе вашему великих государей генералу и воеводе Матвею Осиповичю Кровкову ваш великих государей ясак и аманата нашего с нас взять и нас отпустить на старинные наши места и на жилища для прииску и призыву родников своих, и не велите, государи, ратных людей за теми родниками нашими из Якутцкого посылать; подзовем и приведем тех изменников родников своих сами собою и приведем в Якутской острог. А толмачил у сей челобитной казак Микитка Федоров. Цари государи, смилуйтеся.

На обороте 9 тунгусских «знамен».

К 220, столб. 52 на 58 ставах; сст. 35—36.

201. *1687 г. октября 8. — Челобитная казака Ивана Дехтерева о пожаловании в таможенные подъячие за заслуги по усмирению «изменников» майских и ламских тунгусов и за «многие другие его службы».*

Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю и великой государыне благоверной царевне и великой княжне Софие Алексеевне [т.] бьет челом холоп ваш казак Ивашко Силин. Служил я холоп ваш отцу вашему государскому блаженные памяти великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] и брату вашему государскому блаженныя памяти великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю [т.] и вам великим государем со 176-го и по нынешней по 196-й год по годовым и по двоюгодовым службам пищщиком и толмачишком и рядовым казаком, везде вам великим государем во всем радел и ясак збирал с прибылью без недобору. И во 186-м году Маймакальского роду Майского зимовья изменник Момотка из Майского зимовья из казенки ушел, и во 187-м году ваш государской стольник и воевода Фома Бибиков послал меня холопа вашего в Майское зимовье толмачишком, и я, холоп ваш, будучи на Мае, того изменника Момотку к ясачному зимовью призвал и ясак с них собрал и сына ево Момоткина Ваську в аманаты взял и привез в город. Да во 188-м году ламские тунгусы вам великим государем изменили и вашего государского стольника Данилу Бибикова убили и многих служилых людей побили и вашу государскую соболиную казну разграбили и Охотской острожек обсадили, хотя в Охотском достальных служилых людей убить, а вашу государскую казну взять и [аманатов] роспустить. И ваш государской стольник Иван Бибиков послал на Ламу на выручку сына боярского Левонтея Трифанова и меня холопа вашего с ним же послал, // и пришед на Ламу Охотской острожек выручили и ваш великих государей ясак собрали. А за достальными изменниками в походы ходили, и в том походе я холоп ваш с теми изменниками бился, нещадя лица своего, и на том бою я холоп ваш ранен в лице, пониже леваго глаза. Да я ж холоп ваш посылан был к вам великим государем к Москве с вашею великих государей соболиною казною и был с проездом полтретья годы. А нигде у ваших великих государей пожиточных дел, кроме нужных служеб, я холоп ваш не бывал, и от великих служеб я холоп ваш обнищал и одолжал великими долгами. Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевичь, Петр Алексеевичь и великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна [т.], пожалуйте меня холопа своего за мою многую службу за кровь и за рану, велите, государи, быть у своих государских таможенных дел в таможне подьячим. Цари и государи смилуйтеся.

К сей челобитной Ивашка Силин Дехтерев руку приложил.

Помета: 196-го октября в 8 день выписать.

К. 221, столб. 1 на 76 ставах; ст. 41—42.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН [1].

---

[1] Принятые сокращения: воев. — воевода: дес. — десятник; кн. — князь; кр. — крестьянин; паш. — пашенный; прик. — приказный; пром. — промышленный; пятидес. — пятидесятник; рп. — рукоприкладчик; служ. — служилый; см. — смотри; тамож. — таможенный; торг. — торговый; туз. — туземец; целов. — целовальник; чел. — человек.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ[1].

[1] Принятые сокращения: вол. — волость; гор. — город; дер. — деревня; зим. — зимовье; оз. — озеро; остр. — острог, острожек; р. — река; с. — село; у. — уезд.

УКАЗАТЕЛЬ ПЛЕМЕН И РОДОВ.

---

[1] В тексте по ошибке напечатано „о[ро]чаны.“

ОГЛАВЛЕНИЕ

II. Формы и методы колониальной эксплоатации.

А. Сбор ясака.

Б. Эксплоатация естественных богатств.

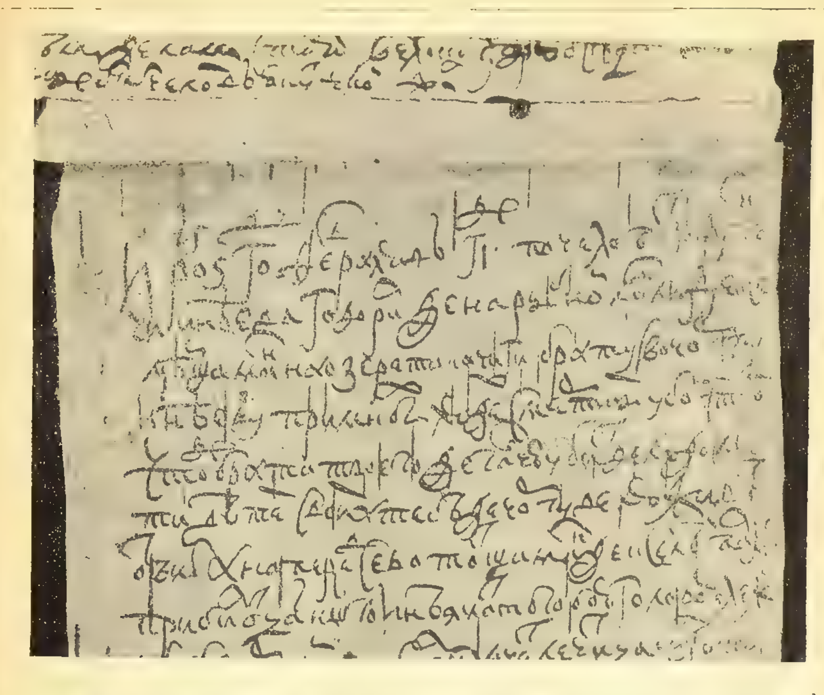
III. Туземное население.

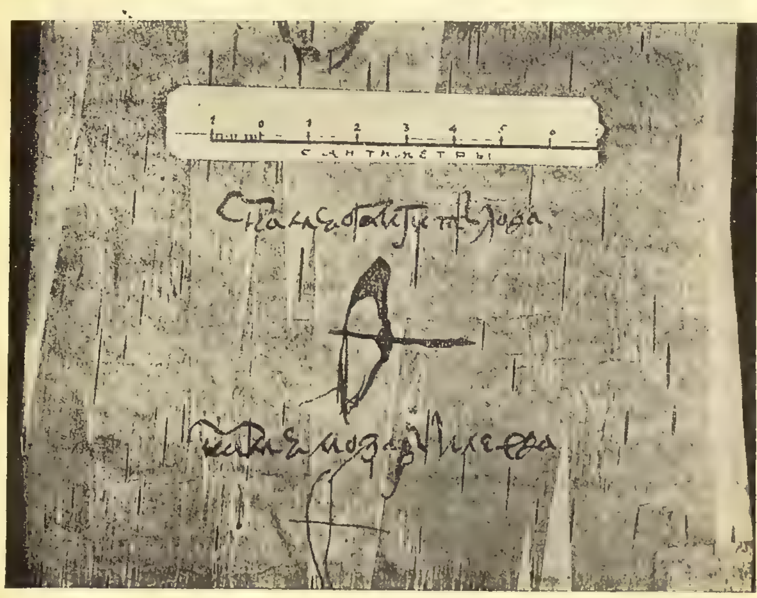
А. Внутренний строй туземного населения.

Б. Формы сопротивления туземного населения колониальной политике.

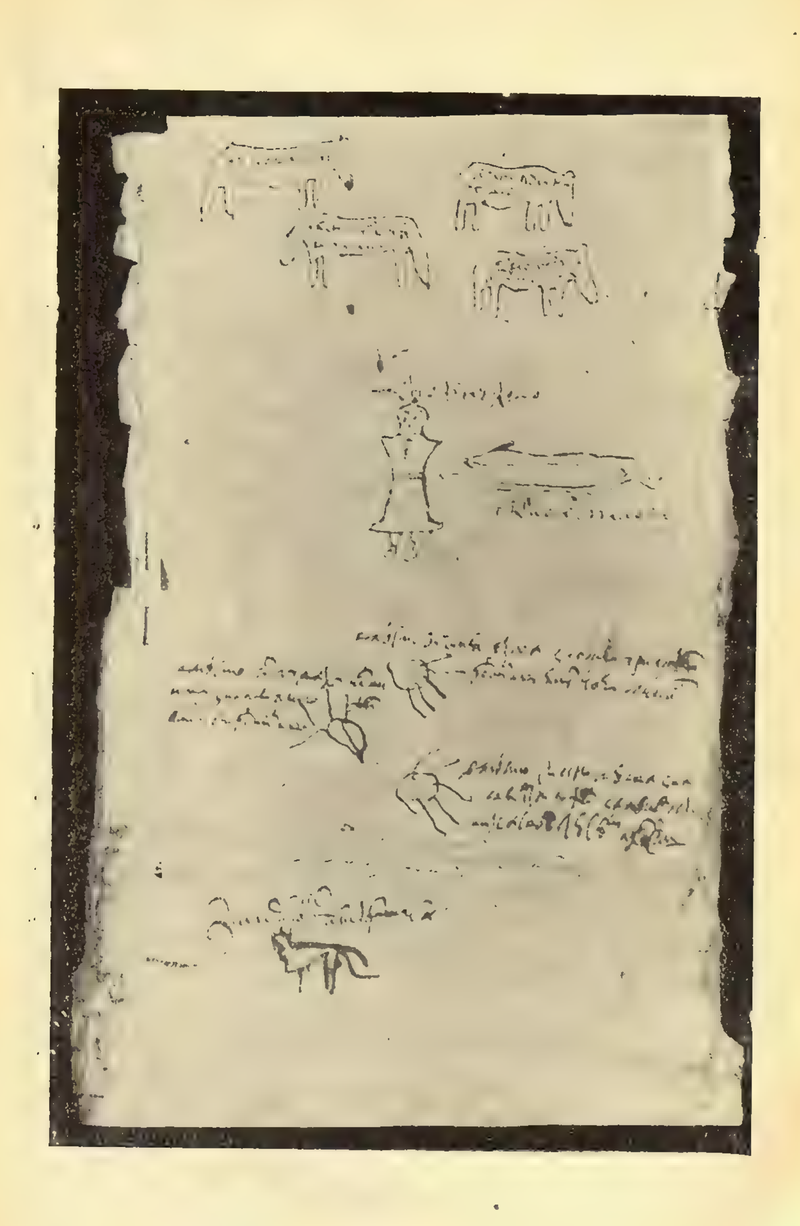
Приложения:

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

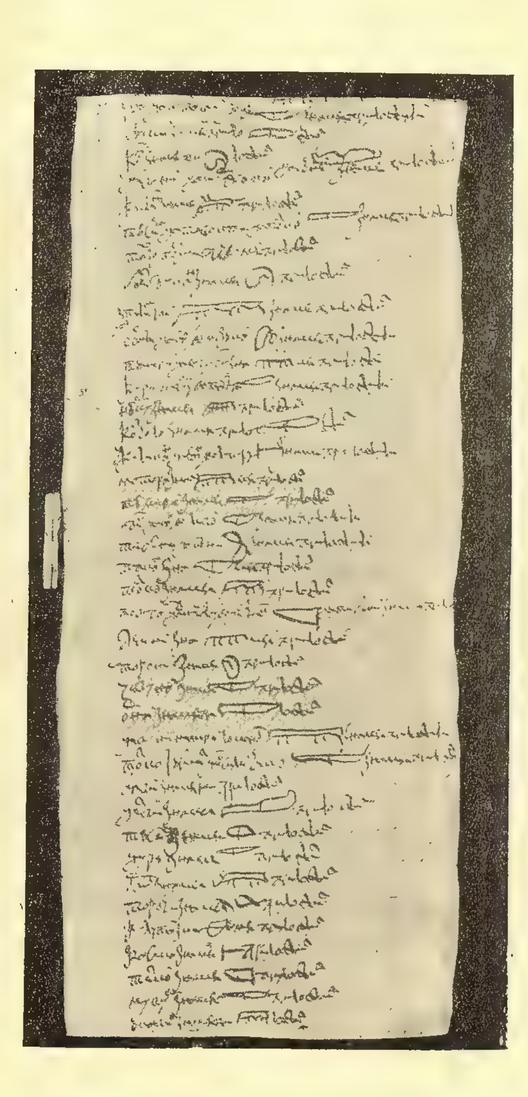




Образец документа, написанного на бересте 1668 г.
Лицевая сторона (1) и оборот (2)

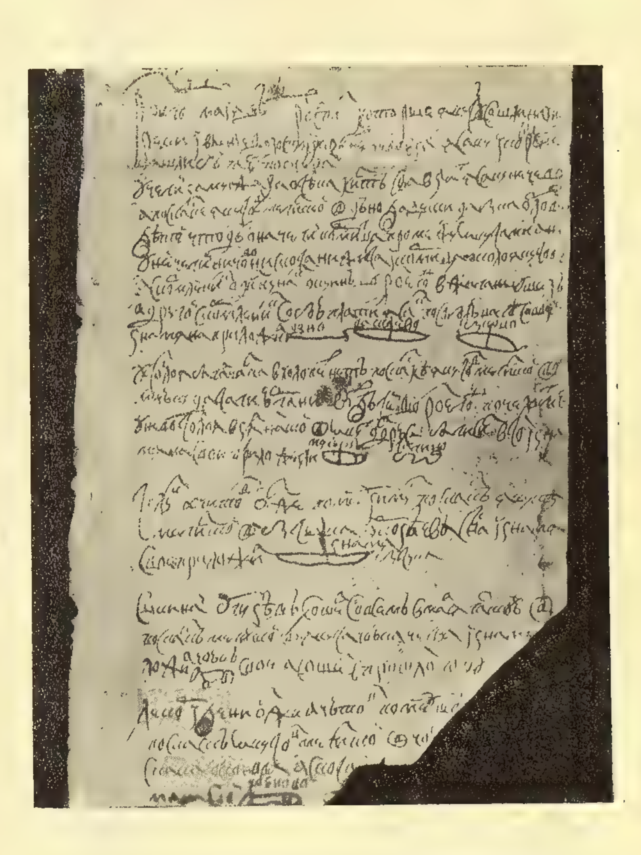


Знамена якутов Борогонской волости 1665 г.
(К. 204, столб. 15, сст. 5об., 16об., 17об.)

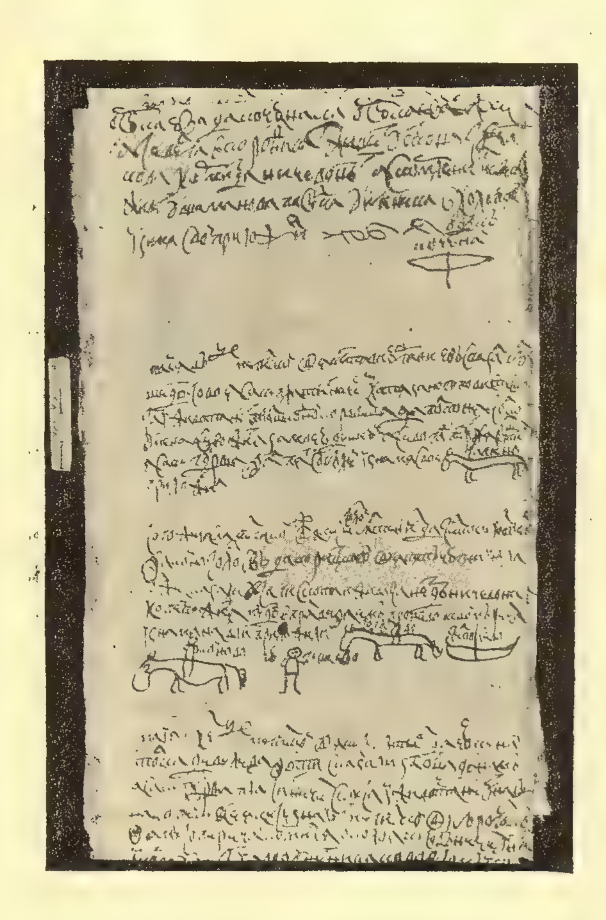


Знамена якутов Бетунской волости 1670 г.
(К. 208, столб. 17, сст. 139об.)

Таблица 4

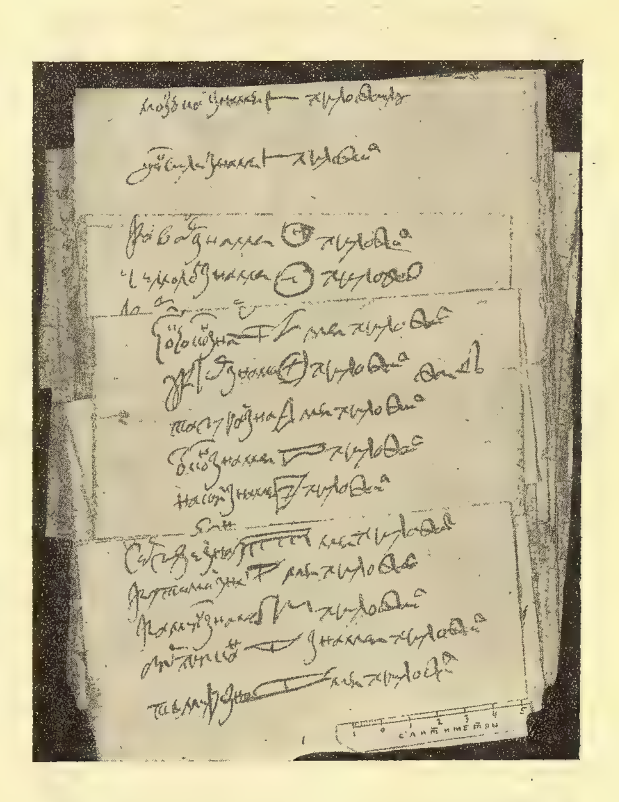


Знамена якутов Мегинской волости 1670 г.
(К. 208, столб. 17, сст. 102)

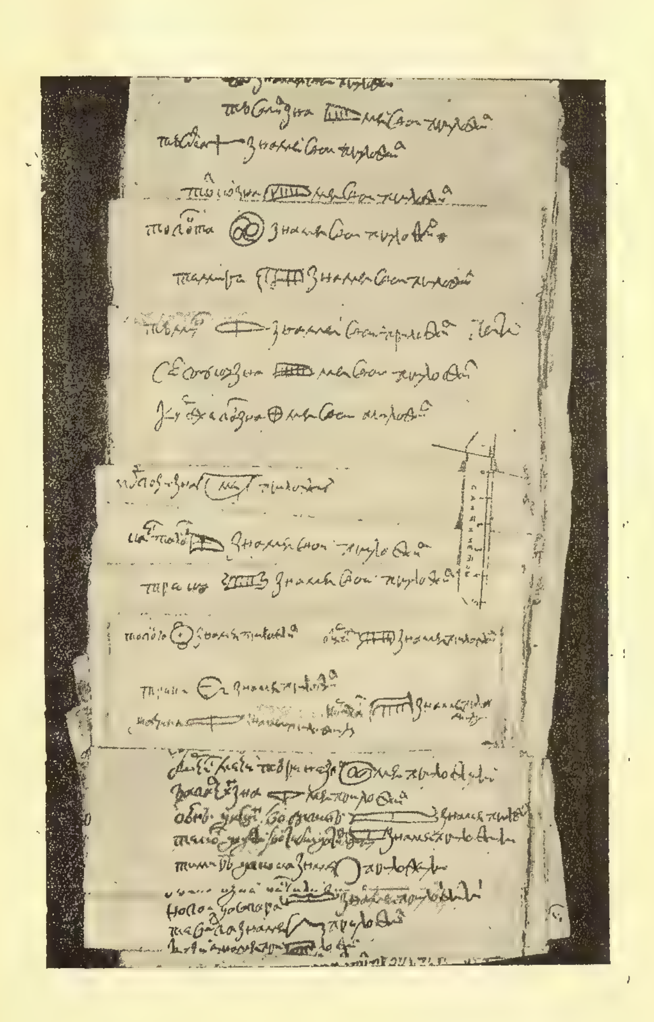


Знамена якутов Мегинской волости 1670 г.
(К. 208, столб. 17, сст. 105—106)

Таблица 6



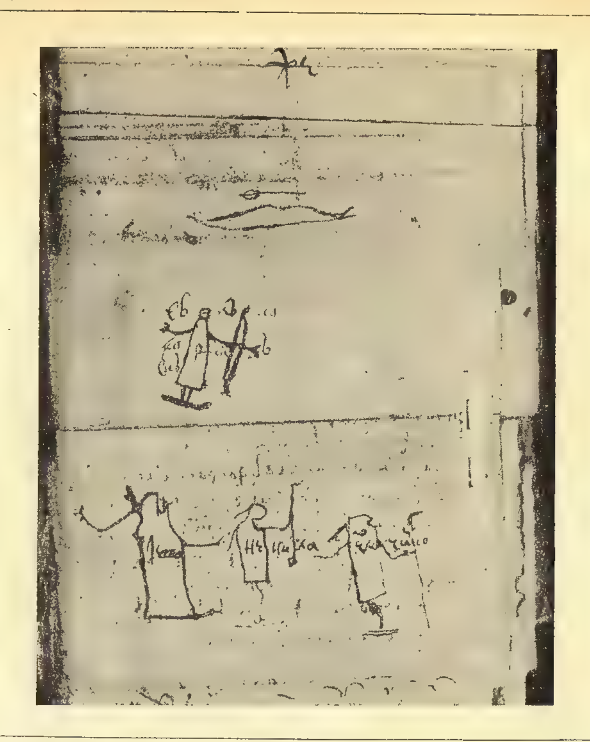
Знамена якутов Бояназейской, Катырицкой, Одугейской и Чечуйской волостей 1670 г.
(К. 208, столб. 17, сст. 128об., 129об., 133об., 134об., 136об.)



Знамена якутов Бетунской, Боянaзейской, Катырицкой, Модутской, Намской и Чечуйской волостей 1670 г.

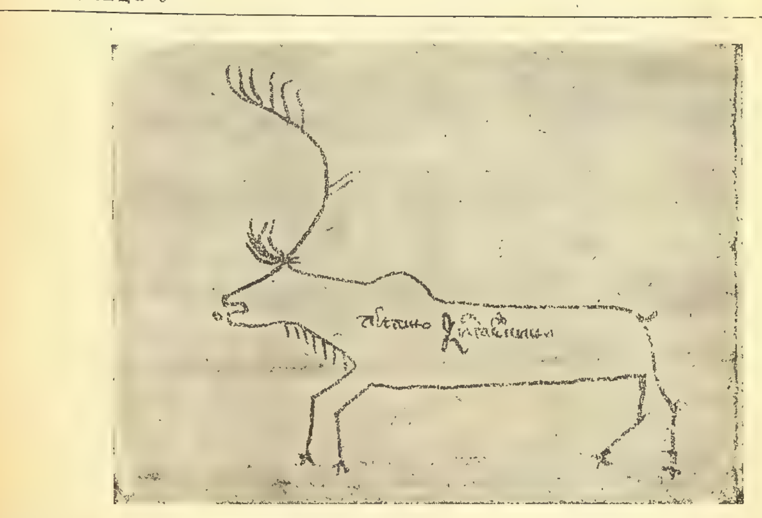
(К. 208, стобл. 17, сст. 140об., 141об., 155об.—166об.)

Таблица 8

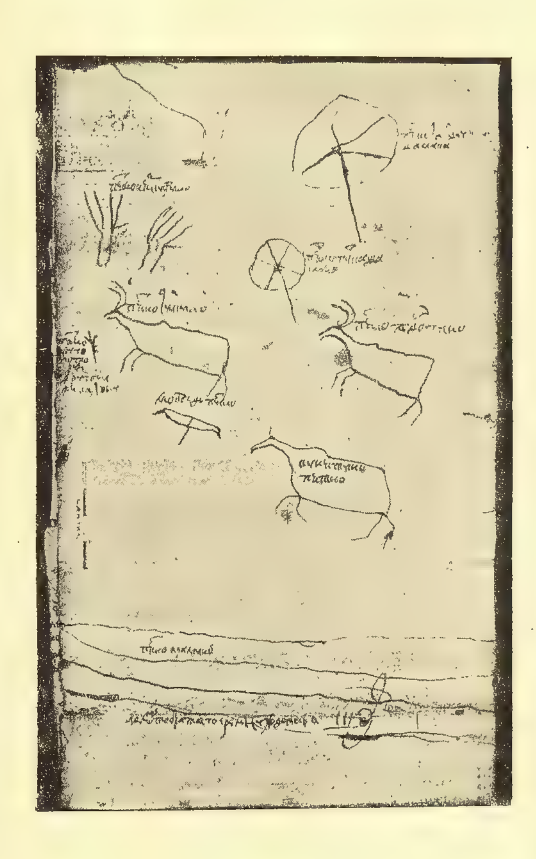


а) Знамя чукотское. б) и в) Знамена индигирских юкагиров 1659 г.
(К. 184, столб. 10, сст. 19об., 32об., 39об.)

Таблица 9

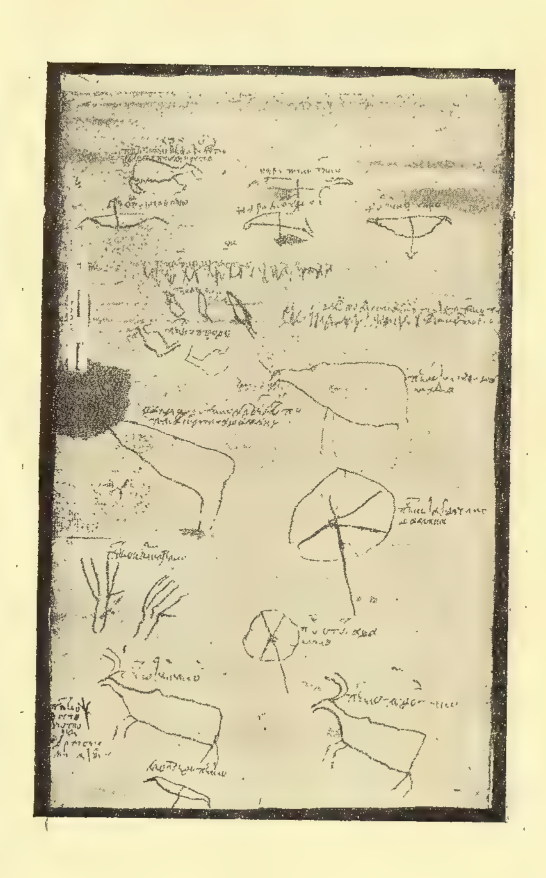


Пятно колымского юкагира 1665 г.
(К. 203, столб. 5, сст. 16об.)

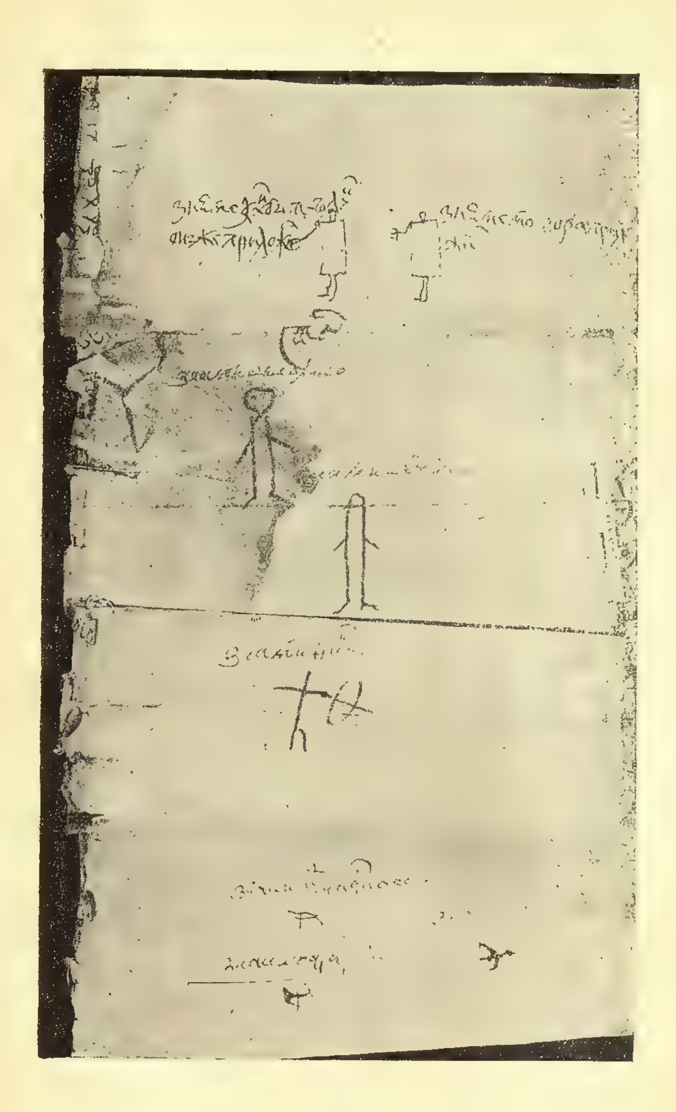


Пятна нижнеколымских юкагиров 1665 г.
(К. 203, столб. 5, сст. 14об.)

Таблица 11



Пятна нижнеколымских юкагиров 1665 г.
(К. 203, столб. 5, сст. 14об.)

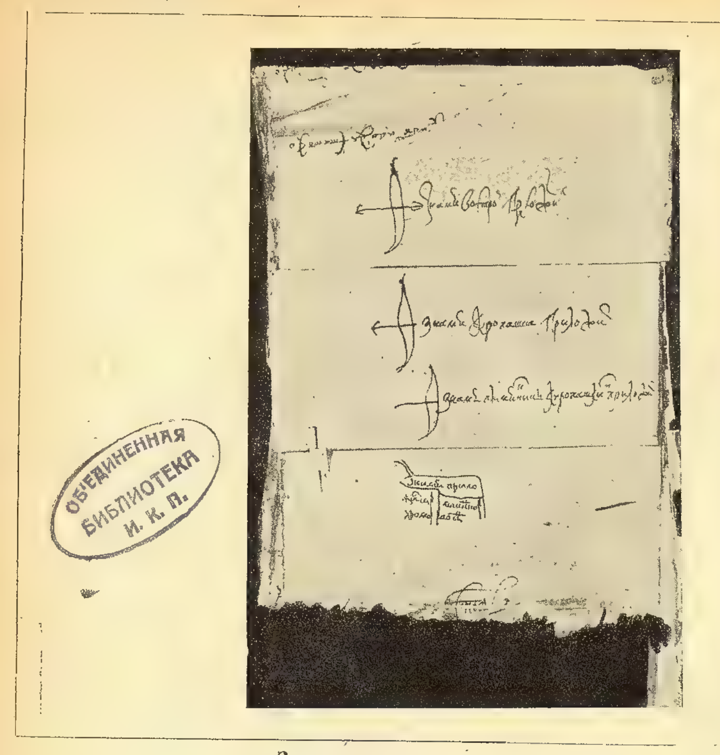


а) Знамена нижнеянских юкагиров 1678 г.
(К. 214, столб. 1, сст. 17об.)

б) и в) Знамена жиганских тунгусов 1678 г.
(К. 214, столб. 1, сст. 53об., 55об.)

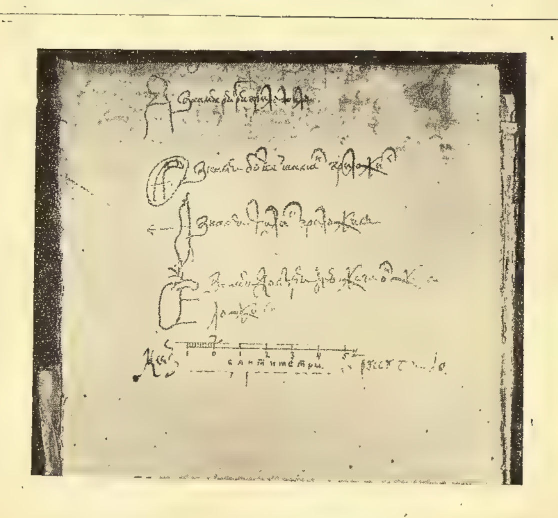
г) Знамена охотских тунгусов 1678 г.
(К. 214, столб. 1, сст. 56об.)

Таблица 13



Знамена зашиверских ламутов 1672 г.
(К. 208, столб. 6, сст. 41об., 42об., 47об., 48об.)

Таблица 14



Знамена зашиверских ламутов 1673 г.
(К. 208, столб. 26, сст. 11об.)

Цена 13 р. 70 к.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Москва, Блюхеровский пер., № 8. Сектор партийной и комсомольской литературы. КОГИЗ.

Почтовые заказы направлять без задатка в отдел „Книга почтой" ближайшего областного (краевого) отделения КОГИЗ